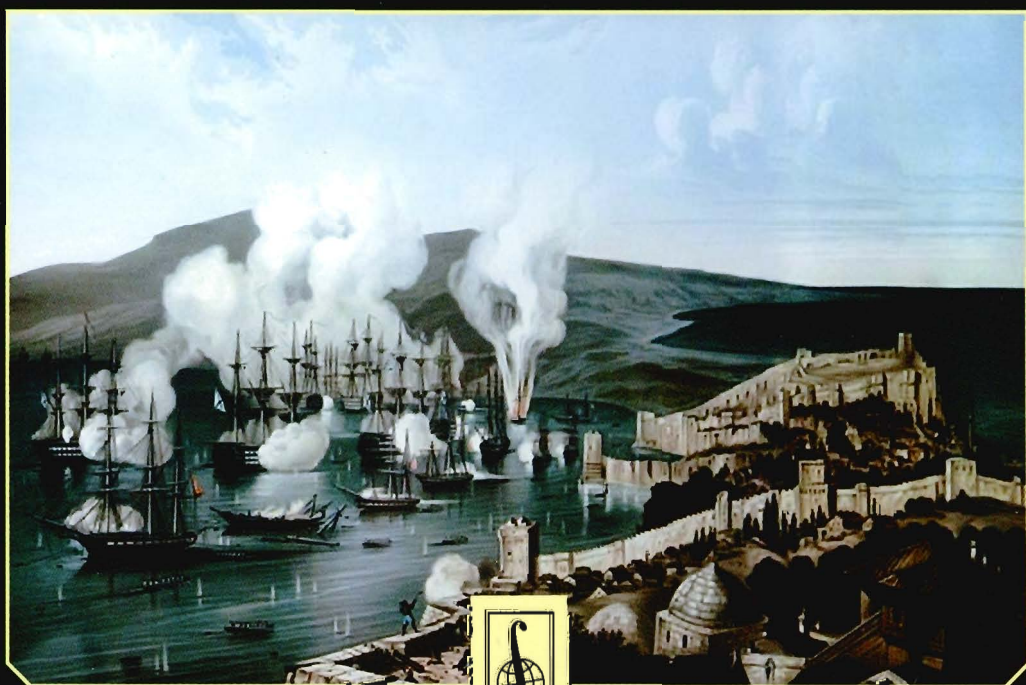

ИСТОРИЯ БАЛКАН

*Век девятнадцатый
(до Крымской войны)*

ИСТОРИЯ БАЛКАН

Век девятнадцатый (до Крымской войны)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Н. Виноградов

URSS
МОСКВА

*Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
(проект № 11-01-16068д)*

**История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны) / Отв. ред.
В. Н. Виноградов. — М.: КРАСАНД, 2012. — 496 с.**

Первая половина XIX века — время массовых восстаний на Балканах, подрывавших устои турецкого господства, яркого проявления освободительной миссии России, утверждения и укрепления автономии ряда народов. Все это происходило в условиях ожесточенного соперничества — открытого с Великобританией, скрытого с Австрией, занимавшими позицию сохранения власти Османской империи в регионе (доктрина статус-кво). Монография содержит систематическое описание экономического, социального, политического и культурного развития сербов, черногорцев, болгар, румын, греков и албанцев, этапов развития их освободительной борьбы и становления их государственности.

Эпилогом соперничества великих держав явилась Крымская война, в ходе которой российские позиции на Балканах были ослаблены, но заключенный в 1856 г. в Париже мирный договор был обречен на краткое существование, ибо содержал тяжелые для России условия. Запрет на содержание военного флота на Черном море рухнул в 1871 г. Попытка модернизации Османской империи потерпела провал, ибо мусульманское население отвергало проводимые на европейский лад реформы, христиане же использовали реформы для подрыва турецкой власти.

Книга предназначена для историков, политологов, а также всех интересующихся историей и культурой Балкан.

*В оформлении обложки использована картина А. П. Боголюбова
«Синопское сражение»*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
(проект №04-01-00079а)*

Издательство «КРАСАНД». 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 70×100/16. Печ. л. 31. Уч.-изд. л. 40. Подписано в печать 02.11.2011. Зак. № 1386
Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1». 428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

ISBN 978-5-396-00418-4

© Коллектив авторов, 2011
© Институт славяноведения РАН, 2011
© КРАСАНД, 2011

9557 ID 157130

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Содержание

Предисловие (В. Н. Виноградов).....	5

Часть первая

ЭПОХА НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

На заре «дней Александровых» (В. Н. Виноградов).....	12
Тильзитский зигзаг во внешней политике России (В. Н. Виноградов).....	28
На гребне феодальной анархии. Болгарские земли в начале XIX века (И. Ф. Макарова)	45
В начале трудного пути. Первое и Второе сербские восстания (1804–1815 гг.) (А. В. Карасев).....	60
Черногория в первые годы XIX века (Ю. П. Аншаков).....	77
Дореволюционная Греция (Г. Л. Ариш).....	105
Албано-греческое «княжество» Али-паши Янинского (1800–1822 гг.) (Г. Л. Ариш).....	123
Мустафа Бушати — последний самостоятельный паша Албании (Г. Л. Ариш).....	131
Балканы в тени Венского конгресса (В. Н. Виноградов)	142
Османская империя на пороге великих потрясений (В. Н. Виноградов)	155

Часть вторая

ЭПОХА АДРИАНОПОЛЬСКОГО МИРА

Восстание Тудора Владимиреску и поход Александра Ипсиланти (В. Н. Виноградов).....	164
Греческий народ поднялся на революцию (Г. Л. Ариш)	178
Через тяжкие испытания к независимости. Каподистрия, первый президент Греции (Г. Л. Ариш)	190

Союз и соперничество антагонистов, или англо-российские отношения в 20-е годы (В. Н. Виноградов)	202
Война, открывшая эпоху в истории Балкан (В. Н. Виноградов)	214
Греция: период регентства и абсолютизма Оттона (Г. Л. Арш)	224
Греция: революция 1843 года, мегали идея (Г. Л. Арш)	240
Рождение Черногорского княжества (Ю. П. Аншаков)	251
Время перемен. Болгарские земли и начало Танзимата (И. Ф. Макарова)	288
Болгары: пробуждение (И. Ф. Макарова)	315
Босния и Герцеговина — очаг постоянных тревог (Е. К. Вяземская, А. В. Карасев)	337
Дунайские княжества под знаком Органических регламентов (В. Н. Виноградов)	347
Яссы и Бухарест — последние рубежи революции 1848 года (В. Н. Виноградов)	362
Сербское княжество во время правления Милоша Обреновича и режима уставобранителей (1815–1856 гг.) (А. В. Карасев)	372
Албания — мятежная Османская провинция (Г. Л. Арш)	392
Первые шаги албанского национального движения (Г. Л. Арш)	401
Обманчивый блеск Ункяр-Искелесийского договора (В. Н. Виноградов)	407

Часть третья

КРЫМСКАЯ ВОЙНА И БАЛКАНЫ

Николай I в «крымской ловушке», а союзная коалиция на пути в никуда (В. Н. Виноградов)	428
Румынские унионисты в стане неприятелей России (В. Н. Виноградов)	450
Война и болгары (И. Ф. Макарова)	461
Сербское княжество, Черногория и Крымская война (Ю. П. Аншаков, А. В. Карасев)	472
Греция под англо-французской оккупацией (Г. А. Арш)	479
Заключение (В. Н. Виноградов)	488

Предисловие

Настоящая книга является второй в серии трудов Института славяноведения РАН, посвященных истории Балкан в Новое время. Первая, относящаяся к XVIII веку, вышла в свет в 2004 г.¹ Подобного рода издание, одновременно исследовательское и обобщающее, охватывающее все компоненты Восточного вопроса (кризис Османской империи, социальное, политическое и культурное развитие балканских народов, рост их освободительного движения, соперничество великих держав в регионе, роль России в процессе их освобождения), предпринимается в нашей стране впервые. Первая половина XIX века дает яркий, впечатляющий материал для раскрытия всех этих явлений. Христианские народы вступили в эпоху открытых вооруженных выступлений против турецкого владычества. Тому свидетельство — два сербских восстания (1804–1813, 1815 гг.), восстание Тудора Владимиреску в Валахии (1821 г.) и Греческая национально-освободительная революция (1821–1829 гг.) В отличие от прошлого, когда кризисы в Юго-Восточной Европе начинались со столкновения держав, и народы в них вовлекались, теперь они являлись инициаторами событий, потрясавших империю османов. Сербское восстание 1804 г. — первое из них, не связанное непосредственно с противоборством «великих» в регионе, вспыхнувшее в обстановке крайней их занятости войнами с Наполеоном. Греческая революция происходила на фоне крайнего истощения участников этой великой драмы, залечивания ими ран военного времени; им было не до того, чтобы самим приступить к разборкам на далекой окраине континента. Но возмущение турецким господством достигло критической степени, и настал час испытаний для балканских народов, России и Европы.

Взрыв в балканском котле противоречий мог разнести в клочья всю еще хрупкую конструкцию мира, сооруженную в 1815 г., и Александр I наставлял своего статс-секретаря по иностранным делам, грека с острова Корфу И. А. Каподистрию: «Вразумите Ваших соотечественников, а через них и остальных греков. Я желаю содействовать улучшению их участи, но на основании договоров. Всем нужен мир, а его

¹ История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004.

нельзя обеспечить иначе, как единодушием правительств. Этот великий результат наших трудов будет потерян с той минуты, как интересы Востока бросят между нами начала раздора»².

И они-таки бросили. Размежевание держав произошло именно по вопросу о судьбах Османской империи и населявших ее христианских народов. Великобритания и Австрия утвердились на позиции доктрины статус-кво, сохранения ее власти и влияния в Юго-Восточной Европе. Россия встала на защиту угнетенных. Священный союз как организационная структура разбился о балканские утесы, и немалая «заслуга» в этом принадлежала царизму. В борьбе между чувством монархической солидарности и национальным интересом самодержавие, мучительно и с колебаниями, выбрало последнее. Веронский конгресс союза (1823 г.) оказался завершающим в его истории, строй его участников смешался, никогда больше Россия, Австрия, Пруссия и Франция не выступали все вместе, не говоря уже о Великобритании, всяк тянул воз на себя³.

Но неформально, как выразитель принципов легитимизма и охранительных начал, Священный союз продолжал существовать вплоть до Крымской войны, любая комбинация консервативных дворов о нем напоминала и прикрывалась его именем.

Балканы рано вышли из тени Священного союза. Долг на сей раз восторжествовал над сентиментом. Сомкнулись интересы стратегической безопасности, коммерческой выгоды, народной симпатии к православным и стремление вызволить их из османской темницы. В кои веки раз власть пошла в единении с обществом.

Кульминацией этого процесса явилась русско-турецкая война 1828–1829 гг. и Адрианопольский мир. Окончательно оформился принцип отказа самодержавия от территориальных завоеваний в регионе, курс на возрождение государственности «турецких христиан», на создание цепи автономных княжеств по периметру юго-западной границы империи превратился в программу действий. Его утверждение сопровождалось своего рода политической и идеологической экспансией царизма, его стремлением установить в контактной зоне свое преобладающее влияние, часто с опорой на местные консервативные силы.

Вторая часть книги, наиболее объемная, носит подзаголовок «Эпоха Адрианопольского мира». Подписанный в сентябре 1829 г. трактат явился вехой судьбоносного значения в истории Балкан, османская махина получила удар, от которого уже не смогла полностью оправиться, власть ее зашаталась. В поисках спасения Порты вступила на путь реформ Танзимата (Преобразований), включавших расширение прав христианских подданных и внедрение в государственную жизнь

² См.: Виноградов В. Н. Балканы: выход из тени Священного союза // Геополитические факторы во внешней политике России. М., 2006. С. 204.

³ Там же.

некоторых европейских правовых норм. Танзимат сопровождался отменой военно-ленной системы землевладения, что в конечном счете привело к падению крупной турецкой собственности на землю и появлению мелкого крестьянского землевладения христиан.

Своего рода участниками Адрианопольского мира стали балканские народы. Статьи, посвященные их государственно-правовому статусу, оформляли, закрепляли, а порой и расширяли итоги их освободительной борьбы. Последовавшие десятилетия — время интенсивной созидательной деятельности в сфере государственного строительства и культурного возрождения, шедшего семимильными шагами.

Молдавия и Валахия впервые в своей истории обзавелись конституционными актами европейского типа, органическими регламентами, определившими их государственный строй, административную и судебную систему, правовое положение разных категорий населения, аграрный строй; после векового перерыва появились национальные армии. Начался бурный экономический подъем, происходивший на видоизмененной феодальной основе и в условиях малоземелья деревни, что привело к крайнему обострению противоречий между боярским сословием и крестьянством. Культурное возрождение ознаменовалось формированием румынского литературного языка, переводом его с кириллицы на латинский алфавит, появлением талантливых произведений в прозе и стихах, развитием периодической печати, первыми шагами в исторических исследованиях, некоторым весьма скромным распространением школьного образования на родном языке, зарождением театральной жизни.

В Сербии начало строительства государства, пока еще в форме автономии, сопровождалось ожесточенной борьбой между князем Милошем Обреновичем, самовластным тираном патриархальной закваски, и уставобранителями, сторонниками внедрения в жизнь страны конституционных норм. Великие просветители Вук Караджич и Досифей Обрадович стояли у колыбели сербской письменной культуры. А в 1844 г. появилось «Начертание» Илии Грашанина — первый план объединения сербского этноса вокруг еще маленького княжества.

Болгарские земли в тексте Адрианопольского мира не упоминались. Но и в их судьбе произошла перемена. Упразднение военно-ленной системы привело к ликвидации крупного османского землевладения и появлению крестьянского болгарского. Близость к центрам империи с их обширным рынком создавала условия для развития товарного производства в крестьянских хозяйствах. Засилье Константинопольской патриархии в церковной сфере сопровождалось насаждением греческого языка в образовании, и болгары воспринимали греко-фанариотский духовный гнет столь же остро и враждебно, как и турецкое господство. Зародилось течение в пользу отделения от патриархии и образования своей национальной автокефальной церкви, и

все понимали — духовное по форме движение направлено на обретение самостоятельности. Широкое распространение получили школы с преподаванием на родном языке.

Черногорцы в первой половине XIX века традиционно отстаивали свою фактическую независимость в почти не прекращавшихся столкновениях с военными силами Высокой Порты. Медленно и мучительно шло изживание пережитков родоплеменного строя, внедрение законодательства, необходимого для создания упорядоченной государственной системы. Архаичным стало представляться совмещение в лице митрополита носителя как духовной, так и светской власти, в 1852 г. Черногория стала светским княжеством.

Для Греции первая половина века — время почти непрерывных социальных потрясений. На смену революционной республике 20-х гг. пришла монархия во главе с баварским принцем Оттоном. Свойственные ему абсолютистские тенденции настроили против него широкую общественность. Революция 1843 г. сократила prerogatives его власти. Если добавить к этому наличие на политической арене трех «партий» — английской, французской и русской, соперничавших друг с другом, — можно представить себе, что на политической арене бури не прекращались. И надо всем доминировала *мегали идея* (Великая идея) объединения под крышей королевства всех населенных греками земель.

В особом положении находились албанские земли. После сокращения полунезависимых греко-албанских пашалыков Мустафы Бушати и Али-паши Янинского, казалось бы, власть Порты должна была утвердиться здесь прочно, отпрыски местных знатных феодальных родов занимали высшие ступени в должностной иерархии империи. На самом деле положение складывалось не столь уж приятно для Стамбула. Местные властители ревниво оберегали свою самостоятельность и право распоряжаться на «малой родине». Они выступали против реформ Танзимата и проявляли явные сепаратистские тенденции.

В лоне единого албанского этноса существовали три общины — мусульманская, самая многочисленная, католическая и православная, но ничего похожего на рознь и антагонизм между ними не существовало, доминировало сознание албанской общности. Просветитель Науум Векимлехарджи создал первый албанский алфавит, тяга к образованию на родном языке свидетельствовала о нежелании албанцев растворяться в некоей общеосманской массе и стремлении сохранять, укреплять и развивать свое национальное «я».

В страноведческих главах явления представлены в контексте национального, социального, политического и культурного развития народов, их статуса в Османской державе, конкретных проявлений турецкого господства и, в отдельных случаях, управления, структуры общества, развития экономики, роли церкви в духовной жизни, эволюции возрожденческих процессов, становления национальной куль-

• туры, форм и этапов освободительного движения, участия жителей в сотрясавших регион войнах на стороне России.

В 1848 г. Балканы очутились на обочине европейской революции. Национальная буржуазия, ее естественный вождь, пребывала еще в пеленках, а население еще «не доросло» до призывов к свободе, равенству и братству. Прежде чем приступить к их усвоению, следовало хотя бы научиться грамоте, чем оно тогда и занималось. Сербь, румыны, греки, черногорцы, болгары пожинали плоды Адрианопольского мира. Внутренние противоречия заслонялись главным и всеобщим — ненавистью к мачехе — Турции и стремлением сбросить ее иго. Сербь и черногорцы воспользовались поднявшейся на западе бурей для того, чтобы усилить натиск на Высокую Порту в своих интересах.

В Валахии факел революции разожгла пылкая молодежь, прошедшая школу западных, прежде всего французских, университетов. Однако воодушевить поголовно неграмотное крестьянство конституционными принципами и гражданскими свободами она не сумела, что же касается жгучего вопроса о наделении крестьян землей, она не то что решить, но даже приступить к его решению не сумела, посягнуть на боярские владения не осмелилась, будучи сама боярского происхождения или тесно связанная с этим сословием материальными интересами. Валашская революция потерпела неудачу не только по причине интервенции Высокой Порты и царизма, но и вследствие узости ее внутренней базы.

Крымская война затронула Балканы своим крылом — Греция и болгарские земли подверглись англо-французской оккупации, румынские — российской, австрийской и турецкой. Союзники собирались после победоносной войны справить поминки по российскому влиянию на полуострове и, укрывшись за ширмой османского сюзеренитета, заменить его собственным. Для сего следовало слегка обновить и осовременить законы и нравы в турецкой державе, приблизив ее к европейским порядкам, и превратить власть Порты, насколько возможно, из одиозной в привлекательную.

Ничего из замысла не получилось. Мусульмане не желали жить на европейский лад, христиане же, вместо признательности, использовали расширение своих прав для отчуждения от Высокой Порты. Послекрымское двадцатилетие ознаменовалось поэтому не укреплением, а прогрессирующим развалом этой многоэтнической махины. Но об этом — уже в следующей книге нашего издания, носящей подзаголовок «Судьбоносное двадцатилетие, 1856–1878».

* * *

Работа над многоплановым коллективным трудом неизбежно связана с определенными сложностями структурного порядка. Представ-

ляется целесообразным разбить труд на три части: «Эпоха наполеоновских войн», «Эпоха Адрианопольского мира» и «Крымская война и Балканы». В отдельных случаях, однако, внутренняя история отдельных народов и земель, ими населяемых, не совпадает с общими хронологическими рамками. И тогда, чтобы не резать материал «по живому», мы допустили исключения (это касается, например, правления Мустафы паши Бушати в Албании и царствования Оттона в Греции). Канва международных отношений в регионе, соперничество держав на балканской почве обрисованы в обобщающих главах. Нужно, однако, представить складывание этой обстановки для каждого народа в отдельности, показать ее воздействие на развитие освободительных процессов, дать картину его участия в войнах, проанализировать эволюцию той или иной внешнеполитической ориентации, разобраться в сложных маневрах общественных элит, объяснявшихся опасениями, что переход на сторону противников Высокой Порты им даром не пройдет. Все это сделано в страноведческих главах. Авторский коллектив полагает, что нельзя требовать от каждого читателя знакомства с толстой книгой «от доски до доски». Отдельные главы по народам должны иметь самостоятельное значение и содержать необходимый материал для всестороннего представления о сербских, греческих, болгарских и прочих землях в первой половине XIX столетия. По этой причине мы считаем неизбежными отдельные тематические повторения.

Часть первая

**ЭПОХА
НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН**

На заре «дней Александровых»

XIX столетие Европа встретила в пороховом дыму. Седьмой год шли сражения. Революционная Франция сменилась бонапартистской, но завоевательный пыл ее не угас. Вторая коалиция держав объединила прежних антагонистов (Великобритания, Австрия, Россия, Неаполитанское королевство). Поход молодого генерала Наполеона Бонапарта в Египет, тогда — вассальное владение Османской империи, прервал дружественные франко-турецкие отношения. Еще до этого, в 1797 г., республиканские войска высадились на Ионических островах, принадлежавших только что ликвидированному Венецианскому государству, вступив на землю Балкан. Генерал Бонапарт писал Директории: «Обладание Ионическими островами дает Французской республике возможность или сохранить Османскую империю, или захватить ее часть»¹.

В Константинополе, хотя и не знали о доверительных откровениях полководца, четко сознавали размеры нависшей опасности. Не меньшую тревогу испытывали в Петербурге — галлы подбирались к зоне жизненно-важных российских интересов. Изумленная Европа стала свидетельницей союза России и Турции в рамках второй коалиции — и это после шести войн между ними. Корабли эскадры Ф. Ф. Ушакова, подкрепленные турецкими судами, штурмовали бастионы на островах и очистили архипелаг от французских войск. Доброе согласие между участниками коалиции длилось недолго. В 1799 г. А. В. Суворов в четыре месяца очистил Северную Италию от неприятелей, перечеркнув итоги двухлетнего похода Бонапарта. Суворов сделал свое дело и ему, по логике австрийских союзников, следовало удалиться. Его отправили в Швейцарию, на выручку сражавшемуся там корпусу А. М. Римского-Корсакова. Преодолев заоблачные перевалы Альп, полководец российских войск не обнаружил, они были разбиты и частично пленены. Фельдмаршал с большими потерями прорвался через горы в Австрию и привел свои сильно поредевшие войска в Аугсбург.

Павел I на интриги союзников реагировал с присущей ему порывистой резкостью. «Бескорыстный романтик старого порядка и вторжения

¹ Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 51–52; *Correspondance officielle et confidentielle de Napoleon Bonaparte*. V. I. P., 1919. P. 121–122; о политике Павла I см.: «Восточный роман» генерала Бонапарта и балканские грезы императора Павла // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004.

во Францию, Павел I возненавидел коалицию», — писал А. С. Трачевский². Император порвал с союз с Габсбургами. Только этого и дожидались в Париже. Наполеон, утвердившийся у власти в качестве первого консула, и министр иностранных дел Ш. М. Талейран затеяли далекоидущую и принесшую плоды игру с порывистым самодержцем, заманивая его во французские сети. У Павла накопились обиды и на другую союзницу, Великобританию, и сотрудничество с нею зашло в тупик. Царь по причинам, разумом непостижимым, принял сан гротмейстера Мальтийского рыцарского ордена, а англичане захватили остров Мальту и не обращали внимания на протесты царя-гротмейстера, нанося ему глубокую обиду. Не ладились и совместные военные операции. Англо-русская экспедиция в Голландию закончилась катастрофой. Вдобавок ко всему британское адмиралтейство присвоило себе право задерживать «для досмотра» суда нейтральных и даже союзных стран под предлогом, что они занимаются снабжением Франции. Произвол царил страшный, товары конфисковывались по малейшему подозрению.

Осенью 1800 г. Павел объявил о разрыве отношений с Англией. Тут бы ему остановиться, и, как говорилось в манифесте при восшествии на престол, «терпеливо и не изнуря себя» поразмыслить, подождать развития событий³. Нет, выдержки у императора не хватило, и он покатился дальше в нужном парижским сиренам направлении. Те восторгались принципиальностью и многочисленными государственными добродетелями царя. Тот наложил запрет на выгодную и прибыльную торговлю с Великобританией. Дальше — больше. Царь откликнулся на предложение Наполеона — принять участие в совместной экспедиции в Индию (при том, что брошенный генералом на произвол судьбы корпус в Египте был на краю гибели). В январе 1801 г. атаман Всеволодского войска Донского В. П. Орлов-Денисов получил рескрипт с указанием поднять полки и двинуться к Оренбургу и далее «через Бухарию на Хиву на реку Индус и на заведения английские, на ней лежащие»⁴. И казаки двинулись в поход по голой, насквозь продуваемой ветрами степи. При всем при том состоянии войны с Англией не существовало, а с Францией оно формально не прекратилось.

Какие государственные интересы побуждали Павла действовать на руку Бонапарту? Зачем было запрещать торговлю с Англией, вызывая недовольство влиятельных кругов дворянства и богатого купечества? Учинять поход в Индию, карту которой с трудом разыскали и послали вдогонку донцам? Много тайн таила в себе «изумительная подвижность ума» Павла Петровича, как изящно изъяснялись французы.

² Трачевский А. С. Наполеон I: Первые шаги консульства. М., 1907. С. 172.

³ Цит. по: История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 173.

⁴ Проект экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу Петровичу первым консулом Наполеоном Бонапартом. М., 1847; Шильдер Н. К. Император Павел I. М., 1996. С. 396, 401, 476.

Такого попраania своих интересов дворянство монархам не прощало. В ночь с 11 на 12 марта последовала расправа. На рассвете смертельно бледный, с трясущимися губами наследник цесаревич вышел к охранявшим Михайловский замок солдатам Семеновского полка, в убийстве не участвовавшим, и сказал: «Батюшка умер апоплексическим ударом. Все будет при мне, как при бабушке».

* * *

Новое царствование началось при самых добрых предзнаменованиях. Александр послал гонца в оренбургские степи — возвращать на Дон казачье войско. Он амнистировал 13 тыс. человек, которых гнев или просто раздражение родителя обрекли на ссылку. «Негласный комитет» его друзей, молодых вельмож, воспитанных в духе идей Просвещения (В. П. Кочубей, А. Е. Чарторыйский, П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев), стал неким совещательным органом при императоре с целью проведения преобразований в стране, включая и выработку продуманной внешнеполитической концепции на смену происходившим при Павле метаниям из стороны в сторону.

Н. Н. Новосильцев на заседании 10 (22) июля 1801 г. «в прекрасно составленном обзоре» показал, насколько внешние сношения «были нелепыми до настоящего времени, насколько их определяли интриги малых дворов» при полном игнорировании российских интересов⁵. В своем разоблачительном порыве молодые люди забыли, что в политике Павла проявлялись и здравые черты. К ним относился союз с Турцией, способствовавший отпору захватническим устремлениям революционной, а позднее наполеоновской Франции. В минуты просветления покойный император высказывал интересные и глубокие мысли. Так, во время кратковременного романа с Бонапартом он писал первому консулу: «Я не говорю и не хочу пререкаться ни о правах человека, ни о принципах различных правительств, установленных в каждой стране. Постараемся возвратить миру спокойствие и тишину, в которых он так нуждается»⁶. Высказывание в зародыше содержало идею невмешательства во внутренние дела других стран и деполитизацию внешней политики, утвердившуюся в XIX веке.

Исследования последних лет сводят с пьедестала прежнюю концепцию — реакционная Европа против «свободы, равенства и братства», провозглашенных санкюлотами. Не все происходило так прямолинейно и просто. Н. Н. Яковлев-младший показал, что Великобритания вступила в войну с Францией отнюдь не во имя сокрушения

⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX в. (ВПП). Т. 1. М., 1960. С. 61. ♥

⁶ Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1972. С. 339; Сборник императорского русско-го исторического общества (Сб. РИО). Т. 70. СПб., 1899. С. XXVII.

прекрасных идей. Подход премьер-министра В. Питта, указывал он, «ни в коей мере не был идеологическим, тем более — доктринерским. Он всегда действовал как политик-прагматик, на первое место ставивший глобальные и внутренние интересы Британии в его понимании». Инициатива объявления войны 1 февраля 1793 г. принадлежала не Уайт-холлу, а Конвенту, свято верившему в неизбежное торжество над монархами-тиранами. А всего за два дня до этого события В. Питт в бюджетной речи в Палате общин высказался за сокращение армии и флота и предрек 15 лет мира (в английской историографии его выступление нарекли «апофеозом нейтралитета»)⁷.

Все вышесказанное приводит к выводу, что и Россия, и Великобритания воевали не против Французской революции как таковой, а против развязанного ею оголтелого агрессивного курса, против сокрушения давно сложившихся государств и против установления в Европе гегемонии Парижа.

Круто расправившись на словах с предшествовавшим правлением, негласный комитет на деле все же использовал кое-что положительное из его опыта, а уж из наследия Екатерины черпал полной горстью. Граф В. П. Кочубей изложил основы новой системы: «Нужно занять такую позицию, чтобы стать желанными для всех, не принимая никаких обязательств по отношению к кому-либо, как это делала покойная императрица».

Пять молодых адептов идей Просвещения восприняли тезис о справедливом балансе сил на континенте. В первом же своем циркулярном рескрипте Александр внушал послам мысль о «поддержании мира и равновесия между государствами Европы». Выдвинутый принцип предполагал отказ от завоеваний, что относилось прежде всего к России, которая достигла естественных границ и, по словам В. П. Кочубея, «в пространстве своем уже не имеет нужды в расширении»⁸. Отечественная историография последних лет дает положительную оценку этим принципам: внешней политике желали придать стратегический характер, избегая по возможности случайностей со сменой лиц у кормила правления, стремясь установить «примат национально-государственных интересов над волей, чувствами и даже личными обязательствами монархов»⁹. С принципами все обстояло прекрасно. Но как было претворить их в жизнь? Как обуздать честолюбивые притязания Франции и прервать ее завоевательный бег? И все это без опоры на союз? Вопросы повисли в воздухе. Россия заняла равноудаленную ото всех позицию, надежды Лондона и Вены на сотрудничество с нею рухнули. Сладить с Наполеоном им не удалось ни поодиночке,

⁷ Яковлев Н. Н. Британия и Европа. М., 2000. С. 256, 259.

⁸ ВПР. Т. 1. С. 61–62; Соловьев С. М. Император Александр I. Политики. Дипломатия. СПб., 1877. С. 35.

⁹ История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. С. 30, 33.

ни вместе. В феврале 1801 г. австрийский уполномоченный Л. Кобенцль подписал капитуляционный Люневильский договор: к Франции отошли все земли по левому берегу Рейна (включая владения князей, с Наполеоном не воевавших), Бельгия и Люксембург; Австрия признала марионеточные республики — Гельветическую (Швейцария), Батавскую (Голландия), Цизальпинскую (Ломбардия) и Лигурийскую (Геную). В марте 1802 г. сдалась Великобритания. Правительство его величества по Амьенскому договору обязалось вернуть Франции и Голландии их колонии, исключая острова Цейлон и Тринидад, вывести свои войска с Мальты и вернуть ее ордену Св. Иоанна Иерусалимского. Наполеон торжествовал. Его власть распространилась на добрую треть континента.

Его отношения с Россией после убийства Павла испортились. На случившийся переворот он ответил аннексией Пьемонта, образованием Итальянской республики (1802 г.) на севере Апеннинского полуострова и стал ее президентом. Наполеон вмешался в распри между кантонами в Швейцарии, ввел в страну свои войска и провозгласил себя «великим координатором» Гельветической республики, гласно взяв на себя функции третейского судьи, а негласно присвоив себе власть. На левобережье Рейна первый консул творил суд и расправу. Он уничтожил сословие духовных курфюрстов, а их владения передал покорным ему князьям. Тот, кто лишился владений или стремился получить новые, пресмыкался перед «гражданином Бонапартом». «Фюрсты, — по словам проф. А. С. Трачевского, — наводняли его передние, жажда его подачек, они ухаживали за его любимцами и лакеями, носили на руках его собачку, забывали на его столе драгоценные табакерки с червонцами»¹⁰. Жизнь быстро опрокинула сооруженный в Петербурге картонный домик схем, долженствовавших обеспечить европейское равновесие. Глава внешнеполитического ведомства Н. П. Панин предостерегал мечтателей, напоминая, что самая большая опасность «исходит от Франции, что и предreshает сближение с Англией»¹¹. Панина как человека без полета мысли удалили в отставку, его место занял В. П. Кочубей. Легче не стало. Нарастание наполеоновского могущества похоронило надежду на установление «справедливого равновесия» на континенте. Тихо скончалась идея «заковать Францию в ее настоящие границы». Как бы утихомирить разбушевавшегося галльского петуха?

В условиях нависшей над Балканами угрозы вторжения неистовых республиканцев особо ценным представлялся скрепленный кровью союз с Турцией. В циркулярной инструкции послам Александр I писал: «Один из принципов моей политической системы будет заключаться в том, чтобы всегда содействовать всеми моими силами сохранению государства, слабость и плохое управление которого являются

¹⁰ Трачевский С. А. Указ. соч. С. 306–308.

¹¹ ВПР. Т. 1. С. 69–72.

ценной гарантией безопасности». Беспокоили поступавшие из Средиземноморья сообщения, что французы там действуют не только мечом, но и пером. Зловредный Буонапарте, сообщал консул с острова Корфу, совращает население «демократическими мыслями», он разослал «во все острова Востока, бывшие перед тем венецианскими, повеления, дабы знать жителям Мореи, Кандии, Албании его намерения касательно сей любезной стороны и предлагал войска для возвращения вольности потомкам Ликурга». Совратительные грамоты попали даже в оплот влияния России, в Черногорию¹².

Оставаться в стороне от процесса замирения самодержавие не могло, а ведь по иронии судьбы покойный император Павел, приняв, с подсказки Наполеона, поход в Индию, состояния войны с Францией не прекратил. Трудную миссию переговоров возложили на графа А. И. Моркова, которому предстояло изыскать какую-то форму возмещения (индемнизации) королям Пьемонта и Неаполя, изгнанным с континента на острова, под охрану британского флота, и лишившимся владений князьям с левого берега Рейна. Первый консул сразу же жестко заявил: «Сперва мир, потом все другое».

Мирный договор между двумя странами от 26 сентября (8 октября) 1801 г. ознаменовался односторонними уступками со стороны России — признанием режима консульства, завоеваний республики — и содержал слабую попытку предотвратить новые захваты. Однако обещания партнера изыскать способы возмещения монархам-изгнанникам были сформулированы туманно и выглядели благими пожеланиями.

В Зимнем дворце придавали важное значение 3-й статье, приложенной к договору секретной конвенции, в которой Бонапарт обещал прибегнуть к посредническим услугам российской дипломатии в предстоявших переговорах с Высокой Портой¹³. Императорский кабинет сознавал, что последняя вовсе не в восторге от того, что пребывает в царских объятиях. Диван тяготился своим подчиненным положением, о котором, как о чем-то само собой разумеющемся, говорилось в дипломатической переписке. В Стамбуле досадовали по поводу утраты Гюрджистана (Грузии). Сотрудничество с Францией позволяло надеяться на освобождение от назойливой российско-британской опеки¹⁴. Учредить надзор над турецкой делегацией А. И. Моркову не удалось, стороны не пожелали воспользоваться его посредническими услугами. От османских дипломатов Морков получил лишь «ключок бумаги» с несколькими первоначально сформулированными статьями, на этом «консультации» с ним и завершились. И уж совсем переполох в Петербурге вызвало появление в Париже делегации от Иони-

¹² ВПР. Т. 1. С. 54; История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 171.

¹³ Сб. РИО. Т. 70. СПб., 1890. С. XIII; Обязательство не содержать гарнизона на островах Россия нарушила (около 11 тыс. солдат и 16 кораблей): ВПР. Т. 1. С. 100–102.

¹⁴ Сб. РИО. Т. 82. СПб., 1892. С. 91; ВПР. Т. 1. С. 91.

ческих островов с предложением принять их под покровительство Франции. С трудом удалось избавиться от подобной угрозы¹⁵.

Открыто предаться Франции Высокая Порта не посмела, но подписанный договор ознаменовал взлет влияния Наполеона в стране. Царь предписал новому посланнику в Стамбуле А. Я. Италинскому «прилежно иметь наблюдение за подвигами в Константинополе французских агентов», проявляя особый интерес к их видам на островах Архипелага и «предположениям» в отношении Египта. Царь предупреждал Италинского насчет «двоякости кабинета Туильрийского», который «льстит» турок надеждой на возвращение Крыма¹⁶.

По ходу дипломатических баталий формировались важные доктрины. В инструкции А. Я. Италинскому (ноябрь 1802 г.) излагалась концепция, от которой российская империя отказалась, — вынужденно, только после Крымской войны: «Не сходственно было бы с ее интересами, чтоб какой-либо военный флот, кроме нашего и турецкого, появляться мог на Черном море. Черное море иначе посчитать не должно, как озером или морем внутренним, в которое и входу нет как через Канал, и владение коим принадлежит только тем державам, берегами своими оно окружающим».

Хрупкий Амьенский мир длился всего год и месяц, британцы сочли его условия слишком невыгодными для себя. Они спохватились, что «утвердили за Францией господство в Италии и на материке» и не желали расставаться с ключевой позицией в Средиземном море, островом Мальта. Бонапарт изъяснялся с послом Ч. Уитвортом все в более жестких тонах — у него под ружьем 400 тыс. солдат и еще 60 тыс. в резерве. Они готовы к броску через Ламанш. Берегись, Англия! Уитворт жаловался Моркову — первый консул разговаривал с ним на языке драгунского капитана¹⁷.

В мае 1803 г. война с Англией возобновилась. Французские войска заняли курфюршество Ганновер, континентальное владение британских монархов, а флот его величества перехватил 1200 торговых кораблей Франции и ее союзников и приступил к захвату ее колоний¹⁸.

В Петербурге предавались невеселым размышлениям. Мечта об утверждении в Европе справедливого мира рассеялась как дым. Нависал тревожный вопрос: где остановится Бонапарт в своих захватах, да и вообще, существует ли у него подобное намерение? А. Р. Воронцов в письме к брату Семену, послу в Лондоне, высказывал уверенность: «На море французам нечего будет делать противу Англии, потому то

¹⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Посольство в Париже. 1801. Д. 2. Л. 85, 18, 36, 51–52.

¹⁶ ВПР. Т. 1. С. 145. 283–284, 319.

¹⁷ Там же. С. 345 (они «спохватились», что утвердили за Францией господство в Италии и на материке).

¹⁸ АВПРИ. Ф. Посольство в Париже. 1801. Д. 2. Л. 132–134; Сб. РИО. Т. 70. С. 117.

они и захотят выместить оное сухопутными своими силами, а тут и выйдет жертвою немецкая земля, Италия, а может и турецкие области». Здесь галльские смутьяны могут учредить демократическую республику, и «будут тогда они из смежных с нами провинций рассеивать между жителями южных областей наших плевелы развратного их учения, последствия коего хуже самой неудачной войны»¹⁹.

Депеши Италинского внушали тревогу — весной 1803 г. в Стамбул прибыла миссия Г. Брюна, генерала, сменившего в Италии самого Бонапарта, который, по словам посланника, «приступил к повреждению существующего между Россиею и Портою доброго согласия» и намекал на то, что союз с Францией «может послужить Порте к возвращению Крыма под державу его султанского величества». Италинский, со своей стороны, заверял турок и не кривил тогда душой, что самодержавие стоит за целостность и неприкосновенность Османской империи. Но в феврале 1804 г. в Сербии началось восстание, а в сентябре делегация повстанцев появилась в Петербурге с просьбой о поддержке и, как подозревали в Стамбуле, о покровительстве. Мнительный Селим III встретил весть с негодованием, расценив визит как вызов бунтовщиков²⁰. Но не переговоры с Брюном, а позднее с другим генералом, О. Себастиани, и даже не тревожные вести из Белградского пашалыка определяли в конечном счете позицию Высокой Порты, а события, развертывавшиеся на много градусов широты севернее.

В мае 1794 г. Наполеон изъявил согласие на предложение Сената и принял титул императора французов, и Ш. М. Талейран потребовал у послов представить новые верительные грамоты, что и де-факто, и де-юре означало признать императорский сан выскочки и, более того, поощрить его на новые захваты. В августе 1804 г. произошел разрыв российско-французских отношений. Надвигалась война.

В декабре Лондон посетил Н. Н. Новосильцев, официально в качестве товарища министра внутренних дел и для консультаций по правовым вопросам. Но пропадал он не на судебных подворьях, а в министерских особняках на Даунинг стрит. Приняли его с распростертыми объятиями, предвкушая сотрудничество против Наполеона.

Беседы шли по широкому кругу вопросов. Новосильцев заверял премьер-министра В. Питта, что император и Россия «не стремятся к какой-либо выгоде для себя лично», а хотят только «освободить некоторые независимые нации от постыдного рабства, в котором они томятся под игом Франции, избавить их от тирании Бонапарта». О восстановлении Бурбонов на троне он упоминал крайне сдержанно — это «второстепенная цель», достижимая, если сами французы выскажутся «за». Главное — восстановить «равновесие в Европе, утвердить

¹⁹ ВПР. Т. I. С. 442–443, 551–552.

²⁰ ВПР. Т. I. С. 383. Подр. см. главу наст. кн. о сербских восстаниях.

ее безопасность и спокойствие на прочной основе». Вернуть Францию в прежние границы или договориться о новых, отвечающих интересам всеобщего спокойствия, избавить Голландию, Швейцарию и Италию от «унизительного порабощения».

В беседе не была обойдена вниманием и Османская империя. В инструкции Новосельцеву говорилось об «анархическом характере ее строя и все увеличивающемся недовольстве ее христианских подданных». Осторожно и вполне умозрительно ставился вопрос, «каким образом устроить судьбу ее различных частей», если «существование Оттоманской империи в Европе станет невозможным?» В таком случае предусматривалась вероятность «создания одной или двух республик — греческой и славянской под сюзеренитетом обеих империй», т. е. Турецкой и Российской, наподобие Ионических островов²¹.

В. Питт на ура принял предложение о союзе и обещал выделить еще не существовавшей коалиции 5 млн фунтов стерлингов с 1 января 1805 г. К рассуждениям своего собеседника о высоких принципах он отнесся равнодушно, по словам Ч. Вебстера, премьер «менее всего желал крестового похода, будь то во имя конституционных свобод или республиканских вольностей», а хотел одолеть Наполеона на суше силами России, Австрии и Пруссии, да притом так, чтобы две последние державы «были в такой же мере против России, как и против Франции, хотя эта цель не могла быть, естественно, раскрыта»²². Здесь Вебстер констатирует ту меру доверия, с которой два двора, Виндзорский и царский, бросились друг другу в объятия. Что касается размышлений Новосильцева о судьбе Османской империи, то англичанин на них не реагировал, — уж слишком они расходились с британским курсом на сохранение присутствия Турции на Балканах.

30 марта (11 апреля) 1805 г. состоялось подписание англо-русской конвенции об «Основаниях для заключения мира». Предусматривалось установление границ Франции по Мозелю, Рейну, гряде Альпийских и Пиренейских гор, восстановление независимости Швейцарии, Голландии, Италии и Германской империи. Пассаж, посвященный государственному устройству Франции, свидетельствовал о молчаливом отходе царя от прежде провозглашавшейся установки на невмешательство во внутренние дела других стран: «Так как принципы обоих государей не позволяют им ни в каком случае стеснять свободную волю французской нации, то посредством обнародования прокламаций, по мере того как ход войны обеспечит их значение, они постараются расположить французов к принятию их советов»²³.

²¹ ВПР. Т. 2. М., 1961. С. 57, 59, 149, 154, 240.

²² Webster Ch. K. The Foreign Policy of Castlereagh. L., 1931. P. 53, 56; см. также: Наполеон, Александр I и Балканы. М., 1997. С. 90–91.

²³ ВПР. Т. 2. С. 355–377.

О Турции в трактате не упоминалось, стороны обошли молчанием чреватый разногласиями вопрос. Вывести войска с Мальты (что составляло предмет самых острых разногласий с Наполеоном) англичане отказались наотрез, ссылаясь на «мнение парламента и всей нации». Что касается императора французов, то он демонстрировал «склонность к миру наоборот», поспешив присоединить Геную. «Бонапарт обращается с нами как с мальчишками», — возмущался А. Е. Чарторыйский²⁴.

Дважды побитый венский двор всей душой стремился в союз, и тем не менее на пути к нему пришлось преодолевать тяжелые завалы. Габсбурги хотели упорядочить германские дела к выгоде для себя, упорочив в империи свое влияние к ущербу для Пруссии. Третьим игроком выступали князья, не желавшие терять самостоятельности, а четвертым, и самым могущественным, — Наполеон, настраивавший фюрстов и против Вены, и против Берлина. Не заживали и раны австро-российских противоречий на Балканах. Вовлечь в союз Пруссию на том этапе не удалось, та собиралась остаться в стороне и выторговывать у сражающихся уступки.

Позиция Высокой Порты вызывала опасения: сохранит ли она верность договору? По здравому размышлению в Петербурге пришли к выводу, что для паники пока что нет оснований. «Соединиться с Францией» Турция не сможет из-за отсутствия общей границы и господства Англии на водных просторах. Россия же с Турцией граничит. Посулы генерала Г. Брюна звучали, конечно, заманчиво, и намеки на Крым погружали в мечты. Но те же французы обращались к «потомкам Ликурга» с соблазнительными речами и сносились с сепаратистски настроенными феодалами, включая Али-пашу Янинского²⁵. Показателем позиции Высокой Порты стала проблема признания ею императорского титула Наполеона, о чем неустанно хлопотал Брюн, шантажируя Диван угрозой своего отъезда. Он добился-таки капитуляции Порты. Но, желая сохранить добрые отношения с Россией, турки пошли на заключение с ней оборонительного союза.

Акт был подписан 11 (23) сентября 1805 г. Он содержал взаимную гарантию владений, стороны обязывались помогать друг другу вооруженными силами или деньгами в случае нападения на одну из них. В 7 статье говорилось об их согласии «рассматривать Черное море как закрытое и не допускать появления в нем никакого военного судна или каперского корабля». Так в международное право был введен важнейший принцип о закрытии Черного моря для всех военно-морских сил, кроме российских и турецких.

Попытка Александра улучшить участь христиан потерпела полную неудачу. К преподнесенной османам и шитой белыми нитками версии — это-де будет способствовать успокоению общества и, стало

²⁴ ВПР. Т. 2. С. 443, 465.

²⁵ Там же. С. 156–157.

быть, приведет к укреплению державы, — они отнеслись с полным недоверием. Селим III заявил: «Предоставление райа привилегий и равенства в правах противоречит нашим политическим и религиозным принципам»²⁶.

Третья антифранцузская коалиция формировалась долго, натужно и по ухабам крутых противоречий. Австрия и Пруссия препирались из-за шкуры неубитого медведя, деля еще не завоеванные земли. Бонапарт соблазнял последнюю присоединением Ганновера, фамильного владения английской королевской семьи, что насмерть рассорило бы Пруссию с Великобританией. Короля Фридриха Вильгельма III вообще удалось втащить в союз лишь в ноябре 1805 г., уже после того как австрийцы сдали крепость Ульм и распахнули перед неприятелем ворота для вторжения в свою страну. Экспедиционный корпус под командованием М. И. Кутузова очутился в критическом положении. Он, по словам Чарторыйского, «не насчитывает и 70 тыс. человек и не сможет долго выдержать натиск победоносной армии Бонапарта численностью в 140 тыс.». Скоро наступила развязка, 2 декабря в кровопролитной битве при Аустерлице (ныне — Славков в Чехии) русские и австрийцы потерпели поражение. Император Франц сразу же запросил мира. Явившийся же не вовремя к Наполеону с ультиматумом прусский министр спрятал «опасную бумагу» поглубже в карман, поздравил Бонапарта с победой и... заключил с ним союз. Третья коалиция развалилась. На переговорах в Пресбурге (ныне — Братислава в Словакии) Австрия потерпела не менее сокрушительное поражение, чем на поле боя. Не последнюю роль в решении о поспешной сдаче сыграл «прусский фактор», — опасение, что берлинские хитрецы, воспользовавшись занятостью Австрии на войне, решат немецкие дела в свою пользу.

Вена признала все завоевания Бонапарта в Италии, согласилась на учиненную им перекройку карты Германии в пользу своих сателлитов. Австрия потеряла шестую часть населения, а в числе территорий — Венецию, Истрию, Далмацию, уступив их «итальянскому королю», т. е. тому же Наполеону, который стал непосредственным соседом Османской империи. Свершилось то, чего пуще огня боялся российский двор. А. Е. Чарторыйский счел, что Турция «отдана во власть Бонапарте»²⁷.

Россия осталась на континенте в полном одиночестве. Австрия залечивала полученные раны, Пруссия ожидала добычи со стола победителя. Властитель Франции, Бельгии, Италии, Швейцарии, протектор Рейнского союза «и прочая, и прочая» взирал на плоды своего полко-

²⁶ ВПР. Т. 2. С. 697. Подробный анализ хода переговоров и текста договора содержится в работе: *Gosu A. La troisieme coalition antinapoleonne et la Sublime Porte. Istanbul, 2003*. Однако вывод о договоре как о неудаче российской дипломатии вызывает возражения. В сложившихся условиях подписание договора можно расценивать как ее успех.

²⁷ Там же. С. 613, 653.

водческого гения. О том, чтобы скрестить с ним мечи один на один, было страшно и подумать. Последовавшая мирная инициатива российского двора выглядела как-то несолидно, в Париж снарядили статского советника (т. е. полковника на гражданской службе) П. Я. Убри. Его снабдили инструкцией, оставлявшей мало надежд на осуществление, по сути дела предлагалось вернуться к Амьенскому урегулированию 1802 г.: остров Мальту отдать «на хранение» императору Всероссийскому, Ионической республике предоставить независимость, созвать конгресс для обсуждения «всего, что могло бы способствовать обеспечению независимости европейских государств». Очевидная бесперспективность миссии рождает подозрение, что ее инициаторы хотели продемонстрировать свое миролюбие и показать общественности ненасытность «узурпатора». Результат поездки превзошел все ожидания — в том смысле, что такого провала в Зимнем дворце не предвидели. Французы во главе с генералом А. Кларком выдвинули жесткую программу урегулирования: признание наполеоновских ставленников на тронах Неаполя, Баварии, Голландии, Вюртемберга и др., иными словами — учиненной завоевателем перекройки карты Европы, отказа от покровительства Молдавии и Валахии и права прохода российских военных судов через Босфор и Дарданеллы²⁸.

Убри отказался обсуждать «странный проект». Но, свидетельствовал сей чиновник, французское правительство «так наседало на меня, что я согласился подписать окончательный договор» 8 (20) июля 1806 г. По его условиям российские войска покидали Далмацию, Ионическая республика провозглашалась независимой без консультации с Турцией, ее формальным сюзереном, российский гарнизон на острове Корфу сокращался до 4-х тыс. человек. По секретной статье Неаполитанский король переселялся с острова Сицилия на Балеарские острова, принадлежавшие Испании.

В Петербурге, ознакомившись с подписанными Убри бумагами, ахнули. Он грубейшим образом нарушил полученные инструкции. Договор хоронил всякую надежду на индемнизацию (возмещение) пострадавшим государям, а вместе с тем и всякую надежду на сохранение хотя бы пошатнувшегося равновесия на континенте; молчаливо признавалась вся система наполеоновского господства в Европе с покорными королями и князьями. Короче говоря, России предлагалось удалиться от европейских дел и предоставить их решение Бонапарту. Придя в себя от шока, Государственный совет высказался против ратификации договора²⁹. Прыткому не по разуму Убри предложили удалиться в свои поместья для отдыха и размышления.

Отношения с Францией были испорчены вконец. Российская дипломатия принялась обхаживать прусского монарха с целью вовлечь

²⁸ Сб. РИО. Т. 82. СПб., 1892. С. 441–442.

²⁹ ВПР. Т. 3. М., 1963. С. 226–231, 255.

его в коалицию, преодолевая его сомнения, колебания и страхи, и на этот раз удачно. В сентябре 1806 г. Пруссия, а также Швеция, напуганные отнюдь не призраком французского всемогущества, примкнули к России и Великобритании. А в октябре прусская армия, еще овеянная славою побед Фридриха Великого, рассыпалась под ударами наполеоновских войск. Англичане сидели на своем острове. Россия снова осталась один на один с грозным завоевателем. С нелегким сердцем царь решил 16 (28) ноября 1806 г. открыть военные операции. Русские дали два кровопролитных сражения под Пултуском и Прейсиш-Эйлау, в которых держались с честью; обе стороны приписали победу себе. А тут еще Турция...

Почти на протяжении всего 1806 г. российская дипломатия прилагала отчаянные усилия, пытаясь воспрепятствовать переориентации Высокой Порты на Францию. Если Турция ринется в объятия Наполеона, мрачно предрекал посланник Италинский, ее ждет гибель, в то время как сохранение Османской империи является предметом постоянной заботы царя. Про себя дипломат полагал, что увещеваниями Порту не прельстить, надо ее «содержать в страхе», тогда она на выступление не решится, и советовал для убедительности занять войсками Дунайские княжества³⁰. Порта в ответ на увещевания потребовала прекратить проход через Проливы российских военных и торговых судов. Тем самым гарнизон острова Корфу и эскадра адмирала Д. Н. Сенявина отрезались от баз снабжения и ставились под удар войск маршала Мармона. Французские уши явно торчали из турецкой «инициативы».

10 (22) сентября 1806 г. А. Я. Италинский обратился непосредственно к султану Селиму, пытаясь предостеречь того от союза с Наполеоном: у последнего в Далмации, уверял посланник, незначительные силы, и он не сможет ничего эффективного предпринять, «пока у вашего высочества будут для защиты империи два таких верных, могущественных и бескорыстных союзника, как Россия и Англия»³¹. Италинский погрешил против истины, обрисовав радужную картину российско-британского преобладания в регионе. Вскоре произошел молниеносный разгром Пруссии, дела антинаполеоновской коалиции пошли хуже некуда, и его аргументы повисли в воздухе.

Роль беса-искусителя в Стамбуле исполнял способный дипломат, генерал О. Ф. Себастиани. Инструкции для него продиктовал лично император: его задача — внушить султану доверие к Франции, стремящейся к одному — укреплению власти падишаха. Он, Наполеон, не посягает ни на вершок турецких земель, будь ему предложено хоть три четверти ее пространства, он гордо ответит — нет.

В Петербург поступали донесения одно тревожнее другого: французские агенты распространяли слухи о готовящемся для России уни-

³⁰ ВПР. Т. 3. С. 99–100, 133–134, 171–172, 191.

³¹ Там же. С. 324–325, 517, 710.

зительном мире: Порта запретила своим подданным грекам, владельцам судов, плавать под российским флагом, как то водилось раньше; она сместила с престолов пророссийски настроенных господарей Дунайских княжеств, К. Ипсиланти и А. Мурузи. Себастиани и соблазнял, и запугивал турок: они стоят перед выбором — или война с гениальным и непобедимым Наполеоном, или с покинутой союзниками неудачницей Россией с перспективой восстановления султанской власти в княжествах и, быть может, возвращения Крыма. Так стоит ли колебаться? И все же Селим медлил и не принимал решения. Действия французов противоречили их сладким речам. Расположившись после Пресбургского мира в Далмации, они мимоходом заняли Дубровник (республику Рагузу), входившую в состав Османской империи, и положили конец более чем тысячелетнему существованию этого славянского государства. Надо было усмирять сербское восстание. Паши по Дунаю своевольничали и явно проявляли сепаратистские тенденции; французские обещания на бумаге не могли заменить батальонов на поле боя. А. Я. Италинский докладывал: «Порта внутренне худо расположена к нам, но, не чувствуя себя в силах явно обнаружить образ своих мыслей, вероятно, ожидает времени, когда Бонапарте соберет значительные силы в Далмации, и тогда соединится с Францией». Вывод вытекал сам собой, ждать опасно. Лазутчики представляли занятие Дунайских княжеств чем-то вроде увеселительной прогулки: гарнизоны в Хотине, Бендерах и Измаиле слабы, а склады в этих крепостях ломятся от запасов продовольствия и фуража. Местное население русским сочувствует. Со всех сторон раздавалось предупреждение: промедление если не смерти подобно, то уж потере позиций на Балканах равносильно. Последним аргументом, побудившим отбросить сомнения, послужило донесение генерала И. И. Михельсона, назначенного командующим Молдавской армией: «Замыслы французов на Молдавию и Валахию явственны, их предприимчивость и быстрота известны. Ежели мы не упредим их до берегов Дуная, то ручаться нельзя, чтобы они нас не упредили, и тогда будет трудно бороться»³². Александр медлил до середины октября 1806 г. В рескрипте на имя генерала Михельсона царь подчеркивал, что «не имеет никаких намерений относительно завоевания принадлежащих Турции владений»³³. Всего границу перешло 33 тыс. человек.

Порта не уstraшилась предпринятых шагов, и 18 (30) декабря 1806 г. объявила России войну. Показательно, что в числе российских грехов упоминался захват «мусульманских земель Крыма и Гюрджистана» (Грузии), что выдавало реваншистские устремления Дивана. Соответствующего царского манифеста не последовало, возможно,

³² Петров А. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 1. СПб., 1885. 40–41, 50, 56.

³³ Там же. С. 59.

Александр не терял надежды погасить конфликт, война с российской стороны осталась необъявленной.

Вооруженные силы Порты на бумаге выглядели солидно: 260-тысячная армия, флот в 12 линейных кораблей и 6 фрегатов. Но каждый паша тянул в свою сторону, 25-тысячный корпус сражался в Сербии, большие силы охраняли Стамбул от возможного британского десанта. Армия Михельсона почти без сопротивления заняла крепости Хотин, Бендеры и Килия, но под Измаилом русские застряли, не решаясь на штурм.

19 февраля 1807 г. эскадра английского адмирала Д. Дакуорта (6 линейных кораблей, 3 фрегата) вошла в Дарданеллы, проникла в Мраморное море и расстреляла стоявшие там турецкие корабли. Назвать эту операцию сражением не поворачивается язык — по случаю праздника курбан-байрама почти все матросы и офицеры находились на берегу. 20 февраля английские корабли бросили якорь на виду у серая. В Константинополе воцарилась паника.

Посол Ч. Арбетнот, прибывший на флагманском судне «Роял Джордж», предъявил туркам ультиматум, который можно навязать разве что разгромленной стране: выслать Себастиани (иными словами — порвать с Францией), возобновить союз с Англией и Россией, согласиться на пребывание российских войск в княжествах и британского флота в Проливах, передать свой флот англичанам.

Придя с себя, османские сановники решили, что сие означает конец империи: русские хозяйничают на ее периферии, британцы — под стенами столицы. Началась энергичная подготовка к отпору, душой которой стал неутомимый Себастиани. По берегам воздвигались насыпи, подвозилась артиллерия — 500 пушек и 110 мортир. А британская эскадра красовалась недвижно перед султанским дворцом, полнейший штиль лишил ее возможности передвижения. Она делалась легкой добычей противной стороны.

Почувствовав недоброе, посол Арбетнот заболел и слег в постель, поручив переговоры адмиралу. Капитулировать османы отказались наотрез, но тут наконец-то подул ветер, и незадачливая эскадра убралась из пролива, будучи обстреляна при выходе из Дарданелл с немалыми повреждениями для судов³⁴.

Вместо военной прогулки Россия получила на Балканах тяжелый фронт. Поглоченная гигантской схваткой с Наполеоном, страна могла выделить сюда ограниченные силы, с которыми не то что поход на Стамбул затевать, но и штурм горной цепи предпринимать было немислимо. В Петербурге были готовы удовлетвориться малым. Посланный для неофициальных контактов корсиканский эмигрант, в будущем — известный российский дипломат К. О. Поццо ди Борго вез с со-

³⁴ Driault E. La politique orientale de Napoleone (1805–1812). P., 1904. P. 93–107.

бой довольно выгодные для турок условия: восстановить мир на основе старых трактатов, в отношении Дунайских княжеств — подтвердить Хатт-и шериф 1802 г., сербов — «не предавать в жертву»³⁵.

Поццо прибыл в самый что ни на есть неподходящий момент. Янычары свергли с престола и убили султана Селима, его преемник Мустафа IV пребывал в страхе перед этой буйной вольницей.

Война велась Россией в защиту прежних, уже обретенных позиций в регионе, и объективно — ради расширения прав христианского населения. Но это-то и не устраивало Порту, ибо, как откровенно изъяснялся Чарторыйский в меморандуме (начало 1806 г.): «Нужно иметь Турцию единственно в нашем распоряжении. Надлежало стараться усилить наше влияние на сие государство, удалив всех совместников так, чтобы Порты не следовала никакой другой воле, ни другой политике, кроме нашей»³⁶. Именно этого стремился избежать Диван, и миссия Поццо провалилась.

Между тем тучи сгущались на главном театре войны, в Восточной Пруссии. В штабе считали, что поражения не миновать, и во главе паникеров выступал великий князь Константин Павлович. Друзья молодости царя, члены уже бывшего Негласного комитета, советовали царю мириться. 2 (14) июня 1807 г. произошло несчастное для россиян сражение под Фридляндом, вслед за которым Наполеон предложил начать переговоры.

³⁵ ВПР. Т. 3. С. 738–739. О Хатт-и шерифе 1802 г. см. С. 700.

³⁶ ВПР. Т. 3. С. 11.

Тильзитский зигзаг во внешней политике России

Тильзитские встречи Александра и Наполеона — сперва на плоту посреди Немана, а потом в более подходящей для бесед обстановке — происходили с глазу на глаз, секретари отсутствовали, записей не велось. В первый раз в наполеоновской эпопее мир заключался не на неприятельской территории. Россия не была сломлена, на западе страны располагалась двухсоттысячная армия, у Наполеона под рукой менее сотни тысяч солдат, не самодержец, а Бонапарт, начиная с февраля, слал гонцов с предложением о перемирии. Отступавшие от Фридлянда российские полки на виду у неприятеля переправились через Неман, французы терпеливо ждали, пока последняя обозная повозка прогрохотала по мосту, потом казаки сожгли все переправы на глазах у вражеских кавалеристов. Наполеон во время переговоров не топал ногами и не бил посуду, как случалось раньше, а очаровывал царя. Александра следовало заполучить в союзники против Англии, что было мыслимо лишь в случае партнерства, но не подчинения. А это побуждало создавать хотя бы видимость равноправия. Наилучшим выходом представлялось подтолкнуть российский экспансионизм в знакомом ему балканском направлении, и в качестве искупительной жертвы предлагалась Османская империя.

Однако предавать так просто державу, с которой только что велись переговоры о совместных действиях против России, не годилось, тем более, что Порта могла перевернуться на сторону Великобритании. Статьи 21–24 Тильзитского договора предусматривали прекращение военных операций на Дунайском фронте, вывод российских войск из Молдавии и Валахии (без права их занятия турецкой армией) и посредничество Наполеона при заключении мира между Петербургом и Стамбулом «с выгодами и достоинствами для обеих империй». Сама эта формула представляется утопической: кому же предлагалось судить о степени выгоды и почета? По логике — арбитру, т. е. тому же Наполеону.

Зато четко и определенно в договоре обозначались приобретения Франции: к ней переходили Бока Которская (Катарро) и Ионические острова. Самой важной, с точки зрения Александра, являлась статья 8

навязанного ему в тот же день 25 июня (8 июля) 1807 г. тайного договора об оборонительном и наступательном союзе с Францией, в которой говорилось: если Порты не примет посредничества Наполеона или «если после принятия оного случилось бы, что в трехмесячный срок по открытии переговоров последние не привели бы к удовлетворительному результату, то Франция будет действовать заодно с Россией против Оттоманской Порты, и обе договаривающиеся стороны вступят в соглашение о том, чтобы освободить из-под ига и мучений турецких все провинции Оттоманской империи в Европе за исключением города Константинополя и провинции Румелия»¹.

В Тильзите произошел крутой поворот в российской внешней политике: Бонапарт в одночасье превратился «из неистового врага мира и благословенной тишины» и даже «гонителя веры Христовой» в союзника. Александр I взвалил на свои плечи колоссальную ответственность за совершенный шаг. Произошел раскол в царской семье. Брат Константин занимал еще до Фридлянда капитулянтскую позицию, и открыто, «при всем народе», поссорился на этой почве с государем. Мать, Мария Федоровна, и сестра Екатерина, напротив, предостерегали его от сговора с «Бонапартием». Но, как царь сказал в объяснении с матерью, «бывают обстоятельства, в которых нужно думать преимущественно о самосохранении, и не руководствоваться никакими правилами, кроме мысли о благе государства»².

И все же новая внешнеполитическая концепция возникла не на пустом месте. В правящих кругах и раньше существовала профранцузская группировка, полагавшая, что союз с Англией обходится слишком дорого, и привел к плачевным результатам: в 1806 г. британцы направили на остров Рюген 6 тыс. солдат для нападения на континент вместо обещанных 30 тыс., да и тех быстро убрали; России отказали в скромном займе в 6 млн рублей. Европы, полагали некоторые сановники, хватит на двоих, и у Наполеона достанет благоразумия оценить российское сотрудничество по достоинству. Придерживавшийся этой точки зрения граф Н. П. Румянцев стал канцлером.

Мы считаем справедливым замечание Н. К. Шильдера: «Наполеон издавна уже сознавал, что ему нужно приобрести для Франции серьезного континентального союзника, на которого можно было бы положиться в будущем». Это совпадает с размышлениями самого императора, изложенными им в письме к Талейрану, тогда еще пользовавшемуся его доверием: «Необходимо, чтобы все это кончилось системой тесного союза или с Россией, или с Австрией». Субъективное стремление существовало, но установить с союзником уважительные, с учетом его интересов, отношения, французский властитель был реши-

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX в. (ВПР). Т. 3. М., 1963. С. 643–646.

² Сборник русского императорского исторического общества (Сб. РИО). Т. 89. С. 6; История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. С. 63.

тельно не в состоянии, его экспансионизм не знал берегов. В этом противоречии состояла психологическая драма Наполеона. Э. Дрио констатирует: Бонапарт не собирался открывать русским доступ в Средиземное море, «никогда он не хотел делить с ними старый римский мир»³. Завоеватели ненасытны по природе. Их яркий представитель, воссевший на престол в Париже, не собирался «по-честному» производить раздел Европейской Турции, во что на какое то время уверовали российские дипломаты. Франция уже вплотную подобралась к Балканам и не желала отдавать их на откуп России или Австрии и безучастно взирать на укрепление их мощи. Еще одно соображение тревожило Париж: безмерное ослабление державы султана превращало ее восточные владения в легкую добычу для англичан.

У исследователя в глазах рябит от изобилия наполеоновских планов в отношении Турции: проекты раздела ее владений, приказание маршалу Мармону готовиться к вторжению; заверения Порте в дружеских чувствах и в поддержке ее власти. Но не отсутствие системы и последовательности в политике повинны в этом взаимоисключающем разнообразии, просто непрерывная череда войн не оставляла Наполеону почвы для свободы маневра на юго-востоке континента. Решение османских дел всегда зависело от общеевропейских комбинаций. Постоянным оставалось желание не отдавать Турцию в добычу соперникам. В инструкции А. Коленкуру при назначении последнего послом в Петербург говорилось: император «очень далек от мысли о разделе Турецкой империи и считает эту меру пагубной». Дипломату, однако, не следовало уклоняться от бесед на сию тему, а, напротив, проявлять к ней глубокий интерес. Политика Наполеона заключалась в том, чтобы манить Александра миром разделом Турции, но самому, на правах посредника в переговорах, этого раздела не допускать, балансируя между воюющими сторонами. По словам проф. А. Ф. Миллера, Бонапарт, «не скупясь на обещания Александру, всячески оттягивал практическое разрешение этой проблемы. Постоянным в восточной политике Наполеона было одно: стремление углубить при посредстве Восточного вопроса разногласия между Россией, с одной стороны, Англией и Австрией — с другой»⁴.

Проницательный Александр понимал, на что идет, и писал матери: «Союз с Наполеоном — лишь изменение способов борьбы против него. Он нужен России для того, чтобы иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы»⁵. Но пока что предстояло внести

³ Driault E. La politique orientale de Napoleon (1806–1812). P., 1904. P. 55; Сб. РИО. Т. 89. С. XV.

⁴ Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар: Османская империя в нач. XIX в. М.; Л. 1947. С. 169; Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий, М., 1996. С. 119.

⁵ История внешней политики... С. 65.

первый и самый крупный взнос по тильзитским счетам — пойти на разрыв с Англией и на присоединение к континентальной блокаде, и повод для его подобающего оформления предоставил Уайт-холл.

В сентябре 1807 г. Британская эскадра ворвалась на рейд Копенгагена и захватила датский флот. Немногие оставшиеся нейтральными страны содрогнулись. Но протестовать решился только Александр. В декларации о разрыве отношений он красочно изливал свое негодование, начав с перечисления собственных обид: «Кровь россиян проливалась в знаменитых сражениях», а Великобритания «угнетала на море торговлю подданных е. в.», и вдруг, «внезапно воспрянув от бездействия, в коем она быть казалась, решилась на севере Европы возжечь новую войну. Флот ее и войска явились на берега Дании, чтобы произвести насилие, коего равному во всей истории, толики во всех примерах обильной, найти трудно»⁶. Нахальство англичан переполнило чашу царского терпения, и он порвал с ними отношения.

Между тем в захолустное валашское местечко Слободзея, где велись российско-турецкие переговоры о перемирии, прибыл подполковник А. Ш. Гильомино в качестве посредника. Сенатор С. А. Лошкарев, будучи исполнительным чиновником, подписал невыгодные для России условия, включая обязательство эвакуировать Молдавию и Валахию. Подмахнув условия, Лашкарев почувствовал недоброе и впал в панику: «Я теперь как будто в обмороке»⁷. Генерал Михельсон лежал уже на смертном одре, а вступивший в командование «по старшинству» генерал Мейендорф, ничтоже сумняшеся, утвердил перемирие.

В Петербурге с опозданием осознали допущенный промах: о восставших сербах забыли, трофеи обещали возвратить и, главное, княжества обязались очистить. В Дунайскую армию поскакал курьер с императорским рескриптом — «под разными благовидными предлогами длить совершенный вывод войск»⁸. Поскольку турки покидать крепости не собирались, поисками предлогов заниматься не пришлось. Формально перемирие в силу не вступило, но перерыв в военных действиях продолжался.

«Новая система» во внешней политике была крайне непопулярна в дворянских, военных и купеческих кругах России. Удаленные в отставку с официальных постов бывшие друзья императора вели проанглийскую пропаганду. Царю и канцлеру надлежало продемонстрировать общественности, что дружба с Бонапартом кое-какие дивиденды все-таки приносит, и они принялись оказывать нажима на посла А. Ж. Савари. Александр полагал, что, если Османской империи «суждено рухнуть, положение России позволяет ей надеяться унаследо-

⁶ Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. Дипломатическая канцелярия Дунайской армии. 1807. Кн. 3. Д. 29. Л. 241.

⁷ ВПР. Т. 3. С. 650; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1886. Л. 92.

⁸ Петров А. Война России с Турцией 1805–1812. Т. 1. СПб., 1885. С. 279–283.

вать часть ее останков». 18 ноября (нов. стиль) 1807 г. посол передавал высказывания Румянцева относительно Дунайских княжеств: «Это — единственная приятная сторона, которую мы можем представить нации. Смотрите, генерал, будет лучше, ежели вы предоставите их нам сегодня, чем тогда, когда это не будет иметь для нас двойной цены». Савари не был профессиональным дипломатом, он служил больше по полицейской части, но и он сознавал недружелюбие окружающей аристократии и непопулярность французского союза и предупреждал, сколь опасно идти на обман питаемых в Петербурге надежд⁹.

Сменивший его в том же 1807 г. тонкий дипломат А. Коленкур чуть ли не в первом своем донесении предупреждал: царь «лично не имеет никаких видов на расширение, но, чтобы оправдать в глазах народа или, лучше сказать, знати и армии, союз с Францией и объявление войны Англии, нужно, чтобы он мог показать, что из этого извлечена выгода»¹⁰. Можно констатировать, что Наполеон получал от своих представителей достоверную информацию о настроениях в России и необходимости действовать без промедления. Но он тянул, а лояльный к России Коленкур, послушный инструкциям, лицемерил в переговорах.

Все это было совершенно неприемлемо для Александра, а по мере того, как исчезал «тильзитский синдром», и нетерпимо, тем более, что стали проступать слабости в позиции «владыки полумира». В Петербурге усиливалась атмосфера настороженности и недоверия. По мере сил ей способствовал и посол в Париже граф П. А. Толстой. Этот боевой генерал, превращенный царской волей в дипломата, раньше других осознал химерическую суть выдвигавшихся Наполеоном время от времени проектов раздела Турции и не поддавался их соблазнам. Его вежливая и холодная сдержанность доводила Бонапарта до бешенства. Толстой понимал, что «уход» России в восточные дела оставит Францию полной хозяйкой на Европейском континенте. В декабре 1807 г. Толстой отправил царю письмо, примечательное суровой прямоотой: «Надежда восстановить с сим правительством долговременный и основательный мир есть обман, коим ослепляются слабые умы, не чувствующие в себе никакой силы сопротивления, теряя тем самым время и самые способы приуготовить себя к обороне. Действия необузданной власти императора Наполеона, деятельность и искусство людей, его окружающих, необыкновенны. Гишпания и Португалия скоро падут под иго Франции, а потом восстановление Польши будет предметом его славолубия». Следует, не мешкая, готовиться к схватке, «ежели же не примутся нужные меры, то внезапно и с удивлением увидим мы французские армии на границах наших, и тогда последствия будут неисчислимы»¹¹. В другом письме он предрекал: «Прежде чем напасть на рус-

⁹ Миллер А. Ф. Указ. соч. С. 214; Сб. РИО. Т. 83. С. 231, 233.

¹⁰ Сб. РИО. Т. 88. С. 389; Вандаль. Наполеон и Александр I. Т. 1. СПб., 1910. С. 217.

¹¹ Миллер А. Ф. Указ. соч. С. 217–218.

ского колосса, Наполеону необходимо сокрушить все вокруг него, постараться полностью его изолировать, отделив от него Австрию»¹².

В 1808 г. раздались первые удары колокола, предвещавшие упадок и гибель наполеоновской державы. Правда, тогда ни сам император, ни его недруги об этом не задумывались. В январе британское правительство устами короля Георга объявило, что намерено сражаться до конца. В мае испанцы восстали против попытки порабощения своей страны. В июле под Бейленом впервые сложил оружие целый французский корпус. В Португалии высадились британские войска под командованием генерала Артура Уэлсли, будущего виконта, графа и наконец герцога Веллингтона и с помощью местных гверильясов выгнали французов из страны. А сам Наполеон, в полном соответствии с мрачными предсказаниями Толстого, стал готовиться к расправе над древней и непокорной испанской землей.

Союз с Александром стал ему нужен позарез. Еще 2 февраля 1808 г. он сочинил царю письмо, полное заманчивых, но ни к чему не обязывающих обещаний. Он провозглашал наступление «эпохи великих перемен и великих событий», предлагал организовать поход на Индию, ввернув намек на то, что согласен на «предварительные условия», связанные с этим предприятием. В адрес посла Коленкура было отправлено другое письмо (но для царя — ибо Александру надлежало вручить его копию), в коем Наполеон засвидетельствовал свою готовность подумать о разделе Османской империи. Не случайно это заявление появилось не в прямом обращении к царю, а в бумаге, относившейся к разряду внутренней переписки: в первом случае упоминание о судьбе султанских владений носило бы на себе печать международного обязательства, во втором это было размышление вслух.

Пребывая во власти иллюзий, канцлер Н. М. Румянцев приступил к совещаниям с Коленкуром: разложили карты, делили шкуру неубитого медведя. Румянцев не скупился на добычу ни себе, ни партнеру — Дунайские княжества и Болгарию, а заодно и Константинополь с Провансом — России; Албанию, Эпир, Морею, Фессалию, острова Эгейского моря — Франции, привлечь к разделу Австрию, посулив ей Боснию и Македонию. Коленкур счел нужным заметить, что не уполномочен ни принимать, ни отвергать какой-либо план, но воспротивился лишь против передачи обоих проливов России, и предложил выделить Франции Дарданеллы¹³. Румянцев возражал. Стороны приняли Соломоново решение и составили два проекта договора, выражавшие соответственно точки зрения Петербурга и Парижа. О Великобритании, чей флот контролировал Средиземное море, собеседники забыли. Все происходило на уровне двуличия, редкого даже в дипломатических

¹² Миллер А. Ф. Указ. соч. С. 223–224; Сб. РИО. Т. 89. С. 312, 446, 520–521.

¹³ Миллер А. Ф. Указ. соч. С. 224; Driault E. Op. cit. P. 252; Вандаль А. Указ. соч. С. 288–310.

скрижалих, при том, что царь не изменил своей точки зрения («нельзя произвести окончательный раздел обширных и богатых провинций, составляющих Европейскую Турцию» без общеевропейского катаклизма). Константинополь останется яблоком раздора между державами. Он поэтому выступает за реорганизацию управления в указанных областях, иными словами — за раздел Балкан на сферы влияния. Самодержец не мешал разглагольствованиям Румянцева, не веря и их результат. А Коленкур, во исполнение полученных инструкций, «проявлял интерес» к излагаемым схемам¹⁴.

Внимание Наполеона приковал к себе Запад, турецкие дела отошли на второй план. Он решил самолично наказать пиренейских строптивцев и подчинить себе Испанию. И тогда, по выражению проф. А. Ф. Миллера, фантастика была изъята из русских планов, химерические прожекты раздела Османской империи оставлены, и внимание сосредоточено на приобретении Дунайских княжеств¹⁵.

То, что он накрепко застрял на Пиренеях, не сознавал тогда, видимо, ни сам полководец, ни кто-либо другой. Но, что происходят явления, из ряда вон выходящие, проницательный Александр Павлович не мог не замечать. Наполеон заманивал его на свидание, а царь, отличавшийся страстью к путешествиям, тянул и медлил. Время играло ему на руку, не он, а французы жаждали договоренности, вырисовывалась некоторая свобода маневрирования.

Лишь осенью 1808 г. Наполеону удалось преодолеть скрытое сопротивление царя встрече с ним, и Александр отправился в Эрфурт. Бонапарт демонстрировал перед ним свое могущество — в город прибыла старая гвардия, парады следовали один за другим, императора французов окружала толпа подданных королей, князей и герцогов. По вечерам публику услаждала своими представлениями Комеди франсез, спешно вызванная из Парижа. Но ведь раньше в подобном антураже нужды не ощущалось! Трещины в системе наполеоновского господства проступали все явственнее. В Испании полыхала война, Австрия исподволь готовилась скрестить мечи с завоевателем. Шарль Морис Талейран, тот самый, что участвовал в переговорах и Тильзите и воплощал на бумаге волю Наполеона, предложил Александру услуги осведомителя; старый лис совершал третье в своей жизни предательство.

Уточнения, внесенные в Эрфурте в «тильзитскую» систему, были в общем на пользу царю. Наполеон согласился на переход к России Дунайских княжеств и Финляндии, на вывод своих войск из Пруссии, отказался от посредничества в русско-турецких переговорах, признал присоединение Грузии, не возражал против предоставления Сербии автономии. Царь в общей, ни к чему не обязывавшей форме, обещал

¹⁴ Сироткин В. Г. Указ. соч. С. 98–99.

¹⁵ Миллер А. Ф. Указ. соч. С. 228, 306. 17.

оказать Наполеону содействие в случае его войны с Австрией. Но само упоминание о такой возможности свидетельствовало, что позиции Бонапарта в Центральной Европе не так уж сильны. Да и Александр умел лицемерить ничуть не хуже своего собеседника. Помогать тому душить Габсбургскую монархию и убирать тем самым с европейской шахматной доски одну из последних фигур, мешавших всевластию Франции, он не собирался. Но он отверг и предложение эрцгерцога Карла — пойти на союз с Веной в обмен на ее поддержку в приобретении Дунайских княжеств.

К переговорам с парижским обольстителем царь остыл и, невиданное дело, — назначенный во французскую столицу послом А. Б. Куракин остался вообще без инструкций. Информация оттуда поступала разведывательным путем, хотя и под дипломатической крышей. Важнейшим источником сведений служил «кузен Анри», он же «библиотекарь» и даже «Анна Ивановна», а именно Ш. М. Талейран, передаточной инстанцией — «танцор» (посланный в Париж К. В. Нессельроде). Царь именовался Луизой, а Наполеон, чтобы никто не догадался, о ком идет речь, — наречен чисто русским именем Терентий Петрович. Информация после 1810 года сомнений не оставляла — следующей жертвой неумолимого завоевателя станет Россия¹⁶. Пожалуй, дольше других витал в облаках надежд знаменитый коллекционер, собиратель и издатель памятников родной словесности, основатель музея его имени Николай Петрович Румянцев.

Царь после Эрфурта спешил ковать железо, пока горячо. Открылись переговоры по мирному урегулированию с Высокой Портой. Одновременно турки нащупывали пути к примирению с Великобританией. Французский поверенный сбился с ног в хлопотах, но воспрепятствовать соглашению с Лондоном не сумел: в январе 1809 г. был подписан договор, известный под именем Дарданелльского, и недаром. Даунинг стрит воспользовался продолжавшейся русско-турецкой войной, чтобы ущемить интересы России. Закрытие Черноморских проливов для военных кораблей всех стран объявлялось в нем древним правилом Османской империи. Севастопольская эскадра была заперта в акватории древнего Понта Эвксинского.

Отсутствие по-настоящему крупных успехов на Дунае затрудняло и оттягивало достижение мира. Злой рок преследовал главнокомандующих. Вслед за Михельсоном сошел в могилу фельдмаршал А. А. Прозоровский. Пришедший ему на смену Петр Иванович Багратион успешно провел кампанию 1809 года — удалось занять крепости Измаил, Браила и Мачин, осадить Силистрию, отбить турецкое наступление на

¹⁶ ВПР. Т. 4. М., 1965. С. 359–363; Миллер А. Ф. Указ. соч. С. 307; Romania in relatiile internationale. Iasi, 1980. P. 63; АВПРИ. Ф. Канцелярия Дунайской армии. 1808. Д. 24. Л. 251. Сироткин В. Г. Указ. соч. С. 175–178; Тарле Е. В. Талейран. М., 1953. С. 101–114. Подобные же услуги Талейран оказывал и Австрии.

Бухарест. Но генерал нелюбезно докладывал царю: «Удостоверился я совершенно, что силами и способами, в распоряжении моем состоящими, я отнюдь не буду в состоянии принудить визиря к заключению мира в продолжение нынешней кампании»¹⁷. Осенью тиф и лихорадка стали косить солдат, и Багратион отвел войска на левый берег Дуная.

В 1810 г. новый командующий Н. М. Каменский овладел Пазарджиком и Силистрией, Джурджу, Шиштовым, Плевеном (Плевною) и после тяжелой осады — Шумлой и Руцуком (Русе). Однако, следуя традиции, он отвел войска на зимние квартиры на левом берегу Дуная, оставив на правом лишь небольшие отряды в крепостях. Сам Каменский в следующем году скончался.

В октябре 1809 г. Н. П. Румянцев направил в Дунайскую армию условия предполагаемого мира. Они предусматривали амнистию участникам сербского восстания и предоставление сербам автономии (права «полной свободы установить собственное внутреннее правление по общему желанию народа»); турецкие войска «ни под каким предлогом» не должны были появляться в Сербии, а Порты — вмешиваться в их дела. Предложения далее предусматривали «вольную навигацию на морях и водах, Блистательной Порте принадлежащих... не только одним купеческим, но и всякого рода военным судам российским». Единственное ограничение состояло в том, что одновременно через Проливы не могло следовать больше трех кораблей под Андреевским флагом. Пункт о Дунайских княжествах гласил: «Княжества Молдавия и Валахия вместе с Бессарабией присоединяются на вечные времена к Империи Всероссийской, так что отныне впредь река Дунай пребудет границей между империею Всероссийскою и Портою Оттоманскою». Последняя также должна была признать вхождение Грузии в Россию¹⁸.

Турецкая сторона не пожелала вступать в переговоры на изложенных условиях, и рычаги давления на нее отсутствовали при нехватке военных сил и маневрировании французского «союзника». Год шел за годом, и надежды на то, что туркам удастся навязать выработанные условия, таяли как снег под лучами весеннего солнца. В марте 1811 г. царь, преодолев личную антипатию, поставил Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова во главе Дунайской армии.

Однако не простаки же сидели в Стамбуле, чтобы подписать предложенные кондиции. Туда поступали сведения о перемещении французской армии к российской границе, о бурных сценах, разыгрываемых Наполеоном перед российским послом. Порты не видела причин для торопливости и тем более для уступок. Из поступавших Кутузову конфиденциальных сведений явствовало, что надежд на добровольную передачу Дунайских княжеств не существовало ника-

¹⁷ Гулия Г. Д. К истории Восточного вопроса. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. М.: Англия. Сухуми, 1978. С. 5.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Дипломатическая канцелярия... 1809. Д. 8. Л. 15.

ких: «Сии провинции» служат «магазинном Царьграда, и потому вся нация не допустит султана делать сию уступку».

Проницательный Кутузов уже в июле 1811 года стал осторожно готовить канцлера и царя к необходимости их смягчения: «Султан не может согласиться на заключение одного договора, доколе двор наш настоять будет на оставлении за собой Молдавии и Валахии»; турки не сядут за стол переговоров, «если мы настоять будем в требовании Дуная границей». Румянцев поддался на его доводы и в депеше от 7 (19) августа выразил мнение: можно «вразуметь», что одну из провинций турки все же уступят¹⁹.

Единственным действенным и весомым аргументом для побуждения турок к компромиссу являлась решающая победа над ними. Подсчитав силы, Кутузов увидел, что у него под началом всего 4 дивизии — 27 тыс. штыков, 13,7 тыс. сабель, 4,5 тыс. артиллеристов, и это вместе с частями, занятыми осадой крепостей, а у неприятеля лишь под Шумлой 80 тыс. Правда, размышлял полководец, «против турок успех зависит не от многолюдства, но от расторопности и бдительности командующего генерала».

И вот Кутузов, вошедший в историю военного искусства как вождь неторопливый и осторожный, предпочитавший маневр бою, в кампании 1811 года показал пример «расторопности». Идти к Шумле, где засел великий везир Ахмед, было неблагоразумно до авантюризма, следовало выманить пашу из крепости. Кутузов стал способствовать распространению слухов о слабости и даже бедственном положении своей армии. Он оставил занятые на правом берегу Дуная земли, оставив за собой лишь Рушук с окрестностями, надеясь своим «скромным» поведением «ободрить» везира. Тот поддался на «заманивание» и атаковал всей массой своих войск (60 тыс. человек) двадцатитысячный отряд под Рушуком. Смять русскую оборону туркам не удалось и, будучи отбиты, они побежали. Однако победитель не желал выглядеть таковым в глазах проигравших, и от преследования отказался. Замысел Кутузова состоял в том, чтобы заманить основные неприятельские силы на левый берег Дуная, отрезать их от баз снабжения и разгромить²⁰.

В «ободрении» турок Кутузов зашел так далеко, что взорвал рушукские укрепления и переправил войска через Дунай. Ахмед искушения не выдержал и последовал за русскими. В Валахии Кутузов окружил везирское войско редутами, а корпус генерала И. И. Маркова, форсировав Дунай, ударил по османским тылам. «Весь его лагерь, орудия, на берегу находившиеся, множество пленных, знамен и богатая добыча служат памятником отличной храбрости наших войск, в сей

¹⁹ АВПРИ. Ф. Дипломатическая канцелярия... 1811. Д. 14. Д. 80, 181, 214, 318, 304; 1811–1812. Д. 15. Л. 95.

²⁰ Жилин П. А. Фельдмаршал М. И. Кутузов. М., 1988. С. 112, 114; АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1811. Д. 1961. Л. 3–4.

день оказанной». Пути отступления турецкой армии были отрезаны, а сама она окружена под Слободзеей. Ахмед паша бежал, и 5 октября прислал в русский бивак парламентаря, прося перемирия и открытия переговоров. 30 сентября (12 октября) 1811 г. Румянцев направил в Дунайскую армию инструкцию: «Приобретения наши ограничить одною Молдавиею с Бессарабиею. Ежели турецкие министры будут крайне затруднены уступкою всего княжества, то довольствоваться присоединением границы по реке Серет, продолжа оную по Дунаю до впадения его в Черное море». В Петербурге нервничали и торопили генерала: «Главное — не помешать настоящей негоциации достигнуть мира, что должно быть единственною и предпочтительною целию Вашею». Уполномоченным во главе с А. Я. Италинским, казалось, удалось достигнуть с турками соглашения по смягченному варианту российских требований. В ноябре вместо известия о получении полномочий на подписание мира прибыло повеление султана: «У России нет причин желать расширения территории, она и так обладает самой обширной и пусть граница останется прежней»²¹.

«Негоциация» зашла в тупик, и Кутузов получил предписание готовиться к «начатию военных действий». «Начатия» не произошло, потому что зимой тогда не воевали. Предусмотрительный командующий взял «армию турецкую, по сей стороне находящуюся» (т. е. на левобережье Дуная), «в сохранение до заключения мира» и неоднократно угрожал ей пленением.

Кутузов, которого можно назвать генералом не только от инфантерии, но и от дипломатии, в полной мере учитывал общую расстановку сил на международной арене и ее влияние на исход переговоров. Положение сложилось неоднозначное. Если старый соперник на Балканах, Австрия, делала все возможное, чтобы вставить палки в колеса российских усилий, то не такова была позиция Великобритании. Редко когда в истории состояние де-юре между двумя державами, а именно война, не соответствовало их растущей заинтересованности в сотрудничестве. Ни та, ни другая сторона не видела причин для того, чтобы сражаться. Участие России в континентальной блокаде перерезало важнейшие артерии ее экспорта, да и от захвата англичанами торговых судов она страдала. Финансовая система переживала глубокий кризис, бумажный рубль стремительно обесценивался. Принято считать, что война с Англией совсем не велась, ее даже называли «бездымной». Это не совсем так. Британский флот на Балтике, случалось, обстреливал прибрежные селения, уводил с собой корабли, но взятых при этом «в плен» людей обычно возвращали на берег. Адмирал Д. Саудмарес снабжал российское портовое начальство ставшими ред-

²¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1811. Д. 1960. Л. 365, 379, 402; ВПР. Т. 6. С. 181–182; АВПРИ. Ф. Дипломатическая... 1811–1812. Д. 15. Л. 173; Ф. Канцелярия. 1811. Д. 1960. Л. 429, 430, 469; 1811–1812. Д. 1964. Л. 145.

костью «колониальными товарами», вроде кофе, а заодно и газетами с информацией о неприятностях французов в Испании. Посол, С. Р. Воронцов продолжал жить в Лондоне как частное лицо. Средиземноморская эскадра адмирала Д. Н. Сенявина еще в 1807 году была заблокирована в устье реки Тахо (Португалия) превосходящим по силе британским флотом. Однако адмирал Ч. Коттоу выразил пожелание, чтобы российские суда были ему переданы (а не сдались!), да так, чтобы «менее всего были задеты чувства вашего превосходительства» (т. е. Сенявина). И корабли со своими командами и под Андреевским флагом приплыли к берегам Британии. Здесь экипажи высадились на берег, а корабли было взяты «на охранение». Матросы проживали в казармах, офицеры на частных квартирах. Через год их переправили на родину. После заключения мира и союза между Россией и Англией в порты Балтики были возвращены и корабли, а те из них, что пришли в ветхость, британское адмиралтейство приобрело по цене новых, видимо, раскаиваясь в небрежном их содержании. Англия и Россия все года разрыва были кровно и своекорыстно заинтересованы в сотрудничестве, а не в ссоре.

Джордж Каннинг пока был главой Форин офис (до дуэли со своим коллегой по кабинету и злейшим врагом Робертом Каслри, стоившей ему министерского поста), пользовался каждой удобной оказией, чтобы выразить свое недоумение и огорчение сложившейся противоестественной ситуацией. До поры до времени в Петербурге делали вид, что не слышали раздающихся с берегов Темзы призывов. Но только до поры. Когда же рухнули надежды на дивиденды от сотрудничества с Наполеоном, над союзом с ним нависли тучи, и стало очевидно, что французы всерьез и надолго застряли в Испанию, к ним стали прислушиваться.

Но гармония интересов двух стран, о которой проникновенно писал Каннинг, существовала лишь на бумаге. Мир с Великобританией, к чему призывал англичанин, означал войну с Францией, к которой Петербург не был готов, и которую стремился избежать до последней возможности. В британской политике утверждался курс на сохранение в неизблемости владений Османской империи, что совершенно не соответствовало точке зрения царизма. Правда, просачивались сведения, что в Лондоне согласны признать российские территориальные приращения как акт завоевания, что по трактовке Форин офис, не равнозначно расчленению Османской державы, ибо другие страны в сем не участвуют. Но все это было неофициально, зыбко и неопределенно²².

И все же существовавшие противоречия отступали на второй план перед общей задачей противодействия Наполеону, и попытка привязать Россию к французской колеснице, предпринятая в Тильзите и Эрфурте, провалилась с треском. Когда Бонапарт вздумал разводиться

²² Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. М., 2005. С. 162, 166, 139, 140; Тарле Е. В. Три экспедиции русского флота. М., 1956. С. 120; Romania in relatii internationale... P. 63.

с бездетной в браке с ним и неспособной обеспечить упрочение династии Жозефиной Богарне, все решили, что политические последствия этого матримониального замысла будут неисчислимы. В неофициальных запросах сперва фигурировала великая княжна Екатерина, потом, более определенно — Анна Павловна. Сама предполагаемая невеста пришла в смятение — ведь совсем недавно Наполеона предавали анафеме с церковных амвонов, как «тварь, совестью сожженную и достойную презрения» и тут — угроза превращения «твари» в царского родственника! Отказ Наполеона от официального сватовства был воспринят как знак надвигающейся конфронтации.

Негласное англо-российское сотрудничество уже налаживалось, в контакты с Петербургом включился принц-регент Георг. 16 августа 1811 г. он отправил через представителя восставших испанцев Зеа Бермудеса собственноручное письмо Александру I. В нем важно не содержание, чисто протокольное, а форма и тональность. Выразив глубокую скорбь по поводу наступившего между двумя странами разрыва, он засвидетельствовал в нем свои «чувства доброго расположения и приязни, которые не могут быть стерты временным или случайным препятствием». И подписался: «преданнейший вам (от имени короля) Георг». К посланию был приложен меморандум Форин офис с предложением услуг в деле примирения России с Турцией и Персией. На письмо Александр не ответил — не дай Бог, о корреспонденции проводят шпионы Наполеона — но услуги не отверг, намекнув на их желательность²³.

В том, что британская дипломатия в решающие месяцы склоняла Порту к примирению, нет сомнения, но и преувеличивать ценность ее поддержки нет нужды. Посланник Р. Листон не спешил покидать Лондон, и Англию в Стамбуле представлял Чарлз Стрэтфорд-Каннинг, двоюродный брат знаменитого министра, в будущем — «великий элчи», посол, один из инициаторов Крымской войны. Но пока что это был 25-летний молодой человек, горько жаловавшийся на то, что месяцами не получает указаний Форин офис. Да и возраст на Востоке уважают, а чего не было — того не было. В марте 1812 г. Кутузов сообщал дошедшие до него сведения, что турки будут настаивать на исключении из договора всякого упоминания о границе в Азии (т. е. о вхождении Грузии в состав России): «Сие новое затруднение почитаю я единственно последствием внушений г-на Каннинга, рожденных от торгового корыстолюбия его правительства. Я даже полагаю, что неожиданное предложение, сделанное нам Портою, отстранить совершенно статью об Азии, нельзя иному чему приписать, как равномерно внушениям аглицкого поверенного в делах».

Но поступала информация и иного рода: тот же Стрэтфорд-Каннинг «в письме на имя Галиба эфенди настойчиво высказался в пользу мира»,

²³ ВПР. Т. 3. С. 397–398; Гулия Д. Г. Указ. соч. С. 57; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1811. Д. 6073. Л. 7–8.

и в ставку Дунайской армии прислал своего сотрудника Р. Гордона для связи. Свое содействие достижению договоренности он обусловил согласием турок на границу по реке Прут и пригрозил им, в случае продолжения войны, прорывом британского флота в Проливы²⁴.

Иную позицию занимала австрийская дипломатия. Обобранная по Шенбрунскому миру 1809 года Габсбургская монархия превратилась в младшего партнера завоевателя. После провала своего петербургского сватовства Наполеон предложил руку эрцгерцогине Марии Луизе (сердце при этом никакой роли не играло), и на сей раз с полным успехом. Австрию втягивали в союз с Францией в будущей войне с Россией, хотя император Франц прекрасно понимал, что разгром последней превратит его зятя в распорядителя судеб Европы, а венский двор — в клиента одного распорядителя.

В то же время и кайзер, и его первый министр К. Меттерних страшились утверждения северного колосса в низовьях Дуная, традиционно считавшихся зоной австрийского влияния, и в Стамбуле интересы Шенбрунна и Тюильрийского дворца во многом совпадали, при том, разумеется, что Наполеон хотел играть первую скрипку в турецких делах, как и во всех прочих²⁵. Только злая нужда загнала венский двор в союз с Францией. Но продолжение русско-турецкой войны устраивало обе державы.

Между тем переговоры в Бухаресте буксовали. Первый турецкий уполномоченный Галиб эфенди был сторонником договоренности и осторожно дал понять в личной беседе с Кутузовым о приемлемых условиях: в Азии — старая граница, а в Европе — черта по реке Прут, причем крепости Измаил и Килия остаются за Турцией. Он добавил, что опасность желаемому миру исходит не только от иностранцев, но и от местных интриганов («разных персонажей в правительстве»), пытающихся совлечь Турцию с пути ее истинных интересов.

Положение «ни мира, ни войны» невозможно было длить до бесконечности. Кутузов грозил разгромом остатков везирской армии, взятой им «на охранение». Французская дипломатия, ассилируемая австрийской, предпринимала отчаянные усилия, пытаясь не допустить достижения согласия. 3 мая Кутузов сообщал канцлеру: «Г-н Латур-Мобур и интернунциус Стирнер²⁶ все усилия свои употребляют, чтобы склонить Порту принять обольстительные предложения своих дворов»²⁷.

²⁴ ВПР. Т. 3. Ф. Канцелярия. 1812. Д. 1982. Л. 64, 99, 118, 119; Крейе С. С. Политика Меттерниха. М., 2002. С. 159; Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 194.

²⁵ Рахмимир П. Ю. Князь Меттерних. Человек и политик. Т. 1. Пермь, 1999. С. 61, 85, 87; Bethuair A. Metternich et l'Europe. P., 1979. P. 80–82; см. также главу наст. кн. «Балканы в тени Венского конгресса».

²⁶ Правильно — «интернунций» (посол Австрии в Турции) и Штирнер.

²⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1812. Д. 1982. Л. 202, 203, 251, 263.

Но в Стамбуле твердо запомнили уроки 1806 года, когда, поверив французским обещаниям, ввязались в войну с Россией и были брошены на произвол судьбы, и повторять печальный опыт не собирались.

Вена и Берлин отдавали себе отчет в том, что поражение России превратит их в клиентов Бонапарта. Загнанные пинками в союз с Францией Австрия и Пруссия дали понять России, что воевать против нее будут символически. Император Франц не проглотил предложенную зятем приманку — выставить в походе на Москву 50-тысячную армию и сражаться по-настоящему. Он дал согласие на формирование вспомогательного корпуса в 30 тыс. штыков и сабель, а Меттерних устно, но в самой обязывающей форме заверил царского посла, что будет предпринято все, дабы избежать серьезных военных действий. Пруссия пошла было дальше, генерал Г. Шарнхорст в декабре 1811 г. подписал в Петербурге союзную конвенцию, но трусивший король Фридрих Вильгельм отказался ее ратифицировать, но дал обещание, сходное с австрийским²⁸. Посетивший османскую столицу секретарь шведского монарха дал понять, что его страна — на стороне России, Дания отказалась поддержать Наполеона. Международной изоляции Петербурга не получилось.

Казавшийся неразрешимым узел русско-турецких противоречий был разрублен царским рескриптом от 22 марта (3 апреля) 1812 г. на имя Кутузова. Александр написал его сам, задумываясь над отдельными формулировками и перечеркивая карандашом уже написанное: «Великую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира. Убедительно взываю Вас любовью к своему Отечеству обратить все внимание и все усилия Ваши к достижению сей цели. Слава Вам будет вечная. Для единственно Вашего сведения сообщаю Вам, что если бы было невозможно склонить турецких полномочных подписать трактат по нашим требованиям, то, убедясь наперед верным образом, что податливость с Вашей стороны доставит достижение мира, можете Вы сделать необходимую уступку о границе в Азии. В самой же крайности дозволяю Вам заключить мир, положа Прут, по впадении оного в Дунай, границею». Последнюю уступку император обусловил заключением союзного договора с Турцией.

О степени секретности царского решения можно судить по тому, что тем же 22 марта помечены очередные инструкции Румянцева, в которых предписывалось держаться твердо и положить реку Серет границею.

Статья 4-я подписанного в Бухаресте 16 (28) мая 1812 г. договора гласила: «Поставлено, что река Прут со входа ее в Молдавию до соединения ее с Дунаем и левый берег Дуная с сего соединения до устья Килийского и до моря будут составлять границу обеих империй, для

²⁸ Сироткин В. Г. Указ. соч. С. 183–194; Рахмиров П. Ю. Указ. соч. С. 185–188; Федорова Ф. А., Михайлова Т. И. Австро-русские отношения накануне и во время Отечественной войны 1812 г. Исторический архив. 1962. № 2. С. 99–112.

коих устье сие будет общее». Мирным актом предусматривалось предоставление сербам самоуправления, но в форме, позволявшей Порте маневрировать и оттягивать решение вопроса. В Азии Россия отказывалась от завоеваний, но не от земель, вошедших в ее состав добровольно, т. е. Грузии. Император Александр ратифицировал договор в Вильно накануне (буквально!) вторжения наполеоновских орд.

Поскольку рескрипт от 22 марта был окружен непроницаемой тайной, и в нем фигурировало требование заключения союза с Портой, М. Кутузов брал на себя колоссальную ответственность, заключая мир: «Что я ничего лучшего сделать не мог, то причиною положение дел в Европе, — писал он в реляции Александру от 4 (16) мая. — Что я никаких не упустил стараний и способов, тому свидетель Бог». Характерно заключение: «Но если со всем тем выгоднее разорвать все мною обещанное, в таком случае приму я без роптания все, что касательно меня последовать может. Несчастье частного человека с пользою общему ни в какой расчет не входит»²⁹. Кутузов предоставлял царю отказаться от договоренности, взвалив всю вину на него.

Отказа не последовало — мир в создавшихся условиях был благом для России, — но и заслуженных лавров полководец не дождался. Еще 4 (16) апреля был заготовлен рескрипт о передаче им командования армией адмиралу П. В. Чичагову. Рескрипт был составлен в двух вариантах, один написан совсем сухо, на случай, если к приезду адмирала мир не будет заключен, в другом, как бы спохватившись, царь обещал старому полководцу «награждение за все знаменитые заслуги, кои Вы оказали мне и отечеству»³⁰. Что же, Михайла Ларионович сделал свое дело и мог удалиться. А через три месяца, и вновь по призыву царя, Кутузов выехал из своей деревни навстречу отступавшей армии, занятой гигантской схваткой с полчищами Наполеона, — навстречу битвам, славе, смерти и бессмертию.

Адмирал Чичагов по прибытии на берега Дуная попытался осуществить царское указание о союзе с Портой. Возник план Адриатической экспедиции, удара по южному флангу наполеоновских владений и создания на освобожденной территории «славянского царства», ядром которого надлежало стать Сербии³¹. Как это можно было осуществить при сотрудничестве с турками — уму непостижимо. По мысли стратегов из царского окружения и Чичагова, те, ради дружбы с петербургским двором, должны были совершить государственное самоубийство. Столь же призрачной являлась мысль о привлечении к экспедиции Великобритании, не собиравшейся содействовать проч-

²⁹ Кутузов М. И. Сборник документов. Т. 3. М., 1952. С. 850; 893; ВПР. Т. 6. М., 1962. С. 413, 737; Орлов А. А. Указ. соч. С. 183, 178, 176.

³⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1812. Д. 1982. Л. 261.

³¹ Там же. 1807. Д. 2004. Л. 3, 5; Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 76–78.

ному утверждению на Балканах своей соперницы. Поскольку в научной литературе термин «бредовый» не в ходу, назовем учиненную околотиломатическую возню утопической.

Замысел открытия второго фронта в Далмации лопнул, как мыльный пузырь. Адмирал со своей армией двинулся в Центральную Россию, но тут обнаружил отсутствие уже полководческих дарований, он не поспел к реке Березине, месту переправы отступавших наполеоновских войск, что позволило спастись их остаткам.

На гребне феодальной анархии. Болгарские земли в начале XIX века*

В новое столетие Османская империя вступала в состоянии глубокого внутреннего кризиса. Никогда ранее позиции центральной власти еще не были столь слабы. Постепенный развал военно-административной системы¹ привел к тому, что к началу XIX в. власть Порты в полной мере распространялась лишь на столицу и ее окрестности. Сепаратистские тенденции в провинциях стремительно нарастали. На окраинах империи фактически происходил процесс формирования полунезависимых или совсем независимых от центра государственных образований. Сирия, Ирак, страны Магриба (Алжир, Тунис, Ливия) и Египет признавали власть султана лишь номинально. Большую часть Аравийского полуострова контролировали мятежники-ваххабиты. Приверженцы этой мусульманской секты (основанной в середине XVIII в.), декларируя возврат к «старому», «чистому» исламу, фактически добивались образования собственного арабского государства во главе с династией ибн-Саудов. Немногим лучше обстояло дело и в центральных районах империи. Анатолия оказалась поделенной на несколько обособленных друг от друга феодальных образований. Аналогичная ситуация складывалась и в Румелии. В Эпире и Южной Албании янинский паша Али Тепелена стал по существу независимым правителем подвластных ему земель. Северная Албания была под контролем семейства Бушати. Македонией и частью Беломорской Фракии владел сересский аян Исмаил бей. Вся Восточная Румелия была погружена в пучину феодальной анархии. Однако на рубеже столетий царивший здесь ранее хаос начал постепенно приобретать некое подобие новой структуры.

Исследование эпохи кырджалийства² дало болгарскому историку В. Мутафчиевой серьезные основания предполагать, что в первые го-

* В главах, написанных И. Ф. Макаровой, использован материал из ее монографии «Болгары и Танзимат». М., 2010.

¹ О кризисе османской военно-административной системы подробно см.: *Макарова И. Ф.* На пути к феодальной анархии (болгары под властью турецкого султана) // *История Балкан. Век восемнадцатый*. М., 2004.

² Там же.

ды XIX в. на территории Восточной Румелии и в болгарских провинциях в частности происходил процесс формирования новых крупных центров власти³. Внутренняя система иерархии, постепенно оформившаяся внутри аяныка⁴, начала вступать в противоречие с анархической стихией и всеобщим разгулом бандитизма, захлестнувшим регион в последнее десятилетие XVIII века. Негласно установившаяся схема соподчинения аянов вела к оформлению официально непризнанных, но реально существующих границ феодальных владений, диктуя при этом неизбежность вливания дружин мелких правителей в воинские подразделения патронов. Результатом интеграционных процессов такого рода стало постепенное оформление новой властной структуры, в которой присутствие центральных органов вообще не предусматривалось. К 1806 г. (когда разразился внутривластный кризис, вызванный попыткой султана Селима III распространить свои реформы на Румелию) власть в болгарских провинциях принадлежала уже довольно ограниченному кругу главарей, под чьим подчинением находились, однако, крупные воинские контингенты, сопоставимые по численности с правительственными войсками.

Особенно интенсивно интеграционные процессы разворачивались в северных землях. Если в 1800–1801 гг. для этого района была еще характерна военная вакханалия (особенно на спорных территориях между Тырново, Плевной и Севлиево), то к весне 1802 г. положение изменилось. Многолетнее кровавое соперничество между видинским правителем Пазванд-оглу и руцукским аяном Трыстеникли-оглу закончилось сговором. Произошел фактический раздел северных провинций. Вплоть до смерти обоих правителей (в 1807 и 1806 г. соответственно) здесь установилась относительно стабильная граница феодальных владений. Полновластным правителем почти всех северо-восточных областей признавался Трыстеникли-оглу. Кроме Руцука и Тырново он контролировал Шумлу, Разград и целый ряд других крупных населенных пунктов. В отличие от Пазванд-оглу, правитель Руцука опирался не на янычар. Его власть базировалась на выстроенной им пирамиде аянской иерархии. Распространяя свою власть на новые территории, он назначал на все ключевые посты верных себе людей. Они же обеспечивали ему пополнение воинского контингента своими ополченцами и наемниками. В этих подразделениях царили относительно строгая дисциплина и единоначалие.

Говоря о Трыстеникли-оглу, необходимо особо отметить, что до 1806 г. он не вступал в открытые конфликты с Портой. До тех пор, пока в действиях правительства не усматривалось угрозы его независимости, он был готов поддерживать мероприятия центра. Расположен-

³ Мутафчиева В. Кърджалийско време. София, 1972. С. 255–265.

⁴ О процессе становления аяныка подробно см.: Макарова И. Ф. На пути к феодальной анархии...

ный на торговом пути между столицей и Дунайскими княжествами, Рушук своим благосостоянием в немалой степени был обязан транзитной торговле. Поэтому хаос в регионе не только ущемлял интересы купцов, ростовщиков и задунайских поставщиков, но был крайне невыгоден лично Трыстеникли-оглу. Регулярные и разорительные рейды банд видинских кырджалиев на валашские земли наносили прямой ущерб его казне. Это обстоятельство предопределяло неизбежность превращения Трыстеникли-оглу в союзника Порты в борьбе с Пазванд-оглу. И хотя его статус фактического правителя края не был признан юридически, правительство даже не пыталось его оспаривать. Трыстеникли-оглу контролировал области, на территории которых обычно разворачивались боевые действия в период русско-турецких войн. Обладая боеспособной армией (и не будучи заинтересован в русской оккупации своих земель), он оказывался незаменимым союзником правительства в случае военного конфликта с Россией. Для правительства возможность опоры на рушукского аяна была тем более важна, что доверие к собственным командующим падало. По мере ослабления центра открытое неповиновение военачальников становилось все более распространенным явлением.

Совершенно иначе складывались отношения Порты с Пазванд-оглу. Будучи возведен в 1799 г. в ранг трехбунчужного паши (визиря) и признан в качестве законного правителя Видинского пашалыка, он тем не менее не прекратил своей конфронтации с центром. Новый официально признанный правитель края продолжал по-прежнему поддерживать мятежных белградских янычар и банды местных кырджалиев, а его отряды все также совершали рейды за Дунай, грабя и разоряя валашские земли. Объявленный в августе 1800 г. очередной (третий) поход правительственных войск против Видина снова закончился ничем. В борьбе против этого сепаратиста центр был явно бессилён.

Ситуацию осложняли также и политические амбиции мятежника. Стремясь укрепить свои позиции, Пазванд-оглу предпринимал шаги для налаживания прямых контактов с европейскими державами. Он попытался обрядить феодальный бунт в одежды едва ли не идейного движения. Особенно перспективным для деятельности в этом направлении ему представлялся французский политический вектор. Осенью 1801 г. он отправил в Париж двух агентов — Недялко Поповича и Полисою Кондона. В ходе состоявшейся встречи с Талейраном они передали предложения, способные заинтересовать Францию⁵. Пазванд-оглу предлагал свою военную помощь в обмен на гарантии независимости видинских земель (а также земель татарского хана Чингиз Гирея). В случае победы он обещал всячески содействовать во внутреннем переустройстве Османской империи в том направлении, в котором пожелает

⁵ *Атанасов Щ.* Селските въстания в България към края на XVIII в. и началото на XIX в. и създаването на българската земска войска. София, 1958. С. 126–127.

Франция. В настоящий же момент обращался с просьбой — прислать в Видин советника с целью проведения в его владениях реформ по французскому образцу и согласования своей деятельности с Парижем.

Реальных последствий миссия не имела. Предложения сепаратиста оказались несвоевременны, так как в это время Франция вела с Портой переговоры о заключении мира. Однако сам факт попытки игры на «демократическом поле» вносил дополнительную nervoznost в отношения Пазванд-оглу не только со Стамбулом, но также с Россией и Австрией. Тем более что последние и без подобных демаршей были склонны излишне драматизировать ситуацию в Видинском крае, усматривая в ней несуществующие в действительности революционные параллели.

Стремясь любой ценой урегулировать ситуацию на своих южных границах, Россия и Австрия в конце 1801 – начале 1802 гг. установили через своих агентов даже прямые контакты с Пазванд-оглу. Речь шла о гарантиях его личной безопасности в обмен на упорядочивание разбойничьей стихии. Хотя в целом переговоры закончились безрезультатно, итогом все же стало перемирие видинского паши с Портой. В августе 1802 г. он согласился на очередную амнистию, которой ранее упорно пренебрегал.

Звезда Пазванд-оглу начала клониться к закату совершенно неожиданно. Произошло это в 1804 г., и причиной тому стали не победы правительственных войск, а восстание в Сербии. Подъем национально-освободительного движения в соседней Сербии, прозвучавшая идея «борьбы креста с полумесяцем» послужили толчком к процессу конфессиональной дифференциации внутри кырджалиев. Относительно однородное в социальном отношении воинство начало раскалываться по религиозному признаку. Армия Пазванд-оглу стала быстро сокращаться за счет оттока на запад своей православной составляющей. По сообщениям русского консула в Бухаресте Л. Кирико, измены христианских командиров, дезертирство православных кырджалиев и присоединение их к восставшим приобрели в 1805 г. массовый характер⁶. С началом эпохи национально-освободительных движений вдруг выяснилось, что ранее индифферентные к политике разбойники предпочитают все же действовать под идеологическими знаменами и воевать под началом единоверцев.

Под тяжестью неожиданных изменений нервы Пазванд-оглу не выдержали. Всегда подчеркнуто доброжелательный к своим христианским подданным, в январе 1806 г. он устроил в Видине погром, обвинив православное духовенство и старейшин в подготовке всеобщего восстания. С этого момента Пазванд-оглу вошел в конфликт с местным болгарским населением, являвшимся ранее его основным резервом в

⁶ Мутафчиева В. Кырджалийско време. С. 288.

борьбе с правительственными войсками. В результате могущество видинского паши начало таять на глазах. Если до этого в Сербии не было крупных самостоятельных отрядов болгар, то уже в 1806 г. они начали появляться. Наиболее громко среди них прозвучали подвиги дружины гайдука Велко Петровича⁷.

Оттоку болгар в ряды восставших сербов способствовало и непреднамеренное вмешательство Порты. Напуганная новым мятежом и угрозой его разрастания, Порта объявила о необходимости разоружения местного христианского населения. Это вызвало взрыв негодования. По информации русского консула Л. Кирико, в ответ на это постановление до 20 тыс. возмущенных болгарских семей из западных областей перешли на сторону воюющих сербов⁸.

Сербские события послужили также толчком для начала политической активности болгар. В 1804 г. по примеру сербов они попытались установить официальные контакты с русским правительством и поставить вопрос о своем политическом освобождении. В октябре 1804 г. два посланника болгарских земель — торговцы Иван Замбин из Врацы и Атанас Некович из Тетевена прибыли для переговоров в Петербург в качестве представителей своих соотечественников. Ввиду отсутствия необходимых сопроводительных писем посланцы вплоть до 1808 г. не могли приступить к возложенной на них миссии. Лишь в феврале 1808 г. в их распоряжении оказался, наконец, подписанный епископом Софронием Врачанским документ, предоставляющий необходимые полномочия. В связи с этим в Валахии по инициативе русского министерства иностранных дел вскоре была организована встреча Софрония с генералом М. А. Милорадовичем. И хотя практических результатов встреча не имела, это был первый контакт на официальном уровне, имевший в глазах болгар большое символическое значение.

Между тем, несмотря на ослабление позиций Пазванд-оглу, договоренности, достигнутые в 1802 г. с Трыстеникли-оглу, нарушены не были. Нового кровавого передела границ феодальных владений не последовало, что давало возможность населению наладить хотя бы некоторое подобие мирной жизни. По критериям того времени данное обстоятельство было большим достижением. Тем более что к югу от Балканского хребта разгул бандитизма все более нарастал, приобретая в период 1800–1806 гг. наибольший размах. Объединенные походы фракийских кырджалиев начали напрямую угрожать столице. В марте 1800 г. армия численностью в 5 тыс. человек двигалась от Балкан в сторону Люлебургаса. Возглавлял ее один из местных главарей по имени Кара Фейзи. Разграбив фракийскую долину и прервав всяческое сообщение Адрианополя со столицей, кырджалии вызвали массовый поток

⁷ Дойнов Ст. Българите в Първото сръбско въстание // Исторически преглед. 1970. № 5. С. 51–74.

⁸ Богишич В. Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872. С. 62.

беженцев. В Стамбуле началась паника, но бандиты, ограничившись захватом богатой добычи, отступили. В октябре того же года начался второй кырджалийский поход на Стамбул. В этот раз союзниками Кара Фейзи выступили отряды Пазванд-оглу и татарского хана Чингиз Гирея. Их войска окружили Сливен, Адрианополь, Лозенград. Для отражения надвигающейся на столицу угрозы из Трапезунда правительством был вызван 7-тысячный корпус Тайяр-паши. Однако он смог защитить лишь Адрианополь. Порту спасла наступившая зима.

Если говорить в целом, во Фракии в эти годы царила атмосфера полного аянского самовластия. Неспособная справиться с обстановкой, Порта ограничивалась по существу обороной столицы. Весной 1803 г. кырджалии организовали третий поход на юг. В союзе с Кара Фейзи в сторону столицы двигались отряды из Восточного Беломорья, Бургаса и Родоп. В июне под Адрианополем они нанесли поражение посланным им навстречу правительственным войскам, но, ограничившись грабежом, снова отступили, чтобы в ноябре начать новый поход. На этот раз численность объединенных кырджалийских дружин достигала 3–4 тыс. человек. После того, как они, разграбив Люлебургас, выдвинулись по направлению к столице, против кырджалиев были впервые выставлены отряды реформированных и специально обученных «новых войск» под командованием Осман-паши. В июле 1804 г. едва ли не в первый раз за всю историю кырджалийства правительственным войскам удалось одержать полную победу — их противники были рассеяны.

Однако победа правительственных войск привела к последствиям совершенно неожиданным. Вместо мира она спровоцировала обострение противостояния румелийских аянов с центром, вызвав в конечном итоге жесточайший внутривосточный кризис. Причина подобного поворота событий, как это ни парадоксально, крылась в хорошей боеиспособности новой реформированной султанской гвардии. Вдохновленный продемонстрированными во Фракии результатами, султан Селим III принял решение о распространении своих реформ, в первую очередь, военных на территорию Румелии. Центром подготовки «новых войск» здесь должен был стать Адрианополь. По высочайшему решению в кратчайшие сроки в окрестностях города следовало возвести казармы, в которых рекрутам из местного населения надлежало пройти надлежащую подготовку для превращения в регулярное войско «низами». Именно на их отряды отныне и предполагалось возложить обязанность поддержания порядка в регионе. Соответственно на эту территорию распространялось и бремя новых налогов.

Это решение вызвало бурю негодования практически во всех слоях населения Восточной Румелии, как никогда ранее сплотив его в противостоянии центру. Интересы балканских янычар и спахий оно затрагивало самым непосредственным образом, ставя под удар основу их материального благополучия. Аяны вполне резонно усмотрели в султанском решении угрозу своей независимости, а мусульманское

духовенство — опасность распространения европейских порядков. Что же касается обнищавшего за годы феодальной анархии податного населения, то его никак не могла вдохновить перспектива введения новых налогов. Решимость противостоять введению «новой системы» оказалась настолько сильной, что в 1806 г. правительство оказалось перед угрозой всеобщего восстания в Румелии.

Движение против введения «новой системы» возглавил обычно внешне лояльный по отношению к Порте рушукский аян Трыстеникли-оглу. К этому времени масштаб его влияния в регионе значительно вырос. Пользуясь ослаблением позиций своего основного соперника Пазванд-оглу, он распространил власть на прежде неподконтрольное ему черноморское побережье (в том числе южнее Балканского хребта). Не имея, в отличие от Пазванд-оглу, официально признанного высокого статуса, Трыстеникли-оглу фактически превратился в наиболее влиятельную политическую фигуру региона, мнение которого имело решающее значение. В принципе он не возражал ни против модернизации армии, ни связанных с этим хозяйственных мероприятий. Однако как только встал вопрос о распространении «новой системы» на Румелию, рушукский аян, заподозрив Порту в покушении на свою независимость, не только объединился с ее противниками, но и встал во главе борьбы, заключив военно-политический союз с основными феодалами Румелии. Весной 1806 г., когда направлявшиеся в Бессарабию правительственные войска сделали попытку остановиться в Рушукке, Трыстеникли-оглу решительно воспротивился их присутствию вблизи своей резиденции. При известии же о переброске первых отрядов «низами» в Восточную Фракию он объявил созыв всеобщего ополчения, расставил заставы на дорогах и мобилизовал население на оборонительные земляные работы. Летом вспыхнул открытый мятеж. Вся Восточная Фракия объединилась против столицы. Ситуацию не смогла переломить даже неожиданная смерть Трыстеникли-оглу (погибшего от рук наемного убийцы).

События июня — начала июля 1806 г. получили в историографии наименование «Второго адрианопольского инцидента». Именно с ним исследователи в значительной степени связывают процесс фактического свертывания реформ султана Селима III. В отставку срочно были отправлены великий визирь и ряд министров, смещен шейх-уль-ислам. Роковую роль в судьбе реформ сыграла и начавшаяся в конце 1806 г. новая война с Россией. Общее ухудшение экономической ситуации, блокада Стамбула эскадрой Д. Н. Сенявина (вызвавшая продовольственный кризис в столице) привели к усилению недовольства «новой системой». Уход на фронт правительственных войск во главе с великим визирем также не способствовал укреплению позиций султана и сторонников реформ. Бунт столичных ямаков (вспомогательных войск янычарского корпуса) в мае 1807 г. положил конец и «новой системе», и царствованию султана Селима III. На престол был возведен принц Мустафа, торжественно объявивший об отказе от нововведе-

ний предшественника. Был провозглашен курс на возврат «к старому доброму порядку», а сама «новая система» получила оценку «неслыханного новшества», нацеленного на «подражание неверным»⁹.

Русско-турецкая война параллельно внесла серьезные коррективы и в расклад сил в болгарских провинциях. Вступление русских войск в Дунайские княжества (ноябрь 1806 г.) предотвратило опасность нового витка феодальных усобиц. Прежде всего между наследником Трыстеникли-оглу на посту аяна Рущука Мустафой Байрактаром и Пазванд-оглу (с союзными ему феодалами северо-восточных земель). Озабоченные обороной своих территорий, местные правители отвлеклись от проблемы «низамов» и отложили на будущее взаимные территориальные претензии.

Особенно резкие изменения начавшаяся война внесла в положение Мустафы Байракта. Бывший аян Разграда, воспитанник и наследник всех богатств Трыстеникли-оглу, герой предыдущей русско-турецкой войны (1787–1791 гг.), пользующийся огромным уважением в войсках, Байрактар оказался во главе единственной вооруженной силы, способной в тот момент встать на пути русской армии. В первые месяцы войны правительственных войск на Дунае фактически не было, в то время как под командованием Байракта находилось до 20–30 тыс. хорошо вооруженных, многоопытных и дисциплинированных бойцов. Порта поспешила заверить аяна Рущука, что возлагает на него все свои надежды по защите страны. Он был возведен в визирское достоинство, назначен на пост силистрийского вали и дунайского сераскера (командующего войсками). Однако непосредственное знакомство с «августейшей армией» не прошло для Байракта бесследно. Ему воочию пришлось убедиться в полном разложении и недееспособности традиционного османского войска. Поэтому известие о свержении султана, отмене военной реформы и воцарившейся в столице анархии радикально повлияло на его политическую позицию. Под покровительством Байракта в Рущук начали находить убежище уцелевшие деятели селимовского кабинета реформ.

Остроту ситуации придавала и осложнившаяся политическая обстановка. Не имевший ореола легитимности, султан Мустафа полностью утратил даже формальный контроль над отдаленными провинциями. А предательство Наполеоном (после Тильзитского мира) своего союзника-султана и откровенное обсуждение им проблемы разделения европейских владений Турции требовали срочного наведения порядка в столице и армии. Эту задачу и взял на себя Мустафа Байрактар. Опираясь на собравшихся в Рущук сторонников реформ, он организовал заговор с целью свержения власти бесчинствующих в Стамбуле янычар, возвращения на трон Селима и восстановления «новой системы».

⁹ *Миллер А. Ф.* Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XIX в. М.; Л., 1947. С. 138.

В сентябре 1807 г., пользуясь установившимся на русско-турецком фронте перемирием и полной бесконтрольностью со стороны центра, Мустафа-паша начал собирать вокруг себя силы, способные выступить против столицы. Его планы поддерживали наиболее могущественные правители Румелии и Анатолии. Поход на Стамбул начался в июне 1808 г. Во главе многотысячного войска Байрактар прибыл в ставку великого визиря, находившуюся в Адрианополе. Заверив визиря в отсутствии собственных политических амбиций и убедив его в необходимости ликвидации хаоса в столице, Байрактар направился вместе с ним к Стамбулу. В июле его войска беспрепятственно и торжественно вошли в город. Однако возникшие разногласия по вопросам тактики дальнейших действий помешали успешно довести задуманное до конца. Султан Мустафа, заподозрив неладное, попытался смешать все планы заговорщиков, срочно умертвив Селима и намереваясь проделать то же самое с наследным принцем Махмудом. В случае успеха он остался бы последним, а, следовательно, неприкосновенным представителем османской династии. Но принцу удалось спастись. Мустафа был свергнут с престола, и началось правление юного султана Махмуда II. Обязанный всем (в том числе и жизнью) рушукскому аяну, новый султан передал всю фактическую полноту власти Байрактару, назначив его великим визирем и сераскером (военным министром и главнокомандующим).

Так впервые в истории Османской империи провинциальным мятежникам удалось не только осуществить успешный захват столицы, но и навязать свою волю центральному управлению. Эта победа стала результатом совместных и согласованных действий наиболее влиятельных аянов и деревбеев Румелии и Анатолии. Она ознаменовала собой триумф провинциальной элиты нового типа. Обязанная своим появлением на свет разразившемуся в XVIII в. кризису, не имевшая опоры в социальной и политической структуре традиционного османского общества, эта новая элита около полувека ожесточенно боролась за власть и признание Портой своего реального общественно-политического статуса. Приход Байрактара к власти дал ей шанс если не осуществить, то, по крайней мере, публично заявить о своих социальных притязаниях.

28 сентября 1808 г. в Стамбуле торжественно открылось общеимперское совещание, на которое собрались наиболее влиятельные правители Румелии и Анатолии. В нем приняли участие даже представители от Египта, Сирии и Ирака. На совещании был выработан и принят так называемый «Союзный пакт», утвержденный султаном и получивший силу закона. В этом документе в качестве равноправных договаривающихся сторон выступили центральная власть и новая провинциальная элита. В обмен на обещанную поддержку Порты представляла румелийским аянам и анатолийским деревбеем гарантии личной безопасности, признавала неприкосновенность их земельных владений и приобретенных постов. Гарантии распространялись также

на их потомков и наследников, фактически предусматривая тем самым потомственную передачу власти на местах.

«Союзный пакт» включал в себя также пункт о необходимости возвращения к военной реформе султана Селима III. Итогом последовавшего обсуждения стало решение о создании нового войска — корпуса так называемых «обученных сейменов», фактически возрождавшего гвардию султана Селима III. Для комплектования этого войска участвующие согласились на введение в своих владениях регулярного рекрутского набора. Решено было также восстановить корпус по-европейски обученных моряков.

Принятие «Союзного пакта» внесло радикальные перемены в положение янычар. Хотя официального решения о роспуске янычарской гвардии принято не было, ряд постановлений ставил ее на грань самоликвидации. Было объявлено, что занимающиеся ремеслом и торговлей гвардейцы отныне подлежат увольнению, а их эсаме (билеты для выплаты жалования) аннулируются. Размер же новых выплат по эсаме должен был почти в десять раз уступать жалованию для рекрутов реформированного войска. Предполагалось, что разница в размере жалования быстро приведет к переходу основного контингента янычар под знамена «обученных сейменов». Что же касается ямаков, то они вообще были лишены каких-либо выплат.

Откровенная угроза ликвидации вызвала среди янычар взрыв негодования. Их поддержало столичное духовенство, напуганное слухами о готовности правительства ввести воинскую повинность для ходжей (учителей) и софт (учеников) медресе. На стороне оппозиции выступил и городской плебс, недовольный ростом цен на продовольствие (в связи с большим скоплением войск в городе). Пока армия Байрактара находилась под стенами Стамбула, порядок гарантировался самим фактом ее присутствия. Но с окончанием лета ситуация изменилась. Войска союзников Байрактара начали расходиться по зимним квартирам. К тому же нападения нового видинского паши Идриса на рушукский аянлык вынудили Байрактара срочно отправить на родину значительную часть собственного войска. Вспыхнувший в ноябре 1808 г. бунт янычар и городской черни застал великого визиря врасплох и без необходимой военной поддержки. Мустафа Байрактар погиб, а вынужденный отказаться от реформ султан Махмуд II на долгие годы превратился в политического заложника янычар.

Со смертью Байрактара ситуация в Восточной Румелии изменилась коренным образом. Рухнуло не только единство между столицей и новой провинциальной знатью, но и сам аянский союз. Подняли голову все уцелевшие соперники Байрактара. Обострение ситуации провоцировала и сама Порта. Стремясь отвлечь внимание от столицы и ослабить наследника Байрактара, она пошла по пути разжигания старой вражды между Рушуком и Видином. Регион оказался на пороге

нового передела границ феодальных владений. Однако ситуацию неожиданно спасло начало второй фазы русско-турецкой войны.

В марте 1809 г. русские войска, разорвав перемирие, форсировали Дунай. В короткий срок ими были захвачены Мачин, Измаил, Браилов (Браила), осаждена Силистра (Силистрия). Внешняя угроза вынудила местных правителей отложить распри. Никто из них не был заинтересован в оккупации своих земель, а поэтому процесс внутренней консолидации и союз с Портой стали неизбежны. Как и в первую фазу войны, многотысячные аянские войска снова оказались главным препятствием на пути продвижения русской армии на юг. Параллельно именно в ходе военных действий 1809–1812 гг. произошло и окончательное перерождение кырджалийских дружин в профессиональную наемную армию. Возобновление военных действий против России мобилизовало готовое для новых усобиц аянское воинство на борьбу с внешним врагом и способствовало дальнейшему очищению региона от стихийной разбойничьей вольницы. Не последнюю роль в саморазрушении разбойничьих дружин сыграла, вероятно, и политика России, ориентированная на привлечение на свою сторону как можно большего количества добровольцев из состава местного православного населения.

Руководствуясь опытом предыдущей войны, русское командование еще до начала боевых действий начало весьма активно формировать в Дунайских княжествах так называемые «арнаутские отряды». Среди них в числе прочих балканских христиан было и большое количество болгар¹⁰. Основную массу волонтеров составляли, безусловно, жители Дунайских княжеств (в том числе и из числа болгарских эмигрантов). Однако не малая их часть формировалась за счет перебежчиков с правобережья. Причем, надо полагать, что основную массу перебежчиков вряд ли могли составлять обычные мирные крестьяне, не имевшие ни личного боевого опыта, ни вкуса к походной жизни.

На правобережье русскую армию поддержали дружины болгарских гайдуков. Так, например, в районе Разграда действовал двухтысячный отряд, который, кстати, опасаясь мести, эвакуировался впоследствии вместе с отходящими войсками за Дунай¹¹. А на северо-западе прославилась дружина Велко Петровича, состоявшая в русской армии на довольствии и вооружении.

Наибольшего размаха участие болгар в военных действиях достигло на последнем этапе войны. Стремясь как можно скорее завершить кампанию, но жестко ограниченное собственными людскими ресурсами, русское командование пошло в 1811 г. на создание самостоятельной болгарской военной единицы — так называемого «Болгарского земского войска» во главе с генералом И. В. Турчаниновым.

¹⁰ Конобеев В. Д. Българското националноосвободително движение. Идеология, програма, развитие. София, 1972. С. 105–139.

¹¹ Там же. С. 138–139.

По разным сведениям его состав колебался от 500 до 2000 человек (и даже до 15 тыс.)¹². Это войско, используемое в основном как вспомогательное, было разделено на сотни, во главе которых стояли командиры из числа болгар. Задействованное как на восточном, так и на западном театре военных действий, оно особенно отличилось в боях под Силистрой и Тутраканом. После окончания войны участники «Земского войска» в своей основной массе также оказались за Дунаем.

Заглохнув во время войны, кырджалийство уже не нашло в себе сил возродиться вновь. Как точно подметила В. Мутафчиева, с этим явлением было покончено не благодаря каким-то особым мероприятиям правительства, а в силу того, что кырджалийство изжило себя в своей органичной сущности¹³.

Не последнюю роль в этом процессе сыграло, вероятно, и то обстоятельство, что за долгие годы всеобщего разгула бандитизма местное население научилось эффективно защищать себя и свое имущество. Строго говоря, для рубежа веков само словосочетание «законопослушная райя» стало понятием весьма относительным, а грань между кырджалиями и мирными гражданами условной. Ярчайший тому пример — православное население во владениях видинского правителя Пазванд-оглу, составлявшее (по данным французских дипломатов) основной резерв его войска численностью до 12 тыс. человек¹⁴. «Мирная райя» такого рода вряд ли была по зубам простым разбойникам. К тому же, эпоха кырджалийства и русско-турецкие войны в изобилии снабдили всех желающих современными средствами защиты, а расписавшееся в своем бессилии правительство даже формально перестало протестовать против ношения оружия христианами.

С течением времени и сама оборона населенных пунктов начала становиться все более профессиональной. Защитой крупных городов обычно занимались сами аяны, зачастую превращая их в подлинные крепости. Поэтому основные административные центры региона (Видин, Рушук, Силистра, Адрианополь и др.) благополучно избежали грабежей и разорений. Города средней руки, хотя контролировались более мелкими правителями, также имели неплохие укрепления. Например, правивший в Хасково Эммин-ага окружил город несколькими поясами укрепленных траншей, а в центре отстроил арсенал.

В относительно небольших поселениях военно-организационные функции чаще всего осуществляли общины во главе с местными старейшинами. Население нередко добровольно брало на себя дополнительные денежные обязательства, а собранные средства расходовались

¹² *Атанасов Щ.* Селските въстания... С. 161; *Златарски В.* Политическата роля на Софрония Врачански през русско-турската война (1806–1812) // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. Кн. 19. София, 1923. С. 44, 77.

¹³ *Мутафчиева В.* Кырджалийско време. С. 334–335.

¹⁴ Там же. С. 237.

исключительно на оборону. Наглядным документом, иллюстрирующим деятельность такого рода, являются сохранившиеся тефтеры Елены¹⁵. После разграбления в 1800 г. этого тогда еще незащищенного городка общиной было принято решение по введению налога для строительства оборонительных сооружений. Результатом деятельности общинников стало быстрое возведение рядом с городом хорошо подготовленной к обороне крепости.

Война 1806–1812 гг. оказалась также своеобразным рубежом и в истории аянского сепаратизма. Наличие общего врага и необходимость внутренней консолидации фактически подвели черту под столь долго продолжавшимся противостоянием аянов со столицей. Вместе с войной сепаратизм как общераспространенное явление начал уходить в прошлое. В конфликте с центром осталось сравнительно небольшое количество отдельных правителей, с которыми не составило особого труда расправиться. Без массовой подпитки со стороны кырджалийства аянство, как источник сепаратизма, перестало представлять собой серьезную угрозу для центральной власти.

Сразу после заключения Бухарестского мира (1812 г.) правительство приступило к точечной нейтрализации все еще мятежных правителей. В 1813 г. под гарантии сохранения жизни был переселен в окрестности Стамбула видинский паша Идрис Молла, выслен и адрианопольский аян Дагдевиреноглу. В 1816 г. подверглись заточению аяны Старой Загоры и Ямбола. В 1819 г. был пойман и обезглавлен Эммин-ага Хасковский. Их наследники (уже имея легитимный статус) вовсе не жаждали новой конфронтации с Портой.

Так окончание войны 1806–1812 гг. ознаменовало собой конец эпохи кырджалийства и приход на болгарскую землю долгожданного мира. Вместе с ним наступала и новая эпоха. Пережившее несколько десятилетий смуты, оказавшееся на самом гребне феодальной анархии местное население на рубеже двух столетий было перенесено мятежной волной из затянувшегося Средневековья в Новое время.

Однако для болгар цена этого стадийного перехода оказалась чрезвычайно высокой. Никогда со времен эпохи османского завоевания этому народу не приходилось сталкиваться со столь массовыми людскими потерями. И речь в данном случае идет не только о жертвах усобиц и карательных походов, исчислявшихся тысячами. Регион сильно пострадал от исхода беженцев. Наиболее массовым переселением было в соседние Дунайские княжества. Существовавшие и ранее в Валахии и Молдавии болгарские колонии пополнились многочисленными толпами новых мигрантов. По самым приблизительным подсчетам за годы смуты из болгарских земель эмигрировало до 250 тыс. человек¹⁶. Офи-

¹⁵ Дичев М. Градиво за историята на град Елена // Еленски сборник. Т. 2. София, 1931. С. 51.

¹⁶ Дойнов Ст. Българската емиграция от втората половина на 18 и първото десетилетие на 19 в. в земите на север от Дунава // В чест на акад. Д. Косев. София, 1974. С. 88.

циальная статистика переселенцев, проводившаяся русскими военными властями в период войны 1806–1812 гг., показывает, что только за эти годы в Дунайских княжествах и на юге России нашли убежище 87 тыс. человек¹⁷. Параллельно происходила миграция в Сербию и на земли Австрийской империи. По данным местных источников, количество беженцев в этом направлении приближалось к 18–20 тыс.¹⁸

Отчасти способствовала миграции и политика русского правительства. Заинтересованное в приросте христианского населения на своих южных рубежах и расширении обрабатываемых площадей, оно в начале XIX в. откровенно благоприятствовало переселенцам. Особую роль сыграли императорские указы и распоряжения 1807 г. В них, в частности, не только предусматривалось наделение переселенцев земель (по 60 десятин в вечное потомственное владение), освобождение от налогов на десятилетний срок, но также гарантировалась личная свобода от возможного закрепощения. Для измученного кырджалийской смутой православного населения предложения подобного рода не могли не служить серьезным стимулом для перемены места жительства. Но это массовое движение, столь понятное с человеческой точки зрения, наносило дополнительный демографический урон местной христианской общине, создавало перекося в пользу мусульманского элемента в этноконфессиональном балансе сил в регионе, тормозило духовное и политическое развитие болгарского народа.

Однако эпоха кырджалийской смуты имела для болгар и неожиданно позитивные последствия. Как тонко подметила В. Мутафчиева, если рассматривать кырджалийскую смуту не в контексте османистики (как высшую точку в процессе развала военно-административной системы), а с точки зрения оценки перспектив исторического развития болгарского народа, то можно прийти к парадоксальному выводу о прогрессивной роли этой эпохи¹⁹. В данном случае речь идет о том, что именно этот период стал поворотным для переориентации болгарского общественного сознания.

Вынужденные на протяжении нескольких десятилетий активно заниматься военным промыслом, болгары невольно приобрели навыки, плохо совместимые с психологией забитой, законопослушной райи. Своеобразным индикатором происходящих изменений стало устное народное творчество. Привыкнув полагаться исключительно на свои силы и с оружием в руках отстаивать свои интересы, болгары начали культивировать качественно новый тип народного героя. К концу эпохи кырджалийства и, вероятно, не без влияния освободительных веяний из соседних сербских земель романтический ореол стали при-

¹⁷ Дойнов Ст. Преселнически движения от българските земи по време на руско-турските войни през първата половина на 19 в. // Българското възраждане и Русия. София, 1981. С. 295.

¹⁸ Дойнов Ст. Българската емиграция... С. 88.

¹⁹ Мутафчиева В. Кърджалийско време. С. 357.

•
обретать образы гайдуков. Нравственная оценка проклинаемых и презираемых прежде разбойников постепенно переориентировалась в сторону их идеализации. Данное обстоятельство можно, по всей вероятности, рассматривать в качестве наглядного проявления внутренней трансформации массового общественного сознания, подготовке его к принятию новых ценностей наступающей эпохи национально-освободительных движений.

Подводя итог, можно сказать, что для болгарских земель эпоха кырджалийства имела исключительное значение. На рубеже двух столетий именно на этой территории решалась судьба и будущее Османской империи, совершался мучительный исторический перелом — переход к Новому времени. И болгары в полной мере разделили все превратности судьбы, выпавшие на долю их земли. На гребне феодальной анархии этот народ совершил переход к качественно новой ступени своего исторического развития.

В начале трудного пути. Первое и Второе сербские восстания (1804–1815 гг.)

Со второй половины XVIII в. усилился экономический и политический кризис Османской империи, вызванный процессом разложения военно-феодальной системы. Это привело к большим переменам в экономическом и общественном строе славянских народов Балканского полуострова, несколько веков изнывавших под тяжким игом турецких ассимиляторов.

Расположенная на окраине Турецкой империи, к югу от Савы и Дуная, Сербия по сравнению с внутренними областями Османского государства обладала рядом преимуществ. Степень турецкой колонизации здесь, была меньше, чем, например, в соседней Болгарии, а удобное географическое положение, наличие разнообразных природных богатств, хорошие торговые связи с Австрией, а также значительная транзитная торговля способствовали более интенсивному хозяйственному развитию Белградского пашалыка. Здесь надо иметь в виду еще одно обстоятельство: рядом, на противоположных берегах Савы и Дуная в австрийской Воеводине, проживало многочисленное сербское население, покинувшее родные пределы в Османской империи.

Южная часть сербских земель (особенно Косово и Метохия, которые в период расцвета средневековой сербской государственности были центром тогдашнего Сербского королевства) после переселения сербов в австрийские земли в 1690 г. и дальнейшей эмиграции населения за Саву и Дунай в XVIII в. стала заселяться албанцами-мусульманами. Сербское население здесь значительно уменьшилось. Вместе с этим сербы стали преобладать в Воеводине, которая в это время входила в состав Габсбургской империи.

Сербское население оказалось на территории различных государств — Османской империи и Габсбургской монархии, что создавало с одной стороны большие трудности для складывания единой сербской нации, но с другой стороны сербы в Австрийской империи имели гораздо более благоприятные условия для своего экономического, политического и культурного развития. В XVIII в. сербы Воеводины имели церковную автономию. Контакты австрийских и турец-

ких сербов безусловно способствовали и экономическому, и политическому развитию сербов Белградского пашалыка.

На рубеже XVIII–XIX вв. сербские земли в составе Османской империи представляли собой отсталую аграрную страну, в которой господствовали феодальные отношения. Многовековое османское господство сильно затормозило социально-экономическое развитие сербов, как и других завоеванных турками христианских народов Балканского полуострова. Сербские города были превращены турками в опоры своего господства, в административные центры по управлению завоеванной страной. Количество сербского населения в городах было незначительно.

Значительное развитие в Сербии получило скотоводство, особенно свиноводство. Благодаря наличию хороших пастбищ и угодий, дубовых и буковых лесов свиноводство играло очень большую роль в экономике страны. Сербские свиньи находили широкий рынок сбыта в соседней Австрии, Боснии, Герцеговине и других странах. Торговля скотом являлась основным источником дохода большинства сербского населения.

Белградский пашалык занимал важное место в торговле Турции. В конце XVIII в. в ряде мест Сербии функционировали мелкие местные базары. Широко известны были сербские монастырские ярмарки. Крупнейшим центром внутренней и внешней торговли являлся город Белград. Предметами торговли были продукты земледелия и скотоводства.

В конце XVII – начале XVIII века во время войн Австрии с Османской империей (с 1683 по 1791) австрийские войска 3 раза занимали территорию Белградского пашалыка, один раз даже в течение 20 лет. Поэтому и система турецкой государственности, и османское феодальное общество были значительно ослаблены. В Сербии проживало очень мало мусульман. Сельского мусульманского населения здесь практически не было. Турецкие помещики — спахии, жили в основном в городах, появлялись в своих владениях только ради сбора налогов и феодальной ренты. Да и городское мусульманское население не играло значительной роли ни в экономической, ни в политической областях. Главную опору османской власти в Белградском пашалыке представляли янычарские гарнизоны, состоявшие в основном из выходцев из Боснии и Албании. Именно янычары славились своими насилиями над христианами. С конца XVIII в. в Сербии наряду со спахиями появились новые феодалы, так называемые читлук-сахибии, — выходцы из среды янычарского войска. Они захватывали при помощи насилия крестьянские земли, а крестьян ставили в кабальную от себя зависимость. Процесс захвата читлук-сахибиями крестьянских земель и превращение их в частную собственность турецких феодалов получил название почитлученья.

Природные богатства сербских земель и более мягкие формы феодальной эксплуатации привлекали сюда многочисленных переселенцев

из соседних провинций. В конце XVIII века происходит быстрый рост численности населения Белградского пашалыка — почти в 5 раз¹.

Постепенные изменения имели место и в крестьянском хозяйстве. Под действием имущественной дифференциации и расслоения деревни старые патриархальные порядки стали разрушаться, хотя и очень медленно. Внутри общин, главным образом из представителей общинного самоуправления — кнезов и оберкнезов (сельских старост) — постепенно начал создаваться привилегированный слой богатого крестьянства. Сербские зажиточные крестьяне не только имели свое хозяйство, но и занимались торговлей, разводя скот на продажу, скупая и перепродавая его.

В конце XVIII в. Османская империя переживала тяжелый кризис. Экономика страны находилась в упадке, государственная казна была пуста. Непрекращающиеся бунты и мятежи янычар держали в постоянном страхе султана и его правительство. Все больше увеличивалась финансовая зависимость империи от европейских государств. Феодальная анархия захватывает и политические, и военные и административные структуры. Перед угрозой крушения империи часть султан Селимом III вступил на путь реформ, пытаясь приспособить Османское государство к вызовам времени. Но реформы Селима III были враждебно встречены крупными феодалами — представителями феодальной реакции. Наиболее упорное сопротивление центральному правительству оказал Видинский паша Осман Позванд-оглу. Он окружил себя разложившимися элементами из числа янычар и кирджалиев, составивших его армию, которая грабила и разоряла христианское население.

В войне 1787–1791 гг., в которой Россия выступала вместе с Австрией против Турции, активное участие приняли сербы. На австрийской территории создавались сербские добровольческие отряды. Многие участники этих отрядов были выходцами из османских владений, прежде всего из Белградского пашалыка. На территории Сербии действовал повстанческий отряд под руководством крупного сербского торговца Кочи Ангельковича.

Но в противоположность России, которая поддерживала стремление подвластных Турции народов к созданию собственных независимых государств, Австрия, исходя из своих интересов, не способствовала национально-освободительной борьбе балканских народов. После подписания Свиштовского мира 1791 г. все сербские земли, освобожденные самими сербами, снова были отданы туркам.

После окончания войны Австрии с Турцией османские власти не предприняли карательных акций в отношении сербов, участвовавших в войне на стороне австрийцев.

¹ Чубриловић В. Први српски устанак // Одабрани историјски радови. Београд, 1987. С. 10–11.

Султан Селим III, когда Австрийские войска ушли из сербских земель, решил провести ряд реформ в Белградском пашалыке для нормализации положения в этой пограничной области Османской империи. Янычарам, которые уклонялись от военной службы султану, было запрещено возвращение в пашалык, их земельные владения были конфискованы². Султанскими фирманами 1791, 1793, 1794 гг. сербские крестьяне получили ряд привилегий: уменьшена феодальная рента, сокращены налоги, было обещано введение внутреннего самоуправления в селах и кнежинах, сербы могли избирать своих кнезов и оберкнезов, утверждаемых белградским пашой, сербы получили право свободной торговли, строить церкви и монастыри. Было организовано и сербское ополчение, оно участвовало в боевых действиях вместе с турецкими войсками против бунтовщика Османа Пазванд-оглу и его янычар.

Проведенные османскими властями реформы в Белградском пашалыке после 1791 года способствовали развитию сельского хозяйства и торговли, росту народного благосостояния. Все это в свою очередь повышало и самоуважение сербов, их гражданское достоинство. Развитие органов самоуправления в Сербии позволяло надеяться, что Сербия, как и Молдавия и Валахия, сможет постепенно добиться автономии, а потом и независимости без особых потрясений и войн.

Предоставление ограниченной автономии Белградскому пашалыку в составе Османской империи открывало сербам хорошие возможности самостоятельного экономического, политического и культурного развития под верховной властью Порты. Началось определенное экономическое оживление, активизировалась торговля с австрийскими владениями.

Изгнанные из пределов Белградского пашалыка янычары объединились с Видинским пашой. В конце 1801 г. отрядам Позванд-оглу удалось захватить Белградский пашалык. Янычарские начальники-дахи установили в стране жесточайший террор. Занятая войной с Наполеоном, который вторгся в Египет в 1799 г., Порта была вынуждена пойти на примирение с Позванд-оглу и с янычарами. Янычары получили право снова вернуться в Белградский пашалык и вернуть свои земельные владения. Привилегии, предоставленные сербам в 1793–1794 гг., были ликвидированы. К власти пришли четыре янычарских командира — дахии, и Порта фактически признала их правителями пашалыка. Янычары захватили не только крестьянские, но и спахийские земли и превратили их в свою собственность. Малейшие попытки неповиновения туркам жестко подавлялись.

Сербь, уже успевшие отвыкнуть от насилия, стали готовиться к отпору. Уже в 1802 г. они начали подготовку к вооруженному восстанию. Подбирались руководители восстания, шла агитация среди крестьян-

² Историја Српског народа. Књ. 5–1 С. 7.

ства, у австрийских торговцев скупалось оружие и боеприпасы. Активизировалась деятельность гайдуцких отрядов, которые имели тесные связи с местным населением. Начиная с января 1804 г. в различных районах страны стали возникать повстанческие отряды. Узнав о готовящемся восстании, дахии решили истребить всех представителей общинного самоуправления, сельских старост, священников, зажиточных крестьян, пользовавшихся авторитетом и влиянием среди сербского населения и возглавлявших борьбу пробив турецких насильников. В начале февраля 1804 г., желая запугать христиан, янычары устроили резню, жертвой которой стали 72 серба из числа видных кнезов и оберкнезов. Это преступление янычарских вождей вызвало волну возмущения сербского населения и явилось поводом к восстанию, вспыхнувшему в феврале того же года.

Повсюду народ поднимался на борьбу. В первых числах февраля 1804 г. в местечке Орашац произошло собрание повстанческих старшин, которые избрали вождем восстания Георгия Петровича, вошедшего в сербскую историю под именем Карагеоргия (1752–1817 гг.). Перед восстанием он был прасолом, торговцем скотом. Выходец из сербских крестьян, в прошлом хайдук Карагеоргий участвовал в австро-турецкой войне 1787–1791 гг., где приобрел военный опыт. Все это в сочетании с необыкновенной личной храбростью и природным умом способствовали тому, что кандидатура Карагеоргия была поддержана большинством руководителей восстания.

Уже весной 1804 г. борьба сербов против дахийев и янычар вышла за рамки изолированных выступлений отдельных чет и гайдуцких отрядов. Немалую роль в этом сыграл военный опыт, приобретенный сербскими добровольцами, участвовавшим в Австро-турецкой войне 1788–1790 гг. Повстанческая армия содержалась за счет сельских общин. Во главе восстания стали наиболее авторитетные среди сербского населения люди: сельские старосты, торговцы, священники и хайдуки³. Отряды сербских повстанцев постоянно пополнялись за счет добровольцев, особенно участников последней австро-турецкой войны, прибывавших из Австрии. Сербские купцы из Воеводины тайно продавали повстанцам оружие и боеприпасы. Размах движения был настолько широк, что к середине марта 1804 г. 9 из 12 нахий (округов) Белградского пашалыка были полностью освобождены от турок. Повстанцам удалось осадить Белград, Пожаревац и Смедерево, где находились турецкие гарнизоны и мусульманское население⁴. В Белграде окопались четверо дахийев вместе с янычарами, а также прибывший к ним на помощь Гушанц-Али, один из сторонников Пазванд-оглу. Взять Белград сербам не удалось, но бежавших из города дахийев сербы перехватили и уничтожили.

³ Маретий Геден Ернест. Историја Српске револуције. Београд, 2004. С. 30. ◆

⁴ Ђорђевић М. Освободилачки рат српских устаника. Београд, 2004. С. 110; Историја српског народа. Т. V–1. Београд, 1981. С. 30.

Характерной особенностью первого этапа сербского восстания до 1806 г. было то, что они требовали возврата прежних привилегий, дарованных султанскими фирманами конца XVIII в. При этом повстанцы признавали законность верховной власти султана. Подчеркивая свою преданность султану, они требовали обуздания произвола янычар. Во время переговоров о перемирии руководители восстания требовали изгнания дахийев из Белградского пашалыка, амнистии всем участникам восстания и ликвидации читлуков — феодальных владений янычар, справедливого обложения налогами, честного суда, возможности свободно избирать местные власти, права свободно исповедовать христианскую религию, свободы торговли и обеспечения личности купцов. В то же время сербские повстанцы настаивали на том, чтобы Австрия гарантировала выполнение соглашения о предоставлении Белградскому пашалыку автономии. В целом эти требования не выходили за рамки той ограниченной автономии, которой сербы пользовались с 1793 г. Переговоры на основе этих предложений сербских повстанцев не дали положительных результатов, так как турки отвергли требование сербов о гарантии условий перемирия какой-либо нейтральной великой державой.

Вскоре после начала восстания его вожди, отдавая себе отчет в том, что собственными силами без необходимого оружия и боеприпасов сербским повстанцам вряд ли удастся добиться от Порты удовлетворения своих требований, при поддержке карловацкого митрополита Стефана Стратимировича, попытались вступить в политические контакты с Австрией и Россией, рассчитывая получить от них помощь. Россия и Австрия поддерживали отношения с Портой. К тому же внимание этих государств было сосредоточено на противодействии экспансии наполеоновской Франции.

Однако австрийское правительство не только не оказало помощи повстанцам, но строжайше запретило всякие сношения повстанцев с австрийскими сербами.

В мае месяце сербская скупщина направила письмо российскому посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому с просьбой поддержать повстанцев перед Портой, а вскоре затем было решено послать делегацию в Петербург во главе с видным деятелем восстания протоиереем Матвеем Ненадовичем. В обращении к правительству Александра I сербские делегаты, прибывшие в Петербург в ноябре 1804 г., сформулировали требования о предоставлении права на полную внутреннюю самостоятельность. Россия же выступала покровительницей и гарантом сербского государства⁵.

Правительство Александра I, которое находилось в союзных отношениях с Портой, не могло в это время открыто взять сербов под

⁵ Грачев В. П. Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807). М., 2003. С. 119–120.

свою защиту, предоставить им военную помощь. В то же время Россия стремилась расширить свое политическое влияние среди православных жителей Османской империи. Поэтому сербским повстанцам посоветовали не прекращать своей борьбы, попытаться занять Белградскую крепость, но одновременно обратиться в Стамбул с прошением о выводе из страны всех турецких войск при обязательстве сербов самим защищать свой край.

Повстанцам была оказана денежная помощь и обещана поддержка их требований перед султаном. Моральная и материальная поддержка восставших со стороны России имела большое значение для поднятия духа сербских повстанцев.

По возвращении сербской депутации на родину, в начале 1805 г., повстанцы по совету России послали своих представителей к султану с изложением сербских требований, которые в некоторых пунктах шли дальше условий перемирия 1804 г.

Таким образом, русское правительство поддержало требование сербов о предоставлении им широкой внутренней автономии. Политические контакты постоянно поддерживались через российских дипломатических представителей в Османской империи и Австрии, а также через валашского господаря А. Ипсиланти, тайно помогавшего сербам⁶.

Османское правительство в начале достаточно спокойно относилось к движению сербов Белградского пашалыка, так как оно было направлено против янычар. Но вскоре турецкое правительство, напуганное широким размахом народного восстания, решило с помощью армии усмирить непокорный Белградский пашалык.

Летом 1805 г. новый белградский визирь Хафиз-паша должен был с большим войском двинуться из Ниша к Белграду, с задачей восстановить власть турок в Белградском пашалыке. Получил приказ готовиться к походу в Сербию и боснийский визирь. Сербы были полны решимости вести борьбу до окончательной победы и отказались пропустить Хафиз-пашу в пашалык как законного правителя.

В начале августа 1805 г. в окрестностях Чуприи, у местечка Иванковац, между повстанцами и турецкой армией произошло сражение, в котором турки были разбиты. Новая попытка вооруженных сил Османской империи в августе 1806 г. принудить восставших сербов к покорности путем нанесения ударов с запада и юга окончилась для них столь же неудачно.

Эти успехи повстанцев, нанеших поражение двум турецким армиям у Мишара и Делиграда, позволили им начать переговоры о мире. В Константинополь была послана делегация во главе с Петром Ичко — старейшиной греческой торговой компании в Белграде, болгарин по происхождению, хорошо знавшим турецкий язык. Миссия

⁶ Грачев В. П. Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807). С. 122–126.

Петра Ичко увенчалась успехом. Под угрозой надвигавшейся войны с Россией турецкое правительство заявило о своей согласии принять все требования сербов о предоставлении им внутренней автономии, но отказалось предоставить гарантии какой-либо великой державы⁷.

Вступив в вооруженную борьбу с дахиями и янычарами, сербы рассчитывали на помощь христианского населения соседних областей. Уже весной 1804 г. предводители восстания послали своего представителя к черногорскому митрополиту Петру I Петровичу Негошу, предлагая совместно действовать против турок. Призывы подниматься на борьбу за освобождение были направлены и в Боснию, и Герцеговину.

Сербы стремились к восстановлению сербской государственности в новых условиях начала XIX века. Так как противоречия сербского населения Белградского пашалыка в области общественных, политических, экономических и конфессиональных отношений с Османской империей (которые и привели к началу восстания сербов в 1804 г.) были в основном теми же самыми и для широких слоев христианского населения Османской империи. Поэтому Первое сербское восстание дало не только толчок, но и стало ярким примером реальной борьбы против османского господства, причем не просто борьбы за улучшение своего настоящего положения (как это было на начальном этапе Первого сербского восстания), но за достижение окончательного освобождения.

Пример сербов белградского пашалыка вдохновлял христианское население империи, придавал восстанию христиан национальный компонент. Освобожденная часть сербских земель.

После сражения сербских повстанцев под Иванковцем, возникают многочисленные народные выступления христианского населения в Османской империи вблизи Белградского пашалыка: в Зворникском санджаке, Новопазарском, лесковачском и видинском пашалыках. Сербские повстанцы вели сражения и в соседних турецких землях. Освобожденная сербская территория стала ярким примером для антиосманских движений христианского населения, центром борьбы против османского господства, против турецкого насилия, за создание нового национального сербского государства. Эту идею освобождения от османской власти поддерживали и сербы окрестных турецких территорий, и другие балканские народы от северной Албании и до болгарских земель⁸.

В то время вследствие ряда обстоятельств как внутреннего, так и международного характера, приведших к поражению Первого сербского восстания в 1813 г., восстание сербов Белградского пашалыка не смогло перерасти рамки собственно сербского национального движения и объединить другие антитурецкие национальные движения балканских народов. Но несмотря на это Первое сербское восстание ока-

⁷ Грачев В. П. Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807). С. 143–150.

⁸ Ђорђевић М. Ослободилачки рат српских устаника 1804–1806 године. Београд, 1967.

зало глубокое воздействие и на национальные движения других христианских народов османской империи.

Победы повстанцев в 1806 г. под Мишаром и Делиградом, когда впервые после нескольких веков христиане Османской империи нанесли поражение войскам Османской империи, продемонстрировали балканским народам и в целом Европе, что сербское восстание более значительное и важное событие. В 1806–1809 гг. эта национально-освободительная составляющая восстания получила свое полное выражение.

Сербские повстанцы 1807 г. ставят своей целью освобождение и объединение сербов, создание нового сербского государства, они продолжают борьбу с турками в союзе с Россией.

К этому времени самосознание сербов настолько возросло, что они уже чувствовали себя единым народом, имевшим главную цель своего движения — освобождение от турецкого ига. Поэтому повстанцы не прекращали борьбы за окончательное освобождение Белградского пашалыка от турок. 8 января 1807 г. штурмом была взята последняя турецкая крепость в Сербии — город Белград.

Отправившемуся в Стамбул Петру Ичко было поручено выдвинуть более умеренные условия. Приближение войны с Россией заставляло Порту со своей стороны идти на уступки. В январе 1807 г. султанское правительство издало фирман, предоставлявший сербам широкие автономные права.

Взятие Белграда совпало с началом русско-турецкой войны. В изменившейся обстановке сербы решили продолжать борьбу за свое окончательное освобождение в союзе с Россией, в результате Ичков мир был ими отвергнут. В Сербии развернулось мощное национально-освободительное движение против султанской Турции за создание независимого сербского государства⁹. В период совместной борьбы с Россией (1806–1812 гг.) антитурецкое национально-освободительное движение сербского народа приобрело характер антифеодальной аграрной революции.

Начался новый этап в истории Первого сербского восстания. Возникнув как протест против кровавого режима дахийев и янычар, оно переросло в движение против турецкого господства, в национальную революцию сербского народа.

В декабре 1806 г. началась русско-турецкая война. После занятия русскими войсками Молдавии и Валахии русско-сербские связи приобрели более регулярный и прочный характер. Русское командование снабжало повстанцев оружием, боеприпасами, оказывало им значительную денежную и продовольственную помощь. Неоднократные попытки турок уговорить сербов заключить мир неизменно отвергались.

⁹ Стојанчевић Владимир Први српски устанак. Београд, 2004 С. 160.

Летом 1807 г. отряд русских войск под командованием генерала Исаева соединился с сербскими повстанцами и вел совместную борьбу против турок на территории Сербии. Соединенные сербские и русские войска одержали победу над турками у Малайницы и Штубика. 10 июня 1807 г. между Россией и Сербией была подписана конвенция, ознаменовавшая собой создание русско-сербского военного союза. По просьбе сербов в Белград для помощи в организации внутреннего управления страной и укрепления связи с Россией был послан русский представитель К. К. Родофиникин. В период совместной борьбы с Россией против общего врага сербы провели реорганизацию армии, осуществили ряд внутренних социальных и политических преобразований.

В июне 1805 г. Наполеон нанес тяжелое поражение русским войскам под Аустерлицем. Александр I вынужден был пойти на мир с Наполеоном и заключить договор о союзе с Наполеоновской Францией в Тильзите. В августе было подписано перемирие между Россией и Османской империей. Оно не было официально утверждено царским правительством, но военные действия прекратились. В перемирии не было пункта о сербах. Порта была вынуждена признать, что оно распространяется и на повстанцев. К этому времени в Белградском пашалыке произошли большие перемены.

Турецкое феодальное землевладение на освобожденной территории было уничтожено. Значительная часть освобожденной от турецких владельцев земли оказалась в руках повстанческих вождей, а также кнезов, торговцев, сельских богатеев и самого Карагеоргия.

Когда после длительного перерыва, вызванного русско-турецкими мирными переговорами, весной 1809 г. военные действия возобновились. Русская армия стала готовиться к форсированию Дуная. Надеясь на ее содействие, сербы решили предпринять широкое наступление в направлении Нови Пазара, Черногории, Боснии и Герцеговины, составившие пытались привлечь к борьбе население Старой Сербии, Боснии и Черногории. Однако, несмотря на значительные успехи, одержанные сербской армией под командованием Карагеоргия, которая действовала в районе Нови-Пазара, распыленность повстанческих сил едва не привела сербов к разгрому. Расчеты на поддержку русских войск не оправдались — из-за разлива реки их переправа через Дунай задержалась. Воспользовавшись тем, что русские не могли оказать непосредственной военной помощи Сербии из-за разлива Дуная, турки бросили свои основные силы против Сербии. Несмотря на героические усилия сербов, в ряды повстанцев были призваны все мужчины в возрасте от 12 до 70 лет, туркам удалось захватить города Пожаревац и Ягодину, что открывало им возможность наступать на Белград. Турецкие части продвинулись далеко в глубь Сербии. В Белграде началась паника, часть сербских воевод бежала в Австрию. Туда же направился и К. К. Родофиникин. Положение было спасено стремительным на-

ступлением русских войск под командованием Багратиона в районе Нижнего Дуная. Потерпев поражение от русских, турки вывели свои войска из Сербии. Одновременно были усилены поставки сербам оружия, боеприпасов, продовольствия. Вскоре Карагеоргий сумел организовать оборону, а осенью 1809 г. повстанцам удалось освободить от турок почти все занятые ими территории.

В 1810–1811 гг. русские воины сражались вместе с сербскими повстанцами. В начале 1811 г. в Белград, по просьбе сербов, прибыл отряд русских войск, который участвовал в боях с турецкими войсками. Победы объединенных русско-сербских войск подняли боевой дух сербов, таким образом были заложены основы боевого сотрудничества России и сербов. Русско-турецкая война имела важное значение для успеха национально-освободительной борьбы сербского народа.

В ходе восстания сразу же остро встала проблема организации управления военными силами и создания новых органов государственной власти.

В самом начале восстания связь между повстанцами, действовавшими в отдельных нахиях (округах), была слабой. Каждый воевода — военный руководитель области — в своих поступках и действиях ничем не был ограничен. После избрания в 1804 г. верховного вождя восстания общее руководство военными действиями повстанцев было сосредоточено в руках Карагеоргия. Но до 1805 г. центральных органов управления еще не было. Лишь скупщины (собрания руководителей движения) созывались регулярно. На них разрешались важнейшие вопросы, касавшиеся всей Сербии: сообща вырабатывались условия перемирия, обсуждались вопросы о налогах, об организации и содержании повстанческой армии и т. п.

На скупщине в сентябре 1805 г. был создан так называемый «Правительствующий совет сербский». Совет состоял из 12 человек, по одному представителю от каждой нахии. Председателем Совета стал М. Ненадович. Совет занимался делами по управлению освобожденной от турок территорией, ведал государственными доходами и имуществами, осуществлял судебную и законодательную власть. Секретарем Совета стал Божидар Груйович, придерживавшийся передовых для своего времени взглядов, некоторое время преподававший в Харьковском университете. По его проекту Правительствующий совет и скупщина должны были стать верховными органами власти в молодом сербском государстве, а «хорошая конституция» — обеспечить его гражданам законность, свободу, безопасность личности и имущества¹⁰. Важное место в общественной борьбе в Сербии занимала проблема государственного устройства, прежде всего проблема соотношения власти Карагеоргия и Правительствующего совета, Карагеоргия и влия-

¹⁰ *Маретий Геден Ернест. Историја Српске револуције. С. 73.*

тельных воевод, часто не желавших подчиняться верховному вождю. Карагеоргий с самого начала постарался полностью подчинить слабый еще Совет своей власти.

Попытки Совета ограничить власть верховного вождя встретили с его стороны сильное противодействие. В свою очередь воеводы стремились быть независимыми от Карагеоргия и от Совета и оставаться полными хозяевами каждый в своей нахии. Хотя Совет всячески старался расширить свою власть, ограничить права верховного вождя и сломить сопротивление областных воевод ему не удалось.

За основу для создания новых органов власти в повстанческой Сербии в начале использовались органы самоуправления села и кнежевины. На этих демократических традициях коллективного решения различных вопросов основывается и авторитет народных скупщин в сербском обществе, как верховного законодательного и исполнительного органа Сербии. Именно сербская скупщина, как и сельские и кнежинские скупщины стали главным источником власти и главным институтом новой власти. Поэтому, несмотря на большую личную власть Карагеоргия от 1811 до 1813 гг., никто не ставил под сомнение принцип суверенности народных скупщин.

С 1807 г. в организации государственного управления Сербии активное участие принимала Россия. Специальная комиссия, составленная из 3 русских и 5 сербов, разработала проект «Основания правительства Сербского», состоявший из 12 статей. По существу «Основание» должно было явиться первой сербской конституцией. Высшим органом государственного управления по проекту «Основания» должен был быть Правительствующий сенат под председательством князя. Проект «Основания» сильно ограничивал власть Карагеоргия. В нем ничего не говорилось о его наследственной власти. Воспользовавшись тем, что «Основание» не было утверждено Александром I, Карагеоргий с одобрения Совета на скупщине 1808 г. провозгласил себя наследственным князем Сербии и стал управлять страной совместно с Советом. Было решено периодически созывать скупщины 1 января каждого года¹¹.

Среди предводителей восстания усилилась борьба различных группировок. В одну из них входили сторонники России (Миленко Стойкович и Петар Тодорович Добриняц; Яков Ненадович, протоирей Матия Ненадович и др.) Они добивались ограничения власти Карагеоргия, стремились сохранить права местных воевод на самостоятельность. Их поддерживал Родофиникин, старавшийся укрепить Совет, расширить его права и функции. Это привело к осложнению взаимоотношений Родофиникина и Карагеоргия.

Другую группировку возглавляли деятели, ориентировавшиеся на Австрию. В нее входили воеводы, разбогатевшие на торговле с Авст-

¹¹ Стојанчевић Владимир Први српски устанак. С. 105.

рией, выходцы из Воеводины. Среди них были председатель Совета и комендант Белграда Младен Милованович, и воевода Сима Маркович, Иван Югович¹².

После кризиса 1809 г. внутренняя обстановка в Сербии оставалась сложной. Нарастало недовольство населения произволом воевод и местных властей, захватывавших и скупавших землю, ограничивавших свободу торговли и т. д. Противники Карагеоргия, число которых заметно увеличилось, добивались ограничения его власти¹³.

На январской скупщине 1811 г. была проведена реорганизация «Правительствующего совета». Для управления страной создавалось министерство из 6 министров-попечителей, назначавшихся из числа членов Совета. Остальные члены Совета составляли верховный суд. Однако вся полнота власти в стране принадлежала Карагеоргию, поскольку скупщина и Совет в условиях военного времени целиком зависели от него.

В борьбе за власть победил Карагеоргий, ставший фактически неограниченным правителем, влияние крупных воевод — его противников — ослабло. Двое из них — М. Стойкович и П. Т. Добриняц — не согласились с нововведениями и были изгнаны из страны.

В начале 1811 г. М. И. Кутузов принял командование молдавской армией. Выдающийся русский полководец и патриот сыграл большую роль в национально освободительной борьбе сербского народа. В это время сербский народ переживал критические дни. Турки готовили очередной карательный поход против сербов. Кутузов предотвратил наступление турок и начал переговоры о мире.

М. И. Кутузов добивался включения в мирный договор и условия о предоставлении сербам внутренней самостоятельности и самоуправления под верховной властью султана. Но турецкие уполномоченные упорно отказывались принять такие условия. Кутузов обязан был спешить с заключением мира, так как в любой момент могла начаться война с Наполеоном. Он проявил незаурядный дипломатический талант в ходе этих переговоров и 28 мая 1812 г. в Бухаресте был подписан мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1806–1812 гг. Несмотря на напряженность международной обстановки, в которой он был заключен (договор был подписан за 37 дней до вторжения Наполеона в Россию), Кутузов добился включения в мирный договор специальной 8-й статьи, обязывавшей Турцию «даровать» сербам Белградского пашалыка автономию, «предоставив им самим управление внутренних дел их, определив меру их податей, получая оные из собственных их рук». Порта соглашается предоставить сербам амнистию.

Возведенные сербами во время войны укрепления уничтожались, в Белград и ряд других крепостей вводились турецкие гарнизоны. Эта

¹² Стојанчевић Владимир Први српски устанак. С. 126.

¹³ Историја Српског народа. Т. V–I. С. 50–51.

формулировка статьи о Сербии не соответствовала ни стремлениям России, ни чаяниям сербских повстанцев. Но в той чрезвычайно сложной международной обстановке, учитывая давление Франции на Порту, большего добиться было весьма трудно. Бухарестский договор был первым международным актом, закрепившим право сербов на внутреннее самоуправление¹⁴. Опираясь на этот договор, Россия в дальнейшем смогла оказывать сербам активную помощь и поддержку.

После нападения наполеоновской армии на Россию Порты официально заявила о несогласии с содержанием 8-й статьи Бухарестского договора, и стала готовиться при первой благоприятной возможности расправиться с сербскими повстанцами.

Заключение Бухарестского договора, вывод русских войск из Белграда вызвали большое огорчение и разочарование сербов. Особенно тяжелым было условие о передаче туркам крепостей. В начале 1813 г. между представителями Турции и Сербии начались переговоры о выполнении 8-й статьи Бухарестского договора, сербские предводители решили действовать самостоятельно, добиваясь полной независимости при номинальном суверенитете султана. Они начали вести переговоры с турками без посредничества российского посланника в Стамбуле. Такая тактика была лишь выгодна Порте, сознательно затягивавшей переговоры и искавшей предлог для расправы с непокорными подданными.

К лету 1813 г. положение в сербо-турецком конфликте стало критическим. Воспользовавшись тем, что Россия была занята войной с Наполеоном и не могла оказать помощи сербам, султанская Турция, бесцеремонно нарушив 8-ю статью Бухарестского договора, осенью 1813 г. с трех сторон напала на Сербию и потопила в крови Первое сербское восстание. В начале октября был взят Белград. Большинство воевод и старейшин, руководивших 9-летней борьбой народа, вместе со своими семьями бежали в Австрию и были там интернированы. Кроме старейшин многие рядовые участники восстания также бежали в Австрию. В течение двенадцати дней турецкие войска грабили и разоряли сербские города и села, уводили в плен и продавали в рабство женщин и детей.

Россия в этот период не могла оказать помощи сербам. Внутренней причиной поражения восстания были резко обострившиеся противоречия между руководителями восстания и крестьянами — участниками восстания, интересы их в ходе освободительной борьбы все больше и больше расходились. Раздоры между руководителями восстания, боровшимися за власть, захват Карагеоргием неограниченной власти — все это обострило внутренние противоречия в лагере повстанцев и ослабило сопротивление сербов натиску турок.

Поражение восстания 1813 г. не означало поражение сербской революции, но многое было разрушено, и понадобилось начинать снова

¹⁴ Историја Српског народа. С. 54–56.

в 1815 г. Снова начался процесс создания национальной государственности но во многом в более тяжелых объективных и субъективных условиях. 1813-й год значительно замедлил дальнейшее развитие Сербии еще в течение по крайней мере 50 лет, возможно это и было самым тяжелым последствием этого поражения. Сербская национальная революция потерпела поражение, но не была уничтожена¹⁵.

В ходе национально-освободительной революции возникли основные компоненты и институты новой самостоятельной государственной организации повстанческой Сербии. Хотя Первое сербское восстание и потерпело поражение, но оно настолько сильно расшатало феодальные устои турецкого господства в Белградском пашалыке, что полностью восстановить старые отношения оказалось уже невозможным. Кроме того, 8-я статья Бухарестского договора служила надежной опорой сербам в их борьбе за освобождение.

Первое сербское восстание стимулировало процесс национальной консолидации сербского народа, складывания национального самосознания, способствовало развитию просвещения.

Новое сербское государство предпринимало меры к организации просвещения. До 1804 г. школ в Сербии не было. Грамотные люди имелись только в монастырях. Теперь в крупных городах были созданы школы. В 1807 г. в освобожденную Сербию прибыл выдающийся сербский патриот, философ и просветитель Досифей Обрадович (1742–1811 гг.)¹⁶, основавший в 1808 г. высшую школу в Белграде. В 1811 г. он был назначен попечителем народного просвещения. Здесь начал свою деятельность Вук Караджич.

Так, в ходе национально-освободительной борьбы сербского народа возникали и развивались первые органы государственной власти, которые закладывали основы для создания независимого сербского государства.

В развитии народного просвещения, в процессе складывания у вождей восстания идей национального возрождения и политических идей большую роль играли выходцы из Австрии (Б. Груйович, И. Югович, Д. Обрадович и др.), а также духовенство Карловацкой митрополии во главе с митрополитом Стефаном Стратимировичем. Они формулировали главную национальную задачу — создание нового сербского государства нового времени. Тем самым был заложен фундамент дальнейшего развития национальных идей в Сербии.

После подавления Первого сербского восстания турецкими властями была объявлена амнистия, бежавшие в Австрию, скрывавшиеся в лесах и горах жители призваны вернуться домой. Некоторые воеводы сдались турецким властям, заявив о своей лояльности. Среди них

¹⁵ Чубрилович В. Први српски устанак... С. 17.

¹⁶ Лециловская И. И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006. С. 162–165.

был и Милош Обренович, ставший оберкнезом Рудницкой нахии, а затем еще двух нахий.

Но вскоре репрессии возобновились. Турки приступили к реставрации спахийских отношений, заставляя крестьян нести тяжелые феодальные повинности. Огромные налоги разоряли страну. Осенью 1814 г. доведенные до отчаяния жители одной из нахий подняли восстание под руководством воеводы Хаджи Продана, но оно было подавлено турками.

Между тем международная обстановка в Европе снова резко изменилась.

Наполеоновская Франция потерпела поражение. Бежавшим в Австрию предводителям восстания — Карагеоргию, М. Миловановичу, С. Живковичу и другим — было разрешено поселиться в России.

Оказавшись в безвыходном положении, сербы послали М. Ненадовича на Венский конгресс искать защиты против турецких злодеяний у руководителей великих держав. Предложение России воздействовать на Турцию от имени великих держав не встретило поддержки со стороны Англии и Франции. Выход из создавшегося положения сербы видели только в новом восстании.

Весной 1815 г. разразилось Второе сербское восстание, начавшееся в Валевской нахии. После первых успехов повстанцев на тайном собрании сербских кнезов и старейшин 11 апреля 1815 г. в Такове было решено поднять всеобщее восстание. Вождем восстания был избран активный участник восстания 1804–1813 гг. воевода Милош Обренович (1780–1860 гг.)¹⁷. Очень скоро на борьбу против турок поднялся весь Белградский пашалык. В длившемся несколько дней сражении у горы Любич, близ города Чачак, сербы одержали победу над войсками белградского паши. Для продолжения успешно начавшейся борьбы сербам не хватало оружия. Австрийское правительство закрыло границу, лишив повстанцев возможности закупать боеприпасы и продовольствие на территории Австрии. Тогда сербы, используя опыт первого восстания, обратились за помощью к России. Благодаря дипломатическому вмешательству России, продвижение двух турецких армий, посланных на подавление восстания, было приостановлено. Начавшиеся мирные переговоры между Милошем Обреновичем, с одной стороны, и с румелийским вали (губернатором) Марашли Али-пашой — с другой, в конце 1815 г. завершились устным соглашением. Под давлением России султанское правительство вынуждено было по просьбе сербов назначить белградским визирем Марашли Али-пашу и в начале 1816 г. на основании предыдущего устного соглашения Милоша Обреновича с Марашли Али-пашой издать несколько фирманов, по которым сербы получали некоторые незначительные привилегии. В фирманах сербам разрешалось самим собирать

¹⁷ Историја Српског народа. Кн. 5. С. 102.

дань султану, регламентировались размеры податей спахиям; сербы получили право участвовать в суде наравне с турецкими чиновниками. Кроме того, в Белграде под руководством Милоша создавалась так называемая «народная канцелярия» из 12 нахийских кнезов, выполнявшая посреднические функции между сербами и турками, признавалась власть сербских органов самоуправления наряду с сохранением турецкой администрации, но ничего не говорилось о Милоше Обреновиче как верховном правителе и князе Сербии.

Таким образом, князь Сербии был обычным турецким чиновником с весьма ограниченными правами. В любой момент султан мог ликвидировать предоставленные сербскому народу привилегии.

Хотя Второе сербское восстание и увенчалось успехом, Сербия по-прежнему оставалась турецкой провинцией с ограниченными правами в области внутреннего самоуправления, которые не соответствовали условиям Бухарестского договора. Понадобилось еще более 15 лет напряженной борьбы сербов при энергичной дипломатической и военной помощи со стороны России, прежде чем завоевания сербского народа в национально-освободительной борьбе были окончательно признаны Турцией.

Черногория в первые годы XIX века

В рассматриваемый период Черногория по-прежнему была отсталой страной со слабо развитой экономикой, основу которой составляло сельское хозяйство. Если в положении крестьян-общинников, по сравнению с XVIII в., мало что изменилось, то церковь, правящая верхушка (сердары, воеводы, кнезы) упрочили свои позиции в экономической жизни. В первой половине XIX в. монастыри, и в первую очередь Цетинский, интенсивно скупали землю. Кроме земель, Цетинский монастырь владел крупными стадами домашнего скота, имел несколько мельниц и получал доходы с принадлежавших ему запруд. Доходы митрополии при Петре I Негоше достигали суммы в 12 тыс. гульденов (1 гульден — 60 коп. серебром). Его преемнику Петру II Негошу (1830–1851 гг.) недвижимое имущество церкви и другие доходы приносили ежегодную сумму в 3 тыс. червонцев¹. В покупке земель от церкви не отставали и такие известные и влиятельные фамилии Черногории, как Петровичи, Радоничи, Вукосавовичи, Калуджеровичи, Церовичи и др. Например, в Цуцах (Катунская нахия) племенные старейшины владели пятой частью всей обрабатываемой земли. Подобное не было исключением, а наблюдалось почти повсеместно, поскольку купить чрезвычайно дорогую землю (надел около 1 га стоил в 50-е гг. 3 тыс. гульденов) могли себе позволить только зажиточные старейшины.

Старейшинская верхушка, православные иерархи (а с 1852 г. к ним добавились князь и его двор) эксплуатировали рядовых общинников полуфеодальным-полупатриархальным способом. Войны и постоянные вооруженные конфликты с Османской империей в значительной мере сдерживали их возможности усилить эксплуатацию крестьян-общинников, представлявших социальную основу освободительной борьбы. Вместе с тем так или иначе старейшинский слой присваивал себе значительную часть всего производимого в стране.

Из-за недостатка плодородных земель голод был частым гостем в Черногории. В первой половине XIX века он был повсеместным — в 1817, 1819–1820, 1823–1827, 1830–1837, 1846 годах. В это время многим черногорским семьям приходилось есть траву и коренья. В борьбе с

¹ См. об этом: *Благојевић О.* Економска мисао у Црној Гори (до другог свјетског рата). Београд, 1988. С. 116; Црногорско-руски односи 1711–1918. Подгорица; Москва, 1992. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори от краја XVII вијека до средине XIX вијека. С. 309.

голодом в конце 30–40-х гг. большую роль сыграла русская безвозмездная помощь Черногории зерном (около 2 тыс. тонн), которую в 1838 г. в ответ на просьбу Петра II Негоша согласилось предоставить русское правительство.

Преобладание натурального хозяйства приводило к тому, что каждая крестьянская семья производила почти все необходимое для жизни. Черногорцы сами строили свои незамысловатые жилища, «которые хотя и каменные, но без извести и окон...», отмечал в начале XIX в. русский дипломат С. А. Санковский. В таких условиях жили простые черногорцы. Процесс имущественного расслоения, набравший силу в первой половине XIX в., приводил к тому, что уровень жизни черногорских старейшин был выше, чем у рядовых черногорцев.

Отсутствие городов не позволяло развиваться ремеслам, но все же черногорцы знали «кузнечное и слесарное мастерство, служащее для починки ружей»², в селах имелись мастера по изготовлению деревянных инструментов и посуды. В 20–30-е гг. XIX в. в некоторых районах Черногории (Црмницкая нахия и др.) были открыты небольшие ремесленные производства по выпуску древесного угля, черепицы и досок. Однако подобные производства были единичными, и экономический эффект от них был незначительный.

Слабое развитие производительных сил, отсутствие каких-либо значительных природных, материальных и людских ресурсов, постоянная внешняя опасность и внутренняя нестабильность — все это предопределяло общую экономическую отсталость Черногории, где промышленное производство не могло получить развития, а ремесло в основном носило кустарный характер.

При князе Даниле в 1852 г. были установлены таможенные тарифы на ввозимые и вывозимые, а также транзитные товары, что обособило черногорский рынок, сократив его связи с австрийским и турецким рынками. Вместе с тем в 1854 г. был разрешен беспрепятственный ввоз тех промышленных изделий, на которые в Черногории существовал спрос. С 50-х гг. черногорское правительство и князь Данило активно вмешиваются в торговые дела и экономику, регулируют экспортные и импортные операции, отдают на откуп небольшой группе торговцев-откупщиков торговлю солью, алкогольными напитками, табаком и пр. С конца XVIII в. в Черногории постепенно начинает формироваться и развиваться государственная финансовая система, причем долгое время доминирующую роль играла денежная помощь на государственные нужды со стороны России. На те же цели шла также часть церковных доходов. Наряду с этим власти Черногории пытались обеспечить государственные потребности путем сбора налогов с населения. Петру I Негошу не удалось претворить это в жизнь,

² Броневский В. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1818. Ч. I. С. 249.

его преемник митрополит Петр II в 1838 г. хотя и ввел налогообложение, но оно осуществлялось нерегулярно. Регулярный сбор налогов начался лишь после победы над племенным сепаратизмом и укреплении центральной власти при князе Даниле.

Подводя итоги, отметим, что Черногория рассматриваемого периода в социально-экономическом отношении была крайне отсталой страной. Наличие родоплеменных черт в социальной структуре, изолированность страны, ограниченность земельного фонда, отсутствие промышленности, слабое развитие ремесел и, как следствие этого, слабое развитие производительных сил — все это негативно сказывалось на экономике Черногории, замедляло ее развитие.

Население Черногории по сравнению с XVIII в. выросло, но незначительно. В 1822 г., по оценке Петра I Негоша, население Черногории и Брды насчитывало 80 тыс. человек, а в 30-х — начале 50-х годов численность населения, по различным данным, колебалась от 85 до 135 тыс. жителей³. Своеобразную оценку демографической ситуации в Черногории рассматриваемого периода приводит русский ученый, публицист-славянофил Ф. В. Чижев, посетивший Черногорию в 1843 г. Он отмечал, что «если бы беспрестанные сшибки с турками не уменьшали народонаселения, тогда менее нежели в десять лет оно увеличилось бы до такой степени, что им негде было бы жить, не только нечем питаться»⁴.

Владыка, следуя инструкциям из Петербурга, старался удерживать своих соотечественников от набегов на мусульманские владения, но черногорские четы проникали в Герцеговину, а герцеговинские беженцы находили укрытие в Черногории. Далеко не просто складывались отношения у Черногории с новыми соседями, австрийцами, в чьих руках после падения Венецианской республики (1797 г.) оказалась значительная часть Далматинского побережья, в том числе и Бока Которская, с чем черногорцы никак не желали примириться. В отношении великих держав черногорцы и митрополит Петр I Негош, строя внешнеполитические планы, возлагали надежды на Россию, но бурно начавшийся XIX век ломал вековые традиции на международной арене. Это относилось и к Черногории.

Наполеоновские войны коренным образом изменили политическую карту Европы, расстановку сил в борьбе великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. Балканская политика России во многом определялась русско-турецким союзным договором, заключенным в конце 1798 г., по которому Павел I обязался предоставить Порте вооруженную помощь в случае французской агрессии, а Турция на время

³ См. различные данные о численности населения Черногории: *Никчевић Т.* Још један француски извештај о Црној Гори са почетка XIX вијека // *Историјски записи*. 1970. Књ XXV. Св. 2. С. 265–276; *Бронеvский В.* Записки морского офицера... С. 241; *Пејовић Ђ. Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развика. Београд, 1981. С. 252.

⁴ *Чижев Ф. В.* Отрывок из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 г. // *Москвитянин*. 1845. № 7–8. Ч. 4. С. 37.

войны с Францией разрешала свободный проход русского военного флота через проливы.

Вступив на престол, Александр I остался верен курсу на поддержание союзнических отношений с Портой. Н. П. Панин и В. П. Кочубей, во многом определявшие внешнюю политику Александра I в начале его правления, последовательно высказывались за сохранение целостности Османской империи и развитие с ней добрососедских отношений. В свою очередь, югославянские народы возлагали большие надежды на Россию. Среди них только Черногория являлась фактически независимой, в силу этого ее престиж в балканских землях был очень высок, и именно на нее во многом тогда опиралась Россия при проведении внешней политики в этом регионе Европы. В 1801 г., поздравляя Александра I с восшествием на престол, Петр I Негош выразил надежду на то, что Россия по-прежнему будет оказывать покровительство Черногории. По примеру Черногории и не без ее влияния другие югославянские народы возлагали свои надежды на Россию.

Хотя в июле 1802 г. в Париже был заключен мирный договор между Францией и Турцией, Наполеон рассылал своих эмиссаров на Балканы и подготавливал десант для высадки в западных балканских провинциях Османской империи. Естественно, российскую дипломатию беспокоила реальная угроза прямого военного вторжения французов на Балканы: последнее создавало явную опасность для южных рубежей Российского государства. Поэтому предотвращение французской экспансии на Балканском полуострове, организация вооруженного отпора наполеоновской агрессии в случае десантирования французских войск на Адриатическое побережье становится важной задачей русского правительства. В связи с этими обстоятельствами российское руководство рассчитывало на военную помощь со стороны черногорцев и православного населения соседних областей, находившегося под влиянием Черногории. В Петербурге не сомневались в преданности черногорцев, не зная, что те широкообещательные обещания, какие давал Наполеон через своих агентов, нашли определенный отклик и в Черногории. Так, сердары Бошкович и Дрекалович сообщали в апреле 1803 г.: «Мы имеем довольно врагов и недоброжелателей, старающихся истребить в народе ревность и усердие к Российской империи»⁵.

Развернувшиеся в мае 1803 г. военные действия на море между Англией и Францией делали Средиземное море центром противоречий европейских держав, а опасения появления французских войск на Балканах беспокоили русское, турецкое и австрийское правительства. Летом 1803 г. в МИДе обсуждался вопрос о том, какие меры следует принять в случае высадки французского десанта на побережье Адриатики. При этом Черногории было уделено особое внимание из-за ее

⁵ Архив Внешней политики России империи (АВПРИ). Ф. Главный архив. 1–8. 1800–1808. Д. 3. Л. 124.

выгодного военно-стратегического положения на полуострове, воинственности ее жителей — в то время в Петербурге еще не подозревали, что черногорское руководство в 1802 г. вступило в тайные переговоры с французским агентом Феликсом де Лапрадом, и митрополит Негош в марте 1803 года предложил Наполеону Бонапарту вооруженную поддержку в борьбе против Турции, рассчитывая с его помощью расширить территорию Черногории.

В июне 1803 г. под предлогом «собственных надобностей» в российскую столицу прибыл черногорский архимандрит С. Вукотич (Вучетич), ранее уже бывавший в России и известный руководству МИДа. Сразу же по прибытии Вукотич подал на имя Александра I специальную Записку. В ней С. Вукотич сообщал русскому двору, что секретарь Петра I Негоша аббат Дольчи «склонил митрополита в приверженность французской республике» и что Негош и Дольчи вступили в переписку с французскими эмиссарами⁶.

Эта информация произвела сильное впечатление в МИДе. Ситуация требовала быстрой ответной реакции министерства на события в Черногории. Первоначально для нейтрализации возможного французского влияния в стране русское правительство не было склонно предпринимать какие-либо экстраординарные меры, но по мере того, как усилились подозрения против самого митрополита, появилось решение вызвать его в Петербург для отчета в своих действиях перед Св. Синодом. Архивные материалы свидетельствуют, что в дипломатических кругах России существовало опасение и, как покажет время, не безосновательное, что митрополит может не явиться на вызов Синода, однако С. Вукотич рассеял эти опасения и тем самым практически дезинформировал русские власти, хотя, безусловно, был осведомлен о степени влияния митрополита в стране. Вукотич уверял, что митрополит не посмеет проигнорировать приглашение Синода «...и буде бы помыслил пренебречь позыв сей, то народ принудит его повиноваться оному»⁷. Он утверждал, что с удалением митрополита исчезнут надежды французского правительства на содействие черногорцев «в замыслах касательно Албании, Мореи», а черногорцы смогут выставить против французов 20-тысячное войско. По мнению Вукотича, в Черногорию следовало отправить «доверенную особу», а именно генерал-лейтенанта М. К. Ивелича, уже бывавшего в Черногории с русской военной миссией в русско-турецкую войну 1787–1791 гг. В МИДе с этим согласились, полагая, что на месте М. К. Ивелич сумеет разобратся в черногорских делах, сможет изменить ситуацию в пользу России и как опытный военный, сумеет организовать на побережье Адриатики надежный заслон против французов.

⁶ АВПРИ. Ф. Главный архив. I–8. 1803–1805. Д. 6. Л. 24.

⁷ Конференциальная записка Российского министерства с черногорским архимандритом Вукотичем, 1803 г. Ф. Сношения России с Черногорией. 1797–1799. Д. 30. Л. 89 об., 90.

Обширная инструкция Александра I М. К. Ивеличу предписывала выяснить степень французского влияния в Черногории, но главной целью его миссии была организация обороны побережья с помощью черногорцев и герцеговинцев⁸. М. К. Ивеличу также было вручено письмо Синода от 16 октября 1803 г., содержащее резкие упреки в адрес религиозной деятельности митрополита и вызов его на суд Синода⁹. В случае отказа митрополита прибыть в Петербург Ивелич мог пригрозить отлучением митрополита от церкви, если окончательно подтвердятся сведения о связях митрополита с французскими эмиссарами.

Вместе с Ивеличем в Черногорию поехал и Вукотич. Их путешествие проходило тайно, и в Котор они прибыли в январе 1804 г. О задачах миссии Ивелич известил австрийские власти Котора. Австрийское правительство было обеспокоено активизацией французской политики на Балканах, опасалось за судьбу своих владений в Приморье, к которым уже присматривался Наполеон. Кроме того, австрийские власти желали добиться удаления «строптивого» митрополита, обладавшего правом церковной юрисдикции над православным населением Боки Которской, и надеялись это сделать русскими руками. О задачах миссии Ивелича Петербург не преминул уведомить и британское правительство¹⁰.

Российский эмиссар, понимая все последствия возможного альянса французов с черногорцами и другим славянским населением этих мест, сразу же по прибытии занялся главным делом — организацией обороны Приморья. Ивеличу довольно быстро удалось склонить на свою сторону часть черногорцев и брдян (население соседней горной области, частично вошедшее в состав Черногории в 1796 г.), примирить враждовавшее между собой турецкое население Герцеговины (Никшич, Мостар, Колашин) и убедить всех в необходимости совместного, черногорско-турецкого, отражения готовящейся французской агрессии. Положительный результат принесли и его переговоры с боснийскими и шкодринскими пашами, согласившимися выставить объединенное 70-тысячное войско против французов¹¹. Благодаря активным мобили-

⁸ См. полный текст инструкции Александра I М. К. Ивеличу от 26 окт. 1803 г.: *Вукићевић М. Карађорђе*. Београд, 1907. Кн. 1. С. 389–396.

⁹ *Лекић Д.* Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784–1830). Цетиње, 1950. С. 150–151; РГИА. Ф. 796. Оп. 205. 1803. Д. 155. Л. 18–20 об. Существует значительно более мягкий вариант грамоты Св. Синода (от 9 октября 1803 г.), содержащий приглашение черногорскому митрополиту прибыть в Петербург для объяснений по делам, «относящимся к пользе духовной», и лишенный каких-либо угроз в адрес митрополита: Там же. Л. 14–14 об. Не приходится сомневаться, что именно этот вариант грамоты Синода предназначался для отправки в Черногорию. Однако окончательный вариант был разработан на основании чернового проекта, составленного в МИД, которому требовался совершенно иной текст, полный обвинений и угроз в адрес митрополита.

¹⁰ *Mackesy P.* The War in the Mediterranean. 1803–1810. L., 1957. P. 47.

¹¹ Записка о препоручениях, исполненных генерал-лейтенантом графом Ивеличем в продолжении времени от ноября 1803 г. по май 1806 года. АВПРИ. Ф. Главный архив. I–7. 1803–1809. Д. 4. П. 6. Л. 27, об. 28.

зационным мероприятиям М. К. Ивелича французским командованием была отменена уже подготовленная высадка 18-тысячного корпуса с неаполитанского побережья (Пула) в район Паштровичей. Действия Ивелича по организации обороны Приморья получили полное одобрение в Петербурге, в том числе и со стороны Александра I.

Совершенно иначе сложились дела, касающиеся выполнения другой части миссии Ивелича — акций в отношении Петра I Негоша. Инструкция царя предписывала ему прибыть в Черногорию и на скупщине огласить грамоту Александра I и письмо Синода; предполагалось, что эти послания будут одобрены черногорцами. Очутившись же на месте, Ивелич скоро убедился, что реальное положение вещей выглядит иначе, чем это представлялось в Петербурге. Авторитет митрополита в стране оказался так высок, что не могло быть и речи о лишении его власти. В марте 1804 г. Правительство суда черногорского и брдского в письме к Ивеличу отмечало заслуги Петра Негоша в деле ликвидации «самовластия и неустройства и междоусобных кровопролитий» в Черногории и организации государственного правления. Правительство просило оправдать митрополита перед русскими властями от возводимой на него клеветы и заявляло: «...оскорбление сего нашего доброго пастыря — наше всеобщее оскорбление, его честь — всего народа честь, к нему благоволение — всему народу благоволение, к нему неблагоприятие — ко всему народу неблагоприятие»¹² В другом письме правительства от 3 (15) июня 1804 г. подчеркивалось: «...архиерей не подвластен Синоду, а если бы и был в чем виновен, то мы и судить его могли бы не яко архиерея, но яко гражданина между нами почтеннейшего...»

Губернатор В. Радонич обратился с письмом к Александру I, в котором выделял заслуги митрополита в деле государственного устройства и управления страной и обвинял Ивелича в том, что своими действиями он разрушает народное единство. Говоря о действительных или мнимых угрозах М. К. Ивелича в адрес митрополита (сослать в Сибирь и атаковать Черногорию силами трех империй в случае неповиновения), В. Радонич подчеркивал, что, пока живы черногорцы, «никакая сила человеческая неприязни ему сделать будет не в состоянии»¹³. Заметим, что упреки, высказанные в адрес Ивелича, следовало скорее отнести к российскому МИДу и самому Александру I, поскольку Ивелич лишь выполнял то, что ему было поручено, иногда даже для пользы дела не соблюдая буквального смысла инструкции. Русское правительство, снабдив своего эmissара ультимативными наставлениями, по сути дела, грубо вмешивалось во внутренние дела страны, формально даже не связанной с Россией какими-либо обязательствами, поэтому отпор со стороны черногорских властей был естественен.

¹² АВПРИ. Ф. Главный архив. I-7. 1803-1809. Д. 4. П. 4. Л. 47 об.

¹³ Там же. Ф. Ионические острова. Оп. 618. 1801-1804. Д. 10. Л. 329-333.

Вскоре в Цетинье прибыл русский консул в Которе А. И. Мазуревский. На состоявшейся 7 (19) августа 1804 г. скупщине под председательством митрополита и в присутствии 1625 человек (М. К. Ивелич не присутствовал на ней из-за «болезни») Мазуревский вместо него огласил грамоту Александра I, опустив острые моменты, которые могли задеть черногорцев и их владыку. М. К. Ивелич информировал Петербург о том, что на «сейме» митрополита уверяли в благоволении к нему Александра I с целью «уладить междоусобицу». Таким образом, августовская скупщина подвела черту под затянувшимся конфликтом. После этого русско-черногорские отношения окончательно нормализовались, а еще ранее черногорское правительство проинформировало Александра I о готовности черногорцев сражаться с французами «в случае их появления в сопредельных границах».

В начале октября 1804 г. в присутствии черногорского губернатора и 25 старейшин состоялось торжественное открытие русского консульства в Которе. Несколько ранее, в мае, Мазуревский в письме к Негошу подчеркивал, что «первая обязанность консула — защищать и отстаивать интересы черногорцев». Открытие консульства в Которе было важным моментом, способствовавшим развитию русско-черногорских отношений¹⁴. «Учреждение консульского места в Бока-ди-Катаро удивило цесарцев, а всем вообще славянам сделала радость и удовольствие» — замечал Ивелич в донесении А. А. Чарторыйскому.

Если жители Черногории расценивали открытие консульства как дружественный акт со стороны русского правительства, то совсем иначе отнеслись к этому австрийские власти. По мнению губернатора Боки Которской генерала Ф. М. Бради, действительной задачей миссии Ивелича было превращение Черногории в «русскую провинцию», а конфликт с митрополитом — лишь ловкая мистификация со стороны русских властей, предпринятая с целью сокрытия истинных причин. Черногория, считал Бради, была бы лишь первым шагом в этом направлении, за ней должно было последовать присоединение других балканских земель. В связи с этим он настаивал перед Веной на немедленном удалении Ивелича и Мазуревского. В какой-то мере эти опасения Бради были вызваны опрометчивым поступком Мазуревского, который без ведома Ивелича объявил черногорцам, что Александр I «предлагает учинить в Черной Горе средоточие славяно-сербского государства под покровительством и верховной властью России»¹⁵. Австрийское правительство поспешило использовать этот инцидент для обоснования собственных претензий на Черногорию. В декабре 1804 г. министр иностранных дел граф Кобенцль писал русским властям, что в случае раздела Османской империи (на что, полагали австрийские

¹⁴ О деятельности русского консульства в Которе см.: Распоповић Р. М. Дипломатја Црне Горе 1711–1918. Подгорица; Београд, 1996. С. 179–195.

¹⁵ Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 777. Оп. 3. Д. 121. Л. 69–69 об.

власти, нацеливается царское правительство) Черногория должна отойти к Австрии¹⁶. Это письмо вызвало негативную реакцию со стороны Чарторийского. Через посланника в Вене А. К. Разумовского он известил австрийский двор о том, что черногорцы несколько веков находятся в «полной независимости», и рассчитывал, что Вена не захочет «навязывать России жесткую необходимость лишить своего покровительства народ, который пользуется им в течение века...»¹⁷. М. К. Ивеличу поручалось предупредить Мазуревского, что если он еще раз превысит свои полномочия, то будет отозван.

Убедившись в том, что митрополит более не придерживается французской ориентации, М. К. Ивелич ходатайствовал перед МИДом о даровании ему прощения. Вместе с тем Ивелич настаивал на аресте Дольчи, рассчитывая, что это поможет выяснить истину о контактах Негоша с французами; попытки митрополита оправдать своего секретаря не имели успеха. Арест Дольчи был произведен консулом Мазуревским в присутствии Петра Негоша и черногорцев.

Состоявшийся в ноябре 1804 г. суд под председательством губернатора В. Радоница приговорил Дольчи к смертной казни, но, по ходатайству консула Мазуревского о смягчении приговора, постановил «даровать оному изменнику жизнь». Дольчи был помещен в темницу монастыря Станевичи. Однако российское руководство, заинтересованное в том, чтобы узнать истину, добивалось его выдачи. Но этим планам не дано было осуществиться, так как Дольчи в апреле 1805 г. скончался после сердечного приступа.

Оценивая результаты миссии М. К. Ивелича, отметим следующее: главной задачей, стоявшей перед ним, было не насильственное отстранение митрополита от власти и препровождение его в Россию (а такое мнение преобладает в югославской литературе), а ликвидация французского влияния в Черногории и оказание противодействия высадке французского десанта. Эту часть возложенных на него поручений Ивелич успешно выполнил. Другая часть его поручений, направленная на подрыв влияния митрополита и отстранение его от власти, закончилась провалом, столкнувшись с решительным сопротивлением народа и правительства попыткам дискредитировать митрополита. Видя невозможность вызова черногорского митрополита на суд Синода и убедившись, что Петр Негош отошел от французской ориентации, лоялен к России, Ивелич ходатайствовал перед русскими властями за черногорского владыку. Основываясь на донесениях М. К. Ивелича, в российском МИДе уже в январе 1805 г. пришли к выводу, что митрополит вновь предан России. К сожалению, личные отношения М. К. Ивелича с митрополитом складывались далеко не лучшим образом. Понимал это и сам Ивелич: обращаясь к А. Чарторийскому, он отмечал, что Негош

¹⁶ Лекић Д. Спољна политика... С. 169.

¹⁷ Внешняя Политика России. Сер. 1. М., 1961. Т. II. С. 252.

сохраняет личную ненависть к нему. В МИДе, полагая, что Ивелич справился с порученной ему миссией¹⁸, также считали взаимоотношения между ним и митрополитом безнадежно испорченными. Между тем балканские дела требовали более тесного взаимодействия с черногорцами и их главой, поэтому в Петербурге было решено направить в Черногорию дипломата С. А. Санковского.

Санковский прибыл в Черногорию в марте 1805 г. В инструкции, полученной им от Чарторыйского, говорилось: «Для нас очень важно иметь точное и определенное представление о форме правительства, созданного митрополитом, числе судей его составляющих... какова широта его власти и степень влияния в нем этого прелата (Петра Негоша. — Авт.)... уведомите нас также, принимает ли народ какое-либо участие в решениях, исходящих от правительства, и насколько существующее правительство обещает быть прочным...»¹⁹. На Санковского, помимо других поручений, возлагалась задача окончательно уладить русско-черногорские взаимоотношения. С. А. Санковский доставил в Черногорию грамоту Александра I и 3 тыс. дукатов золотом. Ему довольно быстро удалось завоевать доверие и расположение митрополита. С целью изучения обстановки в стране русский дипломат совершил вместе с Негошем поездку по Черногории. Он оказывал всемерное содействие митрополиту, пресекавшему междоусобицы среди черногорских племен.

Санковский проанализировал деятельность черногорского правительства, подчеркнул его заслуги в борьбе с сепаратистскими тенденциями отдельных старейшин. Вместе с тем Санковский заключал, что черногорское правительство утрачивает власть, поскольку 50 судей, составляющих правительство, не получая жалование, стали расходиться по домам или брать взятки с «челобитствующих». Видя свою задачу в том, чтобы учредить в стране «постоянное правление, сходственно с правами, обычаями и нравами сего народа», русский дипломат принял активное участие в составлении проекта по совершенствованию государственного устройства Черногории.

Вариант такого проекта, подписанный митрополитом Негошем, губернатором В. Радоничем и пятью сердарами нахий, а также план внутренней организации черногорского правительства были направлены Санковским в Петербург в октябре 1805 г.²⁰

В преамбуле проекта составители просили российского монарха утверждения «политической независимости» Черногории под покровительством России. Высшим органом государства, согласно проекту, объ-

¹⁸ А. А. Чарторыйский — Н. Н. Новосильцеву, 9 (21) марта 1805 г. АВПРИ. Ф. Главный архив. I-7. 1803–1809. Д. 4. П. 4. Л. 94, об. 95.

¹⁹ Достян И. С. Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. С. 14–15.

²⁰ См. текст проекта: Достян И. С. Проблемы государственной организации... С. 29–39. Далее цитируем по этой публикации.

являлась народная скупщина (по терминологии Санковского — генеральный сейм): «Народ черногорский и брдский будет пользоваться во всем своем пространстве прежними правами. Собран на сейме, он будет иметь верховную власть, состоящую в утверждении новых законов, в выборе непременных своих начальников, как то: митрополита, губернатора, сердарей и воевод, которые, однако ж, должны повиноваться правительству и иметь от него ограниченную власть...» Скупщине принадлежит право «поставить налоги», принимать грамоты от государей, объявлять войну «с согласием своего высочайшего покровителя», участвовать в войне на стороне России. Закреплялся принцип равного участия в исполнении верховной власти депутатов каждой нахии.

Исполнительная власть возлагалась на правительство — сенат. Он состоял из сената старших, которому принадлежала административная власть, и сената младших, имевшего судебные функции. Тем самым делался шаг к разделению этих сфер деятельности. Правительство должно было возглавляться двумя президентами — митрополитом и губернатором, а их преемники — утверждаться народной скупщиной, при этом власть президента-митрополита была несколько шире, чем президента-губернатора. Митрополит имел единоличное право созывать народную скупщину, приостанавливать исполнение смертного приговора, он обладал в правительстве правом лишнего голоса. Провозглашалось отделение духовной власти митрополита от светской. Предполагалось, что, пока Черногория не имеет собственных доходов, ее правительственные учреждения будут содержаться на средства России, которая пришлет сюда и отряд своих войск.

Авторы этой своеобразной конституции учитывали специфику общественно-экономического и политического положения Черногории. Патриархальные обычаи не подвергались коренной ломке, а приспособлялись к новым условиям. Проект сочетал опыт и планы митрополита и его окружения в отношении государственной организации страны и взгляды на эту проблему Санковского, старавшегося учесть интересы России, поскольку Черногория, получая международное признание своей самостоятельности, попадала в сильную политическую и экономическую зависимость от русского правительства. Имея свой кодекс законов и утвержденную царем конституцию, эта маленькая славянская республика²¹ с сильной центральной властью, с сохранявшейся главенствующей ролью народной скупщины могла стать образцом для других балканских народов. Но осуществить такую задачу черногорцы могли лишь при самой активной политической и материальной помощи России. В бурную эпоху наполеоновских войн, когда международная обстановка в Европе принимала совершенно неожиданные повороты, такая помощь не могла быть предоставлена, замыс-

²¹ О республиканском устройстве Черногории см.: История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 336–337.

лы государственных преобразований в Черногории остались неосуществленными. Однако идеи, заложенные в этом конституционном проекте, не были забыты. Они оказали известное влияние на процесс формирования государственной организации страны в 1830-е годы.

Миссия Санковского, преследовала и обширные внешнеполитические цели. Русский эмиссар должен был прозондировать возможность осуществления на юго-востоке Европы «балканских планов» А. А. Чарторыйского. Командирование дипломата в Черногорию было также тесно увязано с намеченной военно-морской экспедицией русской эскадры под командованием Д. Н. Сенявина в Средиземное море, которое вновь, как и в самом конце предыдущего столетия, становилось ареной ожесточенной борьбы России с наполеоновской Францией.

Ее внешнеполитические интересы, кроме Франции, сталкивались здесь еще и с интересами Австрии, не желавшей военного присутствия России в этом регионе. Поражение армий держав 3-й антинаполеоновской коалиции под Аустерлицем сильнее всего сказалось на Австрии. Она вышла из войны и по условиям Пресбургского мира (декабрь 1805 г.) обязывалась отдать Франции Истрию (кроме Триеста), Далмацию и Боку Которскую. Эти новые французские приобретения в стратегически важном для России регионе существенно затрагивали ее внешнеполитические интересы. Из далматинских портов особенно важен для России был один — Которский, благодаря его близости к Черногории. Срок передачи Котора французам был определен — это 30 января 1806 года (ст. стиль).

Черногория, утратив еще в начале XVIII в. свои малые владения на Адриатике, не забывала об этом и всегда стремилась их вернуть. Среди славянского населения Приморья также существовала тяга к объединению с черногорцами в единое государство. Возникшие в начале XIX в. внешнеполитические условия создавали предпосылки для реализации черногорских планов, поскольку в это время интересы Черногории и России тесно переплелись. М. К. Ивелич имел все основания полагать, что в случае передачи Франции Которской области с ее мощными крепостными укреплениями, удобным для базирования судов морским заливом она получит выгодный плацдарм для контроля над балканскими землями, включая Черногорию.

Еще осенью 1805 г. в Средиземное море была отправлена эскадра под командованием вице-адмирала Д. Н. Сенявина. На него была возложена задача по защите Ионических островов, главной военно-морской базы России в этом регионе, Мореи и всей Греции от возможного вторжения французов. В январе 1806 г. эскадра прибыла на острове Корфу, где под командование Д. Н. Сенявина перешли все находившиеся на Ионических островах русские вооруженные силы. В начале 1806 г. средиземноморская эскадра состояла из 10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 11 малых судов и 12 канонерских лодок. Сухопутные силы на островах насчитывали 13200 человек, включая сюда 2-тысячный ле-

гион легких стрелков, состоявший из греческих и албанских добровольцев²². Сложившаяся ситуация требовала быстрых и новых решений, активных действий. На этом настаивал и посланник в Королевстве Обеих Сицилий Д. П. Татищев, писавший адмиралу, что новое территориальное приобретение Франции совершенно не отвечает интересам России. Ивелич также получил от Татищева предписание не отдавать Боку Которскую французам, а оборонять ее с помощью черногорцев. В свою очередь Санковский просил уведомить Сенявина, что черногорцы готовы сражаться с французами до последней капли крови. Нажим со стороны России, заставил все же Вену пойти на определенную уступку. 31 января (11 февраля) 1806 г., т. е. на следующий день по истечении срока передачи Котора французам, австрийский дипломат граф М. Мерфельдт в беседе с Чарторыйским заявил, что его император «выразил как бы желание, чтобы Каттаро было занято русскими войсками»²³, но реализовать столь уклончивое желание своего монарха, не преданное международной огласке, австрийцы явно не спешили.

В это время французские войска под командованием генерала Лористона заняли часть Далмации и готовились получить в свои руки Боку Которскую. Их численность составляла около 7 тыс. человек при 16 орудиях. Население Боки, безусловно, не могло оказать им сколь-нибудь серьезного сопротивления без посторонней помощи и направило делегатов в Черногорию с просьбой об оказании поддержки. На скупщине, состоявшейся в середине февраля 1806 г. в Цетинье, было решено отправить в Котор военный отряд из тысячи человек под командованием митрополита.

По приказу Д. Н. Сенявина к Котору был направлен отряд кораблей под командованием Белле. Капитан 1-го ранга Г. Г. Белле (в литературе он упоминается и как Белли) рапортовал Д. Н. Сенявину о готовности черногорцев выступить против французов, а также австрийцев, задерживающих сдачу которских укреплений, несмотря на истечение срока. Капитан Белле поддерживал тесные контакты с Негошем, который с двухтысячным отрядом черногорцев осадил крепость Херцег-Нови (Кастельново). Австрийские власти, ожидая французов и боясь их, всячески затягивали сдачу укреплений Котора, но все же вынуждены были передать ключи от крепостей представителям местного населения. 21 февраля (3 марта) 1806 г. 140 русских солдат и канониров высадились на берег. Их встречали приветственными возгласами, оружейными и пушечными салютами, на которских укреплениях был поднят Андреевский флаг. Гражданским губернатором Котора стал Санковский, а военным комендантом был назначен командир Витебского мушкетерского полка генерал-майор Мусин-Пушкин. Вскоре вся Которская область была занята русскими и черногорскими войсками.

²² Шапиро А. Л. Адмирал Д. Н. Сенявин. М., 1958. С. 96.

²³ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1805. Т. II. Трактаты с Австрией. 1772–1808. С. 502.

Захват Боки Которской значительно усиливал позиции России в Средиземноморье. Которская бухта, крупнейшая в Европе, могла служить надежным убежищем для русского флота. У России были надежные союзники — черногорско-приморские военные формирования, готовые и на суше, и на море поддерживать русские военные силы.

Русское командование было заинтересовано в использовании боевых сил черногорцев и бокельцев, но не желало отталкивать от себя и дубровчан. Черногорцы с неприязнью относились к Дубровницкой (Рагузской) республике, видя в ней союзника Порты. Бокельцы, издавна успешно занимавшиеся морской торговлей, были заинтересованы в ослаблении конкуренции Дубровника. Приняв помощь черногорцев и бокельцев, Сенявин почти одновременно, в начале мая 1806 г., заключил с сенатом Дубровника соглашение, по которому последний в случае вступления французов на территорию республики Дубровник обязывался впустить в город русский гарнизон, а дубровчане должны были выступить с оружием в руках против наполеоновских войск. Однако соглашение так и не вступило в силу, ибо 15 (27) мая 1806 г. французы хитростью бескровно овладели Дубровником, и русский консул в Дубровнике К. Фонтон прервал все отношения с властями республики, утратившей свой фактический суверенитет.

Военное столкновение становилось неизбежным, а вскоре русско-черногорско-приморские войска осадили Дубровник, где им противостояли войска генерала Лористона и дубровницкое ополчение, причем ополченцы в боях не уступали французам. Впрочем, это и неудивительно, ибо окрестности Дубровника подвергались опустошению, разорению и грабёжам со стороны черногорцев и приморцев. Попытки русского командования воспрепятствовать этому успеха не имели.

Французское командование, привыкшее к победам, решило перехватить военную инициативу. С этой целью французские войска, объединившись с частью дубровчан, ускоренным маршем двинулись к Котору. Однако у Цавтата (Старая Рагуза) они были встречены боевыми отрядами русских и черногорско-приморских войск и после ряда вооруженных столкновений вынуждены были отступить, укрепившись в предместье Дубровника, в районе Баргатских высот. Здесь 5 (17) июня 1806 г. состоялось решающее сражение, в котором русские войска и их славянские союзники одержали победу.

Потери французской стороны составили около 450 человек убитыми, среди которых был и генерал Дельгог, и 150 пленных. Дубровчане потеряли в этом бою около 400 человек убитыми и ранеными. Потери русских, черногорцев и приморцев были значительно меньше и составили около 150 человек убитыми и ранеными. Результатом этого сражения было также взятие господствующих над городом высот. Дубровник был блокирован с моря и суши, черногорцам удалось прервать снабжение города водой. Казалось, ничто не сможет предотвратить его падение.

В это время министр иностранных дел Австрии И. Ф. Стадион-Вартхаузен настоятельно требовал от посла в Вене А. К. Разумовского сообщить своему правительству, что захват Котора приближает Австрию к гибели и угрожает ее независимости. Аналогичным образом поступал в Петербурге прибывший сюда со специальной миссией М. Мерфельдт, требовавший под угрозой применения военной силы отказа России от Котора и вывода оттуда русских войск. Одновременно с этим венский двор выражал уверенность, что Котор был оккупирован помимо воли российского правительства²⁴, тем самым давая возможность дипломатического маневра русскому двору. Наполеон, понимая, что занятие Котора русскими войсками ухудшило положение Франции и одновременно усилило позиции России на Балканах, предпринимал меры, чтобы изменить неблагоприятную для него обстановку в свою пользу. Он потребовал, чтобы венский кабинет добился ухода русских войск из Котора, и заставлял австрийцев послать туда войска для изгнания русских, если они не согласятся уйти добровольно. В противном случае Наполеон угрожал захватом Триеста и Фиуме (Риеки).

Александр I, опасаясь за судьбу Австрии и боясь, что она станет вынужденным противником России, вначале согласился на эвакуацию военных сил из Котора. Но затем император посчитал нужным разрешить Которский вопрос путем прямых переговоров между Францией и Россией.

Несмотря на то, что Сенявин задерживал выполнение приказа о передаче Которской области, слухи о предстоящем уходе русских войск ширились. Значительная часть черногорцев и приморцев, действовавших под Дубровником, разошлась по домам, оставшиеся были деморализованы. Для штурма Дубровника у Д. Н. Сенявина оставались явно недостаточно сил — всего 2300 человек против 13 тыс. у неприятеля, и поэтому в конце июня осада была снята. Однако оставлять Боку Которскую адмирал не хотел, и он пользовался любой возможностью, чтобы задержать выполнение директивы об эвакуации из Котора. Преследуя эту цель, Сенявин содействовал отправлению в Петербург депутации от местных жителей, чтобы уговорить Александра I не сдавать Которскую область.

Заключить мирный договор с Францией не удалось, и Сенявин получил приказ возобновить военные действия против французов, о чем адмирал тотчас оповестил Негоша, чтобы митрополит принял меры «к собранию распущенных черногорцев и приморцев».

В октябре 1806 г. иррегулярное войско союзников составило 3200 человек²⁵. Кроме того, Сенявин, опасаясь продвижения французских войск в Которскую область, сосредоточил 5000 черногорцев под коман-

²⁴ Грачев В. П. Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003. С. 62; Мартенс Ф. Собрание трактатов... С. 502–503.

²⁵ Бажова А. П. Россия и югославяне в конце XVIII – начале XIX века. М., 1996. С. 84.

дованием Негоша в районе Херцег-Нови. В сентябре 1806 г. объединенные русско-черногорские силы разбили французов под командованием Мармона у мыса Пунта д'Остро, а также сорвали их попытки овладеть крепостями Херцег-Нови и Шпаниола. Французы отступили к Дубровнику²⁶. В сентябрьских боях Сенявин сумел прекрасно организовать взаимодействие корабельной и крепостной артиллерии, совместный огонь которых буквально выкашивал французские колонны. Повсюду в Европе французы одерживали победы, и только здесь они терпели поражение за поражением.

Черногорцы в бою наводили панику на французов. В. Б. Броневский следующим образом описывал атаку черногорцев: «Представьте дикий вой, ободряющий черногорцев, ужасающий французов, и присовокупите к тому отрубленные головы, висящие у них на шее и за плечами». О варварском обычае отрубать головы у плененных французов пишет и Г. А. Красовский в своих мемуарных записках, отмечая, что, несмотря на обещание русского командования платить деньги за каждого живого пленного, черногорцы их не приводили, а «считали за особую славу резать головы»²⁷. «Не просить и не давать пощады» — таков был их обычай, отменить который не в силах были ни Сенявин, ни митрополит Негош.

Черногорцы были незаменимы в условиях горных боев, где они умело из-за естественных укрытий наносили чувствительный урон войскам Мармона. Большинство черногорцев, попавших из-за превратностей войны в плен к французам, лишали себя жизни, разбивая головы о камень или уморив себя голодом, предпочитая смерть позору плена.

Русское присутствие в Боке Которской не ущемляло права местного населения. В опубликованном С. А. Санковским в феврале 1806 г. манифесте гарантировалось сохранение привилегий, какие бокельцы имели во времена венецианского правления. Оставалась в силе система муниципального управления, сохранялся которский Совет и гражданский суд, подтверждалось сохранение должностей и лиц, выбранных в органы местного управления, провозглашалось равенство вероисповедания, запрещались под угрозой наказания оскорбления в адрес католиков. Католическое население не испытывало каких-либо притеснений со стороны русских должностных лиц. Многие католики приморских территорий принимали участие в боевых действиях против французов, поступали на русскую службу. Католический священник из Будвы А. Койович свидетельствовал о хорошем отношении, которое сложилось между русскими моряками, солдатами и офицерами и населением Будвы. Было даже сыграно две свадьбы: русский офицер и солдат взяли в жены местных жительниц²⁸.

²⁶ Красовский Г. А. К истории войны с турками в 1807–1808 гг. // ОР РНБ. Шифр. FIV. 824. Л. 31.

²⁷ Там же. Л. 30–30 об.

²⁸ Койовић А. Моје доба. Из мемоара, дневника и стихова. Титоград, 1969. С. 53–62.

Русское командование было заинтересовано в использовании бокельских судов и опытных матросов, шкиперов и капитанов в военно-морских операциях на Адриатике. По данным, приводимым югославским историком М. Злоковичем, на временную службу в российскую эскадру было мобилизовано 116 бокельских кораблей, не считая привлечения большого количества корсарских судов²⁹. Д. Н. Сенявин поначалу не слишком жаловал бокельских корсаров, считая, что их действия приносят мало пользы, но потом резко изменил свое мнение о боевых качествах бокельцев в лучшую сторону, и произошло это в ходе боев на Адриатике в конце 1806 г.

В декабре 1806 г. Турция объявила войну России. Балканский театр военных действий расширился. Перед русскими морскими и сухопутными силами в Приморье и их славянскими союзниками встали новые сложные задачи — борьба против французов и турок одновременно, что требовало привлечения дополнительных военных сил. В конце 1806 г. удалось привлечь на русскую службу около 2000 черногорцев и 1000 бокельцев (впоследствии эта цифра возросла до 5000 человек) и научить их азам военных действий регулярных войск.

Д. Н. Сенявин с основной частью эскадры в начале февраля 1807 г. отправился к Дарданеллам, оставив часть сил для обороны Которской области. Оставленному за командующего сухопутными войсками в Боке Которской полковнику Ф. Книперу адмирал предписывал «защитить оную до последних сил». Начавшаяся русско-турецкая война способствовала оживлению надежд Петра I Негоша на политическое переустройство балканских земель и создание югославянского государства. Следует заметить, что еще в самом начале 1806 г. фактический руководитель МИДа А. А. Чарторыйский в нескольких докладных записках Александру I и дипломатической переписке выдвинул предложение о создании на Балканах новых государственных образований³⁰. Им были сформулированы различные варианты «балканского проекта». Особое место в планах Чарторыйского отводилось Черногории: «Черногория становится средоточием наших действий; и, кажется, нам не найти лучшего места, в виду как географического положения этой страны, так и настроения митрополита с его заметным влиянием на все эти соседние народы». Согласно одному из вариантов, образовывалось славянское федеративное государство из Черногории, Герцеговины, Боки Которской, Далмации и Сербии.

Петр I Негош поддерживал тесные контакты с Д. Н. Сенявиным, С. А. Санковским, и потому был осведомлен об этих внешнеполитиче-

²⁹ Злоковић М. Херцег-Нови од пада Млетачке Републике до Бечког конгреса (1797–1815) // Бока. Зборник радова из науке, културе и умјетности. Херцег-Нови, 1972. Књ. 4. С. 44.

³⁰ См. об этом: Записки А. Чарторыйского от 11 (23) февр. 1806 г. // Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1892. Т. 82. С. 244–278; Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 230–231; На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII в. – начало XX в. М., 1997. С. 76–77.

ских проектах. По-видимому, это и побудило его направить в Петербург собственный план создания «Славено-Сербского царства». В нем предлагалось объединить Черногорию (с Подгорицей, Спужем и Жабляком), Боку Которскую, Герцеговину, Дубровник и Далмацию. Это обширное государство должно было находиться под верховной властью царя и управляться президентом «из природных россиян». Вице-президентом или товарищем президента предлагалось назначить черногорского митрополита, «украсив его титулом князя российского». «Народы сии, — говорилось в заключении, — желают сохранить на вечные времена свою веру и вольность под покровительством российского престола»³¹.

Однако, на наш взгляд, проект Негоша реализовать было крайне сложно даже при самом благоприятном стечении внешнеполитических обстоятельств. Если объединение Черногории с Боккой Которской тогда могло пройти сравнительно безболезненно, поскольку в Боке преобладало православное население, желавшее соединиться с Черногорией, а российское покровительство служило тому мощнейшим стимулом, то совершенно иначе выглядела ситуация с присоединением других земель. При объединении Черногории с турецкими владениями встал бы вопрос о переселении значительной части мусульманского населения этих областей в другие места Османской империи, поскольку, в противном случае, неизбежны были острейшие конфликтные ситуации. Полное же сокрушение Османской империи, несмотря на наличие столь радикальных взглядов у части российского руководства, не входило в планы русского двора даже в условиях начавшейся войны.

Весной 1807 г. посланец митрополита архимандрит Симеон Ивкович представил проект Негоша новому министру иностранных дел А. Я. Будбергу, но он, хотя и в самой благожелательной форме, был отклонен, поскольку европейские реалии не соответствовали замыслам митрополита.

В условиях русско-турецкой войны резко возросло значение Боки Которской как возможного плацдарма для установления связей с повстанческой Сербией и герцеговинцами с целью проведения военной диверсии в тылу турецких владений, что сулило самые благоприятные перспективы, вплоть до создания «линии, начиная от Черного моря до Адриатического». Нужно было только, чтобы русские войска первыми начали боевые действия и одержали победы «для вспышки энтузиазма народа».

Петром I Негошем при активном участии Санковского был разработан конкретный план, предусматривавший вступление русско-черногорско-приморских войск в Герцеговину, нейтрализацию вооруженных сил соседней Северной Албании, определены турецкие опорные пункты, подлежащие захвату. Высшее военное и дипломатическое ру-

³¹ Доклад А. Я. Будберга, начало мая 1807 г. (Сб. РИО. 1893. Т. 88. С. 42.)

ководство России были в курсе намерений митрополита и Санковского и полностью одобряли их.

Ключевой позицией плана Санковского — Негоша было взятие Никшича, важнейшего опорного пункта турецких сил в Герцеговине. Овладев им и близлежащими территориями, можно было с меньшими препятствиями соединиться с сербами, одновременно тем самым воздействовать на активизацию освободительной борьбы герцеговинцев. Кроме того, реальными становились планы вытеснения французов из Далмации, ибо их военные силы были бы уязвимы уже с двух сторон. Крупная военная диверсия против турок, создание русского форпоста в тылу османских владений — все это сулило обнадеживающие перспективы. Однако они не были реализованы во многом из-за действий Санковского. Он, взявшись за несвойственное ему дело, проявил себя неумелым военачальником в осуществлении герцеговинской операции, которая проводилась в отсутствии Д. Н. Сенявина.

Русские экспедиционные силы состояли из 13-го егерского полка (1 тыс. человек под командованием подполковника Забелина), в походе было также задействовано до 2 тыс. черногорцев, брдян и бокельцев. Объединенные военные силы были поделены на два отряда. Наиболее многочисленный, возглавляемый Негошем и Забелиным и состоявший из русских, черногорцев и брдян, подступил к Никшичу. Другой, состоявший из трех рот егерей под командованием капитана Полянского и отряда бокельцев (11 рот) во главе с отставным майором русской службы Дж. Войновичем, был направлен к турецкой крепости Требинье. План диверсии в Герцеговине был осуществлен крайне неудачно, поскольку турки прознали, что «против них в сем краю внутренний мятеж поджигается». Экспедиционный корпус не был снабжен в достаточном количестве продовольствием и военным снаряжением, не оправдались надежды на мощный приток герцеговинских славян в помощь экспедиционным силам.

Наиболее многочисленный отряд Забелина и Петра Негоша подошел к Никшичу, но занял лишь передовые крепостные укрепления, так и не сумев овладеть Никшичем, хотя его гарнизон насчитывал всего 500 человек, а объединенные силы осаждающих составляли 3 тыс. человек. При осаде Никшича остро сказался недостаток боеприпасов и продовольствия, поэтому русские войска в течение 3 суток питались различными овощами и травами. Черногорцы и брдяне оказались менее стойкими вегетарианцами. Они рассыпались по окрестным герцеговинским селам и занялись угоном скота, грабежами и т. п., в чем им «сам владыка не в силах был препятствовать». В результате под Никшичем осталось не более 200 черногорцев, и в конечном итоге войска отступили в Котор. Повлияло на исход операции и то, что сербские войска Карагеоргия, не смогли прибыть в Герцеговину и объединиться с русскими и черногорцами, поскольку они вели тяжелые оборонительные бои на

территории Сербии. Разозленные неудачей под Никшичем черногорцы были готовы физически расправиться с Санковским, их удержало лишь то, что Санковский являлся представителем России. В свою очередь, грабежи и буйства черногорцев и брдян заставили мирное население Герцеговины спасаться от таких «освободителей» в Херцег-Нови, где они, как информировал И. Баратынский, «готовы были обороняться против нас»³². Русскому командованию с трудом удалось успокоить возмущение и негодование среди герцеговинских беженцев.

В сложном положении оказалась и другая часть экспедиционного корпуса, направленная к Требинье, куда на помощь туркам был направлен 2-тысячный отряд французов под командованием генерала Лонеа. Иррегулярные войска бокельцев, услышав о приближении «французского сикурса», наполовину разбежались, даже не вступив в бой. В конечном итоге из-за повального бегства бокельцев егеря капитана Полянского и остатки отряда Дж. Войновича так же вынуждены были отступить в Боку Которскую.

Явный провал апрельской операции не смутил Санковского, он желал вновь возобновить военные действия в Герцеговине, вначале его предложение было отвергнуто военным советом в Которе с мотивировкой, что сил едва хватает для обороны Которской области. Однако Санковский, проявляя незаурядную настойчивость и подкрепляя ее «высочайшим повелением» осуществлять руководство боевыми действиями в Герцеговине с целью выполнения «плана нашего двора соединиться с Кара-Георгием», добился своего.

В последних числах мая 1807 г. совместными силами русских, черногорцев и бокельцев была предпринята повторная военная операция в Герцеговине. Около 1 тыс. человек во главе с майором Витебского мушкетерского полка Безобразовым и митрополитом Негошем осадили крепость Клубук. Гарнизон крепости насчитывал около 200 человек, но был подкреплён подошедшим на помощь турецко-французским отрядом численностью 2 тыс. 500 человек (Ф. Книпер приводит цифру в 4 тыс. человек). Французы, а их было около 500, в бой не вступили и стояли «позади турков без всякого действия». В ходе 5-часового сражения и 2 штурмов крепости, 4-метровые стены которой приходилось атаковать без осадных лестниц, русские и их союзники были разбиты и затем поспешно отступили в Грахово. Незаурядное мужество в этом бою проявил Петр Негош.

После снятия осады Дубровника военная экспедиция в Герцеговину была второй крупной неудачей российских войск и их югославянских союзников в этом стратегически важном регионе. Однако, оценивая в целом совместные боевые действия русских морских и сухопутных

³² И. А. Баратынский — Д. Н. Сенявину, 28 апр. (10 мая) 1807 г. // Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 194. Оп. 1. Д. 66. Л. 138.

сил и черногорско-приморских войск на Адриатике и Адриатическом побережье в период с начала 1806 г. и до середины 1807 г., следует признать их успешными. Под контролем союзников находилась большая территория Приморья от Петроваца до Дубровника. Здесь при поддержке С. А. Санковского, митрополита Петра I Негоша, Д. Н. Сенявина эффективно действовала система местного самоуправления. Успешные совместные действия против общего неприятеля способствовали укреплению дружбы между русскими и югославянами.

1807-й год на международной арене был тяжелым годом для России. Продолжалась война с Турцией, дела 4-й по счету антинаполеоновской коалиции складывались крайне неудачно. В результате Тильзитского мира (25 июня (7 июля) 1807 г.) Россия получила мирную передышку, но она была куплена дорогой ценой. Среди прочих уступок к Франции отходили Ионические острова и Которская область. Таким образом, Россия утрачивала свои военно-стратегические и политические позиции в Восточном Средиземноморье и юго-западной части Балканского полуострова.

Что же касается русской эскадры, то через три дня после заключения Тильзитского мира Александр I подписал рескрипт Сенявину, где адмиралу было приказано сдать Ионические острова и Которскую область французам, а эскадре следовать к русским берегам. На одном из кораблей намерены были удалиться в Россию митрополит Негош с родственниками и губернатор В. Радонич со всем семейством. Но ободренный надеждой со стороны С. А. Санковского на продолжение покровительства России, Негош «со своею свитою» вернулся в Черногорию.

Уход эскадры Д. Н. Сенявина поверг в отчаяние и население Боки Которской, прежде всего православное. Как сообщал об этих днях Санковский, «плач и стон во всей провинции был слышен». Даже после вступления французских войск в Котор к русскому представителю Санковскому, а не генералу Лористону, обращались за «наставлениями и приказаниями» представители местных коммунитатов. С. А. Санковскому, на которого легла тяжкая обязанность передачи французам Боки Которской и объяснений с местным населением, удалось в итоге все же внести в народ некоторое успокоение и не допустить кровавых конфликтов. Впрочем, покидая навсегда здешние края, российский представитель «всех там оставил в твердой надежде, что опять будут принадлежать России».

Тильзитский мир и уход русской эскадры создали новую обстановку на границах Черногории; теперь могущественная Франция была ее соседкой, а Бока Которская вновь стала чужим владением. Оставшаяся одна Черногория хотя и была ослаблена людскими и материальными потерями в сражениях 1806–1807 гг., сумела все же противостоять настойчивым попыткам Наполеона сломить ее, подчинить непокорную страну своему влиянию. Митрополит Негош, несмотря на неоднократ-

ные обращения французов в 1808 г., отверг их просьбы об открытии консульства в Цетинье. Сохранявшееся и после Тильзита русское влияние в Черногории беспокоило Наполеона, прилагавшего большие усилия для подчинения черногорцев. Преследуя эту цель, военное командование в Далмации оказывало постоянное давление на черногорского митрополита, но все было тщетно. Негош решительно отказывался от установления тесных политических отношений с Францией, и хотя Наполеон был в это время в союзе с Россией, на Балканах мало кто верил в искренность и прочность этого союза. О близости разрыва между Россией и Францией Негош заявил еще в 1810 г. посетившему Черногорию коменданту Котора полковнику Виалла де Сомьеру.

В 1809 г. Наполеон основал Илирийские провинции, в которые, среди прочих славянских земель, была включена и Бока Которская. Сохранявшееся черногорское влияние в Приморье сильно беспокоило французов. Раздражало французскую администрацию Приморья и то обстоятельство, что сотни бокельцев, скрываясь от призыва в армию, находили убежище в Черногории. По настоянию императора Мармон, ставший уже маршалом, весной 1811 г. разработал детальный план военной экспедиции против Черногории, согласно которому Черногория должна была быть атакована с нескольких сторон военными силами в составе 13–14 батальонов. Митрополит, черногорское руководство вовсе не желали испытывать судьбу и воевать с французами. В свою очередь, французы стали задумываться над ценой замышляемой военной экспедиции, предложением для которой был угон скота черногорцами с французской территории. В результате в июне 1812 г. состоялась встреча французских представителей во главе с генералом Готье, черногорских старейшин и Негоша, итогом которой стало подписание францужско-черногорского соглашения. Согласно ему, все «недоразумения» отныне должна была решать совместная францужско-черногорская комиссия. Во внешнеполитическом плане особый интерес представляла ст. 4, где среди прочего отмечалось, что если по призыву России Черногория согласится воевать против Франции, то французские власти должны быть предупреждены об этом за 2 месяца³³.

Между тем, Черногория была готова выступить на стороне России. Как подчеркивалось в письме Негоша к главнокомандующему Дунайской армии П. В. Чичагову, написанному в разгар войны 1812 г., никакие «колообращения европейских обстоятельств» не могут поколебать преданности черногорцев России. Гибель французской армии в России и последовавший затем заключительный этап борьбы с Наполеоном — все это оживило старые планы у черногорского руководства, самого Петра Негоша, объединиться с Боккой Которской в единое государство, получить долгожданный выход к Адриатике.

³³ Пејовић Ђ. Д. Црна Гора... С. 394.

Радикальное окончательное решение вопроса о приморских территориях стало казаться возможным черногорцам во второй половине 1813 г., когда оформилась шестая антинаполеоновская коалиция. Но Петр I Негош и его окружение не знали, что судьба Боки Которской была фактически предрешена, ибо во время переговоров о присоединении к антинаполеоновской коалиции летом 1813 г. Австрия выдвинула в качестве неперемennого условия переход в ее руки Иллирийских провинций, в состав которых входила и Бока Которская. Однако в Черногории ничего не знали об этом и еще задолго начали готовиться к решительной борьбе с французами за обладание Боккой Которской.

В ходе антинаполеоновских войн английский флот в 1812 г. прочно обосновался в Средиземном море. Зная, что Великобритания находится в союзе с Россией, Негош установил тесные связи с английским полковником Данезом, который, бывая в Цетинье, упорно склонял владыку к союзу с англичанами с целью освобождения Которской области от французского владычества. Негош согласился на это, поставив перед англичанами одним из условий объединение Черногории, Боки Которской и дубровницкого района Конавль в «единую небольшую республику» под покровительством России и Великобритании. Зная по опыту кампании 1806–1807 гг. переменчивость военной фортуны и международной политики, Негош добивался гарантий, чтобы в случае поражения от французов, черногорцы, по желанию, были переселены в Россию либо Англию, сохраняя при этом свободу вероисповедания³⁴. Англичане митрополиту это обещали.

Достигнув соглашения с англичанами, уверенные в поддержке населения Приморья черногорцы в сентябре 1813 г. вступили на территорию Боки Которской, а в октябре 1813 г. с помощью британского флота вся территория Боки Которской (кроме капитулировавшего в январе 1814 года города Котора) была очищена от французов.

Еще в ходе боев Негош и его приморские сторонники подготавливали общественное мнение к объединению Боки Которской с Черногорией. В результате их действий, не дожидаясь освобождения Котора, представители Черногории, Будвы, Паштровичей и Боки Которской на скупщине в Доброте 29 октября 1813 г. приняли решение об объединении этих земель с Черногорией. Вскоре было сформировано Вече из 41 члена и временное правительство (Центральная комиссия) из 9 представителей Черногории и 9 представителей приморских общин³⁵. Оба этих представительных органа нового государственного образования республиканского типа возглавил в качестве председателя митрополит Петр I Негош.

³⁴ См. текст англо-черногорского соглашения: *Лекић Д.* Спољна политика... С. 269–270.

³⁵ *Бойович Й. Р.* Россия и Черногория в конце XVIII – начале XIX вв. // Россия и славяне: политика и дипломатия. Балканские исследования. М., 1992. Вып. 15. С. 47.

В ноябре 1813 г. Петр I Негош направил письмо Александру I, в котором просил признать объединение Черногории с Бокой Которской, приняв новое государственное образование под свое покровительство, либо, если это невозможно, переселить в Россию желающих черногорцев³⁶. Эти действия Негош предпринимал в тайне от правительства и лидеров проавстрийской группировки, которые, в свою очередь, также тайно направили представителя католических общин Боки к австрийскому императору Францу I с прошением считать их своими подданными, а Боку Которскую — австрийской провинцией.

Петра Негоша интересовали не только масштабные международные проблемы, но и дела внутренние, которые он старался решить с помощью российского эmissара капитана П. Н. Никича. Посланный П. В. Чичаговым в Боку Которскую для организации выступления славянских народов против французов, Никич по предложению Петра Негоша возглавил черногорско-бокельские отряды, а после окончательного освобождения Боки Которской стал ее губернатором. В короткий срок он сумел оживить морскую торговлю, наладить охрану населения, создать пограничную стражу и добиться нормализации отношений с турецкими соседями. Вновь, как и в 1806–1807 гг., над Котором реял русский флаг, который, как и прежде, вызывал крайнее раздражение австрийцев. Австрийский генерал Томашич трижды пытался ввести войска в Боку Которскую и оккупировать ее, но Никич «силою и внушением» выдворил австрийцев, сумев в этой весьма деликатной ситуации избежать возникновения конфликта между двумя союзными империями³⁷.

Все же существовавшая неопределенность в статусе никем не признанной в Европе объединенной Черногории и Боки Которской вселяла неуверенность в действиях ее руководства. Положение, сложившееся вокруг Боки Которской, доставляло изрядное беспокойство и русскому правительству, ставило его в затруднительную ситуацию. Александр I определил свое отношение к этому вопросу еще в конце февраля 1814 г., когда в Шомоне написал письмо к Петру Негошу, извещая его о передаче Боки Которской в руки Австрии, митрополиту же и черногорцам царь советовал вернуться в свои пределы. Однако это письмо не было отправлено. Русское правительство напрямую увязывало вопрос о передаче Боки Которской с решением вопроса о выезде сербов-беженцев, участников восстания 1804–1813 гг. в Россию и возврате им конфискованного австрийскими властями имущества³⁸. Лишь после разрешения выезда сербов в Россию Александр I 20 мая

³⁶ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. М., 1997. С.69.

³⁷ Там же. С. 83.

³⁸ Хевролина В. М. Из истории русско-черногорских отношений в 1813–1833 гг. // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. М., 1992. Ч. I. С. 84–85.

(1 июня) 1814 г. подписал письмо Петру I Негошу, в котором сообщал о решении союзных держав передать Боку Которскую Австрии³⁹.

В отечественной и югославской историографии как ранее, так и сейчас существуют различные оценки отказа Александра I признать объединение Черногории с Приморьем в единое государство. П. А. Ровинский видел в этом непоследовательность и бесхарактерность русского правительства. Й. Бойович считает этот акт «огромной исторической несправедливостью». В этом с ним можно согласиться. В. Джорджевич полагал, что победителю Наполеона Александру I хватило бы «одного слова», чтобы объединить Боку Которскую с Черногорией и создать независимое государство. Аналогичных взглядов придерживался и Д. Вуксан, считавший, что «одного росчерка пера» Александра I было бы достаточно для объединения Боки и Черногории и тем самым выхода последней к морю⁴⁰. Подобные варианты не следует абсолютно игнорировать, как гипотетические они имеют право на существование. Несомненно, объединение под русским покровительством Боки Которской с Черногорией давало России возможность создать форпост на Адриатическом побережье. Все то было проверено на практике еще в 1806–1807 гг. Вместе с тем в Петербурге не могли не осознавать и тех больших отрицательных последствий для России, которые неизбежно проявились бы в случае реализации этого плана. В первую очередь, несомненно, ухудшились бы русско-австрийские отношения. Австрия вынужденно терпела русское влияние в изолированной от моря Черногории, согласилась под давлением обстоятельств терпеть присутствие русских войск и флота на Адриатике в 1806–1807 гг. Однако в новых условиях посленаполеоновской Европы подобная ситуация становилась для венского двора неприемлемой. У Австрии было достаточно сил воспротивиться русскому проникновению в этот регион, поскольку после победы над Наполеоном Австрия не только сохранила, но и усилила свои позиции в Центральной и Южной Европе, к тому же за ее спиной стояла Англия. Британия, чей флот безраздельно господствовал в Средиземном море, также не собиралась уступать или делиться своим преобладанием в Средиземноморье, наоборот, Венский конгресс отдал под протекторат Британии Ионические острова, бывшие опорной базой русского флота, и правительство России под давлением обстоятельств пошло на это.

Объединение Черногории с Бокой Которской создало бы обостренную ситуацию и в русско-турецких отношениях. Турецкое правительство никогда не признавало независимости Черногории и лишь

³⁹ Политические и культурные отношения... С. 85.

⁴⁰ Ровинский П. А. Отношения между Россией и Черногорией при владыках // Журнал министра народного просвещения. 1885. Ч. ССXXXIX. С. 225; Бойович Й. Р. Россия и Черногория... С. 48; Ђорђевић В. Црна Гора и Аустрија. 1814–1894. Београд, 1924. С. 4. Вуксан Д. Петар I Петровић Негош и његова доба. Цетинье, 1951. С. 246.

вынужденно терпело фактическое покровительство России над ней. Расширение границ Черногории к морю делало этого естественного врага Порты соседом в турецких приморских владениях. Порта, даже в силу необходимости сохранения международного престижа, могла предъявить свои претензии на новое государственное образование. Как следствие всего этого здесь мог возникнуть сложный клубок русско-австрийско-турецких противоречий.

В Черногории, где хитросплетения большой европейской политики были неведомы, известие о передаче Боки Которской Австрии восприняли как трагедию. Черногорцы и Петр I Негош были явно обижены и разочарованы тем, что их заслуги в борьбе против французов и проявленная при этом преданность России не были оценены по достоинству. Военная и дипломатическая борьба за Боку Которскую в 1813–1814 гг. потребовала от Черногории напряжения всех сил народа, больших военных и финансовых затрат, но все оказалось тщетным. Страна вновь оказалась в изоляции, без выхода к морю, во враждебном окружении австрийских и турецких соседей.

Оставшись одна, без эффективной внешней поддержки и материальной помощи, Черногория не была окончательно сломлена, но внутреннее ее положение ухудшалось. Вновь, как всегда случалось в наиболее критические моменты истории Черногории, усилился племенной сепаратизм, пал авторитет Петра Негоша и возобновились попытки семейства Радоничей сконцентрировать власть в своих руках. Однако внутренние проблемы и трудности не сломили черногорского митрополита, по-прежнему стремившегося к активной внешнеполитической деятельности. И снова Россия, несмотря на все обиды и разочарования, оставалась в центре внешнеполитических акций митрополита. Даже Радоничи, чье влиятельное семейство в основном придерживалось проавстрийской ориентации, с 1815 г. какое-то время делали ставку на Россию.

Тяжелое экономическое положение страны усугублялось частыми неурожаями, которые привели Черногорию к голоду. Бедность материальных ресурсов не позволяла надеяться на свои внутренние возможности. Поэтому даже при столь малой численности переселенческая политика становится важным направлением внешнеполитической деятельности черногорского руководства.

Неоднократные обращения митрополита к Александру I и русским сановникам, прибытие черногорских представителей в Россию — все это заставило российское руководство в начале 1818 г. специально рассмотреть вопрос о русской политике в отношении Черногории, где все практически свелось к возможности периодической эмиграции черногорцев в Россию (раз в 10 лет) по согласованию с Австрией и согласия на открытие в перспективе в Которе русского консульства. На практике все это так и не было реализовано.

Правительство Александра I проявляло осторожность в политических отношениях с Черногорией, но разрывать их полностью оно не было намерено. Не желая осложнять отношения с Турцией и Австрией, царское правительство воздерживалось от прямой помощи черногорцам, вынуждено было отказывать во многих их просьбах. Вместе с тем в 1817 г. Петру Негошу была назначена личная ежегодная пенсия в 300 дукатов. Не прерывались церковные контакты по линии Синода. Так, в феврале 1816 г. Негош обратился с просьбой о выдаче денег на Цетинский монастырь из «палестинских сумм» Синода за прошедшие десять лет и на последующие шесть лет, и его просьба была удовлетворена. Царское правительство отказалось от политики массового переселения черногорцев, но единичные случаи поселения их в России не встречали препятствий⁴¹.

Однако на межгосударственном уровне для Черногории отношения складывались не лучшим образом. Петр I Негош упорно добивался от правительства Александра I официального признания покровительства со стороны России над Черногорией. Рассчитывая на это, митрополит даже выдавал отправляющимся за границу черногорцам паспорта от имени русского правительства с российским гербом, но Г. А. Строганов потребовал от митрополита изменить форму паспортов, подчеркивая, что ни в одном договоре, заключенном между Россией и европейскими государствами «не определяются отношения Черногории к Российской державе». Таким образом, «единоверным и единоплеменным» черногорцам еще раз дали понять, что их расчеты на резкую активизацию русско-черногорских взаимоотношений нереальны в условиях новой системы европейских отношений. Судя по той ситуации, которая сложилась с черногорцами-переселенцами в 1817 г., Александр I готов был искренне помочь им переселиться в Россию, но только без риска возникновения осложнений с Портой. Не желало русское правительство из-за Черногории портить отношения и с венским двором.

Налаживание нормальных, добрососедских отношений с Австрией являлось одной из важнейших внешнеполитических задач черногорских властей. Австрийское правительство также проявляло заинтересованность в поддержании спокойствия на границе с Черногорией. В 1819 г. К. Меттерних представил императору Францу I специальный доклад, в котором были сформулированы задачи политики Австрии в отношении Черногории. К. Меттерних утверждал, что Черногория является частью Османской империи, которая благодаря своему выгодному географическому положению до сих пор нарушает свои вассальные обязательства в отношении Порты. По его мнению, черногорцы являются мятежными подданными султана, на которых можно воздействовать либо уговорами, либо силой. Отсутствие достаточного количества войск в Далмации де-

⁴¹ РГА ВМФ. 383. Оп. 29. 1819–1845. Д. 454. Л. 105.

лает бесперспективной политикой принуждения черногорцев к миру, поскольку это грозит «малой войной». Поэтому лучше действовать, прибегая к обещаниям и уговорам⁴². Однако на австро-черногорской границе по-прежнему продолжались межевые споры, которые приводили к ежегодным человеческим жертвам с обеих сторон.

Игнорирование царским правительством насущных интересов Черногории порождало у Петра I Негоша неверие и скептицизм в отношении России. Не рассчитывая больше на нее одну, митрополит в 1822 г. решил обратиться за поддержкой к европейским державам. Он направил европейским монархам, собравшимся на Веронский конгресс, обращение, в котором уверял их в лояльности и расположенности к ним своего народа и просил монархов принять Черногорию под их совместную защиту и покровительство, а также добивался содействия в просвещении его родины, утверждения здесь европейских законов и обычаев⁴³. Эта демонстративная акция, предпринятая Петром I Негошем, не привела к внешнеполитической переориентации страны. Вместе с тем она свидетельствовала об определенном падении русско-го влияния в Черногории, и не по вине руководства этой страны.

⁴² Ђорђевић В. Црна Гора и Аустрија... С. 16–17.

⁴³ Миловић Ј. М. Петар I Петровић Његош. Писма и друга документи. 1821–1830. Књ. 2. Титоград, 1988. С. 88–89.

Дореволюционная Греция

Важнейшим событием истории Греции является революция 1821–1829 гг., приведшая к национальному освобождению и созданию независимого государства. Но уже в первые годы XIX в. возник очаг греческой государственности — Республика Семи Соединенных островов, в которой, по словам греческого историка, «все греки той эпохи видели зарю своей независимости»¹.

Республика была создана на основе Константинопольской конвенции от 21 марта (1 апреля) 1800 г. между Россией и Турцией из бывших венецианских владений в Ионическом море после изгнания оттуда французов русско-турецкой эскадрой под командованием Ф. Ф. Ушакова². Согласно конвенции, Ионическая республика ставилась в вассальную зависимость от Порты, фактически же с 1802 г. она находилась под протекторатом России. Тогда началась концентрация русских сухопутных и военно-морских сил на островах, и они на пять лет становятся основной военной базой России на Средиземном море.

После освобождения островов от французов они стали ареной острых столкновений между крестьянством и буржуазией, с одной стороны, и нобилиями (господствующим классом при венецианцах) — с другой. Российские представители, заинтересованные в обеспечении внутреннего спокойствия на островах, добивались определенного компромисса между противоборствующими общественными силами. Этой цели служила конституция 1803 г. — наиболее либеральная из ионических конституций, имевшая сходство с французской конституцией 1795 г.

Согласно конституции 1803 г., политические права — наряду с нобилиями — получила зажиточная буржуазная прослойка. Всем жителям гарантировалась личная свобода и неприкосновенность собственности. Законодательная власть осуществлялась законодательным собранием, исполнительная — Сенатом. Но конституция 1803 г. была введена в действие на короткий срок и не полностью. Весной 1805 г. в связи с надвигавшейся войной с Францией в Петербурге решили, что

¹ *Lascares S. Capodisrias avant la Revolution Grecque. Lausanne, 1918. P. 26.*

² Истории Ионической республики и ее взаимоотношений с Россией посвящены монографии: *Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. Политика России и Ионической республики, 1798–1807 гг. М., 1976; Она же. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции, 1798–1800 гг. М., 1983.*

необходимо усилить исполнительную ветвь республиканской власти. Были увеличены полномочия Сената и особенно — возглавлявшего его князя или принца.

Существование Республики Семи Соединенных островов способствовало росту национального самосознания и освободительных стремлений греков. Впервые после крушения Византийской империи возникло греческое государство с национальной администрацией, где в качестве официального был признан греческий язык. Несмотря на ограниченность суверенитета республики, она обладала существенными атрибутами государственности: национальным флагом, собственными вооруженными силами, дипломатическим представительством в некоторых столицах, в т. ч. в Петербурге.

Республика была не только государственным объединением ионических греков, но и национальным очагом всех греков. На островах укрывались от преследований турецких властей участники иррегулярных вооруженных отрядов с греческого континента. Общее число беженцев в 1806 г. достигло 3 тыс. В органах ионической администрации, в военных подразделениях, созданных русским командованием на островах, служили некоторые греческие патриоты, позднее внесшие большой вклад в дело освобождения Греции. В их числе был Иоанн Каподистрия.

Этот выдающийся государственный деятель Греции и России родился в 1776 г. на острове Корфу в старинной аристократической семье. В 1794 г. он поступил в университет в Падуе, где, как правило, получали образование дети ионической знати. В Падуе и других городах Италии Каподистрия провел около четырех лет, изучая медицину и одновременно слушая курсы по политическим наукам, праву и философии, которые с тех пор стали глубоко его интересоваться. Вернувшись на острова, Каподистрия некоторое время занимался врачебной практикой, но вскоре целиком посвятил себя политической деятельности. В 1803–1806 гг. он занимал важную должность государственного секретаря Ионической республики. Тогда у Каподистрии сложилось убеждение, что для постепенного улучшения участи Греции и ее конечного освобождения необходима опора на Россию. В своей практической деятельности он тесно сотрудничал с полномочным представителем России в Ионической республике Г. Д. Моцениго.

Взгляды и деятельность ионического политика не остались незамеченными в Петербурге. В 1807 г. по Тильзитскому договору Ионические острова снова были переданы Франции, и Республика Семи Соединенных островов прекратила свое существование. Каподистрия же получил приглашение прибыть в Россию и поступить на российскую службу.

В 1809–1811 гг. бывший государственный секретарь Ионической республики служил в Коллегии иностранных дел без определенной

должности, в скромном чине статского советника. Затем карьера греческого дипломата в России стала раскручиваться с нарастающей быстротой. В 1812 г. он получил должность начальника дипломатической канцелярии Дунайской армии П. В. Чичагова. Он сохранил эту должность и при главнокомандующем союзной русско-прусской армией М. Б. Барклае-де-Толли. Каподистрия участвовал и в наиболее важных переговорах со стороны России в ходе Венского конгресса. 31 августа (11 сентября) 1815 г. Александр I подписал указ о назначении Каподистрии статс-секретарем по иностранным делам. Хотя имелся и другой статс-секретарь, К. В. Нессельроде, считавшийся старшим, но фактически, по единодушному свидетельству современников, неизмеримо больший вес в служебных делах, по крайней мере до 1820 г., имел Каподистрия.

Чем объяснить столь головокружительную карьеру ионического грека в России? Среди целого ряда причин на первое место следует поставить определенные тенденции во внешней политике Александра I. В этой политике, по существу контрреволюционной, в первые годы XIX в. наблюдалась определенная тенденция приспособиться к новой политической реальности, возникшей в Европе в результате Французской революции и наполеоновских войн. Царь видел в Каподистрии «полномочного представителя духа времени», взгляды которого могут быть полезны для установления контактов с новыми политическими силами Европы. Во внутренней жизни России Каподистрия имел репутацию либерального политика, покровителя наук и искусств. Но прежде всего он являлся искренним патриотом Греции, сторонником ее освобождения от османского ига³. Для греческого же общества пребывание Каподистрии на высоком посту в России имело огромное значение. В результате никогда не исчезающие у греков надежды на помощь России в деле национального освобождения в очень большой степени оживились.

XIX век принес большие перемены в экономическую, политическую и культурную жизнь Греции. Новые явления затронули сельское хозяйство, в котором была занята подавляющая часть населения страны. Здесь продолжался процесс разложения военно-ленной системы и перехода от государственно-феодального к частнофеодальному землевладению. Начали возникать феодальные владения нового типа — чифтлики⁴. Земля здесь являлась полной собственностью чифтликотладельца. Крестьянин, лишенный каких-либо владельческих прав, превращенный в бесправного арендатора, отныне должен был отдавать значительную часть своего труда новому эксплуататору. Чифтликотская система не задевала основ феодального способа эксплуатации. Более того, в ряде случаев она приводила к усилению зависимости непосредственного производителя от собственника земли. В то же время производство сельскохозяйст-

³ Подробнее о мировоззрении И. Каподистрии и его карьере в России см.: *Арш Г. Л. Иоанн Каподистрия в России (1809–1822)*. СПб., 2003. С. 13–59.

⁴ Чифтлик (тур.) — поместье, имение, хозяйство.

венной продукции в чифтליках было более приспособлено к нуждам рынка. Обширные районы начали втягиваться в сферу товарно-денежного обращения. При определенных условиях это могло создать предпосылки для развития капиталистических отношений в деревне. В крупнейшей греческой провинции — Пелопоннесе, перед восстанием 1821 г., по данным греческого исследователя М. Сакеллариоса, 58,3 % обрабатываемой земли являлось частной собственностью, а остальные 41,7 % земель оставалось государственной собственностью⁵. В целом, чифтлийская собственность к началу XIX в., согласно всем данным, стала господствующей в основных земледельческих областях Греции. Переход к частнофеодальному землевладению привел к серьезному увеличению товарности сельского хозяйства, хотя нельзя сказать того же самого о его абсолютной производительности.

Особенностью этого переворота в формах феодального землевладения было то, что он не был обусловлен какими-то качественными изменениями в производительных силах. Правда, имело место освоение новых земель, в XVIII веке получили распространение новые сельскохозяйственные культуры, такие, как кукуруза и хлопок. Однако техника производства осталась той же самой — отсталой, дедовской. Не произошло каких-либо прогрессивных изменений в организации производства, которые подняли бы материальную заинтересованность непосредственного производителя в повышении производительности своего труда. Скорее наоборот. Раньше на земле работал наследственный владелец. После уплаты налогов военному леннику и государству он мог распоряжаться своей продукцией. Теперь этот наследственный владелец превратился в обезземеленного арендатора, вынужденного отдавать значительную часть произведенной продукции собственнику земли. В Пелопоннесе в чифтликах существовало три основных вида экономических взаимоотношений:

- 1) синдрофикон: собственник и возделыватель делили поровну чистый доход (после вычета налогов и остальных расходов);
- 2) тритарикон: возделыватель брал на себя налоги и другие расходы и имел право на 7/10 оставшейся продукции, а остальные 3/10 оставались собственнику земли;
- 3) геоморон: возделыватель отдавал собственнику заранее согласованную в абсолютных цифрах часть земельной продукции, а остальное оставалось ему⁶.

Организация капиталистического хозяйства на земле в условиях деспотизма и произвола, когда не существовало ни малейших гарантий ни для прибыли, ни для вложенного капитала, являлась весьма риско-

⁵ Σακελλαρίου Μ. Ἡ Πελοπόννησος κατὰ τὴν δευτέραν τουρκοκρατίαν (1715–1821). Ἀθήναι, 1939. Σ. 49.

⁶ Ο. π. Σ. 51.

ванным делом. Помимо того, землевладельцам не было необходимости тратить на наемных рабочих, в то время как они почти безвозмездно могли использовать труд феодальнозависимого сельского населения. Поэтому наемный труд в сельском хозяйстве, ценившийся сравнительно дорого, не получил сколько-нибудь широкого применения.

Переход к частнофеодальному землевладению означал перераспределение доли сельскохозяйственной продукции между феодалами и крестьянством. Если доля феодального класса значительно возросла, то доля крестьянства, соответственно, сократилась, что сказалось, несомненно, и на его потреблении. Полуголодные, нищенские условия жизни греческого крестьянства в конце XVIII – начале XIX вв. отмечали многие очевидцы. Греческие крестьяне испытывали также все более сильное внеэкономическое принуждение. Получили распространение такие тяжелые формы личной зависимости, что современники сравнивали положение греческих крестьян с положением американских негров.

Переход в Греции и в других провинциях Европейской Турции к системе частнофеодального землевладения дал большой толчок развитию торговли, особенно внешней. Возникает регулярный товарообмен между европейскими владениями султана и странами Западной и Центральной Европы. Нарождавшейся промышленности требовалось все больше разнообразного сельскохозяйственного сырья, увеличивавшемуся городскому населению — все больше продовольствия. Сельское хозяйство этих стран, скованное еще феодальными путами, не в состоянии было удовлетворить этот быстро возрастающий спрос. Выход из положения дала торговля с сельскохозяйственным Востоком и Юго-Востоком Европы. С начала XVIII в. наблюдается резкое увеличение экспорта сельскохозяйственного сырья из европейских провинций Османской империи, в частности — из Греции. В конце XVIII – начале XIX вв. спрос на греческое продовольствие и сырье достиг своего апогея. Этому способствовали бурные политические и военные события того времени: Французская революция, континентальная блокада, английская контрблокада побережья Европы, превращение Восточного Средиземноморья и Адриатики в театр военных операций.

Посмотрим, что вывозилось из Греции и что в нее ввозилось в начале XIX в. Наиболее детальные сведения имеются о внешней торговле Пелопоннеса⁷. Важнейшими статьями его вывоза морем в 1805 г. были: коринка, хлопок, шерсть, шелк-сырец, пшеница, кукуруза, ячмень, овес, сыр, оливковое масло, вино, лук, воск, мед, скот. Вывозились также смола, деготь, морская губка. Пелопоннес экспортировал и полуфабрикаты: хлопчатобумажную пряжу, выделанные шкуры, сафьян, однако удельный вес этих статей вывоза был незначительным.

⁷ См.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Главный архив. I–9. 1804. Д. 2. Л. 22–33. Торговля полуострова Мореи и Лепантского залива до Фив 1805 года (Приложение к донесению генерального консула в Морее Ф. И. Недобы в Коллегию иностранных дел от 13 (25) января 1806 г.); *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 32–33.

В вывозе этого сельскохозяйственного сырья участвовали различные иностранные купцы. Как сообщал в 1801 г. из Пелопоннеса российский консул, «суда, становящиеся теперь под погрузку в этих портах, имеют пунктами своего назначения Неаполь, Геную, Венецию, многие — Триест, некоторые — Англию»⁸. Активно велась торговля с Ионическими островами.

Имеются некоторые данные и о греческом импорте первых лет XIX в. Самое большое место в нем заняли итальянские города: Венеция, Анкона, Мессина, Неаполь, Ливорно, Генуя (свыше 40 % ввоза), далее шел Триест, Франция, до революции стоявшая на первом месте по ввозу иностранных товаров в Грецию, передвинулась на третье место. Четвертое же место в греческом импорте принадлежало Англии. Перечень товаров весьма разнообразен — от гвоздей до изделий из шелка, бархатв и парчи. Россия снабжала Пелопоннес своими традиционными товарами, пушниной и икрой. В целом, внешняя торговля Греции отражала аграрный характер этой страны. Это подтверждают и подсчеты, произведенные греческим исследователем М. Сакеллариосом. Согласно им, в начале XIX в. 66 % вывоза из Пелопоннеса приходилось на продукты сельского хозяйства, 30 % — на сырье и лишь 4 % — на отработанные изделия. Ввоз же Пелопоннеса на 93,5 % состоял из готовых изделий и только на 6,5 % — из сырья⁹.

До Французской революции сильная и влиятельная прослойка греческого купечества существовала лишь в Эпире. Купцы-эпироты обеспечивали внутренний обмен и сбыт на внешних рынках сельскохозяйственной продукции не только Эпира, но и соседних провинций: Южной Албании, Фессалии, Акарнании¹⁰. В других областях страны греческий купеческий класс был развит слабо. В Пелопоннесе же греческое купеческое сословие фактически отсутствовало. Но в первые годы XIX в. картина существенно изменилась. Число местных купеческих фирм только в Пелопоннесе достигло 50. Они в основном обслуживали европейских купцов, торговавших с полуостровом. Весьма значительную роль греческие купцы стали играть и в той обширной торговле, которую Австрия вела в Македонии¹¹. В общем, греческий торговый капитал получил в этот период наибольшее, если брать предшествующую историю Греции, развитие. Наряду с посредническими операциями в сфере внешней торговли предпринимались и определенные попытки наладить переработку сельскохозяйственного сырья внутри страны, наладить мануфактурное производство.

⁸ АВПРИ. С. 38.

⁹ Σακελλάρη Μ. Ἡ Πελοπόννησος... Σ. 131–132.

¹⁰ Подробнее о торговле Эпира см.: *Ариш Г. Л.* Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. М., 1963. С. 126–127.

¹¹ *Stoianovich T.* The Conquering Balkan Orthodox Merchant // *The Journal of Economic History*. N. Y., 1960. V. XX. № 2. P. 260, 298.

Греческие купцы, контролировавшие значительную часть сухопутной торговли Австрии с Юго-Восточной Европой, стали испытывать в начале XIX в. растущую конкуренцию со стороны немцев, венгров и особенно евреев, получивших в 1796 г. право приобретать австрийское подданство¹². Но самое серьезное препятствие для развития внутренней и внешней торговли в Греции представляли сложившиеся в стране политические условия. При царившей в Османской империи анархии никакое имущество, ничья собственность не были гарантированно застрахованы от грабежа и насилий турецких чиновников, для которых скорейшее обогащение было главным стимулом и смыслом всей административной деятельности. Как говорилось в одном из донесений 1803 г. российского консула в Пелопоннесе М. Я. Минчаки, «собственность и имущество каждого человека зависят от каприза этих мелких деспотов. Очень часто люди, все преступление которых состоит в том, что у них есть какое-то имущество, становятся жертвой коварного оговора»¹³. Обогащение за счет грабежа имущества, поборов, взяток являлось узаконенной системой, важным элементом внутренней политики правящей верхушки Османской империи. Паша обирал население для того, чтобы посредством взяток и подарков великому везиру, другим министрам и султанским фаворитам обеспечить себе право дальнейшего грабежа населения этой или соседней провинции. Правящие круги Османской империи имели долевое участие в этом грабеже.

Народ привык к тому, что появление турецкого чиновника любого ранга на улице города или в деревне неизбежно было связано с новыми поборами. В Греции даже сложилась тогда поговорка: «если ты видишь турка — значит, турок хочет денег», обобщавшая этот повседневный житейский опыт¹⁴. Купцы, как и другие слои населения, страдали от непрекращавшихся феодальных смут и мятежей. Вот сообщение российского консула в Пелопоннесе (1815 г.). М. Я. Минчаки сообщал: вышли из повиновения гарнизоны крепостей Пелопоннеса — Метони, Корони и Наварина (Пилос). Консул писал о насилиях, которые чинила взбунтовавшаяся солдатня в Корони: «Турки Корони безнаказанно продолжают совершать разного рода бесчинства. Они грабят, убивают, и все остается безнаказанным. Здесь не существует ни власти, ни закона. Если капитан-паша (как пишут из Корони) не прибудет для того, чтобы положить конец всему этому разбою примерными наказаниями, то все жители: франки, греки, а также и порядочные турки, будут вынуждены покинуть город»¹⁵. Хотя здесь использованы главным образом донесения из Пелопоннеса, нет оснований считать, что положение в других

¹² Stoianovich T. The Conquering Balkan Orthodox Merchant. P. 299.

¹³ Арш Г. Л. Этеристское движение... С. 51–52.

¹⁴ См.: Leake W. Travels in the northern Greece. L., 1835. V. 4. P. 220.

¹⁵ Арш Г. Л. Этеристское движение... С. 44.

пашалыках Греции, управлявшихся непосредственно из Стамбула, отличалось в лучшую сторону.

Особый административный статус имели острова Архипелага Северные Спорады и Киклады, входившие в эялет Джезаир (острова), управляемый капитаном-пашой. Их жители платили налоги, собиравшиеся, как правило, раз в год чаушами (чиновниками по особым поручениям) турецкого адмирала. Но самой тяжелой повинностью островитян была поставка судов и отправка в турецкий флот во время войны матросов, которых они должны были содержать за свой счет.

Другие острова, главным образом в восточной части Эгейского моря, управлялись различными представителями турецкой власти. Так, на Хиосе, согласно донесению от 1800 г. российского консула А. Бани, существовало два совета: турецкий, состоявший из 14 ага, и греческий, состоявший из 40 видных представителей местной греческой общины. Но вся реальная власть принадлежала турецкому наместнику — мютесселиму, — являвшемуся одновременно и откупщиком налогов. Как отмечал российский консул, поскольку срок службы мютесселима на острове не превышал года или двух, то его главной целью было выколотить за этот короткий срок как можно больше денег из райи¹⁶.

Под непосредственным управлением турецких наместников находился и самый большой греческий остров — Крит. После завоевания острова в 1669 г. он стал эялетом, которым управлял трехбунчужный паша (везир) с резиденцией в Хандакасе (Ираклион). После оккупации острова началась исламизация населения, изменившая его конфессиональный и этнический облик. По данным путешественников, в 1797 г. население острова составляло 350 тыс. чел., из них 200 тыс. греков и 150 тыс. турок¹⁷. Значительную часть последних составляли критяне, принявшие ислам. Новой господствующей мусульманской прослойке были переданы лучшие земли. Их продолжали обрабатывать христиане, которые выплачивали десятину собственнику и подушный налог (харадж) государству.

Из островов Архипелага более благоприятные условия для жизни населения и экономического развития были на тех из них, которые непосредственно подчинялись капитан-паше. Очевидно, что именно эти острова имел в виду В. Б. Броневский — русский морской офицер, участник экспедиции Д. Н. Сенявина, — когда он писал: «На всех Архипелажских островах, где не живут турки, жители управляют сами собою, и, заплатив годовую подать, весьма умеренную, пользуются всею возможною свободой...»¹⁸ К этому можно добавить, что, хотя капитан-

¹⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 1669. Л. 7, 20.

¹⁷ Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήνα, [X. X.]. Τ. Ι Α'. Σ. 225.

¹⁸ Броневский В. Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1819. Ч. 3. С. 9–10.

паши и не оказывали какого-либо содействия развитию греческого судоходства, но до поры до времени не чинили ему никаких помех.

Геополитическая ситуация на юго-востоке Европы в результате русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. коренным образом изменилась: Черное море открылось для международной торговли, и образовалась единая черноморско-средиземноморская зона судоходства и торговли. В годы Французской революции и наполеоновских войн греческие корабли занимались перевозками зерна с Балкан и из России во Францию. Нередко во время этих рейсов им приходилось спасаться от преследования английских крейсеров, блокировавших французское побережье. На этой опасной торговле судовладельцы Идры, Спеце и Псары составили целые состояния. Перед восстанием 1821 г. греческий флот насчитывал около 500 кораблей, совершавших дальние плавания.

Наступление мира в Европе лишило греческих судовладельцев сверхприбылей военного времени. Однако они продолжали получать значительные доходы, обслуживая постоянно расширявшийся экспорт зерна из причерноморских областей России. Таким образом, за какие-нибудь полвека почти на пустом месте возникло греческое судоходство, ставшее первостепенным фактором средиземноморской торговли. Англия, претендовавшая на гегемонию в Средиземном море и, казалось, после поражения Франции добившаяся ее, оказалась перед лицом нового серьезного соперника.

Греческое судоходство, в отличие от других отраслей греческой экономики, имело явно выраженную капиталистическую организацию. Значительная часть кораблей находилась в руках нескольких семей судовладельцев: Орландосов, Кундуриотисов, Вудурисов. Отношения между ними и моряками, обслуживавшими корабли, имели характер отношений между наемными работниками и хозяевами. Но классовое самосознание и классовые противоречия между этими группами не получили еще достаточного развития. В условиях бушевавшей в Европе почти четверть века войны потребность в транспортных средствах все время была значительной. Наличные суда греческих судовладельцев постоянно находились в движении, неизменно высок был и спрос на рабочие руки. Для того чтобы комплектовать команды своих судов и отправлять их в опасные рейсы в зоны, охваченные военными действиями, судовладельцы не только платили морякам высокую заработную плату, но и отчисляли в их пользу долю от своих высоких прибылей. Нередко также и капитан, и матросы греческих кораблей принадлежали к одной семье. Но главным было то, что пока существовало османское иго, мешавшее социальному и экономическому прогрессу Греции, пока существовало противоречие между динамичной, развивавшейся нацией и феодальными средневековыми рамками, в которых в условиях иноземного ига протекало ее существование, все другие противоречия приглушались, отступали на задний план перед этим основным противоречием. Возникновение греческого торгового флота,

который был вооружен и мог быть преобразован в военный флот, усилило потенциал освободительной борьбы.

Перед началом восстания 1821 г. число кораблей, плававших в Черном и Средиземном морях под турецким флагом, резко сократилось — зато значительно возросло число кораблей под русским флагом, достигнув около тысячи. Однако лишь небольшая их часть действительно принадлежала русским подданным, остальные принадлежали греческим судовладельцам Архипелага, подданным Порты, но их собственниками по судовым документам числились подданные российские. Они «приобрели» эти суда посредством актов купли-продажи, носивших фиктивный характер.

Посреднические услуги в операциях по «ссужению займы фамилий» оказывали в России несколько крупных греческих купеческих фирм Одессы и других черноморских портов, превративших это занятие в свою монополию. Хотя русские власти и знали о фиктивном характере сделок по продаже греческих кораблей, но они закрывали на это глаза.

Использование русского флага дало торговой буржуазии Эгейских островов определенные гарантии сохранения ее имущества, которых она добивалась. Судьба греческого судоходства — наиболее прогрессивной в социально-экономическом отношении отрасли народного хозяйства страны — перестала быть внутренним делом Османской империи, зависевшим от доброй воли султана и его визирей. Попытка уничтожения греческого флота со стороны Порты отныне была чревата опасностью конфликта с Россией. Греческий флот сохранил свои силы, остался в руках греков и, когда в 1821 г. началась борьба за независимость, сыграл в этой борьбе колоссальную роль.

Сделки подобного рода, осуществленные в таких масштабах, не были бы возможны, если бы греческий торговый капитал не обеспечил себе к этому времени крепких опорных баз в России и в других странах, сыгравших значительную роль в экономическом развитии Греции и особенно в развертывании освободительного движения, и не в последнюю очередь в поддержке образования на родине. Здесь особую роль сыграл живший во Франции выдающийся просветитель и филолог А. Кораис. Его заботами гимназия на его родном острове Хиос стала одним из самых значительных учебных заведений дореволюционной Греции. Перед революцией подобные училища существовали и на континенте, и на островах. По данным на 1811 г., которые приводит Каподистрия, число общественных училищ, учрежденных на территории нынешней Греции «в подражание маленьким университетам или лицеям Италии и Франции», составило 14¹⁹. Кроме того, греческие училища существовали и в Смирне (Измир), в соседней с ней Кидонии (Айвалык), в Константинополе и на Кипре. Приблизительное число учащихся этих 18 учебных заведений составляло 3600 человек.

¹⁹ См.: Арш Г. Л. Иоанн Каподистрия... С. 257–258.

Это были учебные заведения нового типа — детища эпохи Просвещения. Их преподаватели были, как правило, питомцами западноевропейских университетов. В учебной программе большое место отводилось естественным наукам и живым языкам. «В этих училищах, — свидетельствует Каподистрия, — преподают греческий язык, древний и современный, основы французского или итальянского языков, греческую литературу, географию, историю, математику, логику и, в некоторых, — метафизику и физику». В училище на острове Идры — центре греческого судоходства — преподавали и навигацию.

Все эти учебные заведения содержались за счет городских и сельских греческих общин. То, что они несли эти большие расходы и в тяжелых условиях чужеземного господства поддерживали национальное образование, говорит о том, что новые греки сохранили свойственную их предкам любовь к просвещению и культуре. В то же время некоторые национальные деятели явно преувеличивали значение распространения образования для освобождения Греции от османского ига. А. Кораис, например, считал, что Греция будет подготовлена к освободительному восстанию лишь к середине XIX в., когда успехи просвещения дадут ей образованных и компетентных руководителей. Подобные взгляды объективно отражали настроения верхних слоев греческого общества, тяготившихся османским господством, но опасавшихся революционных потрясений.

Однако широкие массы народа, наиболее страдавшие от иноземного ига, готовы были, не останавливаясь ни перед какими жертвами, бороться за его свержение. Французский дипломат Ф. Пукевиль, проведший девять лет в Греции накануне революции 1821 г., отмечал эту коренную разницу в настроениях верхов и низов греческого общества: «Мудрые люди утверждали, что необходимо победить турок перевесом в знаниях и богатствах. Идриоты, ставшие морской державой, разделяли это мнение, так же как и наиболее видные греческие купцы портов Леванта. К несчастью, однако, народ, задавленный тяжелыми налогами и воодушевленный сознанием своей силы, оставался глух к этим призывам к умеренности»²⁰.

В Греции всегда существовало народное вооруженное сопротивление завоевателям; его олицетворяло движение клефтов. Некоторые из отрядов клефтов, которых турки легализовали, поручив им охрану порядка, назывались арматолами²¹. Клефты встречались в Греции повсюду. Однако в начале XIX в. турки провели в Пелопоннесе большие карательные операции против клефтов и смогли очистить полуостров от их основных отрядов. В 1805 г. был убит самый знаменитый пелопоннесский клефт Захариос Барбициотис. Другой известный клефт Теодо-

²⁰ Pouqueville F. Histoire de la regeneration de la Grèce. P., 1824. T. 1. P. 430.

²¹ Клефт (греч.) — вор. Порочащее название, от власти завоевателей, ее вооруженных противников.

рос Колокотронис, впоследствии — главнокомандующий греческими силами в ходе войны за независимость, — спас свою жизнь, найдя в начале 1806 г. убежище на Ионических островах. Арματοлы же с первых веков османского господства и до его конца существовали на всем греческом континенте (кроме Пелопоннеса). С течением времени зоны действий отдельных отрядов арματοлов превратились в зоны военно-административной юрисдикции их предводителей — арматолики. Постепенно должность глав арматоликов становится наследственной. Около 20 таких арматоликов существовало в горных районах Греции накануне революции 1821 г. Клефты и арματοлы, вооруженные греки, были готовы участвовать в действиях европейских держав, особенно России, против Османской империи. Антиосманские выступления в Греции имели место и во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг., хотя и в меньших масштабах, чем во время предыдущих войн. Согласно данным некоторых греческих историков, восстание Э. Блахаваса в Фессалии в первой половине 1808 г. было результатом новых надежд, возникших у греков в связи с военным выступлением России. При этом утверждается, что сербский вождь Карагеоргий и находившийся при нем российский представитель К. К. Родофиникин побуждали греков последовать примеру сербов и поднять оружие²². Другие начальники арматоликов — капитаны — не поддержали восстание Блахаваса, и оно было подавлено. Следует сказать, что отношения этих капитанов с представителями турецкой власти были сложными и неоднозначными: некоторые являлись послушными исполнителями их указаний, другие же, несмотря на давление и угрозы, сохраняли свою самостоятельность.

В Греции на всем протяжении османского господства существовали полунезависимые области в горах, где туркам так и не удалось утвердить свою власть: Сули (Эпир), Сфакья (Крит) и Мани (Пелопоннес). В 1803 г. Али-паша Янинский после многолетней борьбы завоевал Сули. После этого Мани осталась наиболее значительной непокорной завоевателям областью Греции.

Мани была важным очагом опытных воинов, способных и готовых с оружием в руках отстаивать свою свободу. По некоторым данным, в 1818 г. число маньятов, способных носить оружие, составляло 10 тыс. человек²³. В Мани во времена господства турок всегда находили приют преследуемые греки. Греки, особенно пелопоннесцы, возлагали большие надежды на маньятов в деле своего освобождения. «Ружье маньята, — говорили тогда в Пелопоннесе, — гремит как пушка». Турки также вполне отдавали себе отчет в той опасности, которую представлял для них этот горный край. Для того чтобы подорвать освободительные

²² Βακαλόπουλου Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη, 1973. Τ. Δ'. Σ. 722–726. В российских источниках нам не удалось обнаружить сведений, которые подтверждали бы эти утверждения. — *Авт.*

²³ *Арш Г. Л. Этеристское движение... С. 74.*

возможности маньятов, они разжигали вражду между капитанами — начальниками отдельных округов Мани. Капитанами Мани избирался бей — глава области; турки же старались (и иногда не без успеха) продвинуть на этот пост приемлемого для них человека. Следует сказать, что, несмотря на непоследовательность в действиях капитанов арматолов и начальников Мани, все же и арматолы, и маньяты были важным резервом вооруженной национально-освободительной борьбы.

В начале XIX в., благодаря попеременной оккупации Ионических островов Россией, Францией и Великобританией, здесь сформировались неплохо обученные кадры для вооруженной национально-освободительной войны. В 1805 г. русское командование на островах начало формировать иррегулярное воинское соединение из жителей Албании и Греции. К 1807 г. «корпус эпиро-сулиотов» или, как он иначе назывался, «корпус греческих стрелков» насчитывал около 4 тыс. человек.

Легионами, составлявшими корпус, командовали российские офицеры греческого происхождения. Командование же пелопоннесским легионом было поручено видному клефту Анагностарасу (Анагностис Папагеоргиу). Командиром же корпуса был назначен генерал-майор Э. Г. Попандопуло, переселившийся в Россию после войны 1768–1774 гг. В инструкции, написанной им для офицеров, пропаганда греческой национальной идеи сочеталась с требованием усвоения основ воинской дисциплины. Инструкция открывалась гимном предкам — древним грекам, создателям военного искусства²⁴.

В 1805–1807 гг. греческие «легкие стрелки» приняли участие в боях с французами и турками в Средиземном море. Действия этих добровольцев получили положительную оценку русского командования. После перехода в 1807 г. Ионических островов под власть Франции, греческие подразделения поступили на службу этой державы, но с условием: никогда не воевать против России. После того, как острова Занте и Кефаллиния попали в руки англичан, находившиеся там греческие части перешли на службу Великобритании. В 1816 г., после перехода Ионических островов под британский протекторат, эти части были расформированы. За 12 лет существования на Ионических островах греческого корпуса в них получили хорошую боевую выучку некоторые греческие военачальники, прославившиеся в войне за независимость.

В общем, у греков в начале XIX в. имелись весьма серьезные резервы для вооруженной национально-освободительной борьбы. Но силы эти были разобщены. Их нужно было собрать под национальное знамя, объединить и поднять на освободительное восстание. Первую попытку в этом направлении сделал основоположник греческого национально-освободительного движения Ригас Велестинлис. Но основанная им с этой целью конспиративная организация Этерия (Общество) была разгромлена в 1798 г. австрийской полицией. Вслед за этой организацией, кото-

²⁴ См.: Станиславская А. М. Россия и Греция... С. 315.

рая в некоторых источниках фигурирует как первая Этерия, возникли и другие тайные этерии. Но только Филики Этерии (Дружеское общество) удалось стать общенациональной организацией, объединившей широкие слои греческого народа в борьбе за освобождение родины.

Филики Этерия была основана в 1814 г. в Одессе. Ее основателями были Николаос Скуфас, уроженец Эпира, Афанасиос Цакалов, родившийся в Янине, но вскоре перевезенный своим отцом, нежинским купцом, в Москву, и Эммануил Ксантос, уроженец острова Патмос. Общественный статус этих горячих греческих патриотов, встретившихся в большом черноморском порту России, был весьма скромным: Н. Скуфас был мелким торговцем и ремесленником (изготавливал шляпы), А. Цакалов помогал своему отцу, торговцу пушным товаром в его деле, а Э. Ксантос был купеческим приказчиком.

Обстоятельства создания Филики Этерии и первые два года ее деятельности составляют одно из самых темных мест в истории тайного общества. Практически единственным источником для этого периода являются воспоминания Э. Ксантоса, опубликованные в 1845 г., т. е. много лет спустя²⁵. В частности, Ксантос утверждал, что оба его коллеги расстались с ним в сентябре 1814 г., отправившись по неотложным делам в Москву. На основании этого утверждения и исходя из предпосылки, что разработка организационной структуры общества была коллективным делом трех его основателей, известный греческий историк А. Вакалопулос считает датой его основания сентябрь 1814 г.²⁶ Однако исследования, проведенные в архивах Москвы и Одессы, показывают, что утверждение Ксантоса неточно: на самом деле и Скуфас, и Цакалов покинули Одессу не позднее июня 1814 г.²⁷ В результате можно сделать вывод, что именно в этом месяце в Одессе была в основном завершена разработка организационной структуры Филики Этерии. Вероятно, что некоторые дополнения в нее внесли Н. Скуфас и А. Цакалов уже в Москве — не позднее декабря 1814 г., так как именно в этом месяце Скуфас начал здесь вербовку в тайное общество.

При создании структуры Филики Этерии ее основатели заимствовали некоторые правила у карбонариев и масонских лож, переработав их применительно к особенностям греческого национально-освободительного движения²⁸. По осведомленности и участию в деятельности организации все ее члены делились на четыре степени, носившие ус-

²⁵ Ξάνθου Ε. Απομνημονεύματα περί της Φιλικής Εταιρείας // Απομνημονεύματα αγωνιστών του 21. Αθήναι, 1956. Τ. 9.

²⁶ Βακαλοπούλου Α. Ιστορία... Τ. Ε' (1980). Σ. 67.

²⁷ Αρσι Γ. Λ., Πятигорский Γ. Μ. Некоторые вопросы истории Филики Этерии в свете новых данных советских архивов // Балканские исследования. Вып. 11: Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.). М., 1989. С. 25–29.

²⁸ Об организационной структуре Филики Этерии и применявшихся ею способах конспирации см.: Αρσι Γ. Λ. Тайное общество «Филики Этерия». М., 1965. С. 50–59; Он же. Этеристское движение... С. 169–175.

ловные названия. Это были: 1) побратимы, 2) рекомендованные, 3) иереи, 4) пастыри. Степень побратимов была установлена для совсем простых и неграмотных патриотов; грамотные люди из простого народа должны были приниматься в степень рекомендованных; степени же иереев и пастырей предназначались для людей образованных и имеющих определенное общественное положение. Позднее были учреждены еще степени посвященных и начальников посвященных, предназначавшиеся специально для военных. Руководящий орган, который должен был направлять всю деятельность тайного общества, получил условное название Архи (Власть). Первыми его членами были Э. Ксантос, Н. Скуфас и А. Цакалов.

Вербовка в общество производилась в строго индивидуальном порядке, причем процедура приема от низших степеней к более высоким последовательно усложнялась. Правом вербовки в тайное общество пользовались этеристы, начиная со степени иерея. Поэтому при приеме в иереи предусматривалась особо тщательная проверка личных качеств и патриотизма вновь принимаемого. Ритуал приема был разработан таким образом, чтобы не только соблюсти все требования конспирации, но и оказать глубокое эмоциональное воздействие на «новобранца». Прием завершался произнесением «великой клятвы» — обязательства нового этериста бороться, не щадя жизни за освобождение Греции.

Основатели этеристского движения самое серьезное внимание уделяли технике подпольной работы. Помимо тайных опознавательных знаков и паролей, употреблявшихся этеристами в конспиративных целях, применялись также различные методы для зашифровки корреспонденции и документов общества; был создан даже специальный этеристский алфавит. Он состоял из 22 знаков: букв греческого алфавита и арабских цифр, поставленных попеременно.

Руководителями тайного общества был составлен также условный словарь для переписки. На этом условном языке султан назывался безучастным, большой военный корабль — слоном, ружье — деревом, этерист — тучей, Архи — ливнем, греки — энтузиастами, албанцы — сородичами, турки — иностранцами, И. Каподистрия — благодетелем или архимандритом, царь Александр — благотворителем или игуменом, император Франц — упрямец.

В апреле 1818 г. Скуфас переехал из Одессы в Константинополь. До этого в турецкую столицу прибыли Э. Ксантос и А. Цакалов. Главной причиной отъезда руководителей этеристского общества из России было их стремление организовать вербовку в общество в самой Греции. Это вытекало из основной цели этеристов — освобождения своей родины от османского господства.

В 1818–1820 гг. вербовка в тайное общество приняла большой размах. Она охватила Пелопоннес, Эпир, Архипелаг, Ионические острова и другие области Греции. Она велась также среди греческого населе-

ния Малой Азии и была продолжена в греческих общинах Южной России. Социальный состав общества, сформировавшийся в результате массовой вербовки, был достаточно широким. Анализ примерно тысячи известных имен этеристов (в действительности численность общества была значительно большей) дал следующие результаты²⁹. Примерно 54 % в этом списке составляли купцы, 13 % — «профессионалы». В эту категорию входили учителя, студенты, юристы, доктора и люди, занимавшие официальное положение. В числе последних были российские офицеры и дипломаты греческого происхождения. Далее в списке следовали провинциальные нотабли, главным образом из Пелопоннеса, духовенство, в основном низшее, военные люди (клефты и арматолы). Менее 2 % этеристов составляли крестьяне и ремесленники. Есть основания считать, что участие этой категории в деятельности Филики Этерии было значительно большим, но оно не было должным образом документировано. Следует также отметить, что, хотя движение за национальное освобождение Греции в значительной мере было связано с развитием греческой торговой буржуазии, в этеристскую организацию вступили лишь небогатые купцы и купеческие приказчики. Крупные же купцы и богатые судовладельцы относились отрицательно к конспиративной деятельности и за редкими исключениями не поддерживали Филики Этерию.

Широкому распространению этерии способствовали два обстоятельства. Во-первых, тайное общество не выдвигало каких-либо планов политического устройства Греции после освобождения: ее объявленной целью было только освобождение родины от османского господства. Благодаря этому она смогла объединить под своими знаменами всех греческих патриотов — вне зависимости от их социальной принадлежности. Во-вторых, дополнительную привлекательность Филики Этерии в глазах греков придавал ореол таинственности, окружавший ее руководящий орган — Архи. В результате в греческом обществе распространилось мнение, что за спиной этеристской организации стоит русское правительство и что руководителем ее является царский министр — грек Иоанн Каподистрия. Между тем авторитет России — единственной великой державы, единой с греками, — бывший среди последних высоким и в эпоху османского господства, в канун Греческой революции вырос еще более в результате победы русских в войне с Наполеоном.

Но тайна, окутывавшая руководящий орган освободительной организации, имела и свою оборотную сторону. Если бы выяснилось, что Архи состоит из малоизвестных людей — зарубежных греческих купцов (за их счет в 1818 г. был в основном расширен его состав), то это могло бы настроить против Филики Этерии влиятельные круги греческого общества. Для того чтобы предотвратить эту опасность, руково-

²⁹ Clogg R. A Short History of Modern Greece. Cambridge University Press, 1986. P. 49.

дители этеристов решили предложить И. Каподистрии руководство тайным обществом.

Ионический грек, ставший в 1815 г. статс-секретарем по иностранным делам России, не перестал быть греческим патриотом. Свое положение и влияние на Александра I он старался использовать в интересах своих соотечественников. Большое внимание Каподистрия уделял распространению просвещения в Греции. Созданное им национально-просветительное общество Филомузос Этерия (Общество любителей муз) содействовало обучению греческих студентов в университетах Европы. Упор на распространение просвещения вытекал из общеполитических взглядов Каподистрии.

Этот видный государственный деятель был горячим сторонником освобождения Греции. Но он был искренне убежден, что Греция еще недостаточно сильна для того, чтобы освободиться собственными силами. Проблему освобождения могла бы, по мнению Каподистрии, решить новая русско-турецкая война. Но после Венского конгресса политика Александра I как раз была направлена на предотвращение такой войны и укрепление мирных отношений с Портой. Пока международная обстановка не изменится в благоприятную для греков сторону, они, считал Каподистрия, должны отказаться от какой-либо политической деятельности и сосредоточиться на дальнейшем распространении просвещения в стране³⁰.

На основании сказанного можно догадаться, какой ответ получил представитель Филики Этерии Э. Ксантос, прибывший в январе 1820 г. в Петербург для переговоров со статс-секретарем. По свидетельству Ксантоса (этот эпизод известен только с его слов), Каподистрия на его предложение возглавить Филики Этерию ответил, что в его положении такого предложения принять не может, так как это скомпрометировало бы царя. Каподистрия дал отрицательный ответ и на вопрос Ксантоса о том, смогут ли греки рассчитывать на помощь со стороны Александра I в случае, если они предпримут попытку к освобождению³¹.

Столкнувшись с категорическим отказом Каподистрии сотрудничать с Филики Этерией, эмиссар тайного общества решил обратиться к другому греческому патриоту, также занимавшему видное положение на русской службе, — генерал-майору Александру Ипсиланти.

Александр был сыном видного фанариота, господаря Валахии Константина Ипсиланти. Вместе с отцом, придерживавшимся прорусской ориентации, Александр переселился в Россию. В 1808 г., в возрасте 15 лет, его приняли на российскую военную службу в Кавалергардский гвардейский полк. Во время службы в Петербурге он встретился и подружился с Каподистрией, также прибывшим тогда в российскую столицу.

³⁰ См.: *Арш Г. Л.* Иоанн Каподистрия... С. 45–59, 80–82.

³¹ Там же. С. 182–183.

Молодой грек проявил большую храбрость в Отечественной войне 1812 г. и в заграничном походе русской армии. В сражении при Дрездене (август 1813 г.) он получил тяжелое ранение — ему оторвало ядром правую руку. Но это ранение не приостановило его военную карьеру. В 1816–1817 гг. полковник А. Ипсиланти находился в свите императора в звании флигель-адъютанта. В декабре 1817 г. он был произведен в генерал-майоры и назначен бригадным генералом в 1-ю кирасирскую дивизию.

Александр Ипсиланти был человеком свободолобивых убеждений, на формирование которых, несомненно, оказали влияние декабристские кружки в России, к которым он был близок. Как и Каподистрия, Ипсиланти и в России оставался горячим греческим патриотом, но, в отличие от своего друга, он считал, что Греция уже вполне созрела для освобождения и имеет достаточно сил для того, чтобы сбросить османское иго. А. Ипсиланти решил принять предложение Э. Ксантоса. 12 (24) апреля 1820 г. в Петербурге был подписан акт о передаче ему единоличного руководства Филики Этерией. Принятие руководства тайным обществом генералом российской службы еще более укрепило глубоко укоренившуюся в сознании греков веру в то, что единоверная Россия военной рукой поддержит их борьбу за освобождение³².

³² *Ари Г. Л.* Александр Ипсиланти и его взаимоотношения с правительством России // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей. М., 1995. С. 208–221.

Албано-греческое «княжество» Али-паши Янинского (1800–1822 гг.)

В условиях острого социального и политического кризиса, который переживала Османская империя в конце XVIII – начале XIX вв., централизованная система управления была в значительной мере дезорганизована. В балканских провинциях империи, и не только там, этим воспользовались крупные местные феодалы, фактически узурпировавшие власть султана. Среди полунезависимых властителей европейской Турции наибольшей известностью в начале XIX в. пользовался Али-паша Тепелена (Янинский), сохранивший свою полулегендарную известность до наших дней благодаря произведениям Байрона и А. Дюма-отца. Этот знаменитый албанец поддерживал обширные международные связи, благодаря чему историю его возвышения и падения можно с большой степенью точности описать на основании материалов дипломатических архивов европейских держав, в первую очередь России.

Али-паша, отпрыск семьи беев, наследственных правителей небольшого южноалбанского городка Тепелена, начал свою карьеру как разбойник и мятежник против Порты и приобрел в результате своих военных подвигов большую популярность в Албании. В конце 80-х гг. XVIII в. в результате мятежа Махмуд-паши Бушати Северная Албания фактически отложила от Порты, и в Стамбуле решили сделать ставку в Албании на Али-пашу. Он получил ряд важных военно-административных должностей, в 1787 г. захватил большой торгово-ремесленный город Янину и сделал его центром своего пашалыка, включившего в себя Эпир, Фессалию и некоторые пункты Южной Албании. Покровительствуя южнобалканскому феодалу, Порта рассчитывала, что он поможет ей мобилизовать военные ресурсы Албании для борьбы с мятежным правителем Северной Албании и для начавшейся в августе 1787 г. войны с Россией. Однако янинский правитель уклонялся от участия в военных операциях Порты.

Выступив все же в 1791 г. на фронт русско-турецкой войны, он использовал свое пребывание в составе армии великого везира для того, чтобы завязать тайные контакты с главнокомандующим русской армией князем Г. А. Потемкиным-Таврическим с целью обеспечения своей самостоятельности при поддержке России. Расширение пределов собст-

венного пашалыка и упрочение его самостоятельности становится главной целью политики Али-паши и после окончания войны 1787–1791 гг. Для достижения этой цели янинский правитель считал для себя выгодным в случае необходимости действовать и как «верный воевода» Порты. Так, в период начавшейся в сентябре 1798 г. франко-турецкой войны он захватил находившиеся в руках французов пункты так называемой Венецианской Албании на побережье Эпира и Албании — Бутринт, Превезу и Воницу. Непокоренной осталась только Парга, так как жители ее отдались под покровительство прибывшего в Ионическое море с эскадрой адмирала Ф. Ф. Ушакова¹.

Отношения русских властей на Ионических островах с их соседом на континенте Али-пашой были напряженными, а в некоторые периоды — враждебными. В Петербурге исходили из того, что в случае вторжения французов в Грецию Али-паша станет на их сторону. Однако опасения эти были явно преувеличенными. Правда, для того, чтобы привлечь Али-пашу на сторону Франции, агенты Наполеона обещали сделать его «королем Эпира», отдать Ионические острова и т. п. Однако никакие посулы не могли отвлечь янинского пашу от его курса, направленного прежде всего на укрепление его власти в Албании и Эпире.

Большим успехом завоевательной политики Али-паши явилось подчинение в конце 1803 г. горной области Сули, находящейся к северо-востоку от Парги. Ее населяли этнические албанцы, постепенно эллинизовавшиеся, чему способствовала их приверженность православию. Население Сули, насчитывавшее 10–11 тыс., могло выставить в поле примерно 1500 человек, хорошо владевших оружием.

Эта внушительная для тех условий военная сила, равно как и расположенность поселений сулиотов в труднодоступных горах, позволяли этим эпирским горцам не только успешно противостоять поползновениям окружающих пашей и беев, но и взять под свое покровительство 66 соседних деревень, с жителей которых взималась дань — как деньгами, так и продуктами².

В результате Тильзитского мира (июль 1807 г.) вся военно-политическая сцена на Западных Балканах снова переменялась. Место русских войск на Ионических островах заняли войска французские, что резко ухудшило отношения Франции с янинским правителем. Агрессивная политика империи Наполеона создавала непосредственную угрозу для его владений и для Албании в целом.

Еще до Тильзита французы обосновались в Далмации — на северных пределах Албании. Занятие же Ионических островов и Парги, куда также был введен французский гарнизон, обеспечило им прочные позиции и на южных подступах к стране. Наполеон предъявил

¹ Подробнее о первых годах правления Али-паши см.: *Арш Г. Л.* Махмуд Буша и Али-паша Тепелена // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004.

² См.: *Арш Г. Л.* Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963. С. 128–131.

притязания на Бутринт, важный узел дорог в Южной Албании. Пункт этот должен был стать базой для завоевательных операций в Европейской Турции. В Константинополе, где французский посол Себастиани приобрел огромное влияние, дали согласие на уступку Бутринта. В марте 1808 г. генерал Бертье, командующий французскими войсками на Ионических островах, потребовал от Али-паши в десятидневный срок очистить Бутринт, угрожая в противном случае занять его силой. Захватнические замыслы французов вызвали возмущение в Албании. Оба наиболее могущественных албанских правителя — Шкодринский и Янинский — в этот критический момент действовали заодно и заняли твердую позицию в отношении притязаний Наполеона³. Натолкнувшись на решительное сопротивление, французские генералы не решились прибегнуть к силе, и Бутринт остался в руках Али-паши.

После эпизода с Бутринтом взаимоотношения Франции и янинского правителя стали неприкрыто враждебными. В этих условиях для Али-паши не составило труда завязать тесные политические связи с Англией, которая стремилась обеспечить себе опорные позиции в западной части Балкан. Англичане снабжали Али-пашу военным снаряжением в надежде, что он предпримет военные операции против французских войск на Корфу. Однако на такую слишком смелую экспедицию Али-паша не решился и предпочел использовать английское снаряжение для достижения своей заветной цели — подчинения Южной Албании. Впрочем, важную услугу Англии Али-паша все же оказал, способствуя заключению в январе 1809 г. англо-турецкого мирного договора, что признавал и английский представитель на переговорах Р. Эдер⁴.

В 1809 г. армия Али-паши численностью в 10–12 тыс. человек вторглась в Бератский пашалык и овладела бератской крепостью, которая считалась в то время в Албании неприступной. Успеху войск янинского паши способствовало применение ими новинки тогдашней военной техники — полученных от англичан конгревовых ракет (зажигательных снарядов).

К декабрю 1810 г. относится и завершение покорения Химары, прибрежной области Южной Албании, в течение долгих лет самоотверженно отстаивавшей свою независимость. Поставив всюду свои гарнизоны, Али-паша сжег некоторые деревни химариотов и расселил многих их жителей по разным местам своих владений. В 1811 г. войска Али-паши, продолжая завоевание Южной Албании, вошли во Влёру. Местных беев Али-паша арестовал, а имущество их присвоил.

Продвижение Али-паши заставило уцелевших беев Южной Албании объединить свои силы. В середине 1811 г. они сформировали против него лигу, вооруженные силы которой составили 10 тыс. человек;

³ Арпи Г. Л. Албания... С. 240; Historia e Popullit Shqiptar. V. 1. Tiranë, 2002. F. 647.

⁴ Αγγελολάτη-Τσουκαράκη Ε. Όψεις της εξωτερικής και εσωτερικής πολιτικής του Αλή Πασά // Ο Ερανιστής. Αθήνα, 1993.

Гирокастра и Кардики были ее главными опорными пунктами. Али-паша немедленно выступил против лиги. Свой первый удар он нанес по Гирокастре и, прибегнув к хитрости, уже в декабре 1811 г. без боя захватил город. В феврале следующего года капитулировал город Кардики. Али-паша ознаменовал свой триумф жестокой расправой над жителями города, с которыми его род находился в старинной вражде. Около 700 безоружных жителей были согнаны в одно место и умерщвлены, а остальные угнаны в рабство, несколько десятков захваченных здесь крупных беев были отправлены в Янину и там казнены.

В результате к весне 1812 г. вся Южная Албания оказалась под властью Али-паши. Султан Махмуд II фактически признал этот захват, назначив сына Али-паши Мухтара правителем областей, находившихся прежде в управлении Ибрахим-паши Бератского. Население его владений, и до того насчитывавшее, по имеющимся сведениям, 1 400 тыс. человек, увеличилось еще на 300 тыс.⁵

Установлению власти Али-паши сопутствовал захват им земельных владений. Поместья южноалбанских феодалов он конфисковал, а многие крестьянские земли, прибегая к грубому нажиму, скупил за бесценок и обратил эти земли в свои чифтлики, а бывших владельцев — в полукрепостных арендаторов. Часть захваченных земель он распределил среди своих приближенных.

Колоссальные доходы от жестокой эксплуатации подневольного крестьянского труда давали Али-паше возможность не только жить в роскоши, но также содержать постоянную армию в 10–15 тыс. человек, расходовать большие суммы на своих приверженцев, главным образом мелких албанских феодалов, и щедро одаривать султанских сановников, обеспечивая таким образом официальную санкцию Порты на свои действия.

Однако Али-паша не удовлетворялся приобретением Южной Албании. Его захватнические стремления направлялись на север, в сторону Шкодринского пашалыка. Планам янинского правителя благоприятствовали феодальные распри, возобновившиеся в Шкодринском пашалыке с 1809 г., когда после смерти Ибрахим-паши к власти пришел его внучатый племянник Мустафа. В конце 1811 – начале 1812 г. Али-паша стал готовиться к военному походу на Шкодру, который, по-видимому, должен был состояться летом 1812 г., но как раз в это время произошли серьезные изменения в международной обстановке. Еще весной 1812 г. в инструкции адмиралу П. В. Чичагову, назначенному в апреле главнокомандующим Дунайской армией, предписывалось «с Али-пашою войти в переговоры, подавая ему обнадеживания на независимость и на признание его королем епирским; из албанцев стараться чрез приглашения и особливо посредством достаточной платы соста-

⁵ *Ανωγιάτης-Πελέδ Δ*. Εξί γαλλικά οπιομνήματα για τα Επτάνησα και τον απέναντι ηπειρωτικό Χωρό (1798–1809). Κέρκυρα, 1993. Σ. 226–228.

вить особое войско»⁶. Но через месяц был подписан Бухарестский мир, и необходимость в установлении контактов с эпирским властителем отпала. Завершение русско-турецкой войны, освободившее руки Порте, и последовавшее вторжение Наполеона в Россию вынудили Али-пашу отказаться от дальнейших завоеваний в Албании.

В 1812 г. Али-паша достиг пика своего могущества. Умелое использование острых международных противоречий первых лет XIX в. сделало янинского правителя и его пашалык важным фактором балканской политики и Восточного вопроса. Англия, Франция и Россия держали при янинском дворе своих представителей. Официальные и неофициальные агенты этих держав «путешествовали» по внутренним районам Албании, где до того времени столетиями не бывал ни один иностранец. Неординарная личность янинского правителя, восточные нравы его двора вызвали к нему интерес в Европе. Некоторые из тех, кто путешествовал в Албании «по казенной надобности» или же из любознательности, оставили свои путевые записки, которые впервые открыли европейскому читающему миру эту страну, являвшуюся до того своеобразной *terra incognita*.

Свое поэтическое свидетельство об албанцах и Али-паше оставил и великий английский поэт Байрон, побывавший в 1809 г. в его владениях. Ему принадлежит, в письме к матери, и достаточно объективная прозаическая характеристика албанского правителя: «Его высочеству шестьдесят лет, он очень толст и невысок ростом, но у него красивое лицо, голубые глаза и белая борода; он очень приветлив и вместе с тем полон достоинства... Внешность его не соответствует его сущности — ведь это безжалостный тиран, повинный в чудовищных жестокостях, бесстрашный, прославленный своими победами настолько, что его называют мусульманским Бонапартом»⁷. Завершение войны с Россией высвободило у Порты значительные военные силы, которые Махмуд II решил употребить для «наведения порядка» в своих балканских владениях. В 1813 г. войска султана подавили сербское восстание. Была ликвидирована власть некоторых полунезависимых правителей Европейской Турции. Оставалось свести давние счеты с самым могущественным и своевольным из этих правителей — Али-пашой Янинским.

Вначале султан издал несколько указов об изъятии ряда греческих и албанских районов из-под управления Али-паши, дал приют многим враждебным ему феодалам, спровоцировал военный конфликт между Янинским и Шкодринским пашалыками, результат которого оказался неудачным для Али-паши. В 1820 г. Порта перешла к открытым формам борьбы, используя в качестве предлога покушение, со-

⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX в. (ВПР). Сер. 1. 1801–1815 гг. М., 1962. Т. VI. С. 364.

⁷ Байрон. Дневники — Письма. М., 1963. С. 28.

вершенное в Стамбуле агентами Али-паши на одного из его врагов, его объявили мятежником.

Сам же Али-паша, сознавая, видимо, внутреннюю непрочность своего разнородного и разноплеменного «княжества» (в которое, помимо Южной Албании, входили Северная Греция и часть Македонии), боялся военного столкновения с Портой и всячески стремился его избежать. Чтобы побудить султана сменить гнев на милость, он шлет в Стамбул курьеров с уверениями в покорности и богатыми подарками, организует поездки «делегаций от населения», которые должны ходатайствовать за него перед Портой. Но возвращать расположение султана ценой отказа от власти, которой он обладал уже треть века, властитель Эпира не собирался. Стремясь обеспечить поддержку широких слоев населения, паша сократил налоги, кассировал долги, отменил барщину для деревенских жителей. На встречах с видными представителями греческого населения хитроумный правитель говорил о «свободе для Греции» и даже о введении конституции⁸. Наряду с военными и политическими мероприятиями, Али-паша стремился заручиться поддержкой основных европейских держав — или хотя бы одной из них — в борьбе против Порты, но успеха не добился. Европа залечивала раны, нанесенные кровавой наполеоновской эпопеей и наслаждалась миром. Ни одно из правительств не хотело затевать крупной ссоры из-за мало кому ведомых албанских дел. Весной 1820 г. Али-паша, находясь в безвыходном положении, сделал российской дипломатии весьма конкретное и неотложное предложение. В разговоре с драгоманом консульства в Патрасе он сказал: «Единственное о чем я прошу его величество, великодушнейшего императора всероссийского, самого великого и гуманного из монархов, — это соблаговолить принять меня на любых условиях в число его верноподданных, дабы я мог достойно служить ему всегда, когда бы ему угодно было мне это повелеть»⁹. Поддержка России имела большое значение для властителя Эпира с точки зрения внутренней политики — она помогла бы ему привлечь на свою сторону в борьбе с султаном греческое население. Но царское правительство не замышляло новой войны против Порты. Александр I настойчиво стремился к урегулированию путем переговоров спорных вопросов русско-турецких отношений. Разумеется, петербургский двор не собирался отказываться и от «покровительства» православным подданным султана. Но при этом правительство Александра I старалось держаться в рамках системы договоров с Портой и европейскими державами. Али-паша же был вне этой системы, и поэтому его демарши не могли найти отклика у русского правительства.

Между тем летом 1820 г. события в горах Эпира и Южной Албании быстро приняли драматический оборот. Отказавшись «вернуть

⁸ Арш Г. Л. Албания... С. 317.

⁹ ВПР. Т. III (XI). С. 761.

свою милость» янинскому паше, Махмуд II начал против него военную акцию. Султанские войска с разных направлений вторглись в пределы Янинского пашалыка. Развязка наступила скоро. Многие военачальники Али-паши, включая его сыновей и внуков, сдались врагу или перешли на его сторону. Капитулировали без боя почти все крепости, прикрывавшие Янинский пашалык с моря и с суши. Владения янинского паши оказались оккупированными за два месяца. Большое содействие султану оказал североалбанский правитель Мустафа-паша Бушати, вторгшийся в Южную Албанию. Греческие капитаны — командиры арматолов (иррегулярных вооруженных отрядов) не поддерживали янинского деспота в его борьбе, не доверяя его обещаниям содействовать делу греческой независимости.

Во второй половине августа султанские войска подошли к Янине и заняли город. Сам Али-паша укрылся в Янинской крепости. Здесь, под стенами крепости, с ее мощной артиллерией и сильным гарнизоном, султанская армия впервые с начала кампании натолкнулась на стойкое сопротивление. Все приступы турок отбивались. Али-паша, несмотря на свой преклонный возраст (ему было тогда около семидесяти), принимал личное участие в вылазках гарнизона.

Яркие эпизоды обороны Янинской крепости против 30-тысячной турецкой армии, которой командовал бывший великий везир Хуршид-паша, содержат донесения российского вице-консула на Корфу С. Папандопуло: «Алий паша нимало, несмотря ни на настоящее критическое положение, ни на разрушение укрепленной башни близ оной крепости, случившееся в сих днях от беспрестанно падающих неприятельских бомб, еще он не отстал от упорного своего мнения, но, напротив того, намерен он себя и крепость свою защищать до самой последней части капли крови, хотя ежедневно и умножается осаждающее войско, и хотя оно и упражняется подкопами развалить крепостную стену и с получением нужного пролома ворваться в оную для взятия его самого в полон...»¹⁰.

Успешное сопротивление Али-паши умножало число его сторонников. Сулиоты, долголетние противники янинского визиря, высадились на континент и сначала присоединились к войскам султана. Но, узнав о тайных замыслах турецких командиров, замышлявших их истребление, они перешли на сторону Али-паши и в декабре 1820 г. начали партизанскую войну на коммуникациях осаждавшей Янину султанской армии.

Упорная защита Янины ободрила также сторонников Али-паши в Южной Албании, где вспыхнуло антитурецкое восстание. К началу 1822 г. все важнейшие крепости Южной Албании оказались в руках повстанцев. Еще раньше, в конце марта 1821 г., началось национально-освободительное восстание в Греции. Оно сразу приняло огромный размах и, казалось, должно было заставить султанское правительство

¹⁰ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. 1820. Д. 1111. Л. 47.

переключить все свое внимание на него. Тем не менее Махмуд продолжал держать большую армию под Яниной и подбрасывал ей все новые и новые подкрепления. Между тем силы осажденных были на исходе. Защитники крепости, понесшие большие потери и деморализованные долгой, изнурительной осадой, стали дезертировать. В конце января 1822 г., после 17-месячной осады, турки сломали сопротивление защитников Янины. Через несколько дней после того, как турки овладели главной крепостью Янины Кастро, Али-паша перебрался вместе с несколькими десятками своих приверженцев во внутреннюю крепость (Ич-Кале). Здесь находился погреб, наполненный драгоценностями и бочками с порохом. Хранитель погреба, преданный Али-паше человек, в случае убийства последнего должен был взорвать крепость. Али-паша заявил турецкому главнокомандующему, что он готов оставить Янину и переселиться в Константинополь, если султан издаст фирман о его помиловании. Хотя Хуршид-паша прекрасно знал, что о помиловании не может быть и речи, он прибег к обману и предложил Али-паше перебраться на остров на Янинском озере для встречи. Али-паша принял предложение и перебрался на остров, где поселился в монастыре Св. Пантелеймона. 5 февраля 1822 г. отряд турецких солдат высадился на острове и атаковал резиденцию Али-паши. Владыка Эпира встретил свой смертный час как воин, с оружием в руках. Голова Али-паши была отправлена в Стамбул, а его тело, по имеющимся сведениям, похоронили «с большими церемониями»¹¹.

Янинский пашалык прекратил свое существование. Страдавшие от жестокого феодального гнета и произвола широкие массы населения пашалыка не поддержали его правителя в борьбе с Портой. Особо неблагоприятные последствия для исхода борьбы имела пассивная позиция греков, составлявших значительную часть населения во владениях янинского визиря.

Следует напомнить, что с момента образования «княжества» Али-паши положение греков здесь было в некоторых отношениях лучше, чем в других районах Европейской Турции. Янинский правитель широко использовал греков на военной и дипломатической службе, греческий язык фактически был официальным языком Янинского пашалыка. Но и национальное самосознание греков с конца XVIII в. значительно выросло. В этот период началось формирование греческого национально-освободительного движения. И естественно, что греческие жители владений Али-паши стали на сторону дела своего национального освобождения, а не на сторону династических интересов своего феодального правителя.

¹¹ Ο Ήπειρος, Ο Αλή Πάσας, και η Ελληνική Επανάσταση. Προζενικές Εκθέσεις του William Meyer από την Πρέβεζα. Επιμέλεια Ε.Πρεβελάκης, Κ.Καλλιτάκη Μερτίκοπούλου. Αθήνα, 1996. Τ. 2. Σ. 25.

Мустафа Бушати — последний самостоятельный паша Албании

После ликвидации Янинского пашалыка еще более десяти лет просуществовал Шкодринский пашалык, включавший в себя Северную и Центральную Албанию. Пашалык этот оказался более устойчивым квазигосударственным образованием, чем владения Али-паши. В целом он просуществовал 75 лет под властью правителей из феодальной албанской семьи Бушати. Существенной причиной этой устойчивости был однородный национальный состав североалбанского пашалыка, основную массу жителей которого составляли албанцы.

Захвативший власть в Шкодре (Скутари) после гибели Махмуд-паши (1796 г.) его брат Ибрахим сохранил полную самостоятельность в делах внутреннего управления, но по отношению к центральной власти вел себя лояльно. Порта должна была утвердить Ибрахим-пашу в должности шкодринского правителя и более того — не без успеха пыталась использовать его в собственных политических целях.

Описание Северной Албании оставил российский консул в Валоне (Влёра) З. Бицилли, посетивший ее в 1806 г. О Шкодре он писал, что это «это одно из лучших торговых мест, где объем торговли больше, чем в любом другом городе Албании. Ежегодный доход казны от нее — 500 тыс. пиастров: в то время как здесь в большом количестве грузятся все продукты Албании, сюда прибывают также товары из Константинополя, Смирны, Триеста, Венеции, Ливорно и т. д.». К владениям шкодринских пашей принадлежал и крупный порт Дураццо (Дуррес)¹.

Система власти шкодринского пашалыка существенно отличалась от соответствующей системы Янинского пашалыка. Али-паша сосредоточил всю власть в собственных руках и в руках своих родственников. В Шкодринском же пашалыке некоторые области продолжали управляться видными феодальными семьями, сохранившими свою собственность и имевшими прочные местные связи. Важным элементом военно-политической структуры Северной Албании были самоуправляющиеся горские общины. В условиях османского господства жители труднодоступных гор Северной Албании сохранили свою са-

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. миссия на Ионических островах. 1804–1807. Д. 54. Л. 238–239. В нач. XIX в. 1 пиаст (куруш) = 60 коп.

мостоятельность. Общины и целые округа управлялись местными видными семьями, власть которых постепенно становилась наследственной. Особым весом во владениях шкодринского паши обладал глава горной области Мирдиты. Она управлялась наследственными правителями из рода Гьон Марки, носившими титул капитана или пренка (князя). В начале XIX в. область охватывала большой регион, протяженностью от Тираны до Лежи. Жители Мирдиты считались хорошими солдатами и, как полагали современники, могли в случае необходимости поставить под ружье 10 тыс. человек².

В религиозном отношении горцы Мирдиты принадлежали к весьма многочисленной и влиятельной католической общине Северной Албании. Мусульмане преобладали в городах, в особенности в Шкод-ре; католики же жили главным образом в горных местах. Католики не только не испытывали какой-либо дискриминации, но им даже оказывалось определенное предпочтение. По словам российского консула, «поскольку это — храбрые и мужественные люди, то визирь, нуждаясь в них, более привязан к ним, чем к своим единоверцам»³.

Правя большим пашалыком, Ибрахим-паша претендовал на первую роль в Албании. Но такие же амбиции имел и Али-паша Янинский. Отношения между двумя влиятельными албанскими правителями долго были враждебными и вылились в середине 1805 г. в открытый военный конфликт, исход которого был неопределенным⁴. Конфликт этот был на руку Порте. Обеспокоенная ростом могущества и самостоятельности Али-паши и, не имея сил противостоять янинскому правителю, Порта рассчитывала, что Ибрахим-паша выполнит для нее эту работу. В 1799 г. Ибрахим был возведен в сан трехбунчужного паши (везира), а в 1804 г. назначен румели-валиси, т. е. губернатором Румелии.

Румелия, включавшая в себя значительную часть Европейской Турции, находилась тогда во власти различных правителей и была охвачена мятежами. Султан надеялся, что новый румели-валиси наведет порядок в этой беспокойной провинции. Однако надежды эти не оправдались. Неудачным оказался и предпринятый Ибрахим-пашой летом 1806 г. по приказу султана поход против восставших сербов. Он потерпел несколько поражений от вождя сербских повстанцев Карагеоргия. В сентябре 1806 г. паша Шкодры был смещен с должности румели-валиси и вернулся в свой город.

Армия Ибрахим-паши в большинстве своем состояла из албанцев-католиков. Наиболее боеспособной ее частью был значительный контингент горцев Мирдиты. Но с ними у командующего североалбанским войском возник конфликт, связанный, по всем имеющимся данным, с нежеланием этих воинов-христиан воевать против христианского

² Арш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII – нач. XIX в. М., 1963. С. 33.

³ АВПРИ. Ф. Миссия на Ионических островах. 1804–1807. Д. 54. Л. 236.

⁴ Арш Г. Л. Албания... С. 224–226.

народа — сербов. Во время похода 1806 г. был казнен предводитель мирдитских горцев Коль Гъон Марка. В феврале 1809 г. Ибрахим-паша умер, оставив своему преемнику в наследство войну с Мирдитой, продолжавшуюся семь лет, и мятеж в Тиране, отложившейся от шкодринского пашалыка⁵. Завязалась борьба за власть между родственниками покойного. Легитимным преемником был его пятилетний сын Тахир, но в междоусобице победила партия сторонников внучатного племянника Ибрахима Мустафы-бея, которую поддерживало торговое население Шкодры.

В марте 1810 г. в Шкодру прибыл посланец из Константинополя с вестью о том, что султан признал Мустафу-бея правителем Шкодринского пашалыка. Условия этого признания зафиксировали ослабление власти и авторитета нового властителя Шкодры, Мустафа получил титул паши, но только двухбунчужного, и власть его была ограничена временем достижения совершеннолетия Тахиром⁶. Порта также выдвинула требование, чтобы Мустафа-паша отправил контингент своих войск на фронт русско-турецкой войны. Шкодринскому подразделению повезло: оно попало на фронт, когда уже шли мирные переговоры и вернулось домой без потерь⁷.

Али-паша в соперничестве с северным соседом решил варьировать средства и прибегнуть к династическому браку. За своей невестой, внучкой Али-паши, Мустафа послал отряд из 800 «свадебных гостей», который сопровождал ее на пути из Янины в Шкодру. 28 мая 1812 г. (нов. стиль) невесту и ее кортеж встретили в столице Северной Албании с большими почестями: в их честь был дан пушечный салют в 101 выстрел, а несколько тысяч вооруженных горцев встречали их приветственными криками.

Наметившиеся признаки сближения между двумя сильнейшими албанскими владетелями не отвечали интересам Стамбула, политика которого в Албании строилась на разжигании вражды между отдельными ее правителями. И Порта сделала свой шаг. За три дня до прибытия свадебного кортежа из Янины в Шкодре состоялась другая церемония. Прибывший в город уполномоченный султана вручил Мустафе-паше знамя и три бунчука. Таким образом, шкодринский правитель получил сан везира — высшего сановника Османской империи. Султан подтверждал власть Мустафа-паши не только над Шкодринским пашалыком, но и над «зависимыми» от него территориями. Этими своими «данайскими дарами» Порта рассчитывала поссорить янинского и шкодринского правителей и втянуть последнего в борьбу за области Центральной Албании, на которые претендовал и Али-паша⁸.

⁵ *Арш Г. Л.* Албания... С. 246.

⁶ *Naci S. Pashallëku i Shkodrës në vitet e para të shek. XIX (1796–1831).* Tiranë, 1986. F. 87–88.

⁷ *Ibid.* F. 91.

⁸ *Ibid.* F. 100–101.

Непростые внутриапбанские отношения формировались на фоне англо-французского соперничества за влияние над Османской империей, обострившегося после подписания в январе 1809 г. англо-турецкого мирного договора. Если в Константинополе влияние французского посла вплоть до 1813 г. являлось преобладающим, то на западной окраине империи, где правили самостоятельные апбанские владетели, Англия набирала все больше очков. Усилилось английское дипломатическое присутствие в апбанских пашалыках.

В начале 1811 г. в Шкодру начали поступать в большом количестве колониальные товары с Мальты. Доставлявшие их австрийские купцы переправляли эти товары в Австрию и на ярмарки Европейской Турции. Сотрудничавшие с ними купцы Шкодры собирали и переправляли на Мальту товары Апбании и соседних областей — воск, обработанные шкуры и шерсть. Рынок Шкодры перешел на сторону англичан. Тогдашние торговые операции зачастую превращались в военные. Капитанам кораблей, нередко являвшимся и их владельцами и собственниками товара, нередко приходилось вступать в бой с французскими или английскими корсарами, которыми кишели Адриатическое и Ионическое моря. Моря эти стали и зоной регулярных операций воюющих держав. В 1809–1810 гг. почти все Ионические острова, кроме Корфу, были заняты англичанами. На Адриатике курсировали английские эскадры, препятствуя французским кораблям из оккупированных французами портов Италии прорываться к Корфу.

После завершения наполеоновских войн геополитическая обстановка на границах Апбании изменилась. Здесь появились новые соседи: Ионические острова перешли в руки англичан, Далмация стала австрийской провинцией. В самой же Апбании, в северной ее части, по-прежнему было неспокойно. Мустафа-паша должен был отстаивать свою власть против своих непокорных вассалов и собственных придворных. В мае 1815 г. по подстрекательству враждебных шкодринскому паше феодалов горцы Лежи подняли мятеж и захватили крепость Лежа. Одновременно в Задриму, большую плодородную равнину Северной Апбании, вторгся капитан Мирдиты пренк Леши, который уже долгое время вел войну против шкодринского пашы. В Задриме он ожидал известий из Шкодры, где заговорщики-придворные собирались захватить крепость и самого Мустафу. Однако заговор провалился, и 22 его участника были казнены. Узнав о неудаче заговора, пренк Леши удалился к себе в горы и заявил о своей покорности. В награду за это Мустафа-паша в ноябре 1815 г. подтвердил своим письмом к вождям Мирдиты, что род Гьон Марка является «первым родом всей Мирдиты». Таким образом, в 1815 г. Мустафа-паша, преодолев заговоры и мятежи, смог сохранить и упрочить свою власть⁹.

⁹ *Арш Г. Л.* Апбания... С. 309; *Naçi S.* Pashallëku i Shkodrës... F. 124–125.

В том же 1815 г., по-видимому в мае, умерла жена Мустафа-паши (внучка Али-паши). В результате родственные связи между двумя самыми могущественными албанскими правителями прекратились. Но это была не главная и не единственная причина начавшегося охлаждения в их отношениях. Янинский правитель распространил свои захватнические действия за реку Шкумбини, естественный рубеж между югом и центром страны. В числе захваченных им населенных пунктов на север от реки была и Тирана.

Конфликт между обоими албанскими властителями достиг кульминационного момента летом 1819 г. Военные действия, начавшиеся, вероятно, в июле, приняли неблагоприятный оборот для янинского властителя, он был вынужден отступить на юг от Дураццо с потерями и заключить мир. Мустафа-паша Шкодринский оказался более могущественным и энергичным правителем. Конфликт между ним и Али-пашой шел на пользу Порте. В Стамбуле давно уже вынашивали планы свержения обеих пашей и восстановления прямого контроля над Албанией. Первым на очереди был Али-паша Янинский, чье могущество, богатство и самостоятельность вызывали особое раздражение и одновременно алчность правящей османской верхушки. Порта рассчитывала на то, что настроенный враждебно к своему бывшему тестю Мустафа-паша примет участие в походе султанских войск на Янину, и не ошиблась. В начале июня 1821 г. он выступил на юг с армией в 24 тыс. человек. Султан обещал передать под его власть санджаки Эльбасан и Охрид в центре и на юге Албании. Мустафа-паша не только установил контроль над этими санджаками, но и восстановил свою власть в Тиране, Дурресе, Круе, и осадил Берат, где во главе гарнизона в 2 тыс. воинов держали оборону сыновья Али-паши Мухтар и Салих. После прибытия туда Мустафы с войском они решили сдаться «своему» албанцу. Их отправили в Тепелену, родной город отца, а потом, по распоряжению Махмуда II, в Малую Азию, где и предали казни.

Участие шкодринского паши в операции позволило Порте не только в короткое время подчинить Южную Албанию, но и успешно завершить продолжавшуюся почти полтора года осаду Янины. На ее заключительном этапе правитель Шкодры послал под Янину отряд в 3 тыс. человек. Крепость пала, Али-паша погиб 5 февраля 1822 г.¹⁰ Приняв активное участие в реализации плана Порты по ликвидации Янинского пашалыка, Мустафа-паша приблизил и час крушения собственной власти: только то обстоятельство, что султан был всецело занят борьбой с восставшей Грецией, а затем войной с Россией продлило на десять лет ее существование.

В эти годы отношения правителя Шкодры со Стамбулом были простыми. Внешне Мустафа-паша оставался покорным вассалом султан

¹⁰ *Naçi S. Pashallëku i Shkodrës...* F. 131–135; *Historia e popullit shqiptar*. Tirane, 2002. V. 1. F. 666–671.

на и выполнял его весьма деликатные поручения по борьбе с внутренними врагами империи. При этом свою лояльность албанский паша готов был «обменять» на невмешательство Стамбула в дела управления Шкодринского пашалыка и согласие на расширение его территориальных пределов. В 1823 г. основную головную боль Порте доставляло освободительное восстание в Греции. Летом правитель пашалыка выступил с армией в 9 тыс. солдат в поход к твердыне повстанцев Месолонги, преодолев в пути труднодоступные горные районы Аграфа и Аспропотамос¹¹. Албанский историк С. Начи утверждает, что войска шкодринского правителя, в отличие от военных формирований турецких пашей, не прибегали в отношении греческого населения к притеснениям и насилию¹². В греческих источниках имеются сведения другого характера. Так, один из руководителей обороны Месолонги Маркос Боцарис писал нечто совсем обратное: «Враги вошли в Западную Грецию, подчинили Аграфу и Аспропотамос, взяли в плен и уничтожили многих жителей. Те, кто бежал от их зверств, укрылись в отдаленных местах Сиволакоса, в Зигосе¹³ и в деревнях»¹⁴.

В конце сентября армия пашы, увеличившаяся численно до 16 тыс., подошла к Месолонги и расположилась в 5–6 км от стен крепости. Но вместо того, чтобы приступить к ее осаде, он начал обстрел местечка Анатолико, находящегося на небольшом островке в заливе Месолонги, чем и занимался почти месяц. По мнению греческих историков, паша считал свои силы недостаточными для штурма и решил ограничиться операцией локального характера. По толкованию же С. Начи, Мустафа-паша решил вообще не предпринимать каких-либо активных действий против греческих повстанцев и сохранить свои силы, а для отвода глаз занялся стрельбой по острову¹⁵. 1 (13) ноября Мустафа-паша снял свой лагерь и двинулся в обратный путь. Причиной провала его похода стало ухудшение погоды и наступление зимы, начавшаяся эпидемия дизентерии, нехватка съестных припасов, а также истечение срока действия контракта, который заключался с североалбанскими горцами не более чем на шесть месяцев.

Летом 1828 г. тысячи албанцев, участвовавших в военных действиях в Греции на стороне Порты, самовольно покинули фронт и развернули в Эпире и Южной Албании партизанскую войну против турецких гарнизонов. Мотивы этих выступлений были различными. Албанские наемники требовали выплаты жалованья, которое задолжали им власти. Местные феодалы, во главе со сподвижником Али-паши Зюлюфтаром Подой, боролись за сохранение своих экономических и политических

¹¹ *Naçi S. Pashallëku i Shkodrës...* F. 140.

¹² *Ibid.*

¹³ Речь здесь идет о некоторых горных районах Акарнании и Эвритании.

¹⁴ *Bakalopoulos A. Ιστορία του Νέου Ελληνισού. Θεσσαλονίκη*, 1982. Т. 6. Σ. 564.

¹⁵ *Naçi S. Op. cit.* F. 142.

привилегий, которыми они пользовались при жизни янинского правителя. На широкие слои населения воздействовал и пример соседней Греции, завершавшей свою тяжелую борьбу за независимость.

Сам Мустафа-паша после своего неудачного похода на Месолонги в 1823 г., несмотря на давление и посулы султана, под различными предложениями уклонялся от дальнейшего участия в войне в Греции. Будучи противником централизаторских реформ Махмуда II, он не предпринял никаких мер для проведения в своем пашалыке военной реформы, которая была начата в Османской империи в 1826 г. В соседней с Албанией Боснии местные феодалы начали вооруженной рукой противиться осуществлению этой реформы. Сочувствуя им, Мустафа-паша уклонился от выполнения приказа султана о выступлении весной 1827 г. с армией для помощи везиру Боснии в борьбе с мятежниками. Однако шкодринский паша, хотя и саботировал поступавшие из Стамбула приказания, все же старался избегать прямого противостояния с центральной властью. Для Порты же конфликт с самым могущественным в то время правителем Албании был опасен, особенно когда уже замаячил призрак новой войны с Россией. В ноябре 1827 г. в Шкодру прибыл фирман, которым Мустафа-паше давалось приказание сформировать 40-тысячную армию из жителей Шкодринского пашалыка и соседних санджаков. Полученные от султана обширные полномочия шкодринский правитель использовал для консолидации и расширения своей власти, стремясь в то же время уклониться от какого-либо активного участия в военных операциях турок¹⁶.

После начала в апреле 1828 г. русско-турецкой войны Махмуд II направил правителю Шкодры один за другим три фирмана со строгим приказом срочно выступить на фронт. Но Мустафа-паша под различными предложениями откладывал свое выступление. Одновременно он установил тесные связи с правителем Сербии Милошем Обреновичем. Сербский князь был близким союзником петербургского кабинета, и североалбанский правитель пытался через него выяснить, какова будет реакция этого кабинета, если Порта предпримет против него военную акцию. Результат зондажа был обескураживающим для пашы — царское правительство вовсе не стремилось брать его под свое покровительство.

Между тем в самой Албании усиливалось давление на Мустафа-пашу с целью заставить его принять участие в войне против России. В поддержку требований султана о посылке на фронт албанских подкреплений выступало мусульманское духовенство и богатое купечество Шкодры, благополучие которого зиждилось на торговле с османскими провинциями. Султан всячески старался разжечь в среде мусульманского населения Албании религиозный фанатизм и вызвать неприязнь к России. Так, в фирмане, полученном в Шкодре в начале 1829 г.,

¹⁶ Naçi S. Op. cit. F. 143–144.

султан призывал мусульман встать «на оборону царства и закона», так как Москов-Гяур (т. е. неверные москвитяне) «намеряет всех султанских подданных отвратить от законного своего царя и присоединить себе самому», превратить мечети (мечети) в церкви, «обесчестить и женщин, и детей турецких». Эта пропаганда оказывала большое воздействие на албанцев-мусульман. Как выразился Милош Обренович в своем письме К. В. Нессельроде от 15 (27) февраля 1829 г., «народ турецкий в сих краях, по прочтении последних султанских фирманов, ими больше чем всеми прежними электризирован»¹⁷. Давление на Мустафа-пашу с тем, чтобы он поддержал турецкую армию в предстоящих решающих сражениях на Дунае, оказывала и Австрия¹⁸.

Под нажимом с разных сторон правитель Северной Албании 25 мая (6 июня) 1829 г. выступил со своей армией в направлении Видина. Агент Милоша, посланный им к Мустафа-паше, встретил последнего во время похода. В письме главнокомандующему российской армией на балканском театре русско-турецкой войны И. И. Дибичу Милош излагал впечатления своего эмиссара от армии Мустафа-паши: «Нарочный мой видел войско паши скодрского собственными глазами, не может довольно хвалить не только вооружение и одеяние, но и самую наружность сих скодрчанов, которые сами отменнейшие из жителей. Особенно хвалит кавалерию паши, состоящую из 4 тыс. человек, из которых один вместе с лошадьми больше другого».

Мустафа-паша откровенно говорил посланцу Милоша, что он отнюдь не собирается рисковать своей армией ради победы Порты в войне: «Я не иду победить сильную и великую Россию: сие мне невозможно; но я повинуюсь только повелениям Порты в освидетельствование, что и я не христианин, но паче же мусульман. При сем, я не ультрамагометан и глупый азиат, я люблю человечество и имею сведения о многих вещах. Кто-либо будет вперед повелителем Константинополя, я тому поклонюсь и раб его буду, ежели и сами россияне им завладеют».

Судя по этому высказыванию, Мустафа-паша не только не собирался сражаться за интересы султана, но и был не прочь поменять его власть на власть российского императора. По характеристике Милоша, его албанский коллега по своему облику и системе правления отличался в выгодную сторону от других османских пашей: «Он много либерален, почитая человеколюбивые заведения и самих христиан, и дав скодрцам своим вид правления, подобного правлению народа сербского».

24 июня (6 июля) 1829 г. Мустафа-паша со своим 30-тысячным войском прибыл в район Видина и находился здесь около двух месяцев, не предприняв каких-либо военных операций, заключив своего рода негласное соглашение с русской армией. Более того, в ходе своей экспеди-

¹⁷ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. I-9. 1825-1831. Д. 3. Л. 341-342.

¹⁸ См.: Международные отношения на Балканах. 1815-1830 гг. М., 1983. С. 230.

ции Мустафа-паша через различные каналы вступил в тайные контакты с российским правительством. Сербский же правитель Милош, взявший на себя роль посредника в этих контактах, сообщал 8 (20) августа 1829 г. российскому главнокомандующему И. И. Дибичу, что Мустафа-паша «занимается планами в случае падения престола османского провозгласить себя начальником Албании» и готов в таком случае «подать требуемую заплатить» российскому императору¹⁹. Но царское правительство не собиралось ни разрушать Османскую империю, ни узаконивать «незаконные» самостоятельные политические структуры в ее рамках.

Окончание русско-турецкой войны позволило Махмуду II приступить к завершению своей кампании по ликвидации власти наследственных феодальных правителей в Албании и установлению над этой страной прямого контроля Стамбула.

В мае 1830 г. великий везир Мехмед Решид-паша с 10-тысячным корпусом, состоявшим из частей недавно созданной регулярной армии, двинулся в Южную Албанию. Но в боях с отрядами южноалбанских феодалов султанская армия натолкнулась на серьезное сопротивление. Тогда везир решил действовать иными методами. Была объявлена «амнистия» всем руководителям повстанцев; Решид-паша пригласил в Монастир (Битола) наиболее видных феодалов и представителей крестьянства — якобы для того, чтобы обсудить с ними их «законные» требования. Во время военного парада, устроенного «в честь» албанских гостей, солдаты по заранее отданному приказу расстреляли около 800–1000 видных представителей мусульманского населения Южной Албании, находившихся на трибунах. В результате этой вероломной акции, обезглавившей многие города и общины, великому везиру удалось подчинить юг Албании²⁰.

Мустафа-паша не оказал активного противодействия Порте. Тем самым он невольно содействовал осуществлению ее планов по поэтапному подчинению юга и севера Албании. Его лишили управления санджаками Охрид, Эльбасан, Дибра, Дукагини, переданных под власть великого везира. Тем же фирманом Порты приказала Мустафа-паше принять в Шкодре гарнизон из регулярных турецких войск и приступить к разоружению албанского населения. Выполнение приказа Порты означало бы практическую ликвидацию автономии Шкодринского пашалыка. Мустафа-паша решил сопротивляться. Он созвал в свой дворец на совещание видных мусульманских деятелей: богатых купцов, глав ремесленных корпораций, вождей горцев, служителей культа. Участники совещания решили, что содержание фирмана противно законам и обычаям мусульманским, и приняли решение поддержать Мустафа-пашу. Придавая своей борьбе против султана характер войны «в защиту рели-

¹⁹ См.: *Шеремет В. И.* Турция и Адрианоопольский мир 1829 г. М., 1975. С. 212–213.

²⁰ *Historia...* 2002. V. 1. F. 682.

гии и мусульманских обычаев», Мустафа-паша стремился использовать широко распространенное в Европейской Турции недовольство реформами Махмуда II и объединить под этим знаменем всех их противников. С помощью этой программы, не имевшей какой-либо албанской национальной окраски, Мустафа-паша не смог обеспечить себе широкой поддержки албанского населения, значительную часть которого составляли христиане, но заручился поддержкой некоторых влиятельных бегов. В середине марта 1831 г. он выступил из Шкодры и двинулся к Монастиру, где находилась ставка Мехмеда Решид-паши. Когда североалбанский правитель дошел до Ускюба (Скопье), численность его воинства достигла 40 тыс. человек. Как сообщал 10 (22) апреля 1831 г. Милош Обренович К. В. Нессельроде, албанский предводитель был уверен, что без труда разобьет 15-тысячный корпус великого везира и что после этого «до самых ворот Константинополя никто ему не воспротивится»²¹. Но расчеты Мустафа-паши оказались несостоятельными. Армия великого везира намного превосходила по мобильности и дисциплинированности феодальное ополчение мятежников, плохо сколоченное и с трудом управляемое. С помощью посулов и обещаний великому везиру удалось переманить на свою сторону нескольких пашей из лагеря Мустафы. В решающей битве в горной местности недалеко от Прилепа 21 апреля (3 мая) 1831 г. Мустафа-паша был разбит. Поражение вызвало деморализацию и распад его сил²².

Сам паша поспешно вернулся в Шкодру и заперся в хорошо укрепленном городском замке Розафат. Осада шкодринской крепости продолжалась шесть месяцев (май — ноябрь 1831 г.). Осажденные (около 800 человек) успешно отражали приступы турецкой армии, насчитывавшей 14–15 тыс. Но в последние месяцы в крепости начала ощущаться нехватка воды.

В трудном для него положении Мустафа-паша решил прибегнуть к посредничеству Австрии. В августе 1831 г. он обратился к К. Меттерниху с просьбой добиться для него прощения у султана. Венский двор, который давно рассматривал Северную Албанию как сферу своего влияния, решил взять на себя посредничество — тем более, что и Порты, у которой назревал конфликт с правителем Египта Мухаммедом Али, была заинтересована в скорейшем завершении военных операций против албанского мятежника.

26 октября (7 ноября) 1831 г. Мустафа-паша сдал крепость, был «прощен» и увезен в Стамбул²³. Последний представитель албанского феодального рода Бушати стал крупным османским чиновником, много лет служил вали (губернатором) некоторых провинций империи. В 1858 г. он

²¹ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. I–9. Оп. 8. 1825–1831. Д. 3. Л. 549.

²² Naçi S. Op. cit. F. 180–183.

²³ Международные отношения... С. 282–283.

получил ранг «хранителя священного города Медины», где последний полунезависимый правитель Албании и умер два года спустя.

Подчинением Мустафа-паши завершился 75-летний период албанской истории, когда страна фактически находилась под властью феодальных правителей из домов Бушати и Али-паши Тепелены. В личности и делах этих правителей было много противоречивого, но все же большие полунезависимые пашалыки сыграли в истории Албании прогрессивную роль. Благодаря внешнеполитической деятельности правителей албанских «княжеств», вступавших «через голову» и вопреки Порте в сношения с европейскими правительствами, Албания — впервые после османского завоевания — перестала быть только географическим понятием. Внутри страны эти пашалыки нанесли удар по феодальной раздробленности. Их длительное существование способствовало росту самосознания албанского народа. Войны с султаном велись феодальными пашами, которые боролись за сохранение личной власти, но в этих войнах участвовали и широкие слои населения, для которых они были продолжением вековой борьбы против османских поработителей. В ходе драматических эпизодов этой борьбы проявились смелость и свободолюбие албанцев.

Во второй половине XIX в. борьба Албании за освобождение приняла форму национального движения. И важные предпосылки для этого перехода создало существование в стране в конце XVIII – начале XIX в. больших полунезависимых пашалыков.

Балканы в тени Венского конгресса*

Венский конгресс продолжался долго даже по существовавшим тогда представлениям (октябрь 1814 – июнь 1815 г.) Его затягиванию способствовал Наполеон Бонапарт, вернувшийся на сто дней к власти во Франции. Заключительные акты были подписаны за несколько дней до сражения при Ватерлоо (18 июня).

В австрийскую столицу съехались 216 представителей всех европейских стран (за исключением Турции). Но решающий голос принадлежал победителям – России, Великобритании, Австрии и Пруссии, к которым старому лису Шарлю Морису Талейрану, совершившему четвертое в своей жизни предательство и представлявшему режим Реставрации, удалось присоединить Францию. Широко обсуждавшимся проектам послевоенного переустройства Европы он придал теоретическую форму, выдвинув принцип легитимизма, возвращения «законных» государей на прародительские троны.

Формула встретила всеобщее одобрение – участники конгресса жаждали стереть с карты Европы следы наполеоновской чистки. Горячим ее сторонником выступал Александр I – уже не мечтательный юноша с туманными либеральными идеями, вступивший на трон тринадцать лет назад, а зрелый муж, прошедший испытания Аустерлица, Тильзитского мира и Отечественной войны. Победу над Наполеоном царь был склонен приписать покровительству Всевышнего, отдавшего нарушителя спокойствия, сокрушителя тронов – Бонапарта – на растерзание помазанникам Божьим. Возвращение согнанных с престолов монархов представлялось ему не просто актом человеческой справедливости, но и восстановлением санкционированных Провидением порядков.

Однако одно дело – принципы, а совершенно иное – жизненные реалии. Восстановить старину с ее часто архаическим устройством не удавалось. Европа стояла на пороге промышленного переворота, оставалось всего десять с небольшим лет до лихорадки железнодорожного строительства – не воссоздавать же было княжеский муравейник в виде Священной Римской империи германской нации, разбитой на 360 кусков и кусочков! Конгресс остановился на полпути, образовав

* В нашу задачу не входит анализ хода и всех результатов Венского конгресса. В главе затрагивается лишь то, что имело отношение к балканским делам.

Германский союз под председательством австрийского делегата в составе 38 государств и трех вольных городов.

За ширмой легитимизма скрывались острые разногласия между победителями по территориальным вопросам. Царь Александр властно требовал присоединения к России польских земель в виде герцогства Варшавского. И в данном случае грустная английская поговорка — добрыми намерениями вымощена дорога в ад — подтвердилась земными делами. Александр руководствовался самыми благими побуждениями — Польша должна была стать некоей лабораторией по проведению преобразований в империи, о коих все еще помышлял государь. На деле же превращение бывшей Речи Посполитой в Царство Польское под скипетром Романовых стало фатальной ошибкой отечественной дипломатии, поляки не желали мириться с автономным статусом, польский вопрос на целое столетие превратился в очаг тревоги для Российской империи с драматическими столкновениями и кровопролитными восстаниями.

На почве территориальных споров и притязаний в Европе произошёл фактический распад антинаполеоновской коалиции. 3 января 1815 г. Великобритания, Австрия и Франция заключили союз с целью противодействовать присоединению к России Польши и к Пруссии — всей Саксонии. Подписанты выразили готовность, в случае неуступчивости царя, выставить по 150-тысячной армии для возможных военных действий. Александр узнал о предательстве «друзей» случайно. Король Людовик XVIII столь стремительно бежал из Парижа при приближении к нему Наполеона, что оставил в письменном столе экземпляр присланного ему Талейраном документа. Бонапарту оставалось переслать попавшую ему в руки улику самодержцу в Вену. Возможно, в душе царь был возмущен, но ситуация властно требовала достижения прочного мира, а не ссоры между победителями, и Александр театральным жестом бросил бумагу в камин, где пылал огонь, и простил грешников. Наполеону не удалось развалить выступавшую против него коалицию. Российские и прусские требования в отношении Польши и Саксонии были ограничены, но удовлетворены.

И все же факт остался фактом. России не простили победы. Александру не удалось осуществить свои планы установления преимущественного российского влияния в европейских делах.

Не оправдались надежды царя на лояльную позицию режима Реставрации во главе с королем Людовиком. А именно он высказался за участие Франции в конгрессе на равных правах, и расчет представлялся обоснованным: Великобритания — явный соперник. Австрию в войну удалось вовлечь после длительного торга. К. Меттерних, словно угорелый, метался между Наполеоном и союзниками. Мы прибегаем к этому недипломатическому сравнению потому, что оно лучше всякого иного характеризует стремление Вены оказаться в выигрыше при лю-

бом исходе событий и занять место арбитра в споре между истощенными войною сторонами. Опереться на третью силу в лице Франции казалось поэтому естественным. Но Александр не подозревал, что пригревает на груди змею. Ш. М. Талейран занял место в центре антироссийских маневров и интриг и усвоил на конгрессе тон победителя, а не побежденного: «Я никогда не соглашусь передать Саксонию Пруссии. Тем менее я допущу, чтобы Россия перешла Вислу, имела в Европе 44 млн подданных и границы на Одере».

Душевная драма Александра объяснима и понятна. Он своей державной властью двинул Россию в освободительный поход 1813 года. Влиятельные круги в лице министра иностранных дел Н. П. Румянцева и М. И. Кутузова выступали против. Царь был убежден в чистоте своих побуждений — он хочет дать полякам «хорошую национальную администрацию, основанную на определенных принципах, приспособленную к местным условиям, управляемую законами, а не произволом или волей какого-то другого правительства»¹.

И что же? Коалиция Великобритании и Австрии оказала бешеное сопротивление его замыслам, а Ш. М. Талейран, не так давно состоявший у него в осведомителях и не брезгавший вознаграждением, держал перед ним дерзкие речи, в коих изображал себя сторонником независимой Польши. Человек, оформлявший наполеоновские захваты дипломатическими кружевами, теперь с бесподобным апломбом поучал собравшихся в Вене сановников: «Основная потребность Европы — это изгнание навсегда мысли о возможности приобретения прав одним завоеванием и восстановление священного принципа легитимизма, из которого проистекает порядок и устойчивость».

Вспомнить бы Александру Благословенному собрания Негласного комитета друзей и горячие речи В. П. Кочубея о территориальной насыщенности России. Углубиться бы в тысячелетнюю историю польского государства — и тогда он осознал бы, что никогда его жители не удовлетворятся ни автономией, ни конституцией (по оценке Ч. Вебстера, «далеко опережающей время»², ни либеральными реформами, — ничем, кроме независимости.

Сто дней Наполеона показали союзникам, что французская опасность еще не миновала и расходиться еще рано. 15 ноября 1815 г. в Париже был подписан новый договор, более жесткий, чем заключенный в 1814 г. Франции пришлось расплатиться не только за авантюру Бонапарта, но и за антироссийский аллюр Талейрана на конгрессе. Петербургский двор утратил снисходительность к режиму Реставрации. Францию свели к границам 1790-го года, лишив ее некоторых стратегически важных районов (Филиппвиля, Саарлуи), обязали вы-

¹ История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. С. 123, 124, 126.

² По оценке Ч. Вебстера. См.: *Webster Ch. The Foreign Policy of Castlereagh*. L., 1925. P. 84; *Талейран Ш. М. Мемуары*, М., 1959. С. 307, 311.

платить контрибуцию в 700 млн франков. Оккупационные войска союзников на три года заняли крепости на северо-востоке страны.

Османская империя ни в одном из актов конгресса не упоминалась. Высокая Порта отвергала саму идею участия в совещании неверных кяфиров, ожидая от них очередной порции козней. Турция являлась европейской державой высокого ранга, и правление ее отвечало всем требованиям легитимизма — династия Османов царствовала более пятисот лет. Диван благоразумно воздержался в 1812 году от выступления против России, так что наказывать державу султанов было не за что. И тут Александр Павлович обнаружил, что легитимизм — оружие обоюдоострое и опасное, и оппоненты могут сковать российскую балканскую политику по рукам и ногам, и во главе их стояли лица незаурядные. О них коротко.

Клеменс Венцель Лотарь фон Меттерних-Винебург родился в 1773 г. в старой, но обедневшей дворянской семье, обладавшей графским достоинством Священной Римской империи германской нации. В 1788 г. юноша поступил в Страсбургский университет. Вскоре разразилась французская революция, и страсбургские горожане ознаменовали наступление свободы штурмом и разгромом магистрата. Меттерних при сем присутствовал, и революция запечатлелась в его памяти в виде бесчинствующей толпы грабителей. Клеменс спешно покидает Страсбург и заканчивает образование в Майнце. В его багаже солидные знания по юриспруденции и истории, он говорит на пяти языках. В 1795 г. Меттерних вступил в брак с Элеонорой Кауниц, внучкой знаменитого канцлера императрицы-королевы Марии Терезии. Перед ним открыты все пути для блестящей карьеры. В 1801 году, 28 лет от роду он — посланник в Саксонии, через три года, едва перевалив порог тридцатилетия, он занимает тот же пост в Берлине. В 1806 году становится послом в Париже, в 1809 — возглавляет ведомство иностранных дел, а в 1821 году достигает поста канцлера Австрийской монархии, с которого его сгоняет революция 1848 года.

XIX век — столетие, ознаменовавшееся оживленной перепиской людей, в нем живших и творивших. И Меттерних — не исключение. Он оставил обширную корреспонденцию, не говоря о восьми томах мемуаров, и ему свойственно было облекать свои взгляды в теоретическую одежду и выстраивать иерархию принципов.

Власть он считал исходящей не от народа, а от Провидения: «Истина заключается в том, что любая власть обретает силу свыше, и не по воле множества (людей); она, следовательно, представляет волю Всевышнего». Общество базируется на двух принципах — «легитимизма и божественного правопорядка»³.

³ Bethuair A. Metternich et l'Europe. P., 1979. P. 21, 29; Berthier de Sauvigny G. Metternich et son temps. P., 1959. P. 27, 34; Биографические данные о Меттернихе взяты из книги: *Ракшмир П. Ю. Князь Меттерних: человек и политик.* Пермь, 2005.

Но, несмотря на постоянные обращения к Богу, политическая система Меттерниха носит все следы земного происхождения, и возросла она на почве австрийских реалий. Держава Габсбургов — плод войн, брачных союзов и запутанных наследственных комбинаций, а не добровольного слияния народов, в ней проживавших, — немцы, мадьяры, итальянцы, румыны, поляки, чехи, сербы, хорваты, галицийские украинцы, закарпатские русины, евреи, а по религиозной принадлежности — католики, лютеране, кальвинисты, православные, униаты и иудеи — можно ли себе представить более разномастную этническую мешанину? Многоязычная, мультиконфессиональная махина. Каждая земля управлялась по своим, унаследованным из веков законам и обычаям. А над ними — общеимперское законодательство, на их права не посягавшее. Власть повсюду — в руках дворянства, изредка с участием городского патрициата. И Меттерних знал — оно не потерпит посягательства на свои привилегии. Попытка императора Иосифа II в конце XVIII века стянуть державу обручем общих законов, превратить ее в унитарное государство, провалилась, столкнувшись с сопротивлением национальных элит.

Повсюду пробивались ростки нового, но Меттерних знал — их торжество приведет к укреплению провинциальной власти, к сепаратизму и ослаблению имперских уз. Отсюда — его ненависть к революции, которая приводит общество в движение, угрожающее развалом монархии. Прогресс был мыслим лишь в национальном своеобразии земель, входивших в державу. В 1848 году революция шла своим путем в Австрии, Венгрии, Чехии, Италии, Трансильвании. Ничего похожего на общеимперскую логику не наблюдалось, а национальные противоречия вылились в кровавые столкновения.

Прогресс, «по Меттерниху» следовало осуществлять с неторопливой и мудрой умеренностью. Как объясняла верноподданной имперская канцелярия в циркуляре от 12 мая 1821 года: «Полезные и необходимые изменения в законодательстве и администрации стран (субъектов монархии) могут исходить только по свободной воле, взвешенному и просвещенному суждению тех, кого Господь сделал ответственными за власть». Святая обязанность всякого правления — обеспечивать порядок и спокойствие, которым ясно, что угрожает, — революция. Французская — доставила Вене 22 года войн и тревожений. Приходилось отбиваться не только от пушек, но и от идей. Наполеона одолели всей Европой, но по части идей дело обстояло хуже — они продолжали подрывать устои. Поэтому над системой договоров возвели идеологическую надстройку в виде Священного союза.

Любопытно, что сам Меттерних отрекался от отцовства этой организации, приписывая все заслуги в ее появлении на свет Александру I. Он вспоминал в своих мемуарах, как однажды царь пригласил его к себе и, в обстановке сугубой секретности, передал сочиненный им документ. Век Просвещения с его свободомыслием в той или иной степени коснулся всех, и облекать свои намерения в средневеково-религиоз-

ные одежды представлялось странным и кайзеру Францу, и прусскому королю Фридриху Вильгельму. Меттерних считал проект «выражением мистических настроений императора Александра и применением к политике принципов христианства»⁴. Но так желал царь, и прекословить ему никто не смел. И Меттерних скоро убедился, сколь удобно вести за собой Александра под сенью Священного союза. Он быстро осознал, что «филантропические устремления» в религиозно-мистической оболочке могут послужить знаменем, вокруг которого сплотится вся «королевская рать» Европы для противодействия Европе новой, либеральной, демократической и революционной. Граф, а позднее князь Меттерних стал душой и организатором расправ над революциями в Испании и Италии, за что получил нелестное прозвище Инквизитора даже в кругу вполне консервативной российской дипломатии. Возрожденным из политического небытия «законным», т. е. легитимным, монархам отцы-основатели союза обещали помощь, если подданные вздумают «бунтовать».

Великобритания вообще в Священный союз не вступила, правила морями и сохраняла свободу рук. Побежденную Францию, по понятиям Меттерниха, следовало держать в ежовых рукавицах. С Пруссией разгоралось соперничество в германских делах. Как опора и оплот альянса мыслилась самодержавная Россия. Но и с нею надлежало держаться настороже и сотрудничать с англичанами, французами и с кем угодно, дабы совместными усилиями воспрепятствовать ее поползновениям на первенство в Европе и, в частности, на Балканах.

Биограф Меттерниха Г. Бертье признает — его герой России не знал, не понимал и разделял распространенные на Западе русофобские настроения. Его отзывы о России содержали долю истины, но они исполнены неприязни и ненависти: «Зло заключается в том, что в России не существует аристократии, имеется двор и народ; она может дорого заплатить за внешний лоск цивилизации, усвоенный высшими классами населения, цивилизации, не проникшей ни в один из институтов и приведшей к появлению двух народов в одной империи, одного сановного и другого крепостного»⁵. Но именно с этой непонятной и внушающей опасения машиной следовало дружить ради сохранения в Европе Венской системы. Отсюда — льстивые письма Александру Павловичу, подобострастный тон обращенных к нему речей, ни тени искренности и скрытая вражда.

Тревогу вызывали прежде всего балканские дела, именно здесь, в регионе, традиционно считавшемся сферой австрийских интересов, следовало ожидать вспышки активности самодержавия — Османская

⁴ Berthier G. Op. cit. P. 77, 57; *Memoirs, documents et ecrits divers de prince de Metternich*. T. 1. P., 1888. P. 210–212; *Виноградов В. Н.* Был ли князь Меттерних «кучером Европы»? // *Новая и новейшая история*. 2007. № 4.

⁵ Berthier G. Op. cit. P. 195, 196.

империя на каждом шагу нарушала даже половинчатые условия Бухарестского трактата 1812 года. Но выступать с открытым забралом против союзника-соперника, обворожительно любезного царя Александра, и подрывать тем самым корни Священного союза — ни Боже мой!

Как остановить здесь российский натиск, сущности которого Меттерних не понимал и размеры которого был склонен преувеличивать? Вступать в долю на случай раздела Турции не стоит — приобретать какие-нибудь «засушливые и малонаселенные земли» при опасном увеличении мощи России ни к чему. О войне с северным колоссом и речи быть не может. Но и жертвовать таким слабым и удобным соседом как Турция несподручно. И вот, чтобы «остановить победоносный марш России, Меттерних рассчитывает на Англию», — пишет Г. Бертье. Именно эта держава способна воздействовать на царскую империю, полагал князь, ибо может причинить последней много зла, не рискуя получить в ответ то же самое: «Россия не сделает чего-либо неугодного Англии, именно в Лондоне, а не в Санкт-Петербурге мы видим стремление найти сюжеты для будущего „сотрудничества“ с Веной»⁶.

Принципиальная установка Меттерниха гласила: «Сохранение Турции находится на первой линии наших интересов», что полностью совпадало с британской доктриной статус-кво — оберегания целостности владений Османской империи и ее власти на Балканах. Но пусть Сент-Джеймский кабинет вступает в схватку с царским, а Венский отсидится в сторонке.

Меттерних печалился по поводу слабости Турции и разделял распространенное тогда мнение о стерильности магометанства как религии прошлого, не отвечающей вызовам времени. Будущее представлялось безрадостным: «В день, когда трон султана рухнет, империя распадется на части: одни из них перейдут в руки христианских держав, другие постараются создать государства более или менее независимые, которые явят миру отвратительное зрелище мусульманской анархии».

Оставалось одно — надеяться на то, что Высокая Порта просуществует еще долго. Если Турецкая империя еще живет, то по той причине, что «миллионы турок не могут раствориться в массе христиан, а те отупели и потому лишены моральной силы, потребной для создания костяка нации. И эту печальную амальгаму христианского и мусульманского бессилия увенчивает некое провидение, не менее отрицательное в сущности, чем объект его покровительства, и оно именуется политическим соперничеством европейских дворов, осуществляющих ревнивый надзор над странами Леванта...»⁷.

Пренебрежительное невежество и к мусульманам, и к христианам в этой сентенции соседствуют со вполне здравым выводом — дни султанского режима еще не сочтены, а потому и основательных причин для

⁶ Berthier G. Op. cit. P. 196, 198, 199.

⁷ Ibid. P. 199, 203.

серьезной ссоры с северным колоссом на балканской почве не существует. Достаточно удалиться в кулисы и оттуда наблюдать за англо-русским противоборством в регионе, помогая по возможности британцам, оказывая «дружеское» воздействие на Петербург, широко прибегая к интригам, по части коих князь Клеменс был большой мастер.

Другой оппонент Александра I на Венском конгрессе — виконт Роберт Стюарт Каслри, унаследовавший в зрелые годы титул маркиза Лондондерри — выходец из знатной англо-ирландской семьи. Сей уроженец Изумрудного острова в качестве секретаря по делам Ирландии принимал участие в подавлении восстания 1798 года, а позднее провел в парламенте закон об унии, лишивший «малую родину» остатков самоуправления. Тори старой закалки, он в 1819 г. внес в палату общин «шесть биллей для затыкания рта», ограничивших свободу слова, собраний и печати.

В 1812 г. лорд Роберт получил печати Форин офис и ведал внешними делами страны целых десять лет. В британской историографии Каслри слывет самым европейским из министров его величества, он был чужд островной замкнутости и близок к континентальным консерваторам.

У нас принято считать творцами посленаполеоновской Европы царя Александра и Клеменса Меттерниха. В Англии к ним добавляют Каслри и даже отводят ему первое место в троице. Не кто иной, как Уинстон Черчилль утверждал: «Летом 1815 года Британия и Каслри возглавили Европу и выработку европейского урегулирования». Того же мнения придерживался видный историк Ч. Вебстер: Англия выступила «главным фактором в формировании новой Европы»⁸. На смену наполеоновскому господству на континенте должно было прийти равновесие сил с тем, чтобы ни одно государство не могло бы развязать войну с шансами на успех, — издавна являвшееся и целью, и идеалом британской политики. Успокоившаяся Европа не должна была мешать нарастанию английского морского, торгового, колониального и индустриального могущества. Именно Каслри предложил внести в союзный трактат от 15 ноября 1815 г. пункт о гарантии достигнутого «порядка», т. е. Венской системы договоров, державами победительницами.

Смущало одно — Россия выдавалась из общего ряда и своим вкладом в общую победу, и претензиями на руководящую роль в союзе. Бег России к могуществу следовало остановить.

Справедливый баланс сил, в британской трактовке, требовал укрепления центра Европы против Запада (от угрозы со стороны французского реваншизма) и Востока (против растущей мощи России). И Каслри взялся за трудную задачу — сколотить блок старых соперников, Авст-

⁸ Churchill W. S. A History of English Speaking Peoples. The Great Democracies. L., 1958. V. 4. P. 5; Webster Ch. Op. cit. P. 50; в данном разделе использованы материалы книги: Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.

рии и Пруссии, что было все равно что примирить кошку с собакой. Цели в закулисные Венского конгресса добиться не удалось. Осторожный Меттерних не согласился обещать, при том письменно, всю Саксонию Пруссии («что одно могло побудить ее перейти в оппозицию к Александру, а К. Л. Гарденберг (министр короля Фридриха Вильгельма) не посмел идти на риск разрыва с Россией»)⁹. И тогда неутомимый глава Форин офис в душевном альянсе с Меттернихом и примкнувшим к ним III. М. Талейраном сочинил антироссийскую и антипрусскую комбинацию в виде договора от 5 января 1815 года, о котором сказано выше. Акт, правда, в тайне сохранить не удалось, но он выражал суть сложившейся ситуации — Англия, Австрия и Франция против России и Пруссии.

В Лондоне многие считали, что глава Форин офис погряз в континентальных распрях, «с изжитием страха перед Францией парламент проявлял открытое недовольство осложнениями на континенте». Депутаты полагали, что Британия и без того может выступать за Ламаншем в качестве арбитра в спорах между монархами с затратой минимума сил и средств и не отвлекаясь от заморских предприятий.

Многоопытный министр рассуждал иначе. Поддержание желательного баланса сил, не допуская чрезмерного возвышения ни одной из держав (подразумевалась Россия), нельзя пускать на самотек; ради этого стоит участвовать в дипломатической игре, используя противоречия между недавними победителями Наполеона и не останавливаясь, в крайнем случае, перед применением силы. В циркуляре послам от 1 января 1816 г. Каслри заявлял, что, если усилия обеспечить мир обернутся провалом, «следует объединить державы против того государства, чья извращенная политика или преступные амбиции явятся угрозой спокойствию, в котором все заинтересованы»¹⁰.

Образование Священного союза Каслри встретил с недоумением и недоверием и нашел в том полное понимание парламента. По распространенному в Англии мнению, не было никакой нужды дополнять существовавшие договоры некоей религиозно-мистической надстройкой и возлагать на божественное Провидение заботу о мировом порядке. Напротив, Меттерних живо подхватил инициативу самодержца, и два антагониста на шахматной доске европейской политики выступили отцами-основателями альянса. Вскоре три помазанника Божьих присвоили себе право, в случае если где-либо подданные начнут уклоняться от исполнения предписанных свыше обязанностей (или, говоря земным языком, выступать против власть имущих), — открыто и даже силой вмешиваться во внутренние дела непокорного государства. Как это контрастировало с «дней Александровых прекрасным началом»!

⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX в. (ВПР). Т. 8. М., 1972. С. 614.

¹⁰ *Webster Ch. The Vienna Congress. L., 1920. P. 103. The Cambridge History of British Foreign Policy. V. 2. Cambridge, 1923. P. 8.*

Надстройка совершенно не вязалась с британскими конституционными порядками. Принц-регент Георг, развратник, обжора и пьяница, на лицо, «поставленное от Провидения» для управления королевством, нисколько не походил и властью не обладал. Действовала формула «король в парламенте», означавшая, что монарх никаких государственных функций не осуществлял и с небесами не был связан. Принц, страдавший тоской по абсолютизму, рвался в монархическое содружество. Но ему позволили лишь излить свои чувства в письме к Александру I. Георг сообщал в нем, что, хотя британское конституционное устройство не позволяет ему «формально приступить к сему трактату», душою он вместе с его учредителями: «Я вполне разделяю установленные ими начала и сделанное ими объявление о руководствовании божественными заповедями христианской веры»¹¹.

Англия осталась вне рамок Священного союза, ее дипломатия считала, что система международных отношений посленаполеоновской эпохи сформирована Парижским договором от 20 ноября 1815 г. и решениями Венского конгресса. Каслри скоро убедился, сколь значительные выгоды можно извлечь из сложившегося положения. Как подписант договоров, Великобритания следила за тем, чтобы Франция не вступила на путь реваншизма, и баланс сил на континенте не сложился в пользу России. Как страна, отмежевывавшаяся от Священного союза, она обрела свободу критики его деяний по водворению на троны изгнанных с него монархов Неаполя, Пьемонта и Испании, но и не мешала этим акциям. Получалось так, что ненавистная революция подавлялась оружием нелюбимых самодержцев. Британия же, в полном соответствии со своими традициями, разглагольствовала о священных принципах свободы, благах либерализма и отмежевывалась от континентальных реакционеров.

5 мая 1820 г. Каслри выступил с циркуляром, в котором обосновал положение о невмешательстве во внутренние дела других государств как доктрину: «Многие страны Европы поглощены трудной задачей перестройки управления по конституционному принципу». Но тут появляются силы, сему мешающие. Священный союз в декларации не упоминается, но всем было ясно, что отвергаемая министром «идея пересмотра, ограничения или регулирования экспериментов как путем подаваемых из-за рубежа советов, так и применения иностранных сил» относилась к учиненным альянсом карательным акциям в отношении целых народов¹².

¹¹ ВПР. Т. 8. С. 518. Александр I в то время находился «между прошлым и будущим» и еще отдавал дань гуманным либеральным взглядам. Будучи самодержцем в России, он был в Польше конституционным монархом. Он выступал не против преобразований вообще, а против их осуществления революционным путем. Реформы должны были исходить от монархов, коим Провидение поручило заботу о подданных.

¹² Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (СТК). Т. 11. СПб., 1895. С. 249; Webster Ch. The Vienna Congress... P. 144.

Великобритания всей своей мощью подпирала Венскую систему, лишившую государственности (или закрепившую это лишение) поляков, бельгийцев, норвежцев (последние согласились войти в Шведское королевство лишь под дулами пушек эскадры его величества, блокировавшей их берега). Однако мешать всякому прогрессу, препятствовать образованию дружественных Англии конституционных режимов, чем занимались континентальные помазанники божьи, она не собиралась. В изложении Каслри это выглядело так: «В случае нарушения территориального равновесия в Европе она допускает эффективное вмешательство; но ее правительство — последнее, от которого можно ожидать, что оно свяжет себя обязательствами во имя каких-либо абстрактных принципов»¹³. Каслри призывал венценосцев не выходить за рамки «здорового смысла». И тогда правительства, представительные и чисто монархические, могут сотрудничать в общих интересах и сообща выполнять свои обязанности под сенью союза.

Таковы были основные установки британской внешней политики. Они отличались большой стабильностью вне зависимости от того, кто хранил печати Форин офис, о чем здесь уместно упомянуть, ибо Каслри страдал манией преследования и 12 августа 1822 г., будучи оставлен без присмотра в своем загородном доме, зарезался перочинным ножом. В Форин офис его сменил Джордж Каннинг, в молодые годы — его соперник и личный враг, они даже стрелялись на дуэли. Каннинг подписал составленные предшественником инструкции для делегации на Веронский конгресс, не вычеркнув ни строчки, не изменив ни буквы, не переместив ни одной запятой¹⁴.

* * *

А нам предстоит углубиться в тень Венского конгресса, побывать за кулисами его официальных заседаний. У Высокой Порты объявились покровители и адвокаты в лице дипломатов Англии, Австрии и Франции. Царь подвергся нажиму с их стороны с целью подключить Османскую империю к задуманной системе территориальных гарантий. Великобритания добилась полного господства в Средиземном море и не собиралась мириться с перспективой упрочения российских позиций на Балканах и особенно в Адриатике. Габсбургская монархия горой вставала на защиту Порты. Британский посол Р. Листон заверял Высокую Порту, что его двор использует все силы и возможности, чтобы воспрепятствовать распаду Османской державы. В подголоске у двух держав состоял пока еще слабый режим Реставрации во Франции. В инструкции на Венский конгресс, которую Ш. М. Талейран со-

¹³ The Cambridge History. V. 2. P. 626, 631.

¹⁴ Ibid. P. 629: Churchill W. S. Op. cit. P. 5.

чинил для себя и которую подписал король Людовик, говорилось: Турция «является европейским государством, сохранение которого важно для поддержания европейского равновесия». Император Александр подвергся натиску со стороны трех дворов, правда, при обстоятельствах характерных: Меттерних, страха ради, на откровенный разговор с царем не решился, предоставив эту честь своему английскому коллеге. За дело взялся Каслри, предложивший царю, в качестве компенсации за вхождение большей части Польши в состав России, распространить территориальные гарантии на владения султана¹⁵.

Государь, увлеченный строительством новой Европы (на старый лад), веривший в покровительство небес легитимным монархам, очутился в затруднительном положении. Высокая Порта предала забвению чуть ли не все положения Бухарестского мира, касавшиеся Балкан¹⁶. Мириться с превращением договоров в мертвую букву, созерцать расправу над сербами, упускать шанс на укрепление своих позиций в регионе, предоставленных победой над Наполеоном, он не собирался. Ему по сути дела предлагали присоединиться к доктрине статус-кво, отказаться от «екатерининского» курса балканской политики.

Царь остановился на полпути. Он дал согласие на присоединение Турции ко «всеобщему поручительству», которое предполагалось провозгласить в заключительном акте конгресса, но с непременным условием — добиться со стороны Высокой Порты выполнения всех принятых ею по миру 1812 года обязательств — ввести внутреннее самоуправление в Сербии, облегчить налоговый гнет в Дунайских княжествах, соблюдать там семилетний срок правления господарей, не чинить препятствий проходу судов через Черноморские проливы. Первый уполномоченный на конгрессе А. К. Разумовский получил указание — потребовать у турок прекратить террор в Сербии.

Ходатайство Разумовского застряло на ухабах противоречий. Британцы согласились его поддержать, австрийцы — нет. В свободе прохода купеческих судов через Босфор и Дарданеллы были заинтересованы все. Но грянули 100 дней Наполеона, и османы заупрямились пуще прежнего. Представлялось, что Европа на пороге новой большой войны, ей станет не до Балкан, а значит идти на уступки нечего. В начале апреля реис эфенди заявил Р. Листону о категорическом отказе Порты принять посредничество Великобритании, Австрии и Франции в урегулировании российско-турецких разногласий и потребовал передать Османской империи крепости Сухум, Кемхала и Анаклия, а заодно и большую часть Грузии. Попытка сербов прорваться на конгресс, используя эмигрантов во главе с протоиереем Матией Ненадовичем, провалилась. На подан-

¹⁵ Достян И. С. Венский конгресс и Восточный вопрос // Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 252–253; Webster Ch. The Vienna Congress... P. 84.

¹⁶ См. главы наст. кн. «Османская империя на пороге великих потрясений» и о сербских восстаниях.

ное ими прошение с просьбой походатайствовать перед султаном «за сей несчастный народ», «чтобы поступлено было с оным не яко с осужденным на жертву, но с подданным его», не обратили внимания.

Инициатива трех по вовлечению Османской империи в европейское сообщество заглохла. Занятая самодержавием позиция свидетельствовала о том, что завоевательных устремлений в Юго-Восточной Европе оно не вынашивало. И распространяемые по сей день в зарубежной историографии утверждения насчет имманентно присущей ему агрессивности относятся к разряду мифотворчества.

В Петербурге убедились: сотрудничество с союзниками на балканской почве к добру не приведет. Случайно попавший в руки царя и направленный против России договор Англии, Австрии и Франции, вероятно, сыграл определенную роль в изменении тактики отечественной дипломатии. Посол А. Я. Италинский получил указание — заверить Порту в дружественном расположении императора и его стремлении разрешить имевшиеся расхождения, однако «путем двусторонних переговоров, без всякого вмешательства других держав». «Это был новый принцип России в отношении Османской империи», — пишет И. С. Достян, — который лег в основу ее балканской политики¹⁷.

Конкретика разборок в Юго-Восточной Европе с участием, помимо великих держав, сербов, греков, болгар, молдаван и валахов, следует ниже. Из нее становится ясно: Россия по всем вопросам осталась в одиночестве, а ее союзники блокировались с Османской империей.

¹⁷ Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 255, 257.

Османская империя на пороге великих потрясений

24 июня 1812 года балканские дела перешли в разряд второстепенных — началось вторжение Великой армии Наполеона в Россию. Мир, заключенный трудами Михаила Илларионовича Кутузова, принес плоды — султан не решился его порушить, в июле он ратифицировал Бухарестский трактат. Большая часть Дунайской армии двинулась на север, навстречу полчищам захватчиков. Но антракта на балканской сцене не произошло, угроза перемены фронта со стороны Турции не миновала. Стояла задача — «не допустить, чтобы Оттоманская Порта поддалась соблазнам коварных предложений Франции, заставить ее почувствовать, что ее благо прямо связано с успехами усилий, предпринимаемых против Наполеона. Посему Порта должна не балансировать, а искренно и с пылом примкнуть к системе, которая одна может прежде всего обеспечить ее спасение, а в дальнейшем принести ей другие выгоды», — так витиевато излагал адмирал П. В. Чичагов задачи российской политики¹.

Никакого пыла Порта не обнаруживала, но гибель армии «двунадесяти языков» в кампании 1812 года способствовала исчезновению профранцузской ориентации у османской элиты. Что касается выгод от присоединения к антинаполеоновской коалиции — то тут у Стамбула существовали не только сомнения, но и опасения. В 1813 году сложилось некое равновесие между сражающимися сторонами. В апреле скончался Кутузов, и не существовало полководца, способного его заменить, ни П. Х. Витгенштейн, ни даже М. Б. Барклай де Толли не пользовались тем авторитетом в армии и беззаветной верой в них солдат, что ушедший фельдмаршал. После сражений при Люцене и Бауцене российско-прусские войска отступили, и Наполеон представил бои как свой успех. Он успешно восстанавливал репутацию непобедимости: да, в России потерпел неудачу по причине мороза, снегов и больших расстояний, гибель Великой армии он сводил к потерям, понесенным от «влияния времен года». В российском штабе воцарилась тревога, берлинский двор предавался панике, — уцелеет ли на сей раз корона? Становилась очевидной важность привлечения к коалиции Австрии, что

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1812. Д. 2004. Л. 2, 3, 9.

позволяло Меттерниху лавировать и вымогать у нее уступки. Наполеон обратился к тестю с просьбой (не требованием!) — предоставить ему 80 тыс. солдат, но получил отказ. У венцев голова кружилась от открывающихся перспектив — пусть противники истощают друг друга, и тогда можно выступить в роли посредника и скроить европейский эквилибр по своей мерке. Корсиканец не вечен и, возможно, Мария Луиза станет регентшей при малолетнем Наполеоне II, и союз Бонапартов и Габсбургов установит свою гегемонию в Европе. Упрямое нежелание «владыки полумира» пойти на компромисс с противниками похоронило эти мечтания. Лишь в середине августа императора Франца удалось заманить в союз, направленный против его зятя. Подписанный в Теплице договор предусматривал возвращение Австрии к границам 1805 года, включая восстановление ее власти в Далмации².

Развитие военных операций происходит по своим законам, иногда входящим в противоречие с политическими соображениями. Флот его британского величества господствовал в Средиземном море и вполне успешно изгонял французов с занятых ими островов и прибрежных территорий. В Далмации британцы решили воспользоваться помощью черногорцев при взятии порта Боки Которской (Катарро). Те завладели городом и сочли, что осуществили заветную мечту — добились выхода к морю. В октябре 1813 г. скупщина черногорцев и бокезцев заявила о присоединении Боки Которской к княжеству, надеясь, что Россия, как держава-покровительница, добьется признания их самостоятельности при мирном урегулировании³. С резким протестом против нарушения Теплицкого договора выступила Вена.

Начавшаяся перекройка балканских земель происходила в столкновении интересов союзников, а Порты при сем присутствовала в качестве зрителя. Император Александр очутился в затруднительном положении. Он понимал, что нарушить межсоюзное соглашение и настоять на расширении Черногории ему не позволят. К. Меттерних настойчиво требовал, чтобы царь «своим влиянием положил конец интригам» черногорского митрополита⁴. Австрийским притязаниям способствовало и то обстоятельство, что католическая община Боки Которской выразила пожелание вступить в Габсбургские владения и направила делегацию к императору Францу. Расчетам митрополита Петра Петровича Негоша на то, что удастся пробиться к морю, не суждено было сбыться. В июне 1814 г. область заняли австрийские войска. Впечатление в Черногории осталось тяжелое, держава-покровительница от них отступилась. Инцидент воочию показал, что принцип легитимизма в конкретном проявлении может противоречить как на-

² Рахмиров П. Ю. Князь Меттерних. Человек и политик. Пермь, 2005. С. 107; История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. С. 104. ♥

³ Подр. см. главу наст. кн. «Черногория в первые годы XIX века».

⁴ Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983. С. 43.

циональным устремлениям балканцев, так и традиционной российской политике в регионе.

В варианте, далеком от оптимального, удалось, по мнению Петербурга, решить судьбу Ионических островов. Населявшие их греки хотели бы с помощью России возродить островную республику, существовавшую на архипелаге до Тильзитского мира 1807 года, и в роли их талантливого ходатая выступал корфиот на российской службе И. А. Каподистрия. Летом 1813 г. он сочинил докладную записку, ратуя в ней за восстановление своей родной республики как колыбели греческой государственности. Только так, полагал ее автор, Россия могла бы сохранить «свое влияние и связи на Востоке» и воспротивиться «исключительному преобладанию Великобритании в Греции». Он призывал императора не отказываться от опоры на общественное мнение, которое «правит миром»⁵.

Рассуждения графа никак не соответствовали раскладу сил на Средиземноморье. Еще в 1810 г. британцы очистили 5 островов бывшей республики от французских гарнизонов. Весной 1814 г. они, от имени союзников, высадили десант на острове Корфу. А корфиотский сенат еще раньше, не вовремя и некстати, обратился к Наполеону с ходатайством о предоставлении независимости. В довершении путаницы Австрия, как правопреемница Венецианской республики, выступила с претензией на Ионический архипелаг. Но британские позиции выглядели несравненно сильнее, оккупация всех островов предопределила их судьбу, выдворять с них владычицу морей никто не помышлял⁶.

Граф Иоанн Антонович Каподистрия, ведавший в российском МИДе восточными делами, склонялся к мысли, что британский протекторат в создавшихся условиях представляет наименьшее зло, и решил вернуть борьбу за статус своей родины в личные переговоры с Р. Каслри и его командой. Он надеялся добиться от представителей конституционной Англии определенной степени самостоятельности для архипелага. Повлиять на выработку основ управления островами ему не удалось, приглашения на приезд в Великобританию он не дождался, ему предложили высказать свое мнение письменно, а получив послание российского статс-секретаря, положили его под сукно. Форин офис разделил процесс обустройства архипелага на два этапа. Первый предусматривал образование, под эгидой короны, «свободного и независимого» государства Соединенных Ионических островов с пребыванием на них английских гарнизонов. Обязательства Британии перед внешним миром ограничивались обещанием обеспечить жителям свободу богослужения и определенную меру гражданских прав, ничего похожего на мечты Каподистрии о том, чтобы предоставить внутрен-

⁵ Арш Г. Л. И. А. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. М., 1976. С. 66.

⁶ Международные отношения на Балканах... С. 44.

нее управление самим корфиотам без вмешательства верховной власти. На втором этапе преобразований лорд-верховный комиссар возглавил составление конституции, и прав жителям предоставили ровно столько, чтобы никакой опасности для британского правления они не представляли. Ведало делами архипелага министерство колоний, что само по себе свидетельствовало об их статусе, и управлял ими генерал Т. Мейтлэнд вполне самовластно⁷.

Высокая Порта воспользовалась военной бучей для того, чтобы саботировать выполнение Бухарестского мира. Ее власти препятствовали вывозу зерна из Одессы через Черноморские проливы. В 1814 году в Стамбуле стал ощущаться недостаток хлеба. Идя навстречу турецким пожеланиям, российская сторона согласилась продавать по заниженным ценам половину привозимых хлебов. Но османы не удовлетворялись этой уступкой, заставляя купцов продавать пшеницу сверх установленной нормы. Свобода судоходства через Проливы нарушалась. Время от времени Порта поднимала вопрос о возвращении ей некоторых земель в Закавказье⁸.

Привилегии Дунайских княжеств нарушались, они так и не были освобождены на два года от уплаты дани, как то было зафиксировано в Бухарестском трактате. Вопрос о предоставлении самоуправления Сербским землям с места не сдвинулся, более того, уже в июне 1812 года реис эфенди официально заявил об отказе выполнять статью 8 акта. Сербские вожди в свою очередь выражали недовольство статьей. Рассуждая абстрактно, причины для претензий существовали, статья носила характер общего пожелания и ни условий автономии, ни срока ее осуществления не оговаривала. Но попытка сербов вступить с Портой в непосредственные переговоры успехом не увенчалась, в 1813 году последовал разгром восстания, опустошение сербских земель и бегство Карагеоргия с ближайшим окружением за Дунай. Новая вспышка мятежа в 1815 г. была подавлена. Правда, на сей раз власти не решились учинить бойню, подобную той, что произошла два года назад — европейская ситуация изменилась, и Россия могла обратиться всерьез к балканским делам. Поэтому белградский паша Марашли Али в устной форме обещал содействовать установлению сербского самоуправления. Но ни малейших признаков, которые свидетельствовали бы о намерении оформить обещание в правовом акте и тем более о желании претворить его в жизнь, не замечалось⁹.

Осенью 1815 г. царь поручил И. Каподистрии курировать дела, связанные с Османской империей, которые в заботах внешнеполитического ведомства вновь выходили на первый план. Добиться перело-

⁷ Арш Г. Л. Указ. соч. С. 67–87; Международные отношения... С. 52.

⁸ Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 87.

⁹ О ситуации в Дунайских княжествах и сербских землях см. главу наст. кн. «Восстание Тудора Владимиреску и поход Александра Ипсиланти».

ма в отношениях с Высокой Портой предстояло чисто дипломатическими средствами, война представлялась непозволительной роскошью для страны, понесшей чудовищные людские, материальные и финансовые потери в войнах с Наполеоном.

Утешало то, что основной оппонент, Сент-Джеймский кабинет, по-своему тоже выступал за урегулирование российско-османских отношений. Лондон, обеспечив себе полное преобладание в Средиземном море, взял курс на сохранение в регионе статус-кво (иными словами, за удержание султанских владений от распада) и вежливо ходатайствовал перед турками об уступках России, но, в отличие от Петербурга, елико возможно незначительных для Порты. Р. Каслри официально выступал в роли миротворца, заинтересованного в полюбовном улаживании споров. Он убеждал турецких упрямцев: «военная мощь России значительна», Англия, Австрия, Франция «слишком истощены войной, чтобы в их намерения входило прийти на помощь» Стамбулу, «при нынешнем положении в Европе... учитывая относительную силу двух государств (России и Турции — *Авт.*), сохранение мира для Порты неизмеримо важнее исхода любого или всех вместе пунктов разногласий с Россией». Особо он советовал «смягчить дела в Сербии», зная, как близко к сердцу принимала российская общественность судьбу сербского народа¹⁰.

Казалось бы, интересы двух дворов, лондонского и царского, смыкались. Но за мягкими увещаниями лорда Каслри следовали его же твердые заверения по тому же адресу в дружбе и поддержке, и турки знали, что в обиду их не дадут. Дарданелльский договор 1809 г. закрывал Черноморские проливы для прохода военных судов, и султан состоял при них сторожем. Средиземноморье находилось под тройным британским замком в виде баз в Гибралтаре, на островах Мальта и Корфу. Существовавшее положение вполне устраивало Лондон, чего нельзя сказать о Петербурге. В 1816 г. Александр I сменил весь состав миссии в Константинополе. Дипломаты оказались без вины виноватыми, ибо изменить что-либо было превыше их сил и возможностей. Разработать программу действий на перспективу царь предложил И. А. Каподистрии, и тот в представленной записке дал волю мечтам. Он внушал государю мысль о несправедливости Бухарестского мира, «исторгнутого мусульманским упорством у нетерпеливых русских уполномоченных», для «турецких христиан» и невыгодности его для России, и выдвигал план создания самостоятельных государств Молдавии, Валахии и Сербии, связанных с Турцией лишь данью. Во главе их он предлагал поставить князей из немецких владетельных домов, благо недостатка в них не ощущалось. По ходу реализации замысла, полагал Каподистрия, «доведется отдать эллинам наследство их предков», и они тоже обретут государственность. Далее следовала уже со-

¹⁰ Webster Ch. K. The Foreign Policy of Castlereagh. L., 1925. P. 350: The Cambridge History of British Foreign Policy. V. 2. Cambridge, 1823. P. 11.

вершенная фантастика: «обезоруженные» благородством России и привлеченные в качестве гарантов к новой политической системе, державы не окажут сопротивления предлагаемым преобразованиям, а Порты смирятся с собственным разрушением, для чего достаточно сконцентрировать на ее границах армию и флот.

Царь прекрасно понимал, что его романтически настроенный министр начертал план прямого и быстрого скатывания Европы к войне, ибо ни Англия, ни Австрия не поступились бы своими интересами в регионе в знак уважения к «благородству» России. Будучи человеком изысканно вежливым, Александр счел замысел Каподистрии превосходным, но неисполнимым, и по сути дела не оставил от него камня на камне: «Все это очень хорошо, но для того чтобы исполнить его, надобно воевать, а я этого не хочу. Довольно воевать на Дунае. Мир в Европе еще не обеспечен, и делатели революций ничего бы так не хотели, как разрыва между мною и турками. Соглашение Бухарестское, выгодное или нет, должно быть исполнено. Надобно довольствоваться им и извлечь из него всю возможную пользу»¹¹.

Самодержец пребывал уже целиком на охранительных позициях, о чем говорило упоминание о «делателях революций». А отвержение утопического прожекта Каподистрии свидетельствовало об отсутствии сколько-нибудь широкомасштабных планов в регионе, не говоря уже о территориальных захватах. Каподистрии как чиновнику высокого ранга пришлось наступить на горло собственной песне и приступить к составлению инструкций для назначенного посланником в Константинополь барона Г. А. Строганова, расхваливших с его убеждениями. Пришла пора его драматического душевного разлома. Лейтмотив воровства составленных им от имени императора бумаг — Россия нуждается в отдыхе. «Мои намерения в отношении Порты миролюбивы, — подчеркивалось в царском рескрипте, — и они останутся таковыми, пока у нее будет желание или возможность по собственной воле поддерживать истинно дружеские отношения с Россией»¹².

«Было бы полезно и даже действительно необходимо, — говорилось в одной из инструкций, — чтобы Блистательная Порта наконец прекратила войну против собственных подданных». Г. А. Строганову предлагалось мирным путем, не прибегая к угрозе силой, достичь договоренности на условиях 1812 года. В отношении сербов ему предписывалось «добиться для этого народа всех возможных выгод», в отношении Дунайских княжеств — «добиться возвращения им 30 млн пиастров, изъятых вопреки договору» и подтверждения их автономных прав, соблюдения семилетнего срока правления господарей, установления карантина по Дунаю.

¹¹ Записка графа И. А. Каподистрии о его служебной деятельности. Сборник русского императорского исторического общества (Сб. РИО). Т. 3. СПб., 1868. С. 172, 209–213.

¹² Внешняя политика России XIX и начала XX в. (ВПР). Т. 9. М., 1974. С. 174.

Пять лет бился Строганов, пытаясь осуществить поставленные перед ним задачи. Высокая Порта, опираясь на поддержку Англии, сводила почти на нет (крошечные уступки в счет не идут) все его усилия. «Союзная и дружественная» Британия в доверительной переписке именовалась «самым опасным врагом России»¹³.

Раздражение Строганова — сторонника решительного, несмотря на последствия тона в сношениях с Портой, — можно понять: за пять лет переговоры с турками, за спиной которых маячили английские и австрийские дипломаты, — почти не сдвинулись с места. Разумеется, не сварливый нрав царского представителя, как то утверждают некоторые зарубежные историки, был тому виной. Император Александр еще в 1815 году заявлял, что считает «делом чести» для себя добиться разумного сербско-османского урегулирования, однако все попытки Строганова настоять на законодательном утверждении сербской автономии пошли прахом. Мешало успеху и тщеславие вождя Милоша Обреновича, стремившегося обеспечить себе и своей семье наследственную власть. Посланник писал ему прямо, резко (и, увы, безрезультатно): «Порта видит сильное желание Ваше получить наследственный сан княжеский, она решилась воспользоваться сим благоприятным для нее обстоятельством, дабы, лаская видам Вашим, посредством Вас совершенно поработить Сербию и лишить всех способов к улучшению жребия угнетенных»¹⁴. Упреки не помогали.

По широко распространенному тогда мнению, царь являлся вершителем судеб Европы. Но у «вершителя» далеко не все получалось, его дипломатия в Стамбуле топталась на месте. В сербском казусе недовольство выражали обе стороны в споре. Порта отметала российские предложения как чрезмерные, сербам они представлялись недостаточными, и Строганову приходилось их утешать. Барон уверял их уполномоченного М. Ф. Германа: его, посланника, «опечалило сердечно» известие «о беспокойстве и недоумении», причиненных «храброму народу сербскому приготовлениями турков» (военными). И далее: «Сербия не может сомневаться в искреннейшем участии императорского двора касательно ее жребия. Российская миссия в Константинополе неусыпно печется о вашей безопасности и, конечно, поспешит предвратить вас в случае малейшей перемены обстоятельств». Не надо впадать в панику. Порта настроена мирно, «видя великодушную умеренность государя императора»¹⁵. Но последнее-то и не устраивало сербов, их переговоры продвигались черепашьи темпами, вызывая в среде вождей нетерпение и раздражительность, добиться документального

¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1278. Д. 82. Л. 186–187; Ф. 15. Д. 326. Л. 16; *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с другими державами. Т. 7. СПб., 1895. С. 411.

¹⁴ *The Cambridge History...* P. 11; ВПР. Т. 11. С. 192.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1278. Д. 90. Л. 18.

подтверждения автономии не удавалось. Александр I решительно от-метал всякую возможность прибегнуть к силе оружия: «Если бы даже мы имели такое право, было бы неблагоразумным и негуманным к этому прибегать в эпоху, когда запал, брошенный на берега Дуная, спровоцировал бы пожар, который охватит, быть может, всю Европу» (май 1818 г.). Граф И. А. Каподистрия послушно пересылал в своих депешах миссии в Константинополе мысли августейшего повелителя, а в личных письмах своему единомышленнику Г. А. Строганову с полной откровенностью излагал свою точку зрения: «...Ничего не добиваются от турок только с помощью слов. По существу мы ничего не делали, как только занимались болтовней с людьми, которые не могли поверить нам на слово» (январь 1820 г.)¹⁶.

В конце 1819 г. царское правительство подводило невеселые итоги кунктаторским переговорам в Стамбуле: сдвига по сравнению с 1813 годом не произошло, разве что Дунайские княжества «в какой-то степени пользуются своими привилегиями, а Сербия уже не является театром резни и опустошения»¹⁷.

С позиций суровой действительности следует сказать — Россия воевать не могла, на то, чтобы залечить раны 1812 года требовались десятилетия. По словам писателя-декабриста А. А. Бестужева (Марлинского), «войска Наполеона, как саранча, оставили за собой надолго семена разрушения». Широкая полоса земли вдоль Смоленской дороги напоминала пустыню, Москва, Смоленск сожжены. Военные расходы перевалили за 900 млн рублей серебром, казна опустела, государство залезло в долги. Поголовье скота сократилось, урожаи выдавались скудные — то засуха, то дожди льют без перерыва. Товары на знаменитой Макарьевской ярмарке остались нераспроданными — у людей нет денег. Вытаскивать страну из трясины бедствий предстояло мужику. Восстановление растянулось на многие годы¹⁸.

В этих условиях российская политика представляется осторожной, взвешенной и продуманной, хотя и малорезультативной. Переходить границу и приступать к силовому давлению на Порту значило идти на риск европейской войны. Принципы Священного союза оформляли принятый курс, но определяли его вполне реальные, земные соображения. Однако на Балканах чаша терпения и страдания народного переполнилась. Инициаторами Восточного кризиса 20-х годов выступили не державы, а народы, населявшие полуостров. Османская империя стояла на пороге великих потрясений.

¹⁶ Международные отношения... С. 77; *Арш Г. Л.* Указ. соч. 91; см. также; *Виноградов В. Н.* Балканы — выход из тени Священного союза // *Геополитические факторы в политике России.* М., 2007.

¹⁷ Цит. по: *Виноградов В. Н.* Лорд Каслри и Балканы // *Советское славяноведение.* 1979. № 1. С. 55.

¹⁸ *Фадеев А. В.* Россия и восточный кризис двадцатых годов XIX века. М., 1959. С. 23, 25.

Часть вторая

**ЭПОХА
АДРИАНОПОЛЬСКОГО МИРА**

Восстание Тудора Владимиреску и поход Александра Ипсиланти

Вечером 22 февраля (2 марта) 1821 года Александр Ипсиланти с группой сторонников переправился через реку Прут и вступил на молдавскую почву. Он прибыл в княжество, имея на руках паспорт российского подданного и в униформе генерал-майора императорской армии¹. Одежда имела глубокий смысл, долженствовала создать впечатление, будто князь Ипсиланти начал свой освободительный поход с ведома и согласия Александра I.

На берегу его ожидали 200 всадников господарской стражи, сопроводивших его в Яссы. 24 февраля (4 марта) вождь опубликовал манифест «В бой за веру и отечество», призвав греков подняться на свержение ига чужеземных завоевателей. Воззвание содержало хотя и туманную, но многозначительную фразу: «Поднимайтесь, друзья, и вы увидите, как могущественная сила (в другом переводе — держава. — *Авт.*) защитит наши права». Никто не сомневался — это намек на Россию². Сам Ипсиланти в первой же беседе с господарем Михаилом Суцу заверил его, что на реке Прут стоит готовая к вторжению 70-тысячная армия генерала П. Х. Витгенштейна. В письме к Александру I Ипсиланти просил царя обратить оружие на османов и стать освободителем Греции³. Греческие сердца забились в восторге.

Тем же 24 февраля помечено обращение князя М. Суцу к государю: «Осмелюсь повергнуть к трону вашего величества смиренную просьбу, поддержанную боярами страны... Корпус войск совершенно необходим для обеспечения безопасности Молдавии»⁴.

Ипсиланти вынашивал грандиозный план: на престолах в Яссах и Бухаресте — господари-фанариоты. Их охранные отряды — под ко-

¹ Подробно о подготовке греческой революции см. главу наст. кн. «Греческий народ поднялся на революцию».

² Арш Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. М., 1976. С. 213. Версия о причастности самодержавия к восстанию получила в румынской историографии права гражданства. Ее поддерживал акад. А. Оцетя (*Otetea A. Tudor Vladimirescu*. Buc., 1971; *Istoria Romaniei*. V. 3. Buc., 1964. P. 885–886). Г. Л. Арш в ряде статей и монографии «Этеристское движение в России» (М., 1974) показал беспочвенность подобных утверждений.

³ *Istoria Romaniei*... P. 883; Арш Г. Л. И. Каподистрия. С. 214.

⁴ *Documente privind istoria Romaniei. Rascoala din 1821 (Rascoala)*. V. 1. Buc., 1954. P. 304–305.

мандованием членов Фелики Этерии станут ядром повстанческой армии, присоединятся сербы, лишь недавно сложившие оружие, болгары, вспыхнет восстание в Пелопоннесе. На бумаге все выходило прекрасно, первые дни внушали оптимизм. Ряды этеристов множились в основном за счет греков с юга России. Посланный «на разведку» в княжество подполковник П. И. Пестель (тот самый!) определял число повстанцев на начало марта в 3 тыс. Некоторые бояре и высшие церковные иерархи внесли им в помощь немалые суммы. Всего, по подсчетам Пестеля, удалось собрать 1,5 млн лей, для снаряжения армии все же недостаточно. Богатая греческая диаспора, щедро одаривавшая этеристов симпатиями, расчетливо и скуповато снабжала их деньгами. Отряды Ипсиланти состояли не только, и даже не столько из одушевленных революционными идеалами юношей, сколько из бывших наемников разного рода военных формирований, во множестве водившихся на Балканах и жестко требовавших жалования.

Ипсиланти действовал по-диктаторски, мобилизовал в свои отряды местных греков — ремесленников, торговцев, дворцовую челядь, конфисковал имевшиеся запасы сукна и отправил его в швальни для пошива мундиров, в мастерских ковалось оружие. В продовольствии ощущалась нехватка, и этеристы прибегли к реквизициям, забирали в селах зерно и скот, экспроприировали у некоторых богатеев немалые суммы. Среди купечества началась паника, кое-кто сбежал за границу. Помимо организованных заимствований происходило стихийное самоснабжение этеристов, попросту говоря, грабежи, с соответствующим впечатлением у жителей. По наблюдениям Пестеля, «ничем не участвовали молдаване в мятеже греков». В Яссах и Галаце произошла резня проживавших там турок, погибли, по подсчетам Пестеля, 200 человек, пощадили лишь троих, согласившихся принять крещение⁵.

3 (15) марта барон Г. А. Строганов, российский посланник в Стамбуле, получил от Ипсиланти пакет, в котором, помимо послания ему лично, находились письма видным эфорам с указаниями, как им разжечь восстание. Дипломату следовало доставить корреспонденцию адресатам. Ипсиланти считал миссию как бы почтовой конторой, призванной распространять его распоряжения⁶.

Александр Ипсиланти, сын и внук господарей-фанариотов, назначенцев Высокой Порты на престолы в Яссах и Бухаресте, тех самых, которые, вне зависимости от их личных качеств и даже заслуг, обирали население поборами и налогами, возглавляли несправедливую администрацию и творили шемакин суд, олицетворяли в княжествах чужеземную власть. Изначальная трагедия заключалась в том, что фанариоты в Молдавии и Валахии были чужаками и угнетателями, их

⁵ Мы пользуемся данными П. И. Пестеля, считая их наиболее достоверными: Rascoala... P. 345–348; Istoria Romaniei... P. 887.

⁶ Op. cit. P. 884–885.

ненавидели все, от великих бояр местного происхождения до барщинных крестьян. Начавшееся в Валахии в январе 1821 года восстание с фатальной неизбежностью должно было обратиться против них. Так оно и произошло.

Но это — лишь одна сторона картины, существовала и другая. Идея свержения изжившего себя османского господства встречала сочувствие в боярских кругах княжеств и желание воспользоваться революцией греков в своих интересах. Этеристами был полон двор и администрация. Подготовка к восстанию в Валахии перешла в организационную стадию, следовало подумать о его вооруженной силе.

В западной части страны, в Олтении, имелась категория людей, несших пограничную и полицейскую службу, так называемых пандуров, участвовавших в войне 1806–1812 гг. на стороне российской армии. В 1814 году господарь Валахии И. Г. Караджа в целях экономии сократил число использовавшихся на службе пандур до 700. Среди них царило недовольство произволом и злоупотреблениями властей. В княжестве появилась ударная сила освободительного движения, состоявшая из людей, решительно настроенных, опытных в военном деле, хорошо владевших оружием. Сама судьба предназначала на роль вожака этой вольницы Тудора Владимиреску.

Владимиреску — личность примечательная. Выходец из свободных крестьян-мошнян, он постиг не только грамоту, но и греческий язык, служил управляющим боярским поместьем, занимался продажей скота в Трансильвании. В войну 1806–1812 гг. он командовал отрядом пандур, и за участие в боях ему присвоили чин поручика и наградили орденом Святого Владимира. Позже он служил администратором волости Клошань, разбогател — владел землей, домами, винокурнями, корчмой, ему присвоили одно из низших боярских званий — слудже-ра. Он принадлежал к той прослойке мелких бояр и торговцев, что вышла из низов и связей с народом не утратила и выступала естественным руководителем массовых движений.

В ноябре 1820 г. Владимиреску приехал в Бухарест под предлогом ведения судебного процесса. В воздухе, казалось, витала идея заговора. Он остановился в доме боярина Константина Самуркаша, в котором этеристы проводили совещания. Во дворце, в отрядах наемников, администрации церкви, даже на почте этеристы занимали важные посты. Многие местные бояре вступили в общество. Поклялся добиваться «вооруженным путем освобождения от варваров и возрождения победоносного креста» и Тудор. Его клятву подтвердили командиры дворцовой стражи Иордаке (Георгиос) Олимпиотул и Иоан Фармаке. В январе 1821 г., когда господарь А. Суцу лежал при смерти, образовалось некое регентство из бояр, названное правящим комитетом. Три его члена, Г. Брынковяну, Г. Гика и Б. Вэкэреску, 15 числа того же месяца подписали документ, поручив Владимиреску поднять «вооруженный народ» на вос-

стание с целью свержения османской власти⁷. Ни о какой социальной программе в бумаге, исходившей от великих бояр, не говорилось.

В ночь на 19 января он двинулся в родные края. Г. Брынковяну, спатар (командующий имевшимися в княжестве небольшими вооруженными силами), предоставил в его распоряжение отряд арнаутов. Владимиреску озаботился созданием небольшой канцелярии, взяв с собой несколько грамотеев. Заранее были подготовлены манифесты для обращения к народу. 23 января он прибыл в селение Падеш родной волости Ключань, где его ожидала сотня пандуров. Отсюда он разослал гонцов, сзывая горцев на сбор.

Знаменитая Падешская прокламация начиналась образно: никакой закон не запрещает отвечать на зло злом. Когда змея выползает из норы, ее побивают камнями, чтобы спасти жизнь. Далее следовало яростное обличение «тиранов-бояр», «чудовищ, пожирающих наши жизни», церковных иерархов и неправедных властителей. Следовал грозный вопрос: «До каких пор мы будем терпеть, как сосут нашу кровь?» Заканчивался манифест призывом: «Не будьте ленивцами, спешите все к нам, у кого есть оружие — с оружием, у кого нет — с железными вилами и копьями». Свое движение Владимиреску именовал Народным собранием и призывал добрых людей, независимо от веры и языка, примкнуть к нему.

В прокламации делалась оговорка: добычей могло стать только «с помощью зла приобретенное боярское имущество», неприкосновенными объявлялись «добро и дома» торговцев, горожан и крестьян, всех жителей вообще. Не подлежало отчуждению имущество бояр, примкнувших к движению. Нечего говорить, что последнее разъяснение прошло незамеченным, в глазах крестьян все бояре были злодеями. Конкретной антифеодальной программы воззвание не содержало.

Уместно упомянуть здесь и о другом документе — письме Тудора российскому консулу А. А. Пини. Бояре, говорилось в нем, «способны разорить землю только в угодность иностранцев» (т. е. фанариотов), «всех разбойников и различного состояния подлецов собрано сюда со всех стран; обогатили их и возвысили разными чинами и преимуществами, приобретенными кровью предков наших, а на нас, злополучных патриотов, всегда взирали презрительным оком, хуже, нежели на собак своих...». Народ, по словам Владимиреску, питал к нему «почтительное уважение», предложил ему по общему согласию «следовать в Бухарест для истребования прав своих, т. е. уничтожения злоупотреблений, над главами нашими совершающихся».

Перевод письма на русский язык Л. Е. Семенова обнаружила в материалах Архива внешней политики. Из его содержания ясно, что оно служило ответом на не найденное до сих пор обращение консула к вождю повстанцев. Из просьбы Тудора к Пини — «укротить свое не-

⁷ Rascoala... P. 193, 196.

годование» и его возражение на то, будто он «соединился с шайкою арнаут», поступил «противозаконно», ясно, что письмо Пини содержало резкую критику «предприятия» Владимиреску. Опираясь на это и ряд других свидетельств, Л. Е. Семенова отвергает встречающиеся в румынской историографии утверждения о причастности российской дипломатии к подготовке восстания⁸.

Ничего общего с данным Тудору правящим комитетом поручением его воззвания и речи не имели. Он выступал как вождь народного антифеодального восстания, хотя его цели формулировались расплывчато и неопределенно: «Милостив Господь, и если мы следуем его велениям, надо творить добро, а сего не достичь, пока не исчезло зло»: собрание народа «призвано творить добро и приносить пользу всей стране», и тогда «наступит время, когда высохнут наши слезы». Не выступал Тудор и как уполномоченный этерии, о чем свидетельствовало его прошение султану, составленное по всем канонам верноподданных петиций: «К священному и всемогущему порогу всеильной империи, нашей владычицы, припадаем мы, весь румынский народ Валахии» с жалобой на «нескончаемые наши печали и ужасные страдания, причиняемые местными боярами, объединившимися с присланными господами (т. е. фанариотами — *Авт.*), ибо бояре, или лучше сказать, наши злейшие тираны», довели людей до истощения, им хуже, «чем мертвецам в могиле». Поэтому «верноподданные рабы могущественной империи слезно просят прислать к ним императорского посланца не нашей веры, чтобы тот узрел и убедился в жалком положении страны» дабы прекратились хищения и восторжествовала справедливость⁹. Можно усмотреть в петиции тактический замысел. Тудор, во всеоружии опыта прошлой войны, сознавал, что без российской поддержки с турецкой армией справиться не удастся, и он выжидал, во что выльется выступление этерии. Владимиреску считал Ипсиланти не союзником, а попутчиком, пусть тот со своим войском отправляется за Дунай и отвлекает на себя турецкие силы, а сам «господин Тудор» станет творить суд и наведет порядок в Валахии.

* * *

Но вернемся к первым дням восстания. Падешская прокламация стала искрой, возжегшей пожар. Веками накапливавшаяся ненависть деревни к боярам вылилась в погромы, охватившие Олтению и переброшившиеся на другие уезды княжества. Началась румынская пугачевщина, разве что убийств творилось меньше. Помещичьи усадьбы, амбары, скот-

⁸ Семенова Л. Е. Восстание 1821 г. и Россия // Международные отношения на Балканах 1815–1830. М., 1974. С. 62; *Istoria Romaniei in texte*. Buc., 2001. P. 182–183. ■

⁹ *Rascoala...* V 1. P. 202–210; *Aricescu C. D. Acte justificative la istorie revolutiei romane*. Craiova, 1874. P. 27, 28, 52–54.

ные дворы разорялись и сжигались, запасы зерна, муки, вина, растительного масла, меда растаскивались, скот уводился, виноградники уничтожались. Происходила массовая порубка леса — село мстило боярам, захватившим леса, ранее находившиеся в общинном владении. В усадьбах уничтожались записи крестьянских повинностей и долгов.

В Клошань, к Тудору, стекались крестьяне. Вождь объявил об отмене податей, обещал покончить с несправедливостями и вернуть народу отнятые у него права. Неделю, с 23 по 28 января, Владимиреску совершал своего рода объезд Олтении. К нему присоединилось 1,5 тыс. пандуров и множество крестьян. Диван Крайовы выслал против него отряд стражников, немедленно переметнувшийся на его сторону.

30 января Диван Валахии, начисто забыв, что поручил Владимиреску подготовить восстание, направил Высокой Порте донос на «злумышленника и злодея», который смущает «простодушные умы», маня их свободой. Описав черной краской быстрое распространение волнений, бояре просили «могущественную империю обдумать подходящие средства для избавления страны от творящегося разбоя». В то же время Диван попытался воздействовать на Тудора словом, «по отечески» советуя вождю повстанцев не губить страну, а сложить оружие и подчиниться законной власти. Владимиреску отвечал дерзко: не он поднял мятеж, а народ, верным сыном которого он является. Бояр он призвал вести себя, как надлежит патриотам, а не злодеям отечества. Новое обращение к нему начиналось словами «Архон (господин) слуджер» и было заметно мягче по тону. Его просили «не покидать местонахождение, не двигаться ни на вершок», ибо против него «поднято оружие»¹⁰. Но вот с оружием было плоховато. Посланные против него отряды, вместо того чтобы сражаться, переходили на его сторону, военных действий по сути не велось, так прошел почти месяц, хотя успех восстанию приносят быстрота и натиск, а не промедление. Почему же Тудор медлил?

Создается впечатление, что обе стороны выжидали развития событий: удастся ли этеристам добиться успеха? Придет ли к ним (а значит и к румынам) на помощь Россия? Весть о том, что Ипсиланти собирается в Валахию, побудила Тудора сняться с места, он хотел опередить греков и первым вступить в Бухарест. По пути он обратился к своим воинам с многозначительной речью: «Настал час открыть вам всю правду, сообщив, что это выступление произошло по приказу императора России Александра, и дело идет об освобождении не только нашем, но и всего греческого народа.

Принц Александр Ипсиланти, покинув Молдову, вступил на землю Румынской страны (т. е. Валахии) со значительным войском. А за этим ожидается великая сила России, находящаяся на реке Прут. Мы поможем принцу Ипсиланти переправиться через Дунай, чтобы дви-

¹⁰ Rascoala... P. 214–216, 228–230; Aricescu C. D. Op. cit. P. 54, 55, 120, 51, 64–67.

нуться на освобождение своей родины. Русские помогут нам овладеть турецкими крепостями по Дунаю, которые перейдут к нам. И тогда мы будем управляться самостоятельно по своим законам»¹¹.

* * *

Валашские этеристы были разочарованы, увидев войско Ипсиланти: «едва сотня — в мундирах, остальные — кто в чем и кто с чем» (в смысле оружия). Князь обратился с воззванием «к храбрым дакам» и отдельно — к духовенству (3–15 марта). Он именовал себя «вестником независимости и счастья»: «Пришло время освобождения, друзья мои даки» Его зовет дорогая родина, Валахия для него — этап на пути в отечество. Он успокаивал встревоженных жителей: «Будьте уверены, могущественная империя-покровительница ни в коем случае не допустит малейшего вторжения со стороны варваров, генерал-аншеф граф Витгенштейн получил приказ придвинуть к границе русские войска». Отряды эллинов лишь пересекут Валахию, жителям нечего опасаться, им следует лишь предоставить воинам кров и пищу. Но переход затянулся, в Пloeшти Ипсиланти задержался на 10 дней¹². К нему подтягивались добровольцы, главным образом греки и болгары. Скромная просьба о снабжении вылилась в бесцеремонные поборы.

Тудор опередил этеристов и первым подошел к Бухаресту с войском в 16 тыс. человек (по крайней мере так он уверял). 20 марта (1 апреля) он обратился к духовенству и мирянам, боярам и купцам, ко всему народу с воззванием: «Причина, по которой я вынужден был поднять оружие — утрата наших привилегий и нестерпимые грабежи, от которых страдают наши братья». Народ готов забыть прошлые обиды и зовет всех трудиться во имя общего блага. О злодеяниях бояр, их нечестно нажитых богатствах обращение умалчивало, зато упоминало о патриотически настроенных людях из их среды, умом и душой объединенных с народом. Вся вина за несчастное состояние страны возлагалась на господарей-фанариотов. Последовал ответный адрес со стороны Дивана — выданное слуджеру Владимиреску за многими подписями свидетельство о хорошем поведении: его выступление вызвано не злыми и вредоносными намерениями в отношении родины, а напротив, несет стране благо, а народу — избавление, и они принимают Тудора с любовью и открытыми объятиями, у них нет никаких помыслов против его жизни и чести. Вождь повстанцев в долгу не остался и засвидетельствовал свое уважение Дивану. Императору Александру Диван сообщил о вступлении отрядов Владимиреску в Буха-

¹¹ Rascoala... P. 91.

¹² Istoria Romaniei... P. 887–888; Rascoala... P. 348, 341–342; Aricescu C. D. Op. cit. P. 48–49; Oitea A. Op. cit. P. 143–145.

рест в тонах просто умильных: «Сир! Народ, доведенный до крайности, принял руководство вышеупомянутого Владимиреску, исполненного не духом мятежа, а патриотическим рвением»¹³.

Тудор взял на себя временно бразды правления в Валахии (если это понятие применимо к сложившейся в стране обстановке безвластия, вне которой, представляется, невозможно понять и метаморфозы в его отношениях с боярами).

25 марта (6 апреля) к столице подошли отряды Ипсиланти. Диван получил его приказ — подготовить продовольствие для 10 тыс. человек и фураж для 5 тыс. коней, что произвело самое неприятное впечатление. Бояре пожаловались ему на «грабежи и опустошения, творимые слуджером Тудором и арнаутами», и хотели было пригласить этеристов в Бухарест, но Владимиреску воспротивился и предоставил в распоряжение князя дворец в окрестностях города.

Как раз в эти дни пришли вести из Лайбаха (Любляны), где заседал конгресс Священного союза, в виде депеш статс-секретаря И. Каподистрии, выражавших волю Александра I. Царь резко осудил выступление Ипсиланти и отказал ему в поддержке, так как было бы «недостойно его подрывать устои турецкой империи позорной и преступной акцией тайного общества». В послании прозвучали и личные ноты, выражавшие чувства самого Каподистрии. Ипсиланти — его соотечественник и добрый знакомый по Петербургу, и что же он вытворяет? «Какой момент Вы выбрали для нападения на Порту? Тот самый, те самые дни, когда ведутся плодотворные переговоры, сулящие счастливые результаты, дающие миру новые гарантии?» Как он посмел надавать молдаванам кучу обещаний?

В депешах Каподистрии фигурировал и Тудор Владимиреску. Поднятое им восстание сочли «достойным сожаления» событием: в Валахии, как и в Мадриде, Лиссабоне и Неаполе, «горстка солдат начинает беспорядки, погружает страну в анархию». А. А. Пини поручалось вызвать к себе «поручика Владимиреску» и заявить ему о лишении офицерского звания и ордена. Диван получил выговор за то, что не предпринял энергичных мер для подавления восстания; ежели бояре не полагаются на собственные силы, пусть обращаются к видинскому паше и тот сумеет обуздать мятежников¹⁴.

Известие о царском гневе произвело в княжествах впечатление разорвавшейся бомбы. Молдавские доброхоты этеристов ударились в бег, митрополит Вениамин последовал их примеру, господарь М. Суцу занемог, снял с себя бремя правления и удалился за границу. В Валахии воцарилась растерянность. Замыслы, расчеты, планы всех участников драмы — греков и румын, этеристов, бояр и Тудора рассыпа-

¹³ Rascoala... P. 415.7

¹⁴ Ibid. V. 4. Вус., 1960. P. 252–15. V. 5. P. 390, 391; Арш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 309–310.

лись словно картонный домик от дуновения ветра. «Без российской поддержки выступление против Порты представляло самоубийственный акт»¹⁵. Никакой могучей силы за спиной у Ипсиланти не оказалось, а имелось приблизительно 7,5 тыс. разномастного войска, в котором наряду с пламенными патриотами (Священная дружина, 450 бойцов) значилось множество арнаутов, людей без роду и племени, участников полувоенных формирований, считавших грабеж неотъемлемым компонентом своей службы. Пускаться с ними навстречу регулярной турецкой армии представлялось авантюрной затеей.

У Тудора почва ушла из-под ног, его расчеты рухнули. Вместо того чтобы уйти в Болгарию и отвлечь на себя силы османских карателей, этеристы застряли в Валахии и, словно магнитом, привлекали турок в княжество. Под давлением бояр Владимиреску договорился с Ипсиланти о разделе сфер влияния и управления, к Ипсиланти отходила северная, гористая часть страны, где его силы расположились лагерем, а Тудору — южная, равнинная, и Олтения. Скорое вторжение карателей представлялось неминуемым. Владимиреску оставил мысль о развязывании крестьянской, по сути дела гражданской войны, и утвердился на примирительной по отношению к боярам позиции. Уже его обращение от 23 марта содержало призыв «признавать власти и боярство». За время своего «правления» Владимиреску выступил с определенными инициативами, не имевшими значительных последствий. Так, в середине апреля он опубликовал программу реформ под названием «Требования румынского народа» (их составление относилось к февралю). Они предусматривали упразднение некоторых категорий боярских служителей, отмену внутренних и упорядочение внешних таможенных сборов, запрет иностранцам занимать административные должности, прекращение выплат за назначение на чиновничьи места, создание вооруженных сил из тысячи пандуров и 500 конников, ограничение прерогатив господарей, в частности им запрещалось привозить с собой более 4 греков¹⁶. Его программа сузилась, утратила свое антифеодальное острие и превратилась прежде всего в национально-охранительную, а ее непосредственной целью стало стремление выдворить этеристов из Валахии и предотвратить карательный османский поход. Ни того, ни другого осуществить не удалось. Начался отток разочарованных людей из его лагеря.

Вежливые намеки Ипсиланти, что тому пора удалиться на дорогую родину, переросли со стороны Тудора в требование. Боярский комитет управления являлся своего рода посредником между двумя вождями, с румынской стороны переписка велась от его имени. Послание от 14 (26) апреля походило на обвинительный акт: «вы обещали, что лишь пройдете по стране, а на деле вы утвердились на нашей земле, попи-

¹⁵ *Consanatinu F. O istorie sincera a poporului roman. Buc., 1997. P. 17.*

¹⁶ *Otetea A. Op. cit. P. 143–145; Rascoala... V. 1. P. 390, 391. V. 4. P. 152–15.*

раете оказанное вам гостеприимство, требуете невозможного от народа, всего лишённого, одним словом, издеваетесь над страной, принявшей вас с распростертыми объятиями». И все это — во имя филантропии. Хватит прокламаций и манифестов, они всем надоели!¹⁷

А над Валахией нависла угроза нашествия и превращения ее в поле боя. По логике Тудора следовало вступить в сношения с османской администрацией. И тут следует сделать два замечания. Непосредственно вступать в переговоры с ее представителями Владимиреску не мог, не в том состоял чин. В глазах Высокой Порты единственной законной властью оставался Диван. Его члены выступали не просто как посредники, а как участники завязавшихся сношений, и порой трудно судить, что в обращениях к Порте шло «от Тудора», а что имело «боярское происхождение». Ниже мы попытаемся воссоздать картину происходившего, опираясь на наиболее достоверные сведения.

27 марта бояре, «нижайшие рабы всемогущей империи», обратились к Порте с петицией, в которой Владимиреску представлялся не как прежде, предводителем бандитской шайки, а достойным мужем, обеспокоенным судьбой родины. Бояре просили выслушать «справедливые жалобы бедствующего народа» и считать их не знаком сопротивления властям, а выражением глубокого почтения и полного подчинения. Народ поднялся на защиту своих прав, о нарушении которых они, бояре, жаждут известить Порту с ее милостивого соизволения¹⁸.

Обрисовалась тактика сношений с Высокой Портой — проявлять покорность и преданность династии Османов, все беды приписывать исключительно фанариотскому правлению, против которого и направлено народное движение. Подобная трактовка устраивала крупных бояр, недовольных засильем греков, обступивших трон. С них снималась ответственность за жалкое состояние страны и нищенское существование жителей.

Паши Джурджу и Силистрии, к которым поступали петиции, ходу им не давали, и логика в их действиях присутствовала, «с ружьем в руках к переговорам не приступают». Условием для их начала они поставили разоружение «народного войска» Владимиреску, на что вождь повстанцев пойти не мог, это значило отдать себя на милость османам. Маневр в отношении Порты оказался холостым. К Бухаресту приближалась турецкая армия, и 15 (27) мая Тудор покинул свой лагерь в Котроченах. С вождем — 4 тыс. пандур и 500 всадников-болгар, гораздо меньше, чем он привел в столицу два месяца назад. Жителям он объяснил, что не желает навлечь на них месть турок и превращать город в арену пожаров и грабежей. Отныне враги — турки, а союзники — «наши братья-христиане» (т. е. греки). Но если у первых он доверия не завоевал, то у вторых утратил.

¹⁷ Otetea A. Op. cit. P. 182. V. 1. P. 272–273; Otetea A. Op. cit. P. 140; Istoria Romaniei... P. 894.

¹⁸ Rascoala... V. 2. Buc., 1959. P. 73–74; Aricescu C. D. Op. cit. P. 134.

Встреча с ипсилантистами, которых возглавлял Иордаке Олимпиотул, произошла через три дня у местечка Голешть и ничуть не походила на дружественную: два отряда в боевой готовности выстроились друг против друга. Вожди встретись в центре, каждый в сопровождении взвода бойцов. Иордаке обвинил Тудора в сношениях с турками, а тот клялся, что хочет вместе с греками сражаться с неверными.

В лагере Владимиреску царило уныние и недовольство, и не только по причине, как представлялось, обреченности движения. Пандурская вольница дисциплины не признавала, а Владимиреску был крут на расправу с мародерами, по пути в Голешть он предал смерти 24-х повинных в грабежах, двоих зарубил саблей лично, еще с одним расправился в лагере. Доброжелатели его предупреждали — он играет с огнем, вождь молвил в ответ, что давно уже носит смертную рубаху¹⁹. Пандуры роптали, капитаны учинили заговор. В ночь на 21 мая в лагерь Олимпиотула послали гонца с просьбой приехать. Тот явился.

Здесь следует сказать об одной из версий событий того дня, без которой гибель вождя превращается в загадку. По этой версии Владимиреску, покидая Бухарест, обратился к туркам с предложением ударить силами пандур в тыл этеристам. Иордаке зачитал капитанам текст якобы перехваченного мнимого письма, а собравшейся толпе пандуров заявил, будто бы Тудор собирался выдать их туркам на расправу. Никто не поднялся на его защиту, его обезоружили и, связанного, на лошади увезли в лагерь Олимпиотула, а оттуда, уже на почтовом возке, — в Тырговиште, к Ипсиланти. После имитации суда его передали в руки двух головорезов, которые ночью его пытали, а утром предали смерти, то ли повесив его, то ли зарубив саблями. В греческой историографии кончина Владимиреску именуется казнью, в румынской — расправой.

После его смерти большая часть пандуров разошлась по домам, меньшая, человек 800, примкнула к ипсилантистам. В рядах этеристов царила тревога, наемники требовали выплаты жалования, а деньги отсутствовали. Выдержать натиск турецкой армии они оказались не в состоянии и потерпели поражение в битве при Дрэгэшани (7 (19) июня). Священная дружина сражалась героически и погибла почти поголовно, чего нельзя сказать о прочих. Ипсиланти скрылись в Трансильванию²⁰. Полиция князя К. Меттерниха не дремала, и остаток дней своих вождь Этерии провел в заточении.

Уцелевшие пандуры скрылись в Олтении, но 17 июля были разбиты в бою под Слобозией, их вожаки, в том числе брат Владимиреску Папу попали в плен, их увезли за Дунай, и там их следы затерялись.

¹⁹ *Otetea A.* Op. cit. P. 173–185.

²⁰ *Rascoala...* V. 1. P. 203.

* * *

Высокая Порта подумывала об учреждении в княжествах режима мухаризов (чрезвычайных комиссаров), что означало попрание их автономии. Но тут коса нашла на камень. Отношения с Россией достигли крайней напряженности — в Греции бушевала революция, турки свирепствовали, кровь лилась рекой. Из Петербурга поступали протесты против расправ и требования вывода османских войск из Молдавии и Валахии. 29 июля (10 августа) 1821 г. Строганов объявил о разрыве дипломатических отношений со Стамбулом. В Лондоне и Вене воцарилось беспокойство, как бы дело не дошло до войны. Начались сложные демарши вокруг Восточного вопроса²¹.

Султанский режим осознал — следует воздержаться от опасных экспериментов и возвратиться в княжествах к гражданскому правлению. Фанариоты скомпрометировали себя в глазах Порты, греки в княжествах оказались причастны к революции у себя на родине. И тут произошло невиданное и неслыханное, и не без давления со стороны держав: в Константинополь пригласили представителей диванов Ясс и Бухареста на предмет совета о будущем государственном устройстве княжеств, по крайней мере такое впечатление сложилось у них самих. В Молдавии и Валахии затеплилась надежда на улучшение их участи.

* * *

Жизнь героя оборвалась трагически. Но восстание поставило в повестку дня вопросы, терзавшие страну, освобождение от трех зол, над нею довлевших. В обществе еще не созрело сословие, способное возглавить буржуазную по характеру революцию. Отсюда — нечеткость, размытость выдвинутых Владимиреску требований, выполненным оказалось лишь одно — рухнул фанариотский режим (1822 г.), произошло возвращение к старому обычаю — назначению князей из числа местных бояр, что означало серьезное укрепление автономного статуса княжеств. Чрезвычайно интересна процедура, сопровождавшая конец фанариотской эпохи, прием, оказанный в Стамбуле представителям двух диванов. Султан до приема своих молдо-валахских подданных не снизошел, аудиенция состоялась у великого везира. Бояре вошли в зал, где на оттоманке восседал вельможа, отвесили низкий, до земли поклон, облобызали покрывало на тахте. Засим им разрешили встать и преподнесли по чашке кофе²². Церемония должна была подчеркнуть подчиненное положение княжеств.

Но выпало ведь только среднее, промежуточное звено гнета, а основное, турецкое, сохранилось. Восстание подвигло общество к поискам

²¹ См. главу наст. кн. «Союз и соперничество антагонистов...».

²² *Xenopol A. D. Epoca fanariotilor 1711–1821. Iasi, 1892. P. 509.*

путей избавления от других зол, дало толчок развитию общественной мысли, пробудило его дремавший изобличительный и реформаторский потенциал. Книжники, как тогда именовались просветители, взялись за перо. Меморандумы и проекты в 20-е годы составлялись десятками, произошел прорыв в размышлениях об усовершенствовании государственного устройства. Характерно, что книжники усматривали зло не в социальной структуре общества и не в распределении собственности, а в турецком режиме, отсюда — игнорирование проблем, которые вскоре стали бичом общества, и в первую очередь аграрной²³. Все были против «анархии толпы» и предусматривали модернизацию социальных и политических структур эволюционным путем по инициативе «сверху». В некоторых публикациях явно ощущалось стремление мелкого боярства уравниваться в правах с «великими». От этих идеологических поисков прямой путь вел к Органическим регламентам 1831–1832 гг.

* * *

Не всегда приобщение к знаниям приносило благие плоды, углубление в прошлое разводило балканские народы в разные стороны. Румынская элита, познав свое благородное римское происхождение, преисполнилась не только гордостью, но и усвоила покровительственный взгляд на соседей-славян, не обладавших, по ее мнению, столь пышным генеалогическим древом. Р. Флореску замечал: трансильванская школа просветителей «превратила румынского бедолагу в человека, гордящегося своим языком и расой»²⁴. В плане политическом это высокомерие приводило к отчужденности, румыны, по словам В. Джорджеску, «не будучи уверены в идентичности своих интересов с балканскими народами, одобряли и поощряли их борьбу за независимость, но сохраняли за собой полную свободу действий». Джорджеску именовал эту позицию отстраненности «благожелательным нейтралитетом». Из 208 просмотренных им меморандумов, относящихся к 1769–1830 гг., лишь два предусматривали сотрудничество с соседями в борьбе с общим угнетателем²⁵. Образчик такого нейтралитета продемонстрировал Тудор Владимиреску в 1821 году. И столкновение двух национальных движений нельзя сводить к ссоре двух личностей. Оно отражало необыкновенную сложность во взаимоотношениях населявших Юго-Восточную Европу этносов, их элит, наличие между ними многочисленных противоречий, что делало Балканы столь взрывоопасными и превратило их в дальнейшем в «пороховой погреб Европы».

²³ *Georgescu V. Ideile politice si iluminismul in Principatele romane. 1750–1831. Buc., 1972. P. 107, 110–112.*

²⁴ *Florescu R. Essays on Romanian History. Iasi etc, 1999. P. 309.*

²⁵ *Georgescu V. Op. cit. P. 159–160.*

Несмотря на неудачу восстания 1821 года, его значение в истории Румынии огромно. Оно дало импульс тем процессам, под знаком которых происходило развитие страны в последующие полвека, в плане социальном — в постепенном переходе к капитализму с присущим ему набором конституционных порядков и гражданских прав, в плане национальном — в укреплении автономии, объединении Дунайских княжеств, образовании Румынского государства и завоевании им независимости.

Греческий народ поднялся на революцию*

Известие о том, что в апреле 1820 г. руководство Филики Этерией принял в Петербурге Александр Ипсиланти, генерал русской армии, вызвало большой энтузиазм у этеристов. Ипсиланти действовал без какого-либо ведома и согласия Александра I — исключительно как греческий патриот. Царское правительство отнюдь не поощряло деятельность Филики Этерии, о которой, впрочем, в тот период оно знало очень мало. Официальная русская политика исходила тогда из принципа статус-кво на Балканах и улучшения русско-турецких отношений. Но надежды на помощь России в деле освобождения Греции глубоко укоренились в греческом обществе, и избрание на пост руководителя Филики Этерии русского генерала значительно увеличило престиж этой революционной организации.

Осенью 1820 г. Ипсиланти обосновался в Кишиневе. Отсюда его эмиссары отправились в различные уголки Греции с инструкциями о подготовке вооруженного восстания. Обстановка в Греции в тот период благоприятствовала тактике немедленных действий. Греческое крестьянство, страдавшее от непосильного гнета, испытывавшее произвол и притеснения турецких феодалов и «своих» коджабашей, готово было подняться на борьбу за национальное освобождение, за землю, за лучшее будущее.

На руку освободительным замыслам этеристов был и острый конфликт, вспыхнувший летом 1820 г. в стане угнетателей Греции. Престарелый эфирский деспот Али-паша Янинский, в течение трети века самовластно управлявший Эпиром, Акарнанией, Фессалией, был объявлен султаном Махмудом II мятежником и осажден в Янине султанской армией. В осаду была втянута значительная часть турецких войск, находившихся в Греции. Нарастанию греческого национально-освободительного движения способствовала и общая атмосфера в Южной Европе. Над двумя средиземноморскими полуостровами уже грохотал революционный гром. Раскаты его хорошо были слышны и на третьем полуострове — Балканском.

* В главах о Греческой революции использован материал статьи автора: *Арш Г. Л.* Греческая революция 1821–1829 годов // *Россия и Греция: История и современность.* М., 2003.

Для самого Александра Ипсиланти — человека, идейно близкого к декабристам, — борьба греков за освобождение своей страны была неразрывно связана с революционной борьбой других европейских народов. Он так писал об этом в одном из своих воззваний:

«В нынешних критических обстоятельствах, когда нации всей Европы борются за свои национальные права и ограничение власти тиранов, начала всходить и блистательная звезда благоденствия Греции»¹. К немедленным действиям побуждали и начавшие поступать в Кишинев сообщения о том, что секрет Филики Этерии уже стал достоянием Порты, готовящей жестокую расправу с греческим населением. Вечером 21 февраля (5 марта) 1821 г. Александр Ипсиланти вместе с братьями Николаем и Георгием выехал из Кишинева. Александр, взяв в июне 1820 г. отпуск, мотивированный необходимостью поездки за границу для лечения, имел заграничный паспорт, подписанный министром иностранных дел К. В. Нессельроде. На той стороне Прута Ипсиланти ожидали уже 200 всадников, высланных заблаговременно яскими этеристами. В сопровождении этого эскорта утром 22 февраля (6 марта) Александр Ипсиланти прибыл в Яссы. Через два дня он опубликовал в столице Молдавии свой манифест «В бой за веру и отечество» с призывом к греческому народу подняться на восстание. Чтобы воодушевить и ободрить своих соотечественников, А. Ипсиланти напоминал им о подвигах и славе их знаменитых предков: «Призовем снова, мужественные и великодушные еллины, свободу на классическую землю Греции! Сразимся между Марафоном и Термопилами»².

24 февраля (6 марта) 1821 г. Ипсиланти обратился также с письмом к Александру I. Глава тайного общества сообщал, что в соответствии с обязанностями в отношении своей отчизны и выполняя волю покойного отца, он решил «посвятить себя вместе с моими братьями столь справедливому делу — освобождению моей страны». Ипсиланти призывал царя вооруженной рукой прогнать османов и прибавить ко всем тем титулам, которые дала ему «европейская благодарность», еще и титул «освободителя Греции»³.

Начиная восстание на территории Дунайских княжеств, глава греческих революционеров надеялся тем самым отвлечь силы и внимание Порты от подготовки революции в самой Греции. Со своей сформированной в Молдавии и Валахии повстанческой армией А. Ипсиланти предполагал переправиться через Дунай и с боем пробиться в Грецию. Но план этот осуществить не удалось.

¹ Арш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 273.

² Современный русский перевод воззвания А. Ипсиланти: Русский архив. М., 1868. С. 294–297.

³ Alexandre Ypsilanti. Correspondance inédite, 1816–1828. Publ. par G. Arš et C. Svolopoulos. Thessaloniki, 1999. P. 76–77.

А. Ипсиланти, выйдя из Ясс и пройдя Молдавию и Валахию, 27 марта (8 апреля) подошел к Бухаресту и остановился в его предместье Колентина. К этому времени его войско, состоявшее из весьма разнородных этнических и профессиональных элементов, насчитывало около 3000 человек. В Колентине командующий повстанческой армией получил ответ на свое письмо Александру I, написанный по поручению царя И. Каподистрией 14 (26) марта 1821 г. Восстание, начатое А. Ипсиланти, осуждалось. Глава Филики Этерии обвинялся в том, что он обманул своих соотечественников, обещав им помощь России. Император, говорилось в письме, не окажет Ипсиланти никакой поддержки, «так как было бы недостойно его подрывать устои Турецкой империи позорной и преступной акцией тайного общества».

Осуждение Александром I выступления Ипсиланти деморализующе подействовало на и без того слабо дисциплинированное и плохо сколоченное войско последнего. Позиции главы греческих повстанцев также ослабил его конфликт с руководителем народного восстания в Валахии Тудором Владимиреску, результатом которого стала гибель валашского вождя⁴. 7 (19) июня 1821 г. отряд Ипсиланти потерпел поражение в битве при Драгошанах (Дрэгэшань) с вторгшейся в Дунайские княжества турецкой армией. В этой битве героически пало много членов «Священной дружины», более 200 человек, — подразделение, сформированное из греческой учащейся молодежи. Участь самого Александра Ипсиланти была трагической. Австрийские власти разрешили ему и его братьям перейти на территорию Австрии, пообещав позволить им беспрепятственный выезд в Америку. На деле же они были арестованы и провели в различных австрийских крепостях свыше шести лет. А. Ипсиланти умер в Вене 19 (31) января 1828 г., через два месяца после освобождения из крепости⁵. Короткая кампания Ипсиланти в княжествах стала прологом к долгой и кровавой драме Греческой революции 1821–1829 гг.

Восстание в Пелопоннесе началось во второй половине марта 1821 г. Сначала выстрелы прогремели на севере Пелопоннеса, недалеко от горного местечка Калаврита; это было 14 (26) марта 1821 г. Первое крупное вооруженное столкновение произошло 21 марта (2 апреля) в самой Калаврите, где 600 вооруженных греков овладели тремя укрепленными башнями, в которых оборонялись турки. 23 марта (4 апреля) восстание охватило самый большой тогда город в Пелопоннесе — Патрас (Патры), торгово-ремесленное население которого на-

⁴ См.: *Ари Г. Л.* Александр Ипсиланти и его взаимоотношения с правительством России (новые архивные данные) // *Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей.* (XVIII в. — 1878 г.). М., 1995. С. 229–230; см. также главу наст. кн. «Восстание Т. Владимиреску и поход А. Ипсиланти».

⁵ О заточении А. Ипсиланти в Австрии см.: *Ари Г. Л.* Тайный узник венского двора: Александр Ипсиланти в австрийских крепостях // *Новая и новейшая история.* 1987. № 2.

считывало 18 тыс. Местные турки укрылись в крепости, успев предварительно поджечь греческие кварталы. О дальнейшем ходе событий рассказывает в своем донесении от 27 марта (8 апреля) 1821 г. И. Н. Власопуло, генеральный консул России в Пелопоннесе, резиденция которого находилась в Патрах: 24 марта «к полудню с гор Калавриты начали спускаться один за другим отряды греческих воинов и вооруженных крестьян. Они принялись первым делом тушить пожары, которые все еще пылали... Жилища турок подверглись почти все погрому и разграблению, многие даже были сожжены. Уже установлена осада замка, в котором насчитывается едва тысяча человек, способных носить оружие; обе стороны продолжают сражаться друг против друга»⁶. В это же время началось восстание и на юге Пелопоннеса. Вооружив с помощью снаряжения, доставленного этеристами Смирны, горцев Мани, Колокотронис, Папафлессас, Петробей Мавромихалис во главе двухтысячного отряда маньятов 23 марта (4 апреля) 1821 г. вступили в Каламату (Каламе).

Восстание в разных углах Пелопоннеса началось до 25 марта (ст. стиль) 1821 г., который официально отмечается в Греции как День независимости. Легенда гласит, что именно в этот день зазвонили колокола с призывом к восстанию, встретившему всеобщий отклик. На самом деле высшее духовенство и коджабаши заняли первоначально весьма сдержанную, а когда и прямо враждебную позицию по отношению к восстанию. Верхние слои греческого общества опасались, что могут лишиться того привилегированного положения, которое они занимали при османском господстве. Крупные судовладельцы Эгейских островов, боясь лишиться своих кораблей, вначале также противились участию в национально-освободительной борьбе. Когда уже весь Пелопоннес пылал в огне, судовладельцы островов, как обычно, отправили матросов на службу в турецкий флот. Действия судовладельцев вызвали возмущение простых моряков и капитанов. 30 марта (11 апреля) 1821 г. на Идре моряки под руководством капитана Андониса Иконому захватили корабли. Здесь образовался революционный совет из трех человек, вынудивший судовладельцев Идры встать на сторону революции. Такие же события произошли несколько дней спустя и на Спеце и Псаре — двух других центрах греческого судоходства. В результате у революции появился свой флот, оказавший огромное воздействие на ход борьбы. Не только давление народных масс, но и политика самой Порты заставили верхушку греческого общества изменить свою позицию. Многие ее представители стали жертвой турецких репрессий. Еще до начала восстания турки собрали в столице Морей Триполисе (Триполис) некоторых видных местных коджабашей. Все они после начала восстания были казнены. Репрессии распространились и на Константинополь. 10 (22) апреля 1821 г. здесь был казнен 80-летний патриарх Григориос V, который не только не был этеристом, но и при-

⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX в. (ВГП). М., 1980. Сер. II. Т. IV (XII). С. 88–89.

дал анафеме Александра Ипсиланти. Жестокой казни подверглись также некоторые епископы. Такие огульные репрессии не оставили перед верхушкой греческого общества иного выбора, как встать на сторону революции.

Коджабаши и крупные судовладельцы, примкнув к восстанию, попытались взять в свои руки власть в освобожденных районах и оттеснить от руководства этеристов, опиравшихся на связанных с крестьянством военных руководителей. В мае 1821 г. коджабаши Пелопоннеса создали свой орган власти — Пелопоннесский сенат. Подобные же органы власти, состоявшие из коджабашей, возникли и в других областях Греции. В свою очередь буржуазно-демократические круги, представленные Филики Этерией, стремились сохранить за собой руководство восстанием. Их позиции усилились после того, как 8 (20) июня 1821 г. в Грецию в качестве уполномоченного главы Филики Этерии Александра Ипсиланти прибыл его брат Дмитрий.

Дмитрий Ипсиланти проявил себя одним из самых бескорыстных и самоотверженных руководителей борьбы Греции за независимость. К моменту прибытия Д. Ипсиланти в Грецию главные силы повстанцев в Пелопоннесе, общей численностью до 10 тыс. человек, были заняты осадой Триполицы. И Дмитрий Ипсиланти, кадровый российский офицер — приложил все усилия для укрепления боеспособности осаждающей армии. На свои средства он сформировал небольшую регулярную часть из 300 человек. Кроме того, он старался улучшить и организацию иррегулярных сил, осаждавших Триполицу. О роли бывшего штабс-ротмистра лейб-гвардии Гусарского полка в успешном завершении операций под Триполицей и усилении в целом боеспособности повстанческой армии видный греческий историк пишет: «...После прибытия Дмитрия Ипсиланти войска испытывают большую уверенность в победе; осада Триполицы делается систематичной, и борьба греков становится также более значимой и в глазах турок, которые узнают, что прибыл „хозяин страны“»⁷. 23 сентября (5 октября) 1821 г. Триполица была взята штурмом. В руки греков попал, таким образом, важнейший оплот турецкого господства в Пелопоннесе. Однако эту большую победу омрачила массовая резня жителей-турок, которую учинили ворвавшиеся в город повстанцы. С момента взятия Триполицы и до завершения войны за независимость главнокомандующим армией Пелопоннеса был — сначала фактически, а потом и формально — Теодорос Колокотронис (1770–1843 гг.). «Морейский старец», как называли Колокотрониса, был, несомненно, крупнейшей военной фигурой Греческой революции. Он принадлежал к потомственной семье клефтов Пелопоннеса. Знаменитый воин греческих гор не только прошел долгую и суровую школу партизанской войны, но и получил

⁷ Βακαλόπουλου Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη, 1980. Τ. 5. Σ. 638, 642.

возможность изучить тактику регулярных европейских армий. В течение ряда лет Колокотронис служил в созданных англичанами греческих подразделениях на Ионических островах и дослужился до чина майора. Во внутренней борьбе Колокотронис не всегда занимал четкую политическую позицию, но его полководческий талант и неистощимая энергия не раз помогали революции в самые критические ее моменты. Позднее, в своих воспоминаниях, он писал о тех трудностях, с которыми было связано его командование иррегулярными греческими войсками: «У каждого грека был свой каприз и свой бог, и нужно было работать с ними: одного пострашать, другому польстить — сообразно с характером людей»⁸.

Овладение Триполицей фактически завершило освобождение греками Пелопоннеса. Турки продолжали держаться здесь, при поддержке своего флота, лишь в нескольких приморских крепостях. Вслед за Пелопоннесом восстание распространилось и на Румелию⁹. Повстанцы овладели Ливадией, Фивами, Салоной (Амфисса), Афинами и другими городами. В руки восставших перешел важный порт Западной Греции Месолонги. Восстания вспыхнули и во многих других районах Греции. Но на Крите, в Эпире, Халкидики и Фессалии, где имелись значительные турецкие силы, восстание было сразу подавлено. Население греческих территорий, ставших основной ареной национально-освободительной войны, не превышало миллиона. В ходе борьбы туркам снова удалось оккупировать значительную часть освобожденных греческих областей. С начала и до конца Греческой революции ее основным оплотом оставался Пелопоннес, население которого составляло тогда не более полумиллиона. Силы в схватке были явно неравны. И только огромный героизм, упорство и свободолюбие греческого народа и предопределенные этим благоприятные для Греции изменения в международной обстановке позволили ей одержать верх в этом поединке Давида с Голиафом.

Греческую революцию, продолжавшуюся восемь с половиной лет, и органично связанный с ней период правления И. Каподистрии, можно разделить на следующие основные этапы:

- I. 1821–1823 гг. Освобождение в результате восстания части греческой территории и формирование политической структуры революционной Греции.
- II. 1823–1825 гг. Острые политические конфликты в лагере повстанцев. Гражданские войны.
- III. 1825–1827 гг. Борьба против турецко-египетского нашествия.

⁸ Βακαλόπουλος Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη, Σ. 388.

⁹ В понятие «Румелия» в период турецкого господства на Балканах вкладывалось весьма различное содержание. Греческая историография под «Румелией» имеет в виду в основном Центральную Грецию.

IV. 1828–1831 гг. Правление И. Каподистрии. Русско-турецкая война и завершение войны за независимость. Международно-правовое оформление статуса независимости. Создание основ греческой государственности.

Освобождение Пелопоннеса было прежде всего победой народных масс, и оно означало усиление демократического крыла в повстанческом лагере. Обеспокоенные коджабаши приняли все меры для того, чтобы сохранить и упрочить свое влияние, и вступили в блок с крупными судовладельцами Эгейских островов. Рупором этой верхушки греческого общества стал весьма ловкий политик Александрос Маврокордатос.

В обстановке острых противоречий и борьбы между различными группами 30 декабря (1 января) 1821 г. в Пьяду, близ развалин древнего Эпидавра, открылось Национальное собрание. 1 (13) января 1822 г. собрание приняло так называемый Эпидаврский органический статут — временную конституцию. Ей предшествовала следующая декларация, ставшая первым официальным актом революционной Греции: «Греческая нация, находившаяся под ужасным османским господством, не в состоянии вынести беспримерное и тяжелейшее иго тирании и, сбросив его ценой великих жертв, провозглашает сегодня, в лице своих законных представителей, конституировавшихся в национальное собрание, перед богом и людьми свое политическое существование и независимость»¹⁰.

Большое влияние на первую конституцию Греции оказали французские конституции конца XVIII в., особенно конституция 1795 г. В Греции устанавливался республиканский строй. Государственное устройство основывалось на принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Наибольшие права получила исполнительная власть из пяти человек. В ее компетенцию входило утверждение актов Законодательного корпуса, назначение министров и послов, верховное командование вооруженными силами. Эпидавская конституция провозгласила свободу вероисповедания, гарантию законом чести, собственности и личной безопасности граждан, запретила пытки и аресты без решения суда. Однако она оставила нерешенным жизненно важный для обезземеленного греческого крестьянства вопрос о судьбе бывшей турецкой земельной собственности в Греции.

Конституция и выборы верховных органов власти упрочили политические позиции блока крупных коджабашей и богатых судовладельцев Эгейских островов. Председателем исполнительной власти был избран А. Маврокордатос. Была отменена должность главнокомандующего — для того, чтобы лишить этого поста Дмитрия Ипсиланти. Он был избран на должность председателя Законодательного корпуса, не дававшую реальную власть.

¹⁰ Στο ίδιο. Σ. 745–746.

Султан Махмуд II отнюдь не примирился с тем, что греки отложились от его империи. Первый удар был нанесен по острову Хиос. 30 марта (11 апреля) 1822 г. к острову подошла турецкая эскадра из 46 судов, с которой был высажен десант в 7 тыс. человек, учинивший кровавую резню на острове. По некоторым данным, свыше 30 тыс. мирных жителей были убиты или проданы в рабство на невольничьих базарах Константинополя и Смирны (Измир)¹¹. Цветущий остров, который называли «садом архипелага», был превращен в пустыню. Греческий флот в ответ ударил по турецкой эскадре и вынудил ее укрыться в Дарданеллах.

Тем же летом 1822 г. отборная 30-тысячная армия Махмуд-паши Драмали вторглась в Пелопоннес. В момент грозной опасности правительство показало свою неспособность поднять массы для спасения революции. Это сделали тесно связанные с народом военные руководители, и прежде всего — Колокотронис. Греческие отряды во главе с Колокотронисом, Никитарасом и Д. Ипсиланти преградили путь турецкому полководцу. Страдая от недостатка припасов, тая от вспыхнувшей эпидемии дизентерии, войска Махмуд-паши в конце июля 1822 г. начали отход к Коринфу. Заняв проходы, контролирующие эту горную дорогу, Колокотронис и его сподвижники нанесли сокрушительные удары по деморализованным, в беспорядке отступавшим войскам противника. Из всей армии Махмуд-паши спастись удалось лишь нескольким тысячам солдат. Победа эта, одержанная крестьянами и клефтами, усилила позиции демократического крыла в руководстве восстанием. Пелопоннесские капитаны, разгромившие армию Махмуд-паши, провозгласили Колокотрониса главнокомандующим, и правительство вынуждено было утвердить это решение.

Борьба греков за освобождение вызвала огромное сочувствие в Европе и дала мощный импульс филэллинскому движению. Движение это с начала греческой революции охватило страны Западной Европы и США¹². Сочувствие выражали люди различного общественного положения и политических взглядов: дворяне, священники, университетские профессора. В европейских и американских городах действовали филэллинские комитеты, занимавшиеся сбором средств для сражавшейся Греции. В этом довольно аморфном общественном движении имелось сильное демократическое течение. Его составляли участники европейского революционного движения, видевшие в греческих повстанцах своих братьев по духу. Именно из рядов борцов за свободу и

¹¹ Βακαλοπούλου Α. Ιστορία... Τ. 6 (1982). Σ. 82.

¹² О филэллинском движении существует значительная литература. Назовем здесь несколько *during the War of Greek Independence, 1821–1833*. Thessaloniki, 1955; *Barth W., Kehrig-Korn M. Die Philhellenenzeit*. München, 1960; *Irmscher J. Der Philhellenismus in Preussen als Forschungsanliegen*. B., 1966; *Woodhouse C. The Philhellenes*. L., 1969; *Loukatos S. Le philhellénisme balkanique pendant la lutte pour l'Indépendance hellénique // Balkan Studies*. Thessaloniki, 1978. Vol. 19. № 2; Δημάκη Ι. "Φιλέλληνικά". Μελέτες γιά το φιλελληνισμό κατά την ελληνική επανάσταση του 1824. Αθήνα, 1992.

против тирании вышли филэллины в узком значении этого слова — волонтеры, принявшие непосредственное участие в вооруженной борьбе за независимость Греции. Много добровольцев прибыло в Грецию и из соседних балканских стран. Непосредственным участником борьбы за освобождение Греции стал великий английский поэт Д. Байрон. В конце декабря 1823 г. он как представитель греческого комитета в Лондоне прибыл в Месолонги. Находясь более трех месяцев в этом важнейшем оплоте повстанцев, Байрон, не жалея ни сил, ни собственных средств, приложил большие усилия для повышения боеспособности греческих войск и сглаживания противоречий в греческом лагере, пока 7 (19) апреля 1824 г. болезнь не оборвала его жизнь.

В России, связанной с Грецией общностью веры, прочными культурными и экономическими узами, известие о восстании греков вызвало огромную волну сочувствия восставшим¹³. Правда, после того, как Александр I в марте 1821 г. осудил выступление Александра Ипсиланти, в условиях самодержавно-полицейской России филэллинское движение не могло развиваться в таких формах, как в странах Западной Европы. Но русское общество использовало любую возможность, чтобы выразить свое сочувствие греческим повстанцам. Когда в июле 1821 г. в России был официально объявлен сбор пожертвований в пользу беженцев из Османской империи, то были собраны миллионы рублей. Эти деньги распределяли созданные по распоряжению правительства Одесская и Кишиневская греческие вспомогательные комиссии. Только в распоряжении Одесской греческой вспомогательной комиссии поступило от населения России 1 млн 150 тыс. рублей¹⁴. Среди участников подписки было много людей весьма скромного достатка. Революцию приветствовали и видели в ней воодушевляющий пример передовые люди России. В торжество справедливого дела греков глубоко верил А. С. Пушкин. 2 (14) апреля 1821 г., когда исход борьбы в Греции был еще покрыт мраком неизвестности, поэт записывал в своем дневнике: «Я твердо уверен, что Греция восторжествует и 25 млн турков оставят цветущую страну Эллады законным наследникам Гомера и Фемистокла»¹⁵. В числе горячих приверженцев дела греческой свободы в России были декабристы. Греческий вопрос (прежде всего — под углом оказания военной помощи борющейся Греции) занимал, несомненно, важное место во внешнеполитической программе декабристов. Об этом свидетельствует, в частности, записка П. И. Пестеля «Царство Греческое», обнаруженная после его ареста в числе других

¹³ Серьезное исследование об отношении русского общества к Греческой революции опубликовал недавно американский историк Т. Прусис. См.: *Prousis Th. Russian Society and the Greek Revolution*. Northern Illinois University Press, 1994.

¹⁴ *Пятигорский Г. М. Деятельность Одесской греческой комиссии в 1821–1831 гг. (По материалам Государственного архива Одесской обл.) // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8: Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX в. С. 148.*

¹⁵ *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 16 т. М.; Л., 1937–1949. Т. 12. С. 302.*

подпольных материалов¹⁶. Сочувствовали грекам не только прогрессивная общественность России. Симпатии к греческому делу высказывали и консервативные круги русского общества. Эти вполне верно-подданные и благонамеренные элементы были убеждены, что православная Россия должна поддержать своих «восточных братьев» в их борьбе. Русские не только сочувствовали борьбе греков за освобождение, но и приняли в нем непосредственное участие. Правда, в литературе долгое время фигурировало имя только одного русского филэллина — Н. А. Райко¹⁷. Изыскания последних лет в российских и греческих архивах позволили значительно пополнить список русских филэллинов. В кампании Ипсиланти в Дунайских княжествах участвовали отставные офицеры А. Куликовский, В. Султанов, А. Костин¹⁸. Некоторые русские, помимо Н. А. Райко, участвовали и в битвах на греческой земле. Так, И. Афанасьев, мастер по строительству брандеров, изготовил для греческого флота пять таких судов, предназначенных для поджога вражеских кораблей. В составе команды одного из этих брандеров он участвовал 7 (19) июля 1821 г. во взрыве 74-пушечного турецкого корабля у острова Лесбос. И. Березанский, капитан российской службы, прибыл в Грецию вместе с двумя братьями и участвовал в военных действиях в Пелопоннесе и на Крите. А. Протопопов служил в чине лейтенанта в греческой кавалерии и принял активное участие в боях на Хиосе в конце 1827 – начале 1828 г.¹⁹

Считаясь с настроениями общественности, изменило свою позицию и самодержавие. В конце 1822 г. на конгрессе Священного союза в Вероне его участники отказались разговаривать с представителями греческого правительства — как с мятежниками против своего «законного государя». Но непреклонная решимость греческого народа любой ценой добиться своего освобождения показала европейской дипломатии невозможность восстановления статус-кво в Греции. Таким образом, на повестку дня стал Восточный вопрос, по которому между европейскими державами существовали острые противоречия. Определенную переоценку своей политики в отношении Греции произвела Англия. По инициативе Джорджа Каннинга, ставшего в 1822 г. министром иностранных дел, английское правительство в марте 1823 г. признало Грецию воюющей стороной. В следующем году Греция получила

¹⁶ Подробный анализ этого произведения см.: Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М., 1969. С. 216–303. Об отношении декабристов к Греческой революции см. также: Достян И. С. Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980. С. 222–289; Орлик О. В. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984. С. 84–101.

¹⁷ См.: Достян И. С. Русский участник греческой революции // Вопросы истории. 1978. № 6.

¹⁸ См.: Ариш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 299; Тодоров Н. Балкански измерения на гръцкото въстание от 1821 година. Приносът на българите. София, 1984. С. 148–149.

¹⁹ Лукатос С. «Памятник» русским филэллинам // Балканские исследования. М., 1989. Вып. 11: Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.) С. 76–81.

английский заем. Этими акциями, предпринятыми в разгар борьбы Греции за независимость, Форин офис заблаговременно стремился обеспечить политическое и экономическое преобладание Англии в новом государстве. Вынужденное в определенной мере считаться с общественным мнением и встревоженное усилением английского влияния в Греции в ущерб российскому, правительство Александра I разорвало отношения с Портой и выступило с планом урегулирования греческого вопроса. В январе 1824 г. оно обратилось к европейским кабинетам с «Мемуаром об умиротворении Греции», предусматривавшим разделение Греции на три автономных княжества под сюзеренитетом Порты. Этот план, предложенный на рассмотрение состоявшейся в 1824–1825 гг. в Петербурге конференции держав, не получил их одобрения. Содержавшееся в плане ограничение независимости Греции вызвало отрицательную реакцию ее правительства²⁰.

В самой Греции военные действия после 1822 г. продолжались с неослабевающей силой. Правда, греки отразили первый натиск султанских армий, и война на греко-турецком фронте приняла статичный характер. Но ослабление внешней опасности резко обострило внутренние противоречия в лагере революции. Возник новый фронт военных действий — греко-греческий.

В 1823–1825 гг. Пелопоннес стал ареной двух гражданских войн. Причины их были весьма сложны. Тут переплелись и острые социальные противоречия, в частности — борьба крестьянства за раздел поместий, конфискованных у турецких землевладельцев, и борьба за власть между отдельными политическими группами, и честолюбивые стремления Колокотрониса к единоличной диктатуре. Эти войны отразили разнородный и антагонистический характер социальных сил, временно объединившихся в борьбе за национальное освобождение. Из-за недостатка места мы можем лишь схематично изложить запутанные перипетии этих войн.

Первая война вспыхнула в конце 1823 г. В ней военные руководители во главе с Колокотронисом вступили в борьбу с крупными коджабашами Пелопоннеса, действовавшими в союзе с судовладельцами Идры. Каждая сторона сформировала свои органы власти, так что Греция в начале 1824 г. имела две палаты депутатов и два правительства. Война закончилась в июле 1824 г. поражением Колокотрониса и его приверженцев.

Вторая гражданская война началась в ноябре 1824 г. В ней столкнулись две господствующие группировки: коджабаши Пелопоннеса и судовладельцы Идры. К пелопоннесским коджабашам примкнул Колокотронис; судовладельцы же Идры использовали военные силы ка-

²⁰ Краткий обзор политики России в греческом вопросе в 1821–1830 гг. с соответствующей библиографией см.: ВПР. Сер. II. Т. VIII (XVI). С. 631–636; см. также главу наст. кн. «Союз и соперничество антагонистов, или англо-российские отношения в 20-е годы».

питанов Румелии. Война завершилась в январе 1825 г. поражением коджабашей. Отряды румелиотов вторглись в Пелопоннес и опустошили его так, как будто это была вражеская территория. Колокотронис, потерявший в этой войне своего сына Паноса, был арестован и заточен в монастырь Пророка Ильи на Идре. В результате второй гражданской войны крупная судовладельческая буржуазия Идры оттеснила от власти полуфеодалную знать Пелопоннеса.

Через тяжкие испытания к независимости. Каподистрия, первый президент Греции

Пока шла внутренняя борьба в лагере повстанцев, на освобожденную Грецию надвинулась новая грозная опасность. Сухопутные и морские армады врага сосредотачивались у ее пределов для нового вторжения. Удар по северной части освобожденной территории наносила из района Янины турецкая армия Мехмеда Решид-паши; для наступления с юга предназначалась египетская армия Ибрахим-паши. Обещанием уступки Крита и Пелопоннеса султан сумел вовлечь в войну против греческого народа своего могущественного вассала, правителя Египта Мухаммеда Али. С моря действия турецкой и египетской армий должны были поддерживать турецкая, египетская и тунисская эскадры.

12 (24) февраля 1825 г. авангард армии Ибрахим-паши высадился на юге Пелопоннеса в районе Метони. С созданием неприятелем этого плацдарма военное положение Греции весьма осложнилось. Армия Ибрахим-паши состояла из регулярных подразделений, обученных французскими инструкторами, многие из которых непосредственно участвовали в боях. Наиболее же опытные греческие военные руководители находились в это время в тюрьме или преследовались. Меры по организации отпора врагу, принятые находившимся у власти правительством судовладельцев Идры, носили отпечаток растерянности и непродуманности. Главнокомандующим был назначен глава правительства, крупный банкир и судовладелец Георгиос Кундуриотис. Командующим же сухопутными силами был назначен моряк Кирьякос Скуртис¹.

Через два месяца после высадки Ибрахим-паша начал продвижение на север. В анналы греческой революции вошла битва при Маньяки 20 мая (2 июня) 1825 г. Здесь видный этерист Панафлессас, подобно древнему спартанскому царю Леониду, с 300 воинами встал на пути 6-тысячной армии Ибрахима-паши. Все смельчаки вместе со своим командиром пали в этом неравном бою. В апреле-мае 1825 г. пали крепости Старый и Новый Наварин, в июне — Триполица. Прави-

¹ Βουρνά Τ. Σύντομη ιστορία της Ελληνικής Επανάστασης. [Αθήνα, 1966]. Σ. 166.

тельство Кундуриотиса было вынуждено под давлением общественного мнения предоставить амнистию Колокотронису и назначить его главнокомандующим вооруженными силами Пелопоннеса. Новый главнокомандующий видел спасение революции в вовлечении в борьбу широких масс крестьянства. Он обратился к крестьянам с призывом: «Собирайтесь братья, чтобы нас не увели в рабство арабы. У нас нет другой помощи, кроме нашего оружия»². Эти простые и ясные слова дошли до сознания народа. Не имея надежды разбить армию Ибрахима-паши в открытом бою, греческий полководец с успехом стал применять против нее тактику партизанской войны, основным принципом которой было «нападай и убегай».

В эти же месяцы ожесточенные бои развернулись и в Румелии. 13 (25) апреля 1825 г. 20-тысячная армия Мехмеда Решид-паши появилась у Месолонги. Через два с половиной месяца к городу подошла турецкая эскадра из 40 кораблей, замкнув таким образом кольцо осады. Город окружал лишь земляной вал со рвом. В систему оборонительных сооружений Месолонги входили также батареи, башни и бастионы, построенные горожанами после начала революции. В обороне города, вместе с гарнизоном в 3 тыс. человек, участвовало все его население³.

Штурм продолжался три дня в июле и был отбит с большими потерями для осаждавших. После этого борьба под стенами города приняла затяжной характер. Турки пытались с помощью подкопов пробить брешу в обороне, но все их замыслы, срывали искусные греческие саперы. Моральный дух турецкого войска падал. Некоторые отряды покинули лагерь Мехмеда Решид-паши, он был вынужден обратиться за помощью к своему сопернику Ибрахим-паше.

12 (24) декабря 1825 г. под Месолонги высадился авангард 12-тысячной армии Ибрахима-паши. Железное кольцо блокады зажало город с суши и моря. Непрерывная бомбардировка города, не прекращавшаяся ни днем, ни ночью, большая часть городских домов была разрушена. Возобновилась минная война. Турецко-египетские войска несли значительные потери при попытках овладеть отдельными опорными пунктами города. Неудачный общий штурм, предпринятый осаждающими 16 (28) февраля 1826 г., также стоил им больших потерь. Но и ряды защитников города таяли. Больше, чем вражеские ядра и пули, их косил голод. Исчерпав все возможности сопротивления, защитники и жители решили оставить город и пробиваться через вражеские линии. Этот массовый исход произошел в ночь с 10 на 11 апреля (22–23 апреля) 1826 г. Только 1300 человек сумели пробиться через мощное кольцо блокады. Остальные погибли в бою или были истреблены ворвавшимися в город турецко-египетскими войсками.

² Βορνά Τ. Σύντομη ιστορία της Ελληνικής Επανάστασης. Σ. 170.

³ Подробнее об обороне Месолонги см.: Στο ίδιο. Σ. 184–200.

Шесть тысяч женщин и детей, захваченных в Месолонги, были проданы в рабство.

Известие о трагической развязке борьбы за Месолонги вызвало в Европе огромное сочувствие к борющейся Греции и дало новый импульс филэллинскому движению. Возобновились и попытки коллективного вмешательства европейских держав с целью прекращения войны в Греции.

После вступления на престол Николая I активность российской дипломатии в Восточном вопросе усилилась. Под влиянием более решительной позиции России в английской политике проявилась тенденция к достижению с ней соглашения по греческим делам. 23 марта (4 апреля) 1826 г. в Петербурге был подписан англо-русский протокол, предусматривавший сотрудничество между обеими державами в деле прекращения греко-турецкой войны на основе предоставления Греции полной внутренней автономии. Прошло немногим более года, и 24 июня (6 июля) 1827 г. в Лондоне была заключена англо-франко-русская конвенция. Она содержала основные положения Петербургского протокола и дополнительную секретную статью, включенную по настоянию русских дипломатов, которая в свою очередь предусматривала принятие указанными державами принудительных мер для прекращения военных действий в Греции⁴.

Пока европейская дипломатия обсуждала, как «умиротворить» Грецию, война продолжалась с неослабевающим ожесточением. В 1826–1827 гг. Греческая революция переживала наиболее критический период своего развития. После падения Месолонги почти вся Румелия покорилась Мехмеду Решид-паше. Греки держались еще только в афинском Акрополе, который с августа 1826 г. осаждала 10-тысячная армия Решид-паши. Ибрахим-паша же, вернувшись в Морею, возобновил ее опустошение.

Пройдя с севера на юг всю Морею, Ибрахим-паша в июне 1826 г. подошел к горам Мани, но покорить горцев не смог. Появились признаки улучшения военной ситуации и в Румелии. Один из капитанов клефтов Георгиос Караискакис проявил недюжинный полководческий талант. В результате блестящей четырехмесячной кампании значительная часть Румелии снова была очищена от турок.

В греческом лагере не утихала и внутренняя борьба. Новое направление ей придала усилившаяся дипломатическая активность великих держав в греческом вопросе, в стране образовались английская, французская и русская партии. Большая часть военных предводителей принадлежала последней. Ее возросшее влияние проявилось в решении, принятом 2 (14) апреля 1827 г. Национальным собранием в Тризине: избрать бывшего русского статс-секретаря по иностранным делам Иоанна Каподистрию президентом Греции.

⁴ См.: Международные отношения на Балканах 1815–1830 гг. М., 1983. С. 180–192.

Введение должности президента⁵ означало существенное нововведение в государственной организации освобожденной Греции, закрепленное принятой Национальным собранием в Тризине новой конституцией. В ней получили дальнейшее развитие буржуазно-демократические принципы Эпидаврской конституции. Здесь впервые был провозглашен принцип суверенитета народа. Значительно расширялись права Законодательного собрания. Декларация прав, приложенная к конституции, гарантировала равенство граждан перед законом, свободу печати и слова. Она ставила вне закона рабство, отменяла дворянские титулы, исключала духовенство из государственной службы, провозглашала свободу вероисповедания⁶. Новая конституция оказалась весьма недолговечной, но ее принципы стали впоследствии оружием демократических сил греческого общества, боровшихся против посягательств на гражданские права и свободы.

До прибытия Каподистрии в Грецию верховную власть взял на себя созданный Национальным собранием правительственный совет. В Национальном собрании сторонникам английской партии удалось добиться назначения британских офицеров Черча и Кохрена главнокомандующими греческих сухопутных и морских сил. Новые назначенцы, плохо знавшие местные условия и жаждавшие быстрой и эффектной победы, навязали греческой армии в Аттике план лобовой атаки турецких позиций под Афинами. Последствия были катастрофическими. В ходе неудачного штурма 24 апреля (6 мая) 1827 г. погиб цвет греческой армии. Гарнизон Акрополя, не имея больше надежды на избавление, 25 мая (6 июня) 1827 г. капитулировал. В результате вся Греция к северу от Коринфского перешейка оказалась во власти турок.

Теперь территория свободной Греции была ограничена частью Мореи и несколькими островами Эгейского моря. Население ее уже седьмой год испытывало непомерные тяготы и жестокие бедствия войны. Повсеместно чувствовалась усталость, к которой кое-где примешивались настроения уныния и безысходности. Обещанием амнистии и всякими поблажками и подачками Ибрахиму-паше удалось добиться «добровольного подчинения» некоторых деревень и капитанов. Новая тактика врага создавала грозную опасность раскола для борющейся Греции.

В этот критический момент на пособников врага был обрушен революционный террор. По всей Морее звучал знаменитый лозунг Коллотрониса «топор и огонь для подчинившихся». Одновременно была объявлена мобилизация всего населения в возрасте от 15 до 60 лет. У коджабашей, отказывавшихся оказывать содействие военным усилиям нации, проводилась реквизиция продовольствия и военного снаряжения. Эти меры, от которых веяло духом якобинской диктату-

⁵ Формально эта должность называлась *кивернитис*, т. е. *правитель*.

⁶ *Kaltchas N.* Introduction to the Constitutional History of Modern Greece. N. Y., 1940. P. 51–52.

ры, оказались действенными. Многие из тех, кто «добровольно подчинился» Ибрахим-паше, вернулись в революционный лагерь.

Реакция на Лондонскую конвенцию в свободной Греции и в Турции была противоположной. Греческое правительство приняло ее. Порта же в ответ решила попытаться ликвидировать последние очаги греческого сопротивления и, таким образом, сделать конвенцию беспредметной. Турецкие паши форсированно готовились к операциям против крепости Навплия — резиденции греческого правительства, и острова Идры — основной базы греческого флота. Войска Ибрахима-паши начали варварское опустошение Мессинии (юго-западный Пеллопоннес), сжигая постройки и уничтожая всю растительность. Все это делалось чуть ли не на глазах у адмиралов союзных держав, прибывших в греческие воды в соответствии с секретной статьей Лондонской конвенции. В этой ситуации адмиралы действовали весьма решительно. Днем 8 (20) октября 1827 г. соединенная эскадра Англии, России и Франции из 26 кораблей вошла в Наваринскую бухту, где находилась стоянка турецко-египетского флота, насчитывавшего 82 корабля. Турки первыми открыли огонь. Весь бой шел на коротких дистанциях и характеризовался большим ожесточением и разрушительностью. В ходе ожесточенного четырехчасового сражения большая часть турецко-египетских судов была уничтожена. Потери в людях турко-египтян составили 6 тыс. убитыми и 4 тыс. ранеными. Соединенная эскадра не потеряла ни одного корабля, но многие из них были повреждены.

В победу союзников в этой знаменитой морской битве, сыгравшей огромную роль в судьбах Греческой революции, достойный вклад внесла русская эскадра. В состав ее входили четыре линейных корабля и четыре фрегата. Их экипаж состоял из 3764 человек, вооружение — из 466 орудий. На корабле «Азов» держал свой флаг командующий эскадрой контр-адмирал Л. П. Гейден. Командиром флагманского корабля и начальником штаба эскадры был выдающийся военный моряк и ученый мореплаватель М. П. Лазарев⁷.

Все русские моряки, от адмирала до матроса, проявили в Наваринском бою мужество, верность служебному долгу, воинское мастерство. «Не нахожу достаточных выражений, — писал Л. П. Гейден в своем донесении Николаю I, — дабы изъяснить вашему величеству храбрость, присутствие духа и усердие капитанов, офицеров и нижних чинов, оказанные ими во время кровопролитного сего сражения; они дрались как львы против многочисленного, сильного и упорного неприятеля»⁸. Среди отличившихся в сражении были лейтенант Павел Нахимов, мичман Владимир Корнилов и гардемарин Владимир Истомин — будущие герои Севастопольской обороны 1854–1855 гг.

⁷ Броневский В. Наваринская битва 8 октября 1827 г. // Военный журнал. СПб., 1829. № 3. С. 31.

⁸ Лазарев М. П. Документы. М., 1952. Т. 1. С. 323.

Наваринская битва имела широкий международный резонанс. Русское правительство сочло его естественным следствием Лондонской конвенции. Но в западных столицах эта весть была встречена с беспокойством. Особенно встревожились английские тори, видевшие в Османской империи оплот против России. Король Георг IV назвал Наваринскую битву «досадным событием». Подписывая указ о награждении адмирала Кодрингтона, командовавшего английской эскадрой, орденом Бани, король написал на полях: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает веревки»⁹.

Султан, несомненно, был осведомлен о реакции западных держав на Наваринское сражение. Главным своим врагом он считал Россию, и против нее после Наваринского сражения были предприняты различные санкции, включая одностороннее аннулирование ранее заключенных русско-турецких договоров. В результате 14 (26) апреля 1828 г. началась русско-турецкая война, создавшая благоприятные предпосылки для успешного завершения национально-освободительной борьбы греческого народа. За три месяца до начала русско-турецкой войны в Грецию прибыл Иоанн Каподистрия. Этот видный государственный деятель и блестящий дипломат, преданный интересам своей страны, был, однако, чужд демократическим идеалам революции, что не могло не отразиться на его правительственной деятельности.

К моменту прибытия Каподистрии военное и экономическое положение Греции было тяжелым, если не катастрофическим. Значительная часть ее территории, в том числе почти все важнейшие крепости и порты, находились в руках врага. В оставшихся у греков замках и крепостях сидели капитаны, не считавшиеся с правительством и тиранившие жителей. Государственная казна была пуста. Около 25 тыс. солдат, не получавших содержания, бродили группами по стране и чинили насилия. Греческие воды кишели пиратами.

Первые шаги Каподистрии были направлены на улучшение финансового положения страны, чему способствовали субсидии, предоставленные ей Францией и Россией. В частности, царское правительство в 1827–1830 гг., по некоторым данным, оказало Греции финансовую помощь на сумму в 3,5 млн франков¹⁰. Кроме того, в распоряжение Каподистрии были переданы значительные денежные суммы, собранные греками России в пользу своих соотечественников. Для увеличения государственных доходов была восстановлена средневековая десятина на всю сельскохозяйственную продукцию и увеличены налоги, вся тяжесть которых легла на народные массы.

⁹ См.: *Шпаро О.* Внешняя политика Каннинга и греческий вопрос // Вопросы истории. 1947. № 12. С. 60.

¹⁰ *Василенко О. В.* О помощи России в создании независимого греческого государства // Новая и новейшая история. 1959. № 3. С. 149. (Франк равнялся тогда приблизительно 1 рублю ассигнациями.)

Каподистрия принял энергичные меры и для поддержания внутреннего порядка. Греческий флот уничтожил пиратские гнезда на Крите и Северных Спорадах. Были созданы регулярная армия и флот. Эти меры нанесли удар по наследственной власти и влиянию крупных полуфеодальных родов и других партикуляристских элементов. Большие усилия прилагал президент и для распространения просвещения. При правлении Каподистрии в Греции была создана государственная система начального обучения. Открылись первые больницы. С помощью системы карантинных была прекращена вспыхнувшая в 1828 г. в Пелопоннесе и на островах эпидемия чумы. Тогда же была организована почтовая служба.

В первые два года правления Каподистрии основной целью всех его усилий было успешное завершение войны за независимость. Дипломатические демарши Каподистрии, требовавшего от союзников принудить Ибрахима-пашу эвакуировать свои войска, увенчались успехом. Вытеснению египтян с полуострова способствовала высадка там в августе 1828 г. французского корпуса генерала Мезона в 6 тыс. человек. В октябре 1828 г. последние части армии Ибрахима отправились в Египет.

После очищения Пелопоннеса на повестку дня встал вопрос об освобождении Румелии. Осуществление этой операции имело большое политическое значение, так как в ходе дипломатических переговоров по греческому вопросу Англия добивалась, чтобы территория греческого государства была ограничена Пелопоннесом и Кикладами. Воспользовавшись отвлечением значительной части турецких сил на войну с Россией, греческие войска развернули успешное наступление в Румелии. В их руки перешли Вонича, Макронорос, Навпактос, Месолонги, Фивы. 12 (24) сентября 1829 г. 2300 греческих бойцов во главе с Дмитрием Ипсиланти, назначенным Каподистрией главнокомандующим войсками Восточной Румелии, в бою у прохода Петры, на дороге между Фивами и Ливадией, нанесли поражение туркам в последней битве Греческой революции.

В соответствии со статьей 10-й мирного договора, заключенного 2 (14) сентября 1829 г. в Адрианополе между русскими и турецкими представителями, Порта обязалась признать автономию Греции. Таким образом, русско-турецкая война 1828–1829 гг. стала решающим внешним фактором, обеспечившим успешное завершение Греческой революции.

22 января (3 февраля) 1830 г. представители держав в Лондоне подписали новый протокол, которым уничтожалась какая-либо зависимость Греции от султана и последняя объявлялась независимым государством. 12 (24) апреля 1830 г. Порта признала независимость Греции. Хотя Лондонским протоколом державы-покровительницы сильно урезали границы нового государства и навязали ему монархический строй, налицо был исторический шаг большого прогрессивного значения.

Греческая национально-освободительная революция 1821–1829 гг. стала поворотным пунктом в истории греческого народа и одним из важных событий мировой истории. Греки, испившие до дна горькую чашу унижений и страданий за долгие века чужеземного господства, обрели, наконец, собственный национальный очаг. Создались и благоприятные предпосылки для развития в стране капиталистических отношений. Революция 1821–1829 гг. оставила новогреческому обществу и неоценимое духовное наследство — живую и неистребимую демократическую традицию, всегда являвшуюся опорой истинных демократов и патриотов в борьбе против тирании и произвола, за лучшее будущее страны.

К этому будущему Грецию вела торная дорога. Сразу после своего рождения греческое государство столкнулось с очень сложными проблемами незавершенности национального освобождения: свободу пока обрела малая и самая бедная часть греческих земель. Под османским господством остались Эпир, Фессалия, греческие области Македонии, большинство Эгейских островов. Под властью Великобритании по-прежнему находились Ионические острова, которые она приобрела по Парижскому договору 1815 г. Но и положение тех греков, которые обрели свободу, оставалось тяжелым. Правда, крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения, избавилось от национального гнета и полукрепостной зависимости от турецких помещиков. Но крестьяне по-прежнему являлись безземельными арендаторами, хотя государство в результате ликвидации турецкого землевладения получило большой земельный фонд. Эти проблемы многие десятилетия будоражили политическую жизнь Греции. Каподистрия был первым греческим государственным деятелем, кто попытался их решить.

Хотя Каподистрия в принципе признал Лондонский протокол от 3 февраля 1830 г., он в то же время выразил несогласие с его территориальными положениями. Он отказался вывести греческие войска с освобожденных ими территорий в Румелии, которые, согласно протоколу, должны были быть возвращены Порте. Свой дипломатический опыт и личные связи президент использовал для достижения более благоприятного для Греции решения вопроса о ее границах. За положительное для Греции решение территориальных вопросов выступала и Россия¹¹. Усилия Каподистрии не остались бесплодными. По соглашению между представителями трех держав и Порты от 9 (21) июля 1832 г., сухопутная граница Греции была продвинута до линии Арта-Волос. Но это произошло уже после смерти президента.

По прибытии в Грецию Каподистрия объявил о своем плане наделяния неимущих сельских жителей землей, что привело бы к созданию слоя мелких земельных собственников, который мог стать соци-

¹¹ См.: Лулес Д. Образование греческого государства и Россия (1821–1832) // Советское славяноведение. 1980. № 3. С. 41–43.

альной опорой государственной власти. Но занятость Каподистрии другими неотложными проблемами и обструкция Сената, где преобладали консервативные элементы, не позволили ему провести аграрную реформу. Ряд мер паллиативного характера для улучшения положения в сельском хозяйстве президент все же смог осуществить. Были выделены значительные земельные массивы для поселения крестьян, деревни которых были разрушены в результате нашествия египтян. В деревне Тиринф была создана образцовая ферма, на базе которой было открыто сельскохозяйственное училище.

При Каподистрии существенные изменения произошли и в политической системе Греции. Отнюдь не являясь противником конституционного правления, он по прибытии в Грецию пришел к выводу, что демократическая Тризинская конституция не подходила для того критического положения, в котором находилась страна, ибо мешала принятию важных мер, как того требовал момент. Поэтому Каподистрия попросил парламент временно приостановить действие конституции и осуществить самороспуск. 18 (30) января 1828 г. парламент принял резолюцию, предоставлявшую Каподистрии фактически диктаторские полномочия¹². Пока шла война за независимость, чрезвычайные полномочия главы греческого государства не подвергались сомнению. Их утвердило Четвертое Национальное собрание, состоявшееся в июне 1829 г. в Аргосе. Национальное собрание одобрило все действия Каподистрии. Собрание предложило Каподистрии назначить его пожизненным президентом и, получив его отказ, торжественно объявило о намерении избрать суверена, т. е. превратить Грецию в монархическое государство. Это решение соответствовало и собственным представлениям Каподистрии о политической будущности независимой Греции, он считал что для Греции наиболее подходит конституционная монархия с народным представительством в лице Национального собрания¹³.

В целом внутренние и внешние мероприятия Каподистрии во многом объективно отвечали потребностям общественного развития Греции. Президент проявил себя как самоотверженный и бескорыстный патриот своей страны. Он не только отказался получать жалованье как глава государства, но и свое личное имущество использовал для государственных нужд. Этот опытный политик упорно продвигался к намеченной большой цели: постепенно преодолеть социально-экономическую отсталость страны, просветить народ и сделать Грецию современным европейским государством. Несмотря на огромные трудности и короткий срок, отпущенный ему историей, Каподистрии удалось заложить основы новой государственности. Но с конца 1830 г. силы и внимание президента все больше отвлекает борьба с оппозицией.

¹² *Vacalopoulos A. Histoire de la Grèce moderne. Saint-Just-la-Pendue, 1975. P. 122.*

¹³ См.: *Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1986. С. 53, 56.*

Установление единоличной власти Каподистрии, фактическая отмена Тризинской конституции противоречили демократическим принципам. Режим единоличной власти, установленный Каподистрией, и введенные им ограничения на свободу печати вызывали протесты демократических кругов. Однако в возникшей оппозиции руководящая роль принадлежала политической элите времен революции, которая при правлении Каподистрии была отстранена от власти. Оппозиционная кампания разыгрывалась под лозунгами восстановления конституции и созыва Национального собрания. Однако для крупных судовладельцев Идры и феодально-партикуляристских элементов Пелопоннеса, являвшихся главной опорой борьбы против Каподистрии, лозунги эти служили лишь ширмой для их попыток вернуться к власти. Оппозицию поддерживали и поощряли западные державы, недовольные независимым внешнеполитическим курсом Каподистрии.

Стяг антиправительственного мятежа подняла Идра. 21 марта (2 апреля) 1831 г. идриоты с помощью своих вооруженных кораблей закупают таможен острова Сирос — единственной доходной таможней государства. Через четыре месяца отряд идриотов во главе с адмиралом А. Миаулисом захватывает базу греческого военного флота на острове Порос.

Очагом мятежа на Пелопоннесе стала Мани. Попытки Каподистрии подчинить эту горную область, пользовавшуюся во времена турецкого господства почти полной самостоятельностью, натолкнулись на сопротивление местной могущественной семьи Мавромихалисов. Глава семьи Петробей Мавромихалис в январе 1831 г. был арестован и заключен в крепость Паламиди (Навплия). Родственники и приверженцы Петробея, вступив в борьбу с правительством за сохранение властных привилегий этой семьи, представляли свое движение как «борьбу за конституционные права греков». Сам Каподистрия был готов пойти на компромисс с оппозицией. В Аргос, в Пелопоннесе, начали съезжаться депутаты созываемого президентом Национального собрания. Таким образом, одно из главных требований оппозиции было удовлетворено.

Но 27 сентября (9 октября) 1831 г. Каподистрия был убит у входа в церковь Св. Спиридона в Навплии. Убийцами стали Георгиос и Константинос Мавромихалисы, сын и брат Петробея¹⁴.

Борьба вокруг Каподистрии не прекратилась и после его смерти. Его личностью много занималась и занимается греческая историография. В работах историков левого направления преобладают негативные оценки. Так, Я. Кордатос называл Каподистирию «тираном», «верным

¹⁴ Ригана. Смерть графа Каподистрии // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов. СПб., 1872. Т. II. С. 192. Специальное, хорошо фундированное исследование о борьбе оппозиции против Каподистрии, приведшей в конечном итоге к его убийству, принадлежит греческому историку Х. Лукосу, см.: *Λουκος Χ. Ἡ ἀντιπολιτευση κατά του κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. 1828–1831. Αθήνα, 1988.*

службой русской политики». Н. Своронос же утверждает, что «внешняя политика Каподистрии в значительной мере была направлена на то, чтобы подчинить новое государство видам царя»¹⁵.

В последнее время в греческой историографии наметилась тенденция к более взвешенной и объективной оценке личности и деятельности Каподистрии в период его правления в Греции. Например, такая оценка намерений и действий Каподистрии содержится, с нашей точки зрения, в капитальном труде А. Вакалопулоса «История нового эллинизма». «Каподистрия полагал, что он смог бы успешно обеспечить быстрое и беспрепятственное движение страны по пути прогресса лишь посредством жесткой централизации и диктаторского правления...»¹⁶.

В России к Каподистрии — и при его жизни, и после его смерти — всегда относились с большой симпатией. Это нашло свое отражение и в дореволюционной российской историографии. Так, в одной из исторических работ XIX в. первый глава греческого государства назван «гениальным человеком» и «великим гражданином — президентом»¹⁷.

После убийства Иоанна Каподистрии Сенат создал правительственный комитет во главе с братом убитого президента Августиносом. В декабре 1831 г. в Аргосе открылось 5-е Национальное собрание. Собрание это приняло первую монархическую конституцию греческого государства. При этом законодатели исходили из идеи того, что Греция превратится в своего рода королевскую демократию, в которой права народа будут обеспечены на основе конституций, принятых в ходе Греческой революции. Но греческие политики явно преувеличивали расположенность держав-покровительниц содействовать утверждению в Греции принципов конституционного устройства и демократии. Одновременно Национальное собрание избрало главою исполнительной власти А. Каподистрию, получившего титул «правителя Греции». Однако в этой должности он пребывал не более двух недель. «Конституционалисты» во главе с И. Колеттисом не признали его главой государства. Начались столкновения между сторонниками обоих руководителей. Будучи не в состоянии утвердить свою власть, А. Каподистрия в ночь на 31 марта (12 апреля) 1832 г. покинул Навплию и отправился на Керкиру (Корфу).

После бегства А. Каподистрии был создан правительственный комитет из семи членов, представлявших различные политические группировки. Однако противоречия между ними и отсутствие средств парализовали деятельность комитета. Тем временем рассеявшиеся по всей

¹⁵ Κορδάτου Γ. Ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1957. Τ. 2. Σ. 592, 645; Svoronos N. Histoire de la Grèce moderne. P., 1972. P. 45.

¹⁶ Βακαλοπούλου Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη, 1988. Τ. 8. Σ. 722.

¹⁷ См.: Палеолог Г., Сивинис М. Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановление королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции. СПб., 1867. Т. II. С. 319, 329.

• стране группы солдат, не получавших жалования, угнетали жителей городов и деревень. Спасаясь от бесчинств солдатчины, не признававшей никакой власти, жители, как и в турецкие времена, искали убежища в горах. 14 (26) июля 1832 г. в Пронии, в окрестностях Навплии, возобновило свои заседания Национальное собрание. Однако через месяц это собрание было разогнано нерегулярным отрядом солдат из Румелии. После этого безвластие и анархия достигли своего апогея.

В условиях возникшего в Греции вакуума власти большое влияние приобрели начальники находившихся в стране иностранных войск. Навплия, тогдашняя столица государства, фактически перешла под контроль французских войск. Значительной фигурой политической жизни Греции того времени являлся командующий российской эскадрой вице-адмирал П. И. Рикорд. 5-е Национальное собрание, отметив «отличные заслуги, оказанные им стране неоднократно во время своего пребывания здесь», своим постановлением от 4 (16) марта 1832 г. объявило российского адмирала греческим гражданином. А 8 (20) ноября этого же года группа сенаторов, бежавших из оккупированной французами Навплии и собравшихся на российском адмиральском фрегате у побережья Пелопоннеса, предложили Рикорду стать президентом временного греческого правительства¹⁸. Хотя адмирал и отклонил это предложение, но его причастность к подготовке этого демарша прорусски настроенных сенаторов не вызывает сомнений.

Многие греки, доведенные этим хаосом и анархией до полного отчаяния, увидели проблеск надежды в известии о том, что державы подобрали, наконец, монарха для Греции. Им стал семнадцатилетний сын баварского короля Людвига I Оттон. В соответствии с лондонской конвенцией от 7 мая 1832 г. между Великобританией, Россией и Францией, с одной стороны, и Баварией — с другой, статус Греции определялся как «независимое монархическое государство» с наследственным королем. До совершеннолетия короля в 1835 г. страной должно было управлять регентство из трех человек, назначенное королем Баварии. Ему же поручалось набрать за счет греческого государства воинский отряд численностью до 3500 человек, а также отправить в Грецию баварских офицеров для организации национальных вооруженных сил. Со своей стороны державы взяли на себя обязательство коллективно гарантировать заем Греции в 60 млн франков¹⁹. Наступила эпоха баварского правления в Греции, продолжавшаяся почти тридцать лет.

¹⁸ Палеолог Г., Сивинис М. Указ. соч. Т. II. С. 212, 245.

¹⁹ Международные отношения на Балканах 1830–1856 гг. М., 1990. С. 88.

Союз и соперничество антагонистов, или англо-русские отношения в 20-е годы

Летом 1821 года император Александр Павлович возвратился на родину и очутился в атмосфере горячего сочувствия грекам. Волна солидарности с ними охватила общественность, не только дворянство, дотоле единственно активное социальное сословие, но и нарождавшуюся разночинскую интеллигенцию. Многие офицеры, в том числе и будущие декабристы, выступали за оказание им военной помощи. Немало сановников считали нужным продолжать старую, «екатерининскую» политику покровительства православным. Духовенство было единодушно на стороне единоверцев.

Труды царя на поприще Священного союза, санкционировавшего на конгрессе в Лайбахе интервенцию в Италию, вызывали недовольство. Поползли слухи об участии российской армии в карательной акции, и не кто иной как начальник Главного штаба, князь П. В. Васильчиков писал о настроениях в войсках иносказательно, но вполне определенно: «Единственное средство не потопить корабль — это не натягивать более парусов, чем позволяет ветер»¹.

Император почувствовал себя неуютно на родине. Страшная кончина отца и деда показывала, чем грозит выход из воли дворянства. Конечно, прямая параллель тут неуместна. Александр пользовался громадным авторитетом и дома, и за рубежом, в историю он вошел как Благословенный. Но выступать в своей среде как диссидент он не желал.

От Г. Строганова поступали донесения одно тревожнее другого. Пассивную позицию самодержавия в Стамбуле сочли проявлением слабости. Расправы в Греции множились: «невинных не отличают от виновных, проскрипционные списки растут», терпеть дальше — значит допускать полную дискредитацию России; турки стремятся, «используя ее имя, удержать в повиновении отдаленные провинции и не допустить там восстаний»².

¹ *Фадеев А. В.* Россия и Восточный кризис двадцатых годов XIX века. М., 1958. С. 78.

² *Внешняя политика России XIX и начала XX в. (ВПР) Т. 12.* М., 1980. С. 117.

Перемена курса далась государю нелегко, выступать в одиночестве против принципа легализма было трудно, он предпочел бы организовать коллективную акцию держав в защиту единоверцев, а в случае неудачи подобной попытки — заручиться своего рода индульгенцией на проведение гуманитарной и даже богоугодной миссии. Он воззвал к совести кайзера Франца: «Россия не может смотреть на то, что полному истреблению, без различия между невинными и виновными, предадут единоверный народ...» На Франца его призыв впечатления не произвел, на канцлера Меттерниха тем более. Совесть его не терзала: «За нашими восточными границами 300 или 400 тыс. человек, повешенных, расстрелянных или посаженных на кол, не ставят ни во что».

Оставалось выступить в одиночестве. 21 июля 1821 г. Г. А. Строганов предъявил Высокой Порте ультиматум. Греческое восстание в нем осуждалось, но предлагалось прекратить преследование тех, кто «либо не вышел из повиновения, либо принесет повиновение в известный срок». Отказ удовлетворить выставленное требование узаконит защиту истребляемых. Державы, утверждалось в ноте, не могут «спокойно смотреть на уничтожение целого христианского народа» (царь все еще пытался выступить в качестве мандатария Европы без всяких на то оснований). Далее шли требования, удовлетворения которых Строганов не смог добиться за прошедшие пять лет, включавшие вывод войск из Дунайских княжеств, свободу судоходства в Проливах, предоставление автономии Сербии³.

Отрицательный ответ Порты поступил быстро, и мир замер — что же, война? И при дворе, и в армии, и в дипломатии решительно настроенные люди пользовались весом и влиянием. Статс-секретарь И. А. Каподистрия, составитель ультиматума, настаивал на переходе к «побудительным мерам», предлагая начать их с оккупации Дунайских княжеств. В сопроводительном письме к своему знакомцу и единомышленнику Строганову он торжествовал: «Сегодняшняя почта не оставляет Вам желать ничего лучшего. Демарш, который Вы скоро предпримете, будет решающим». Раз восстание в Греции началось — Россия должна выступить, иначе его зальют кровью⁴. Войска не выступили. Царь отказался поддержать горячего греческого патриота, готового втянуть Россию в совершенно не подготовленную дипломатически войну ради поддержки балканского освободительного движения. Его пути с Каподистрией разошлись. Прославленный корфиот и раньше был либеральной вороной в консервативной стае царской дипломатии.

³ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 9. Ч. 1. СПб., 1983. С. 57, 319; ВПР. Т. 12. М., 1986. С. 189–190; Фадеев А. В. Указ. соч. С. 149.

⁴ Арш Г. Л. И. А. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822. М., 1970. С. 228–229.

Существовала и еще одна причина для взаимного отторжения двух личностей. Позволительно спросить: чьи интересы министр иностранных дел должен был ставить во главу угла своей деятельности? Ответ лежит на поверхности — российские. Каподистрия же никогда не скрывал, что для него приоритетными являлись интересы греческие и прежде всего — ионийские: «Дело моего сердца и ума — дело Ионических островов. Я никогда не откажусь от самой священной своей задачи — служения отчизне»⁵. Если говорить резко, Каподистрия считал, что Россия должна, очертя голову, броситься в войну за освобождение греков.

Трудное финансовое положение страны, не зажившие еще после Отечественной войны раны, неготовность армии к новым тяжелым испытаниям, угроза противодействия держав — все это побуждало государя к осторожности, «он не имел союзников, Англия и Австрия сплотились против него». Им удалось увлечь за собой Францию и Пруссию. Совершать прыжок в неизвестность, каковой являлась в создавшихся условиях война, царь не желал. Возобладала иная точка зрения — на Балканах нужна другая линия поведения — взвешенная поддержка освободительного движения, без чреватых для России роковыми последствиями прыжков, на которые горазд был граф Иоанн Антонович. Во время последних объяснений с монархом он ставил вопрос ребром — он уйдет со своего поста, если не захотят предпринять то, что должно (т. е. воевать)⁶. Не захотели. Каподистрия получил длительный отпуск по состоянию здоровья с сохранением содержания. Пять лет он вполне комфортабельно прожил в Швейцарии — пока Греции не понадобились его услуги.

В отечественной историографии его фактическая отставка вполне правомерно связывается с прекращением двойственности во внешней политике страны и ее переходом на консервативные рельсы. Министром долгие 34 года оставался Карл Васильевич Нессельроде. Советские, да и многие дореволюционные исследователи не знали к нему пощады и находили поддержку у видных зарубежных братьев по перу. Сэр Чарлз Вебстер считал его личностью, «с душой, погруженной в рутину при отсутствии собственных идей, кроме разве что отвращения ко всему новому и либеральному»⁷. Но ведь ни крупный дипломат Александр, ни его самоуверенный до состояния умопомрачения (в поздние годы) брат Николай в министре — творце и мыслителе — не нуждались. Им требовался чиновник, способный претворить в жизнь на высоком уровне дипломатической техники тактики их повеления. Этим условиям Нессельроде отвечал, он был верным слугой императоров, фанатиком департамента, исписывающим горы бумаг (а дома

⁵ Kennedy Greamsted P. Capodistrias and the New Order for Restoration Europe. Journal for Modern History. V. 40. № 2 (Jan. 1968). P. 173.

⁶ Webster Ch. K. The Foreign Policy of Castlereagh. L., 1925. P. 381; Апух. Г. Л. Указ. соч. С. 39.

⁷ Webster Ch. K. Op. cit. P. 91.

находился под каблуком супруги Марии Дмитриевны, в девичестве Гурьевой, по прозвищу «петербургская ведьма»). Однако опыт есть опыт, и в рамках царских указаний он в 20-е годы при подготовке войны с Турцией проявил себя умелым тактиком.

* * *

Поговорка — надежда умирает последней — применима к дипломатии. Уже после разрыва отношений с Портой Нессельроде разослал депеши в Лондон, Вену, Париж и Берлин с просьбой поддержать предъявленные Турции требования. В случае отказа от их удовлетворения царь испрашивал у «Европы» мандат на войну, обещаясь заранее согласовать с «концертом» ее цели и отказываясь тем самым от экспансионистских излишеств⁸. Повсюду его ждал провал. Р. Каслри с раздражением заметил, что победа Турции явилась бы «простейшим способом прекращения осложнений» на Востоке. В сентябре 1821 г. четыре державы выступили с демаршем, но не перед турками, а перед греками, в котором поучали мятежников: «Всякое восстание против законного монарха равно порицается как высокой моралью Святого Евангелия, так и принципами чистой политики»⁹.

Царская дипломатия очутилась в незавидном положении «ни мира, ни войны». Нет смысла блуждать вслед за нею в бесконечном лабиринте комбинаций, сочинявшихся с целью побудить Высокую Порту к уступкам. В конце концов петербургский кабинет пошел на восстановление отношений с Портой, удовлетворившись мелкими уступками (вроде обещания вывести войска из Дунайских княжеств) и заверением турецкой стороны о ее готовности быть сговорчивее, оказавшемся пустым. В январе 1824 г. Нессельроде сочинил «Записку об умиротворении Греции», предложив образовать на ее территории три автономных княжества. Впервые великая держава выступила с предложением о воссоздании греческой государственности на значительном пространстве, включая Пелопонесс (Морею), остров Крит, Эпир, Беотию, Фессалию, Аттику и бывшее венецианское побережье Адриатики¹⁰.

Державы встретили инициативу индифферентно, турки отвергли идею вмешательства «Европы» в отношения султана с его взбунтовавшимися подданными. Совершенно неожиданный отпор встретило творение Нессельроде у греков. Те добивались независимости и сражались тогда с успехом. «Ноту с севера» они восприняли с обидой, и свой протест направили не куда-нибудь, а в Форин офис, заключив его знаменательными словами: «Разве можно сомневаться, что греки

⁸ ВПР. Т. 12. М., 1980. С. 386.

⁹ Гуткина И. Г. Греческий вопрос и дипломатические отношения держав в 1821–1822 гг. // Уч. записки ЛГУ. Серия историческая. Т. 130. Л., 1951. С. 143, 125.

¹⁰ Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 232–233.

достойны независимости?»¹¹. И за поддержкой они обратились к Великобритании.

В отношении последней к повстанцам произошли сдвиги, связанные со сменой руководства Форин офис. Каслри уже давно проявлял признаки умственного расстройства, и в августе 1822 г., будучи оставлен без присмотра в своем загородном доме, зарезался перочинным ножом. Ему на смену пришел Джордж Каннинг, крупнейшая фигура британской истории XIX века, заняв высокий пост во второй раз. Скромного происхождения (сын актрисы), он пробился в элиту партии аристократов (тори), когда стало цениться не только и не столько знатное происхождение, сколько ум и деловые качества. С Каслри у него отношения не сложились, однажды они даже стрелялись на дуэли, к «конгрессовой дипломатии» и Священному союзу он относился критически. Человек правых взглядов, противник избирательной реформы и допуска буржуазии к власти, Каннинг стремился умерить ее оппозиционность учетом коммерческих интересов капиталистов. Он потряс радетелей старины, признав образовавшиеся в Южной Америке на развалинах испанской колониальной империи государства, но открыл капиталу перспективный латиноамериканский рынок.

По-человечески Каннинг относился к греческим повстанцам с сочувствием. Будучи не чужд стихотворству, он сочинил поэму, в которой пролил поэтическую слезу над страданиями потомков Гомера и Перикла. Однако в сферу политики он не допускал проникновения сантимента. И речи не могло быть о признании независимости Греции — это означало нанести смертельный удар добрым отношениям с султаном, стражем Черноморских проливов, и порушить основополагающий принцип статус-кво, признания неприкосновенности власти и владений Высокой Порты на Балканах. Следовало приманить греков, не отдаляя турок. Подвижки в отношениях с эллинами допускались лишь в той мере, в которой они не угрожали лояльным отношениям с падишахом. В марте 1823 г. Каннинг совершил второе грехопадение в глазах европейских стародумов — он признал греков воюющей стороной, мотивируя этот акт заботой о коммерции: «Турки не способны обеспечить британской торговли, следовательно, мы должны были рассматривать греков или как воюющую сторону, или как пиратов»¹². Но не вешать же было борцов за свободу на реях, как то издавна водилось с морскими разбойниками.

Британские акции в глазах греков взлетели. Делегаты их временного правительства прибыли в Лондон и добились размещения на британском рынке крупного займа в 800 тыс. фунтов стерлингов. Каннинг, чтобы не портить отношений с Портой, воздержался от

¹¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1824. Д. 5933. Л. 319–320.

¹² ВПР. Т. 13. М., 1982. С. 683.

встречи с ними, но затребовал информацию о положении в стране. Проявилась перспектива прочного утверждения в Элладе британского влияния. Все попытки российской дипломатии сколотить фронт держав во имя освобождения греков проваливались. Лондон паразитировал на ее бессилии и работал только на себя. В Форин офис поступил «Акт подчинения», просьба временного правительства о взятии греков под покровительство британской короны, Каннинг на нее не реагировал и даже, чтобы успокоить Порту, провозгласил нейтралитет Англии в конфликте. Тревога в Петербурге нарастала.

И терпению Александра I пришел конец. В декабре 1824 г. посол в Вене Д. П. Татищев получил распоряжение — выразить свое глубоко личное «предположение», что Россия может и одна, без всякого постороннего содействия, осуществить дело греческого освобождения. Видные дипломаты, будучи опрошены, сочли, что единственно, что может сему способствовать — это война. Воспоминания о Священном союзе и его великих принципах исчезли из переписки, одолевали земные заботы. Оставалось показать кулак¹³.

Каннинг убедился — одному ему устроить греческие дела на свой лад и с минимальным ущербом для Порты не позволят, а уж о том, чтобы пустить российский корабль в свободное плавание в греческих водах, и речи быть не могло. И статс-секретарь стал посещать салон Дарьи Христофоровны Ливен, супруги посла, — самое удобное место для неофициальных бесед и поиска договоренности с Россией. В такой ситуации всех застала весть о смерти в Таганроге вечного странника, царя Александра.

На престол вступил брат покойного Николай. Репутации у него пока что — никакой, по пути к трону пришлось переступить через трупы декабристов, предстояло завоевать авторитет в дворянстве, показать, на что он способен, занять армию победоносной войной.

Каннинг с похвалой отозвался о расправе над «мятежниками», король Георг при вручении послом Х. А. Дивеном верительных грамот вышел за протокольные рамки и высоко оценил «твердое и величественное поведение самодержца посреди достойных сожаления сцен 14 декабря»¹⁴. В Лондоне решили воспользоваться воцарением нового императора для того, чтобы завязать переговоры по всему кругу вопросов. В Петербург и Москву снарядили самую высокую и приятную для царя персону — фельдмаршала не только британской, но и российской армии герцога Артура Веллингтона.

Каннинг снабдил посланца подробной инструкцией для осуществления нелегкой миссии. Тот должен был предложить британские услуги в урегулировании российско-турецких разногласий путем совместных шагов двух дипломатий. На том позитивная часть указаний и

¹³ Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1897. С. 141–142.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1826. Д. 6956. Л. 18–20; 37–38.

заканчивалась, никаких принудительных мер на случай турецкой неговорчивости не предусматривалось, зато вполне определенно оговаривалось, что отказ Высокой Порты от посредничества не дает России права на войну. И тогда оставалось удалиться в дремучие дебри бесконечных переговоров¹⁵.

Николай Павлович тогда еще не был переобременен грузом самонения, ослеплявшего его в поздние годы, действовал осмотрительно и осторожно, и переиграл маститого фельдмаршала, впрочем, лишённого дипломатических дарований. В результате вместо того, чтобы устранить угрозу русско-турецкой войны, Веллингтон ее приблизил. Возможно, царь усыпил его бдительность горячим заверением — «пока Османская империя существует, он будем рассматривать греков как взбунтовавшихся подданных».

Петербургский вояж «железного герцога» привел в волнение дипломатический мир — уж не кончается ли англо-русское противоборство, вокруг которого крутились все международные отношения? МИД воспользовался создавшейся тревожной обстановкой для урегулирования всего комплекса спорных с Турцией дел. Веллингтон, ознакомившись с подготовленной Нессельроде нотой, выразил согласие с содержащимися в ней требованиями — возражать против них было трудно, ибо они в основном сводились к восстановлению в силе попранных турками положений Бухарестского мира 1812 года, заключённого при содействии Великобритании¹⁶. Исходя из тех же соображений, кабинеты Лондона, Парижа и Вены произвели нажим на султана Махмуда. Меттерних вообразил, что таким путем можно избежать «вторжения» России в греческие дела.

На тот момент сложилась ситуация, побуждавшая Высокую Порту к уступчивости. В ходе осуществления военной реформы падишах издал указ (май 1826 г.) о роспуске янычарского корпуса, утратившего былую боеспособность и превратившегося в очаг смут. Столичные янычары подлежали переводу в формирование европейского образца. Последовал взрыв недовольства. 15 июня в ортах (ротах) были перевернуты суповые котлы, что означало призыв к мятежу. Поскольку протест ожидался, к его подавлению заранее подготовились. Бунтарей расстреливали, обезглавливали, душили («давили», как тогда выражались), топили в водах Босфора, число жертв достигало 20 тыс.¹⁷ Янычарское войско подверглось истреблению, предстояло создать ему замену, на что требовалось время. Так что оснований проявлять упрямство у султана Махмуда не существовало.

В июле 1826 г. в Бессарабии открылись переговоры, 25 октября (7 ноября) была подписана Аккерманская конвенция, восстановившая

¹⁵ Stapleton A. G. The Political Life of George Canning. V. 2. L., 1831. P. 469–474.

¹⁶ См.: Виноградов В. Н. Двуглавый российский орел на Балканах 1683–1914. М., 2010. С. 227, 230, 231, 233, 237.

¹⁷ Шильдер Н. К. Указ. Соч. С. 413.

в полной силе мирный договор 1812 года, и а некоторых пунктах его уточнившая. В ней подробно оговаривались права и льготы Дунайских княжеств, включая семилетний срок правления господарей, предусматривалась автономия для Сербии с перечислением основных положений ее самоуправления. На Кавказе утверждалась пограничная линия с входением в состав России городов Анаклия, Сухум и Редут-кале, уточнялось разграничение по Дунаю. Статья 7-я обязывала султанат не чинить никаких препятствий плаванью купеческих судов под российским флагом «во всех морях и иных водах империи Оттоманской»¹⁸.

В беседах с Веллингтоном царю удалось сдвинуть с места и «греческий камень преткновения», и меньше всего споров вызвал статус создаваемого государства. Герцог собственноручным письмом информировал Нессельроде о пожеланиях, высказанных представителями временного правительства британскому дипломату Ч. Стрэтфорд-Каннингу во время встречи на корабле у острова Идра. Министр с ними немедленно согласился. Но в подходах к осуществлению пожеланий стороны расходились. Веллингтон во исполнение данных ему инструкций настаивал на достижении согласия с Турцией дипломатическим путем, на что, без применения силы, существовала лишь химерическая надежда. Используемые средства, настаивал герцог, должны ограничиваться представлениями¹⁹. Вырисовывалась перспектива бесконечной говорильни.

В российском представлении статус Греции являлся конкретной целью, подлежащей достижению любыми средствами, не исключая войны, что не скрывалось от Веллингтона. Царским переговорщикам удалось-таки изыскать формулу, позволявшую прибегнуть к «последнему доводу королей». Посол-фельдмаршал ловушку для британских замыслов не узрел, и 23 марта (4 апреля) 1826 г. был подписан протокол, определивший расстановку сил в Восточном вопросе на ближайшие критические годы. По условиям акта греки должны были управляться «властями, ими самими избранными или назначенными, но в назначении которых Порты будет иметь известное участие». Провозглашалось их право на свободу торговли и, главное, — полная самостоятельность во внутреннем управлении. Зависимость от Турции фактически ограничивалась выплатой фиксированной дани²⁰.

Перечисленные условия были благоприятны, учитывая в особенности то обстоятельство, что в Морее свирепствовали египетские и турецкие каратели, восстание, казалось, дышало на ладан²¹. Важно подчеркнуть, что пункты о статусе будущего государства являлись не плодом творчества тандема Веллингтон — Нессельроде, а почти совпа-

¹⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1826. Д. 4456. Л. 14.

¹⁹ ВПР. Т. 14. М., 1985. С. 632–643. Виноградов В. Н. Герцог Веллингтон в Петербурге // Балканские народы и европейские правительства. М., 1982. С. 125; *Smappleton A. G.* Op. cit. P. 485.

²⁰ ВПР. Т. 14. С. 450.

²¹ См. главу наст. кн., посвященную греческому восстанию.

дали с пожеланиями временного правительства, выраженными с учетом реально существовавшей ситуации. Протокол, правда, умалчивал о пространственном распространении создаваемой страны, а вожди претендовали на все земли, населенные греками, но это явно выходило за рамки осуществимого. Лишь ход военных операций мог определить начертание границы.

Ключевым параграфом в протоколе с российской точки зрения представлялся третий, предусматривавший, что стороны, в случае провала посредничества, будут считать изложенные в нем условия «за основные для примирения, имеющего состояться при их участии, общем или единичном, между Портой и греками». Участники обменялись клятвами о своем бескорыстии — «они не будут искать никакого увеличения своих владений, никакого исключительного влияния и никаких торговых выгод для своих подданных»²². Российская сторона не скрывала, что при неудаче переговоров она не остановится перед войной. Герцог нарушил данное ему предписание и не добился формального отказа сторон от единоличных действий.

Заключенный 4 апреля (нов. стиль) протокол знаменовал явный отход России от принципов Священного союза. Узнав о случившемся, К. Меттерних воскликнул: «Какая глупость!» Сам он, по словам И. А. Каподистрии, мечтал провести «умиротворение Греции путем истребления греков». Покушение на Священный союз он приписал прежде всего Каннингу, именуя того «зловредным метеором». Британец в долгу не остался, отзываясь о канцлере как о «самом большом мошеннике и отъявленном лгуне не только на континенте, но, пожалуй, и во всем цивилизованном мире». Отказавшись от участия в переговорах и увлекши на тот же путь Пруссию, Меттерних обрек себя на полнейшую изоляцию. Без его участия спокойно обошлись, и канцлеру оставалось лишь причитать: «Сейчас я ни на что не гожусь... Я трачу жизнь, подпирая разваливающееся здание»²³. Франция избрала иной путь. Режим Реставрации вступил в полосу кризиса, основные круги буржуазии от него отвернулись. Ультрароялистский кабинет Ж. Б. Виллеля доживал последние дни, среди предъявляемых ему обвинений значились и пассивность во внешней политике, и неспособность отстаивать коммерческие интересы страны. «Прозевать» еще и Грецию — это уже слишком! Противопоставить что-либо блоку двух держав Париж не мог, оставалось примкнуть к ним.

6 июля 1827 года три страны подписали конвенцию. Шесть ее главных параграфов повторяли, с редакционными изменениями, по-

²² ВПР. Т. 14. С. 450.

²³ *Temperley H. The Foreign Policy of Canning. L., 1925. P. 354; Crawley C. W. John Capodistrias Unpublished Letters. Thessaloniki, 1970. P. 99; Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. М., 1947. С. 245; Jelavich B. The Habsburg Empire in European Affairs. Chicago, 1969. P. 36, 25.*

ложения апрельского протокола прошлого года. Дополнительная седьмая статья, вокруг которой разгорелись споры, предусматривала побудительные меры с целью заставить Порту пойти на мировую. Соглашение являлось плодом борьбы и компромисса, но, «продавив» решение, российская сторона не смогла добиться четкого определения предусматриваемых мер. В результате адмиралы трех эскадр, направленных в греческие воды для того, чтобы прервать снабжение боеприпасами и продовольствием турецких и египетских войск, получили разрешение в случае необходимости, применять силу, но не прибегать к военным действиям²⁴. Адмиралов она повергла в недоумение, однако они истолковали ее по-боевому. 20 октября 1827 г. соединенная англо-русско-французская эскадра под флагом адмиралов Э. Кодрингтона, Л. М. Гейдена и А. де Риньи уничтожила укрывшийся в Наваринской бухте на юге Мореи турецко-египетский флот.

В Петербурге весть о славной победе встретили колокольным звоном. А в Лондоне погрузились в печаль — идти на крупную ссору с Высокой Портой здесь не собирались. Джордж Каннинг только что ушел из жизни, побывав до этого всего в течение нескольких месяцев премьер-министром. Ему на смену пришли посредственности, приходившие в ужас при одной мысли о нарушении статус-кво на Балканах. Король Георг в тронной речи назвал битву досадным происшествием.

Турецкая сторона еще больше обострила ситуацию, потребовав у трех держав возместить ущерб, причиненный потерей кораблей, и принести извинения султану Махмуду — иными словами признать победоносную баталию актом разбоя. Пойти на подобное унижение значило для трех держав выпороть самих себя. Исчерпав все меры убеждения, три посла объявили о разрыве дипломатических отношений с Турцией (8 декабря 1827 г.). Лондон и Париж очутились в незавидном положении, Петербург подвел их к порогу столкновения с Турцией. Но не воевать же ради разрушения Османской империи и прочного утверждения России на Балканах! Единственно, что оставалось сделать, — это отмежеваться от опасного союзника. Глава Форин-офиса лорд Дадли решил еще раз перестраховаться, предложив подписать так называемый протокол о бескорыстии (12 декабря 1827 г.), в котором стороны еще раз засвидетельствовали отсутствие у них претензий на земли в регионах. Петербургский кабинет не лицемерил, существовали геополитические соображения, определявшие стратегический вектор российской политики, набирало силу убеждение о территориальной насыщенности страны и ненужности новых завоеваний на юге, о желательности утверждения в Юго-Восточной Европе политического влияния самодержавия. Союзники-соперники оказались в тупике — после трех актов о сотрудничестве с Россией и Наваринско-

²⁴ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 11. СПб., 1896. С. 82.

го сражения Сент-Джеймский, а следом за ним и Тюильрийский кабинеты не могли поворачивать фронт своей дипломатии на 180 градусов и открыто выступать в защиту Турции. Оставалось покинуть Россию накануне войны, что и произошло.

Ждать пришлось недолго. 27 декабря того же 1827 года последовал указ падишаха, в котором Россия объявлялась исконным врагом империи, подстрекательницей греков к мятежу против кроткого турецкого правления. Махмуд призывал правоверных отвергнуть «нелепые требования» держав, «восстать поголовно за веру и империю свою», вспомнить славу предков и затмить ее своей²⁵.

Разразившийся в посленаполеоновскую эпоху на балканской земле кризис поучителен. Впервые инициаторами потрясений континентального масштаба выступили не «великие», а сами балканцы, что свидетельствовало о глубине кризиса Османской державы и остроте раздиравших ее противоречий. Священный союз как политическая и организационная структура разбился о балканские утесы, и руку к сему приложил царь Николай. В борьбе между чувством и долгом самодержавие, мучительно и с колебаниями, выбрало последнее и вступило на путь реальной политики. Веронский конгресс союза (1822 г.) стал последним в его истории, строй его участников смешался. Никогда больше Россия, Австрия, Франция и Пруссия не выступали все вместе, всяк преследовал свои интересы и тянул воз на себя. Закончилась и кратковременная «эра Меттерниха» в дипломатии. Он, мнивший себя арбитром Европы в 1813 году, очутился на обочине международных отношений, копошился в Вене с проектами, направленными на то, чтобы оставить греков на произвол судьбы и расправу карателей, на которые ни Каннинг, ни самодержец не обращали внимания. Отсюда и его беспомощный возглас: «сейчас я ни на что не гожусь».

Однако неформально как выразитель принципов легитимизма и охранительных начал Священный союз продолжал существовать. Этих принципов в той или иной степени придерживались все европейские дворы, которые в разных комбинациях отстаивали их, сражаясь с ненавистной революцией.

Балканы рано вышли из тени Священного союза, оказавшись в развилке между легитимизмом и государственным интересом России. И долг на сей раз восторжествовал над чувством. Сомкнулись соображения стратегической безопасности страны, коммерческой выгоды, народной симпатии к православным и стремления избавить их от османского ига. В кои веки раз власть пошла в единении с народом.

Лишь уникальное стечение обстоятельств побудило царизм занять на Балканах особую, разрушительную для Священного союза позицию. Во всей остальной Европе государственный интерес усматривался

²⁵ Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1972. С. 106–107.

в другом. Самодержец мнил себя рыцарем мира и освященных Богом порядков, его цель — «поддерживать священный огонь 1815 года» и сражаться с «адскими принципами революции». Беда заключалась в том, что отстаиваемые им порядки сильно подгнили и рушились, несмотря на его титанические усилия. Уже представители старой российской историографии пришли к выводу о тщетности и бессмысленности его потуг: «Император Николай I оставался неутомимым защитником порядков, которые давно утратили право на существование», — свидетельствовал монархически настроенный проф. Ф. Ф. Мартенс²⁶. И Балканы не являлись исключением. Утверждение влияния России здесь сопровождалось попытками самодержавия опираться на консервативные слои общества.

²⁶ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 11. СПб., 1896. С. 207. Очерк об англо-российских отношениях на Балканах см.: Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы. От Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.

Война, открывшая эпоху в истории Балкан

Во время войны помимо двух боевых фронтов, Балканского и Кавказского, существовал и третий, дипломатический. Тонкий покров союза трех держав прикрывал их недоверие и соперничество. В Лондоне войну расценили как «нашествие» на Турцию, глава Форин офис лорд Дадли счел ее беспочвенной — «неразумно и несправедливо идти на риск сокрушения империи (Османской. — *Авт.*) ради попытки улучшить участь ее подданных» (греков). Еще до ее объявления министр заявил, что в отношении Греции Россия связана достигнутыми соглашениями, и «цель должна остаться прежней».

К. В. Нессельроде поспешил заверить британцев: Россия не стремится к расширению своих пределов или к сокрушению державы султанов, «ни свержение этого правительства, ни завоевания не являются нашей целью, они принесут больше неприятностей, чем пользы». Взгляды государя не изменятся, даже если Османская империя «по воле божественного Провидения» развалится¹. Британский кабинет занял позицию пристального и отнюдь не беспристрастного наблюдателя за происходившим. Стало ясно, что Лондон обуреваем заботой достичь наименее болезненного для Турции урегулирования. Важно было не допустить формального развала альянса трех держав, предостерегавшего Петербург по крайней мере от открытого перехода союзников на сторону Турции. Глубокую тревогу вызвало их решение восстановить дипломатические отношения с Высокой Портой и возвращение двух послов в Стамбул, что было там воспринято как свидетельство разногласий в среде гяуров и желание двух из них достичь согласия с нею.

Кампания 1828 г. не оправдала надежд на быструю капитуляцию турок, их армия неожиданно оказывала ожесточенное сопротивление. В Дунайских княжествах 6 недель ушло на осаду и штурм крепости Браила (Браилов). 27 мая произошло форсирование Дуная у Исаки. Старый и осторожный командующий, фельдмаршал П. Х. Витгенштейн приступил к осаде крепостей, дабы после их взятия двинуться на Стамбул. Армия оказалась распыленной и застряла под стенами

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1828. Д. 6975. Л. 231–243, 292.

Варны, Шумлы, Силистрии, а турки недаром слыли большими мастерами обороны. Наступать было просто некому. 29 сентября (11 октября) ценой больших потерь удалось взять Варну. На том кампания и завершилась, войска переправились на левый берег Дуная, на зимние квартиры, оставив на правобережье заслоны. Витгенштейн, ввиду явного несоответствия должности, был смещен и отправился на отдых в свои поместья.

От фельдмаршала все-таки можно было избавиться, чего нельзя сказать о царском брате, великом князе Михаиле Павловиче по прозвищу «рыжий Мишка». Он провалил осаду Силистрии, погубив тысячи солдат и офицеров в неподготовленных, а потому и бессмысленных штурмах. Не удержался от соблазна показаться если не на поле боя, то на операционном театре сам император. Его окружала Золотая Орда — толпа генералов, флигель- и просто адъютантов, штатских лиц, многочисленной obsługi во главе с церемониймейстером. Казна финансировала действующую армию скуповато. Военный министр А. И. Чернышев запросил 73 млн рублей серебром, глава финансового ведомства Ф. Ф. Канкрин после длительного торга снизил цифру до 48 млн. К осени армия ощущала нехватку во всем — оружии, снаряжении, продовольствии, фураже. На обслуживании царской квартиры требовалось 10 тыс. лошадей — число, достаточное для формирования двух кавалерийских дивизии². Разгул Золотой Орды происходил на фоне массового падежа конского состава от бескормицы.

К счастью для войска, в 1829 г. Николай Павлович проявил благоразумие и воздержался от повторения экскурсии в Болгарию. Союзники-соперники с удовлетворением отметили отсутствие в первой кампании сколько-нибудь значительных результатов. Появилась надежда — а может быть русские вообще не справятся с турками один на один и затеянная ими опасная комбинация сойдет на нет? В январе 1829 г. газета «Таймс» опубликовала многозначительную статью: воля султана нестибаема, Англия, Австрия и, желательно, Франция должны помешать сокрушению его державы дипломатическим путем, но, в случае необходимости, и более энергичным. «Несравненно легче помешать императору Николаю покинуть зимние квартиры и переправиться через Дунай в Болгарию, нежели возратить его в ту же Болгарию после того, как он своими глазами увидит Босфор»³. Напряженность в отношениях с Сент-Джеймским кабинетом несколько спала.

Существовали и другие причины, побуждавшие правительство его величества к сдержанности. Премьер-министру герцогу Веллингтону приходилось считаться с положением в стране. Непрекращавшиеся волнения в Ирландии и агитация за расширение избирательного права доставляли ему немало хлопот. Герцог решил выступить с биллем о

² Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958. С. 186, 246–249.

³ The Times (12 Jan.). 1829.

предоставлении права голоса католикам (т. е. в первую очередь ирландцам), чем возбудил недовольство в собственной торийской (консервативной) партии и резкую критику в свой адрес. В первый и единственный раз в истории действующий глава кабинета защищал свою политику с пистолетом (дуэльным) в руках. Обошлось без пролития крови, герцог промахнулся, его оппонент выстрелил в воздух и принес требуемые извинения. Веллингтону пришлось преодолеть сопротивление совершенно замшелого ретрограда короля Вильяма IV. Закон об эмансипации католиков удалось провести в жизнь (апрель 1829 г.)

Ввязываться в конфликт с Петербургом не желала деловая Англия, экспорт товаров в Россию все еще второе превосходил их вывоз в Турцию и Грецию. Посол Х. А. Ливен получил два письма от владельца могущественного банка Натаниэля Ротшильда с выражением готовности, в согласии со своим братом Жаком, главой парижского дома фирмы, предоставить заем в один миллион фунтов стерлингов⁴. Длительную и далекоидущую ссору с самодержавием на Уайт-холле считали непредусмотрительной и рискованной.

Успокоительные сигналы поступали из Парижа. Посол К. О. Поццоди Борго сообщал: Бурбоны не желают плестись в хвосте у кабинетов Лондона и Вены, ставить себя в унижительную зависимость от двух дворов. Доживавший последние месяцы режим Реставрации боялся испортить отношения с гарантом устойчивости, порядка и легальности, каковым представлялся Николай I.

В том же духе поступала информация из Вены от Д. П. Татищева: состояние финансов, «медлительность и чрезвычайная осмотрительность ее кабинета» дают гарантии того, что за пределы интриг он не выйдет. Еще до войны канцлер Меттерних попытался побряцать оружием, объявив об увеличении армии на 60 тыс. человек, но наскрести на это денег не удалось. Его призыв (декабрь 1828 г.) созвать конгресс с явным намерением сколотить на нем антироссийский фронт отклика не встретил. Австрия самостоятельной силы не представляла, бросить царю вызов не смела, и в Зимнем дворце заговорили о ее «ничтожестве». Любопытно, что с этой точкой зрения солидаризировался не кто иной, как виконт Г. Д. Пальмерстон, восходящая звезда либеральной партии (вигов): Австрия «по причине узости своих взглядов и несчастных предрассудков политики довела себя, в смысле влияния, почти до уровня второстепенной державы»⁵. Попытки Меттерниха натравить на царизм его союзников провалились, и оставалось пугать Николая I революцией, в ответ на что царь любезно обещал российскую помощь, если венский двор окажется в беде. После провала идеи конгресса

⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Д. 7000. Л. 356, 120, 67.

⁵ Киняпина Н. С. Русско-австрийские противоречия накануне и во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. // Уч. записки МГУ. Кафедра истории СССР. Вып. 156. М., 1952. С. 205; Speech of Viscount Palmerston. L., 1829. P. 43.

канцлер начал хлопотать о европейском посредничестве. К. В. Нессельроде выразил пожелание, чтобы его австрийский коллега «впредь вкладывал меньше жара и больше осмотрительности» в свои демарши с целью вмешаться в российско-турецкий конфликт⁶.

В Петербурге успокоились — открытой перебежки союзников в противный лагерь не произойдет. Опасение — как бы самодержавие не вышло за согласованные рамки — побудило троицу вновь сесть за стол совещаний. 3 (15) марта 1829 г. состоялось подписание очередного протокола. В нем говорилось, что послы Англии и Франции в Стамбуле будут вести переговоры от имени трех держав (чем ограничивалась их самостоятельность). При содействии французов удалось заручиться британским согласием на включение в Грецию земель Балканского полуострова по линии между заливами Волос и Арта и островов Кикладских и Эвбеи. (прежде Форин офис ограничил пределы создаваемого государства Мореей (Пелопонессом)). Сюзеренные права султана ограничивались получением дани, выражалось пожелание установить в Греции наследственную монархию⁷.

В Зимнем дворце поздравляли себя с успехом. Протокол, подчеркивалось в депеше Нессельроде от 19 апреля (ст. стиль), «обеспечивает полную безопасность наших операций в начинающейся кампании: он парализует зловерные намерения держав, которые хотели бы воспрепятствовать нам и остановить наш прогресс; он сохраняет между тремя державами видимость союза, оказывающего столь оздоровляющий моральный эффект на общее спокойствие в Европе; наконец, он предоставляет в руки России решение греческого вопроса»⁸.

А тут приспели долгожданные победы. У нового командующего на Дунае — И. И. Дибича — сравнительно скромные силы, 125 тыс. штыков и сабель при 450 пушках, но действовал он смело, разбил армию Решида-паши при Кулевче, добился капитуляции ключевой крепости Силистрия. В начале июля во главе 35-тысячного войска И. И. Дибич двинулся за Балканы. Неприятель в панике отступал, и не пули, а болезни больше косили солдат. К Адрианополю генерал привел отряд всего в 17 тыс., но гарнизон сдал крепость без сопротивления 8 (20) августа. До Константинополя оставалось всего несколько переходов, там царила паника⁹. На Кавказе корпус И. Ф. Паскевича занял Карс, Ардаган, Ахалцих, Поты, Баязет (1828 г.) и Эрзерум (1829 г.) и подошел вплотную к Трапезунду (Трабзону). Победа была полной на обоих фронтах. Малочисленные силы Дибича шли на Константинополь, не встречая сопротивления.

⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Д. 6998. Л. 216; Д. 7001. Л. 45–48.

⁷ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 11. СПб., 1895. С. 401–409.

⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 7001. Д. 207–208.

⁹ Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 91.

Реис эфенди Пертев паша обратился к послам Великобритании и Франции Р. Гордону и А. Ш. Гильомино с просьбой о посредничестве. Его предложения включали два пункта, совершенно неприемлемых для российской стороны — заключить перемирие (чтобы выиграть время и собрать силы) и изъять греческий вопрос из предстоявших переговоров, дабы решить его в дальнейшем вчетвером, с участием Лондона и Парижа. А пока что два дипломата в обращениях к Диби-чу, явно предназначенных для ознакомления с ними царя, запугивали самодержца последствиями, могущими произойти в случае крушения султанской власти. От имени «всей Европы» они предупреждали — тогда «ужасающая анархия... распространится беспрепятственно... и с самыми пагубными последствиями для существования как христианского, так и мусульманского населения». И баланс сил на континенте рухнет¹⁰. Игра была шита белыми нитками. И. И. Дибич докладывал: «Придерживаясь смысла данных мне инструкций, буду, насколько возможно, самым вежливым образом избегать постороннего вмешательства в переговоры». Никакого перемирия и никаких «дружеских советов» по ходу урегулирования! Выбор (удачный) государя в качестве первого уполномоченного пал на знаменитого позже Алексея Федоровича Орлова. Утром 2 (14) сентября состоялось подписание мирного договора, нареченного Адрианопольским. В соответствии с ним граница между двумя империями в Европе проходила «по-прежнему по реке Прут». Тем самым подтверждался зафиксированный в одной конвенции и двух протоколах отказ России от территориальных «приращений» на Балканах. Предусматривался, однако, переход к России островов в протоках Дуная, ничтожных по площади, но контролировавших выход из реки. Тщательно сформулированная 7-я статья обязывала Турцию обеспечить полную свободу судоходства в Черном море и проливах для кораблей российских и «всех держав, состоящих в дружбе с Блистательною Портою». Значение этого пункта выступало особенно рельефно в связи с чинившимися османскими властями в 20-е годы препятствиями для развития торговли через Босфор и Дарданеллы. Та же объемистая по содержанию статья устанавливала, что «русские подданные будут пользоваться во всей Оттоманской империи, на суше и на морях, полною и совершенною свободою торговли». Весь комплекс экономических условий трактата способствовал развитию экономики обширного причерноморского региона, причем не только в российских пределах. Статья 4-я посвящалась территориальным проблемам в Закавказье. К России отходили Ахалцих, Ахалкалаки, «равно и весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Святого Николая включительно». Анапа и Поти остались за Россией, занятые ее

¹⁰ Шильдер Н. К. Император Николай I. СПб., 1903. Т. 2. Примечания и приложения. С. 459; Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975. С. 106–107.

войсками Карс, Баязет и Эрзерум возвращались Турции. Статья 5-я договора восстанавливала и расширяла автономные права Дунайских княжеств¹¹, погрязшие после 1812 года. Следующая, 6-я статья вменяла султану в обязанность предоставить самоуправление Сербии. Понадобилось 15 лет дипломатических усилий и войн, чтобы возрождение государственности сербского народа стало фактом. Многострадальной греческой проблеме посвящалась 10-я статья трактата. Турция обязывалась принять положения Парижской конвенции от 6 июля 1827 г. и Лондонского протокола от 22 марта 1829 г. Лишь торжество России на поле боя сломило упорство Высокой Порты.

Отечественной науке приходится сейчас продираться сквозь дремучие заросли классового подхода. Это целиком относится к балканским сюжетам. «Советская историческая энциклопедия», не обращая внимания на клятвенные заверения трех правительств о бескорыстии, бестрепетно утверждала: «Русско-турецкая война 1928–1929 гг. была вызвана борьбой держав за раздел владений Турецкой империи» (!). Автор ценной фактическим материалом монографии А. В. Фадеев в разоблачительном порыве декларировал: «Даже свою восточную политику царское правительство подчинило политике „жандарма Европы“»¹². Не щадил он и двух командующих, И. Ф. Паскевича и И. И. Дибича, представляя их ничтожествами в генеральских мундирах, изобличая их в стратегической близорукости, укоряя за тактические упущения, а Дибича дополнительно наделяя внешностью уродливого карлика. Позволительно, однако, высказать предположение, что победоносная кампания осуществлялась не без участия командующих и не вопреки их усилиям провалить все задуманные операции.

5–6 (17–18) сентября, когда мир был уже подписан, но весть о нем еще не поступила в Петербург, Николай I созвал секретное совещание по всему кругу проблем, которые тогда называли восточными. Участвовали в совете, кроме присутствовавшего по должности К. В. Нессельроде, сплошь представители родовой русской знати, хотя административный аппарат, офицерский корпус и дипломатическая служба кишели тогда прибалтийскими баронами. Николай Павлович хорошо помнил судьбу деда и отца, поплатившихся смертью за излишнюю самостоятельность, и в решающий момент прибег к консультации с влиятельными вельможами, разделив с ними ответственность за вырабатываемый стратегический курс.

Секретный комитет заслушал меморандум, зачитанный К. В. Нессельроде и выражавший точку зрения царя (иного мнения вице-канцлер не имел), и обсудил «плоды размышлений некоторых лиц, осведомленных в Восточном вопросе». Нессельроде начал с фразы: конечно,

¹¹ Подр. см. главы наст. кн. «Восстание Т. Владимиреску и поход А. Ипсиланти» и «Дунайские княжества под знаком Органических регламентов».

¹² СИЭ. Т. 12. М., 1969. С. 383; Фадеев А. В. Указ. соч. С. 48.

если водрузить крест на храм Святой Софии, подвижников богоугодного дела осенит вечная слава. Далее последовала суть: «Сохранение Турции более выгодно, чем вредно действительным интересам России; ...никакой другой порядок вещей, который займет ее место, не возместит нам выгоды иметь соседом государство слабое, постоянно угрожаемое революционными стремлениями своих вассалов и вынужденное успешною войною подчиниться воле победителя». Д. В. Дашков присоединился к этому мнению, выразив убежденность в территориальной насыщенности России. Стране «нужны не новые приобретения, не распространение пределов, но безопасность оных и распространение ее влияния между соседственными народами, чего она удобнее достигнуть может, продлив существование Оттоманской империи на известных условиях» (желательно — ее подчинения)¹³. В принятом единогласно решении комитет разделил указанную точку зрения, предопределив стратегический курс в Восточном вопросе на обозримое будущее. Сие означало отказ от территориальной экспансии на Балканах и переход к экспансии политической, к стремлению утвердить в регионе решающее влияние самодержавия. Собравшиеся на совет сознавали: еще один шаг и Россия окажется в изоляции и, что еще хуже, — столкнется с союзниками. Идти на риск европейской войны они не желали.

Отказавшись от утверждения в регионе, опираясь на грубую силу, царизм вступил на извилистую и обрывистую тропу маневрирования в противоборстве с Лондоном и Веной. В выигрыше остались вступившие на путь возрождения или укрепления своей государственности балканские народы, научившиеся к выгоде для себя использовать соперничество и противоречия между «великими».

Николай I пребывал в восторге от достигнутого мира. Льстецы от дипломатии курили ему фимиам: «Европа с Англией во главе склонится перед решением, которое соизволит принять император». Обессиленная Турция превратится в послушного сателлита. По словам того же Ливена, «если Оттоманскую империю и сохранить, мы без опасения можем навязать ей все условия, которых требуют наши интересы, наша честь, наша торговля и абсолютная необходимость утвердить наше преобладание в Леванте»¹⁴.

Кабы знали, кабы ведали в Зимнем дворце, какие сюрпризы поднесет им следующее десятилетие! Ослабевшая держава султана стала полем столкновений, в котором у соперников царизма на руках оказались крупные козыри: экономическое преобладание, широкий выбор промышленных товаров, свободные капиталы, морская мощь, идеологический багаж в разнообразном ассортименте для вооружения им поднимающейся балканской буржуазии, возможность заигрывания с турец-

¹³ Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887. С. 202–203; Подр. анализ мирного урегулирования см.: Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Д. 7003. Л. 98, 71.

кими реформаторами. Самодержавие еще не давало себе отчета в том, что поднимавшиеся на Балканах силы ему не опора, что представляют они слои общества, ориентирующиеся на Запад. А пока что и Петербург, и Лондон, и Вена рассматривали Адрианопольский трактат с точки зрения своих непосредственных выгод или потерь, и все трое обнаружили историческую близорукость. В Австрии его восприняли кисло, но открыто протестовать канцлер К. Меттерних не решился и прислал требуемые поздравления, утешая себя поговоркой — могло быть и хуже. Французский министр-президент Ж. Полиньяк расценил условия мира как «снисходительные»¹⁵. Резко и раздраженно встретили условия договора в Великобритании — как кабинет, так и парламент и пресса. Смысл газетных высказываний, по словам Ливена, сводился к тому, что «султану будет оставлена видимость самостоятельного существования». На Уайт-холле сознавали, однако, свое бессилие ввиду отсутствия союзников и наличия лишь дипломатических средств воздействия доказавших свою неэффективность. Здравый смысл побуждал избегать ненужного столкновения. В свою очередь и Петербург демонстрировал готовность к компромиссу и согласию по болезненному вопросу о статусе Греции.

Положение в стране после торжества революции сложилось тяжелейшее. Хозяйственное разорение сопровождалось политическими разборками, соперничеством разных группировок, бонапартистскими наклонностями тогдашних полевых командиров. Шла борьба за власть между крупными землевладельцами и торговой и судовладельческой буржуазией¹⁶. Консулы России, Великобритании и Франции поощряли «своих греков», лившиеся потоком из Петербурга предостережения против конституционализма, либерализма и «демагогии»¹⁷ производили эффект, обратный желаемому, ослабляя так называемую «русскую партию», подрывал позиции ее главы, нашего старого знакомого И. А. Каподистрии, избранного в 1827 г. президентом Греции. Споры и раздоры выливались в вооруженные столкновения, и консулам приходилось, оставив на время собственные разборки, мирить ссорившихся греков. В 1831 г. Каподистрия пал жертвой покушения.

На этом тревожном фоне дипломатия трех держав, преодолевая разногласия, вырабатывала статус создаваемого государства. Оно мыслилось в виде конституционной монархии. В актив деятельности послов в Лондоне можно записать рекомендацию предоставить создаваемому государству статус независимого. С инициативой выступили британцы, и не трудно понять, почему: в случае образования автономии все ее жители как христианские подданные султана оказывались бы под покровительством самодержавия. При независимом варианте

¹⁵ Дамянов С. Френската политика на Балканите. 1829–1853. София, 1977. С. 29.

¹⁶ См. главу наст. кн. «Через тяжкие испытания к независимости. Каподистрия, первый президент Греции».

¹⁷ Татищев С. С. Указ. Соч. С. 274.

Великобритания обрела возможность установления в Греции своего преобладающего влияния, что и произошло. После долгих споров удалось убедить англичан, вернувшихся было к варианту создания «малой Греции», разместившейся на территории Мореи, согласиться с выработанным на Лондонской конференции в марте 1829 г. проектом, предусматривавшим проведение северной границы страны по линии между заливами Волос и Арта.

Поиски кандидата на занятие трона в Афинах сперва не ладились, претендентов отпугивало мятежное состояние страны. Наконец всплыла кандидатура 17-летнего принца Оттона Виттельсбаха, за которого хлопотал отец, баварский король Людвиг, убежденный филэллин. Она прошла без споров, юноша не принадлежал к крупным правящим династиям и, стало быть, не приходилось опасаться усиления влияния какого-либо двора по родственной линии.

В конвенции о Греции (7 мая 1832 г.) упоминалось о выработке в дальнейшем греческой конституции. Ливен уверял обитателя Зимнего дворца, что не следует пугаться самого слова, что употреблено оно для обозначения государственного устройства и ничего подрывного в себе не несет¹⁸. Царь настаивал на том, чтобы Оттон принял православие как господствующую среди его подданных религию. Воплощением в жизнь угодного православию дела занялась необычная для данного случая троика — лютеранин Х. А. Ливен, католик, посланник А. А. Матусевич и представитель совсем редкой в России англиканской церкви К. В. Нессельроде. Радели они, видимо, без души, больше суетились, и Оттон не покинул лоно католицизма. Впоследствии, когда король возмужал, он превратился в деспота, чуждого культуре и традициям страны, принявшей его как суверена.

Вскоре царским сановникам пришлось убедиться, как трудно тягаться с Великобританией на равных, не опираясь на право покровительства. При отплытии российской эскадры из греческих вод Оттон не соизволил дать прощальную аудиенцию ее командующему контр-адмиралу П. Рикорду. Мальчишка-король выслал на встречу своего адъютанта. С Петербургом перестали считаться. С. С. Татищев писал о царивших в российских правящих сферах настроениях: «Разочарование было полное. Та самая Греция, которая должны были дополнить систему политического преобладания нашего на Востоке, оказалась державою не только нам недружественною, но и прямо враждебною»¹⁹. Первый опыт учреждения на Балканском полуострове независимого государства обратился в ущерб самодержавию.

Адрианопольский мир внес судьбоносные перемены в историю Балкан, не исключая Османской империи. Ее разгром свидетельствовал о гнилости всей социальной, политической и межэтнической сис-

¹⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1832. Д. 144. Л. 74–81, 35.

¹⁹ Татищев С. С. Указ. соч. С. 303, 305.

темы ее господства. На пепле поражения возрос турецкий реформизм (Танзимат). Казалось бы, в стороне от общего прогресса оказались болгары, обойденные в мирном договоре. Но и им на пользу пошли реформы Танзимата, и прежде всего — падение спахийской системы землевладения. Начался отсчет быстрого экономического роста, произошел культурный взрыв, выразившийся больше всего в развитии школьного образования²⁰. В Дунайских княжествах эпоха Адрианопольского мира ознаменовалась принятием Органических регламентов — конституционных актов современного европейского звучания, Сербия превратилась в автономное княжество²¹.

Законно встает вопрос — а не означал ли курс на сохранение Османской империи отказ от поддержки освободительного движения христианских народов? Абстрактно говоря — да. В конкретной же обстановке все обстояло гораздо сложнее. Адрианопольский мир потряс всю систему турецкого господства и ознаменовал наступление новой эры в истории Балкан. Перед греками, сербами, молдаванами, валахами, черногорцами встали громадные созидательные задачи государственного строительства. Завоеванные права надлежало «овеществить», использовать их для рывка в экономике, культуре, политической жизни, для приступа к созиданию общества на новых, буржуазных началах. Неслучайно следующие десятилетия не знали потрясений масштаба сербских восстаний или греческой революции. Народы занялись по горло внутренними делами. Перед царизмом же вставала мучительная задача — идти ли на риск войны во имя помощи христианским собратьям.

Диалектика истории сложна. С появлением независимой Греции, автономной Сербии, укреплением прав и привилегий Дунайских княжеств завершился важный этап их истории. Наступил время количественного накопления противоречий без близкого качественного их перерастания в новый открытый взрыв регионального масштаба. Его пришлось ждать почти полвека (1829–1875 гг.). Тучи балканского кризиса не заволакивали европейский горизонт²². Поэтому взятый самодержавием (и не очень твердо проводимый) курс на сохранение Османской империи той пагубы балканцам, которой он, рассуждая абстрактно, был чреват, не принес.

²⁰ *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 355; о реформах Танзимата и положении на болгарских землях см. главу наст. кн. «Время перемен».

²¹ См. главу наст. кн. «Дунайские княжества под знаком Органических регламентов» и главу о первых шагах Сербского княжества.

²² Крымская война 1853–1856 гг. являлась столкновением великих держав, ей не предшествовали массовые восстания на Балканах, как это случилось с войнами 1828–1829 и 1877–1878 гг.

Греция: период регентства и абсолютизма Оттона

Государственный строй независимой Греции и ее территориальные рамки определили «державы-покровительницы» двумя соглашениями, подписанными в 1832 г.

Лондонская конвенция от 7 мая 1832 г. не конкретизировала государственное устройство Греции, помимо того, что оно будет монархическим и что королем нового государства станет семнадцатилетний баварский принц Оттон. Но в процессе подготовки конвенции три державы обратились (26 апреля 1832 г.) «к греческой нации» с призывом помогать своему будущему монарху «в его усилиях дать государству окончательную конституцию»¹. Но призыв этот остался на бумаге.

Также в 1832 г., 21 июля, была подписана в Константинополе конвенция между представителями трех держав и Порты, изменившая северные границы Греции. Порты, в обмен на компенсацию в 40 млн пиастров, согласилась отнести границу с Грецией на север до линии Арта — Волос. В состав греческого королевства вошли Аттика, Беотия, Акарнания, Этолия, Пелопоннес, Эвбея и Киклады. Территория свободной Греции составляла 47 516 км², население — около 740 тыс.² Но в несколько раз больше греков — жителей Эпира, Фессалии, Ионических островов, Крита и других областей — остались под чужеземным игом.

25 января (6 февраля) 1833 г. король Оттон, прибывший в Грецию на британском фрегате «Мадагаскар», торжественно вступил в Навплию (Навплион) — тогдашнюю столицу государства. Вместе с ним прибыли члены регентства, которые должны были править Грецией до совершеннолетия Оттона, а также отряд баварских войск численностью в 3 600 чел. Начавшуюся новую эпоху новогреческой истории (1833–1862 гг.) греческие историки, по аналогии с периодом турократии (турецкого господства) называют баварократией (баварским господством).

Население встретило нового правителя страны благожелательно. Как писал 10 (22) мая 1833 г. российский поверенный в делах в Греции П. И. Рикман, «греки, озабоченные своими гражданскими распрями и

¹ *Strupp Ch.* La situation internationale de la Grèce (1821–1817). Zurich, s. a. P. 28. *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 297.

² Международные отношения на Балканах, 1830–1856 гг. М., 1990. С. 88.

задавленные грузом несчастий, которые эти раздоры обрушили на них, приняли короля по его прибытии с удовлетворением и почти единодушным энтузиазмом...»³.

Экономическое и политическое положение Греции к началу нового правления было тяжелым, если не катастрофическим. В результате продолжавшихся двенадцать лет войны за освобождение и гражданских междоусобиц многие города и села Греции лежали в руинах. Страна вышла из войны с поредевшим населением и разрушенной экономикой. Особенно пострадало сельское хозяйство, в котором было занято около 75 % населения. Уничтожены были многие виноградники, оливковые рощи, фруктовые сады, вытоптаны поля. Но конфискованные у турецких феодалов земли не были распределены среди крестьян, а перешли к государству. В подавляющем большинстве крестьяне остались обезземеленными и должны были на кабальных условиях арендовать «национальные земли».

Серьезный урон был нанесен и другой важной отрасли греческой экономики — судоходству. Остров Псара, являвшийся до революции 1821 г. одним из основных его центров, был захвачен и опустошен турками. Понесли значительные потери и два других Эгейских острова — Идра и Спецце, также славившиеся до революции своим флотом. Однако в ходе революции возник новый центр торговли и судоходства — остров Сирос, куда переселились многие жители Хиоса, уцелевшие после кровавой резни, учиненной на острове султанскими войсками в 1822 г.

Разорение и обезлюдение страны, упадок экономики определили катастрофическое состояние финансов нового государства. Получаемые им доходы были совершенно неадекватны потребностям государственного управления. По официальным данным, доходы греческого государства за 1833, 1834 и 1835 гг., не считая поступлений по займам, составили 23 млн 700 тыс. драхм, а расходы — 64 млн 800 тыс. драхм, что составило дефицит за три года свыше 41 млн драхм⁴.

Оставшиеся в Морее еще четыре года после завершения освободительной войны французские войска стали по существу оккупационными. В период гражданской смуты, наступившей после убийства И. Каподистрии, французские коменданты в Морее присваивали себе административные и полицейские функции. Некоторые французские солдаты запятнали себя жестокостями в отношении мирного греческого населения.

Последствием бесцеремонного вмешательства держав-покровительниц в греческие дела, а также обострения противоречий между самими этими державами стал раскол греческого политического мира на три группировки — «английскую», «французскую» и «русскую» «пар-

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1833. Д. 82. Л. 512.

⁴ См.: Parish H. The Diplomatic History of the Monarchy of Greece. L., 1838. Appendix. P. 207. (Одна драхма равнялась тогда 20 коп. серебром.)

тии». Во главе «русской партии» стояли Т. Колокотронис (позднее А. Метаксас), «английской» — А. Маврокордатос, «французской» — И. Коллеттис. «Партии» эти являлись верхушечными группировками, не имевшими каких-либо существенных различий в подходе к проблемам внутривосточного развития Греции.

Три политические группировки отражали не только ориентацию их сторонников на ту или иную из держав-покровительниц, но и в определенной мере внешнеполитические симпатии широких социальных слоев греческого общества. Так, симпатии к России, определявшиеся общностью веры двух народов, поддержкой и покровительством, которые греки в самые тяжелые для себя времена получали от великой северной державы, глубоко укоренились среди греческого крестьянства. Купцы же и судовладельцы Эгейских островов — ядро зарождавшейся греческой буржуазии — до освобождения широко пользовавшиеся покровительством России, в последующие времена начали тяготеть к Великобритании, господствовавшей в Средиземном море. Часть интеллигенции (прежде всего та часть, которая получила образование на Западе) симпатизировала Франции.

Несомненно, что сами руководители трех «партий» — видные участники войны за национальное освобождение — ни в коей мере не были сознательными проводниками иностранного влияния в Греции. С помощью «своей» державы, опираясь на традиции и особенности ее политики, они рассчитывали добиться осуществления национальных целей, важнейшей из которых было освобождение греческих земель, остававшихся еще под иноземным господством. Разумеется, не забывались и личные политические амбиции. Но расчеты расчетами, а на деле эти «партии» стали инструментом вмешательства иностранных держав, в первую очередь Англии и Франции, в греческие дела.

Первым и необходимым условием прекращения гражданским усобиц, восстановления нормальных условий жизни и защиты суверенитета Греции являлось восстановление централизованной власти. Поэтому, хотя греки получили за годы революции республиканское «воспитание», они, как уже говорилось, отнеслись в общем положительно к прибытию в их страну «короля божьей милостью», как именовал себя Оттон. Регентство, которое должно было управлять страной до совершеннолетия нового правителя Греции, назначил баварский король в следующем составе: президент регентства граф И. Армансперг, до этого занимавший ряд министерских постов в баварском правительстве; историк и правовед, профессор Мюнхенского университета Г. Маурер; артиллерийский офицер и живописец средней руки, генерал-майор Г. Гейдек. Кроме того, в регентство входил еще заместитель регента, чиновник баварского МИДа К. Абель. Из всех четырех только Гейдек имел до этого определенное знакомство с Грецией. В 1826 г. он прибыл сюда как филэллин, участвовал в боях с турками, при Каподистрии занимал важные должности на греческой военной службе.

При регентстве был создан так называемый министерский совет, состоявший из статс-секретарей, ответственных за определенные отрасли управления. Срок полномочий регентства не превышал двух с половиной лет. Регенты явно поставили перед собой задачу за этот короткий срок «цивилизовать» Грецию. Некоторые мероприятия баварского регентства, проведенные по инициативе наиболее просвещенного из его членов Г. Маурера, имели положительное значение для страны, пережившей долгое иноземное иго и опустошительную войну. Были разработаны уголовный и гражданский кодексы, улучшены пути сообщения, учреждена почтовая служба. Регентство внесло также значительный вклад в развитие системы образования: была расширена сеть начальных школ, основаны средние школы. Однако нововведения проводились слишком поспешно и часто механически. В качестве модели создания административной системы Греции была взята система внутреннего управления высоко централизованного немецкого монархического государства. Страна была разделена на 10 номов (провинций) и 42 епархии (округа), также была образована новая административная единица — дим (мэрия). Это устройство в основном сохранилось до наших дней.

Важные преобразования регентство произвело в сфере церковной жизни. Завоевание Грецией независимости поставило вопрос о взаимоотношениях Элладской церкви и Константинопольской патриархии. 23 июля (4 августа) 1833 г. было опубликовано постановление регентства о новой церковной организации. Греческая церковь объявлялась автокефальной, т. е. независимой от Константинопольской патриархии. Главой церкви объявлялся король, а ее руководящим органом становился Священный Синод из пяти епископов, назначенных с одобрения короля. Отделение греческой церкви от центра православия, находившегося во владениях султана и зависевшего от него, было необходимым шагом. Но то, что главой православной церкви становился король-католик, не могло не задевать как религиозные, так и национальные чувства греков.

Не менее радикальный характер носила и монастырская реформа, проведенная регентством в конце 1833 – начале 1834 гг. Подлежали ликвидации все монастыри с числом монахов менее шести и все женские монастыри, кроме трех. Всем монахам, не достигшим сорокалетнего возраста, предписывалось покинуть монастыри и вернуться к светской жизни. Из существовавших до реформы 524 монастырей осталось 146. Собственность ликвидированных монастырей переходила государству и предназначалась для поддержки образования и улучшения положения низшего духовенства. Распродажа монастырской собственности вызвала большое недовольство, так как продажа предметов культа считалась святотатством, а торговые операции с монастырским имуществом не были безупречны с юридической точки зрения⁵.

⁵ Ιστορία του Ελληνικού Έθνους, Αθήναι, 1977. Τ. 13. Σ. 42–44.

В целом в проведении своих реформ регенты во многом придерживались практики просвещенного абсолютизма XVIII в. В эту эпоху просвещенные монархи проводили реформы, как они считали, в интересах своих подданных, но без какого-либо участия самих подданных. Однако ко времени установления в Греции баварского абсолютизма она пережила демократическую революцию, и греки, особенно их образованная часть, привыкли считать себя не подданными, а гражданами. Поэтому реформы баварских регентов, хотя и во многом нужные, были восприняты греческим обществом неоднозначно, чему способствовало и поведение самих баварских правителей.

Баварские регенты свысока относились к грекам, считая их малоспособными к управлению собственной страной. Совет статс-секретарей, состоявший из греческих политических деятелей, осуществлял свои функции под полным контролем регентов. Греческая армия и жандармерия насчитывали тогда около 8 тыс. человек, 2/3 которых составляли баварцы. В числе 30 генералов и высших офицеров армии не было ни одного грека, а греческие офицеры получали значительно более низкое жалованье, чем баварцы. Из солдат-греков, закаленных в битвах войны за независимость, 4/5 были уволены с нищенским пособием⁶. Некоторые из них, оставшись без средств к существованию и гонимые отчаянием, бежали в горы и стали разбойниками. Вице-адмирал П. И. Рикорд, командующий русской эскадрой, перед отплытием из Греции в июне 1833 г. писал в своих заметках: «Заслуги забыты, раны, украшающие сподвижников святой борьбы, презрены. Люди, пожертвовавшие состоянием и потерявшие родных за отечество, обмануты в своих ожиданиях»⁷.

Ни при регентстве, ни после передачи всей власти Оттону не был решен аграрный вопрос, жизненно важный для Греции с ее преобладающим крестьянским населением. Суть его состояла в том, что конфискованные в ходе национально-освободительной революции земли турецких землевладельцев не были распределены среди крестьян, а перешли к государству, образовав фонд «национальных земель». Отсутствие земельной собственности у основной массы сельского населения создавало в стране постоянную социальную напряженность.

Важнейшим законодательным актом эпохи баварского правления в сфере аграрных отношений был принятый в июне 1835 г. закон «О наделении греческих фамилий». В соответствии с ним право на приобретение земли получали не только коренные жители освобожденной части Греции, но и греки, прибывшие из разных провинций Османской империи и других стран при условии участия их как военных или граждан в освободительной войне. Земля предоставлялась за

⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1835. Д. 102. Л. 290–291.

⁷ Палеолог Г., Сивинис М. Исторический очерк народной войны за независимость Греции. СПб., 1867. С. 302.

плату, с возможностью рассрочки платежа. Но осуществление данного закона шло медленно из-за сложной бюрократической системы проверки и предоставления прав на получение земли.

Были приняты и специальные законы о раздаче земли участникам войны. Однако лишь немногие ветераны стали земельными собственниками. Греческий историк А. Вакалопулос в числе других причин называет внутренний протест ветеранов против отношения к ним представителей новой власти: «Их гордость за то, что они создали государство, которым управляли теперь писцы, „грамотеи“, как они их презрительно называли, не позволяла им пройти весь этот зачастую унижительный путь — от тщательного изучения их заявлений до выдачи и представления документов, подтверждающих их заслуги...». На основании вышеназванных законов было распределено лишь около 106 тыс. стремм из огромного фонда «национальных земель», оценивавшегося, по некоторым данным, в 10 млн стремм⁸.

Нерешенность аграрного вопроса сужала сферу товарно-денежных отношений, способствовала консервации натуральных форм хозяйства. О характере греческой экономики в первые послереволюционные десятилетия А. Вакалопулос пишет: «Господствовала закрытая экономика, т. е. крестьяне старались удовлетворить свои ограниченные потребности своими собственными средствами. Они сами изготавливали свою одежду на ткацких станках, шили свои царухи⁹ из шкур своих животных, получали муку на своей мельнице, пекли хлеб в своей печи. Остаток своих продуктов они доставляли на спинах вьючных животных на местные рынки»¹⁰.

На внешнюю политику Греции (как, впрочем, и на ее внутривнутриполитическое развитие) большое влияние оказывали ее взаимоотношения с державами-покровительницами. Географическое положение Греции на морских подступах к проливам, наличие значительного греческого населения в Османской империи делали возникшее на Балканах независимое государство важным фактором в случае нового обострения Восточного вопроса. У Великобритании были большие возможности для политического и военного давления на греческое государство. Греческие Ионические острова, протянувшиеся вдоль западных берегов Греции, в 1815 г. (в ходе послевоенного политического урегулирования в Европе) стали британским протекторатом. Это был удобный форпост для политических акций в Греции и на Балканах в целом. Постоянным и существенным фактором давления на Грецию была и морская мощь Великобритании — «владычицы морей» (в частности, Средиземного).

⁸ Стремма — мера площади, равная 1000 м²; Βάκαλοπουλος Α. Νέα ελληνική ιστορία (1204–1985). Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 225–228.

⁹ Царухи — грубая крестьянская обувь, род лаптей.

¹⁰ Βάκαλοπουλος Α. Νέα ελληνική ιστορία (1204–1985). Σ. 220.

В годы революции русское влияние в Греции существенно упало. Причиной была идеологическая враждебность к ней царизма. В период правления Каподистрии оно снова значительно усилилось. Поэтому гибель первого греческого президента стала большим ударом для русской политики в Греции. После начала баварского правления в Греции борьба за политическое влияние в этой стране между бывшими участниками тройственного союза продолжалась с неослабевающей силой. Поскольку вся полнота власти в Греции до совершеннолетия Оттона принадлежала регентству, то представители держав усиленно старались привлечь симпатии его членов. Особенно активно действовали английские агенты. Главным объектом их внимания стал президент регентства И. Армансперг. Как сообщалось в донесении российского дипломата из Навплии, Армансперг покинул Баварию с идеей, что нужно обеспечить новому государству союзы, которые сулили бы ему расширение территории и значительное влияние в делах Востока и, следовательно, Европы. Для осуществления этих целей, как считал главный регент, нужно ориентироваться на Англию и полностью освободить Грецию от влияния России.

После прибытия в Грецию Армансперг начал практически действовать в этом направлении, руководствуясь советами, которые давал ему полномочный министр Великобритании Э. Доукинс. Главным из им выполненных советов стало образование правительственного совета из видных лиц «английской партии» и удаление со всех скольконибудь значительных должностей сторонников Каподистрии. При этом окружавшие Армансперга люди Англии уверяли его, что английское министерство хочет сделать Грецию сильным и обширным государством, но что Россия будет противиться этому.

Впрочем, помимо ни к чему не обязывающих словесных обещаний, явно расходившихся с официальным курсом Британии на поддержание целостности Османской империи, в запасе у «владычицы морей» были и более весомые «аргументы» для воздействия на Грецию в виде «прогулок» военных кораблей у ее берегов. Оказывая нажим на Грецию, открыто вмешиваясь в ее внутренние дела, английские политические деятели одновременно не жалели усилий для того, чтобы очернить политику России, приписать этой державе намерение установить свое господство в Греции. Насколько эти утверждения соответствовали действительности? Изучение переписки МИД России с российской миссией в Греции не подтверждает этих обвинений.

Политика царского правительства в отношении балканских стран, включая Грецию, исходила из его общих внешнеполитических установок, носивших сугубо охранительный характер. Это была политика сохранения (везде, где только возможно) феодально-монархического статус-кво и борьбы с революционными движениями. Применительно к Балканам это был курс на поддержания существования «слабого сосе-

да» — Османской империи. Принималась в расчет и альтернатива этому курсу — радикальное решение Восточного вопроса, при котором Греция сыграла бы значительную роль. Политику Николая I в отношении Греции определяли и идеологические мотивы. Греческое государство появилось на свет в результате национально-освободительной революции, которую и Николай I, и его предшественники на троне всегда осуждали. Однако Лондонский договор 1827 г. и другие международные соглашения с участием России узаконили в глазах российского самодержца это «незаконнорожденное дитя». Когда же в Греции была учреждена абсолютная монархия, то она, с точки зрения обитателя Зимнего дворца, становилась частью системы монархического легитимизма, созданной Венским конгрессом. Поэтому Николай I старался укрепить власть своего собрата в Греции, упрочить авторитет новой династии внутри страны и на международной арене. Поскольку Николай I, как и другие самодержавные правители, отождествлял «интересы государя» с «государственными интересами», то некоторые действия российского правительства, связанные с Грецией, пошли на пользу не только ее баварским правителям.

Английские и французские дипломаты в Греции, чтобы доказать «антигреческую» направленность политики России, широко использовали факт заключения в 1833 г. Ункяр-Искелесийского договора, гарантировавшего целостность Османской империи. Между тем, договор содержал специальную статью, направленную на укрепление международно-правового статуса греческого государства. Ею подтверждались прежние международные соглашения, которые касались Греции, «так точно как если бы означенные акты были включены в оном (договоре. — *Авт.*) от слова до слова»¹¹. Неприкрытое и бесцеремонное вмешательство Англии и Франции во внутренние дела Греции было связано с именами их дипломатических представителей Э. Доукинса и М. Руана. Считая, что их отзыву содействовал бы одновременный отзыв и русского резидента, баварский король обратился с соответствующей просьбой к Николаю I. Царь согласился отозвать российского поверенного в делах П. И. Рикмана при условии, что Тюильрийский и Сент-Джеймский дворы также отзовут своих резидентов из Греции. Новым главой дипломатической миссии России в Греции стал Г. А. Катакази. В июне 1833 г. он прибыл в Навплию, а в августе вручил Оттону свои верительные грамоты в качестве чрезвычайного посланника — самый высокий дипломатический ранг, который когда-либо имел до этого иностранный дипломат в Греции. Вся его служебная деятельность была связана с Балканами, он считался в российском МИДе одним из лучших их знатоков. Но есть сведения о Г. А. Катакази, не попавшие в служебные анкеты и ставшие известными много

¹¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1834. Д. 81. Л. 71. *Юзефович Т.* Договоры... С. 90–91.

позднее из работ греческих историков. Например, известно, что Г. А. Катакази в 1818 г., будучи секретарем посольства в Константинополе, вступил в тайное греческое национально-освободительное общество Филики Этерия. Именно через него его родственники — братья Ипсиланти — узнали о существовании этой патриотической организации и вступили в ее ряды¹². Для Г. А. Катакази это было «увлечение молодости»: он бесповоротно связал свою судьбу со службой России и дослужился в конце концов до сенатора и тайного советника. Но происхождение, родственные и дружественные связи открывали для вновь назначенного посланника широкие возможности в плане контактов с греческим политическим миром.

В правительственной инструкции Г. А. Катакази отмечалось, что Греция стала независимым государством, внутренняя и внешняя политика которого относится исключительно к компетенции его правительства. Правящие круги России не отказывались от попыток воздействовать на внутривластное развитие Греции в консервативном духе. Как видно из инструкции, Николай I стремился, насколько возможно, затянуть введение конституции, обещанной грекам державами, и сделать ее «как можно более безвредной, т. е., насколько можно, монархической». Г. А. Катакази поручалось также внушать в весьма конфиденциальной форме президенту регентства, что в «интересах королевской власти выработать такую избирательную систему, которая уменьшила бы влияние демократической партии, предотвратить, если это возможно, опасность публичности дебатов, наконец, значительно ограничить свободу печати». Заметим здесь, что и Англия, и Франция, несмотря на их острые противоречия с Россией, вполне разделяли в то время ее мнение о необходимости отложить введение конституции в Греции.

При этом Николай I, исходя из своих ультрамонархических принципов, не считал для себя возможным вступать в прямой контакт с «русской партией» в Греции для достижения своих политических целей. В инструкции Г. А. Катакази подчеркивалось, что Россия не собирается поддерживать в Греции какую-либо фракцию, в том числе — «русскую партию». Российский дипломат должен был внушать Т. Колокотронису и его приверженцам, что их долг — беспрекословно повиноваться новой власти и таким образом завоевать ее доверие.

К инструкции была приложена специальная записка о религиозных делах Греции. Суть этих дел, с точки зрения царского правительства, состояла в том, чтобы побудить короля-католика Оттона принять веру подавляющего большинства своих подданных — православие. В целом, как видно из инструкции, Николай I желал видеть в Греции стабильное монархическое, «без конституционных излишеств» государство¹³.

¹² См.: *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 208–209.

¹³ См.: *Международные отношения...* С. 95–96.

Однако политический климат в греческой столице — это сразу почувствовал Г. А. Катакази — мало благоприятствовал осуществлению полученных им инструкций. Беседы с Арманспергом оказались малодейственными ввиду предубеждений против России и лично против Г. А. Катакази, сложившихся у президента регентства не без влияния внушений английских и французских агентов. Впрочем, по одному важному пункту своих инструкций посланцу царского правительства удалось сразу и без труда достичь взаимопонимания с главой регентства, а именно — по вопросу об ограничении демократических свобод для населения. Армансперг просил заверить русское правительство в том, что регентство намерено «отложить всякую конституцию и всякое законодательное собрание в Греции до совершеннолетия короля». Заметим, что после совершеннолетия Оттона введение конституции откладывалось до греческих календ.

Г. А. Катакази весьма активно старался выполнить и ту часть своих инструкций, которая касалась принятия Оттоном православия. Он убеждал регентов в том, что если Оттон примет веру своих подданных, то это не только укрепит его власть в самой Греции, но и вызовет симпатии к нему у греков османских владений. Но ни нажим Николая I на баварского короля Людвига, ни «партизанские действия» его представителя в Греции не принесли желаемых результатов. Король не пожелал последовать примеру французского монарха Генриха IV и не поменял из политического интереса мессу на обедню. Единственное, на что согласился Оттон уже после начала своего личного правления, — воспитать своих будущих сыновей в православной вере¹⁴. Но поскольку брак Оттона с принцессой Амалией Ольденбургской, заключенный в 1836 г., оказался бездетным, то обещание это отпало само собой.

В сношениях с деятелями «русской партии» Г. А. Катакази был связан указаниями Николая I о том, что усиления русского влияния в Греции нужно добиваться посредством поддержки определенных общих принципов, а не конкретных людей. Но эта абстрактная формула явно оказалась в противоречии с реалиями греческой жизни. Некоторые греческие политики, принадлежавшие к «русской партии», не получая поддержки со стороны дипломатических представителей России, — в то время, как английский и французский резиденты старались обеспечить людей «своих» партий теплыми местечками в администрации, — стали переходить в прозападные партии. Об этих «миграциях» с тревогой писал в своем донесении еще П. И. Рикман: «...Поскольку личный интерес есть и всегда будет сильнейшей движущей силой в Греции, то вполне естественно, что отдаляются от державы, от которой нечего ждать для себя и чьи великодушные намерения очень мало людей в Греции в состоянии постичь и уловить, и что, напротив, присоеди-

¹⁴ Международные отношения... С. 97.

ются к тем, чье покровительство обеспечивает вам деньги, почести и места». П. И. Рикман отмечал, что массы остаются «верными своим прежним привязанностям», т. е. по-прежнему тяготеют к России, но, по меланхолическому замечанию российского дипломата, «управляют не массы: они лишь слепо следуют импульсу, получаемому от людей, которых они привыкли считать вождями нации»¹⁵.

Постепенно в Петербурге осознали, что ограничиваться лишь «благожелательным нейтралитетом» по отношению к «русской партии» в Греции — значит вести дело к дальнейшему подрыву влияния России в этой стране. 5 (17) августа 1833 г. К. В. Нессельроде подписал депешу на имя Г. А. Катакази, являвшуюся дополнением к его инструкциям. Российскому посланнику поручалось «поискать средства, которые позволили бы не оставлять административные должности страны целиком на усмотрение французских и английских агентов»¹⁶.

Однако инструкции из Петербурга явно запоздали. Английская и французская миссии обеспечили себе в Греции к этому времени прочные позиции. Де Реньи являлся генеральным контролером финансов, его соотечественник Ф. Грайар — начальником жандармерии. Не менее важные места оказались и в руках британских подданных: полковник Т. Гордон стал начальником Генерального штаба, Э. Масон — государственным прокурором. Английского же филэллина генерала Р. Черча регентство намеревалось назначить своим посланником в Петербург, но из-за резко отрицательной реакции Николая I было вынужденно отменить это назначение.

Действия регентства омрачили отношения между Россией и Грецией. Факт этот с горечью констатировал знаменитый поэт и дипломат Ф. И. Тютчев, побывавший осенью 1833 г. по служебным делам в Греции. В записке о своей миссии он писал: «В течение трех веков Россия сумела неизменно поддерживать с поработанной Грецией самые искренние благожелательные отношения, несмотря на мусульманское владычество и на все, чинимые им, препятствия и усилия помешать этим отношениям. А для национального правительства освобожденной Греции несколько месяцев оказалось достаточно, чтобы достигнуть результата, которого в течение трех столетий не могли добиться иноземные завоеватели»¹⁷.

Началось преследование бывших приверженцев И. Каподистрии, отождествлявшихся с «русской партией». 19 (31) сентября 1833 г. Т. Колокотронис и некоторые близкие к нему люди были арестованы. После восьми месяцев строгого заключения Т. Колокотронис и Д. Плапутас

¹⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1833. Д. 82. Л. 543.

¹⁶ Международные отношения... С. 97.

¹⁷ Тютчев Ф. Проект дипломатической депешы по поводу греческих дел, составленный Ф. И. Тютчевым // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. Л., 1928. Ч. 1. Кн. 2. С. 534.

были преданы суду по обвинению в «государственной измене». Суд проходил с нарушением элементарных норм судопроизводства, в роли государственного обвинителя выступал англичанин. Как писал в одном из своих донесений Г. А. Катакази: «Невиновность обоих обвиняемых была столь очевидной, выдвинутые против них обвинения — столь ложными и противоречивыми... что суд, хотя и состоявший полностью из людей, питавших закоренелую ненависть к обвиняемым, не решился признать их виновными». Только путем грубейшего нажима или, по деликатному выражению английского историка Дж. Финлея, «неподобающего вмешательства исполнительной власти в ход правосудия», регентству удалось добиться вынесения большинством судей смертного приговора обвиняемым. Через несколько дней он был заменен двадцатью годами тюремного заключения¹⁸.

Первый регент Армансперг сохранил свою власть, как формально началось царствование Оттона (20 мая (1 июня) 1835 г.) — теперь уже в качестве государственного канцлера. Сохранением своего положения Армансперг был обязан прежде всего британской дипломатии, принявшей с этой целью ряд демаршей перед мюнхенским и афинским дворами. Они были подкреплены появлением адмирала Роули с его кораблями в Саламинской бухте как раз в тот момент, когда в Греции формировалась новая администрация¹⁹. Баварский граф еще почти три года (август 1834 – февраль 1837 гг.) управлял Грецией. Его «соправителем» и покровителем стал в июне 1835 г. новый британский посланник в Афинах Э. Лайонс.

В мае 1836 г. Оттон отправился за границу в поисках жены и вернулся в Грецию лишь в феврале 1837 г. вместе с королевой, принцессой Амалией Ольденбургской. В конце того же года Оттон установил в стране режим личной власти. Окончание «эры Армансперга» означало конец преобладающего влияния Великобритании на политику молодого балканского государства. Разумеется, и после этого позиции Англии в независимой Греции оставались достаточно прочными. То же можно сказать и о России, которая, несмотря на все усилия западных держав, сохранила значительную опору в Греции, и не только среди широких слоев населения, но и среди части греческой верхушки. Однако британские политики и дипломаты не могли примириться с наличием в Греции каких-либо противодействующих влияний, а тем более признать ее право на независимую политику. В начале 1839 г. Э. Лайонс в беседе со своим австрийским коллегой А. Прокеш-Остеном высказался об этом с предельной откровенностью: «Действи-

¹⁸ Finlay G. History of the Greek Revolution. Edinburgh; London, 1861. V. 2. P. 329. Одним из первых актов Оттона по достижении им совершеннолетия было помилование Т. Колотрониса.

¹⁹ Driault E., L'Héritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. P., 1925. T. 2. P. 136–137.

тельно, независимая Греция — это абсурд. Греция может быть или русской, или английской, и поскольку она не должна быть русской, она должна быть английской»²⁰.

Вмешательство иностранных держав осложняло внутривнутриполитическое развитие Греции. Тем не менее уже после того, как Оттон взял в свои руки бразды правления, были произведены определенные преобразования в системе государственного управления, сделаны позитивные шаги в сфере культуры и экономики. Одним из важных актов первых лет правления Оттона было создание в 1835 г. Государственного совета, высшей совещательной и, в определенной мере, судебной инстанции из 20 членов, назначавшихся королем.

Важным событием культурной жизни Греции стало основание в 1837 г. Афинского университета. Университет состоял тогда из четырех факультетов: философского, юридического, теологического и медицинского. Кафедры его занимали немецкие и греческие профессора. Университет в то время был единственным высшим учебным заведением не только в Греции, но и на Балканах, и в Афины приезжали для получения образования юноши из соседних балканских стран.

Серьезным препятствием для экономического развития Греции являлось отсутствие дешевого банковского кредита. Положительным шагом в решении этой проблемы стало основание в 1841 г. Национального банка Греции. Банк, капитал которого сформировали вложения богатых заграничных греков, начал выдавать ссуды под 10 % годовых под залог имущества. До этого ссудный процент составлял 24–30 %, и получить ссуду можно было лишь при наличии очень надежной ипотеки. Создание Национального банка нанесло удар по ростовщичеству; кроме того, оно стимулировало рост товарных оборотов, возникли более благоприятные условия для развития торговли, ремесла, судоходства²¹.

После отношений с державами-покровительницами важнейшей внешнеполитической проблемой Греции были взаимоотношения с Портой, налаживавшиеся туго. Шесть лет (1833–1839 гг.) длились переговоры по заключению торгового соглашения. В марте 1840 г. оно, наконец-то, было подписано. Но его текст, став известным, не вызвал энтузиазма в Афинах: договор не распространял на греческих купцов принцип наибольшего благоприятствования, они должны были принимать обязательства и делать декларации, которых не требовали в Турции от других иностранных купцов. Оттон не ратифицировал акт²². Общественное же мнение и вовсе предало его анафеме.

Реакция в Стамбуле на отклонение греко-турецкого договора была бурной — явное свидетельство того, что договор был более выгоден турецкой стороне. Порта сорвала свой гнев на греках, живших в Ос-

²⁰ Bower L., Bolitho G. Othon I: King of Greece. L., 1939. P. 106.

²¹ Βάκαλοπουλος Α. Ο. π. Σ. 237–238.

²² Driault E., L'Héritier M. Histoire... P. 199.

манской империи: их изгнали из ремесленных корпораций и запретили заниматься розничной торговлей. Был также запрещен вход греческим судам в турецкие порты. Одновременно начались передвижения турецких войск в Фессалии и Эпире²³. Возникшую напряженность еще более усугубили события на Крите.

Судьба населения этого самого большого греческого острова была неразрывно связана с судьбой всего греческого народа. На всем протяжении войны за независимость критяне сражались бок о бок со своими соотечественниками. Несмотря на то, что критяне в жестоких битвах освободили значительную часть своего острова, в 1830 г. державы вернули Крит под власть султана, который, в свою очередь, передал его под управление своего египетского вассала Мухаммеда Али. Греческие жители Крита не примирились со своей участью и искали пути к воссоединению с Грецией. В 1839 г. начался ближневосточный кризис, в ходе которого почти все державы стремились ослабить египетского пашу, рост могущества которого угрожал стабильности Османской империи. Договор, подписанный 15 июля 1840 г. в Лондоне Англией, Россией, Австрией и Пруссией, предусматривал вывод войск Мухаммеда Али с Крита и передачу острова под непосредственное управление султана²⁴.

Политические и военные деятели Крита, эмигрировавшие после революции 1821–1829 гг. в Грецию, решили, что наступил благоприятный момент для возобновления борьбы за освобождение Крита. Созданный в Афинах критскими эмигрантами «Комитет критян» занялся сбором средств и переброской на Крит небольших вооруженных групп. В феврале 1841 г. на острове началось восстание, встретившее широкую поддержку у населения свободной Греции. Почти во всех округах Пелопоннеса возникли комитеты, занимавшиеся сбором средств для критских повстанцев. Из портов Пелопоннеса отплывали на Крит небольшие парусники с добровольцами и военным снаряжением. Официальные же власти Греции отнеслись к восстанию на Крите безучастно, хотя и не препятствовали народному движению солидарности с ним. Критские повстанцы столкнулись с открытой враждебностью почти всех европейских держав. Турецкие корабли, высадившие на Крите около 4 тыс. солдат, сопровождала австрийская эскадра. С Мальты, чтобы помочь туркам в подавлении восстания, прибыл английский фрегат «Медей». С помощью своих христианских союзников султан смог в июне 1841 г. подавить критское восстание.

В 1843 г. исполнилось десять лет с момента появления на греческой земле баварцев во главе с королем Оттоном. Социально-экономические итоги баварского правления в Греции были весьма противо-

²³ Driault E., L'Héritier M. Histoire... P. 200.

²⁴ Международные отношения... С. 103–104; см. также главу наст. кн. «Обманчивый блеск Ункяр-Искелесийского договора».

речивы. Благодаря трудолюбию, мастерству, любви к родной земле народа Греции, без какого-либо особого содействия со стороны баварских властей и зачастую вопреки их политике, испепеленная войной страна возродилась к новой жизни. Это в полной мере относилось и к древним Афинам. По описанию Г. А. Катакази, в 1834 г., когда сюда была перенесена столица независимой Греции, «город, весь покрытый развалинами и обломками, насчитывает теперь не более сотни жилых домов». Совсем другую картину увидел французский филэллин и дипломат Т. Пискатори, снова побывавший в Греции в 1841 г., впервые после национально-освободительной войны: «Я признаюсь, что был поражен, найдя город в Пирее, где когда-то не было ни одного дома, видя Афины с населением в 26 000 душ, с красивыми, хорошо построенными домами, тогда как я оставил только руины»²⁵.

Самой большой помехой для социально-экономического и политического развития Греции стал сам абсолютистский режим Оттона. Наиболее жгучей и неотложной проблемой являлась аграрная, затрагивавшая три четверти населения. Как уже говорилось, баварские власти предприняли определенные меры для решения этой проблемы, но итог «реформ» был ничтожен: только один крестьянин из шести имел собственный надел. Остальные оставались бесправными арендаторами и были объектами самой жестокой эксплуатации и притеснений. Но и те крестьяне, которые стали собственниками, страдали от произвола властей. Английский историк и филэллин Дж. Финлей, долгое время живший в Греции, писал о положении греческого крестьянства после революции: «Сельскохозяйственное население оставалось в неизменном состоянии. Его грабили разбойники, обирали жандармы и обкрадывали сборщики налогов. Оно должно было нести всю тяжесть воинской повинности и платить тяжелые местные налоги; тем не менее их собственность не была в безопасности и не строилось никаких дорог»²⁶.

Выражением стихийного протеста греческого крестьянства против этого произвола и гнета стала эмиграция. В 30-е гг. XIX в. тысячи крестьянских семей переселились в Османскую империю. Растущее недовольство деспотическим режимом Оттона проявляли и имущие слои греческого общества, в значительной мере лишившиеся той политической власти и влияния, которые они имели в период революции и даже в период османского господства.

Конституционные обещания, данные при избрании Оттона королем, были забыты. С того момента, когда Оттон взял в свои руки бразды правления, его режим приобрел все черты абсолютной монархии. Решение любого, даже самого мелкого вопроса зависело от воли короля. Без его согласия (которого часто приходилось ждать месяцами) нельзя

²⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1835. Д. 102. Л. 7. *Driault E., Lhéritier M. Histoire...* Т. 2. Р. 210.

²⁶ *Finlay G. History...* V. 2. P. 368.

было назначить даже полевого сторожа²⁷. В результате государственный механизм работал с перебоями. При бессилии министров, значительное политическое влияние приобрел личный кабинет короля.

Крайности абсолютистского режима Оттона вызывали беспокойство у «держав-покровительниц», разумеется, с точки зрения опасностей, которыми они были чреваты для самого режима.

По настоянию держав Оттон впервые поставил во главе правительства грека А. Маврокордатоса (24 июня (6 июля) 1841 г.) Этот политик представил королю свою программу, предусматривавшую расширение полномочий Государственного совета, особенно в экономических вопросах, независимость министров, которые отвечали бы за свои действия, и постепенное удаление баварцев из государственного аппарата. Однако через полтора месяца Маврокордатос подал в отставку, так как Оттон тянул время и проявлял явное нежелание проводить какие-либо реформы²⁸.

Невозможность добиться добровольного согласия короля на какие-либо преобразования в системе власти, усиливала радикальные настроения в обществе. В начале 1840 г. в Греции был раскрыт так называемый филортодоксальный заговор, организованный одноименным обществом. По имеющимся сведениям, недостаточно полным и ясным, целью заговорщиков было добиться проведения властью национально ориентированной политики через усиление роли православия в государстве. Заговор в определенной мере стал предтечей революции 1843 г.²⁹

²⁷ *Driault E., L'Héritier M. Histoire...* Т. 2. Р. 235.

²⁸ Βακαλόπουλος Α. Ό. π. Σ. 234–235.

²⁹ См. *Мисюревич О. Е.* Становление национального государства в Греции. «Русская партия» в 1837–1844 гг. М., 1997. С. 92–131. Эта работа является первым серьезным исследованием данной темы.

Греция: революция 1843 года, мегали идея

Нежелание Оттона провести даже умеренные реформы, обострило кризис абсолютной монархии в Греции. Предтечей его стал финансовый кризис. Доходов государства не хватало для покрытия расходов на содержание двора, армии и бюрократического аппарата. До поры до времени дефицит покрывался за счет займа в 60 млн франков, предоставленного Греции, в соответствии с Лондонской конвенцией 1832 г., под гарантией Англии, Франции и России. Но и эти средства скоро иссякли, и в начале 1843 г. греческое правительство объявило, что оно не в состоянии производить платежи в счет погашения займа. Реакция держав была весьма резкой. Лондонская конференция представителей Англии, Франции и России потребовала от греческого правительства сокращения ежегодных расходов на 3,5 млн драхм, чтобы обеспечить регулярные выплаты по займу. Греческое правительство отныне должно было представлять свои бюджетные документы на рассмотрение держав¹.

Началось сокращение государственных расходов. Лишились жалованья многие профессора Афинского университета, они продолжали бесплатно читать лекции. Жители с горечью наблюдали, как уволенные в отставку греческие офицеры — сокращение коснулось только их, а не баварцев, — продавали своих коней и свою форму. Новый закон о таможенных пошлинах, принятый с целью увеличения доходов королевской казны, сильно ударил по карману греческих купцов².

Эти меры администрации еще более усилили общее недовольство баварским правлением. Накал ненависти к баварским чиновникам и офицерам, презрительно третировавших греков как «неспособных к управлению», нарастал в стране. Все большее возмущение вызывало у греков самодержавное правление баварского короля, все громче звучало требование покончить с феодально-абсолютистскими порядками, восстановить конституционный режим. Общие чувства — ненависть к баварцам и протест против деспотизма Оттона — объединили политиков всех трех существовавших в Греции «партий».

¹ *Driault E., L'Héritier M. Histoire de la Grèce de 1821 à nos jours. P., 1925. T. 2. P. 232–233.*

² *Ibid. T. 2. P. 233; Finlay G. History of the Greek Revolution. Edinburgh; L., 1861. V. 2. P. 370.*

В подготовке революционного выступления активная роль принадлежала деятелям «русской партии» А. Метаксасу, К. Зографосу и М. Суцосу, а также А. Лондосу («английская партия») и Р. Паламидису («французская партия»). В заговор были вовлечены и патриотически настроенные офицеры. Особенно активную роль в выступлении, приведшем к падению абсолютизма Оттона, сыграли участники революции 1821–1829 гг. генерал Я. Макрияннис и полковник Д. Каллергис, командир кавалерии афинского гарнизона³.

В ночь со 2 на 3 (14–15) сентября 1843 г. заговорщики вывели на площадь перед королевским дворцом части афинского гарнизона. Здесь собралась также огромная толпа народа. Каллергис передал королю требование войск и народа о введении конституции. В три часа утра собрался Государственный совет, принявший по инициативе оппозиционных политиков важные постановления. В их числе была петиция королю о предоставлении конституции, указы о созыве в 30-дневный срок Национального собрания, роспуске министерства и создании временного правительства во главе с А. Метаксасом и об увольнении всех иностранцев, кроме филэллинов — участников революции 1821–1829 гг., с греческой службы. Делегация Государственного совета представила эти постановления Оттону на подпись. Король попросил отсрочки для того, чтобы связаться с посланниками держав и попросить их совета. Ему было в этом отказано.

Потеряв какую-либо надежду на помощь дипломатического корпуса, Оттон был вынужден подписать подготовленные Государственным советом документы, включая создание временного правительства во главе с А. Метаксасом. Между тем напряжение не спадало. Огромная толпа, заполнившая площадь, не расходилась и была настроена весьма враждебно к королю и его окружению. Солдаты восставшего гарнизона вполне разделяли настроения народа. Тогда руководители восстания, чтобы разрядить обстановку, потребовали от короля подписать еще указы, которыми выражалась бы благодарность войскам и народу, участвовавшим в революционном выступлении. Оттон тогда снова попросил разрешения встретиться с посланниками держав, и на сей раз согласие было дано. Прибывшие во дворец дипломаты, после короткого совещания, пришли к единому мнению, что королю надо уступить и принять дополнительные требования восставших. То, что собравшиеся посланники, в том числе представители самодержавных режимов России, Австрии и Пруссии — проявили столь редкое для них единодушие, объяснялось напряженностью обстановки. Движение, начатое патриотически настроенными военными, переросло в народный бунт и грозило выйти за рамки, которыми хотели ограни-

³ О подготовке и ходе восстания 3 (15) сентября 1843 г. см.: Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήνα, 1977. Т. 13. Стр. 90–94; Мисюревич О. Е. Становление национального государства в Греции: «русская партия» в 1837–1844 гг. М., 1997. С. 173–200.

чить его организаторы заговора. На карту было поставлено само существование монархии в Греции. В толпе, собравшейся возле королевского дворца, звучало требование восстановления Тризинской конституции⁴. Поэтому и дипломаты, и возглавившие движение греческие политики, по существу весьма умеренные, в кульминационный момент восстания преследовали одну цель — определенными уступками сбить накал народного возмущения, спасти монархию и Оттона, оказавшегося в полной изоляции.

После того, как король подписал дополнительные указы, он, вместе с дипломатами и новым главой правительства, появился на балконе королевского дворца, окруженного огромной толпой народа. Посланник Австрии А. Прокеш-Остен красочно описывал эту сцену: «Один против всего народа, ни одна рука за него после десяти лет правления — это ужасно!.. Я не знаю, что случилось бы, если бы мы не были рядом, и если бы Метакса не смог бы выйти впереди короля и, улучив момент, выкрикнуть: „Все подписано! Да здравствует король!“, посреди этой ревушей массы, которая затопила площадь и готовилась штурмовать дворец»⁵.

«Бескровная революция», как называют некоторые историки события 3 (15) сентября 1843 г., была острым политическим столкновением между греческим народом и навязанным ему абсолютистским режимом короля-иностранца. И если это драматическое столкновение обошлось без кровопролития, то только потому, что не нашлось в Греции людей, которые были бы готовы пролить кровь народа и свою собственную кровь ради династических интересов баварского короля.

Державы, кроме России и Пруссии, одобрили действия своих дипломатических представителей в ходе революционных событий в Афинах. Прусский король, хотя и осудил поведение своего посланника Брасьера, но оставил его на занимаемом месте. Гораздо более резкой была реакция Николая I. На докладную записку К. В. Нессельроде о революции 3 (15) сентября 1843 г. он отреагировал весьма эмоционально: «Если правильно, что господин Катакази имел низость дать королю совет уступить силе вместо того, чтобы умереть с честью, я исключаю его с моей службы как негодяя». Во исполнение грозной царской резолюции посланнику было приказано немедленно покинуть греческую столицу.

Николай I был так разгневан на Грецию, ограничившую абсолютную власть своего монарха, что его первым побуждением было вообще разорвать с ней дипломатические отношения. Но по здравом размышлении в Петербурге решили, что поступить так означало бы предоставить полную свободу действий в этой стране соперникам. Поэтому было решено сохранить дипломатическое представительство в Гре-

⁴ Θεοδώρου Θ. Η Ρωσία και Επανάσταση της 3ης Σεπτεμβρίου 1843 // Βαλκανικά συμπερίκτα. Θεσσαλονίκη, 1992 (τεύχ. 4). Σ. 82.

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 3. 1843. Д. 103. Л. 39.

ции, но на уровне поверенного в делах. В Петербурге пришли также к выводу, что, несмотря на различия в подходе к политической перемене в Греции, можно будет продолжить сотрудничество России с двумя другими державами-покровительницами Греции. В протоколе, подписанном 17 ноября 1843 г. в Лондоне, представители Англии, России и Франции заявили о своем общем стремлении к упрочению баварской династии в Греции, сохранению ее «в территориальных пределах, окончательно установленных между новым королевством и Османской империей» и потребовали от афинского правительства выполнения его финансовых обязательств⁶.

Предметом обсуждения держав стал вопрос о характере конституции, на введение которой был вынужден согласиться Оттон. Баварский двор, опекавший своего отпрыска, предпринял усилия, чтобы помочь ему уклониться от того обязательства или, если введение конституции окажется неизбежным, придать ей как можно более ограниченный характер. Большие надежды в этом отношении в Мюнхене возлагали на российского самодержца — опору и защитника абсолютизма, непримиримого врага революционного движения. Но надежды эти не оправдались. Царь отверг просьбу баварского посланника О. Брая — использовать свое влияние для того, чтобы сделать греческую конституцию как можно более монархической: «Я оставляю ее тем, кто что-то знает о конституциях, что же касается меня, то я ничего не желаю слышать о них»⁷.

В то же время Лондон, действуя в этом вопросе в полном согласии с Парижем, охотно согласился по просьбе баварского двора вмешаться в процесс подготовки греческой конституции, чтобы сделать ее сугубо монархической и как можно более ограниченной.

Продолжавшееся четыре месяца обсуждение проекта конституции завершилось ее принятием 18 (30) марта 1844 г. В ней предусматривались личная свобода и равенство всех греческих граждан перед законом, их право доступа ко всем должностям, свобода прессы. Законодательная власть вручалась королю, палате депутатов и Сенату, члены которого пожизненно назначались королем; исполнительная власть вручалась королю, который осуществлял ее посредством назначаемых им министров. Король объявлялся главой государства и верховным главнокомандующим, ему предоставлялось право объявлять войну, заключать международные договоры, распускать палату депутатов. Православие объявлялось государственной религией Греции, допускалось существование и других религий, но запрещался прозелитизм. В конституцию был включен пункт о том, что наследник греческого престола должен будет принять православие⁸.

⁶ Подробнее см.: Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990. С. 108–109.

⁷ Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. München, 1966. P. 34.

⁸ См.: Формирование национальных независимых государств на Балканах. М., 1986. С. 62–63.

Одновременно с конституцией был принят и избирательный закон. Активное избирательное право предоставлялось только мужчинам, достигшим 25-летнего возраста и имеющим какую-либо собственность или владеющим какой-либо профессией. Один депутат избирался от 10 тыс. жителей. Однако некоторые сообщества за свои заслуги перед страной получили определенные преимущества. Так, сравнительно небольшой по населению остров Идра, сыгравший выдающуюся роль в войне за независимость, получил право избирать трех депутатов. Могли избрать своего депутата и преподаватели Афинского университета⁹. Конституция 1844 г. была значительно консервативнее не только республиканских конституций революционной эпохи 1820-х годов, но и монархических конституций Европы 1830-х годов. В частности, в ней отсутствовал принцип народного суверенитета, имевшийся в бельгийской конституции 1831 г.

Революция 1843 г. была, несомненно, проявлением национальных чувств греческого народа, его воли покончить с засильем иностранцев и быть хозяином в собственном доме. Она являлась продолжением борьбы за национальное освобождение и независимость, начатой в марте 1821 г. И естественно, что революция поставила на повестку дня вопрос о судьбе греков, остававшихся под иноземным господством. В ходе подготовки статьи конституции о греческом гражданстве возник вопрос об автохтонах — коренных жителях территорий, составивших греческое королевство в границах 1832 г., и этерохтонах — греческих жителях королевства, происходивших из областей, которые не вошли в его состав. Выступая 15 (27) января 1844 г. в защиту прав этерохтонов в Национальном собрании, лидер «французской» партии И. Колеттис заявил, что это собрание «призвано принимать решения, касающиеся судеб не только Греции, но и всего греческого народа», поэтому при предоставлении политических прав не следует разделять греков на автохтонов и этерохтонов. Революция 1821–1829 гг. в интерпретации Колеттиса была борьбой не только за освобождение всех греков, но и «вообще всех единоверных христиан». В связи с этим Колеттис сформулировал «историческую миссию» Греции на протяжении веков: «Ее предназначение — своим падением просветить Запад, а через свое возрождение — Восток. Первое осуществили наши предки, а второе возложено на нас». Посредством этих рассуждений видный греческий политик обосновывал «исторические права» Греции на получение в будущем значительной доли османского наследства.

Вряд ли многие из депутатов Национального собрания, слушавшие речь Колеттиса, смогли в полной мере оценить ее значение. Между тем, в этой речи впервые были сформулированы основные положения так называемой *мегали идея* (Великая идея) — греческой великодержавной

⁹ Ιστορία... Τ. 13. Σ. 112–113.

доктрины, оказавшей большое воздействие на исторические судьбы Новой Греции. Она подводила идеологическую базу под стремление правящих кругов Афин создать «Великую Грецию» — большое греческое государство, которое включало бы в себя не только значительную часть Балкан, но и обширные территории Малой Азии.

Возникновение *мегали идея* было симптоматичным явлением. В том же 1844 г., как известно, было сформулировано и «Начертание» И. Гарашанина — аналогичная сербская великодержавная доктрина. Возникшие в 30-е гг. XIX в. первые балканские монархии пытались возглавить и направлять (в своих интересах и своими методами) не завершённый еще ни для Греции, ни для Сербии процесс национального освобождения. Но это была лишь одна сторона этих великодержавных доктрин. С течением времени доминирующее значение приобрела другая их сторона — оправдание историческими и иными аргументами планов расчленения других балканских стран, не добившихся еще государственной самостоятельности. В условиях 40–70-х гг. XIX в., когда греческое государство было еще очень слабым в экономическом и военном отношениях, *мегали идея*, в определенной мере объективно, служила обоснованием справедливой борьбы за воссоединение с Грецией Фессалии, Эпира и других греческих областей¹⁰. Подавляющим большинством греков середины XIX столетия она и субъективно воспринималась именно так. По свидетельству русского дипломата М. Волкова, побывавшего в Греции накануне Крымской войны, «всякий эллин желал видеть свое отечество обогащенным двумя изобильными и прекрасными областями [Эпиром и Фессалией], которые не только даровали бы ему избыток во всех благах природы, но и удвоили бы народонаселение Греческого Королевства. Эта идея так глубоко проникла в сердце каждого эллина, что называлась предпочтительно между греками великою идеею»¹¹.

А. Маврокордатос, ставший в марте 1844 г. премьер-министром, потерпел поражение на первых (после принятия конституции) парламентских выборах. Победителем стал И. Колеттис, 6 (18) августа 1844 г. возглавивший правительство. С падением Маврокордатоса и приходом к власти Коллетиса прерывается англо-французское сотрудничество в Греции. В Лондоне главу «французской партии» с этого момента считали персоной нон грата — за то, что он выдвинул *мегали идея* и стал, таким образом, «возмутителем спокойствия на Востоке».

Колеттис возглавлял правительство три года — вплоть до самой своей смерти. При Оттоне, когда судьбу часто менявшихся кабинетов

¹⁰ Анализ *мегали идея* и ее эволюции см.: Данова Н. Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX век. София, 1980. Здесь речь И. Колеттиса от 15 (27) января 1844 г., в отличие некоторых других работ, изложена непосредственно на основе протоколов Национального собрания.

¹¹ См.: Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908–1913. Т. 1. Приложения. С. 174.

определяли не парламентские вотумы доверия, а придворные интриги, это был достаточно длительный срок. Колеттис был активным участником национально-освободительной войны, проявив себя, правда, больше в парламентских баталиях, нежели на полях сражений. В начавшейся в 1831 г. (после убийства И. Каподистрии) гражданской войне он возглавил движение под конституционными лозунгами, приведшее к свержению А. Каподистрии. В эти годы у него завязались тесные связи с военными и политическими представителями Франции в Греции. Связи эти упрочились, когда Колеттис в течение восьми лет (1835–1843 гг.) был греческим посланником в Париже. Революционное прошлое нового премьера, его панэллинистские идеи вызывали беспокойство не только Лондона, но и Вены. Видный деятель Июльской монархии во Франции Ф. Гизо, хорошо изучивший греческого политика в бытность того посланником в Париже, успокаивал паникеров: «Колеттис — революционер и радикал — стал сторонником правительства (*gouvernemental*) и монархистом; Колеттис — конспиратор и борец во имя всеобщего восстания греческой расы и основания Греческой империи — потерял всякое доверие к своим собственным мечтам и подчинил свои собственные мнения гнету необходимости»¹². Резкую, но во многом справедливую характеристику Колеттису дает А. Вакалопулос: «Его внутреннюю политику характеризуют отсутствие порядка, частые растраты государственных средств, произвольные назначения и увольнения чиновников, беспорядки и т. д. Это был тип ловкого партийного вождя, которому не было равных в охоте за голосами избирателей и в оппортунизме; целью его прежде всего было увеличение числа членов своей партии и карабкание к вершинам власти»¹³.

На внешнеполитической арене глава «национальной партии», как стали называть Колеттиса, действовал достаточно осторожно. Зная, что любая попытка вновь открыть Восточный вопрос вызовет активное противодействие всех держав, «отец» *мегали идея* не предпринимал чего-либо серьезного для ее реализации. Продолжавшаяся же пропаганда националистической идеи служила целям популярности премьера среди его приверженцев и отвлечения внимания широких слоев населения от жгучих внутренних проблем. Правда, Колеттис тайно поощрял иррегулярные отряды, которые вели партизанские действия на греко-турецкой границе. Таким образом, он давал занятие «беспокойным элементам», которые иначе представляли бы угрозу для внутренней безопасности королевства.

Отношения же между Грецией и Турцией постоянно оставались плохими. Порта не могла примириться с отказом Греции подписать торговый договор 1840 г. В греко-турецких конфликтах, происходивших постоянно по различным поводам, и британцы неизменно вы-

¹² Driault E., L'Héritier M. Histoire... Т. 2. Р. 270.

¹³ Βακαλοπούλου Α. Νέα ελληνική ιστορία (1204–1985). Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 249–250.

ступали в роли адвокатов Порты. В 1847 г. Пальмерстон готовил крупную карательную акцию против Греции под предлогом обеспечения безопасности Ионических островов от действий «греческих пиратов»¹⁴. Задержка с ее проведением была вызвана начавшимися в феврале 1848 г. в Европе революционными событиями.

Волна революционных выступлений, захлестнувшая всю Европу в 1848–1849 гг., докатилась и до Греции. Газеты были наполнены сообщениями о народных волнениях в различных городах Европы. В стране усиливались республиканские тенденции, особенно среди студенческой молодежи. Оппозиционные настроения охватили и часть офицерства. В апреле 1848 г. вспыхнули восстания некоторых гарнизонов Пелопоннеса. В ходе выступлений выдвигались требования строгого соблюдения конституции, роспуска угодничавшей перед королем палаты депутатов, созыва Национального собрания¹⁵. После поражения революции в Европе в Греции нашли убежище ее участники из ряда стран — итальянцы, венгры, поляки. Среди эмигрантов было много жителей Ионических островов, где революционные события приняли гораздо более серьезный характер, чем в самом греческом королевстве.

Ионические острова были переданы под покровительство Великобритании Парижским договором 1815 г. На островах было создано автономное государственное образование — Соединенные штаты Ионических островов. «Государство» имело свою конституцию, сенат, периодически созывавшееся Законодательное собрание. Но эти атрибуты автономии были лишь прикрытием для жесткого полуколониального режима. Вся полнота власти на островах принадлежала английскому верховному комиссару, опиравшемуся на военную силу. Следует при этом заметить, что общественная и культурная жизнь Ионических островов при английском господстве была довольно развитой. Здесь существовали учебные заведения, в том числе Ионическая академия, выходили газеты, появились политические клубы. Огромное большинство ионических греков стремилось к воссоединению с Грецией. Однако эти стремления шли вразрез с политикой Великобритании, для которой Ионические острова были важной военно-морской базой на Средиземном море, и они жестоко подавлялись. В 1848 году тогдашний лорд — верховный комиссар Дж. Ситон, чтобы ослабить недовольство, пошел на определенные уступки. Были несколько уменьшены налоги, расширены права Законодательного собрания, отменена предварительная цензура печати. В результате на Ионических островах появились первые политические газеты, открыто выступавшие за энозис — воссоединение островов с Грецией — и пропагандировавшие демократические принципы французских революций. Наиболее активные выступления против британского господства имели место на Кефалло-

¹⁴ Подробнее см.: Международные отношения... С. 113.

¹⁵ Революции 1848–1849. М., 1952. Т. 2. С. 375–376.

нии, где движение крестьянских масс возглавили представители демократической интеллигенции. 25 марта (6 апреля) 1848 г., в день греческого национального праздника, в Аргостоли — главном городе острова — произошла народная манифестация.

В сентябре того же года на острове вспыхнуло вооруженное восстание. Восставшие намеревались захватить власть и образовать временное правительство. Для облегчения положения бедных слоев населения, в первую очередь крестьянства, предполагалось провести ликвидацию долговых обязательств и освободить должников из тюрем. Английским войскам в нескольких стычках удалось разбить повстанцев. На население Кефаллонии была наложена контрибуция «для возмещения убытков». Но арестованные повстанцы вскоре были отпущены на свободу. Однако сменивший Ситона новый английский наместник Г. Уорд вновь начал проводить политику «железного кулака». Ответом было снова вспыхнувшее на Кефаллонии в августе 1849 г. восстание, имевшее гораздо более упорный характер. Оно было с крайней жестокостью подавлено английскими войсками. По приговору военно-полевых судов 30 человек были повешены. Более 400 были подвергнуты сечению плетью. Не проводилось какого-либо различия между виновными и невиновными, между мирянами и священниками. Многие жители были арестованы и даже убиты вообще без какого-либо суда. Телесные экзекуции проводились публично «для примера». С этой же целью тела казненных в течение многих дней оставляли висеть на виселицах¹⁶.

В греческом королевстве после смерти И. Колеттиса в сентябре 1847 г. наступил длительный период спада политической активности; государственная жизнь зависела от победы при дворе той или иной партии; министерские кризисы не прекращались. В этих условиях все большую власть сосредоточивал в своих руках король Оттон, немалое влияние на политическую жизнь оказывала и королева Амалия и окружающие ее баварцы. Вскоре после «усмирения» ионических греков Пальмерстон решил, что наступил черед и самой Греции. Для обоснования своего права вершить суд и расправу над независимым государством долголетний руководитель внешней политики Великобритании собрал против него большое «обвинительное досье». В этом списке, в который вошло около 1100 различных претензий к Греции, главным пунктом стало так называемое «дело дона Пачифико». В апреле 1849 г., на пасху, афинская чернь разгромила дом португальского еврея Давида Пачифико. Пострадавший имел английское, испанское и португальское подданства, но из всех возможных вариантов он решил выбрать покровительство Великобритании и через английскую миссию представил в греческий суд иск о возмещении убытков. В общую сумму понесенного им ущерба Пачифико, помимо счета за поврежденную мебель, включил свои претензии к Португалии, основанные

¹⁶ Ιστορία... Τ. 13. Σ. 207.

на документах, якобы исчезнувших во время разгрома его дома¹⁷. «Дело Пачифико», так же как и другие тяжёлые дела, рассматривалось местными судами обычным порядком, в соответствии с международным правом и греческими законами. Однако 4 (16) января 1850 г. на рейде Пирея неожиданно появился британский адмирал В. Паркер со своей эскадрой из 14 боевых кораблей, вооружённых 731 орудиями и имевших на борту 8 тыс. моряков. На следующий день Паркер и английский посланник Т. Уайз предъявили греческому правительству ультиматум: в 24 часа удовлетворить все имевшиеся к нему претензии. Правительство Оттона этот ультиматум отвергло. Тогда Уайз перешёл из здания миссии на борт флагманского корабля «Куин» и объявил о блокаде греческого побережья. Греческим судам был запрещён вход и выход из собственных портов.

Греческое правительство расценило действия Англии как неспровоцированную агрессию. В письме греческого министра иностранных дел А. Лондоса, направленном Уайзу в ответ на его ноту об объявлении блокады Греции, говорилось: «Присутствию такой силы, какая подчиняется Вашим указаниям, правительство его греческого величества может противопоставить только свои права и торжественный протест против враждебных актов, совершенных среди белого дня и являющихся, не говоря уже о других соображениях самого высокого порядка, в высочайшей степени нарушением его достоинства и независимости»¹⁸.

Посылка в греческие воды эскадры Паркера «для подкрепления» имущественных претензий британских протекторов к греческому государству была отражением присущего политике Пальмерстона культа силы, его претензий на исключительное положение Великобритании в системе государств. На Уайт-холле никак не могли примириться с тем, что Греция, несмотря на господство Британии в Средиземном море, осмелилась не подчиняться ее диктату. Пальмерстон не скрывал, что, посылая эскадру к греческим берегам, он хотел бы «преподать урок» Оттону. По всем данным, были и более сокровенные замыслы: активизировать пробританские силы в Греции, добиться смены министерства, а может быть — и династии. С момента объявления блокады английский адмирал хозяйничал в водах Греции. Был установлен контроль над греческим военным флотом, захвачены и отведены в Саламинскую бухту многие греческие торговые корабли. Поскольку судоходство являлось важнейшей после сельского хозяйства отраслью экономики Греции и обеспечивало связь между различными районами страны, блокада тяжело отразилась на положении широких слоев населения. Но разбойничьи действия английской эскадры вы-

¹⁷ Driault E., L'héritier M. Histoire... Т. 2. Р. 330–332.

¹⁸ Ibid. Т. 2. Р. 342.; см. также главу наст. кн. «Обманчивый блеск Ункяр-Искедессийского договора».

звали возмущение народа и одновременно — подъем патриотических чувств. Оппозиционные газеты писали о своей безоговорочной поддержке твердой позиции правительства в отношении агрессивных действий Англии. Офицеры афинского гарнизона заявили о своей готовности служить безвозмездно, без жалованья. Студенты формировали добровольческие отряды¹⁹. Действия Англии были осуждены двумя другими державами-покровительницами, к которым греческое правительство обратилось за содействием. И хотя греческое правительство было вынуждено принять английский ультиматум, но в ходе последующих переговоров Англии с Францией, предложившей свои «добрые услуги», размер компенсации, которую Греция должна была выплатить Д. Пачифико, был многократно сокращен²⁰.

После революции 1843 г. не произошло каких-либо подвижек в социально-экономическом развитии Греции. В подвешенном состоянии оставался аграрный вопрос — наиболее острая социальная проблема греческого общества после освобождения. Промышленность в точном значении этого слова в стране отсутствовала. В центре политической жизни Греции в 50-е гг. XIX в. по-прежнему стояла большая национальная проблема — освобождение остававшихся еще под иноземным игом соотечественников и воссоединение их с греческим государством. На пути осуществления этих сокровенных чаяний греческого народа стеной стояла Великобритания — друг и покровитель Порты, распространившая свою власть на Ионические острова. Только помощь другой великой державы могла открыть для Греции какие-то перспективы. Большинство греков середины XIX столетия, подобно их предкам, осуществление своего национального идеала связывало с Россией. Огромный толчок этим надеждам дала начавшаяся в 1853 г. новая русско-турецкая война.

¹⁹ Rall H. Griechenland zwischen Rußland und dem übrigen Europa. Die “Grosse Idee” der Griechen zwischen 1847 und 1859 // Saeculum. 1967. 18. H. 1–2. S. 172.

²⁰ Подробнее см.: Международные отношения... С. 246–247.

Рождение Черногорского княжества

Внутреннее положение Черногории лишь ухудшалось, вновь ожили племенные междоусобицы и кровная вражда, усугублявшиеся в 20-е годы повсеместным голодом. На эти беды и «пагубное безначалие» жаловался в Петербург дряхлеющий митрополит, осознававший свое бессилие перед многочисленными проблемами, стоящими перед страной. Свои надежды в деле государственного реформирования митрополит возлагал не только на внутренние консолидирующие силы, но и вновь на русское правительство, пытаясь на сей раз использовать живших постоянно в России черногорцев. Одним из них был Иван Иванович Вукотич, внук известного генерала русской армии Г. Подгоричани.

В 1825 г. в российское министерство иностранных дел была представлена «Записка о настоящем положении черногорского митрополита Петра Петровича и управляемого им черногорского и брдского народа»¹. В ней излагались как собственные мысли Вукотича относительно задач преобразования общественно-политического устройства страны, так и взгляды на эту проблему митрополита. Для установления твердого порядка в Черногории, говорилось в «Записке», требовалось «дать народу гражданское управление», позаботиться о его просвещении, открыть «первоначальное училище» при Цетинской митрополии. Все нововведения должны были учреждаться «не посторонними, но соотечественниками». Необходимость совершенствования аппарата управления требовала, по мнению Вукотича, принятия мер, направленных на развитие экономики и торговли. Следовало «завести капитал общественных доходов», ремесленные училища и фабрики. Но важнее всего — расширить территорию Черногории, получить выход к морю, завладеть портом Антивари (Баром), через который можно было бы вести торговлю. Вукотич считал также необходимым провести воен-

¹ АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A2. 1823. Д. 680. Л. 4–9 об.; *Павићевић Б.* Припреме за долазок Вукотића и Вучићевића у Црну Гору 1831. Године // *Историјски записи.* 1969. Књ. XXV. Св. 4. С. 93–95. Б. Павичевич ошибочно считает 1823 год временем подачи «Записки» в МИД, что установлено В. М. Хевролиной (*Хевролина В. М.* Из истории русско-черногорских отношений в 1813–1833 гг. // *Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия.* М., 1992. С. 94–95).

ную реформу и обучать военному делу детей «поглаварей», завести регулярную пограничную стражу, дозорные объезды и т. п. Для осуществления этих масштабных преобразований от русского двора требовалось предоставление Черногории единовременного беспроцентного займа в размере 10 тыс. червонцев, а в течение последующих 10 лет — 5 тыс. червонцев.

В августе 1825 г. о просьбах митрополита было доложено Александру I, и он распорядился возобновить выдачу Черногории государственной субсидии, установленной еще Павлом I, в размере прежней суммы, т. е. 1 тыс. червонцев ежегодно, что было важно для Черногории, постоянно испытывавшей крайнюю нужду в деньгах.

Таким образом, многолетние ходатайства черногорского руководства перед петербургским двором увенчались частичным, но важным для страны успехом. Этот шаг царя навстречу пожеланиям Черногории объясняется не каким-либо его особым расположением к черногорцам, а общим изменением курса внешней политики России на Балканах. Александр I после безрезультатных переговоров по урегулированию греко-турецкого конфликта с Австрией, Францией и Пруссией в августе 1825 г. окончательно решил действовать единолично в отношении Турции. Это решение царя наносило сильнейший удар по устоям Священного союза. Убедившись в провале курса на умиротворение Турции, Александр I намечал вступление России в войну с ней на весну 1826 г. Но его смерть в ноябре 1825 г., последовавшее затем междуцарствие и восстание декабристов, наконец, воцарение Николая I, которому еще предстояло определить свое отношение ко многим проблемам империи, — все это на два года отодвинуло войну России с Турцией.

С восшествием на престол Николая I русско-черногорские отношения первоначально не претерпели радикальных изменений в лучшую сторону. Однако развитие Восточного кризиса в связи с продолжавшейся борьбой греков за независимость, последовавшее затем вовлечение в этот процесс Великобритании и Франции, наконец, стремление нового императора заявить о себе на международной арене, поднять явно ослабевший престиж России на Балканах — все это привело к активизации балканской политики царизма, пиком которой стала русско-турецкая война 1828–1829 гг.

В условиях войны в правящих кругах России рассматривался вопрос о привлечении балканских народов к борьбе против Турции. И здесь вновь понадобился Д. Н. Сенявин. Николай I пожелал узнать его мнение, и адмирал, памятуя опыт военной кампании на Адриатике в 1806–1807 гг., подал в конце апреля 1828 г. две специальные записки на имя царя². Д. Н. Сенявин предостерегал императора о сложностях ведения боевых действий в горных условиях Балкан, где турки

² Д. Н. Сенявин — Николаю I, 22 апр. (4 мая) 1828 г. // РГВИА. Ф. ВУА. 1828. Д. 4414. Л. 2–6.

могли бы эффективно противостоять русским войскам. Д. Н. Сенявин предлагал заблаговременно подготовиться к такому обороту событий путем создания «горного передового войска» для борьбы с турецкими военными силами на балканском театре военных действий. По мысли адмирала, в него должны были войти черногорцы, сербы, болгары, казаки-некрасовцы, укрывшиеся в турецких владениях после подавления восстания Кондратия Булавина. Д. Н. Сенявиным особенно подчеркивается искренняя приверженность черногорцев к России. Он предлагал вызвать в Россию из Черногории «несколько вернейших граждан» для согласования совместных действий.

Русское военное командование, сам Николай I понимали, что вовлечение в боевые действия на балканском театре военных действий местного населения могло существенно повлиять на ход войны, но российское руководство опасалось нового, мощного подъема национально-освободительного движения на Балканах, а в связи с этим еще больших осложнений в отношениях с западными державами, и в первую очередь с Австрией. В связи с этим царское правительство отказалось от идеи крупномасштабного вовлечения балканских народов, в том числе и черногорцев, в войну с Турцией.

В условиях русско-турецкой войны ожили надежды черногорцев на получение поддержки со стороны России для решения их внутренних и внешних проблем. Весной 1828 г. митрополит направил в Петербург черногорского родственника И. Вукотича Матия Вучичевича с письмами царю и некоторым русским сановникам. В них содержалась просьба об «открытом покровительстве» России Черногории, предоставлении ей необходимых средств для содержания правительства и заведения училищ и пр. В письме Николаю I от 20 июля 1829 г., пересланном через того же М. Вучичевича, Петр Петрович просил прислать в Черногорию небольшое количество русских войск для борьбы с турками. В случае же заключения мира он хотел с помощью России добиться присоединения к Черногории порта на Адриатике (Бара) и бывшей Зеты (область средневекового сербского государства, к которой относилась основная часть территории Черногории). Тогда, по мнению Негоша, можно было бы «установить правительство» и обеспечить безопасность страны. Митрополит просил удовлетворить его просьбы хотя бы частично. В противном случае он просил у царя разрешения черногорцам переселиться в Россию³. Письмо Негоша попало в МИД, когда Адрианопольский мир был уже подписан, а в октябре 1829 г. Николай I наложил отрицательную резолюцию на прошение митрополита.

Причины отказа русского правительства, как ранее, на аналогичные прошения, так и сейчас, объясняются, на наш взгляд, следующие-

³ Петр I Негош — Николаю I, 20 июля (3 авг.) 1829 г. // АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A2. 1829. Д. 686. Л. 8 об.

ми обстоятельствами. Россия традиционно как единственная православная великая держава покровительствовала всему православному населению Османской империи, и это служило идеологическим обоснованием ее восточной политики. Право подобного покровительства российская дипломатия выводила из 7 статьи Кючук-Кайнарджийского мирного договора, по которому турецкое правительство обязывалось обеспечить «твердую защиту христианскому закону и церквям оного». Договор практически защищал права христианских подданных Турции, причем эта защита фиксировалась в международно-правовой форме. Однако, как верно замечает В. Н. Виноградов, договор допускал не прямое покровительство России, а лишь опосредствованное, через Порту, воздействуя на турецкое правительство. В связи с этим в русско-турецких официальных соглашениях нигде не употреблялся термин «покровительство»⁴. Поэтому просьбы Черногории об «открытом» или «явном» покровительстве, старания Петра I Негоша добиться от русского двора обретения статуса государства, находящегося под покровительством России, игнорировались русским двором и дипломатией, выстраивавших свою политику в отношении балканских народов исходя из условий русско-турецких договоров.

Черногория в силу своей фактической независимости находилась в системе российско-турецких отношений в более сложном положении, чем, например, те же Сербия или Дунайские княжества. Согласно статье 16 Кючук-Кайнарджийского мира российские дипломаты «могли говорить в пользу» Дунайских княжеств. Правам России в Сербии также отводилось место в Бухарестском договоре 1812 г. Но разговор мог идти только о подданных султана, а черногорцев русское правительство таковыми не считало, впрочем, как и сами черногорцы. Безоговорочно диктовать свои условия Турции Россия в то время не могла. Османская империя была суверенным государством, ревниво и болезненно воспринимавшим любые попытки вмешательства в ее внутренние дела, к которым она относилась и все то, что связано с Черногорией.

В 30-е годы начался новый этап в становлении и развитии черногорского государства и связан он с именем выдающегося государственного деятеля Черногории Петра II Петровича-Негоша.

18 (31) октября 1830 г. скончался митрополит Петр I Петрович-Негош. Жизнь этого выдающегося политического и религиозного деятеля Черногории была тесно связана с Россией, от которой он получал и награды, и не всегда справедливые упреки. Однако Петр I Негош всегда высоко ценил значимость России, сам факт ее существования как великой православной державы, служившей надеждой и опорой освободительной борьбы балканских народов. Его завещание содержит страстное заклинание: «Кто бы из Вас черногорцев и бердян по-

⁴ Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 229–230.

мыслил только отойти от покровительства и надежды на единокровную Россию, у того у живого да отпадет мясо с костей, и да будет лишен всякого блага и в сей и в вечной жизни». Своего преемника, племянника Радивоя (Раде) Томова Петровича владыка перед смертью напутствовал: «Молись Богу и держись России».

19 (31) октября скупщина старейшин Черногории и Брды, подтвердив завещание Петра I Негоша, провозгласила его наследником 17-летнего Радивоя. Тогда же он принял монашеский постриг, а в феврале 1831 г. на острове Ком в Скадарском озере (место родовой усыпальницы Црноевичей) призренным митрополитом Ананием он был рукоположен в архимандриты под именем Петра.

Молодой и еще неопытный в государственных делах Петр II Негош нуждался в поддержке, тем более что смерть Петра I активизировала оппозиционную группировку во главе с губернатором Вукотичем. Группировавшиеся вокруг губернатора силы пытались отстранить Петра II от политической власти и сосредоточить ее в руках Радонича, оставив в ведении Негоша только дела религии. Первый этап их противостояния завершился в ноябре 1830 г., когда решением скупщины Радонич был объявлен изменником и лишен звания губернатора за намерение «предать Черногорию». Поводом для этого явилось обнаружение его тайных связей с австрийцами. Таким образом, более чем вековой институт государственной власти, каким являлось губернаторство, был окончательно ликвидирован, а в 1832 г. В. Радонич вместе с семейством был изгнан из Черногории и укрылся в австрийских владениях, где вскоре и умер.

На первых порах новому владыке пришлось столкнуться с анархией и самоуправством среди черногорцев, всплеском межплеменного сепаратизма и кровной мести. Пытаясь примирить враждующих, Негош собирал их в Цетинье, но и там, перед монастырем, вновь происходили кровавые схватки, попытки запретить кровную месть встречали упорное сопротивление черногорцев. Однако вскоре ему с помощью своих сторонников удалось в определенной мере «посмирить народ».

Тем временем находившиеся в России и И. Вукотич и М. Вучичевич развернули активную деятельность, вновь пытаясь заинтересовать российское руководство проблемами Черногории. В феврале 1831 г. И. Вукотич представил в МИД Записку «О предполагаемом образовании народа черногорского и брдского»⁵, где он предлагал осуществить ряд конкретных мер, способных улучшить положение страны.

Правительство России решило предпринять определенные меры по оказанию помощи Черногории. Оно имело задолженность перед Черногорией по государственной субсидии, выплата которой не производилась с 1807 по 1825 гг. Решением Особого комитета (июнь 1831 г.) Черногории предполагалось выплатить половину этой задолженности

⁵ Павићевућ Б. Примреме за долазок... С. 113–115.

в размере 7 тыс. 200 червонцев на общественные нужды, борьбу с анархией и голодом. Контролировать расход этих средств должен был И. Вукотич, выразивший желание отправиться в Черногорию вместе с М. Вучичевичем.

В июне 1831 г. И. Вукотич и М. Вучичевич, получив награды от русского правительства, а также церковные книги и утварь, отправились в Черногорию. В югославской литературе существует мнение, что И. Вукотич и М. Вучичевич являлись «русскими представителями». Это не так. Они были отправлены из России как «черногорские депутаты», так о них и было доложено Николаю I⁶.

И. Вукотич и М. Вучичевич прибыли в Черногорию в конце августа 1831 г., а в октябре 1831 г. был учрежден высший административно-судебный орган Черногории — Правительствующий сенат черногорский и брдский. Первым председателем сената стал И. Вукотич, вице-председателем — М. Вучичевич. Петр Негош являлся главой государства, но не входил в состав правительства. Члены сената являлись чиновниками и получали годичную плату. Вскоре за учреждением сената последовало создание регулярных военно-полицейских отрядов — гвардии и перяников (телохранителей главы государства). Гвардия формировалась из представителей племен. В задачи гвардии входило поддержание правопорядка в нахиях, розыск преступников и передача их высшему суду в Цетинье. Незначительные нарушения закона гвардия решала сама, вынося судебные приговоры. Штрафные суммы (глоба), получаемые с преступников, вносились в государственную казну, откуда гвардии выплачивалось жалование. Гвардия являлась судебным органом низшей инстанции, высшей был сенат, куда и переносилось дело, если подсудимые были недовольны решением гвардии. Заметим, что Негош, как лицо духовное, не участвовал в рассмотрении уголовных дел, доверяя это целиком сенату⁷. Перяники, кроме обеспечения безопасности Петра II, также арестовывали правонарушителей и выполняли приговоры по мелким судебным делам. Это были молодые люди из родовитых семейств, которым более всего доверял черногорский правитель. Общая численность аппарата государственного управления (сената, гвардии, перяников) составляла 180 человек. Таким образом, идеи, заложенные еще в проекте 1805 г., принесли, хотя и в частично измененном виде, свои первые результаты.

Параллельно были приняты меры, направленные на совершенствование законодательства. В мае 1833 г. председатель сената И. Вукотич

⁶ К. В. Нессельроде — Николаю I, 6 (18) июня 1831 г. // АВПРИ. Ф. Главный архив. I–I. 1831. Д. 7. Л. 43.

⁷ Попов А. Н. Путешествие в Черногорию. Спб., 1847. С. 139. Вместе с тем мелкие тяжбы, если к нему обращались черногорцы, владыка решал сам, но все же отправляя спорщиков в сенат для окончательного решения. В поисках защиты к черногорскому правосудию обращались даже мусульмане Северной Албании и Герцеговины, и в тех случаях, когда черногорцы были виновны, суд в лице владыки или сената выносил им обвинительный приговор.

подготовил новый кодекс законов, так называемые «Законы отечества»⁸. Этот проект состоял из 20 статей. Законом гарантировалась безопасность жизни и имущества черногорцев, брдяи и проживающих в стране иностранцев (ст. 1), чего не было в Законнике митрополита Петра I. «Законы отечества» карали смертью через повешение изменника, взяточника и грабителя (ст. 2). Также на смерть судом должен был быть приговорен любой человек, который будет оказывать сопротивление «законам и другим предписаниям, какие будут впредь» (ст. 3). Такая устрашающая статья носила скорее декларативный характер, поскольку этим законоположением исключалось любое нарушение не только закона, но и последующих различных указов, что было делом невозможным в любом обществе, не говоря о черногорском, где почтение к закону и праву было весьма слабым. По меткому замечанию крупнейшего современного исследователя Черногории, Б. Павичевича, неизвестно, сколько людей в Черногории нашли бы смерть на виселице или от расстрела, если бы это законоположение было реализовано⁹.

«Законы отечества» не были претворены в жизнь, поскольку они не получили одобрения сената и Петра II Негоша. Вероятно, те жесткие и суровые меры, которые предусматривал в ряде законов И. Вукотич, могли получить действенный отпор со стороны населения. Не следует исключать и то, что определенные трения между Негошем и И. Вукотичем, возникшие уже в 1833 г., также сыграли свою роль в том, что «Законы отечества» не были претворены в жизнь. Вполне возможно, что эта причина была главной. Так как «Законы отечества», несмотря на определенные легко устранимые изъяны, могли, в случае их введения, сыграть положительную роль в налаживании правопорядка в Черногории.

Во время правления Петра II Негоша в Черногории по-прежнему действовали нормы обычного права и Законника 1798–1803 гг., которыми «с малыми отступлениями» руководствовалось черногорское правительство.

Петр II всю жизнь последовательно проводил политику централизации власти, подчинения общества закону. При нем особо сурово карались тяжкие преступления (участие в заговоре и измена отечеству, кровная месть, предумышленное убийство), за которые правительство приговаривало виновных к смертной казни через расстрел. Чтобы не подвергать гвардию и перяников риску кровной мести со стороны родственников, расстрел производился членами братства осужденного преступника. Случалось, что совершившему убийство или измену

⁸ См. текст «Законов отечества»: Црногорски законици. Правни извори политички акти од значaja за историју државности Црне Горе. Зборник докумената. Књ. 1. Приредили Павићевић Б., Распоповић Р. Подгорица, 1998. С. 101–107.

⁹ Павићевић Б. О мисији Ивана Ивановича-Вукотића и Матеја Петровића-Вучићевића у Црној Гори. 1831–1834 // Историјски часопис. Београд, 1957. Књ. 7. С. 275.

преступнику удавалось скрыться в турецких владениях, но и тут его могла настигнуть смерть от руки подосланного наемного убийцы. Безусловно, тайное убийство за пределами Черногории не являлось законным методом наказания за совершенное преступление, но оно внушало суеверным черногорцам страх, что приговор владыки повсюду настигнет виновного.

В 1833 г. произошло важное событие в истории русско-черногорских церковных, да и политических связей. В июле Негош приехал в Петербург, где 6 (18) августа в Преображенском соборе молодого двадцатилетнего черногорского владыку в торжественной обстановке, в присутствии Николая I, посвящают в архиерейский сан епископа. Петр II Негош был первым владыкой Черногории, который посвящался русским Синодом в столь высокое в церковной иерархии звание. Это событие, а также сама поездка Негоша в Россию, укрепила его положение и авторитет в Черногории. В связи с посвящением ему было выдано 23 тыс. руб. на архиерейское облачение и панагию, Негош также получил 5 тыс. руб. на «пособие» для черногорского народа, что позволяло, хотя и ненамного, улучшить финансовое положение страны. Из России Петр Негош увез с собой не только иконы, но и большое количество книг (на сумму в 10 тыс. руб.). Кроме того, им в Петербурге было получено 3 тыс. руб. на развитие культуры и просвещения и 300 рублей на пополнение библиотеки¹⁰. Благодаря этой первой поездке в Россию черногорский правитель обзавелся полезными связями в официальных кругах российской столицы, его приезд вызвал интерес в высшем обществе¹¹. В 1834 г. по предложению Николая I Синод посвятил Петра Негоша в сан архиепископа, характеризуя это событие как акт уважения русской церкви к «древности сей епархии».

Знаменательным рубежом в развитии русско-черногорских отношений стал 1837-й год. Он начался с острого конфликта, вызванного желанием Негоша посетить Францию. Намерение владыки поехать в Париж возникло после того, как ему было отказано в визите в Россию, куда он намеревался отправиться для личной встречи с Николаем I. Однако в Петербурге посчитали приезд черногорского владыки нежелательным,

¹⁰ Хевролина В. М. Из истории... С. 99; Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах XIX века. М., 1979. С. 63–64.

¹¹ Негош поведаль своему секретарю М. Медаковичу один из любопытных эпизодов пребывания в Петербурге. К черногорскому владыке однажды пришел неизвестный человек и, вручив запечатанный конверт, удалился. В конверте оказалась тысяча рублей без указания имени пожертвователя. Позднее Негош все же узнал, что это был дар графини Орловой, дочери графа А. Г. Орлова, командовавшего морскими и сухопутными силами в Срединном море в русско-турецкую войну 1768–1774 гг. В ходе этой войны черногорцы оказали вооруженную поддержку России, воспрепятствовав объединению войск боснийского, герцеговинского и шкодринского пашей с главными турецкими силами. Вероятно, в память отца, поддерживавшего через своих эмиссаров контакты с черногорцами, графиня Орлова и сделала этот благотворительный жест.

поскольку, приняв его в России, царское правительство могло осложнить отношения с Портой, болезненно воспринимавшей любые русско-черногорские контакты, тем более на таком высоком уровне.

В Вене, куда прибыл в конце декабря 1836 г. не знавший об отказе Негош, за ним был установлен негласный надзор как со стороны австрийского правительства, так и со стороны русского посольства. У черногорского владыки часто бывал австрийский капитан (хорват по национальности) Ф. Орешкович, составлявший затем подробные рапорты австрийским властям о своих беседах с Негошем. С русской стороны выполнение такой деликатной миссии было возложено на находящегося при посольстве в Вене подполковника корпуса жандармов Я. Н. Озерецковского. Именно Я. Н. Озерецковский первым, или одним из первых, узнал, что Негош после отказа принять его в России решил не возвращаться на родину, а намерен отправиться в Западную Европу, и, в частности, в Париж. Это известие ошеломило австрийские власти, российское посольство в Вене и официальный Петербург. Установившаяся после победы Июльской революции 1830 г. монархия Луи-Филиппа, этого «короля баррикад», была ненавистна Николаю I.

Встревоженный перспективой поездки правителя Черногории во Францию, К. Меттерних информировал замещавшего отсутствующего посла А. М. Горчакова, что тщательная слежка, установленная за Негошем, позволяет утверждать о преобладании у черногорского владыки политических интересов над церковными. В случае, если Негош поедет в Париж, полагал австрийский канцлер, он может стать игрушкой в руках революционеров, которые только ждут удобного предлога, чтобы возбудить Восток. Были использованы различные средства, чтобы отвратить Негоша от мысли ехать в западноевропейские страны, но все было тщетно. Петр Негош уже обратился во французское посольство в Вене и получил от посла паспорт для следования во Францию. Потерпев неудачу отговорить Негоша от поездки по Европе, князь А. М. Горчаков вынужден был выдать ему паспорт до Санкт-Петербурга.

Однако на этом неприятности, связанные для Негоша с поездкой в Россию, не закончились. Причиной тому стала очередная порция негативной информации, представленной в МИД И. Вукотичем. Черногорскому владыке ставилось в упрек, что его правление сопровождается постоянной нестабильностью черногорского общества, острыми межплеменными конфликтами и пограничными распрями, преступным распоряжением церковным имуществом, вынужденной эмиграцией части населения страны. В связи с этими обвинениями Петр Негош по распоряжению Николая I в феврале 1837 г. был вынужден задержаться в Пскове «доколе не рассеется тьма и не просветиться истина». Одновременно вице-консулу в Дубровнике Й. Гагичу было дано распоряжение о проверке подлинности обвинений, выдвинутых против черногорского владыки.

Официальный Петербург решил окончательно разобраться и с делами черногорского архиепископа, и черногорскими проблемами в целом, но для этого нужно было, чтобы черногорский правитель был под рукой, вблизи от столицы. Император не хотел принимать Петра II Негоша официально в Петербурге до прояснения всех обстоятельств черногорских дел.

Псковскому губернатору А. Н. Пешурову и приставленному к Негошу жандармскому капитану Ф. Ракееву было предписано обходиться с владыкой внимательно и почтительно, с учетом его духовного сана и положения. Однако такое «гостеприимство» в известной степени походило на арест, несмотря на самые льготные условия содержания. Петр Негош не был склонен безмолвно ждать решения русских властей относительно его участи и пытался объяснить и оправдать свои действия перед российским руководством. В письме вице-канцлеру¹² он обращал внимание К. В. Нессельроде на свои заслуги в деле наведения внутреннего порядка в Черногории. В частности, Негош отмечал разницу в положении страны до и после его прихода к власти. Он писал, что «Черногория представляла жалостное позорище междоусобия и всякого рода несогласий. Сильный грабил бессильного, племя с племенем сражалось, и не было и не существовало спокойствия, право сильного торжествовало. Я уничтожил это варварство, водворил мир и тишину, обеспечил жизнь и достояние каждого». Негош оправдывал те подчас суровые меры, какие приходилось ему применять для укрощения анархии и самовласти, считая, что если у него отнимут «право казнить злых возмутителей», то он не в состоянии будет управлять Черногорией.

Известия от Й. Гагича еще не поступали, и К. В. Нессельроде решил направить в Псков управляющего Азиатским департаментом МИДа К. К. Родофиникина. О своей встрече с черногорским владыкой (19 (31) марта 1837 г.) К. К. Родофиникин составил подробный отчет¹³. Негош признавался К. К. Родофиникину, что он приступил к реформированию страны будучи совсем молодым, неопытным в государственных делах и не предвидел всех последствий принимаемых им решений. Главной проблемой настоящего времени Негош считал недостаток финансовых средств, необходимых для содержания сената и гвардии. Он отмечал, что местные доходы не могут покрыть всех расходов, и в настоящее время нет возможности их увеличения, ибо «грубый народ припишет тогда введение стражи, сената и начальников желанию взимать с народа подать и обогащаться владыке и сенату».

¹² П. П. Негош — К. В. Нессельроде, 26 февр. (10 марта) 1837 г. // АВПРИ. Ф. Главный архив. Политотдел. Оп. 233. 1836. Д. 1. Л. 50–51.

¹³ Павићевић Б. Његошева мисија у Русији 1837 године // Прилози за книжевност, језик, историју и фолклор. 1960. Књ. XXVI. Св. 1–2. С. 64–65; Рапорт К. К. Родофиникина К. В. Нессельроде, 23 марта (Запр.) 1837 г. // АВПРИ. Ф. Главный архив. Политотдел. Оп. 233. 1836. Д. 1. Л. 69–71.

Невозможность из-за отсутствия средств продолжать начатые преобразования, первоначальный отказ на просьбу посетить Россию — все это навело Негоша на мысль не возвращаться в Черногорию, а посетить Германию и Францию, намереваясь в дальнейшем осесть в Германии для совершенствования своего образования, ибо, как говорил владыка К. К. Родофиникину, он не хотел быть только «зрителем тягостных для него переворотов на его родине». Однако последовавшее затем разрешение на поездку в Россию заставило его сразу же перемнить свое решение и отправиться в Санкт-Петербург.

После встречи Негоша с К. К. Родофиникиным в Петербурге было принято решение о приезде владыки в столицу. Однако неизвестно, как отнеслись бы к его просьбам и к нему самому при русском дворе, если бы не поступившая вовремя в МИД информация И. Гагича, которая заканчивалась следующим однозначным выводом: «Ни в какое время, кажется, не было столь нужно присутствие владыки в Черногоре как теперь, когда черногорцы, доведены будучи бедственным положением своим до крайности, находятся под плохим правлением своих сенаторов».

Негош прибыл в Петербург в мае 1837 г. и вскоре был принят императором. Во время аудиенции у царя Негошу пришлось выслушать упреки за его желание посетить Париж, где он «без сомнения сделался бы слепым орудием врагов общего спокойствия», но внушение императора носило скорее формальный характер. В Петербурге сделали выводы, что народ испытывает доверие к своему правителю, что если Негош и допускал некоторые проступки, не соответствующие его сану и положению, то это объясняется его молодостью и неопытностью, но не злыми намерениями.

Важнейшим для черногорцев и Петра Негоша был вопрос об увеличении денежной субсидии Черногории. Решение, хотя бы и частичное, финансовых проблем позволило бы Негошу, черногорскому правительству продолжить государственные преобразования в стране, улучшить экономическое положение населения. Поэтому принятое русским правительством решение о выделении на 10 лет дополнительной ежегодной субсидии (при сохранении старой — 1 тыс. червонцев) в 80 тыс. руб. на «необходимое ныне обеспечение беднейших из черногорцев и на внутреннее благоустройство народа» было чрезвычайно важно для Черногории. В начале июня 1837 г. Негош завершил все свои дела в Петербурге и отбыл на родину.

Успешные результаты миссии Негоша в Россию повысили престиж главы государства в стране, дали возможность продолжить реформы. Прежде всего они коснулись государственного аппарата. Процесс постепенного ослабления влияния правительства в пользу укрепления его личной власти, начатый Петром II еще после возвращения из России в 1833 г., был вновь продолжен. В августе 1837 г. был избран

новый состав сената из 12 человек во главе с братом Негоша Перо (Петром) Томовым Петровичем. Теперь он был полностью подчинен Негошу, имевшему возможность своей властью отменять постановления правительства. Число перяников возросло до 30 человек, а гвардия была увеличена до 420 человек. Помимо реорганизации правительства, Петр II провел реформу и на местах. Во главе племен и нахий он поставил «капетанов», которым выплачивалось жалованье из государственной казны. Эта мера существенно ущемляла права и возможности племенных старейшин.

Кроме этого, дальнейшее развитие получила система налогообложения. С 1838 г. вводилось трехстепенное налогообложение (1, 2 и 3 флорина с дома) в зависимости от имущественного состояния налогоплательщиков. Наряду с внешней опасностью реальную угрозу и препятствие государственным реформам, централизации власти представлял сепаратизм, тесно переплетающийся с попытками некоторых влиятельных старейшин страны удержать власть на местах в своих руках. Поэтому Петром II в конце 30–40-х гг. были предприняты меры, направленные на борьбу с сепаратизмом и самовластием старейшин. Именно Негошем было заложено прочное основание централизованного государства, создание которого завершится при его преемнике князе Даниле. На этом пути у Петра II было немало политических противников, одним из которых был влиятельный люботинский старейшина (кнез) А. Калуджерович, активно противостоявший централизаторской политике главы государства. Не дав возможности гвардии исполнить служебные обязанности на территории своей общины, он тем самым открыто противопоставил себя правительству. За это А. Калуджерович в ноябре 1837 г. был арестован, судим и расстрелян. Австрийский капитан Ф. Орешкович (близко знавший Петра Негоша и участник многих событий, связанных с австро-черногорскими отношениями) сообщал губернатору Далмации, что казнь А. Калуджеровича вызвала шок в стране, и отныне «трепещут дикие черногорцы услышав слово суд». Укрепление государственной власти позволили повести решительную борьбу с таким пагубным явлением в жизни Черногории, как кровная месть. К середине XIX в. кровная месть не исчезла окончательно, но перестала быть повсеместным явлением.

Негош уже в начале своего правления понимал значимость просвещения народа. В письме к вице-консулу в Дубровнике Й. Гагичу (1831 г.) он отмечал, что ему было бы радостно видеть процветание науки и просвещения на его родине, чтобы и в Черногории были «верные сыны, которые могли бы обороняться не только оружием, но и пером разумным». В 1834 г. Негош открыл в Цетинье светскую начальную школу, где на полном государственном пансионе обучались дети со всей Черногории. Книги для школы в основном печатались в Цетинье, в открытой в том же году типографии. В 1834 г. по пригла-

шению Негоша в Черногорию приехал выдающийся сербский филолог и фольклорист Вук Караджич; он с увлечением занялся сбором черногорского фольклора, в том числе и эпических песен.

Не только гуслеры, но и сам владыка Петр I Негош умел играть на гуслих, сочинял в эпическом стиле песни, посвященные борьбе черногорцев с турками в XVIII в. («Песня как черногорцы разбили турок в 1712 году», «Песня как черногорцы разбили турок 25 ноября 1756 года» и др.). Из под его пера вышла так же песня на современные ему события, прославляющая сербских повстанцев и их вождя:

Слава сербам! Мечи турецкие сокрушаются
их оружием.
Слава Кара-Георгию! Он гордо держит знамя
царя Душана, и лесные феи венчают
лаврами главу его.
Он прогонит османов из Боснии и Герцеговины.
Он присоединится к черногорцам,
непобедимым стражникам восточной
независимости от латинян и турок¹⁴.

Наряду с Вуком Караджичем значительный вклад в собирание черногорских песен внес Симо Милутинович-Сарайлия (1791–1847 гг.). Серб из Боснии, он был историком, поэтом, учителем и наставником юного Негоша. Ему принадлежит сборник народных песен «Песни черногорские и герцеговинские» (1833 г.), куда Милутинович включил и некоторые авторские тексты, стилизованные «под эпос». Популярностью пользовалось его стихотворное творчество, в том числе поэма «Дикая черногорка», но яркий взлет черногорской поэзии в 30–40 гг., безусловно, связан с именем Негоша.

Петр II Петрович-Негош был человеком исключительной одаренности, государственный деятель и реформатор, он стал и выдающимся поэтом своего времени, не имевшим себе равных в югославянском мире¹⁵. Это понимали не только потомки, но и современники, в том числе и в России. Высоко оценивая поэтическое творчество Негоша, Е. П. Ковалевский подчеркивал, что «он является истинным поэтом, по всем правам стоящим во главе сербских поэтов»¹⁶. Его литературное наследие составляют стихи, поэмы, переводы, письма. Истоки творче-

¹⁴ См. текст песни: Лависс и Рамбо. История XIX века (Западная Европа и внеевропейские государства). Эпоха Наполеона I. 1805–1815. М., 1906. Ч. 2. С. 120.

¹⁵ О литературном творчестве Негоша см.: *Лавров П. А.* Петр II Петрович: владыка черногорский и его литературная деятельность. М., 1887; *Кутасова О.* Жизнь поэта // Негош Петр. Горный венец; Самозванец Степан Малый: Пер. с сербскохорв. / Предисл. и примеч. О. Кутасовой. М., 1988. С. 5–38; История литератур западных и южных славян. М., 1997; *Созина Ю. А.* Россия в творчестве Петра II Петровича Негоша // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 140–151 и др.

¹⁶ *Ковалевский Е. П.* Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события // Современник. 1854. Т. 45. № 5–6. С. 66.

ства Негоша восходят к народной эпике и народной песне. В стихах и поэмах он воспевал героико-борьбы черногорцев за свободу, патриотическая тема занимает главное место в его поэзии. Творчество Негоша неразрывно связано не только с Черногорией, ее историей, но и Россией, культуру которой, и прежде всего поэзию, он знал и любил. Негошу принадлежит перевод нескольких отрывков из «Слова о полку Игореве», чему поспособствовало знание им русского языка. Из русских поэтов, оказавших влияние на его творчество и близких ему по духу, следует назвать М. М. Хераскова, Г. Р. Державина, а позднее — А. С. Пушкина, ставшего любимым поэтом Негоша. Его библиотека в Цетинье была обустроена по образцу пушкинской в Михайловском, в кабинете висел портрет Пушкина.

Собственно результатом первой поездки Негоша в Россию можно считать публикацию его первой книги «Отшельник цетинский» (1834 г.), сборника торжественных, высокопарных од, прославлявших освободительную миссию России. Помимо прочего, примечательно здесь эмоциональное обращение поэта к Неве: «О, Нева, ты всегда текла со славой, тобою гордились народы — твой русский храбрый с братьями славянами».

Следующее свое произведение «Лекарство против ярости турецкой» (1834 г.) Негош написал в духе народных песен на исторические сюжеты, а патриотическая поэма «Свободиада» (1835 г.) прославляет подвиги черногорцев и сербов в многовековой освободительной борьбе. Негош был отличным знатоком народной поэзии, и это в полной мере проявилось в вышедшем в 1846 г. сборнике «Сербское зеркало», куда вошли лучшие песни героико-патриотического плана. Наряду с собственно народными песнями в сборник включены тексты, вышедшие из-под пера Петра I Негоша, автором двух песен является сам Негош. Эту книгу он посвятил памяти А. С. Пушкина, называя его «счастливым певцом великого народа».

Взлет поэтического творчества Негоша приходится на 1844–1847 гг. Именно тогда Негош создает свои лучшие произведения — философскую поэму «Свет микрокосма» (1845 г.), где на основе библейских сюжетов поставлены вечные вопросы о смысле жизни, борьбе добра и зла, света и тьмы, а также историко-драматическую поэму «Степан Малый» (1847 г.) о деяниях в Черногории самозванца, выдававшего себя за спасшегося от смерти императора Петра II. Подлинным венцом поэтического творчества Негоша является поэма «Горный венец»¹⁷ (1847 г.). В ней воссоздается драматический эпизод черногорской истории начала XVIII в., связанный с истреблением и изгнанием из Черногории потурченцев — черногорцев, принявших ислам. Кульминация действия в поэме, герои которой — в основном реальные персо-

¹⁷ Далее цитируем по: Негош Петр. Горный венец. Самозванец Степан Малый. М., 1988. С. 41–152.

нажи черногорской истории, среди которой выделяется владыка Данило, приходится на Рождественский сочельник (Баньо вече).

Для Данилы потурченцы, поддавшиеся «сласти ложной веры» — враги, из-за которых может погибнуть Черногория, и тогда «задуется сербская лампада». Однако, даже приняв решение «в божьем стаде истребить заразу», владыка не теряет надежды на то, что потурченцы «вернуться в нашу веру и кровавый пламень сам погаснет». Негош, считавший важной этническую принадлежность, старался в жизни терпимо, насколько это возможно, относиться к потурченцам¹⁸. Возможно, поэтому он не склонен демонизировать образ потурченцев, наоборот, потурченцы в поэме, не желая отречься от мусульманства, все же полагают, что «хоть земля и вправду узковата, но ужиться могут в ней две веры, будто в миске разом две похлебки». Они предлагают и далее жить по-братски, «а любви нам никакой не надо».

Однако главное действующее лицо поэмы — православный черногорский народ — бескомпромиссен. Он не согласен смириться с тем, что «потурчился край наш бедный», «засмердили нехристями горы», «рев муллы на всем стоит Цетине... и креста трехперстного все меньше». По мере развития событий накал драматизма в поэме возрастает, и вот уже «варево кипит в котле дрожащем, скоро, скоро через край оно прольется». В финале поэмы следует ожидаемая развязка, воевода Бактрич сообщает владыке:

Острой саблей всех мы положили,
кто не захотел принять крещения;
ну а кто пред Рождеством склонился
и святым крестом перекрестился,
того взяли за родного брата.

Патриотизм, ожившая в стихах реальность быта и нравов черногорцев, их поверья и празднества, своеобразный черногорский колорит — все это создало «Горному венцу» неувядаемую славу. Многие строки «Горного венца» вошли в пословицы, присказки, поговорки, живущие и поныне.

Важным аспектом государственной деятельности Петра II Негоша и черногорского правительства, как и у его предшественника, была переселенческая политика, поскольку, как и прежде, голод заставлял многих черногорцев искать счастья в чужих краях. Часть из них шла на заработки в австрийские и турецкие владения, добиралась и до

¹⁸ Так, в письмах к Осман-паше Скоплянину (шкодринскому визирию) многократно потворствовавшему грабительским набегам своих отрядов на Черногорию, Негош указывал: «Когда ты говоришь, как мой брат босниец, я твой брат, твой друг; но когда ты говоришь, как азиат, как враг нашего племени и имени, мне противно и каждому благородно мыслящему человеку было бы противно. Негош напоминал Осман-паше о его славянских корнях, а так же о правителе Герцеговины Али-паши Ризванбеговиче и других потурченцах, выступая за мир и согласие между братьями, которые одной крови, одним молоком вскормлены и в одной колыбели качались» (Џелокупна дјела П. П. Негоша. Београд, 1955. Књ 9. С. 358, 230–240).

Стамбула, где русское посольство оказывало им в случае необходимости материальную помощь и поддержку. К 30-м гг. XIX в. относится первое упоминание о миграции черногорцев даже в США (штат Техас)¹⁹. В конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. сотни семей, спасаясь от голода, по согласованию между правительствами Сербии и Черногории (и даже без него), переселялись в Сербское княжество.

Оценивая реформаторскую деятельность Петра II Негоша, следует учитывать тяжкие социально-экономические условия жизни черногорского общества того периода, сложную внутреннюю и внешнеполитическую ситуации страны в 30–40-х гг. XIX в. Проводя преобразования в такой сложной обстановке, Негош, по сравнению со своим предшественником, достиг больших успехов в борьбе с родоплеменными пережитками, разобщенностью общества и сепаратизмом. Им был создан достаточно эффективный государственный аппарат, с помощью которого Петр Негош сумел создать прочные основы централизованного государства. Им был установлен по сути дела абсолютистский режим правления, который существенно продвинул Черногорию на пути преобразования уже во многом формального республиканского строя в светскую монархию в 1852 г.

Результативная миссия Негоша в Россию в 1837 г. способствовала укреплению политических отношений России с Черногорией. Резкое ослабление позиций России в Сербии, где Великобритания и Австрия, укрепив свои позиции, сумели успешно противодействовать русскому влиянию, способствовала этому. Царскому правительству было важно найти более надежную, прорусски настроенную точку опоры, которая могла бы стать проводником русского влияния на Балканах, и эта роль, в определенной мере, теперь отводилась Черногории с ее заметным влиянием на соседних христиан. Однако прежде нужно было разобраться с ситуацией в Черногории, ее внутренних и внешних проблемах, чтобы затем проводить свою политику с учетом черногорских реалий.

Еще во время пребывания Негоша в России в МИДе было принято решение направить в Черногорию Я. Н. Озерецковского с тем, чтобы он собрал обширные, разнообразные сведения о стране. Кандидатура Я. Н. Озерецковского была выбрана не случайно: выполняя в Вене поручение по политическому надзору за Негошем, он уже тогда проявлял известную осведомленность и заинтересованность в делах Черногории.

В Цетинье Я. Н. Озерецковский прибыл в августе 1837 г. Довольно скоро Я. Н. Озерецковский убедился, что Негош и правительство прилагают максимум усилий «для удержания народа от междоусобий, кровомщения и нападений на турецкие границы». Я. Н. Озерецковский, занимаясь сбором экономических, статистических и геодезиче-

¹⁹ Пејовић Ђ. Д. Исељавања Црногораца у XIX вијеку. Титоград, 1962. С. 103.

ских сведений о Черногории, посетил ряд нахий. Срок его миссии не был регламентирован, но тяжелая болезнь заставила его через два месяца вернуться.

По приезду в Петербург Я. Н. Озерецковский старался внушить российскому руководству, в том числе и своему непосредственному начальнику А. Х. Бенкендорфу²⁰ мысль, что Черногория, благодаря своей активной борьбе, имеет большое влияние на соседние христианское население, и ей не хватает только денежных средств, «чтобы взять первенство и приобрести еще сильнейшее влияние, с одной стороны, на Далмацию и Герцеговину, а с другой, — на берег Адриатического моря до Греции». Я. Н. Озерецковский был убежден сам и пытался лишний раз убедить официальные власти, в том числе и МИД, в преданности Черногории интересам России.

Стремясь усилить интерес к Черногории, Озерецковский вывез оттуда образцы различных горных пород и высказал предположение, что в селении Златица (Брда) возможно нахождение месторождения золота. Сам Озерецковский практически не надеялся на обнаружение золота в Черногории. В письме к Негошу он замечал, что хорошо было бы найти «хоть что-нибудь, хоть серу». Однако он сознательно не спешил делиться этими сомнениями с кем-либо в России, полагая, что в любом случае приезд русского офицера в Черногорию сослужит ей пользу.

Миссия Я. Н. Озерецковского дала возможность Николаю I, русскому правительству и дипломатии окончательно убедиться в беспочвенности обвинений, выдвинутых в адрес Петра II Негоша, понять, что его государственная деятельность полезна для Черногории и не расходится с интересами России на Балканах. В дальнейшем в русско-черногорских отношениях будут еще сложности и взаимные трения, но уже никогда русское правительство не будет надолго забывать и игнорировать полностью проблемы этого небольшого славянского государства, значение которого будет неуклонно возрастать во внешней политике России XIX века.

Предположение о наличии месторождения золота в Черногории не оставили в Петербурге без внимания, поэтому для проведения геологических изысканий в 1838 г. туда был направлен капитан корпуса горных инженеров Е. П. Ковалевский, имевший уже опыт разведки и разработки золотых месторождений в Сибири и на Урале. В дальнейшем вся жизнь этого талантливого военного специалиста, дипломата, ученого и писателя так или иначе будет связана с Черногорией, о которой он никогда не забывал. Ковалевский был снабжен инструкцией за подписью К. В. Нессельроде, где ему предписывалось заниматься в Черногории исключительно геологическими изысканиями и «уклоняться от

²⁰ Записка Я. Н. Озерецковского А. Х. Бенкендорфу, 24 февраля 1838 г. // Черногорско-русские отношения... С. 219–225.

всякого вмешательства в дела, которые не имеют прямой связи с Вашим поручением», хотя, как покажет время, сделать этого не удалось.

В конце мая 1838 г. Е. П. Ковалевский прибыл в Цетинье. Объехав всю Черногорию он выяснил, что с геологической точки зрения страна представляла слабый интерес, и здесь он мало чем мог помочь черногорцам. Золото не было обнаружено, но Е. П. Ковалевский нашел залежи железного колчедана.

Именно в Черногории Е. П. Ковалевский вынужден был выполнять тогда еще не свойственную ему функцию — дипломата, поскольку на границах Черногории почти постоянно была напряженная ситуация. Следуя настоятельным рекомендациям российского МИДа, Петр II Негош прилагал усилия для сохранения мира на границах турецких и австрийских владений.

Австрийцев явно раздражала деятельность Е. П. Ковалевского в Черногории, впрочем, как и любого другого представителя России в этой стране. Капитан Ф. Орешкович отмечал в рапорте В. Ф. Либиенбергу, губернатору Далмации, что «черногорцы смотрят на любого офицера, который прибыл из России, как на апостола, и относятся ко всему, что он им ни скажет, как к решению русского правительства». Западная пресса, и в первую очередь австрийская, устроила настоящую травлю русского офицера, утверждая, что он находится в Черногории «в качестве русского агента». Поэтому в сентябре 1838 г. Е. П. Ковалевский был вынужден покинуть Черногорию и вернуться в Петербург. Русское правительство не могло официально оправдывать действия Ковалевского перед Веной, но во время аудиенции император «несколько раз благодарил меня за поведение в Черногории», — отмечал Ковалевский. На его записке о действиях в Черногории царь поставил помету «Капитан Ковалевский действовал как настоящий русский».

По возвращении в Россию Е. П. Ковалевский представил в МИД два документа: 1) Статистическое и географическое обозрение Черногории; 2) Записку о Черногории²¹. Четырехмесячное пребывание Ковалевского в Черногории дало ему возможность близко познакомиться со страной, побывать во многих, даже самых труднодоступных ее уголках. Близкое знакомство и дружба с черногорским правителем, поверившим без утайки русскому офицеру проблемы своей родины, похвальная личная наблюдательность Ковалевского — все это позволило ему довольно точно изложить внутреннюю и внешнюю ситуацию Черногории, привести сведения о населении страны, ее географии, влиянии на соседние христианские народы, сделать рекомендации министерству относительно возможностей развития русско-черногорских связей.

Взаимоотношения Черногории с Турцией и Австрией также не были обойдены вниманием Ковалевского. Он отчетливо видел анти-

²¹ Записка Я. Н. Озерецковского А. Х. Беккендорфу. С. 231–241.

• черногорскую направленность как турецкой, так и австрийской политики. Вместе с тем Ковалевский чутко улавливал различие в подходах при ее осуществлении: «Турки, силою оружия, немцы (австрийцы. — *Авт.*) — силою политики заслонили ее тщательно от всех отношений с иноземцами, от европейского образования и торговли... Первые беспрерывной борьбой изощрают черногорцев в войне и раздувают страсть к ней, вместо того, чтобы тушить ее. Немецкое правительство мелочными притеснениями своими озлобляет их против себя и вообще народов западных». Отнюдь не идеализируя черногорцев, отмечая их «азиатчину» и невежественность, Е. П. Ковалевский справедливо полагал, что причины многих бед Черногории следует искать в непродуманной, агрессивной политике Порты и австрийского правительства в отношении этой славянской страны.

Подводя итоги деятельности Я. Н. Озерецковского и Е. П. Ковалевского, следует отметить ее позитивную роль как для собственно Черногории, так и для дальнейшего развития русско-черногорских отношений. Пребывание Я. Н. Озерецковского и Е. П. Ковалевского в Черногории как официальных представителей России способствовало росту престижа и авторитета Петра II Негоша и правительства в глазах черногорцев, что, в свою очередь, положительно сказалось на реформаторской деятельности черногорского руководства. В Петербурге получили же объективную, всестороннюю информацию о положении страны, окончательно убедились, что Петр II Негош является опытным государственным деятелем, а проводимые им преобразования служат интересам черногорского общества.

В 30–40-е годы XIX века перед Черногорией стояли задачи расширения пределов страны путем возвращения ранее утраченных земель. При этом руководство Черногории вынуждено было действовать в зависимости от часто менявшихся обстоятельств, поэтому внешнеполитическая активность Черногории была направлена то в одну, то в другую сторону, что сказывалось на ее результативности.

Далеко не просто складывались у Черногории отношения с таким близким соседом, как Северная Албания. С окончанием русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Порты предприняла решительные действия, направленные на преодоление сепаратизма в Албании. Летом 1830 г. войскам великого визиря Мехмеда-Решида-паши удалось подчинить юг Албании. Следующим шагом в этом направлении должна была стать ликвидация «автономии» Северной Албании, и Мустафа-паша, понимая это, решил сопротивляться.

С началом восстания Мустафы-паши черногорцы оказались перед непростым выбором: либо присоединиться к восставшим, к чему склонял черногорцев мятежный паша, либо, воспользовавшись отвлечением албанских вооруженных сил на борьбу с султаном, всей мощью обрушиться на Шкодру и расширить свою территорию, вернув

ранее принадлежавшие Черногории земли. И то, и другое решение было чревато для Черногории серьезными последствиями. Черногорский владыка в целом занял осторожную, выжидательную позицию в турецко-албанском конфликте, хотя некоторые брдяне, например вассовичи, поддерживали Мустафу-пашу. Однако, когда в начале мая 1831 г. войска Мустафы-паши потерпели сокрушительное поражение, черногорцы решили воспользоваться ситуацией и в 1831–1832 гг. предприняли неудачные попытки завладеть Подгорицей, хотя ко второму походу, целью которого была не только Подгорица, но и прилегающие районы Зеты с крепостями Спуж и Жабляк, готовились тщательно. Негош даже обратился за поддержкой к влиятельному боснийскому феодалу Хусейну-капетану Градашевичу, у которого были свои счета с албанцами. Однако мятежный «Змей Боснии» (таково было прозвище Градашевича) был разбит турками и бежал в Австрию, а черногорцы, умело воюя в горных условиях, не имели достаточного опыта осады городов и крепостей.

В Черногории спокойного места не было нигде, повсюду любого подстерегала опасность. Однако сущим проклятием для черногорцев была жизнь в приграничье. Размышляя над перепиской Негоша с воинственными соседями, пашами и визирями, классик югославской литературы Иво Андрич рисует следующую реалистичную картину черногорской повседневности: «Эта река жизни, которая у нас на глазах несет весь ужас и тяжесть черногорских будней, судеб так называемых маленьких людей, это омут пограничных столкновений, столь незначительных и простых, если смотреть на них глазами современника, и столь тягостных и сложных, если они происходят изо дня в день, из года в год». Владыке трудно было сохранить мир на границах с Северной Албанией, хотя он стремился пресекать пограничные конфликты и для достижения этой цели вновь и вновь шел на переговоры. Стремление к достижению мира прослеживается в его послании к «подгорицким и спужским туркам».

Сначала казалось, что миролюбивые призывы Петра II Негоша находят отклик. Хафиз-паша согласился встретиться с владыкой для заключения мирного соглашения, но затем он выставил неприемлемое для черногорцев условие — признание Черногорией сюзеренитета султана. На это ни черногорцы, ни их владыка не могли согласиться, и через некоторое время короткое затишье на черногорско-албанских границах сменилось вооруженным противостоянием. Вновь Петр II Негош информировал Й. Гагича, что соседи не оставляют в покое черногорцев, а «беспрестанно их уловляют и истребляют». Негош хорошо знал своих воинственных соплеменников, быстрых на расправу и мщение. В ночь с 11 на 12 марта 1835 г. была захвачена крепость Жабляк, и лишь после настоятельных требований владыки черногорцы оставили ее, «напакотив в оной довольно». Сообщая об этом, Не-

гои²¹ заверил Й. Гагича, что стремится выполнить установку российского МИДа «не беспокоить турок», но он бессилен это сделать, так как повод своими разбойничьими набегами дают сами турки.

После 1835 г. обстановка на границах Черногории и Северной Албании относительно нормализовалась, а в 1839 г. Негош обратился в Шкодру к визирю Рифату-Хасан-паше о прекращении военных действий и установлении мира, однако и на сей раз дело заключилось не миром, а новым кровопролитием, и виновниками этого, хотя и косвенными, стали австрийские власти Далмации, запретившие продажу черногорцам оружия. Сложившаяся ситуация показалась выгодной албанцам, которые стали совершать набеги на приграничные черногорские села. Первые стычки вполне вписывались в рамки мелких пограничных инцидентов, когда количество убитых и раненых исчислялось десятками человек. Решающее сражение в окрестностях села Ястреб последовало в июне 1839 г. В нем со стороны албанцев приняли участие 5–6 тыс. человек, черногорцы сумели противопоставить им около 500 бойцов. По свидетельству Й. Гагича, черногорцы в этом «жутком сражении» умелыми действиями смогли раздвоить силы противника, а затем, прижав часть их к реке, — уничтожить, обратив других в бегство. Потери албанцев составляли сотни человек, черногорцы потеряли 18 человек убитыми, среди которых была одна женщина (черногорские женщины и дети нередко принимали участие в боях, поднося боеприпасы и продовольствие. — *Авт.*) и 35 ранеными²².

Негош, информируя Й. Гагича о боевых действиях, несомненно, несколько преувеличил военные силы и потери противника. Вместе с тем следует учесть, что военные силы Северной Албании были неоднородны, в них ради большего количества нередко включался всякий сброд, и по боевым качествам они значительно уступали черногорцам.

Если на суше Черногория сумела активно противостоять агрессивным действиям со стороны Северной Албании, не позволила военным силам Шкодры покорить или расчленить страну, то совершенно иная обстановка сложилась в 40-е годы в акватории Скадарского озера. Осенью 1843 г. войска очередного визиря Османа-паши захватили два небольших острова Вранину и Лесендро, игравших важную роль в экономике Черногории, зависевшей от рыбной ловли. Острова также имели и важное военное значение. С захватом Лесендро албанцы «приобрели ключ, отпирающий Черногорию», замечал Й. Гагич. Эти острова, как и многие другие пограничные территории, являлись предметом частых споров между албанцами и черногорцами, и та, и другая сторона считали их своей собственностью. Черногория рассчитывала на поддержку России в этом территориальном споре.

²² Й. Гагич — Д. П. Татищеву, 16 (28) июня 1839 г. // АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A2. 1839. Д. 696. Л. 24–24 об.

Следует сказать, что постоянной и характерной особенностью внешнеполитических проблем Черногории являлось то, что почти любой локальный конфликт этого небольшого государства на Балканах сразу же приобретал довольно громкое международное звучание и находил отклик в дипломатических и правительственных кругах России, Турции, западноевропейских государств. Так, с самого начала конфликта судьбу этих двух «несчастных» островков отслеживали в Петербурге, Стамбуле, Вене и Лондоне, где каждая из сторон преследовала свои цели. В Петербурге в курсе дел был не только российский МИД, но и император Николай I. Российский МИД весьма энергично вел дело в защиту интересов Черногории. Порте было предложено «подвергнуть скутарского пашу следствию за занятие им островов Лесандрии и Вранины, лежащих на Скутарском озере».

К разрешению конфликтной ситуации решено было привлечь и Австрию, которая после недавно закончившегося австро-черногорского разграничения демонстрировала свое расположение к Черногории. Однако предпринятый в июле 1844 г. по настоянию Николая I совместный демарш российского и австрийского послов В. П. Титова и Штюрмера не принес положительных результатов. Порта отказывалась отдать распоряжение об эвакуации войск с Лесендро и Вранины, всячески уклоняясь от разрешения этой проблемы.

Весной 1845 г. Негош получил грамоту от Синода о возведении его в сан митрополита, что свидетельствовало о внимании к нему со стороны России, но не решало проблемы островов. Они вернулись к Черногории только в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В память о тех годах и событиях до сего времени в Черногории, если у кого-либо не получилось задуманное дело, используют сложившуюся тогда поговорку: «Обжегся как владыка при Лесендро».

Не менее сложно складывались взаимоотношения между Черногорией и Герцеговиной, которая после подавления мятежа боснийско-герцеговинских феодалов в административном отношении была отделена от Боснии (1833 г.). Тогда же столацкий «капетан» Али-ага Сточевич, получив звание паши, и уже как Али-паша Ризванбегович, с титулом визиря, обосновался в Мостаре, административном и торговом центре Герцеговины. Получив власть, Али-паша заявил: «Отныне никому более не надобно ездить к султану в Стамбул. Вот вам Стамбул-Мостар, а вот вам и султан в Мостаре!»

Недовольные самовластием османской администрации, самого Ризванбеговича, такие приграничные герцеговинские области, как Дробняк, Шаранцы и др., нередко стремились выйти из-под контроля герцеговинских властей, установить более тесные связи с родственным им населением Черногории и даже присоединиться к ней. В этом плане камнем преткновения в отношениях между Герцеговиной и Черногорией был округ Грахово, являвшийся важнейшим торговым и военно-стратегическим

пунктом турецких владений в Герцеговине. Военный контроль над Грахово открывал врагам путь к сердцу Черногории — Катунской нахии, которая по праву считалась ядром освободительной борьбы, объединявшим вокруг себя другие нахии. Православное население Грахово не желало признавать османскую власть, давно стремилось прочно объединиться с Черногорией и явно рассчитывало на поддержку черногорцев, когда весной 1836 г. отказалось от уплаты харача.

Конфликт после захвата Грахово не затих, а лишь разгорелся. Негош никак не хотел смириться с потерей земли, которую считал «его дедом населенной». Он обвинял герцеговинского визиря, что тот совершил нападение на народ, «неподвластный Порте», требовал оставить Грахово и недвусмысленно грозил, предупреждая Али-пашу, что «против черногорцев еще никто не приобрел славы, и ты не успеешь в том». В ответном послании Ризванбегович, отмечая претензии черногорского владыки, настаивал на том, что Грахово «моему знамени принадлежит и что я оного визирь».

В 1837 г. Негош отправился в Россию, а ситуация на черногорских границах тем временем вновь стала угрожающей. Й. Гагич, ссылаясь на достоверную информацию, предупреждал, что «паши скутарский и герцеговинский делают распоряжения к принятию до 15 тыс. низамского (регулярного. — *Авт.*) войска и на границах Черногории набирают турок». Он видел вполне реальную угрозу Черногории, считал, что ей грозит опасность и даже полное порабощение.

Негош, вернувшись из России, застал страну в тяжелейшем состоянии. В Черногории был голод, из турецких владений не прекращались набеги на ее территорию. Предпринимая шаги к примирению, Негош пытался начать переговоры с наместниками султана в Шкодре и Мостаре, но его мирные предложения были «отвергнуты с презрением» — сообщал Петр II Негош Й. Гагичу, дополняя это сведениями о грабежах, зарубленных и застреленных черногорцах. Подобное, к сожалению, было «привычным» для черногорцев и их владыки, вся жизнь которых была балансированием между жизнью и смертью. По этому поводу Е. П. Ковалевский писал: «Две пятых населения Черногории погибало на поле битвы, 1/5 — от ран и только менее 2/5 умирало естественной смертью». Самого Негоша более всего возмущало, что черногорцев, захваченных в плен, уводили в рабство: «Да, милостливый господин, живых в рабство уводят! Это не вымысел для оправдания моего или черногорцев, нет, это действительно было», — с болью и гневом сообщал он Й. Гагичу.

Безусловно, не способствовали налаживанию добрососедских отношений с османскими властями Герцеговины заговор и убийство черногорцами осенью 1840 г. видного герцеговинского военачальника и чиновника Исмаила-аги Ченгича, имевшего большие заслуги перед Портой. Он активно участвовал в борьбе против сербов во время Пер-

вого сербского восстания 1804–1813 гг., отличился в подавлении восстания боснийских феодалов в 1831–1832 гг. Имя Исмаил-аги Ченгича хорошо знали в Стамбуле, и он был известной и влиятельной фигурой не только в Герцеговине, но и в других балканских владениях Османской империи. Ченгич был непримиримым врагом Черногории, и «великую славу» ему принесла победа в августе 1836 г. над черногорцами при Грахово, где погибли в бою родной брат Негоша Джок Петрович, его племянник и еще семь членов семейства Петровичей. Эти трагические события надолго сохранились в памяти Петра II Негоша. Удобный случай отомстить за военное поражение и гибель родственников представился ему, когда Исмаил-ага Ченгич во главе вооруженного отряда отправился за сбором харача в пограничное с Черногорией славянское племя Дробняков. Петр II Негош вместе с дробняцкими старейшинами, среди которых выделялся Новица Церович, организовал нападение дробняков и пришедших к ним на помощь черногорцев и брдян на Ченгича, который был убит, а его голова и оружие были доставлены в Цетинье. По одной из версий, голова Ченгича была преподнесена черногорскому владыке, и тот, взяв ее в руки, произнес: «Пришлось тебе все же мне поклониться, бедный Исмаил».

Гибель Исмаила-аги Ченгича, который был не только «злейшим врагом Черногории, страхом и трепетом Герцеговины», но одновременно и влиятельным администратором (муселимом), вызвала широкий резонанс на Балканах, особенно в Герцеговине и Боснии. После этого ухудшились и без того сложные турецко-черногорские отношения, можно было ожидать прямого нападения Турции на Черногорию. Руководство страны и сам Петр II Негош сознавали, что гибель Ченгича может не сойти им с рук, и нужно будет объясняться с Петербургом, куда, в случае резкого обострения ситуации, придется обращаться за помощью. В русской столице, где внимательно следили за частыми «недоразумениями» на границах Черногории, могли не понять, что духовный пастырь вместо того, чтобы внушать смирение своей пастве, сам способен на беспощадную, во многом личную месть. С целью отвести от себя подозрения и возможные неприятные для Черногории последствия Негош, выдвигая собственную трактовку событий, через посредничество Й. Гагича просил уведомить российский МИД, что нападение черногорцев на Ченгича было превентивной мерой, поскольку тот расположил свой лагерь вблизи черногорской границы и собирался напасть на черногорское племя Морача.

Гибель Ченгича дорого обошлась черногорцам и брдьянам. Алипаша Ризванбегович собрал многотысячное войско (от 10 до 20 тыс. человек, по разным оценкам), жестоко покарал и привел в покорность герцеговинское племя Дробняков, сделав их «верными раями» султана. Затем он обрушил свои силы на пограничную черногорскую территорию, где в серии кровавых столкновений погибли сотни черногор-

цев и брдян. Завершил свою ответную месть герцеговинский визирь тем, что в Гацко, около дома Ченгича, приказал насадить на колы 112 отсеченных голов дробняков, черногорцев и брдян. Только после этого Ризванбегович пошел на переговоры с Негошем и заключил с ним перемирие с октября 1840 г. по апрель 1841 г.

Судьба Грахово пока еще не могла быть решена при помощи «окровавленной сабли», поэтому политический реализм и расчет возобладали у враждующих сторон. Улаживанию отношений между Черногорией и Герцеговиной способствовали мирные договоренности 1842–1843 гг. между Петром II Негошем и Али-пашой Ризванбеговичем, в которых визирь Герцеговины признавал Черногорию «независимой» областью, незыблемость ее границ со стороны Герцеговины и фактически признавал «особые интересы» Черногории в Грахово, куда наследственным воеводой назначался прочерногорски настроенный Яков Дакович. Однако Порта не ратифицировала черногорско-герцеговинские договоренности. В Стамбуле отчетливо сознавали, что, пойдя на официальное признание независимости Черногории, Османская империя нанесет колоссальный ущерб своему господству на Балканах, поскольку это могло вызвать цепную реакцию национально-освободительных движений балканских народов, увидевших, что упорная борьба может привести к победе и обретению независимости. Кроме того, международно-правовой акт признания независимости Черногории продемонстрировал бы наглядно Европе слабость Турции, ее неспособность удержать, даже формально, Черногорию в своих руках. Пойти на подобное Порта, разумеется, не могла.

Если отношения черногорцев с османскими соседями строились в основном на военном противостоянии, то этого нельзя сказать о взаимоотношениях с Австрией вплоть до 1838 г., хотя австрийские власти способствовали росту сепаратизма в пограничных с австрийскими владениями Црмницкой и Риечской нахиях. Австрия также оказывала постоянное экономическое давление на Черногорию, нередко закрывала для черногорцев свои базары, выдвигала территориальные претензии. Под нажимом Вены Негош в 1837–1838 гг. продал Австрии два монастыря — Маине и Станевичи, имевших не только религиозное, но и военное значение. С их продажей Черногория еще более удалялась от Адриатического побережья.

Важным в черногорско-австрийских отношениях был вопрос об определении четких границ, нерешенность этой проблемы порождала конфликты и стычки из-за спорных земельных наделов, пастбищ и водоемов. Начатое в 1837 г. австро-черногорское разграничение летом 1838 г. было прервано, что в итоге привело к крупному военному конфликту. Непосредственным поводом к нему стало сооружение на вершине Паштровичской горы австрийской казармы и размещение в ней воинского гарнизона. Черногорцы считали, что казарма находится на территории

Црмницкой нахии, и поэтому подвергли ее нападению и разрушению, при этом были убиты 2 солдата и «с десятков поцарапано».

Находившийся тогда в Которе Е. П. Ковалевский предпринял попытку предотвратить разрастание конфликта. Он вступил в переговоры с окружным начальником Котора Габриэлем Ивачичем, но все было тщетно. Г. Ивачич отреагировал на предложение русского офицера о посредничестве следующим заявлением: «Мы собираемся дать хороший урок черногорцам, так чтобы они долго не могли оправиться». В переговоры с австрийскими властями вступил и сам Негош, но это ни к чему не привело, австрийцы требовали выдачи черногорцев, повинных в смерти солдат, и публичной казни их на границе.

Черногорцы отвергли этот ультиматум, и более чем четырехтысячный австрийский корпус был двинут против Црмницкой нахии. Негош, желая, насколько это возможно, придать начинавшимся военным действиям характер пограничной стычки, остался в Цетинье, а на помощь црмничанам был отправлен большой отряд черногорцев во главе с Георгием Петровичем. Основу австрийского корпуса составляли регулярные войска, поэтому командование рассчитывало легко одержать победу над «нестройными толпами бродяг». Однако привыкшие к бою сомкнутым строем регулярные войска австрийцев оказались легко уязвимыми в горных условиях, где им пришлось вести сражение разбросанными мелкими группами. Этим не преминули воспользоваться черногорцы в решающем сражении, когда они применили против австрийцев тактику горного боя. Укрывшись за скалами и оставаясь практически неуязвимыми, черногорцы расстреливали в упор расстроенные и деморализованные ряды противника, стремясь в первую очередь уничтожать офицеров. Заключительным победным аккордом сражения стала рукопашная атака, когда массы черногорцев обрушились сверху на австрийские войска. По свидетельству Е. П. Ковалевского, «резня была страшная. Повсюду разметанные изуродованные тела, легкий пар свежей крови, стоны умирающих, крики победителей, казалось, приводили в какое-то опьянение черногорцев»²³.

Кровавый урок, преподанный австрийцам, не сразу возымел свой результат. Австрийцы еще надеялись с помощью оружия изменить ситуацию в свою пользу. Этому способствовало то обстоятельство, что рубежи страны подверглись нападению и с турецкой стороны, т. е. «Черногория была внезапно атакована пограничными жителями и войсками двух империй».

Однако воодушевленные победой черногорцы сумели отразить натиск противника, и более того 4 тыс. черногорцев были готовы «напасть на провинцию Боку ди Каттаро и предать все огню». Е. П. Ковалевский писал об этих днях следующее: «Черногория подымалась и в трепетном

²³ Ковалевский Е. П. Эпизод из войны черногорцев с австрийцами (из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии) // Эпоха. 1864. Май. С. 180.

нетерпении ожидала этой минуты». Поражение австрийской карательной экспедиции и угроза нападения на Боку Которскую — все это заставило австрийские власти пойти на переговоры и заключить в сентябре 1838 г. мирный договор, по которому, хотя и с оговорками, спорные земли на Паштровичевской горе отходили к Черногории.

Военное столкновение с Австрией сорвало работу по черногорско-австрийскому разграничению, но оно же показало необходимость ускорить его проведение, ибо нерешенность проблемы и породила этот конфликт. Возобновленные в 1839 г. демаркационные работы проходили трудно, и австрийское правительство решило обратиться за поддержкой в Петербург, где было принято решение направить для участия в работе комиссии по разграничению дипломата А. В. Чевкина. В данном ему предписании отмечалось, что для черногорцев важен каждый клочок земли, и они вправе рассчитывать на уступки со стороны Австрии. Австро-черногорское разграничение было завершено в июне 1841 г.

Революция 1848 г., захватившая Западную Европу, эхом отозвалась на Балканах, где она стимулировала рост национально-освободительного движения. В Черногории, занятой разрешением своих внутренних проблем, собственными сравнительно узкими задачами внешней политики (в основном связанными с противостоянием с Северной Албанией), руководство было неподготовленным к масштабному восприятию идей, порожденных революционными событиями 1848 г. Впрочем, большинство из них не представляли интереса для политически и экономически отсталой Черногории.

Все же события 1848 г. поставили ряд вопросов и проблем перед Черногорией. Разгоравшийся революционный пожар мог совершенно перекроить карту Европы, и это учитывалось в Черногории. В это время Негош установил тайные связи с хорватами-илириями (Л. Гай и др.), сербскими «уставобранителями», выступал как поборник объединения югославян вокруг Сербии, идея которого была заложена в сербской внешнеполитической программе «Начертание» И. Гарашанина. Эмиссар сербского правительства и лидер Тайного панславянского клуба Матия Бан в апреле 1848 г. посетил Черногорию. В Цетинье планы М. Бана, направленные прежде всего на восстание сербов Боснии и Герцеговины, были полностью поддержаны черногорским митрополитом, Негош согласился отправить за пределы Черногории 6–7 тыс. человек при условии поставки ему продовольствия и боеприпасов. Кроме того, Негош, недовольный тем, что он изначально не был в курсе планов М. Бана и его соратников, заявил следующее: «Знаете ли, что я намеревался сделать, если бы не приехали вы и не сообщили мне все эти вещи: собирался перейти турецкую территорию, вступить с 4 тыс. черногорцами в Сербию, поднять народ и принудить правительство к действию»²⁴. Во время этих переговоров Негош согласился

²⁴ Дурковић-Јакшић Љ. Србијанско-црногорска сарадња (1830–1851). Београд, 1957. С. 94–95.

признать права на престол в планируемом объединенном государстве за сербским князем Александром Карагеоргиевичем, оставляя за собой лишь пост главы церкви.

Объединение с Сербией для совместной антитурецкой борьбы и создания югославянского государства было главным для митрополита, но в самое ближайшее время он хотел реализовать хорватско-сербский план соединения Далмации с Хорватией и Славонией, что, по мнению Белграда, Загреба и Цетинье, являлось прологом дальнейшего развития совместной борьбы за освобождение южных славян на Балканах. В конце мая 1848 г. Негош издал в Цетинье «Объявление бокельцам и далматинцам», в котором призывал их быть «преданными и послушными Елачичу, своему единоплеменному бану от Триединого Королевства, которое под короной австрийской». Таким образом, Негош, в отличие от своего предшественника, отказывался от претензий Черногории на Боку Которскую в пользу Триединого Королевства. Помимо прочего, к этому Негоша подталкивал и рост проитальянских настроений в Боке Которской, где были желающие «итальянцам предаться».

Митрополит надеялся найти взаимопонимание с новым государственным объединением югославян — Триединое Королевство в составе Габсбургской монархии. Тогда Негош разделял заблуждения многих илиров, считавших, что Вена пойдет на создание «славянской Австрии», даст широкую автономию славянским народам империи, которые затем с помощью обновленной Австрии смогут вместе с Сербией и Черногорией вступить в борьбу против Турции.

Непримиримая позиция новой венгерской власти — стремление сохранить национальное угнетение хорватов, словенцев, сербов Воеводины и Славонии, славаков — способствовала переходу славянских национальных деятелей на сторону Австрии. В Хорватии и Воеводине с июня 1848 г. назревал вооруженный конфликт. Начиная с осени 1848 г. Негош стал предлагать хорватам и сербам Воеводины военную помощь в борьбе против Венгрии. Политические обстоятельства, а также известная отдаленность Черногории от театра военных действий не позволили осуществиться этим планам.

Когда русские войска вступили в Венгрию, Негош летом 1849 г. отправил шефу жандармов графу А. Ф. Орлову письмо, в котором предлагал прислать 4–5 тыс. черногорцев, чтобы «соединиться с русскими противу общего врага славянского». Ответ был отрицательный; Негоша известили, что иностранное вспомогательное войско может вступить в пределы другого государства лишь по приглашению «законного правительства», т. е. австрийского. Успешные действия русских и австрийских войск против венгров исключали такую возможность.

Поражение Венгерской революции ни на йоту не приблизило осуществление планов создания югославянского государства в рамках Триединого королевства. Габсбурги, австрийское правительство не

были склонны потворствовать намерениям югославянских политических деятелей, их расчеты оказались утопией. Также не был реализован и проект политического объединения балканских славян под эгидой Сербии, носители идей федерализма не могли рассчитывать на сколь-нибудь серьезную поддержку ни в Вене, ни в Петербурге.

Негош предполагал отправиться в Россию весной 1850 г., но серьезная болезнь потребовала лечения в Италии. В Неаполе, куда митрополит прибыл в 1851 г., он часто встречался с российским консулом Шопингом и сообщил ему, что отказался от мысли добиваться официального признания Россией независимости Черногории, поскольку политические обстоятельства для этого неблагоприятны. Болезнь не отпускала владыку, и в октябре 1851 г. он скончался в Цетинье от чахотки.

По завещанию Петра II Негоша его преемником на митрополичьем престоле был назначен племянник митрополита Данило Станков Петрович-Негош (1851–1860 гг.). Вхождение Данилы во власть сопровождалось острым политическим противостоянием с его ближайшими родственниками, среди которых главным соперником был дядя Данилы Перо Томов Петрович, пользовавшийся поддержкой части сенаторов и старейшин. Перо Томова негласно поддерживал и Й. Гагич, считавший, что Данило не способен руководить страной. Вступая в борьбу за власть, многоопытный Перо Томов не учел важное обстоятельство, которое отчетливо осознавал его племянник. Он не заручился поддержкой русского правительства, а расположение Й. Гагича практически ничего не означало: решение принималось в Петербурге, а не в Дубровнике. Николай I, всю жизнь отстаивавший принцип легитимизма в государственной политике, не мог пойти на такой шаг, как игнорирование воли законного правителя Черногории, и это явилось самым весомым доводом в пользу кандидатуры Данилы, которому было предложено вступить в права наследования власти, а затем прибыть в Россию для пострижения в монахи и возведения в сан архимандрита. В свою очередь Данило не терял времени даром, он щедрыми посулами сумел склонить на свою сторону народ и властные структуры страны. Черту под этим внутривосточным кризисом, грозившим расколоть черногорское общество на две части, подвела скупщина в Цетинье. Она состоялась 1 (13) января 1852 г. На скупщине Данило «показал себя молодцом». В коротких, но сильных словах он изложил ход предшествовавших событий, «показал волю царскую и заключив речь клятвою, чтобы Бог и не допустил его возвратиться из России в Черногорию, если намерения его в пользу народа не искренны», — сообщал очевидец²⁵. Скупщина подтвердила завещание Петра II Негоша, и ее постановлени-

²⁵ М. Ф. Раевский — А. Д. Блудовой, 15 (27) января 1852 г. // Черногорско-русские отношения. С. 267. М. Ф. Раевский, ссылаясь на полученные им сведения, также сообщал, что Англия предлагала Перо Томову 100 тыс. гульденов ежегодной помощи, если он удержит власть в Черногории в своих руках и откажется от ориентации на Россию.

ем Данило был провозглашен «правителем (владыкой) Черногории со всеми атрибутами своего предшественника». На той же скупщине состоялось примирение (как покажет время, неокончательное) между Данилой и Перо Томовым, который остался президентом сената, и именно ему поручалось временное управление Черногорией в связи с отъездом Данилы в Россию для посвящения в архимандриты.

Однако монашеская ряса не прельщала нового правителя, поэтому он решил отправиться в Петербург и, заручившись поддержкой русского двора, принять княжеский титул. Идея о провозглашении Черногории княжеством, а ее правителя князем была не нова. Петр II Негош выступил с ней в конце 40-х годов, а еще ранее, в 1808 г., уже упоминавшийся политический противник Петра I Негоша Ф. Марошевич полагал, что митрополит «ищет для себя и фамилии своей достоинство князя черногорского». Подготавливая изменение формы правления, Данило хотел представить эту акцию как самостоятельную инициативу черногорского народа, проявленную во время его отсутствия в стране, что и было сделано.

1 (13) марта 1852 г. в Цетинье состоялась скупщина, принявшая решение о провозглашении Черногории княжеством и установлении светской, наследственной княжеской власти в государстве. Целесообразность такого решения аргументировалась тем, что правящему с 1697 г. в Черногории дому Петровичей грозит пресечение рода по причине безбрачия митрополитов, а это, в свою очередь, может вызвать «разные возмущения и распри» в стране. Князем был утвержден Данило Петрович-Негош, а функции высшего духовного лица (епископа или архиепископа) было решено ограничить только делами церкви. Этим политическим актом окончательно завершилось преобразование уже во многом формального, архаичного и примитивного для нового времени республиканского строя Черногории в светскую монархию, сохранявшую в значительной мере черты патриархальности в жизненном укладе черногорцев. В Петербурге, куда Данило прибыл в конце марта, с пониманием отнеслись к преобразованию Черногории в монархическое государство. При этом в российском руководстве учитывалось, что это не влечет за собой каких-либо радикальных перемен во внутренней и внешней политике страны.

Провозглашение Черногории княжеством встревожило турецкое правительство. Если ранее Черногория, как предпочитала считать Порты, была только областью, входившей в состав Шкодринского пашалыка Османской империи, то теперь ситуация менялась коренным образом. На Балканах о себе заявило государственное образование, которое поставило себя в ряд с княжествами Сербия, Молдавия и Валахия. Если Сербия и Дунайские княжества, несмотря на широкую автономию, признавали все же сюзеренные права султана, то Черногория по-прежнему отрицала власть Стамбула над ней. Поэтому Порты крайне

негативно восприняла решение скупщины, признававшее за Данилой Петровичем-Негошем права наследственной княжеской власти.

Позиция Австрии в этой ситуации была двойственной. С одной стороны, она не хотела из-за изменения формы правления портить отношения с Черногорией и Россией, поэтому австрийское правительство демонстрировало свое расположение к Даниле. Вместе с тем, не желая осложнять отношения с Портой, венский кабинет в австро-турецких отношениях придерживался концепции признания формального сюзеренитета султана над Черногорией.

Если находящиеся под турецкой властью югославянские народы с воодушевлением восприняли провозглашение Черногории княжеством, ожидая в связи с этим от нее активизации антиосманской борьбы, то совершенно иначе к этому отнесся глава сербского правительства Илия Гарашанин. Как уже упоминалось, он являлся активным сторонником объединения всех сербов, включая и черногорцев, в единое государство под скипетром Александра Карагеоргиевича. Если Петр II Негош в этом планируемом государстве как лицо духовное соглашался стать главой сербской патриархии, то князь Данило мог претендовать на лидерство как в деле объединения, так и в будущем сербском государстве. Поэтому И. Гарашанин называя Данилу «безумцем», «дьяволом», который «сам не знает, что на него нашло», выражал резкое неудовольствие по поводу провозглашения Черногории княжеством.

В начале 50-х гг. вновь обострились черногорско-турецкие отношения, поводом для чего стала ситуация, сложившаяся в Боснии и Герцеговине к середине XIX в. Феодалы Боснии и Герцеговины и мусульманское население в целом выступали против реформ Танзимата в Османской империи, направленных на частичную европеизацию турецкого общества. В 1850–1851 гг. войска Омер-паши подавили сопротивление боснийско-герцеговинского беговата и расправились с главными представителями движения феодалов, среди которых был и Ризванбегович, убитый по тайному приказу Омер-паши. И хотя его тело было погребено в Баня-Луке, сбылось, хотя и не в прямом смысле, высказанное как-то им пророчество, когда на вопрос, поедет ли визирь в Стамбул, Али-паша ответил, что туда если и поедет, то только его голова. Результатом карательной экспедиции стало упразднение автономии Боснии и Герцеговины, и эта провинция была полностью поставлена под контроль султана. Появление вблизи черногорских границ турецких войск ставило Черногорию в трудное положение, возникла угроза прямой военной агрессии со стороны Турции.

С приходом к власти князя Данилы Черногория перешла к новой форме антитурецкой борьбы — освободительным войнам. Князем Данилой был разработан план расширения территории Черногории за счет присоединения пограничных земель Северной Албании и Герцеговины. Реализуя его, черногорцы в ноябре 1852 г. захватили крепость

Жабляк. В ответ на это шкодринский визирь Осман-паша издал приказ о мобилизации всего населения Северной Албании, способного поднять оружие. В свою очередь, князь Данило также объявил всеобщую мобилизацию мужского населения Черногории. В декабре 1852 г. бои шли в горах вблизи Скадарского озера. Черногорцам удалось захватить горные перевалы, и они не позволили противнику приблизиться к Жабляку и деблокировать его. Однако, вследствие вмешательства западных держав и следуя российским рекомендациям, направленным на прекращение кровопролития, черногорцы оставили Жабляк.

В конечном итоге конфликт из-за Жабляка, активная помощь отрядами четников, оружием, боеприпасами повстанцам Герцеговины во главе с Лукой Вукаловичем привели к зимней черногоро-турецкой войне 1852–1853 гг., в которой атакованные с нескольких сторон черногорцы оказали упорное сопротивление войскам султана под командованием Омера-паши.

В конце января 1853 г. турецкое наступление все же выдохлось, неприятель присмирел, но угроза оккупации Черногории сохранялась. В дело была вынуждена вмешаться дипломатия. России, используя австро-турецкие противоречия в Далмации, удалось убедить Австрию выступить с совместным демаршем перед Портой в защиту Черногории. Это в конечном итоге заставило Турцию прекратить наступление, а затем и вывести войска из Черногории.

Таким образом, первая попытка князя Данилы присоединить к Черногории пограничный район Северной Албании закончилась провалом, а начавшаяся вслед за тем война едва не привела к оккупации Черногории. После окончания войны на рубежах Черногории установился относительный мир.

Обращаясь к внутренним проблемам Черногории, следует сказать, что провозглашение Данилы наследственным князем, признание и поддержка русским правительством нового черногорского правителя — все это усилило позиции Данилы в стране, но внутренняя оппозиция власти князя сохранялась. Проявив себя еще во время борьбы Данилы за престол, эти силы не были намерены капитулировать перед князем, покорно следовать его курсу. Оппозиция была представлена двумя течениями, каждое из которых возглавлялось братьями покойного митрополита Петра II Негоша. Наиболее активной была группировка во главе с президентом сената Перо Томовым Петровичем. Кроме Перо Томова, ее лидерами являлись сердар и сенатор Мило Мартинович, сенатор Стефан Перович Цуца.

Другая ветвь оппозиции во главе с вице-президентом сената Георгием Петровичем включала его ближайших родственников — братьев Машана и Вука, племянника Крсто, влиятельного священника Пунишу Павичевича и его шурина Тодора Кадича. Обе группировки противостояли не только князю, но и друг другу, что облегчало Даниле борьбу с ними.

Глава сената и его сторонники выступали против авторитарных методов управления князя Данилы, которому все явственнее «хотелось быть беспрекословным деспотом». Оппозиция рассчитывала урезонить князя, но реальная власть была на стороне Данилы, в руках которого сконцентрировались основные рычаги государственного управления и военные силы. Проявляя решительность и последовательность, зачастую жестокость, князь Данило сумел сосредоточить в своих руках основные нити управления страной и народом. Ему удалось подчинить сенат, скупщину, вооруженные силы, сковав тем самым саму возможность какой-либо оппозиционной деятельности. Впрочем, занявший пост президента сената Георгий Петрович (Мирко Петрович, брат Данилы, стал вице-президентом) по-прежнему находился в оппозиции к князю Даниле, но до поры до времени не проявлял ее явно.

Одновременно с оппозицией в высшем руководстве страны князю Даниле пришлось вести борьбу с сепаратизмом отдельных племен, зачастую протекавшую в острой форме. При правлении князя Данилы было несколько крупных выступлений в сепаратистки настроенных пограничных нахиях, подавлявшихся силой оружия. Сепаратистские тенденции обуславливались не только противодействием части старейшин, выступавших против ограничения их власти и привилегий, но и экономическими причинами, в частности, введением подоходного налога, который теперь должно было платить каждое семейство, его сумма зависела от имущественного положения. Противники введения налога обращались к черногорцам со следующими словами: «Если мы туркам ничего не платим, почему мы должны платить Данилу Станкову, голодранцу с Негушей, который хочет нас обобрать и ограбить как будто он паша?».

Борьбой с внутривойсковой оппозицией и сепаратизмом не исчерпывались меры, направленные на укрепление авторитарного режима правления князя. В 50-х гг. были проведены преобразования вооруженных сил Черногории, совершенствовалось законодательство.

В Черногории не было регулярной армии, основу вооруженных сил составляло народное ополчение, формировавшееся по племенам и нахиям. После войны с Турцией 1852–1853 гг. князь Данило провел по всем племенам перепись. Военные списки насчитывали 9 тыс. 700 человек. Это войско князь называл «крестоносным войском» за жестяной крестик на головном уборе воина. Было утверждено и знамя, представлявшее собой красный крест на белом поле. Создание «крестоносного войска» сыграло важную роль в военном строительстве. Хотя оно формировалось по прежнему принципу народного ополчения, каждый черногорец брал на себя воинские обязанности не только в военное, но и мирное время. В дальнейшем войско было поделено на десятки, сотни и тысячи, также было учреждено элитное подразделение — гвардия в составе 1 тыс. человек. Военнообязанными считались мужчины в возрасте от 18 до 50 лет.

Система местного управления также была подвергнута реорганизации. Крупные территориальные единицы были поделены на более мелкие, упразднялись и должности кнезов (сельских старост), поскольку князь должен был быть в Черногории один, и даже чисто фонетическое сходство слов не устраивало Данилу. Функции кнезов перешли к «капетанам», которые, обладая административной, судебной и военной властью на вверенной им территории, полностью подчинялись Цетинье.

Новой власти требовалось новое законодательство. Изменение формы правления, отделение духовной власти от светской привело к тому, что Цетинская митрополия, веками бывшая центром политической жизни Черногории, перестала играть эту роль. Открывавшиеся перед черногорским обществом и государством новые перспективы нуждались в совершенствовании законодательно-правовой базы, ее систематизации и обновлении.

Важнейшим шагом на пути формирования законодательной базы черногорского государства стало принятие скупщиной 24 апреля (6 мая) 1855 г.²⁶ «Законника Данилы I, князя и повелителя свободной Черногории и Гор», именуемого еще в историко-правовой науке из-за многообразия содержания и Общим государственным законником. Его автором является секретарь Данилы М. Медакович, активное участие в составлении Законника принял сам князь и некоторые сенаторы. Источником для нового кодекса законов, состоящего из 95 статей, послужили памятники предшествующего законодательства «Законник митрополита Петра I» 1798–1803 гг. и «Законы отечества» 1833 г., нормы обычного права и судебные постановления, существовавшие до принятия Законника князя Данилы. Он охватывал различные разделы права: конституционное, гражданское, уголовное, процессуальное, семейное, наследственное и обязательственное²⁷.

Законник провозглашал равенство всех жителей Черногории перед законом, охрану их имущества, чести, жизни и свободы (ст. 1, 2). Считаем, что эти принципы сложились не под влиянием революционных событий 1848–1849 гг. и якобы последовавшего затем внедрения

²⁶ На эту дату ссылается князь Данило в письме к Е. П. Ковалевскому в письме от 6 (18) мая 1855 г. (ОР РНБ. Ф. 356. Д. 276. Л. 30 об.), и маловероятно, что он через столь короткое время перепутал день принятия Законника. Я. Йованович, не ссылаясь на источник, также утверждал, что Законник был принят 24 апр. (6 мая) 1855 г. (*Јовановић Ј. Стварање црногорске државе и развој црногорске националности*. Цетинье, 1951. С. 260–261). На наш взгляд, ошибочным является мнение, что Законник был принят 23 апр. (5 мая) 1855 г., так как эта дата указана на подготовленном заранее к скупшине тексте Законника. Вероятно, скупщина, в силу каких-либо обстоятельств, была на день перенесена.

²⁷ Подробнее о Законнике князя Данилы см.: *Бојовић Ј. Р. Законик књаза Данила*. Титоград, 1982; *Анишаков Ю. П. Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.)* М., 1998. С. 339–350; *Он же. Законник князя Данилы // Югославская история в Новое и Новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В. Г. Карасева (1922–1991)*. М., 2002. С. 94–101.

• в черногорское законодательство норм буржуазного права (а такое мнение существует в литературе, как отечественной, так и черногорской), но базируется на тех принципах патриархального равенства, которые издавна были присущи черногорскому обществу. В частности, аналогичные принципы содержит Законник 1798–1803 гг.

Наряду с декларируемым равенством Законником закреплялась жесткая, самодержавная система правления, делавшая власть князя практически безграничной. Князь объявлялся законом лицом неприкосновенным, «как святыня для каждого черногорца и брдянина», за оскорбление «личности или достоинства» князя полагалась смертная казнь (ст. 3, 4). В соответствии с законом, князь являлся высшей судебной инстанцией при решении наиболее важных дел. Именно ему принадлежало исключительное право окончательного утверждения смертных приговоров, и только он обладал «правом и властью» помилования осужденного на смерть преступника (ст. 5).

Законник 1855 г. содержал больше всего статей уголовно-правового характера. Кровная месть не исчезла ко времени принятия Законника, но перестала быть, как ранее, массовым и повсеместным явлением. Поэтому в новом своде законов ей отводилось меньше внимания (ст. 28, 29, 30). По-прежнему кровная месть в отношении безвинных родственников и близких каралась смертью, при этом пострадавшая сторона имела право расправиться с убийцей. Имущество скрывающихся преступников-кровников конфисковывалось государством.

Тягчайшим преступлением считалась измена Отечеству (ст. 16, 17). Виновные в этом карались смертной казнью. Убийство изменника не несло за собой наказания. На смерть осуждался старейшина или воевода, который в случае нападения врага уклонялся сам от участия в борьбе и не призывал к вооруженному отпору жителей своего племени или нахии (ст. 19). Рядовой черногорец, уклонявшийся от участия в борьбе против общего врага, навсегда лишался права носить оружие, и его подпоясывали женским передником, чтобы все знали, что «у него нет мужского сердца» (ст. 18).

После статей, связанных с изменой Отечеству и кровной местью, одним из тягчайших уголовных преступлений являлось предумышленное убийство невинного человека. Такой преступник «не может ничем откупиться», и в случае его поимки он подлежал расстрелу (ст. 27).

Кражи имущества преследовались Законником князя Данилы строже, чем предшествующим законодательством. Согласно ст. 78 Законника, вор, пойманный на краже в третий раз, приговаривался к смертной казни. Однако закон предостерегал в этом случае, что если убитый окажется безвинным, то за него придется отвечать на суде как за обычное убийство (ст. 7), т. е. виновного ожидала смертная казнь.

В большей степени, чем в предшествующем законодательстве, в Законнике князя Данилы представлено гражданское право. Это касается,

в первую очередь, наследственного и семейного права. Государственная власть была заинтересована в сохранении крепкого платежеспособного семейного коллектива, что в большей степени служило гарантией сбора налогов. Поэтому власти стремились предотвратить дробление и без того маленьких земельных наделов в Черногории, пытались законодательным путем воспрепятствовать этому путем запрета сыновьям выделяться при жизни родителей без их согласия (ст. 47).

Сбор налога всегда вызывал в Черногории резкое неприятие и отторжение со стороны преобладающей части населения, расценивавшего его как покушение на свою свободу. В мировоззрении черногорцев прочно укоренилось представление, что только народы, лишённые независимости, платят подати и налоги. Законодатель вынужден был пойти на решительные меры, чтобы обеспечить приток денег в государственную казну. Законником предусматривалась конфискация всего утаенного от налогов недвижимого имущества, а открытое сопротивление уплате налога расценивалось по аналогии с изменой Отечеству (ст. 60, 61).

В области международного права Законник регулировал некоторые вопросы черногорско-турецких и черногорско-австрийских отношений. С целью присмирить черногорцев, заставить их отказаться от набегов на чужие владения законодатель требовал от черногорцев сохранения «мира и тишины» с соседними государствами, запрещал любые преступные деяния на их территории, четование в мирное время и т. п. (ст. 24). За преступление, совершенное в чужих владениях, виновник заслуживал наказания идентичного тому, какое бы он понес, совершив преступление «перед братом своим черногорцем или брдянином» (ст. 25). Законодатель особо оговаривал запрет четования в турецких землях «во время мира», подчеркивал, что в любом случае захваченная добыча будет возвращена владельцу, а виновника отдадут под суд (ст. 26).

Ст. 91 и 92 гарантировали равноправие и свободу вероисповедания любому иностранцу, который пожелает обосноваться в Черногории. Такой человек обязывался подчиняться черногорским законам и подлежал суду в случае их несоблюдения в соответствии с черногорским законодательством.

В Законнике князя Данилы воспроизведена специфика жизни черногорского общества середины XIX века, его законоположения учитывают, хотя и не в полной мере, важнейшие аспекты общественно-политической жизни страны. Законник 1855 г. явился заметным продвижением вперед юридической мысли в Черногории, сыграл положительную роль в судебной практике.

С принятием нового законодательства, закреплявшего самодержавную власть князя, введением единой системы налогообложения и воинской повинности, окончательным подавлением сепаратизма, за-

вершается длительный, ведущий отсчет с начала XVIII в., процесс формирования централизованного государства в Черногории.

Данило сознавал, что проводимые им государственные преобразования должны сопровождаться просвещением народа. С самого начала своего правления князь проявлял заинтересованность в развитии школьного образования, однако учрежденные им несколько школ практически сразу прекратили свое существование из-за недостатка средств. Во время правления Данилы продолжала функционировать только школа в Цетинье, открытая еще в 1834 г. Петром II Негошем, где в свое время получил образование и сам князь. Цетинская школа на время прервала обучение в 1852 г., когда Омер-паша вторгся в Черногорию, и все ученики ушли на войну, «в старую школу черногорскую», но уже в 1855 г. учебный процесс в ней возобновился. В начале 50-х годов образование в России получило несколько черногорцев, среди них был Машо Врбича, обучавшийся в артиллерийской школе Петербурга в 1852–1854 гг. Два племянника князя — Николо и Божо — были направлены во Францию в лицей Людовика Великого. Обучались черногорцы за счет принимающей стороны.

Время перемен. Болгарские земли и начало Танзимата

Для болгарских земель конец эпохи кырджалийства стал своеобразным рубежом, обозначившим начало возвращения этих территорий в общее со столицей русло исторического развития. Однако вместе с относительной безопасностью и политической стабильностью пришли новые проблемы. Подошло время перемен, связанное с наступлением затяжной полосы реформ, прочно ассоциирующихся в историографии с термином Танзимат.

Турецкое понятие Танзимат (в значении «комплекс преобразований») впервые вошло в политический обиход во второй четверти XIX в. Изначально современники (и прежде всего сами турки) употребляли его лишь по отношению к серии нововведений, инициированных султаном Махмудом II (1808–1839 гг.), а затем продолженных его преемником Абдул Меджидом I. Позднее этот термин утвердился в историографии для обозначения всей эпохи реформ. Однако необходимо сразу оговориться. Хронологические рамки Танзимата до сих пор вызывают у историков серьезные споры. Общепризнанным является лишь его очевидное деление на два этапа — до и после 1856 года. Относительно же общей датировки мнения расходятся. Причем, если в отношении верхней хронологической границы амплитуда разброса мнений относительно невелика (в основном в пределах начала-конца 70-х гг. XIX в.), то вопрос о времени начала Танзимата до сих пор остается открытым. Датировка данного события у разных исследователей колеблется в пределах почти половины столетия — от 90-х годов XVIII в. до 1839 г.

Автор разделяет точку зрения тех ученых, которые увязывают начало новой эпохи в жизни османского общества с комплексом мероприятий, последовавших непосредственно за ликвидацией султаном Махмудом II корпуса янычар (1826 г.)¹. В тексте термин Танзимат бу-

¹ *Berkes N.* The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964; *Karpat K.* An Inquiry into the Social Foundation of Nationalism in the Ottoman State: from Social Estates to Classes, from Millets to Nations. Princeton, 1973; *Шабанов Ф. Ш.* Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата. Баку, 1967; *Тодорова М.* Англия, Русия и Танзиматъ. София, 1980; *Розен Д. Г.* История Турции от победы реформ в 1826 г. до Парижского трактата в 1856 г. СПб., 1872. Т. 1.

дет употребляться в значении комплекса преобразований, проводимых турецким правительством именно с 1826 г.

Специального пояснения требует также вопрос о территориальном распространении танзиматских реформ. Формально нововведения Порты касались населения всех провинций Европы, Азии и Африки, продолжавших считаться частью Османской империи. Однако в 20–40-е годы XIX в. правительство в большей или меньшей степени контролировало лишь провинции, непосредственно прилегающие к столице, т. е. главным образом Малую Азию и Восточную Румелию. Сербия, Дунайские княжества, не говоря уже о Греции, начинали в это время жить собственной, отличной от османских реалий жизнью. А в отдаленных областях запада Балкан власть Порты и в лучшие для нее времена была слабой. В итоге реальное пространство для претворения реформ в жизнь оказывалось довольно ограниченным. В этом контексте значение болгарских территорий в качестве возможного полигона для претворения в жизнь правительственных нововведений резко возрастало. Учитывая данное обстоятельство, представляется целесообразным использовать болгарский материал в качестве конкретного иллюстративного примера.

Непосредственным толчком к началу нововведений послужило Греческое восстание (1821 г.). Ужас перед распадом империи, пережитый Портой в XVIII – начале XIX вв., заставил султана чрезвычайно серьезно отнестись к новой угрозе. Однако также как и раньше, вопрос упирался в противодействие янычар. Хорошо усвоивший уроки юности (едва не стоившие ему жизни и трона), султан Махмуд II подошел к проблеме в высшей степени осторожно и ответственно. Не желая преждевременно будоражить общество, он смог втайне убедить в необходимости некоторых нововведений улемов и командование янычарского корпуса. В конце мая 1826 г. был обнародован указ о создании нового войскового соединения европейского типа, основным костяком которого должны были стать столичные янычары. Бунт не замедлил вспыхнуть. Янычары окружили дома своих предателей-командиров и великого визиря (к счастью заблаговременно покинутые) и начали призывать народ к восстанию. Верным правительству войскам незамедлительно был отдан приказ о штурме янычарских казарм. Жестокая резня продолжалась двое суток и закончилась физической ликвидацией столичного корпуса. Сразу вслед за этим последовал официальный указ о полном роспуске янычарской гвардии. Параллельно был обнародован закон «о победоносном войске», положивший начало созданию регулярной армии.

Следуя удачному примеру египетской военной реформы, Порта пошла по пути заимствования западноевропейского опыта. Все мужское мусульманское население в возрасте от 25 до 40 лет объявлялось военнообязанным. Армейский контингент формировался путем на-

бора рекрутов (официально по жребию) со сроком службы в 15 лет. Предполагалось также создание привилегированной султанской гвардии. Для претворения реформы в жизнь были приглашены иностранные инструкторы — французские, прусские и сардинские военные. Для профессиональной подготовки офицеров планировалось открытие Высшей военной школы (в полной мере она начала функционировать лишь в 1835 г.). Одновременно началось перевооружение армии — солдаты и офицеры вновь создаваемых подразделений получали современные винтовки и штыки. В результате энергичных действий численность реформированных войск к началу русско-турецкой войны 1828–1829 гг. приближалась уже к 35 тыс., а за годы войны увеличилась до 50 тыс. бойцов².

Учитывая решающее влияние на общество мнения улемов, Порта одновременно предприняла активные шаги для нейтрализации возможной оппозиции со стороны духовенства. Параллельно с военной реформой в том же 1826 г. при правительстве было создано ведомство по контролю над сбором и расходованием доходов с имущества вакфов. Тем самым султан весьма определенно дал понять, что в случае непокорности или подстрекательств к мятежу он намерен полностью лишит священнослужителей их традиционного и прямого источника доходов. К чести улемов следует отметить, что намек был понят исключительно хорошо. В дальнейшем особых проблем у правительства с этой стороны не возникало. Особую же убедительность намерениям султана в глазах не только духовенства, но и всего населения столицы придавала демонстративная жестокость, с которой искоренялись малейшие проявления мятежных настроений³. Так продемонстрированная в самом начале реформ твердость обеспечила саму возможность их дальнейшего проведения.

Плачевные итоги русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и первого турецко-египетского военного конфликта 1831–1833 гг. (признание независимости Греции, расширение границ Сербского княжества, потеря Алжира, переход под контроль Али-паши Египетского Сирии, Палестины, Ливана, Киликии) наглядно продемонстрировали султану сохранение актуальности угрозы развала империи. В условиях же затянувшегося почти на десятилетие жесткого военно-политического противостояния Порты с Египтом задача укрепления силовых структур вообще становилась главной в деятельности правительства.

Однако процесс создания боеспособной армии не мог в османских условиях ограничиться чисто армейскими мероприятиями. Вслед за ликвидацией янычарского корпуса на повестку дня неизбежно вставал вопрос о судьбе еще одной составляющей традиционного войска —

² Боджоян М. Т. Реформы 20–30-х гг. XIX в. в Османской империи. Ереван, 1984. С. 87.

³ Assad efendi M. Précis historique de la destruction du corps des janissaries par le Sultan Mahmoud II en 1826. Paris, 1833. P. 137–154.

спахийского ополчения. И хотя спахийское войско уже давно потеряло свою прежнюю боеспособность, а сама спахийская система находилась в стадии разложения, формальное решение этого вопроса влекло за собой изменения системного масштаба: упразднение всей военной системы, а, следовательно, реорганизацию военного, государственного, административного, а вслед за ним и налогового аппарата. Для еще не окрепшей центральной власти риск столь крупномасштабных преобразований был чрезвычайно велик, однако медлить было также невозможно. Переживший в юности кошмар феодальной анархии, султан Махмуд II слишком хорошо осознавал масштаб нависшей над страной угрозы. Выбор был сделан в пользу реформ.

В 1832–1834 гг. была начата реорганизация спахийской системы. Сами ополченцы зачислялись в новой регулярной армии в конные полки с обязательством пройти курс военного обучения. Управление же их земельными ленами переходило в ведение государства, которое, собрав причитающиеся налоги, должно было платить спахиям содержание в размере причитавшейся ранее ренты. Переходная стадия, связанная с ликвидацией института спахилика, продлилась около десяти лет. В 1844–1847 гг. уже указами султана Абдул Меджида I тимариоты были окончательно переведены на фиксированное жалование, а их земля перешла государству.

Одновременно с созданием новой регулярной армии происходило формирование военного резерва. В августе 1834 г. был издан указ о резервном войске (редиф), формировавшемся по территориальному принципу. Каждая территориальная единица должна была представить определенное количество добровольцев, обязанных пройти на местах специальный курс обучения и служить в военное время в составе регулярной армии. Новая схема набора ополченцев в регулярную армию и в состав редифа диктовала необходимость реформирования прежнего военно-административного членения провинций, ориентированного именно на сбор спахийского ополчения. В том же 1834 г. был обнародован султанский указ о новом административном делении империи. Страна была разделена на 36 эялетов, состоящих из 125 санджаков, которые в свою очередь делились на 1267 каза⁴. Кроме того, вводилась дополнительная военно-административная единица — воеводство.

Указ о новом административном делении территорий явился составной частью реформы государственно-административного аппарата. Препятствием к реформе базировалась на идее единства военной и гражданской ветвей власти. Контроль над состоянием территориальных воинских подразделений был частью должностных обязанностей губернаторов. Однако, как наглядно продемонстрировали события второй половины XVIII – начала XIX вв., столь значительная концентрация власти в

⁴ Боджолян М. Т. Реформы ... С. 107.

руках глав провинций нередко вела к развитию сепаратистских тенденций. Вновь предлагаемая структура должна была обеспечить надежное обособление двух ветвей власти и стать дополнительным барьером на пути возвышения местных олигархических кланов.

Первым шагом в деле реформирования государственно-административного аппарата стал фирман 1834 г. об учреждении института государственных служащих. Вскоре (1838 г.) последовало назначение им фиксированного жалования. Вводилась также новая чиновничья система иерархии, своеобразный табель о рангах. В целях дробления властных полномочий, при султанах учреждался целый ряд новых правительственных органов. Большинство из них имело форму министерств, взявших на себя управление в сфере внешней и внутренней политики, финансов, торговли, просвещения и т. д. Курирование военной сферы отделялось от гражданской и передавалось в компетенцию вновь созданного Высшего военного совета. Великий визирь, а вслед за ним и главы эялетов, санджаков и каз отстранялись от руководства войсками. На местах создавались независимые от местной администрации органы военной власти — военные управления. Кроме Высшего военного совета учреждался также Высший правительственный и Высший юридический совет. Однако все эти многочисленные министерства и советы (полномочия которых были к тому же слабо дифференцированы) выполняли при султанах лишь консультативную функцию, а видимость дробления и разделения властных полномочий вела в реальности к существенному усилению позиций самого султана. Даже статус великого визиря в новой системе власти был существенно понижен: из первого помощника султана он превращался в некий аналог европейского премьер-министра с весьма урезанной сферой полномочий.

В гражданских делах особо важная роль отводилась учрежденному в 1838 г. Высшему юридическому совету, призванному выполнять роль едва ли не главного законодательного органа страны. В 1838 г. последовало инициированное этим советом постановление о введении новой схемы налогообложения. Она предусматривала проведение повсеместной переписи имущества (с установлением его стоимости), а также доходов от предпринимательской деятельности. В соответствии с переписью планировалось введение дифференцированного (в соответствии с достатком) налога. Каждому султанскому подданному должна была быть вручена расписка (сенед) с указанием денежной суммы выплат (любые другие поборы запрещались). Впервые в османской истории в категорию налогоплательщиков попадали и чиновники.

Однако столь успешный для реформ 1838-й год оказался вместе с тем и переломным для османских преобразований. Комплексная система мероприятий, направленная на реорганизацию военно-феодальной структуры государственного аппарата, столь последовательно проводимая султаном Махмудом II, дала сбой. Все началось, по всей

вероятности, с эмоционального фактора. Многолетнее противостояние с мятежным правителем Египта, добивавшимся признания дворов своих наследственных прав на все контролируемые территории (султан соглашался признать их лишь частично), спровоцировало турецкое правительство на опрометчивый шаг. Оно решилось на использование внешнеполитического, в данном конкретном случае английского фактора, для решения своих внутренних проблем.

Порта была хорошо осведомлена о враждебной позиции Великобритании в отношении египтянина, которого не без оснований считала серьезным препятствием для достижения своих экономических и политических интересов на Ближнем Востоке. Окрыленное призрачной надеждой на возможность заключения антиегипетского военного союза, правительство решилось на заключение давно уже навязываемого ему торгового договора. Характеризуя позицию Порты в этом вопросе, первый секретарь английского посольства в Константинополе Г. Булвер особо подчеркивал в своем донесении (датируемым июнем 1838 г.), что султан, охваченный ненавистью к правителю Египта, готов пойти на любой договор с Англией, ценой которого будет подавление последнего⁵. Прямым следствием настроений такого рода и стало подписание 16 августа 1838 г. печально знаменитого англо-турецкого торгового договора, предоставившего английским купцам исключительные привилегии в сфере торговли. Однако попытка заключить вслед за этим военный договор и решить руками европейского союзника проблему египетского сепаратиста провалилась. Разразился второй турецко-египетский военный конфликт (1839–1841 гг.). Его начало совпало со смертью султана Махмуда II, вступлением на престол его юного сына Абдул Меджида I и переходом Танзимата в новую фазу развития.

С воцарением в 1839 г. нового султана подход к реформам кардинальным образом изменился. Приход к власти шестнадцатилетнего подростка, приближение им к трону сторонников радикальной европеизации страны не только придали преобразованиям новую динамику, но и качественно изменили сам вектор нововведений, обеспечив им зачастую откровенно подражательный характер. Конечный же результат нередко оказывался плачевным. Как не раз отмечали в своих донесениях русские дипломаты, вновь создаваемые реформаторами структуры, являясь «раболепной имитацией организаций и порядков... европейских правительств... вместо того, чтобы пустить корни, вели к развалу правительственного аппарата»⁶.

Однако, говоря о тенденциях, возобладавших при дворе молодого султана, необходимо отметить, что их вряд ли можно назвать абсолютно новыми. Начиная со времени правления султана Селима III

⁵ Новичев А. Д. История Турции. Л., 1973. Т. 3. Ч. 2. С. 23.

⁶ Тодорова М. Англия, Русия и Танзиматъ. София, 1980. С. 169.

(и особенно при султанах Махмуде II) в Стамбуле практически постоянно работали иностранные военные инструкторы и преподаватели училищ. Параллельно для подготовки кадров в военные заведения Парижа, Лондона, Вены из столицы отправлялась молодежь. Известно, в частности, что только за период правления султана Махмуда II количество османских студентов в европейских учебных учреждениях составило около 150 человек⁷. Побочным результатом этих новшеств явилось появление в столице новой моды: аристократическая молодежь начала увлекаться европейской культурой. Последствия не заставили себя долго ждать. В среде элиты зародился скрытый комплекс неполноценности перед достижениями западной цивилизации (явление совершенно не типичное для исламского общественного сознания в целом). Прежде всего, этот комплекс проявился в бытовой сфере — в элитном сегменте столичного рынка резко возрос спрос на европейские товары. Затем последовало возрастание интереса к европейским нравам и социальным институтам, а в конечном итоге появление презрения к родной «азиатчине». Документы тех лет сохранили многочисленные свидетельства такого рода. В этом отношении весьма показательна фраза из письма султану Махмуду II его зятя Халил-паши. Указывая в 1830 г. на необходимость преобразований, он обосновывал их уже не принципом целесообразности, а европейским примером. «Если мы не двинемся по пути к Европе, — писал он, — нам не останется ничего другого, кроме как вернуться в Азию»⁸.

До тех пор пока у власти находился опытный и осторожный правитель, молодежные порывы не имели серьезных шансов на реализацию. Тем более что при дворе большим влиянием пользовались сановники во главе с сераскером Хюсрев-пашой, склонные к ограничению рамок реформ вообще лишь военной сферой. Сам же султан Махмуд II, судя по всему, к слепому подражательству наклонностей не имел. Внезапное воцарение совсем молодого правителя изменило ситуацию кардинальным образом. К власти оказалась допущена проевропейски настроенная молодежь во главе с Решид-пашой.

Мустафа Решид-паша (1800–1858 гг.), впоследствии неоднократно великий визирь, впервые оказался в Европе в 1834 г. Тогда он занял пост турецкого посла, выполнявшего функцию представителя Порты сразу при нескольких европейских столицах. В ранге посла и министра иностранных дел он пробыл в Париже и Лондоне с 1834 по 1837 гг. Глубоко и искренне проникнувшись идеями прогресса, Решид-паша попал под обаяние западной дипломатии и европейской культуры. Вернувшись на родину, он привез это увлечение с собой.

Касаясь оценки личности Решид-паши, важно отметить, что, судя по монографическому исследованию Н. А. Дулиной, он был искренним

⁷ Тодорова М. Англия, Русия и Танзиматъ. С. 44–45.

⁸ Там же. С. 37–38.

в своем стремлении к прогрессу, но при этом оказался человеком довольно наивным в вопросах международной политики⁹. Ярчайшим свидетельством того могут служить документы, передающие содержание предложений Решид-паши лорду Г. Пальмерстону и К. Меттерниху, сделанные им в критические для Османской империи дни. Первым является запись беседы Решид-паши с Пальмерстоном в августе 1839 г. (после катастрофического поражения правительственных войск в ходе турецко-египетского конфликта и за три месяца до провозглашения Гюльханейского хатта)¹⁰. Из этого документа, в частности, следует, что в тот период турецкий министр иностранных дел был настолько уверен в бескорыстии английского правительства, что готов был доверить ему суверенитет своей страны. Например, Решид-паша просил Пальмерстона, воспользовавшись молодостью султана, оказать на него политическое давление. В случае же неудачи рекомендовал угрожать неповиновением пашей и отпадением Молдавии, Валахии, Сербии.

В 1841 г. (в период подготовки Лондонской конвенции по урегулированию второго турецко-египетского конфликта) Решид-паша обращался с аналогичной просьбой и к Меттерниху¹¹. Обеспокоенный медленными темпами реформирования страны и всеобщим саботажем со стороны чиновников, он рекомендовал усилить давление на султана. В ход, по его мнению, должна была пойти все та же угроза расчленения империи. Кроме того, османский сановник рекомендовал разместить в столице европейских наблюдателей (для надзора за ходом реформ), а для придания большей убедительности их статусу ввести в Босфор несколько иностранных военных судов.

Период искренних заблуждений длился для Решид-паши относительно долго. Несмотря на его расхождения и даже конфликты с иностранными дипломатами, лишь к моменту обнародования Хатт-и хумайуна (1856 г.) Решид-паша начал, по-видимому, уже абсолютно трезво оценивать возможные последствия вмешательства европейцев во внутренние дела империи. И в этом отношении чрезвычайно показательна его докладная записка султану по поводу Хатт-и хумайуна. В ней он предупреждал о последствиях принятия данного документа: об угрозе суверенитету, новой волне смут (имея в виду, в первую очередь, подъем национально-освободительного движения), а также неизбежности роста мусульманского фанатизма¹².

Начало второй фазе Танзимата было положено торжественным провозглашением 3 ноября 1839 г. в Гюльхане (летней султанской резиденции) указа о новых принципах социальной политики двора

⁹ Дулина Н. А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984. С. 139–149.

¹⁰ Bailey Fr. *British Policy and the Turkish Reform Movement*. Cambridge, 1942. P. 271–276.

¹¹ Milev N. *Réhid pacha et la réforme ottoman* // *Zeitschrift für Osteuropäisch Geschichte*. Bd. 2. H. 3. Berlin. S. 387–397.

¹² Дулина Н. А. Указ. соч. С. 141–142.

(Хатт-и шерифа). Решающим аргументом в пользу принятия данного постановления для Порты стал довод Решид-паши о его возможных внешнеполитических последствиях. Военная катастрофа, ознаменовавшая собой начало второго турецко-египетского конфликта (поражение в июне 1839 г. сухопутных войск и потеря флота), вынуждала Порту обратить внимание на свой европейский имидж. Мятежный египетский наместник пользовался на Западе репутацией реформатора, его поддерживало не только французское правительство, но и европейская пресса. Поэтому Хатт-и шериф, декларирующий готовность Порты следовать по пути западноевропейского прогресса, призван был лишить Али-пашу Египетского преимуществ на идеологическом фронте. Кстати, именно с этой целью на торжество по случаю провозглашения хатта в султанский дворец и были, по всей видимости, приглашены послы иностранных держав.

По форме Гюльханейский хатт являл собой не закон обязательный для исполнения, а некую декларацию о намерениях. Султан торжественно обещал своим подданным официальные гарантии безопасности для их жизни, чести и достоинства, т. е. провозгласил идею верховенства светского закона над волей падишаха. И, что было особенно важно для иностранных наблюдателей, четко сформулировал принцип равенства пред законом всех граждан империи вне зависимости от их вероисповедания. Для теократического общества заявления такого рода выглядели, с одной стороны, революционно, а с другой, несколько странно. Странность заключалась уже в том, что все эти декларации подразумевали наличие в обществе хотя бы зачаточных элементов некоторых норм, сходных с буржуазным правом. Но их не существовало, да и не могло существовать в мире, ориентированном на Коран.

Необходимо сразу отметить, что в плане международном демарш удался. На Западе Гюльханейский хатт был воспринят всерьез и вызвал обширную прессу. Особенно восторженно он был встречен английской и французской общественностью. Газеты взахлеб говорили о начале новой эры, о вступлении Турции на путь цивилизации, слова автора реформ Решид-пашу (например, французские «L'Univers» и «National», английская «The Times»). В Австрии новые веяния восприняли осторожно, но также всерьез. Так, Меттерних в своей депеше австрийскому послу (декабрь 1839 г.), хотя и поручал передать Порте благоприятный отзыв о хатте, выражал сомнение в благотворных последствиях новшеств, не соответствующих обычаям, традициям и потребностям исламского общества. Лишь русские дипломатические круги восприняли новый документ в высшей степени скептически, расценив его как нелепую «комедию»¹³.

Вряд ли юный султан имел хотя бы приблизительное представление о последствиях предлагаемых им нововведений. Скорее всего, он

¹³ Новичев А. Д. Указ. соч. С. 62.

пал жертвой проевропейских настроений и иллюзий Решид-паши. В дворцовых же кругах преобладал, по всей видимости, исключительно конъюнктурный подход, диктуемый логикой борьбы с египетским сепаратистом. Однако вне зависимости от побудительных мотивов принятия хатта, этому документу суждено было произвести революционный перелом в истории Танзимата. И причина крылась даже не столько в декларациях общего характера, сколько в некоторых конкретных обязательствах, прописанных в документе, — наделение иноверцев равными гражданскими правами, создание светского законодательства, отмена откупной системы, реформирование сферы налогообложения. Претворение же их в жизнь должно было привести к постепенной ломке всего традиционного уклада страны.

Особо плодотворными в плане реформаторской деятельности стали первые годы после провозглашения Гюдьханейского хатта. В практической плоскости реформы начались с повышения правового статуса Высшего совета юстиции, а вместе с ним и его главы — Решид-паши. Хотя вся пирамида власти по-прежнему продолжала замыкаться на султана, Совет превращался в основной законотворческий орган, отчасти курировавший также и деятельность министерств. Одной из первых инициатив Совета стала реорганизация провинциального управления, призванная продемонстрировать Западу готовность Порты к наделению христиан гражданскими правами. В этой связи уже в декабре 1839 г. был издан указ о развитии системы местного самоуправления. Во всех провинциальных центрах создавались выборные совещательные органы (меджлисы), в функцию которых входило обсуждение проблем управления, налогов, бюджета, правосудия и благоустройства территории. Их главным отличием от более ранних советов подобного типа была расширенная представительская база. Впервые в османской истории в них разрешалось участвовать иноверцам. В качестве представителей христианских общин в меджлисах обычно заседали священники. И хотя в реальности влияние христиан на принятие решений было минимальным, пропагандистский эффект оказался значительным. Европейская пресса была в восторге.

В рамках мероприятий по реформированию системы местного управления был продолжен и начатый при султана Махмуде II курс на дробление властных полномочий. Из ведения глав провинций вслед за военными изымались также финансовые функции, которые передавались представителю министерства финансов (дефтердару). Однако нельзя сказать, что этот шаг оказался удачен. Довольно скоро стало ясно, что слишком последовательное урезание властных полномочий губернаторов ведет к фактическому параличу власти на местах. При новой системе главы провинций оказывались просто не в состоянии обеспечивать гражданский и финансовый порядок на вверенной им территории. Поэтому уже в 1852 г. Порте пришлось в значитель-

ной степени восстановить полноту губернаторских полномочий: полиция, дефтердары, а также ряд исполнительных функций снова возвращались под их контроль.

Важнейшим мероприятием в рамках претворения в жизнь принципов Гюльханейского хатта стал новый уголовный закон 1840 г. — первый в истории Османской империи закон, опиравшийся не только на нормы шариата, но и на некоторые элементы буржуазного права. Султан торжественно признавал верховенство закона над волей падишаха и отказывался от своего традиционного права карать без суда и следствия; провозглашалась одинаковая степень уголовной ответственности для мусульман и иноверцев; в османскую юриспруденцию впервые вводились такие понятия как честь, неприкосновенность личности и частной собственности, а также статьи о должностных преступлениях. Уголовные дела отныне должны были рассматриваться в местных меджлисах, имеющих смешанный конфессиональный состав. Параллельно получал официальный статус и функционировавший ранее в столице смешанный коммерческий суд, созданный для рассмотрения торговых споров между османскими и иностранными купцами.

В экономической сфере нововведения 1839–1841 гг. затронули главным образом два направления — реализацию обязательств по англо-турецкому торговому договору и налоговую систему. Торговый договор состоял из нескольких статей, в точном выполнении которых были кровно заинтересованы английские купцы и предприниматели. Порта брала на себя обязательства по отмене всех издавна существовавших государственных монополий и квот (главным образом на закупку сельскохозяйственной продукции и товаров стратегического назначения). В стране вводился принцип свободы торговли. Кроме того, английские купцы освобождались от уплаты всех внутренних пошлин (причем, последнее нововведение не распространялось на местных торговцев). Одновременно в одностороннем порядке Порта устанавливала для них же новый единый размер пошлин. Для импорта сбор был определен в размере 3 % от стоимости товаров плюс пошлина в размере 2 %, после уплаты которой владелец мог беспрепятственно торговать на всей территории империи (т. е. суммарно 5 %). Экспортная пошлина устанавливалась также в размере 3 %, но в дополнение к ней в порту было необходимо уплатить еще 9 % от стоимости товара в качестве компенсации за отсутствие внутренних таможенных сборов (т. е. суммарно 12 %). Все транзитные товары подлежали обложению лишь 3-процентной пошлиной. При этом никаких протекционистских мер по отношению к местным производителям и купцам не предусматривалось в принципе. И наконец, договор имел бессрочный характер и был обязателен на всей территории империи.

Последнее обстоятельство имело и для Порты, и для Англии особое значение. Великобритания исторически являлась основным потребите-

•
лем египетского хлопка, поэтому сохранение регламентаций на его продажу в условиях бурного роста английской текстильной промышленности становилось все более нежелательным. Порта же надеялась, что отказ египетского наместника выполнять крайне невыгодные для него условия позволит получить в лице Англии мощного военного союзника в борьбе с мятежником. Однако вопреки всем ожиданиям египетскому наместнику удалось избежать конфликта. Ловко маневрируя административным ресурсом, опытный правитель сумел лишь имитировать свой отказ от традиционных квот. Сделав вид, что принимает условия договора, на практике он сохранил контроль над местной торговлей, в то время как на подконтрольных султану территориях новые принципы действительно вступили в силу. И распространились они вскоре не только на английских купцов. Всего нескольких лет (1838–1841 гг.) понадобилось Решид-паше, чтобы заключить аналогичные торговые соглашения со всеми заинтересованными в режиме свободной торговли европейскими странами — Францией, Сардинией, Швецией, Норвегией, Данией, Испанией, Нидерландами, Немецким таможенным союзом. Несколько позднее к этому режиму присоединились Австрия и Россия. Буквально в одночасье Османская империя превратилась в открытый рынок сбыта для дешевых европейских товаров.

Предпринятая в эти же годы налоговая реформа была призвана продемонстрировать стремление османского правительства к установлению буржуазного равенства сословий. С представителей всех конфессий и во всех регионах страны отныне должен был взиматься одинаковый сельскохозяйственный налог (ашар) в размере 1/10 урожая. Все чрезвычайные поборы, а вместе с ними и льготы, упразднились. Отменялся и традиционный для Османской империи механизм сбора налогов — откупная система (ильтизам). И что также немаловажно, с глав местной администрации снималась личная ответственность за финансовые итоги года. Налоговые функции в полном объеме передавались государственным чиновникам (мухассылам), подчиненным напрямую министерству финансов. Отныне именно они должны были собирать все налоги не только с миряйских (государственных), но и вакуфных земель. Это нововведение коснулось даже джизье (в новом варианте хараджа) — налога за освобождение иноверцев от военной службы, сбор которого традиционно относился к компетенции христианских старейшин, а ответственность за это несла община в целом.

Претворение налоговой реформы в жизнь привело к неожиданному результату — тяжелому финансовому кризису. Унификация ставки налогообложения, не учитывающая степень плодородия почвы, привела к фактическому налоговому неравенству производителей. Но главное — отказ от откупной системы вызвал полный хаос в отлаженной веками системе сбора налогов. Государственные чиновники оказались не в состоянии оперативно и эффективно выполнять функ-

цию, с которой успешно справлялись откупщики. У них не было ни опыта, ни знания рынка, ни необходимых связей, ни личной заинтересованности. В результате проблема своевременного превращения натуральных налогов (составлявших основную часть налогообложения крестьян) в денежный эквивалент стала абсолютно неразрешимой. Собранные продукты земледелия, вовремя не вывезенные с мест и не реализованные на рынке, попросту сгнивали. Итогом эксперимента стал полный провал годового бюджета, казна лишилась средств даже для обеспечения текущих расходов. Султан был вынужден пустить в обращение большую массу бумажных банкнот (со всеми вытекающими из этого последствиями). К тому же основная часть налогоплательщиков (и христиан, и мусульман) резко выступила против нововведений. По стране покати́лась волна крестьянских восстаний. Крах налоговой реформы стал одновременно и крахом (хотя и временным) личной карьеры Решид-паши. Он был отстранен от власти и отправлен послом в Париж, где и пребывал вплоть до 1846 г. Вслед за этим последовал резкий отказ Порты от нововведений в налоговой сфере. Столь решительному демаршу благоприятствовала и изменившаяся международная конъюнктура. Окончание переговоров по урегулированию турецко-египетского конфликта, завершившихся в 1840 г. подписанием первой Лондонской конвенции (предусматривавшей капитуляцию Али-паши Египетского и возвращение в столицу турецкого флота), покончило для Порты с острой необходимостью слепо угождать европейскому общественному мнению. Новый порядок взимания налогов был срочно отменен.

Между тем, при ослаблении внешнего давления, центр преобразовательской активности правительства вновь начал дрейфовать в традиционное для страны русло — в сторону военной реформы. Осенью 1843 г. в свет вышел специальный султанский фирман «О новом порядке набора рекрутов», призванный покончить с произволом при наборе призывников (на практике волевым порядком хватали всех подряд) и сделать армейскую службу более привлекательной для новобранцев (т. е. уменьшить количество дезертиров). Страна была поделена на военные округа, с каждого из которых причиталось определенное количество рекрутов. Срок действительной службы сокращался с 15 лет до 5, после чего солдаты в течение еще 7 лет числились в запасе (реди́фе) с ежегодным призывом на месячные военные сборы.

Однако период относительного реформаторского затишья для правительства продолжался недолго. Уже вскоре после заключения второй Лондонской конвенции (1841 г.), фактически поставившей империю под коллективный протекторат Англии, Франции, Австрии, Пруссии и России, прямое вмешательство европейских дипломатов во внутренние турецкие дела начало возрастать.

Особую активность в этом отношении проявлял английский посланник Стретфорд Каннинг. Особо пристальное внимание он обра-

•
щал на те сферы жизнедеятельности османского общества, в коррективке которых его соотечественники были наиболее заинтересованы. Так, уже в 1843 г. Каннингу удалось добиться законодательного постановления о передаче дел в отношении британских торговцев исключительно в компетенцию английского консульского суда. Сохранились документы, что в случае необходимости он лично лоббировал интересы английских торговых компаний, обеспечивая им режим наибольшего благоприятствования¹⁴. В 1850 г. он же стал инициатором учреждения в Османской империи нового протестантского миллета, легализовав тем самым деятельность многочисленных религиозных обществ и открыв новый канал для усиления английского влияния на Балканах и Ближнем Востоке.

Но особую важность для европейской торговли представляла сфера судопроизводства. Поэтому не без влияния западных дипломатов реформы в области коммерческого и уголовного права начали продвигаться наиболее успешно. В 1847 г. была произведена реорганизация коммерческих судов и впервые в Османской империи создан смешанный уголовный суд. В противовес шариатским и церковным судам он мог вести дела вне зависимости от вероисповедания истцов и ответчиков. Однако на практике смешанный уголовный суд оказался институтом, призванным отстаивать на османской территории прежде всего интересы иностранных граждан. Произошло это благодаря невежеству османов в вопросах юриспруденции и ловкости дипломатов, которые, пользуясь представившейся возможностью, добились для европейцев исключительных привилегий. Иностранцы получили право занимать место судей на равных с подданными империи (и в равном количестве), что позволяло напрямую влиять на решения суда. Более того, на процессе обязан был присутствовать дипломатический представитель соответствующей страны, а приговор вступал в силу лишь после его одобрения посольством.

На практике реформы чаще всего лишь декларировались. Частично (и то с большим трудом) их удавалось претворять в жизнь непосредственно в столице, где правительственный и лично султанский надзор играл свою роль. Но уже в ближайших к Стамбулу эялетах нововведения наталкивались на скрытый, но дружный саботаж чиновников всех уровней. Так, например, французский посол генерал Опик, касаясь проблемы реализации реформ в Дунайском эялете, характеризовал ситуацию на местах как откровенно плачевную¹⁵. Об этом же свидетельствовал в своем отчете и уполномоченный Порты Сами-паша, направленный в 1851 г. в Восточную Румелию. Среди

¹⁴ Глушков Хр. Англо-турският търговски договор от 1838 г. и българското стопанство // Трудове на Великотърновския университет. София, 1979. Т. 15. № 3. С. 165–172.

¹⁵ Документи за българската история. Т. III. Документи из турските държавни архиви. Ч. I. София, 1940. С. 305–306.

прочих стоявших перед ним задач особое место занимала борьба с саботажем¹⁶.

В целом создается впечатление, что предлагаемые центром новации реализовывались чиновниками весьма выборочно. Из сумбурного потока столичных указов они старались принимать к исполнению лишь те, которые (на их неискушенный взгляд) действительно соответствовали жизненным потребностям местного социума. Среди таковых следует назвать прежде всего военную реформу (включая не только чисто армейские преобразования, но также мероприятия в аграрном, социальном и производственном секторе). Без поддержки аппарата правительство вряд ли смогло бы реализовать в 40-е годы и масштабную программу по открытию большого количества казенных предприятий для обслуживания нужд армии¹⁷. Другое дело, что из-за недостатка опыта в управлении производством, отсутствия необходимого количества квалифицированных кадров и традиционного казнокрадства многие из фабрик не смогли благополучно и длительно функционировать, но это уже другая проблема. Также очень показательным отношением аппарата к сфере профессионального обучения, обслуживающего, в первую очередь, интересы той же армии. Основанные еще султанами Селимом III и Махмудом II военно-инженерное и военно-медицинское училища благополучно процветали и в 40-е годы, пользуясь большой популярностью у различных слоев населения. Известно, например, что в 1847 г. среди студентов-военных медиков кроме 300 турок имелись и иноверцы: 29 армян и 15 евреев¹⁸. При училище функционировали также женские курсы по подготовке акушерок.

Совсем иное отношение было к нововведениям, являвшимся (с точки зрения чиновничьего аппарата) продуктом нелепой моды или чуждых европейских влияний. Так, например, попытку реформы просвещения (введение системы светского многоступенчатого образования) чиновники на многие годы просто заблокировали. На практике все мероприятия свелись к организации нескольких показательных заведений, вызывающих умиление главным образом у султана и иностранцев¹⁹. Кроме того, в столице был торжественно заложен камень в основание будущего университета.

Но, говоря о реформаторских прожектах, необходимо все же иметь в виду, что, несмотря на откровенный саботаж чиновничьего аппарата, правительству иногда удавалось настоять на реализации некото-

¹⁶ Милетич Л. Един документ от първото време на Танзимата // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Т. XV. София, 1898. С. 359.

¹⁷ Clark E. The Ottoman Industrial Revolution // International Journal of Middle Eastern. 1974. № 1. Р. 30.

¹⁸ Новичев А. Д. Указ. соч. С. 167.

¹⁹ Убичини А., Куртейль П. де. Современное состояние Оттоманской империи. Статистика, правление, администрация, финансы, армия, общины. СПб., 1877. С. 206–209.

рых, заведомо фантастических планов. Последствия в таких случаях обычно оказывались плачевны. Ярчайший тому пример — попытка перенесения на османскую почву западной банковской модели. В подражание европейским странам стараниями реформаторов в 1848 г. в столице был основан государственный Константинопольский банк. Однако, отсутствие необходимых навыков, традиций и опыта сделало свое дело — банк почти мгновенно прогорел, оставив правительству убытки в размере 35 млн курушей. Неудачно сложилась судьба и другого банка — Оттоманского, быстро перешедшего под контроль европейцев. Нарастающий финансовый кризис Порты попыталась погасить в 1851 г. путем иностранного займа, но неумелые действия ново-явленных банкиров лишь добавили казне новых убытков²⁰. Страну начала захлестывать инфляция.

Говоря о неоднозначных последствиях проводимых реформ, необходимо все же признать, что итоги первого этапа Танзимата оказались в целом весьма продуктивны. Однако произошло это, по всей вероятности, благодаря не революционным новшествам Решид-паши, а сугубо прагматическим мероприятиям, инициированным еще султаном Махмудом II. Прежде всего речь идет о военной реформе и ее производных. Аграрная реформа (как неотъемлемая составная часть реформы военной) повлекла за собой трансформацию всей османской системы землевладения. Военной реформе сопутствовал и целый ряд конкретных инициатив правительства, оказавших существенное влияние на развитие ремесел и становление новых отношений в сфере производства. Кроме того, в этом же ряду стоит и англо-турецкий торговый договор 1838 г., вызванный к жизни угрозой все той же безопасности страны. Распространив на Османскую империю принципы свободной торговли, он надолго скорректировал общий вектор экономического и социального развития страны, повлияв, в том числе, и на ее статус в последующей системе международных отношений.

В разных областях империи мероприятия правительства по реализации нововведений во всех этих сферах имели свою специфику и сроки выполнения. В болгарских провинциях акт упразднения военнo-ленной системы был довольно длительным процессом, растянувшимся с 1832 г. по 1844 г. и прошедшим, согласно исследованию Стр. Димитрова, в своей реализации несколько последовательных стадий²¹. Первый этап по изъятию тимаров и зеаметов, начавшийся в 1832 г. и продолжавшийся приблизительно до 1838–1840 гг., имел компромиссную форму. Государство не отбирало у спахийев их ленные держания, а заключало с ними кратковременный (сроком на один год) арендный договор. Документы показывают, что каждый владелец сохранял свои

²⁰ Новичев А. Д. Указ. соч. С. 161–162.

²¹ Димитров Стр. Към въпроса за отменяването на спахийската система в нашите земи // Исторически преглед. 1956. № 6. С. 27–58.

юридические права, но был вынужден ежегодно переоформлять аренду (забтнамета или шартнамета), передавая права на сбор причитавшейся ему ранее доли доходов (десятины) государственным чиновникам. После оформления аренды бывший владелец получал у местного ростовщика-банкира (в этой роли традиционно выступали евреи) сумму, равноценную причитавшимся доходам. Кроме права на сбор налога спахии лишались также и возможности контроля над земельным фондом. Так начался процесс уничтожения спахийской системы и фактическое изъятие ленов в пользу государства.

Второй, переходный этап между арендой и окончательным отчуждением ленов занял около двух лет. Основная задача государства в этот период состояла в выяснении действительной доходности ленов и соответственно в определении суммы для выплат прежним владельцам. Начало третьего, заключительного этапа реформы, состоявшего в окончательном отчуждении тимаров и зеаметов в пользу государства и перевода их владельцев в разряд пенсионеров, относится в болгарских провинциях приблизительно к 1840 г. Во всяком случае именно этим годом датируется наиболее ранняя из обнаруженных Стр. Димитровым расписок в получении спахиями назначенной им государством ежегодной пенсии²². Сумма выплачивалась из казны двумя траншами (в июне и сентябре). По этому поводу составлялся соответствующий документ, после чего всякая юридическая связь между спахией и его бывшим владением прерывалась. Объемный массив сохранившихся документов такого рода дает основания предполагать, что уже к 1844 г. подавляющее большинство тимариотов было переведено в разряд пенсионеров.

Подытоживая ход мероприятий по ликвидации ленной системы, следует обратить особое внимание на высокую цену (в денежном эквиваленте), которую государство не поскупилось заплатить, лишь бы избавиться от наследия прошлого. Но это была фактически цена гражданского мира в стране.

Итак, к середине 40-х гг. на большей части болгарских провинций аграрная реформа успешно справилась с поставленной задачей — ликвидировала военно-ленную систему, а вместе с ней и юридическую фигуру посредника между государством и крестьянами. Однако это произошло лишь там, где права на земельные владения были оформлены на основании бератов. Земли же, приобретенные в наследственное владение с оформлением соответствующего документа (тапу), изъятию в пользу государства не подлежали. Таким образом, вне зоны действия реформы оказались некоторые районы, где в эпоху разгула сепаратизма происходила массовая передача или прямой захват больших масси-

²² Димитров Стр. Към въпроса за отменяването на спахийската система в нашите земи. С. 49.

вов мирийских земель фактически в частную собственность. В болгарском регионе процессы такого рода имели массовый характер, прежде всего, на западе — в землях, простирающихся от Видина на севере до Кюстендила на юге. Именно по этой причине преобразования здесь продвигались с наибольшим трудом, затянувшись более чем на десятилетие и вызвав попутно серьезную волну социального напряжения.

Специфика аграрной проблемы в этом регионе была неразрывно связана с местной конъюнктурой. Еще в XVIII в. хронический финансовый дефицит вынудил Порту выставить на продажу расположенные здесь земли султанских хассов. Вполне законно и официально новые владельцы получали тапу на земли целых сел. Кроме того, здесь сказались и последствия эпохи феодальной анархии рубежа XVIII–XIX вв. Разгул бандитизма привел в этот период к запустению многих районов. Оставшиеся бесхозными земли местные аяны вполне официально приобретали с торгов вместе с соответствующими документами. В итоге территория многих западноболгарских сел превратилась фактически в крупные частновладельческие хозяйства, а их население (вне зависимости от того было оно коренным ими приглашенным) оказалось на положении арендаторов. Условия найма при данной системе землепользования (в историографии она известна как кесимджийство или господарлык) отличались исключительной жесткостью. Последняя отличительная черта была особенно типична для районов в окрестностях Видина-Кюстендила. Не в последнюю очередь это было связано с местной исторической спецификой. Длительное полуавтономное существование края, т. е. его фактическая недоступность для центральных контролирующих органов, большое влияние региональных олигархических кланов в местных органах власти привели к полному произволу со стороны землевладельцев. Произвольное увеличение ренты, включая рост ее денежной составляющей, барщина и обязанность отчисления налогов на содержание управляющих стали в первой половине XIX в. нормой в чифтликах на западе болгарских провинций.

Проведенная в стране земельная и налоговая реформа неожиданно резко ухудшили и без того тяжелое экономическое положение местных крестьян. Вместо одного налога с продукции земледелия, который ранее платился землевладельцу, теперь им приходилось платить дважды и в полном объеме: ашар государству и ренту за пользование землей непосредственно хозяину²³. Возмущенные возникшей после начала реформы спahiлыкa дискриминацией, крестьяне частновладельческих сел Видинского санджака обратились в 1832 г. с жалобой к губернатору, но поддержки не нашли. Местные власти встали на сторону крупных землевладельцев и фактически легализовали наиболее

²³ Димитров Стр. Из историята на революционото движение в Нишкия вилает през 1850 г. // Известия на Института за история. Т. 16–17. София, 1966. С. 407.

грабительский вариант системы двойного налогообложения. Результатом стала серия крестьянских бунтов, потрясшая западные районы в 1833–1837 гг. Наиболее активные выступления в этот период наблюдались в окрестностях самого Видина, Ниша, Беркова, Белоградчика, Пирота. Напряженность в регионе усугубляла также и провоцирующая близость границы с Сербским княжеством. В 1840 г. (с началом налоговой реформы) ситуация обострилась еще более, вызвав в конечном итоге социальный взрыв. В 1841 г. масштабные крестьянские волнения охватили территорию Нишского, Лесковацкого, Пиротского и некоторых других районов (так называемое Нишское восстание). Позднее было установлено, что жертвами Нишского восстания стало более 20 землевладельцев и их управляющих, пострадало 225 сел, из которых около половины оказались полностью сожжены, а население разбежалось или эмигрировало в Сербию²⁴.

Наиболее крупное восстание в Видинском санджаке произошло летом 1850 г. Его отличительной особенностью был не только большой территориальный охват (район Видина, Белоградчика, Лома, Ниша). В отличие от предыдущих выступлений, нацеленных в основном на уменьшение рентных платежей, оно было ориентировано уже непосредственно против самой формы господарлыка как системы хозяйствования. Началось восстание в конце мая стихийными выступлениями в Белоградчике, переросшими в массовые волнения на территории почти всего санджака. По некоторым сведениям в волнениях принимало участие до 15–16 тыс. человек²⁵. Довольно скоро крестьяне начали формировать вооруженные отряды и пытаться штурмовать укрепления окрестных городков, но в конечном итоге все закончилось столкновениями с регулярными войсками и полным разгромом.

Проведенное правительственным уполномоченным Али Ризапашой расследование показало всю обоснованность и правомочность народных требований. Порте пришлось приступить к решению проблемы. В 1851 г. был издан фирман, разрешающий крестьянам выкупать свои земли из состава господарлыка. Однако затребованные владельцами суммы оказались для них неподъемными. В 1853 г. Порта предложила новый вариант решения проблемы. Ради эффективности этого процесса правительство взяло на себя посредническую функцию. Хозяева господарлыков лишались юридических прав на принадлежавшую им ранее землю. За счет казны им была предложена компенсация, выплачиваемая по выпущенным государственным облигациям (касимама). Крестьяне могли отныне выкупать землю в рассрочку за счет увеличения суммы ежегодного налога в пользу государства и получать тапу, становясь тем самым законными владельцами земли.

²⁴ Косев Д. Лекции по нова българска история. София, 1951. С. 101–103.

²⁵ Димитров Стр. Въстание от 1850 година в България. София, 1966. С. 116.

Параллельно правительство благоразумно позаботилось и о мерах, препятствующих возникновению в будущем хозяйств подобного типа: был обнародован фирман, вводивший запрет на приобретение территории целых сел. Благодаря этим мерам болезненный и давно назревший конфликт вокруг господарлыков был в основном урегулирован и, таким образом, в общих чертах завершена аграрная реформа в одной из самых проблемных болгарских провинций.

Основным итогом аграрной реформы стала ликвидация архаичной военно-феодальной структуры в системе поземельных отношений. Произошедшие изменения были юридически оформлены в законоположениях и нормативных актах, принятых правительством в период 30–50 гг. и кодифицированных в обнародованном в 1858 г. Законе о земле. Ключевыми среди них были следующие: отмена спахилыка и устранение фигуры спахии в качестве посредника между производителями и государством; унификация статуса мирийских земель (и, как следствие, ликвидация всех категорий так называемой привилегированной райи — дертвенджиев, доганджиев и т. д.); провозглашение запрета на приобретение территории целых сел.

Однако отказ от военно-феодальной структуры еще не означал перехода системы поземельных отношений на качественно новый стадийный уровень. Акт ликвидации спахилыка являлся волевой акцией, направленной, в первую очередь, на укрепление обороноспособности страны. Процессы, связанные с развитием буржуазных отношений на селе, он просто игнорировал. Поэтому в правовом отношении новая система поземельных отношений не стала буржуазной. Перестав быть военно-феодальной, она превратилась в государственно-феодальную. Реформа заставила крестьян вернуться, по существу, к истокам, к архаике, весьма напоминающей классическую для Ближнего Востока схему отношений, связанную с так называемым азиатским способом производства. Если судить по обнародованному в 1858 г. Закону о земле, к концу первого этапа Танзимата эта схема выглядела следующим образом.

Абсолютный приоритет оставался за государственной формой земельной собственности (мирийские земли). В полном соответствии с исламскими канонами (земля принадлежит Аллаху, т. е. она божья) государство оставалось единственным собственником. Отныне оно уже напрямую контролировало непосредственных производителей, выдавая им права на землю и собирая причитающуюся по закону ренту. Причем, в личное наследственное пользование османским подданным (и только им) делегировалось не право собственности, а лишь владельческие права. Государственными продолжали оставаться также закрепленные за общиной земли общего пользования (метруке) — дороги, площади, пастбища и т. д., а также земли меват — пустоши, служившие резервом для увеличения обрабатываемых площадей.

Ограничений по максимальным размерам оформляемых во владение участков не предусматривалось. Реальный размер земельных владений непосредственных производителей обычно колебался в болгарских провинциях в пределах от 1 до 100 дюнжумов (1 дюнжум равен 919,3 м²). Средний же размер зажиточных хозяйств редко превышал 200 дюнжумов²⁶.

Что касается негосударственных форм земельной собственности, то, согласно новому земельному законодательству, им отводилась подчеркнута второстепенная роль. Наиболее консервативная вакуфная форма землевладения хотя и сохранила свои основные позиции, но уже в урезанном виде. Статус юридически оформленных частновладельческих земель (мюльк) ограничивался в основном масштабами надворных построек. Относительно же чифтликов новое османское законодательство занимало абсолютно четкую позицию — оно продолжало упорно и последовательно игнорировать сам факт их существования. Более того, если говорить о юридической стороне вопроса, сам термин «частновладельческие земли» можно употреблять по отношению к чифтликам лишь с известной долей условности. Фактически являясь собственниками, их хозяева получали вместе с тапу не право собственности, а лишь право на потомственное владение. В частности, на них распространялись все ограничения, связанные с распоряжением мирийскими землями. Одним из результатов этой коллизии явилось полное отсутствие нормативных актов, регулирующих правовые отношения в данной сфере и, как следствие, возникновение конфликтов между владельцами и арендаторами.

В реальной жизни чифтлики являли собой в болгарских землях достаточно пеструю картину. Наиболее распространенными формами ведения хозяйства были следующие: наемный труд (ратайство), испоулина и кесимджийство. При первой, наиболее развитой форме, чифтлик представлял собой руководимое владельцем товарное производство. Средства производства обычно принадлежали хозяину, земля обрабатывалась временными наемными работниками (ратаями) за вознаграждение и не дробилась на наделы. При испоулине основная часть чифтлика передавалась в аренду. Это была наиболее распространенная форма аренды земли. В этом случае инвентарь и скот принадлежали непосредственному производителю. Хозяин чифтлика лишь выделял арендатору землю и обеспечивал семенами. Полученный доход делился на основании договора, заключенного заранее по нормам обычного права. Существовал также еще один вариант испоулины, при котором оставшаяся в распоряжении хозяина земля обрабатывалась наемными работниками.

²⁶ Димитров Стр. За класовото разделение сред селяните в Североизточна България през 70-те години на XIX в. // Известия на Института по история. Кн. 8. София, 1960. С. 267, 264.

Последней формой ведения частновладельческого хозяйства было кесимджийство. На этих землях чаще всего отсутствовал собственно чифтлик — личное хозяйство владельца. Охватывая территорию целого села, земля представляла собой совокупность наделов, наследственно обрабатываемых проживавшими на них крестьянами (соответственно инвентарь и скот были собственные). Однако юридические права на землю у крестьян отсутствовали полностью. Заключаемый между владельцем и арендаторами договор также носил неформальный характер. Однако, в отличие от других форм ведения частновладельческого хозяйства, он заключался не индивидуально, а с общиной в целом. Предварительно оговаривался размер годовых выплат (включая натуральную, отработочную и денежную ренту), который затем крестьяне распределяли между собой. Данная форма расчетов была наиболее удобна на неплодородных почвах. Исследователи не исключают, что данный фактор мог сыграть не последнюю роль в распространении кесимджийства именно в западных провинциях²⁷.

Возвращаясь к оценке новой структуры землепользования, важно все же отметить, что при всем своем традиционализме, в перспективе она объективно работала на развитие буржуазных отношений в аграрной сфере. Однако происходило это не благодаря, а вопреки действиям правительства. Пытаясь укрепить бюрократическими методами контроль государства над земельным фондом, Порта невольно способствовала повышению уровня правовой защищенности непосредственных производителей. И в этом смысле особое значение приобретало внимание правительства к повышению статуса традиционного для Османской империи документа, удостоверяющего право на землю — тапу. Начиная именно с эпохи Танзимата, любые операции с землей стали оговариваться наличием именно этого документа. Поскольку в болгарских землях обладателями тапу была подавляющая часть крестьянства, данная тенденция помогала формированию слоя потенциальных земельных собственников. Причем, в массовом масштабе.

Кроме аграрного сектора экономики османская военная реформа отразилась и на ремесленном производстве. Причина была проста: новая армия требовала дешевого, но прочного обмундирования, причем, в большом количестве. Болгарские ремесленные корпорации (эснафы) являлись традиционными поставщиками грубошерстного сукна (абы) для нужд османской армии. Появление на рынке стабильного повышенного спроса на абу привело не только к подъему абаджийства, но и оказало влияние на судьбу ремесленных корпораций. Так военная реформа получила, кроме аграрной, еще и промышленную составляющую.

В болгарских провинциях абаджийство традиционно являлось наиболее развитым и массовым среди других ремесленных произ-

²⁷ Милкова Ф. Поземелната собственост в българските земи през XIX в. София, 1969. С. 225.

водств. Главными центрами по продаже абы здесь был район Пловдива — Татарпазарджика, а также Сливен. Основное же производство осуществлялось жителями горных сел Родоп и Балканского хребта. Вплоть до начала военной реформы это производство тяготело к старинной ремесленной схеме. Основная часть сельских производителей (организационно связанных с абаджийскими эснафами) работала в домашних мастерских, довольствуясь помощью домочадцев или привлекая время от времени одного — двух помощников. Производство осуществлялось на заказ и на ярмарочную продажу. Осенью на ближайшие ярмарки и в торговые центры Азии отправлялись караваны с готовой продукцией и полуфабрикатами.

Изменения в традиционной схеме начались вместе с процессом создания новой армии и резким увеличением спроса на абу в конце 20-х — 30-е гг. XIX в. В производство грубошерстного сукна в весенне-летние месяцы постепенно стала вовлекаться большая часть населения горных сел. Процесс интенсификации и привлечения к работе всех имеющихся в наличии свободных рук предопределял неизбежность возникновения в селах системы разделения труда и придаче производству (по выражению Н. Тодорова) «в известном смысле мануфактурного характера»²⁸. В болгарских городах, согласно сохранившейся документации, интенсификация приняла еще более выраженный характер. Выросшие потребности рынка вынуждали мастеров привлекать по 5–6, а иногда и более 10 учеников и подмастерий. С конца 20-х годов ведет свое начало и появление стабильного госзаказа, открывшего новую страницу в развитии текстильного производства. Известно, в частности, что в 1827 г. сливенские абаджии Тодор и Иордан заключили от имени местных производителей крупный договор со столичным военным арсеналом на изготовление обмундирования. Всего лишь через несколько лет их поставки достигали уже 80 000 топа (приблизительно 800 тыс. м) абы²⁹.

Здесь же, в Сливене, произошло и открытие первой в болгарских землях текстильной фабрики. В 1834 г. репатриант из России и энтузиаст своего дела Добри Желязку проявил инициативу к созданию в этом городе первой в болгарских землях частной суконной мануфактуры. Основанное Д. Желязку производство было позднее преобразовано в государственное предприятие, содержащееся на средства из бюджета военного ведомства. Туда же поступала и выработанная аба. В 40-е годы на фабрике насчитывалось до 80 наемных работников и 2 мастера³⁰.

Особая роль в развитии болгарского абаджийского производства в 30-е гг. принадлежит семейному клану Атанаса Гюмюшгердана. На ба-

²⁸ Тодоров Н. Балканский град. XV–XIX век. Социально-экономическое и демографическое развитие. София, 1972. С. 227.

²⁹ Там же. С. 270.

³⁰ Там же. С. 280.

•
зе обработки шерсти в предгорьях Родоп ему с сыновьями удалось создать сначала самую крупную (а возможно и первую) в болгарских землях рассеянную мануфактуру, а затем и частную фабрику. Гюмюшгердан смог добиться получения стабильного правительственного заказа на ежемесячные поставки армейского обмундирования. Жители почти 20 родопских сел вырабатывали из полученной от Гюмюшгердана шерсти тысячи топа сукна ежегодно. В 1847 г. сыновья Атанаса построили здание первой частной фабрики. Их предприятие было ориентировано в первую очередь на выполнение госзаказа (до 1/4 продукции). В 50-е годы на нем работало 57 человек, плюс к тому 3 члена администрации и 2 техника для обслуживания выписанной из Австрии техники³¹.

Однако, несмотря на появление в болгарских землях мануфактурного и фабричного производства, в сфере производственных отношений все же продолжали доминировать архаичные структуры. Основной причиной этого была искусственная консервация эснафов (цехов) как обязательной формы организации товаропроизводителей. Парадокс состоял, однако, в том, что, начиная с конца 30-х годов, инициатива в данном вопросе исходила уже не от государства, а со стороны новых буржуазных элементов в составе правления самих цехов.

Заключение Портой в 1838 г. торгового договора с Великобританией покончило с системой государственной регламентации, предусматривавшей участие чиновников в процессе производства, торговли и ценообразования. Эснафы оказались лишены не только своего высшего покровителя, но и регулирующего начала в лице государственной администрации. Возникновение хаоса удалось предотвратить в значительной степени благодаря оперативной работе руководства цехов, взявших на себя поддержание регламентирующих функций. Специфика ситуации состояла, однако, в том, что к концу 30-х годов это руководство уже состояло из представителей нарождающейся буржуазии. Трезвый анализ сложившейся на османском рынке конъюнктуры вынуждал профессионалов крайне осторожно подходить к вопросу об отказе от традиционных структур.

Для развития мануфактурного, а тем более фабричного производства необходимо наличие емкого и стабильного рынка. В условиях растущей конкуренции дешевых европейских товаров его мог обеспечить лишь госзаказ. Однако твердо (да и то частично) рассчитывать на него могли лишь единицы. Отсутствие этого условия делало расширение производства рискованным. Между тем сохранение отлаженной и всеобъемлющей структуры эснафов давало изготовителям определенные гарантии, позволяя посредством корпоративного сговора регулировать рынок. И наконец, что было также немаловажно для пока еще эконо-

³¹ Тодоров Н. Балканският град. XV–XIX век. Социално-икономическо и демографско развитие. С. 251, 289.

мически слабой болгарской буржуазии, — цеховая касса, традиционно находившаяся в распоряжении руководства эснафа, фактически выполняла финансово-кредитные функции, обслуживая своих клиентов на невиданно льготных условиях³². По-видимому, учет всех этих факторов и вынуждал предпринимателей нового типа не только не порывать с отжившей свой век средневековой производственной структурой, но всячески укреплять в ней свои лидирующие позиции.

Кризис, поразивший текстильное производство империи после вхождения в силу торговых договоров 1838–1841 гг., докатился до болгарских земель лишь ко второй половине XIX века. Именно к этому времени, по мнению Н. Тодорова, и относится начало активного упадка абаджийских эснафов в этом регионе³³. Конкуренция дешевых европейских товаров оказалась опасна, прежде всего для мастерских, специализирующихся на выпуске дорогих и высококачественных тканей. На территории империи основные центры их изготовления исторически располагались в наиболее крупных и древних городах, рынки которых всегда славились своими предметами роскоши, — Константинополь, Салоники, Бейрут, Дамаск, Алеппо, Александрия и др. Болгарские города на вхождение в этот список претендовать не могли. Однако именно отсутствие производства, ориентированного на удовлетворение вкусов богатых заказчиков, и спасло на некоторое время местных текстильщиков от разорения. До тех пор, пока реформируемая армия нуждалась в больших партиях дешевого обмундирования, особых проблем с реализацией местной продукции не возникало. К тому же, необходимо иметь в виду, что простая и грубая аба традиционно пользовалась в Османской империи повышенным спросом у малообеспеченных слоев населения. Именно из нее шили свою повседневную одежду болгарские и малоазийские крестьяне, а также кочевники-арабы, т. е. те категории покупателей, которых отличал природный консерватизм и отсутствие (на первых порах) интереса к европейскому импорту.

Введение режима свободной торговли широко открыло двери для товаров всех заинтересованных европейских стран. Наибольшую активность проявляли Великобритания, Франция и Австрия. Англия беспрепятственно ввозила хлопчатобумажные и шерстяные ткани, обработанное и необработанное железо, машины. Франция — ткани (в том числе шелка), обработанную кожу, металлы и изделия из них, стекло, парфюмерию. Австрия — ткани, металл, оружие, химические товары, изделия из стекла. Россия также участвовала в торговом процессе, но в меньшей степени. Из южнороссийских портов вывозились главным образом воск,

³² Тодоров Н. Балканский град. XV–XIX век. Социально-экономическое и демографическое развитие. С. 223–224.

³³ Там же. С. 209.

масло, икра, деготь, жесь, полотно, канаты. Зерно также участвовало в товарообороте, но предназначалось в основном для реэкспорта³⁴.

Игнорирование договорами самого принципа взаимности напрямую сказывалось на характере торгового обмена. Ни о каком балансе не было и речи — иностранный импорт многократно превышал экспорт. Ввоз только английских товаров за период с 1830 по 1852 гг. увеличился втрое, причем, более половины объема составляли ткани³⁵. В ответ же на торговую экспансию европейских промышленных товаров Османская империя могла предложить лишь продукцию сельского хозяйства: зерно, оливковое масло, необработанные кожи, хлопок, табак, опиум, овечью и ангорскую шерсть, шелк-сырец.

Как уже упоминалось, вступление в силу торговых договоров 1838–1841 гг. предусматривало отмену системы государственных монополий и регламентаций. Отныне зерновые культуры, мясо, масло, хлопок, шерсть, т. е. товары, классифицируемые ранее Портой в качестве стратегических и входивших в систему государственных закупок, становились объектом свободной рыночной торговли. Причем, ликвидировались не только существовавшие ранее квоты, регламентирующие объемы поставок товара для свободной продажи, отменялась государственная система ценообразования. Для болгарских земель как региона с ярко выраженным земледельческим уклоном последнее обстоятельство имело особое значение.

Последовавший после 1838 г. взлет цен на зерновые культуры привел здесь к резкому увеличению посевных площадей и стремительному подъему сельского хозяйства. Только в 1842 г. из Видина, Свищова, Рушук и Силистры было экспортировано около 68 тыс. тонн пшеницы. Всего же с 1840 по 1848 гг. вывоз зерна из Восточной Румелии вырос с 296 тыс. тонн до 1600 тыс., т. е. более чем в 5 раз³⁶.

Кроме экономических выгод возросшая инвестиционная привлекательность сельскохозяйственного производства имела для болгарских провинций и серьезные социальные последствия. Резкое увеличение сельскохозяйственного торгового оборота и фактический уход из этой сферы государственно-административных структур стимулировали приток частных инвестиций и вовлечение в торговый бизнес местных кадров. В торговлю зерном, осуществлявшуюся в 40–50-е годы через дунайские и черноморские порты, начали активно включаться болгарские торговцы, ранее относительно слабо задействованные в крупномасштабных коммерческих операциях. Тем самым было положено начало формированию влиятельного слоя национальной торго-

³⁴ Золотов В. А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 1963. С. 58–59, 67.

³⁵ Bailey F. British Policy and the Turkish Reform Movement. A Study in Anglo-Turkish Relation. 1826–1853 // Harvard Historical Studies. 51. Cambridge, 1942. P. 86.

³⁶ Глушков Хр. Указ. соч. С. 153.

вой буржуазии. С этого времени известны, например, имена Евлогия и Христо Георгиевых, возивших товар в столицу, Цвятко Радославова из Свищова, Николи Минчоглу из Тырново и др.³⁷

Вместе с тем для местной буржуазии, находившейся еще в начальной стадии формирования и сохранявшей крепкие связи с деревней, возросшая прибыльность сельскохозяйственного производства стала своеобразной западней, предопределившей надолго ее социальное лицо. На фоне высоких рисков и нестабильности в сфере ремесленного производства параллельные денежные вложения в земледелие выглядели исключительно привлекательно. Так, например, известно, что даже богатейшее абаджийское семейство Гюмюшгерданов (несмотря на покровительство со стороны Порты и обеспеченность госзаказом) упорно не желало порывать с сельским хозяйством, продолжая вкладывать в него огромные капиталы. В Дермендере (местечке, где располагался центр их рассеянной мануфактуры, а затем и фабрика) кроме абаджийского производства им также принадлежали нескольких чифтликов, мельницы, маслобойни, многочисленные стада овец и крупного рогатого скота³⁸.

Данная тенденция, безусловно, является наглядным проявлением экономической слабости местной буржуазии. Вместе с тем эта вынужденная и чрезмерно затянувшаяся производственная близость буржуазных элементов с деревенской средой имела в конечном итоге далеко идущие последствия для болгарского общества в целом. Экономический фактор явился одной из составляющих, предопределивших загроможденность процессов духовного отчуждения местной буржуазии от основной массы соотечественников — крестьянства. Тесная культурная и духовная близость с народом была в рассматриваемый период отличительной чертой болгарских торговцев и предпринимателей. Данное обстоятельство имело особое значение, поскольку способствовало решению задачи консолидации нации.

³⁷ Глушков Хр. Указ. соч. С. 174.

³⁸ Тодоров Н. Указ. соч. С. 289.

Болгары: пробуждение

Год 1840 можно назвать важнейшей вехой в истории болгарского народа. В тот год старейшины болгарских общин шестнадцати основных епископальных центров Тырновской митрополии передали на имя султана официальное прошение с просьбой о низложении митрополита Панарета и возведении в этот сан болгарского архимандрита Неофита Хилендарского Бозвели. Тем самым Порте предлагалось создать прецедент и фактически внести коррективы в веками отлаженную схему разделения полномочий между султаном и константинопольским патриархом, т. е. поставить под сомнение функциональную жизнеспособность греко-православного миллета, как системы конфессионально-юридической и церковно-административной автономии православных христиан. Но этим историческое значение данной инициативы не ограничивалось. Как показали дальнейшие события, тырновский конфликт стал своеобразной заявкой на последовавший вскоре дебют болгар на политической арене Балкан нового времени. Народ, о самом существовании которого Европа успела забыть за многие столетия османского господства, смог неожиданно громко напомнить о себе, пробудившись к политической жизни. Малозначительное на первый взгляд событие провинциального масштаба явилось, по существу, прелюдией к его вступлению на путь борьбы за создание независимой от константинопольского патриарха церкви, что в условиях османских реалий означало попытку учреждения нового болгаро-православного миллета¹.

Отношения с прихожанами у назначенного в 1838 г. нового тырновского митрополита Панарета не сложились с самого начала. Его личные качества современники-болгары рисуют самыми черными красками — ради денег, по их мнению, он был способен на все — легко забывал и о вере, и о законе, за деньги венчал родственников и разводил женатых, собирал для продажи по церквям и монастырям серебро, продал даже драгоценности с митрополичьего облачения². Ре-

¹ Об османской системе миллетов и проблемах, возникших у болгар в связи с их включением в состав греко-православного миллета во главе с константинопольским патриархом см.: Макарова И. Ф. У истоков духовного возрождения (болгары под властью константинопольского патриарха) // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004.

² Арnaudов М. Неофит Хилендарски Бозвели. Живот, дело, эпоха. Т. 1. София, 1971. С. 430–431.

зультат не заставил себя долго ждать. Уже в 1839 г. против своего митрополита выступили старейшины общин, представлявшие основные епископальные центры митрополии. Одновременно с обсуждением вопроса о низложении Панарета встала и проблема преемника. Вспомнили об архимандрите Неофите Хилендарском Бозвели, известном своими патриотическими проповедями и просветительской деятельностью. Для выяснения вопроса о возможности смещении Панарета летом 1839 г. Бозвели был командирован соотечественниками в столицу. Но не для переговоров с курирующей данный вопрос патриаршей канцелярией, а для установления контактов с Портой. В османских правительственных кругах столь неординарный подход к решению кадрового внутрицерковного вопроса вызвал интерес. Возможность приобретения дополнительного рычага давления на Константинопольскую патриархию выглядела заманчиво. Тем более что намечающийся конфликт сулил немалые политические выгоды. Он не только ослаблял авторитет патриархии в целом и в болгарских землях в частности, но был также благодетелем для подрыва русского влияния на православном Востоке.

Вскоре на контакт с Бозвели вышел влиятельный сановник болгарского происхождения князь Стефан Богориди, а просьба тырновских прихожан была оперативно доведена до сведения самого султана. Причина столь фантастической оперативности крылась не только в возможности получения Портой политических преимуществ, но и в задействованных механизмах придворного лоббирования. Источники единодушно указывают, что благодаря своим личным связям Бозвели удалось заручиться поддержкой двух любимых султанских конюших — болгар Ильи и Тодора³. Параллельно по официальной линии на имя султана было подано коллективное прошение прихожан в пользу кандидатуры Неофита Бозвели. Были выбраны и три представителя для вручения прошения властям, которые в начале 1840 г. прибыли в Стамбул. Однако патриархии удалось переиграть ситуацию, подкупив представителей, и избежать назначения Бозвели.

«Тырновские события» вошли в историю болгарского народа не столько благодаря масштабу конфликта, сколько избранному методу его разрешения. Демонстративное игнорирование болгарскими Константинопольской патриархии, в непосредственной компетенции которой находился вопрос назначения митрополитов, свидетельствовало о наступлении качественного перелома в общественном сознании паствы. Создается впечатление, что «тырновские события» публично обнаружили давно свершившийся факт: средневековые представления о греко-православном миллете как о своеобразном государстве внутри империи османов (за которые так упорно продолжала цеп-

³ Арnaudов М. Неофит Хилендарски Бозвели. Живот, дело, эпоха. Т. 1. С. 466.

латься Константинопольская патриархия) ушли в прошлое. С житейской непосредственностью и практичностью простой народ попытался отстоять свои интересы, опираясь на реалии уже современного мира. Но возможным это стало только благодаря новым веяниям эпохи Танзимата.

В качестве непосредственного провокатора «тырновских событий» выступил, по всей вероятности, сам султан Махмуд II. Летом 1837 г., т. е. всего лишь за год до появления в Тырново митрополита Панарета, проезжая через болгарские провинции, он публично пообещал местному христианскому населению личную защиту их законных прав в случае всякого рода злоупотреблений. Обосновывая свою позицию, он прямо сформулировал мысль о главенстве категории подданства над конфессиональной принадлежностью, заявив, в частности: «Я различаю среди подданных мусульман только в мечети, христиан — в церкви, евреев — в синагоге; между ними нет другой разницы. Любовь и справедливость мои сильны для всех, и все истинные мои сыновья»⁴. Тем самым султан провозгласил по существу основной постулат будущей доктрины османизма. Основой этой доктрины, окончательно оформившейся лишь после Крымской войны, являлась идея создания в рамках империи единого нового социума, многоконфессионального по форме, но единого по своей гражданской сути⁵. В рамках логики этой доктрины в случае возникновения разногласий между приходскими общинами и курирующими их церковными структурами у паствы появлялась возможность альтернативного, неканонического пути их решения. Думается, именно эта схема и легла в основу «тырновских событий». Обнародование в ноябре 1839 г. Гюльханейского хатта, официально продекларировавшего курс на достижение равенства всех подданных перед законом, окончательно выхолостило в глазах возмущенных болгар неканоническую сущность избранной ими методики, придав действиям представителей епархиальных центров видимость легитимности.

Однако, говоря о провоцирующем влиянии идей Танзимата, необходимо все же иметь в виду, что в истории противостояния болгар с Константинопольской патриархией кроме них действовали и иные факторы. Связаны они с генезисом болгарских общин, постепенно трансформировавшихся из этнически обезличенных конфессионально-административных единиц местного самоуправления в центры консолидации нации. Процесс этот был достаточно сложным, проходившим под воздействием сразу нескольких групп факторов, среди которых политическая ситуация в регионе занимала далеко не последнее место.

⁴ Тодорова М. Англия, Русия и Танзимат. София, 1980. С. 46.

⁵ Фадеева И. Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм). XIX — начало XX в. М., 1985. С. 23–96.

Подъем национально-освободительного движения в соседней Греции, Дунайских княжествах и Сербии оказался тем постоянным фоном, на котором в 20–30-е гг. XIX в. проходила повседневная жизнь болгар. Вряд ли можно с полным основанием утверждать, что это обстоятельство способствовало активному распространению в их среде новых идей или массовому приобщению населения к освободительной борьбе, однако, будоража общественное сознание, опосредованное влияние все же оказывало. Кроме того, представители болгарской диаспоры в национальных движениях на окраинах империи, в Сербии и Греции, все же участвовали, а, следовательно, некоторая передача опыта присутствовала.

Среди факторов внешнеполитического плана особое место по степени своей значимости занимает русско-турецкая война 1828–1829 гг. Масштабная по своему охвату (впервые в водоворот боевых действий оказались вовлечены жители не только Добруджи, Мизии, но и Фракии), она невольно выступила в роли внешнего катализатора, спровоцировав всплеск гражданской активности населения. Благодаря архивным изысканиям советского историка В. Д. Конобеева эпизоды, связанные с вовлечением болгар в это событие, хорошо исследованы и богато документированы⁶.

Еще до начала военных действий, а именно в феврале 1828 г., представители болгарской эмиграции в Дунайских княжествах выступили с инициативой воссоздания отрядов волонтеров в составе русской армии по образцу действовавших в войне 1806–1812 гг. (так называемое Болгарское земское войско). Однако русское командование, несмотря на высказывания ряда военачальников в поддержку идеи вооружения населения и развертывания партизанской войны (полковник Л. Серистори, генерал А. Ланжерон, генерал-майор С. Тучков), это предложение не поддержало. Более того, в специальном рескрипте императора Николая I главнокомандующему войсками П. Х. Витгенштейну особо подчеркивалась необходимость сохранения среди местного населения «спокойствия»⁷. Лишь в апреле было дано разрешение на зачисление в русскую армию балканских добровольцев, но исключительно из числа жителей левобережья, без права создания отдельных вооруженных отрядов и при условии их выхода в отставку после окончания войны. Результатом этой политики стала относительно невысокая степень участия болгар на первом этапе боевых действий.

Причины столь осторожного отношения русского командования к идее вооружения населения были, по-видимому, не в последнюю очередь связаны с воспоминаниями об особенностях кампании 1806–

⁶ Конобеев В. Д. Българското националноосвободително движение. Идеология, програма, развитие. София, 1972.

⁷ Там же. С. 192.

1812 г., совпавшей по времени с разгулом кырджалийства. И действительно, после начала боевых операций сомнения относительно дисциплинированности добровольческих отрядов и степени их управляемости быстро начали оправдываться. Уже весной 1828 г., после вхождения русской армии в Бухарест, без согласования с военными инстанциями бывший участник Земского войска, болгарин и одновременно русский подданный Георгий Мамарчев (1786–1846 гг.) создал свой собственный вооруженный отряд из болгар, влахов, молдаван, греков, сербов и албанцев. И хотя отряду было запрещено переправляться с русской армией на правобережье, приказ волонтеры проигнорировали. Начал назревать конфликт. Однако распыление армии, значительный численный перевес в пользу турецких войск и острый дефицит проводников не способствовали его обострению. В результате люди Мамарчева оказались не только востребованы, но и активно задействованы в операциях регулярных войск, а сам он в конечном итоге даже удостоился ордена (св. Анны третьей степени). Собранные Мамарчевым волонтеры служили проводниками, ходили в разведку и даже участвовали в июле 1828 г. в сражениях под Силистрой. В это же время в Валахии были сформированы еще два аналогичных отряда — под командованием капитана Алексия и Милко Петровича.

Параллельно война стимулировала политическую активность болгарской диаспоры в Дунайских княжествах. В июле 1828 г. в Главный штаб русских войск под Шумлой в качестве легитимного представителя болгарского народа прибыл глава бухарестских болгар Александр Некович. Его полномочия были подписаны старейшинами Габрово, Врацы, Свищова, Рушчука, Копривщицы и некоторых других поселений, а также заверены печатью болгарского архимандрита Константина. От имени своих соотечественников Некович вручил главнокомандующему П. Х. Витгенштейну меморандум на имя императора Николая I и пояснительную записку. Документ акцентировал внимание на культурно-религиозной близости двух православных народов и содержал в себе просьбу о принятии болгар под высочайшее покровительство России и оказании им милостей, подобными тем, которыми удостоены «другие единоверцы, живущие в Молдавии, Валахии, Сербии и Греции»⁸. Другими словами, речь шла об автономии. Но хотя документы и были приняты благосклонно, дальнейшего хода они не получили.

Между тем затянувшийся характер военных действий вынуждал командование к пересмотру установок, касающихся вооружения балканских волонтеров. В январе 1829 г. на базе действовавших в северных провинциях дружин Г. Мамарчева, П. Фокияно, М. Петровича и

⁸ Конобеев В. Д. Указ. соч. С. 223–224.

Алексия для охраны коммуникаций в тылу был создан партизанский отряд под командованием полковника И. Липранди. Сохранилась информация, что к июлю 1829 г. в его состав входило 610 пеших и 147 конных добровольцев⁹. Учитывая местную специфику, командный состав отдельных отрядов было разрешено формировать на выборной основе. Однако по-прежнему сохранялся запрет на набор рекрутов из числа жителей правобережья и самостоятельность отрядов в вопросах стратегии и тактики. На практике оба эти условия были трудновыполнимы. Источники свидетельствуют, что один из отрядов в составе около 1500 человек был сформирован не только исключительно быстро, но и при фактическом участии местных болгар¹⁰. Сфера его деятельности в основном ограничивалась северо-восточными территориями, в первую очередь горами Делиормана и районом Силистры-Разграда-Шумлы.

Расширение в 1829 г. боевых действий на юг от Балканского хребта привело к фактическому отказу от последних ограничений. Такому повороту в немалой степени способствовал и чисто субъективный фактор. Во Фракии русские войска были впервые. Не соприкасавшееся ранее с единовёрческой, но все же иноземной армией местное население было настроено исключительно дружелюбно. Так, например, главнокомандующий армией генерал И. И. Дибич к своему удивлению обнаружил, что в отличие от северян «местные христиане не только не оставили свои жилища, но везде встречают наши войска с радостью и выражают полную готовность оказывать нам помощь по мере возможности»¹¹. Участник похода дипломат Ф. Фонтон также писал, что неоднократно был свидетелем того, как жители Фракии встречали войска хлебом и солью, с крестами и священниками, облаченными в праздничные одежды¹².

В практической сфере новый этап сотрудничества начался в феврале 1829 г. вместе с высадкой в районе Созополя русского десанта. Малочисленность десанта вынудила командующего Черноморским флотом А. Грейга санкционировать выдачу оружия добровольцам. Сначала жители ближайших окрестностей оказывали морякам сильную помощь в захвате города и обеспечении продуктами питания, затем из их числа был сформирован вооруженный отряд¹³. К маю

⁹ Конобеев В. Д. Указ. соч. С. 231.

¹⁰ Боев Р. Българският доброволчески корпус в руската армия от 1829 г. // Военно-исторически сборник. 1978. № 4. С. 85.

¹¹ Конобеев В. Д. Указ. соч. С. 250.

¹² Фонтон В. П. Хумористични, политически и военни писма из Главната квартира на Дунавската армия в 1828 и 1829 година // Българска историческа библиотека. 1931/1932. № 2–3. С. 249, 252–253, 258.

¹³ Боев Р. Антитурското движение на населението от българското черноморско крайбрежие през руско-турската война 1828–1829 гг. // Военно-исторически сборник. 1970. № 5. С. 25–32.

в районе Созополя для поддержки моряков действовал уже постоянный отряд во главе с подпоручиком Ревельоти. Некоторое время формальный запрет на самостоятельные действия волонтеров еще продолжал действовать, но начавшиеся в июле активные совместные действия сухопутной армии и флота отменили последние ограничения. Фактически командование настаивало теперь лишь на одном: при наборе ополченцев и выдаче им оружия настоятельно рекомендовалось ориентироваться на поручительство местных старейшин. Так, общины санкционировали своим авторитетом выступление христиан на стороне русских войск и взяли на себя функцию их вооружения.

Результат не заставил себя ждать. Вовлечение жителей в боевые действия в районах Причерноморья и Балканского хребта приобрело широкий размах. В частности, дружины волонтеров действовали в окрестностях Анхиало, Несебра, Лозенграда, Айтоса, Карнобата, Визы, Люле Бургаса, Новой Загоры, Ямбола, Сливена и многих других населенных пунктов. Эти отряды русское командование использовало в основном для патрулирования горных районов и в качестве вспомогательного контингента для охраны тылов. Но иногда они участвовали и в боевых операциях вместе с регулярными войсками. Сохранилась, например, информация об участии около 1000 болгарских партизан в рейде против турецкого гарнизона Малого Самокова¹⁴. В этом городке находилось военное предприятие, выпускавшее оружие и боеприпасы для турецкой армии. Активная поддержка местных жителей помогла русскому гусарскому эскадрону и егерскому полку в их боевых действиях.

Итоги войны, закрепленные в статьях Адрианопольского мирного договора 1829 г., оказались для болгар крайне неблагоприятны. Хотя в период подготовки документа болгарская эмиграция и поднимала вопрос о создании в Добрудже вассального по отношению к Османской империи Болгарского княжества, в окончательном варианте проблема автономии даже не ставилась. Единственная мера, предусмотренная в договоре для защиты населения, участвовавшего в помощи русской армии, сводилась к предоставлению ему 18-ти месячной гарантии безопасности для подготовки к эмиграции.

Впрочем, необходимо признать, что эта мера оказалась не лишней. Опасаясь репрессий, из Фракии хлынул поток беженцев. Начало было положено уже в преддверье подписания мирного договора. Летом 1829 г. этот район покинуло около 1000 местных жителей¹⁵. С сентября 1829 г. исход стал массовым. Только согласно статистике русского во-

¹⁴ Конобеев В. Д. Указ. соч. С. 252, 257, 256.

¹⁵ Бернштейн С. Б. Страницы из истории болгарской эмиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 1. 1949. С. 327–341.

енного ведомства число зарегистрированных переселенцев из Восточной Румелии (нашедших приют в Валахии, Молдавии и южной России) составило за период с 16 сентября 1829 г. по 14 марта 1830 г. 86700 человек¹⁶.

Прямым следствием неудовлетворенности болгар итогами мирного договора, а также внешним индикатором степени политизации сознания ополченцев стала попытка организации восстаний. Инициатором выступил герой болгарского добровольческого движения капитан Георгий Мамарчев, поддержанный командирами двух других дружин — Андреем и Петром. Восстание ожидалось летом 1830 г. Предполагалось, что первоначально центром его станет Котел, а в дальнейшем движение перекинется и на другие районы. В древней столице Болгарского царства Тырново планировалось торжественное провозглашение акта освобождения страны от завоевателей.

В период конца 1829 – весны 1830 гг. заговорщики пытались склонить к восстанию население окрестностей Котела и Сливена, но безуспешно. Несмотря на недавнюю войну, широкое общественное мнение еще не было готово к восприятию столь радикальных и откровенно политических акций. Ситуация осложнялась и тем, что после подписания Адрианопольского мирного договора русское командование, связанное вполне определенными международными обязательствами, потворствовать бунтовщикам не имело права. Поэтому когда в начале апреля Мамарчев вместе с 500-ми своих вооруженных сторонников объявился в окрестностях Котела, этот демарш ознаменовал собой одновременно начало и конец восстания. Местные старейшины оперативно сообщили генералу Дибичу о готовящейся акции. На место событий срочно прибыл казачий отряд. Было произведено расследование, в результате которого Г. Мамарчев был арестован и выслан в Валахию.

Неожиданным и запоздавшим эпилогом этих событий стала еще одна попытка организации тем же Мамарчевым нового восстания. Спровоцировано оно было излишне затянувшимся послевоенным присутствием русских войск в Силистре. Оно вошло в историю под названием «Велчева завера» (заговор Велчо Атанасова). В первой половине 1835 г. сразу два города — Силистра и Тырново — оказались в центре подготовки антитурецкого выступления. В Силистре душой повстанцев стал Г. Мамарчев, который установил связь со своими единомышленниками в Тырново. Там движение возглавил местный торговец Велчо Атанасов. Заговорщики надеялись, что их выступление может вызвать вмешательство России и помочь в создании автономного Болгарского княжества. Так же как и прежде, организаторы рассчитывали на высокую политическую сознательность и широкую поддерж-

¹⁶ Мещеряк И. И. Переселение болгар в Южную Бесарабию в 1828–1834 гг. Из истории развития русско-болгарских дружеских связей. Кишинев, 1965. С. 93–94.

ку населения. Планировалось, что Тырново станет центром восстания, что этот город будет символизировать собой идею преемственности и восстановления древней болгарской государственности. Но восстание опять закончилось, не успев и начаться. Так же как и при первой попытке, организаторы были выданы властям. Но на этот раз не русскому военному командованию, а турецким правоохранительным органам. Итог оказался печален. Все бунтовщики (за исключением Г. Мамарчева) были повешены. Сам же Мамарчев, как русский подданный, подвергся аресту и провел остаток жизни в тюрьме. Этим трагическим инцидентом приобщение болгар к бурным событиям на международной арене 20–30-х гг. XIX в. в основном и закончилось.

Безусловно, все эти события сыграли существенную роль в стимулировании социальной активности болгар, их внутренней сплоченности и политизации сознания. Существенную, но не решающую. Гораздо более важными представляются процессы, происходившие в это время внутри самого болгарского социума.

Экстремальная ситуация времен эпохи кырджалийства, положив конец гражданской пассивности населения, привела к дотоле беспрецедентному росту авторитета органов общинного самоуправления, наиболее эффективно зарекомендовавших себя в борьбе с бандитизмом. В свою очередь, социальные мероприятия, инициированные правительством в рамках Танзимата и направленные на укрепление статуса органов местного самоуправления, также работали на эту тенденцию. Для болгар данное обстоятельство имело особое значение. И связано это было с изменением этно-демографической карты региона.

Разгул феодальной анархии и русско-турецкие войны конца XVIII – первой трети XIX вв. привели к гибели и массовой миграции населения. В первую очередь спастись бегством приходилось жителям деревень. Чаще всего они находили приют за городскими стенами. В результате покинутыми оказались многие сельские районы Добруджи Мизии и Фракии. Царившее в них запустение особенно бросалось в глаза иностранцам. Вот что писал, например, по этому поводу в середине 30-х гг. прусский офицер Г. Мольтке: «Пространство в 200 квадратных миль, лежащее между Черным морем и Дунаем, такая грустная пустыня, что трудно и описать ее; я думаю, что здесь не более 20 тыс. жителей <...> нужно проехать несколько миль, чтобы наткнуться на какую-нибудь жалкую деревушку без сада и без реки <...> Последняя война (1828–1829 гг. — *Авт.*) оставила здесь страшные следы; треть деревень, по крайней мере, значащихся на карте, уже не существует»¹⁷.

Вынужденное бегство крестьян с традиционных мест обитания привело к серьезным переменам в общей структуре расселения. В рай-

¹⁷ Мольтке Г. Письма о Турции // Военный сборник. 1877. № 9. С. 335.

онах традиционного проживания болгарского этноса среди горожан резко возрос удельный вес собственно болгар. В этой связи профессор Хр. Гандев считает даже возможным говорить о так называемой повторной «болгаризации» крупных городов Мизии и Фракии — Софии, Видина, Шумлы, Пловдива, Сливена и многих других, откуда болгары в предшествующие столетия активно вытеснялись мусульманами, греками и евреями¹⁸. Что же касается небольших поселений в районе Балканского хребта (Копривщица, Габрово, Сопот, Тетевен, Калофер, Трявна, Котел, Елена, Панагюрище), они не только заметно выросли за счет волны сельской миграции, но и приобрели ярко выраженный болгарский этнический облик.

Важно отметить, что эти изменения имели не только этно-демографические, но также этно-культурные и социальные последствия. Принеся с собой сельские традиции, бытовые навыки и соответствующую ментальность, крестьяне способствовали возвращению в города национального колорита и одновременно перерождению достаточно космополитичных по своему духу городских восточно-православных общин в национально ориентированные организации. Именно на их базе и начал набирать силу тот процесс, который в историографии принято называть болгарским национальным возрождением. В практической сфере он выразился прежде всего в повышенном внимании органов общинного самоуправления к организации образовательного процесса. Начиная приблизительно с 20-х гг. XIX в., это направление стало одним из важнейших в их деятельности.

В условиях относительной политической стабильности и экономического роста церковное (келийное) образование уже не могло удовлетворять жителей городов, занятых в ремесленно-торговой сфере. Коммерческая заинтересованность диктовала необходимость знания языков (как минимум греческого и турецкого), грамматики, арифметики, географии и элементов естествознания, т. е. перехода к образованию светскому. Церковное и светское образование в принципе не отрицали друг друга. Проблема лежала в социальной плоскости. В то время как первое из них традиционно было общедоступным и бесплатным, светское осуществлялось лишь в стенах греческих учебных заведений, т. е. было для болгар, по существу, элитарным. На протяжении почти всего XVIII в. и начала XIX в. в заведения такого рода имели возможность поступать в основном дети из состоятельных семей.

Приобщение к основам греческого классического образования имело для болгарской этнической общности далеко неоднозначные последствия. Уже в XVIII в. его прямым результатом нередко оказывалась эллинизация самосознания учащихся, что вызывало вполне понятное возмущение со стороны патриотов (например, Паисия Хилен-

¹⁸ Гандев Хр. Фактори на българското възрождане. 1600–1830. София, 1943. С. 147.

дарского). В первой половине XIX в. ситуация еще более осложнилась. Лидирующее положение греческих купцов и ремесленников во многих отраслях экономики (при условии совместного проживания болгар и греков в большинстве городов Фракии и Причерноморья) предопределяло неизбежность укрепления в городах позиций греческого языка и культуры в целом. Сохранившаяся грекоязычная документация многих ремесленных эснафов (в том числе и абаджийских) – яркое тому подтверждение. Вместе с тем именно из стен греческих учебных заведений вышло практически все первое поколение болгарской интеллигенции, составившее цвет начального этапа национально-патриотического движения: Э. Васкидович, Р. Попович, Хр. Павлович, К. Фотинов, Неофит Рильский, Неофит Бозвели, Илларион Макариопольский, П. Берон, Ив. Селиминский, Ив. Найденов, Ив. Момчилов, Ст. Чомаков, Ив. Добровский, Ив. Богоров, Г. Раковский, братья Михайловы и Миладиновы и многие другие.

Чаще всего болгары получали образование в греческих гимназиях, расположенных на территории самой Восточной Румелии (Адриано-поль, Пловдив и т. д.). Но было немало и таких, кто учился в Константинополе, Смирне, Афинах или на островах. Именно на их долю выпал жребий стать свидетелями раскола, произошедшего в греческом обществе в первые десятилетия XIX в.

Под влиянием европейского просветительства в греческой общественной мысли конца XVIII – начала XIX вв. окончательно оформился идеологический конфликт между кругами, группирующимися вокруг Константинопольской патриархии, и приверженцами новых буржуазных ценностей. Веками культивируемая фанариотским духовенством идея воссоздания на поствизантийском пространстве многонациональной и по своей сути космополитической христианской империи пришла на рубеже столетий в столкновение с патриотическими установками молодой греческой буржуазии, ориентирующейся на создание собственного национального государства. В ходе идейного противостояния в адрес Константинопольской патриархии начали звучать все более жесткие обвинения: начиная с общей критики духовенства (коррупция, невежество и т. д.) и кончая обличениями по поводу ее сотрудничества с османскими властями. Все громче звучали также требования перевода богослужебных книг на общедоступный разговорный язык. Наиболее последовательно идеи такого рода нашли отражение в творчестве Ад. Кораиса. После же освобождения Греции особую популярность начала приобретать идея церковной независимости. Одним из наиболее ярких сторонников разрыва с Константинопольской патриархией и создания самостоятельной греческой церкви стал Т. Формакидис. В своих полемических сочинениях он аргументированно доказывал право каждого народа на создание своей национальной церкви, подчиненной исключительно светской власти.

Полученный урок не прошел для первого поколения болгарской интеллигенции бесследно, в ее среде произошла заметная переоценка ценностей. На место модного когда-то эллинофильства пришла приверженность идеалам просветительства и патриотизма. Были также хорошо усвоены уроки критики фанариотского духовенства и идея создания национальной церкви. Раньше всего и наиболее органично последствия приобщения к греческой образованности проявились в сфере образования.

Материальную базу для претворения в жизнь идеалов просветительства предоставили местные общины. Благодаря собираемым пожертвованиям, а также неустанной опеке и надзору со стороны выборных общинных структур, с 20-х гг. в болгарских землях начало набирать силу просветительское движение. Начало ему было положено открытием целого ряда светских греко-болгарских школ (в Сливене, Свищове, Котеле, Карлово, Самокове и др.). Программа была ориентирована на изучение классического культурного наследия с использованием греческой учебной литературы. Но одновременно ученики изучали и родной язык. Кроме того, разговорный болгарский активно использовался учителями для более доходчивого объяснения сложных греческих текстов.

Важной вехой в истории развития новоболгарского образования стало издание в 1824 г. П. Бероном светского букваря на болгарском языке (так называемый «Рыбный букварь», получивший свое название благодаря силуэту дельфина на обложке). Являясь в значительной своей части переводом аналогичного сочинения греческого педагога Дарвариса, это пособие, проникнутое духом просвещенческой идеологии, сыграло важную роль в распространении среди болгар передовой по тем временам английской учебной методики — так называемой «ланкастерской» системы взаимного обучения. Суть ее сводилась к тому, что наиболее продвинутые ученики активно занимались под руководством учителя со своими отстающими товарищами.

Одной из первых и наиболее известных болгарских школ с применением метода взаимного обучения стало специально построенное на благотворительные пожертвования училище в Габрово (1835 г.). В качестве его директора и первого учителя местной общиной был приглашен известный просветитель Неофит Рильский, получивший образование на острове Халки. Преподавание в школе предусматривало не только внедрение передовой по тем временам методики, но и велось на разговорном болгарском языке.

Нововведение быстро прижилось. Всего за десятилетие в болгарских провинциях и районах, прилегающих к Балканскому хребту, открылось около 50-ти так называемых «взаимных» училищ. В этот же период были созданы и первые школы для девочек. Среди новых центров особенно выделялись своей активностью школы в Копривщице,

Тырново, Котеле, Самокове, Сопоте, Трявне, Панагюрище. В западных и юго-западных землях, а также в восточной части Фракии, где для местных общин не был характерен монолитный этнический состав, процесс шел более медленными темпами¹⁹.

По мере расширения масштабов проникновения в общество светского образования претерпевала изменения и методика обучения. В 40-е гг. на базе «взаимных» стали оформляться так называемые «классные» училища, предполагавшие кроме общеобразовательного также наличие класса для углубленного изучения предметов. Именно этот новый класс стал, по существу, базой для подготовки столь необходимых учительских кадров.

Говоря о развитии новоболгарского образования, необходимо особо подчеркнуть незыблемость демократического принципа, изначально заложенного в его основу. Уже сам факт появления училищ нового типа был, по существу, народной инициативой, за которой стояли местные общинные структуры. Поэтому возникали они спонтанно и децентрализованно, никогда не знали сословного принципа, были общедоступны и бесплатны. Эта их особенность имела большое воспитательное значение и оказала впоследствии (вместе с другими факторами) серьезное влияние на формирование национальной болгарской ментальности.

Говоря о деятельности общин в сфере развития народного образования, необходимо особо отметить, что до середины 40-х гг. XIX в. она не встречала, по-видимому, организованных форм противодействия со стороны патриархии. По мнению З. Марковой, все определялось личными качествами того или иного иерарха, а также случайным стечением обстоятельств. Более того, судя по представленному ею материалу, создается впечатление, что усилия болгар на просветительском поприще обычно встречали со стороны духовных властей, по меньшей мере, понимание²⁰. Например, открытие светского училища в Габрово (1835 г.) происходило с одобрения тырновского митрополита Иллариона Критского. Митрополит собственноручно заложил в его основание первый камень, освятил строительство и пожертвовал в благотворительный фонд значительную сумму. Скандально знаменитый новоболгарский перевод Нового Завета, выполненный Неофитом Рильским для преподавания в этом училище, был осуществлен по прямому поручению того же Иллариона Критского.

Само издание книг на болгарском языке на землях империи происходило не вопреки, а благодаря позиции высокопоставленных греческих иерархов. По данным З. Марковой, их участие в данном про-

¹⁹ Гечев М. Взаимните училища в България // Известия на Института по педагогика. 1960. № 9. С. 5–57.

²⁰ Маркова З. Болгарското национално-църковно движение до Кримската война. София, 1976. С. 56–59.

цессе было весьма значительным. В частности, открытие в Салониках болгарской типографии состоялось с содействия местного митрополита Мелетия. Перепечатка славянских богослужебных книг была одним из традиционных направлений в издательской деятельности патриаршей типографии Константинополя. Например, среди спонсоров Осмогласника, изданного здесь в 1843 г., значатся патриарх Герман и другие архиереи. До середины 40-х гг. XIX в. имена многих греческих владык часто встречались и в перечне владельцев славянских книг.

Для того чтобы перелом в отношении греческого клира к нуждам своей болгарской паствы состоялся, понадобилось стечение сразу нескольких, мало зависящих друг от друга обстоятельств. О качественных переменах внутри болгарского социума и о провокационном поведении Порты речь уже шла. К середине 40-х гг. к ним добавились сразу два новых фактора: вмешательство так называемой третьей силы (в лице эмисаров польской политической эмиграции) и рост популярности в греческой среде идей панэллинизма.

В 40-е гг. XIX в. конфликт между греческими буржуазными кругами и патриархией, завершившийся полным разрывом и созданием независимой от Константинополя национальной греческой церкви, начал постепенно терять свою остроту. При этом концепция панэллинизма (*мегали идея*), органически включавшая в себя установку на возрождение Великой Греции и собиравшая воедино всех этнических греческих земель, завоевывала все больше сторонников. В данном контексте задача урегулирования отношений с патриархией (как потенциальным союзником панэллинистов внутри Османской империи) приобретала для патриотов новой Греции особую актуальность. Реализация этой задачи облегчалась сразу несколькими обстоятельствами. Во-первых, на землях самой империи не только греческая буржуазия, но и многие представители духовенства уже начали смотреть на свободную Грецию как на естественное объединительное ядро нации. Во-вторых, на фоне подъема национально-освободительных движений упорная приверженность Константинополя идее единства православного мира начинала выглядеть все большим анахронизмом. Особенно учитывая, что реальная власть патриархии в районах ее традиционной юрисдикции все более ослабевала.

Прямым следствием Второго сербского восстания для Константинополя стала фактическая потеря Сербии: сначала патриархия была вынуждена признать церковное самоуправление, а затем издать синодальное определение об автономии. В Дунайских княжествах позиции патриархии также сильно пошатнулись. Здесь стартовал процесс постепенной, но активной замены греческого клира местными национальными кадрами. Когда же начали поднимать голову и болгары, пытаясь, к тому же, вмешаться в конфликт Порту, терпению греческих иерархов пришел, по-видимому, конец. Тем более что в данном случае

речь шла не об отдаленных задунайских или сербских территориях, а о районах, включавших в себя Фракию, Причерноморье и Македонию, т. е. потенциальные земли Великой Греции.

Резкое обострение отношений между греческим клиром и болгарской паствой произошло в 1844–1845 гг. Конфликт, с таким трудом улаженный в 1840 г., вспыхнул вновь, получив, благодаря вмешательству польских эмиссаров во главе с Михаилом Чайковским, не только более широкий размах, но и качественно новое звучание²¹. Как следует из писем самого М. Чайковского в Париж Адаму Чарторыйскому, болгарский церковный вопрос не являлся для польских эмигрантов самостоятельной проблемой. Он интересовал их лишь как рычаг для раскола православия с целью ослабления позиций России и изменения сложившейся системы международных отношений. Польские эмигранты полагали, что поддержка болгарских требований вполне соответствует интересам Франции и Англии, поскольку их удовлетворение будет способствовать сохранению внутренней стабильности Турции и, соответственно, противоречить интересам России. Рапорты Чайковского эмигрантскому руководству раскрывают поэтапный механизм, с помощью которого агентура намеревалась добиваться осуществления своих далеко идущих планов. Первым шагом на пути их реализации должно было стать требование о народных владыках и рукоположение в сан сначала двух-трех болгарских архиереев. Под давлением Порты патриархию необходимо было вынудить пойти на этот шаг добровольно, поскольку любые преждевременные обвинения в схизме неминуемо настроили бы общественное мнение против раскольников. Вторым шагом должно было стать легитимное, т. е. добровольное и одобренное Портой создание автономной болгарской церкви. И лишь в качестве последнего, заключительного шага планировалась уния национальной болгарской церкви с Римом (осуществленная через своих ставленников).

Курс М. Чайковского на поддержку болгар и тактика поиска союзников в лице Порты нашли полное понимание у Неофита Бозвели. Вероятно, не без помощи польской агентуры Бозвели в рекордно быстрые сроки подготовил обширный меморандум, в котором изложил свое видение болгарской проблемы. Благодаря предоставленным Чайковским каналам этот документ был уже в сентябре 1844 г. представлен на рассмотрение великому визирю Мехмеду Али-паше. В том же месяце аналогичный документ был составлен и Илларионом Макариопольским. Эти два меморандума стали основными документами и одновременно программой первого этапа болгарского церковного движения. Благодаря изысканиям В. Смоховской-Петровой, современ-

²¹ *Смоховска-Петрова В.* Неофит Бозвели и българският църковен въпрос (Нови данни из архива на А. Чарторийски). София, 1964. С. 118–158.

ная историческая наука обладает текстом, принадлежавшим перу Бозвели, который считался ранее утерянным²².

Меморандум начинался решительным и программным заявлением: «Наши деды, которые жили под мирным оттоманским господством, всегда были жертвами греческой и русской политики». Основной вектор этой политики лежит, по мнению автора, в сфере взаимодействия России с Константинопольской патриархией, а цель этой политики — подрыв устоев Османской империи. Описывая подрывную деятельность агентов патриархии (в лице владык) и России (в лице торговцев, политиков, путешественников), Неофит особо подчеркивал, что под ударом этого злонамеренного союза оказалось не только турецкое государство, но и болгарский народ. Многочисленные русско-турецкие войны принесли болгарам исключительно одни беды и страдания. После же того, как иллюзии на скорое освобождение рассеялись, начались пагубные для болгар, но выгодные России и упорно организуемые ее правительством, массовые переселения за Дунай. Далее автор подробно останавливается на описании беззаконий греческих владык, особо отмечая их коррумпированность, алчность, противодействие развитию образования и просвещения.

Неофит также сообщает властям, что деятельность русских агентов и их греческих приспешников не находит поддержки у его соотечественников. Болгарский народ переполнен верноподданническими чувствами. Поэтому от его лица автор обращается к своему правительству с нижайшей просьбой. Далее идет изложение просьбы (общей в меморандумах и Бозвели, и Иллариона Макариопольского), которая сводится к нескольким пунктам:

1. Желание болгар иметь архиереев своей народности и избирать их в своих епархиях.
2. Право открывать свои народные училища.
3. Право свободно издавать книги и газеты на родном языке.
4. Право иметь свою церковь в столице.
5. Право создавать в своих городах суды (из болгар и мусульман) для защиты от происков греческих архиереев.
6. Право формировать независимые от патриархии делегации для подачи прошений непосредственно в руки Порты.

Верноподданническая тактика Бозвели и энергичная поддержка польских агентов быстро принесли успех. Его меморандум, в отличие от более взвешенного и менее антиросийского меморандума Иллариона, был благосклонно встречен и одобрен Портой. Сам же Неофит, как сообщал М. Чайковский, смог добиться доверия турецких

²² Смоховска-Петрова В. Неофит Бозвели и българският църковен въпрос. С. 159–175.

чиновников. В частности, о нем были наведены справки, и власти пришли к выводу, что Бозвели всегда отличался благонадежностью²³. В начале 1845 г. дела по продвижению меморандумов приняли благоприятный оборот. В конце января Бозвели был принят министром иностранных дел Шекибом Мехмед-пашой, который заверил Неофита в выполнимости болгарских прошений. Определенный оптимизм вызывал и планируемый Портой созыв в столице Народного собрания. Считалось, что съезд депутатов от провинций поможет правительству напрямую выяснить истинные нужды населения.

В середине апреля в Стамбул начали пребывать болгарские представители. При содействии Али-паши Чайковскому удалось организовать их расселение в доме знакомого армянина-католика и ознакомить с текстом меморандумов. Депутатам пытались внушить, что и их прошения к Порте должны быть составлены в том же духе, однако все старания оказались тщетны. Лишь представители Шумлы, Рущука, Ниша и Самокова были склонны внять предложениям. От Свищова, несмотря на все старания Бозвели, представители вообще не прибыли. Депутаты от Видина остались равнодушны, а от Тырнова и Пловдива заняли сторону патриархии. 7 мая собрание было закрыто без реальной пользы для решения болгарского церковного вопроса. Не последнюю роль в фактическом провале польских инициатив сыграло, возможно, и распространение слухов о переходе Неофита и Иллариона в католичество.

Курс болгар на раскол православия и их сотрудничество с польской эмиграцией вызывали вполне понятную тревогу русских дипломатов. Неофита в императорской миссии не считали фигурой самостоятельной, он представлялся марионеткой в руках польской агентуры. Посланник в Константинополе В. П. Титов, крайне подозрительно относясь к любым инициативам, так или иначе связанным с польской эмиграцией и католическими миссионерами, автоматически переносил свое негативное отношение и на всех их протеже. Русские дипломаты не раз заявляли протест в связи с деятельностью Неофита и Иллариона, пытаясь различными способами нейтрализовать их разрушительную для единства православия деятельность. По информации Чайковского, именно эти демарши оказались фатальны для судьбы двух его протеже. Патриархии удалось запугать министра иностранных дел Шекиба неминуемым осложнением отношений с Россией и добиться разрешения на наказание болгарских схизматиков исключительно по церковной, т. е. не требующей вмешательства Порты линии. 29 июля 1845 г. Неофит и Илларион были арестованы в здании патриархии, отправлены на Принцовы острова, а оттуда в заточение на Афон. Это заточение было совершено без формального разрешения

²³ Смоховска-Петрова В. Неофит Бозвели и българският църковен въпрос. С. 125.

турецкого правительства, но с согласия русской миссии и лично посланника В. П. Титова.

Так национально-церковное движение болгар оказалось безнадежно обезглавлено. По единодушному мнению историков, с арестом Неофита и Иллариона завершился первый этап борьбы болгар за создание независимой национальной церкви. Но не завершилось противостояние болгар с Константинопольской патриархией. Скорее наоборот, оно только начало набирать обороты. И виновата в раздувании этого, становившегося постепенно массовым и в значительной степени межэтническим, конфликта была патриархия. Угроза повторения в болгарских землях сербского и задунайского сценариев привела к всплеску националистических настроений в среде фанариотского духовенства, вызвав с его стороны череду откровенно антиболгарских акций.

Уже в том же 1845 г. патриархия издала окружное послание, согласно которому училища переводились из ведения общин под власть местных владык. Отныне только они могли менять и назначать учителей и попечителей учебных заведений. На практике это привело к началу гонений на патриотически настроенных преподавателей-болгар. Из длинного перечня примеров такого рода можно привести лишь несколько²⁴. Так, интриги местного владыки вынудили покинуть Провадию учителя Р. Блыскова, а Шумлу — Н. Рускова. Преследования со стороны Неофита Византиоса испытал на себе П. Славейков, который, несмотря на поддержку местных общин, не мог долго удержаться ни в одном училище, расположенном на территории Тырновской митрополии. Были уволены и пострадали учителя: З. Круша, Н. Тонджаров, Ат. Чолаков и многие другие.

С середины 40-х гг. стартовала также массовая кампания по изгнанию славянского языка из богослужебной практики. Участились спорадические ранее случаи уничтожения болгарских книг и старославянских рукописей. Коснулось это прежде всего тех районов, где греческий этнический субстрат традиционно занимал наиболее сильные позиции (Причерноморье, Фракия, Македония)²⁵. Так, варненский митрополит Порфирий предпринял широкомасштабные гонения против болгарских священников и славянского языка в богослужении. В частности, в Балчике подвергся изгнанию болгарский епископ, а место церковно-славянских богослужебных книг заняли греческие. В варненской церкви Св. Николая, где богослужение традиционно велось на церковно-славянском языке, по его же распоряжению священники были вынуждены перейти с 1846 г. на греческий. В Пловдиве митрополит Хрисант запретил церковно-славянский язык по всем церквям

²⁴ Маркова З. Указ. соч. С. 63–67.

²⁵ Там же. С. 60–70.

кроме храма Св. Петки. В Велесе владыка Игнатий распорядился заменить все славянские богослужебные книги на греческие. И не только в нем. Во второй половине 40-х – начале 50-х гг. по Македонии прокатилась настоящая волна по изъятию и уничтожению церковно-славянских рукописей (Скопье, Велес, Битоля). Даже в землях с преобладающим болгарским населением отмечались попытки насаждения греческого языка там, где он никогда не использовался. Например, вполне благосклонный ранее к церковно-славянским богослужебным книгам греческий епископ Дионисий (г. Ловеч), распорядился в 1845 г. заменить их греческими. Сохранилась информация, что в период с середины 40-х — до середины 50-х гг. славянские книги активно уничтожались в Старозагорской и Шумленской епархиях. Постыдное поветрие приняло столь широкий масштаб, что захватило даже Афон. Посетивший его в 1844–1845 гг. русский славист В. И. Григорович обнаружил, что древними рукописями в Ватопеде растапливали на монастырской кухне печь, а в Ксенофонте их просто сбросили в море (правда, сам ученый был склонен усматривать причины этого явления в основном в невежестве монахов)²⁶.

Столь откровенной дискриминации и бесцеремонного вмешательства в сферу своей традиционной компетенции болгарские общины, давно окрепшие и привыкшие к самостоятельности, спокойно вынести не могли. Начались бесконечные конфликты, принимавшие с течением времени все более ожесточенный характер. Лидером вновь оказалась Тырновская митрополия, где заново обострился конфликт вокруг митрополичьей кафедры. Летом 1846 г., пользуясь прибытием в Тырново султана Абдул Меджида I, старейшины подали жалобу на митрополита Неофита Византиоса, требуя его замены на болгарского владыку. Через две недели в столицу с соответствующим требованием прибыла и официальная делегация. Под давлением Порты патриархия была вынуждена убрать Византиоса, однако заменила его не болгарин, а бывшим сярским митрополитом, греком Афанасием. Фигура нового митрополита вызвала раскол внутри общины. Результатом затяжной интриги явилось возвращение Византиоса на митрополичью кафедру (1848 г.), а противостояние внутри общинников затянулось еще почти на десять лет.

Во Враце попытки епископа Агапия вмешаться в компетенцию общинного самоуправления и взять под свой контроль образовательный процесс встретили жесточайшее сопротивление. Настрой старейшин и попечителей был столь решителен, что лишь последовавшая вскоре смерть Агапия остановила дальнейшую эскалацию конфликта. Пришедший ему на смену в 1849 г. греческий епископ Парфений недолго задержался на врачанской кафедре. Обвиненный руководством

²⁶ Григорович В. И. Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877. С. 83.

общины в злоупотреблениях, он был вскоре смещен. В конце 1852 г. вакантную кафедру возглавил местный болгарин Дорофей. В Ловчанской епархии противостояние между паствой и владыками, принявшее чрезвычайно резкие формы, длилось почти всю вторую половину 40-х – начало 50-х гг. и завершилось также полной победой местной общины. Общиной был выставлен ультиматум: уплата церковных податей лишь в обмен на изучение владыкой болгарского языка. В конечном итоге на епископскую кафедру был назначен болгарин Илларион (1852 г.).

Резко активизировалась и болгарская община в Константинополе. В 1847 г. была вновь реанимирована идея создания в столице болгарской церкви. На этот раз в качестве инициатора выступил недавно вернувшийся из Европы на родину болгарин Александр Экзарх. Следуя хорошо зарекомендовавшей себя ранее тактике, он вышел с прошением непосредственно на великого визиря. Порта это начинание поддержала. В начале 1848 г. делегация, уполномоченная всеми болгарскими эснафами столицы, вручила соответствующее прошение на имя патриарха. Начались трудные и бесплодные переговоры, тянувшиеся около года. С мертвой точки их удалось сдвинуть лишь после прямого вмешательства османских властей и князя Стефана Богориди. При его содействии летом 1849 г. в свет вышел султанский фирман, разрешающий постройку болгарской церкви на подаренном тем же Богориди участке земли. Открытие в столице храма Св. Стефана и торжественное рукоположение в 1851 г. его архиерея в лице Стефана Ковачевича имело исключительное значение не только для общественно-культурной жизни столичной общины болгар, но и для всего дальнейшего хода церковной борьбы. Именно общине столичных болгар, группировавшихся вокруг этой церкви, суждено было взять на себя в дальнейшем функции представительства перед османскими властями и превратиться в руководящий центр движения.

Постепенное усугубление противостояния между болгарскими и Константинопольской патриархией способствовало перерождению некогда локального конфликта в широкое общественное движение, называемое в историографии национально-церковным. В полной мере ему было суждено развернуться после окончания Крымской войны. В преддверье же грядущих событий одновременно с повышением общественной значимости конфликта автоматически возросло и внимание к нему со стороны дипломатического корпуса. И в этом отношении особенно интересна реакция России, для которой ранее была характерна позиция однозначной поддержки лишь одной из сторон.

Уже со второй половины 40-х гг. информация о злоупотреблениях греческих владык начала занимать одно из постоянных мест в русских дипломатических отчетах. Даже известный своей консервативной позицией в отношении болгарского церковного вопроса глава русской

миссии В. П. Титов накануне Крымской войны был вынужден признать факт гонений в отношении болгар²⁷.

Что же касается русского правительства, то и для его позиции были характерны перемены. Причем, это обстоятельство имело неожиданно позитивные последствия для развития прямых болгаро-русских связей. Страх перед угрозой распространения на Балканах прозападных настроений заставил русские правящие круги обратить пристальное внимание на положение болгарского народа. Учитывая острую нехватку болгарских учителей и тот авторитет, которым они пользовались на родине, особый акцент был сделан на привлечение местной молодежи в русские учебные заведения.

Первые болгарские студенты начали появляться в России еще в начале 40-х гг. XIX. В 1840 г. благодаря частной инициативе — настойчивым усилиям болгарской общины г. Одессы (и лично Н. Палаузова, В. Априлова и Д. Тошковича) вышел в свет первый императорский указ, учреждавший стипендии для болгар. Но их было всего лишь четыре — две для Херсонской семинарии и две для Одесского лицея. С середины 40-х гг. ситуация начала резко меняться. В 1846 г. были выделены сразу 20 стипендий — для Киева, Москвы и Санкт-Петербурга. Для тех же целей начали создаваться и частные благотворительные фонды. Особую известность получил, в частности, фонд московского купца (выходца из Софии) И. Денкоглу, финансировавшего несколько болгарских стипендий для гимназий Одессы и Московского университета. Благодаря этим инициативам в среде болгар начала постепенно формироваться новая прослойка интеллигенции, для которой была характерна ярко выраженная русофильская ориентация. Среди выпускников русских учебных заведений, известных впоследствии своей активной общественной деятельностью, можно назвать Н. Герова, Ив. Кишельского, С. Филаретова, Хр. Даскалова, Натанаила Охридского (Стояновича).

В эти же годы Россией был предпринят опыт прямого финансирования учебного дела в болгарских землях. Инициатива в этом вопросе принадлежала болгарской стороне, а именно, уже упоминавшемуся Александру Экзарху. Первоначально он пытался реализовать проект развития болгарского образования с помощью Запада, но потерпел неудачу. Когда же в 1846 г. Экзарх обратился с письмом к императору Николаю I, идея русского патроната над системой болгарского просвещения неожиданно получила поддержку. И хотя в России инициатора проекта не без некоторых оснований подозревали в связях с польской эмиграцией, однако финансирование программы все же начали. В результате в течение почти десяти лет на нужды болгарского образования ежегодно выделялась сумма в размере 10 тыс. рублей.

²⁷ Маркова З. Указ. соч. С. 186, 187.

Причем, через посредничество Ал. Экзарха осуществлялась не только финансовая поддержка уже существующих училищ, но и открывались новые, в том числе в районах с этнически пестрым составом населения (например, в Македонии). Эти же деньги явились важным подспорьем для начала болгарского книгопечатного дела и издания в Константинополе газеты «Царьградский вестник» (1848 г.) — одного из первых и наиболее авторитетных национальных периодических изданий.

В рамках этой же программы находилась деятельность по распространению русской учебной и художественной литературы. Хотя книги из России в болгарские земли поступали и ранее, со второй половины 40-х гг., т. е. со времени начала функционирования фонда возглавляемого Ал. Экзархом, приток учебной и художественной литературы, направляемой в болгарские земли по линии министерства просвещения и церковного ведомства, резко возрос. За сравнительно короткий срок (до начала Крымской войны) только учебников было отправлено около 2000 экземпляров. Причем, некоторые из них специально для этой цели были переведены на болгарский язык²⁸.

Говоря об активизации культурно-образовательных контактов, особо важно отметить, что они работали не только на укрепление авторитета России в болгарских землях. Появление в Москве и Петербурге болгарских студентов имело серьезные политические последствия, поскольку способствовало пропаганде в России идей болгарского национально-церковного движения. Впоследствии эта пропаганда оказала немаловажное влияние на русское общественное мнение. Наряду с другими факторами этому обстоятельству суждено было сыграть далеко не последнюю роль в пересмотре Россией своей позиции по болгарскому церковному вопросу.

²⁸ Генчев Н., Калудова Й. Записка относительно мерките по образованието на славяните в Русия от 1865 г. // Известия на държавните архиви. № 20. 1970. С. 130.

Босния и Герцеговина — очаг постоянных тревог

В системе европейских владений Османской империи Боснийский эялет (позднее пашалык) в XIX веке занимал особое место, его политико-административное положение имело специфические черты. Одной из причин этого была удаленность от центра империи и его пограничное положение, что обуславливало необходимость защищаться от внешних врагов собственными военными силами. Порта создала здесь прочную систему обороны, опираясь, главным образом, на местных феодалов. Еще в XVI в. в районах, граничивших с Австрией и Венецианской республикой были созданы особые военно-административные единицы — капитании, осуществлявшие охрану границ. Во главе капитаний находились капитаны. Основой их политического и экономического влияния было объединение в одних руках административных и военных властных функций, а также владение значительными земельными угодьями и финансовыми ресурсами. Хотя формально все капитаны были подчинены турецкому визирю в Травнике, их должности были наследственными. Они представляли собой опору османской власти по отношению к зависимому христианскому населению, но в тоже время сохраняли большую самостоятельность и часто оказывали сопротивление представителям османских властей в пашалыке. В начале XIX века в пашалыке насчитывалось 36 капитаний¹. Многие боснийские капитаны участвовали в военных походах турок против сербов во время Первого сербского восстания, в том числе и в 1813 г.

Благодаря глубоко укоренившейся системе самообороны местные феодалы-беги пользовались правами самоуправления и слабо подчинялись власти боснийского везира, острота конфликтов с которым иногда приводила к настоящей войне. Важную роль в системе местного административного управления играли аяны — старейшины спахийских организаций, вспомогательных военных и янычарских отрядов, представители высшего духовенства и богатые торговцы. Капитаны и аяны, составлявшие так называемый беговат, являлись решающей политической силой в Боснии и Герцеговине в течение всего XVIII и первых десятиле-

¹ Kreševljaković H. Kapetanije u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1954. С. 14.

тий XIX в. Боснийские беги и капитаны, большинство из которых не были этническими турками, а потомками славян, принявших ислам, в глазах христианского населения пашалыка выступали как феодалы, угнетавшие подчиненных им крестьян, и как представители османских властей. Поэтому неудивительно, что волнения и восстания православного населения Боснии и Герцеговины были направлены против них.

Особенности социально-политического развития Боснии и Герцеговины обуславливались и немалым торговым значением провинции, по территории которой пролегали торговые пути из центра империи на Адриатику и в Центральную Европу. Но в Боснийский пашалык входило и много горных слабо развитых в общественно-экономическом отношении районов. В пограничной с Черногорией части Герцеговины сохранялись, например, военно-политические объединения — «племена» (Езера, Шаранци, Пива, Дробняк). Они пользовались самоуправлением в области администрации и суда. Их зависимость от турецкой власти выражалась в уплате десятины и таможенных пошлин. Население обязано было содержать военные отряды для охраны границы с Черногорией. Племя пивлян было фактически независимыми, их автономный статус подразумевал лишь незначительную дань Порте, в селах управляли местные кнезы.

И в XIX веке значительную часть жителей Боснии и Герцеговины составляло исламизированное население, сохранившего сербохорватский язык. По данным 1870-х гг., мусульмане составляли 48,9 %, православные — 37,6 %, а католики — 12,7 % жителей². В городах преобладали мусульмане, православных было особенно много в Герцеговине, а в северо-западной части Боснии, на границе с Хорватией жило большинство католиков. Но в целом было мало областей, где жители одного вероисповедания проживали бы компактно. Ислам наложил глубокий отпечаток на образ жизни и культуру славян-мусульман, которые, однако, осознавали четкую разделительную грань между собой и мусульманами-турками. В XIX в. боснийские мусульмане ощущали себя особой этнической общностью, как по отношению к иноверцам, так и прочим мусульманам³. Наряду с конфессиональным и культурным размежеванием в среде местного населения исламизация увеличила социальную дистанцию между феодалами, принявшими ислам, и крестьянством, в большинстве оставшимся христианским.

Больше половины всего населения составляли феодально-зависимые крестьяне-кметы. Крупных феодалов было немногим больше 2 %, мелких феодальных собственников — 33 %. Крестьяне являлись пожизненными арендаторами обрабатываемой ими земли, обязанными

² См.: *Пејановић Л. Б.* Становништво Босне и Херцеговине. Београд, 1955. С. 74.

³ *Фрейдзон В. И.* К истории боснийско-мусульманского этноса // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 330.

платить налоги в пользу государства и нести натуральные повинности и барщину в пользу феодала. Система землепользования в Боснии и Герцеговине, сложившаяся еще в XV в., на всем протяжении турецкого владычества оставалась почти без изменений. Попытка центральных турецких властей регламентировать отношения между кметами и феодалами из-за сопротивления последних успеха не имела.

Застойность феодально-крепостнических отношений обусловила огромную социально-экономическую отсталость и чрезвычайно низкий уровень развития производительных сил в стране. Более 90 % самодельного населения было занято в сельском хозяйстве. Земледелие велось примитивными способами. Основным орудием оставалась деревянная соха, в лучшем случае с железным наконечником. Лесные массивы, занимавшие около 55 % территории страны, а также огромные горнорудные богатства совершенно не использовались.

Промышленные предприятия в первой половине XIX века отсутствовали вовсе. Существовали цеховые ремесленные мастерские. Города были слабо развиты и никакой существенной роли в экономике страны не играли.

Вплоть до конца XVIII в. Порта в своей политике в Боснии и Герцеговине опиралась на местных крупных землевладельцев, поддерживая их интересы. Постепенный упадок военно-феодальной системы Османской империи не мог не отразиться на положении в подвластных ей балканских землях. Ослабление власти Порты, а вместе с тем и боснийско-герцеговинского визиря, сопровождалось усилением позиций крупных феодальных владельцев, появлением сепаратистских тенденций. Политика Порты, направленная на государственную централизацию, укрепление своей власти на местах, встретила резко негативную реакцию со стороны беговата. Сложность внутривластного положения в Боснийском эялете усугублялась существованием там целого комплекса противоречий: в начале XIX в. наряду с религиозными усилились противоречия, с одной стороны, между боснийско-герцеговинским господствующим классом и центральной властью Османской империи, и с другой — между боснийско-герцеговинскими крупными землевладельцами и зависимым от них крестьянством (кметами). Главным вопросом было постоянное ухудшение правового, социального и экономического положения христианского населения. Тяжелое положение христиан неминуемо вызывало протесты и восстания, которые в рассматриваемый период трансформировались в национально-освободительные движения, особенно у сербов. Особую специфику непростой ситуации в Боснии и Герцеговине придавали и сложные конфессиональные отношения.

В первых десятилетиях XIX в. власть султанского правительства в Боснии и Герцеговине неуклонно ослабевала. Фактически там существовала административно-политическая автономия, хотя и не оформ-

ленная юридически⁴. Предпринимавшиеся с начала XIX в. попытки Порты укрепить свои позиции в пашалыке путем проведения реформ наталкивались на упорное сопротивление беговата. Местные феодалы, в подавляющем большинстве своем мусульмане, усматривали в реформах ущемление своих землевладельческих интересов и своего влияния в административно-политических делах. Кроме того, реформы расценивались ими, как уступки христианскому населению. Этот аргумент использовался для вовлечения в борьбу против центрального правительства широких слоев мусульманского населения. В первых двух десятилетиях XIX в. ввиду упорного сопротивления беговата султанскому правительству не удалось провести ни одну из реформ, и власть его наместников в этой провинции оставалась номинальной. Борьба османского правительства и боснийских феодалов продолжалась с перерывами с начала 20-х гг. и до 50-х гг. XIX века. Сопротивление реформам усилилось в 20-е гг. и его центром стал г. Сараево. Султан Махмуд II направил в Боснию Джелалудина-пашу в 1820 г., который штурмом взял Сребреницу, Сараево и Мостар. Боснийские феодалы потерпели жестокое поражение, погибло около 300 феодалов, между ними более 20 капитанов. Это был первый мощный удар османских властей по мятежным боснийским феодалам.

В 1826 г. в Стамбуле было подавлено восстание янычар, а затем был издан специальный указ о преследовании янычар в Османской империи, в том числе и в Боснии. Вожди янычар в Сараево открыто выступили против Порты. В Боснию был послан Абдурахман-паша, который жестоко подавил сопротивление янычар.

Однако в 1828 г. началась русско-турецкая война, все внимание Порты было сосредоточено на борьбе с русской армией, и проведение реформ в Боснии осталось далеко не завершенным.

Тем временем Порты, столкнувшись с нарастающими военными проблемами, отдала приказ боснийским феодалам собрать свои силы для дальнейшей переброски по Дунаю в болгарские земли. На это распоряжение откликнулось незначительное число боснийских феодалов, основная же их часть отказалась выступить в поход под предлогом, что они должны были защищать границы Боснии от Австрии и сербского князя Милоша Обреновича. Это была месть Порте со стороны боснийских феодалов за предшествующие походы турецких пашей против них. Таким образом, Османская армия лишилась значительного количества боснийской пехоты и конницы, что не могло не отразиться на ходе боевых действий против России⁵.

Движение сопротивления реформам в Боснии продолжалось, его возглавили крупные боснийско-герцеговинские феодалы, недовольные падением своего влияния.

⁴ Čulinović F. Državnopravna historija jugoslovenskih zemalja. Zagreb, 1961. S. 256.

⁵ Гаврилович М. Милош Обренович. Т. 3. Београд, 1912. С. 442.

В 1831 г. вспыхнуло восстание под руководством Гусейна-бега Градашчевича, установившего связи с албанским правителем Мустафой-пашой Бушати. Его поддержали большинство боснийских капитанов, феодалов, мусульманского духовенства и остатки янычарских отрядов. Боснийские феодалы были категорически против введения османскими властями регулярной армии — низамов. Гусейн-бег выступил под лозунгом борьбы против начатых Портой военных преобразований, создания в Боснии и Герцеговине своей регулярной армии вместо янычарского корпуса. Выдвигалось требование предоставления Боснийскому эялету самоуправления с правом избрания визиря из своей среды при сохранении верховной власти султана и уплате ежегодной дани. В этом плане движение боснийских феодалов было близко движению албанских феодалов против реформ османского правительства.

Боснийское войско нанесло крупное поражение войскам великого визиря в битве под Липянами (Косово), а Гусейн-бег Градашчевич был провозглашен боснийским везиром. После этого поражения великий визирь вынужден был помириться с Гусейном Градашчевичем и даже дать ему обещание признать Гусейна новым боснийским везирем.

Однако большинство капитанов Герцеговины во главе с Алиагом Сточевичем сохранили лояльность султану и отказались присоединиться к восстанию, начавшиеся междоусобные конфликты в повстанческих кругах ослабили их силы⁶.

Порте удалось нанести поражение мятежным албанским феодалам под Скадром. Весной 1832 г. новым боснийским везирем был назначен Кара Махмуд-паша. Он при поддержке герцеговинских капитанов нанес несколько поражений силам Гусейна Градашчевича; многие сторонники Гусейна были убиты или захвачены в плен. Сам Гусейн Градашчевич после этого бежал в Австрию, позже он оправился в Стамбул на поклон султану, вскоре он умер.

Таким образом, Порте удалось сохранить свою власть в боснийском пашалыке. Герцеговинские кадилуки были выделены и даны в управление Алиаге Сточевичу. Центром нового герцеговинского вилайета стал Мостар. Так Порта уменьшила размеры боснийского вилайета и создала противовес боснийским феодалам в лице герцеговинских феодалов, сторонников султана. В Боснийском вилайете был введен низам, Сараево стало главным городом вилайета вместо Травника.

Одержав победу над Гусейном Градашчевичем, Порта значительно ослабила силы боснийской оппозиции. Однако реальное осуществление реформ Танзимата в Боснии постоянно сталкивалось со значительными трудностями и сопротивлением со стороны местных феодалов.

⁶ Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. 5. Т. 1. С. 231–232.

лов. Кара Махмуд-паша приступил к проведению реформ в пашалыке: он начал проводить набор солдат в низах, приступил к собиранию государственных налогов и с мусульманского населения, установил контроль над откупщиками таможенных пошлин в Боснии, предпринял ряд мер по защите христианского населения. Однако вскоре он получил другое назначение, а тем временем проведение реформ снова затормозилось.

Многие боснийские феодалы считали, что в проведении реформ в Боснии виноваты не только официальные турецкие власти, но и выступления христиан. Боснийские феодалы стали вымещать свою злобу и разочарование на христианском населении, что привело к ухудшению его положения.

С разгромом восстания Гусейна-бега оппозиция реформам в Боснии и Герцеговине не прекратилась. Местные феодалы, опасавшиеся за свои права и земельные владения, ощущали настоятельную необходимость продолжать борьбу за сохранение своих политических и экономических привилегий. Особое недовольство беговата вызывало уменьшение его политической роли и влияния в местных диванах и меджлисах в связи с введением в систему управления института чиновников, назначавшихся Портой. Все это наряду со стремлением играть решающую роль в административно-политических делах, обуславливало дальнейшее выступление против реформаторской деятельности турецкого правительства и порождало стремление добиться официального признания Портой широкой автономии пашалыка. В этот период в среде феодалов появляются идеи об автономии Боснии и Герцеговины по образцу Египта или Сирии и перехода всей полноты власти в провинции в руки беговата.

Окончательно сломить сопротивление реформам боснийско-герцеговинских феодалов Порте удалось лишь в начале 50-х гг., прибегнув к самым решительным мерам.

В 1850 г. на подавление сепаратистского движения феодалов Боснии и Герцеговины был послан известный своей жестокостью генерал, потурченец, Омер-паша⁷.

Он родился в 1806 г. в Лике на территории Австрии. Закончил кадетскую школу, затем в 1827 году перешел в Боснию и принял ислам под именем Омер. Он скоро попал в Стамбул и стал преподавателем черчения в военной школе. Одним из его учеников был престолонаследник — будущий султан Абдул Меджид. Вскоре Омер-паша сделал быструю военную карьеру, он прославился подавлением антитурецких выступлений в Сирии, Албании, Курдистане. Но больше всего он прославился окончательным подавлением сопротивления боснийских феодалов. Ему было поручено любой ценой сломить сопротивление босно-

⁷ Kapidžić H. Omer paša Latas u Bosni. Sarajevo, 1938.

герцеговинской феодальной олигархии. Омер-паша прибыл в Сараево в июле 1850 г., собрал местных феодалов и объявил им волю султана — проведение реформ в пашалыке и создание новой регулярной армии — низама. Сначала местные феодалы согласились подчиниться султану, но затем в очередной раз попытались организовать вооруженное сопротивление. Омер-паша, имея в своем распоряжении небольшую, но хорошо организованную регулярную армию, за короткий срок (8 месяцев) наголову разбил все силы боснийских феодалов. Около 150 крупных боснийских феодалов было захвачено Омер-пашой, часть из них оказалась в тюрьме, часть — отправлена в Стамбул. Всего было истреблено около 6 тыс. боснийских бегов. Был убит и лидер движения сопротивления Али-паша Ризванбегович. После завершения военных операций Омер-паша провел административную реформу в пашалыке, новые государственные чиновники были преимущественно этнические турки. Наследственные должности крупных феодалов были ликвидированы. Босния и Герцеговина снова объединились в одну провинцию, а резиденция османского наместника (вали) была перенесена из Травника в Сараево. В то же время надежды христианского населения на улучшение своего положения оказались напрасными. Беговские четы были разбиты и в значительной части уничтожены. В 1851 г. в Боснии и Герцеговине утвердилась власть центрального правительства. Энергичный политик Омер-паша Латас в 1851 г. окончательно ликвидировал спахийскую систему и в последующие годы осуществил ряд административных преобразований.

Омер-паша участвовал и в Крымской войне, в 1860–1861 гг. командовал наступлением турецких войск против Черногории, которую спасло только вмешательство великих держав.

Наряду с движениями консервативно-феодального сепаратистского характера, еще в начале XIX в. в Боснии и Герцеговине появляются первые симптомы зарождения национально-освободительного движения христианского населения, на которое оказывала заметное влияние борьба за освобождение от турецкой власти в Черногории и Сербии.

Так как социально-экономическое положение христианского населения в пашалыке в начале XIX века не улучшалось, а все реформы турецких властей не принесли позитивных изменений для христианского населения, то и сопротивление христиан нарастало. Постепенно, под влиянием Первого сербского восстания 1804–1813 гг., затем Второго сербского восстания и дальнейшего развития сербского княжества и его борьбы за признание своего автономного статуса в составе Османской империи, волнения и восстания христианского населения в пашалыке эволюционировали от чисто антифеодальных, аграрных выступлений к национально-освободительному движению, целью которого было уже не просто восстание против бегов и спахиев, но и против османского господства в Боснии и Герцеговине в целом.

Активную роль в этом движении играли представители местного православного духовенства, пытавшиеся найти поддержку в России. Так, в 1803 г. пивлянский архимандрит Арсений Гагович, прибыв в Петербург с политической миссией говорил о стремлении балканского населения войти в состав России, а в случае, если это невозможно, предлагал основать Славяно-сербское царство под скипетром одного из русских великих князей. Такого рода предложение, несомненно, было увязано с политическими замыслами черногорского митрополита Петра I Негоша и некоторых сербских деятелей. Заметное влияние на боснийско-герцеговинское население оказало Первое сербское восстание 1804–1813 гг., нашедшее отклик в ряде крестьянских выступлений и особенно в восстании в Боснийской Крайне 1809 г., возглавленном И. Янчичем, поддерживавшим связь с сербскими повстанцами и австрийцами. Повстанцы боролись за уничтожение турецкого владычества.

В 30–40-х гг. зарождавшееся национальное движение находилось под влиянием идеологических течений в Сербском княжестве и Хорватии. Представители католического духовенства — Иван Франо Юкич, Мартин Недич, Яков Балтич, Блажо Йосич, которых привлекала идея культурного и политического единства югославянских народов, начали активную пропаганду иллиризма в Боснии и Герцеговине⁸. Они выступали против турецких реформ, выдвигали требования предоставления христианскому населению провинции политических прав и религиозной свободы. Свою задачу они видели в просвещении боснийской молодежи — православной и католической.

В национальном вопросе один из ярких представителей этого движения И. Ф. Юкич оставался до конца верен выдвинутой им концепции «бошняства». Он утверждал, что в Боснии и Герцеговине один народ — «бошняки», который является составной частью «иллирского» народа. Но эта концепция была оторвана от реальности и не имела глубоких корней⁹. И. Юкич, бесспорно, ориентировался на Загреб, но стремился оставаться как бы на нейтральной почве между сербами и хорватами, что в дальнейшем способствовало его сближению с сербами.

В целом, следует отметить значительную роль церкви и духовенства как православного, так и католического в развитии национального самосознания и просвещения населения Боснии и Герцеговины.

Монастыри и церкви были одновременно и центрами культурного развития, при них существовали школы, имелись библиотеки. Они являлись хранилищами национальных ценностей и традиций. Католическое и православное духовенство играло большую роль в пробуждении национального самосознания католиков и православных Бос-

⁸ Подробнее см.: *Лециловская И. И.* Иллиризм. М., 1972.

⁹ *Krusevac T. Ivan Franjo Jukić // Godišnjak Istorijskog društva Bosne i Hercegovine, 1955. № 7, 8. С. 141–169.*

ний и Герцеговины. И неслучайно, что среди руководителей восставший позднее было значительное число священнослужителей. В 40-е гг. заметное влияние на национально-освободительное движение Боснии и Герцеговины стала оказывать пропаганда идей государственного объединения югославянских народов, начатая правящими кругами Сербского княжества и направляемая И. Гарашаниным. Она находила отклик среди боснийско-герцеговинской молодой интеллигенции, духовенства, зажиточных крестьян, мелких торговцев. Возник ряд тайных организаций, просуществовавших до начала 70-х гг., которые ставили своей задачей укрепление связей с Сербией и помощь в реализации планов Гарашанина.

В 40–50-е гг. представители боснийско-герцеговинского христианского населения направляли Порте адреса и меморандумы, в которых выражался протест против системы турецкого управления, незаконный, несправедливости и намечались необходимые преобразования. Они публиковались в югославянских или австрийских газетах, иногда посылались европейским правительствам. Так в меморандуме, автором которого являлся И. Юкич¹⁰ (1850 г.), содержались требования равноправного участия христиан и мусульман в управлении, свободы вероисповедания, собраний и союзов, отмены хараха (налога с немусульман), призыва христиан на военную службу, свободы торговли и занятий ремеслом без учета религиозной принадлежности, запрета сгона кметов с земли, организации почты и других средств сообщения, гласности бюджета, строительства школ и типографии для христианского населения. Такого рода требования являлись достаточно прогрессивными для отсталой в экономическом и политическом отношении провинции Османской империи и по существу предусматривали преобразования буржуазно-демократического характера.

В конце 50–60-х гг. в балканских провинциях Османской империи назревал общественно-политический кризис. Турецкие власти стремились также стабилизировать ситуацию в Боснии путем некоторого упорядочения экономического положения христианского населения. Но и здесь Порты сталкивалась с жестким сопротивлением местных феодалов, стремившихся все свои экономические проблемы взвалить на подчиненную им райю и не желавших выполнять султанские приказы. Эти противоречия между османскими властями и боснийскими бегами, неспособность Порты урегулировать экономические проблемы пашалыка приводили к обнищанию крестьян и к нестабильности политической ситуации в крае.

В разрывании национально-освободительного движения христианского населения Боснии и Герцеговины в это время начинает играть большую роль молодая торговая буржуазия, а также форми-

¹⁰ Krusevac T. Ivan Franjo Jukić. № 7, 8. С. 141–169.

рующаяся местная интеллигенция, большинство которой составляли учителя. Деятельность православной и католической церкви не только помогала развитию образования и просвещения, но и содействовала организации антиосманской борьбы.

В 1852 г. Омер-паша Латас приказал отобрать у христианского населения оружие, которое они часто использовали в борьбе против феодалов и турецкого государства. В ответ на это в стране поднялось движение, во главе которого встал известный герцеговинский воевода Лука Вукалович. Движение это носило не только антифеодальный, но и освободительный характер, так как оно преследовало цель объединения с Черногорией. Как правило, восстания в Герцеговине перерастали в черногорско-турецкие войны. Начавшись с 1852 г. борьба с перерывами продолжалась целое десятилетие. Вся Герцеговина была охвачена восстанием. Повстанцы действовали в тесном контакте с Черногорией, пользуясь ее поддержкой. Первое восстание в восточной Герцеговине вспыхнуло в 1852 г. После разорительного похода Омер-паши на Черногорию борьба герцеговинских повстанцев на время затихла. Но через 5 лет, в декабре 1857 г., разразилось второе восстание. Вооруженная борьба герцеговинцев была поддержана крестьянами-хорватами. Вмешательство Черногории привело к новой войне с Турцией. 1 мая 1858 г. в битве у Грахова объединенные силы черногорцев и герцеговинцев нанесли крупное поражение туркам. В мае 1858 г. в области Крайна (Северная Босния) началось локальное крестьянское восстание, которое турецкие феодалы сумели быстро подавить. В 1859 г. был издан аграрный закон, регламентировавший оброчные повинности кметов. Крестьяне должны были платить 1/10 урожая в пользу государства и 1/3 помещику. Однако этот закон остался мертвой буквой.

Если Порте ценой больших усилий удалось к середине XIX века подавить сопротивление местных феодалов и провести здесь административные и военные реформы, то постоянные восстания христиан не прекращались и ослабляли турецкое господство в этом районе.

Дунайские княжества под знаком Органических регламентов

В 1824 г. просвещенный боярин Динику Голеску отправился путешествовать. Он пересек австрийскую границу, очутился в Трансильвании и словно бы в другой мир попал: ухоженные поля, аккуратные деревни, старые города с добротными каменными домами и вымощенными улицами. А дома, в Валахии, в селах — «землянки, куда войти и видишь некую нору в земле, в которой можно разместиться с женой и детьми вокруг очага».

Мы привыкли измерять степень эксплуатации крестьянства числом барщинных дней в году. Но вот что отмечал Динику Голеску: барщина в Трансильвании зашкаливала за 100 дней, и при всем том местные селяне «гораздо счастливее наших румын, которые работают (на барщине) всего 12 дней»¹. Ясно, что сухой подсчет дней, проведенных на помещичьем поле, критерием эксплуатации крестьянства в данном случае служить не может. Попробуем разобраться в запутанной и хитроумной системе обязательств, взваленных на молдо-валахское крестьянство в начале XIX века и державших деревню в состоянии нищеты. Княжества представляли тогда пространство малонаселенное — всего 3 млн жителей². Из-за скудости статистических данных исследователи до сих пор не могут решить, какой же тип хозяйства в них преобладал — земледелие или скотоводство. Но все говорит о значительном развитии последнего — и в первую очередь, свидетельства современников о том, что разведение крупного рогатого скота, лошадей, свиней и овец, составляло «главное и любимое» занятие жителей, о вывозе из княжеств сала, кож и шерсти, о перегоне на продажу в австрийские владения табунов лошадей и стад скота. А выгонное животноводство требует больших просторов, и в начале столетия луга и пастбища занимали 90 % используемых угодий³. Никаких стеснений землепользованию крестьян власти еще не ставили, боярин представлял им наделы по потребности. Ограничения в первый раз ввел

¹ Цит. по: *Constantiniu Fl.* O istorie sincera a poporului roman. Buc., 1997. P. 207–208.

² *Barbulescu M.* etc. Istoria Romaniei. Buc., 1998. P. 392.

³ *Mitrany D.* The Land and the Peasant in Rumania. L.; New Haven. 1930. P. 25.

молдавский господарь А. Морузи в 1805 г. и касались они только пастбищ, и площадь зависела от имевшегося у селянина скота, пахотная земля предоставлялась без ограничений. Сеяли пшеницу, рожь, ячмень, а пахари на своих наделах — больше всего кукурузу из-за возможного высокого урожая. Очищенными от зерен початками в безлесных районах топили печи, а стебли шли на постройку заборов, амбаров, сараев. Из других культур следует отметить прежде всего виноград, из фруктовых деревьев — сливу, из плодов которой гнали любимую народом цуйку, из овощных — капусту, лук и чеснок. Особое место на юге занимало табаководство и шелководство, а в предгорьях — пчеловодство.

Большинство крестьянского населения жило на землях феодалов-бояр, совмещавших в одном лице помещика и чиновника, или при монастырях. Лично крестьянин считался, после реформ Константина Маврокордата в середине XVIII века, свободным, но был обременен многочисленными повинностями. Барщина устанавливалась законом в 12 дней в год, но «урок» (дневная норма выработки) повышал ее втрое⁴. Оброк именовался «дигмой» (десятиной), но по тяжести он превосходил свое скромное название и взимался не только с зерновых, но и с вина, с сена, с ульев, существовала и денежная форма его оплаты. В 1823 г. молдавский господарь И. Стурдза издал новый закон о землепользовании, по которому пахотные земли разбивались на три части, из которых две отдавались в пользование крестьянам за уплату дигмы, а одна оставалась у боярина и обрабатывалась барщинным трудом. И здесь, и в Валахии бояре обладали монопольным правом на содержание мельниц, харчевен мануфактур в своих поместьях.

Занятие хозяйством в боярском сословии почетом не пользовалось и считалось чем-то унижительным, и значительное большинство поместий сдавалось в аренду (в Валахии в 1831 г. из 3100 — около 2300)⁵. Между помещиками и крестьянами появилась прослойка жадных дельцов-посредников, и уже никакая статистика не учитывала, насколько это отягощало положение деревни.

В княжествах сохранилось и свободное крестьянство (резеши в Молдавии и мошнены в Валахии), населявшее главным образом предгорья. Пахотными угодьями они владели на основе частной собственности; луга, сенокосы, леса, пустыри и воды находились в общем пользовании. Всего в начале столетия в подобном состоянии находилось около четверти крестьянских дворов. Резеши сохраняли старые обычаи и патриархальные нравы, многие владели оружием, и правительство нанимало их на охрану границ.

⁴ Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия. М., 1966. С. 52. В Валахии по «Уложению Караджа» число барщинных дней в 1818 г. возросло до 18.

⁵ Там же. С. 81.

• Не перевелись в княжествах и разные категории дворовых людей (скутельников в услужении у бояр, послушников — в монастырях). Цыганское население находилось в состоянии рабства (точнее — в крепостном). Они делились на государственных, занимавшихся кузнечным делом и вырезанием посуды из дерева и, разумеется, поставлявшим музыкантов на все случаи жизни, монастырских и господских, состоявших в услужении, и кочевых, плативших оброк в казну.

* * *

Управляла княжествами боярская олигархия, ее представители освобождались от налогов и занимали все значительные должности в государственной аппарате, заседали в диванах — совещательных органах при князьях. Существовали семейства, владевшие полусотней деревень. И тем не менее вплоть до подписания Адрианопольского мира 1829 г. и последовавшего взрывного роста производства зерна основные доходы они извлекали не из хозяйства, а от государственной службы. Из валашского бюджета, составлявшего в 1826 г. 6,7 млн лей, 5,7 млн уходило на содержание господаря и его двора, администрации и уплату дани Высокой Порте⁶.

Все жители, помимо бояр и духовенства, платили налоги. Основной из них, бир, шел на оплату государственного аппарата, почты и полиции. Помимо него существовали налоги на соль, на табак, на крупный рогатый скот, на овец, свиней, на пчел, на табак, на вино и поборы на нужды общины. Кроме всего этого селяне обязаны были перевозить чиновников, чинить дороги и мосты, сплавливать лес по рекам, перевозить соль и все это — безо всякой оплаты. В городах ремесленники платили патенты за право заниматься производством, а купцы — налоги за возможность торговать.

Следует сказать о том, что именовалось промышленностью. Деревня (т. е. по крайней мере 9/10 населения) жила натуральным хозяйством, женщины долгими зимними вечерами пряли и ткали на примитивных станках. Железодельное производство представлял сельский кузнец, бочки для вина покупались на ближайшей ярмарке, там же приобреталась каруца — телега с высокими бортами. Опинки, род постолов из сыромятной кожи, изготовлял сапожник по соседству. Внутренний рынок оставался узким, необходимой для его развития безопасности купца и товара не существовало и в помине. С 1821 года, после подавления восстания Тудора Владимиреску, в княжествах располагались турецкие войска. Они не удовлетворялись получаемым на законных основаниях продовольствием и фуражом, а проводили дополнительные «заготовки».

⁶ Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия. С. 94.

В городах и селах существовали сотни кустарных мастерских, больше всего кузниц, винокурен, салотопен, лесопилок, сапожных и портняжных предприятий. Лишь единицы из этих заведений поднимались до мануфактурного уровня, т. е. применяли разделение труда. В Молдавии с предшествовавшего столетия существовало бумагоделательное производство, снабжавшее своей продукцией все канцелярии страны. Действовало несколько типографий. На соляных коях в Валахии трудилось около 1,5 тыс. человек, в Молдавии — 650. Российский путешественник Н. Бестужев-Рюмин был изумлен «опустошительно-высокими» ценами на косы, оказалось, даже они ввозились из-за рубежа.

* * *

Весной 1828 года очередная русско-турецкая война началась с занятия царскими войсками Дунайских княжеств. По тогдашним обычаям армия на чужой земле снабжала себя за местный счет. Командование распорядилось предоставить муки, сухарей, круп, овса и спирта на содержание 100 тыс. человек на три месяца⁷. Запрос превосходил возможности разоренного турецкой оккупацией края, пришлось дополнить местные ресурсы привозимым из России продовольствием и фуражом. Но в основном снабжение осуществлялось путем реквизиции зерна, сена, скота у населения, которому выдавались подлежащие оплате квитанции. Оплата же производилась главным образом за счет бира, иными словами, поставщики получали деньги, которые они же, в качестве налогоплательщиков, вносили в казну. Поскольку закупка велась через представителей власти, к рукам чиновников прилипали немалые суммы. В дополнение к этим натуральным повинностям добавлялись квартирная и подворная. Почти на полгода войска располагались в домах обывателей, а весной и летом, в разгар сельскохозяйственных работ, множество крестьян со своими волами, лошадьми и каруцами на недели и даже месяцы покидали дома и занимались военными перевозками.

Во главе управления княжествами стоял российский наместник в звании председателя двух диванов. Учитывая тяжесть возложенных на население повинностей, должность требовала от ее носителя взвешенности в действиях и такта в обращении с жителями. Этими качествами в известной степени обладал первый назначенный на этот пост Ф. П. Пален. При нем интендантство выделило 100 тыс. червонцев на выкуп квитанций. Но в январе 1929 г. Пален сменил солдафон в генерал-лейтенантском мундире П. Ф. Желтухин, сторонник присоединения Молдавии и Валахии к России, о чем он и направил правитель-

⁷ Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия. С. 158.

ству записку. Получив отрицательный ответ, Желтухин исполнял свои обязанности в самой жесткой форме, не останавливаясь перед принудительным сбором продовольствия у населения, и оставил в княжествах самую недобрую о себе память.

Несмотря на сложность ситуации, рождавшую у населения недовольство, симпатия к освободительной миссии России не угасала и проявлялась в добровольческом движении. Летом 1828 г. командование приступило к формированию батальонов пандуров (местных стражников) общей численность в 2640 человек во главе с полковником И. Соломоном, которые проявили себя с лучшей стороны во многих схватках. Зимой на их долю выпала особая задача. Дунай покрылся льдом, по которому на его левый берег легко проникали турецкие отряды. Для борьбы с ними потребны были хорошо знакомые с местностью силы, своего рода тогдашний спецназ. Пандурские батальоны не только давали отпор вторгшемуся неприятелю, но и сами совершали рейды на правобережье. Весной 1829 г. они, в составе российской армии, участвовали в крупных операциях. Румыны вместе с болгарами, сербами и греками сражались также в интернациональных отрядах, самым крупным из которых, численностью больше тысячи человек, командовал полковник генерального штаба И. П. Липранди. Отряд очистил от турок район между крепостями Силистрия и Шумла⁸.

В Адрианопольском мирном договоре Молдавии и Валахии посвящались 5-я статья и особый акт. Их автономные права подтверждались, детализировались и расширялись. Господари подлежали избранию пожизненно с согласия российского двора и могли смещаться лишь за доказанные уголовные преступления. Прекращались принудительные поставки леса, зерна и скота в Константинополь. Провозглашались «свобода богослужения, народное независимое управление и право беспрепятственной торговли с зарубежьем»⁹. Высокая Порта обязалась дать санкцию на преобразование государственного строя в княжествах во время занятия их российскими войсками (до выплаты Турцией военной контрибуции). Крепости на левом берегу (Браила, Турну-Северин и Джурджу) срывались, турки оттуда выселялись и могли появляться в Молдавии и Валахии лишь с разрешения их властей. Пункт о свободе торговли открывал румынскому зерну дорогу на европейский рынок и предвещал революцию в сельскохозяйственном производстве. Прежняя обещавшая социальная и государственная структура княжеств нуждалась в обновлении.

За составление новых сводов законов (Органических регламентов) боярские собрания в Яссах и Бухаресте принялись еще в ходе войны при участии своих российских председателей и под бдительным над-

⁸ Istoria Romaniei. V. 3. Buc., 1964. P. 926–927.

⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX в. (ВПП). Т. 16. М., 1995. С. 271–274.

зором из Петербурга. После смерти постылого Желтухина княжествам повезло — в декабре 1829 г. администрацию там возглавил Павел Дмитриевич Киселев, человек несоизмеримого с его предшественниками масштаба, тогда — сорокалетний генерал, в дальнейшем — крупнейший деятель николаевского времени, причем, насколько это было возможно, — либерального направления.

А на разоренные войной княжества обрушились бедствия. В 1829 году в Валахии вспыхнула чума, перекинувшаяся в следующем году на Молдавию. Многие деревни опустели, поля остались незасеянными, замаячила угроза голода. Яссы, сообщал британский консул, «превратились в город-призрак. На улицах — мертвые тела... банды грабителей рыскают»¹⁰. П. Д. Киселев начал свое управление с того, что пять недель колесил по стране, навещал пораженные эпидемией города и села, мобилизуя власти на борьбу с нею, создавая лазареты. Генерал привлек к борьбе с болезнью армейских врачей, учредил централизованную санитарную службу. Вдоль Дуная появилась карантинная линия, чтобы воспрепятствовать вторжению заразы с юга. Общественность восприняла ее как своего рода границу, отделявшую княжества от Османской империи. Из первого же послевоенного обильного урожая 1830 года он распорядился создать запас на случай чрезвычайного положения. В 1831 году княжества посетила холера, и снова тысячи жертв...

Адрианопольский мир словно свежий ветер ворвался на истерзанную землю. Он реально укрепил автономию Молдавии и Валахии, обеспечил возможность их стабильного развития после 6 лет турецкой оккупации и военного лихолетья. В 1831 г. удалось завершить работу над Органическими регламентами, во многих чертах своих конституционными актами современного им европейского уровня. В соответствии с ними во главе княжеств стояли господа, избираемые чрезвычайными собраниями из великих бояр, имевших не менее трех поколений знатных предков. Они обладали правом законодательной инициативы, утверждали принятые собраниями акты, возглавляли исполнительную власть. Диваны (собрания), именовавшиеся общественными, на самом деле были боярскими, причем немногочисленные бояре первого класса имели в них большинство. Господарей посадили на гражданский лист. Регламенты учредили в княжествах стройную судебную систему в виде уездных трибуналов и апелляционной инстанции в форме судебных диванов, а также особого коммерческого суда. Появилась коллегия адвокатов, были запрещены пытки. Для незначительных казусов (вроде потравы посевов) в селах учредили мировой суд. Правительство, совет министров, превратилось в постоянный орган, во главе уездов по-прежнему оставались исправники, волостей —

¹⁰ Florescu R. Essays on Romanian History. Iasi etc. 1999. P. 207–208.

администраторы низшего ранга. Городами управляли примарии, члены которых избирались цеховыми старостами. Учреждались службы — пожарная, по снабжению городов водой, медицинская и аптечная. Полицию, ранее существовавшую за счет поборов с населения, посадили на жалование. Но шаги к городскому самоуправлению уმაлялись назначением в каждый город правительственного комиссара. Подверглась реорганизации финансовая система (если так можно называть старый обычай брать или красть, кто сколько может). Многочисленные прежде налоги были сведены к поголовному, взимаемому с каждой семьи. В доход государства поступали средства, предоставлявшиеся владельцами мастерских и мануфактур, от таможенных сборов (сохранилась только внешняя таможня), от солеварен, от поступлений с монастырей. Регламенты впервые ввели понятие государственного бюджета, сменившего прежний произвол в распоряжении финансами. Но, что характерно, бояре по-прежнему освобождались от уплаты налогов.

Наметились подвижки в деле образования, в каждом уезде учреждались школы, в Яссах и Бухаресте — колледжи с преподаванием на родном языке, вместо имевшего ранее широкое хождение греческого. Важной мерой, свидетельствовавшей о расширении суверенитета, явилось образование в Молдавии и Валахии «земского войска», зародыша национальной армии.

Хотя регламент вырабатывался для каждого княжества отдельно, законодатели стремились к установлению в них единообразия законов, тексты отдельных статей регламентов совпадали дословно. Молдаване и валахи пользовались повсеместно одинаковыми правами, могли торговать, наниматься на работу и даже занимать «в другом» должность министра. По сути дела действовал принцип двойного гражданства. В регламентах вполне четко отразилось пожелание объединения в будущем Молдавии и Валахии: «Происхождение, религия, обычаи, общность языка жителей двух княжеств, а также их потребности сами по себе заключают элементы неразрывного единства, которому препятствовали и осуществление которого задерживалось случайными обстоятельствами. Нельзя отрицать благодетельных результатов, которые принесло бы объединение этих двух народов»¹¹. Регламенты провозгласили равенство граждан перед законом, польстили поднимавшейся буржуазии, объявив ее «одним из самых значительных классов населения», а торговлю — «подлинным источником общественно-го благополучия»¹².

Важное место регламенты уделили аграрному вопросу. Поражает быстрота, с которой бояре осознали, что перед ними открылась преж-

¹¹ Istoria Romaniei in texte. Buc., 2001. P. 186.

¹² Оргрелемент для Валахии // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Главный архив. V-A2. 1854. Д. 81. Ст. 92.

де неведомая и неслыханная возможность обогащения на путях развития зернового хозяйства и вывоза хлебов за границу при урегулировании отношений с крестьянами к своей выгоде. Киселев пытался поставить какие-то преграды неимоверной жадности «барбосов», как он именовал бояр в узком кругу, и сетовал, что вынужден в одиночку защищать крестьян от «олигархии, жадной и буйной». Генерал потерпел полнейшее фиаско — самодержавие опиралось в княжествах на боярство, и идти против его коллективной воли оно не рискнуло. Ему удалось лишь добиться небольшого увеличения наделов, предоставляемых некоторым категориям селян. Как пишет Р. Флореску, бояре «заставили Киселева отказаться от своей социальной программы, воспользовавшись тем, что политически они стали незаменимы для успеха регламентов в целом»¹³.

Суть решения аграрной проблемы сводилась к следующему: помещики становились собственниками (а не феодальными владельцами, как прежде) принадлежавших им земель и должны были предоставлять крестьянам в наследственное пользование, помимо приусадебного участка, наделы земли, размеры которых определялись количеством имевшегося у них скота — в Молдавии от 3,4 до 7,7 га, а в Валахии — от 2,2 до 4,4 га, значительно меньше, чем им причиталось ранее¹⁴.

Повинности барщинников «уточнялись». Формально число барщинных дней устанавливалось 12, но дневной «урок» детально расписывался (пахота, сев, прополка кукурузных полей, жатва, заготовка сена), да так, что на его выполнение уходило 2,5–3 дня. Мнения исследователей насчет конкретной тяжести барщины сильно расходятся, но не имеют ничего общего с цифрой 12 дней (для Молдавии — от 53 до 72). Кроме того, крестьяне платили с предоставляемой земли дижму (десятину).

Налицо было значительное увеличение повинностей в пользу землевладельца по сравнению с дорегламентарным периодом. Иная картина наблюдалась в сфере отношений крестьянства с государством, причитавшиеся с крестьян налоги были упорядочены и сокращены. Вместо прежних многочисленных поборов вводилась единая капитация по 30 лей со двора в год, что сужало возможность чиновников обирать подведомственное население. Кроме того, деревня поставляла рабочую силу для ремонта дорог и мостов и рекрутов в армию. Выплачивался также небольшой сбор в общинную кружку. После введения Оргрегламентов изменился адрес крестьянских поступлений: раньше основная их масса приходилась на государственные налоги, теперь — на поборы и повинности в пользу помещиков. Сословие бо-

¹³ Гросул В. Я. Указ. соч. С. 292; Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887. С. 324; Florescu R. Op. cit. P. 210.

¹⁴ Гросул В. Я. Указ. соч. С. 299.

яр, получавшее раньше большую часть доходов в виде чиновничьего жалования, теперь извлекала их в основном из эксплуатации крестьян. Частновладельческая рента сильно потеснила централизованную. В. Я. Гросул, подвергший скрупулезному анализу формы и размеры ренты до и после регламентов, отвергает бытовавшее представление о чуть ли не катастрофическом ухудшении жизни деревни после их введения. В выводах он весьма осторожен: новый закон «увеличил доходы землевладельцев и, по-видимому, несколько отяготил положение крестьян. Но это не было каким-то резким ухудшением положения основного населения страны»¹⁵.

* * *

Однозначной оценке Органические регламенты не поддаются. На 9/10 их положения прокладывали дорогу в будущее, к капиталистическому строю и буржуазному обществу: принцип разделения властей, избираемый и посаженный на цивильный лист князь, равенство граждан перед законом, организация административной и судебной системы, школьного образования, почтовой, пожарной, медицинской службы, появление национальной армии, образование совета министров, введение ежегодных бюджетов, уничтожение внутренних таможен и многое другое.

Тянули назад, к феодализму, положения регламентов, предоставлявшие власть в княжествах боярскому сословию и продиктованные им статьи о землепользовании и обязанностях крестьян перед помещиками. Но все же важным и существенным в регламентах было то, что звало вперед, запечатлевалось в законах и медленно и мучительно трудно воплощалось в жизнь даже после их формальной отмены, а преходящим и временным — то, что пыталось законсервировать старое и отжившее.

Теневые стороны режима Органических регламентов проявились вполне четко в первые же годы. Вся полнота власти сохранилась за феодалами-боярами, которые и не думали о переводе своих хозяйств на капиталистические рельсы. Они не располагали для этого ни желанием, ни необходимыми средствами, на их полях по-прежнему гнули спины барщинные крестьяне. Выжатые с крестьян деньги потоком шли в обход производственной сферы. Боярская элита жадно схватывала «вершки» западной цивилизации, а не ее «корешки», усваивая внешние формы и не обращая внимания на глубинную ее суть. В 20-е и особенно в 30-е годы происходило быстрое приобщение к европейской моде, бояре расставались с дедовской бородой, кафтаном и высокой шапкой, знаком достоинства, и обряжались во фраки, сюртуки

¹⁵ Гросул В. Я. Указ. соч. С. 312, 315, 320.

и узкие панталоны. Стремление избавиться от предрассудков и догмат в моде Запад приводило к расходам, которые предкам не снились. В сельской местности вместо прежних сравнительно скромных родовых гнезд воздвигались изящные виллы, в городах — роскошные особняки. Российские офицеры, возвращавшиеся в яском и бухарестском «свете», поражались царившей расточительностью: «Богатые обои, драпри, ковры, трюмо, зеркала, новомодная мебель красного или палисандрового дерева наполняют все комнаты и часто стоят многих тысяч червонцев». Это — свидетельство такого сухого по своей природе источника как «Военно-статистическое обозрение», коему противопоказано впадать в преувеличение¹⁶. А на другом полюсе — застывшая в убожестве и безграмотности деревня. Ее обитателям было не до моды, абы прикрыть тело. Как и века назад, царан носил некрашеную домотканую рубаху и порты, сермягу, зимой — тулуп, на голову — баранью шапку-качулу, на ногах — опинки, род лаптей из сыромятной кожи.

* * *

Укрепление автономии княжеств, и вместе с нею — безопасности купцов и их товаров, стабильный рост народонаселения, свобода торговли с зарубежьем при растущем спросе на зерно на европейском рынке создали предпосылки для рывка в экономике. За двадцать послевоенных лет площади запаханных земель возросли в Молдавии в 2,7 раза (с 278 до 744 тыс. га). Впечатляют цифры роста внешней торговли княжеств. Зерна было вывезено в 1831 г. на 25,6 млн лей, в 1850 — на 76 млн. Весь экспорт из Валахии увеличился с 21,5 млн лей в 1835 г. до 64,5 в 1844-м. Но зерновое производство развивалось прежде всего в помещичьих хозяйствах. Так, в Молдавии площадь под хлебами в них увеличилась в 1829–1846 гг. на 386 %, а у крестьян — всего на 14 %. Производство ориентировалось прежде всего на экспорт, а не на внутреннее потребление.

Стремительно росли портовые города. В Галаце за 7 лет (1834–1841 гг.) было построено 1400 домов, а его население удвоилось. В начале сороковых у его причалов ежегодно швартовалось до 800 судов, в дальнейшем их число превысило тысячу. С Галацем состязалась валахская Браила. Располагаясь выше по течению Дуная, она была недоступна для маломаневренных морских парусных кораблей. Но в 1837 г. в ее гавани бросил якорь пароход, и Браила превратилась в морской порт¹⁷.

¹⁶ Военно-статистическое описание государств и земель, прилежащих к Российской империи. Княжество Молдавия. СПб., 1853. С. 69–71.

¹⁷ Adam I., Marcu N. Studii despre dezvoltarea capitalismului in Romania. Buc., 1956. P. 10–11, 26, 8; Istoria Romaniei. V. 3. P. 975.

Промышленное производство развивалось куда медленнее сельского хозяйства, и ремесло в нем доминировало. В 1850 г. в Валахии насчитывалось 6400 мастерских, из которых лишь 72 относились к тем, которые можно было отнести к разряду крупных. Только 2470 хозяев держали подмастерьев, иными словами на одно предприятие в среднем приходилось менее половины наемного работника. В статистике появился термин «фабрика», но в большинстве случаев за ним скрывалась мануфактура или мастерская. Некоторые винокурни, мельницы, табачные и макаронные предприятия и сукновальни обзавелись паровыми машинами¹⁸.

Крупное производство на ручной основе и конной тяге существовало при добыче соли (которая являлась государственной монополией); кустарным способом добывалась нефть, использовавшаяся для отопления или перерабатывавшаяся в мазут. Существовавшая с прошлого столетия в Галаце верфь была расширена, сооружаемые на ней суда плавали под молдавским флагом. Но в целом в экономике княжеств продолжало доминировать сельское хозяйство.

Политическая жизнь в Молдавии и Валахии протекала бурно, ничего похожего на стабильность на основе только что обретенных законов не произошло, все фигуранты на общественной арене ссорились со всеми. В 1834 г., в связи с выводом российских войск Высокая Порта и самодержавие по взаимному согласию и в порядке исключения назначили господарем в Молдавии Михаила Стурдзу и в Валахии Александра Гику, оба принадлежали к знатнейшим фамилиям. В процессе хлопот по получению должности и инаугурации оба порядком издержались и решили возместить потери, повысив на время подоходный налог (капитацию), однако в новых условиях на это требовалось согласие общественных собраний, которого удалось добиться с большим трудом. Склонность князей к самовластью встречала отпор со стороны магнатов, начались обращения в Стамбул и Петербург с требованием соблюдения законов, благо было жаловаться на что.

В боярской среде усиливалось брожение. Носители этого звания второго класса требовали уравнивания в правах с «великими», опираясь на принцип равенства граждан перед законом. Происходили немаловажные социальные сдвиги. Торговцы, лица свободных профессий, зажиточные ремесленники стремились проникнуть в боярскую среду, что, имея деньги, было нетрудно, молдавский князь М. Стурдза чуть не в открытую торговал званиями. Проникая в ряды привилегированных, пришельцы приносили с собой идеи разночинцев, боярское сословие раскалывалось. С другой стороны разрастался конфликт отцов и детей. Отпрыскам первых фамилий, получившим образование во

¹⁸ Adam I., Marcu N. Studii despre dezvoltarea capitalismului in Romania. Buc., 1956. P. 10–11, 26, 8; Istoria Romaniei. V. 3. P. 958–962.

французских и других зарубежных университетах и набравшимся там преобразовательных идей, порядки дома представлялись диковатыми. Так что очагов тревоги образовалось немало. А «внизу» — беспокойная масса крестьянства.

А. Гика в Валахии сразу столкнулся с недовольством и в «верхах», и в «низах». 1834 год выдался засушливым и неурожайным, нависла угроза голода, пришлось ввозить зерно из Турции и Одессы, крестьяне распродавали задешево скот. А тут почти на треть вырос подоходный налог по причине больших трат князя при назначении его на должность и прочих излишеств. Гика назначил министрами двух своих братьев, укрепив депутатов в мысли, что он собирается забрать всю власть себе. Дебаты в Диване по финансовым вопросам выливались в яростную перепалку правительства с оппозицией. Либеральное течение в княжестве во главе с И. Кымпиняну обзавелось легальным фасадом в виде Филармонического общества, форума поклонников музыки Полигимнии. Фактически возглавляемая им Национальная партия представляла кружок заговорщиков. В 1838 г. она издала манифест, призывая к объединению Молдавии и Валахии с наследственным принцем на троне (подразумевался И. Кымпиняну), и «освобождение» крестьян без земли. За свою подрывную деятельность Кымпиняну поплатился заключением в монастыре.

Знамя протеста подхватило движение во главе с Д. Филипеску с участием в нем бояр, буржуа, торговцев, военных, учителей, журналистов, адвокатов. Заговорщики собирались воспользоваться турецко-египетской войной для свержения А. Гики и освобождения как от власти Турции, так и от царского протектората. В плане социальном предусматривалась отмена Органических регламентов, наделение крестьян землей за выкуп, отмена сословных привилегий, ликвидация боярского сословия. Средство достижения цели — вооруженное восстание. Измена помогла правительству раскрыть заговор, его участников отправили на каторгу.

В 1842 г. неудачей закончилась еще одна конспирация с участием проживавших в Молдавии болгар и греков. Конспираторы хотели, собравшись в Браиле, поджечь здания казармы и, воспользовавшись паникой, захватить оружие, переправиться на правый берег Дуная и поднять там широкое восстание. Правительству удалось пресечь акцию в зародыше, схватить и арестовать ее главарей.

Доверие к А. Гике двух дворов иссякло, и его сместили с трона. На смену ему, и путем выборов, пришел Г. Бибеску, который приложил руку к свержению своего предшественника как один из руководителей оппозиции. Новый принц, человек образованный, получивший в Париже диплом юриста, прекрасный оратор, обладал характером импульсивным, тщеславным и мстительным. Сохранить добрые отношения с бывшими единомышленниками в оппозиции ему не удалось, те дружно образовали против него фронт. В поводах для конфликта не-

достатка не ощущалось — князь, богатейший латифундист, то зарился на земли свободных крестьян, то на монастырские угодья, стремясь наложить на них руку.

Февральской ночью 1843 г. на заброшенном винограднике у Филаретова поля в Бухаресте состоялась сходка молодых людей, образовавших общество Фрээие (Братство), глубоко законспирированное по образцу итальянских карбонариев. В числе его программных требований значилось: объединение княжеств, отмена Органических регламентов, ликвидация привилегий боярства, освобождение крестьян от барщины и наделение их земель за выкуп. Появилась и важная новинка — прекращение протектората России при сохранении сюзеренитета Турции¹⁹. Заговорщики рассчитывали вбить клин между двумя дворами, обещая верность Высокой Порте. Что из этого вышло — см. в следующей главе. В девизе общества — «Справедливость, братство» — явно ощущалось влияние французской революции. Органические регламенты рассматривались как правовое прикрытие власти крупного боярства, сословия, подлежащего уничтожению: в «крестьянском пункте» отразились взгляды революционного демократа Н. Бэлческу; предусматривалось наделение крестьян землей, но не существовала и «фигура умолчания» — пути освобождения селян и размеры выкупа не определялись. Здесь предстояла борьба.

Легальным прикрытием Фрээие служила Литературная ассоциация. Ее эмиссары разъезжали по Валахии, Молдавии и появлялись даже в Трансильвании и под покровом забот о создании единого литературного языка и сохранения памятников старины налаживали связи и взаимодействие единомышленников.

В Молдавии дворы Стамбула и Петербурга назначили на престол в 1834 г. Михаила Стурдзу, человека широко образованного, красноречивого оратора, знакомого и с французской классикой, и с древнеримской поэзией, слывшего адептом идей Просвещения. Он принимал участие в выработке Органических регламентов. Молдаванам, однако, пришлось познакомиться и с другими чертами его многогранной натуры — властолюбием и безграничной алчностью. Государство он поставил на службу своему семейному клану, через подставных лиц добивался отторжения земель у резешей и монастырей земли, брал на откуп доходы с таможи и соляных промыслов и продавал боярские звания. Однако боярство ценило его как упорного и умелого стража сословных привилегий; по отношению к самодержавию он проявлял демонстративную покорность и продержался на престоле до 1849 года.

Несмотря на несомненно присущие Стурдзе качества политического борца, обуздать оппозицию он не сумел, однако выступала она ра-

¹⁹ Джанапидзе Э. А. Общественно-политическое движение в Дунайских княжествах. М., 1991. С. 147–153.

зобщиено и малоэффекивно. В Диване он сталкивался с сопротивлением бояр первого класса, считавших себя равней принцу и претендовавших на большее участие во власти. Ее лидеры сами мечтали о троне и соперничали друг с другом. Недовольство самоуправством господаря выражали и депутаты, принадлежавшие к боярству второго и третьего ранга, которые стремились уравниать себя в правах с «великими», и потому общего языка с ними не находили, те же смотрели свысока на «отпрысков мясников и кабатчиков», отцы которых приобрели боярский кафтан за деньги. Самое большее, на что оказались способны эта оппозиция, — это участие в так называемом конфедеративном заговоре Леонте Раду (1839 г.). Программа заговорщиков выглядела путаной и противоречивой. Предполагалось достичь объединения Молдавии, Валахии и Трансильвании в достаточно аморфную конфедерацию наподобие Германского союза, введение свободы печати, отмена рабства цыган, пересмотр отношений между крестьянами и помещиками (без конкретизации), создание условий для развития промышленности и торговли и наряду с этим — концентрация всей власти в руках боярства, превращенного в наследственное дворянство²⁰.

Гораздо более серьезное значение имела Патриотическая ассоциация (1846 г.), ядро которой составляла молодежь, получившая образование на Западе и вернувшаяся оттуда во власти преобразовательных замыслов. В программе ассоциации имелся пункт о распространении налогообложения на помещиков, что означало отмену важнейшей привилегии боярства. Организация замышляла военный переворот. Полиция не дремала, главари заговора были схвачены, брошены в тюрьму или высланы из страны. Так что накануне революции 1848 года оппозиционное движение в Молдавии было организационно обезглавлено.

* * *

Несмотря на скромные размеры и заговорческую тактику движения, оно знаменовало конец просветительского этапа в развитии общественной мысли, «чистые просветители» исчерпали свои функции — осудили деспотизм, вселили веру в знания, вызвали к жизни «образ прошлого», приковали внимание к общности происхождения молдаван и валахов, положили начало духовному объединению двух народов, поставили задачу унии княжеств и образования единого Румынского государства. Все сказанное относится к узкой прослойке образованной части общества, в среде которой понятие «румынский» вытесняло прежние представления — «молдавский» и «валахский». В 30-е годы

²⁰ Джапаридзе Э. А. Общественно-политическое движение в Дунайских княжествах. С. 122–127.

• были заложены предпосылки политического и государственного объединения. Национальная идея представлялась основой в этом процессе, она стирала различия во взглядах унионистов — либералов, радикалов, консерваторов, позволяла откладывать «на потом» решение кардинальных социальных вопросов, создавать единый фронт патриотических сил против внутренней реакции

А за спиной у господарей стояло самодержавие. Российские консулы недреманным оком следили за каждым их шагом, настаивали на преследовании революционеров и оппозиционеров, всякое изменение в Оргрегламентах могло производиться только с санкции Петербурга и Стамбула. Общественное мнение стало ассоциировать регламенты с крупнобоярским правлением. Набросить узду на живую человеческую мысль ни внутренней, ни внешней реакции не удалось — в 1831–1848 гг. в княжествах появилось 96 проектов их государственного преобразования, и образцы для подражания заимствовались на Западе.

История сыграла злую шутку с самодержавием, стремившимся установить на Балканах свою гегемонию, пусть даже в опосредствованном виде, с опорой на местные консервативные силы. Опора оказалась гнилой или по меньшей мере загнивающей. Крупнопомещичье сословие, цеплявшееся за феодальные устои и свои привилегии, было обречено на уход с правительственной арены, и никакая протекция из-за рубежа была не в силах этому воспрепятствовать. Различались лишь варианты и хронологические рамки процесса. Ориентация на Россию сменилась ориентацией на Запад. Русский медведь сделал свое дело — укрепил их автономию, и они устремились к манящим их ценностям. Ну, а историкам оставалось облагородить объяснявшиеся земными и корыстными мотивами явления, заявляя о неумной страсти Топтыгина к захватам, терзавшей его, видимо, даже во время зимней спячки.

В 40-е годы на политическую арену вступило новое поколение — молодежь, учившаяся в западных, прежде всего французских университетах, вооруженная опытом мятежной «латинской сестры». Наметился переход от заговорщической тактики к систематической подготовке революции. Возникли два центра — Фрэзии в Бухаресте (1843 г.) и Общество румынских студентов в Париже (1845 г.) Оставалось ждать сигнала.

Яссы и Бухарест — последние рубежи революции 1848 года

Революция 1848 года встретила слабый отклик в Юго-Восточной Европе. Глубоких внутренних предпосылок для ее распространения здесь не существовало, национальная буржуазия, ее естественный лидер, пребывала в младенческом состоянии, княжества и земли пожинали блага Адрианопольского мира, сербы, греки, румыны были заняты трудоемким государственным строительством, болгары извлекали выгоды, и немалые, из реформ Танзимата и были поглощены решением национальных задач, поисками новых форм освободительной борьбы, а не сведением счетов со своей элитой. Никакого взрыва негодования против «собственных» угнетателей не произошло. Всяк стремился воспользоваться обстановкой, создавшейся в охваченной революцией Европе, для решения своих дел. В Сербии оживились планы объединения национальных земель, и в отличие от Начертания 1844 года помыслы распространялись и на сородичей, проживавших в Австрии: а вдруг Габсбургская монархия рухнет, и тогда подбирай ее осколки. Но правительство держалось в высшей степени осторожно, и князь Александр Карагеоргиевич получил в награду от султана чин мушира (маршала), а от Николая I орден Белого орла за то, что сумел «оградить свою отчизну от соблазна соседних смутений».

Парижский кабинет от балканцев с их освободительными порывами отвернулся, выступал за целостность владений султана, предписал консулам не поднимать в торжественных случаях иного знамени, кроме знамени Османской империи. Дипломатия второй республики утверждала, что христианские народы Турции «еще не достигли совершеннолетия» и тем более не заслужили независимости. Нет поэтому причин приписывать все происходившие в то время волнения (вроде восстания на северо-западе болгарских земель в 1850 г.) воздействию революционного Запада. В целом, по оценке российского внешнеполитического ведомства, европейские потрясения «не нарушили в турецкой области, населенной болгарами, повиновения законной власти»¹.

¹ Международные отношения на Балканах (1830–1856). М., 1990. С. 239.

Треки в 1843 г. навязали королю Оттону конституцию, несколько ограничившую его власть; поскольку монарх с ней не смирился, в стране происходили выступления в защиту основного закона (в том числе и в гарнизонах отдельных городов). Местом серьезных волнений стали Ионические острова, входившие в состав Британской колониальной империи, которые в общую схему событий 1848 г. совершенно не влезают. Островитяне пользовались большими гражданскими правами, чем жители какого-либо другого балканского уголка. На островах существовала развитая система образования, увенчанная академией, действовали политические клубы, признавалась свобода печати. Но ионийцы стремились к энотизму — воссоединению с более отсталой и бедной Грецией, и отсюда — вооруженное сопротивление власти передовой Великобритании, причем нешуточное — два восстания на острове Кефаллония были жестоко подавлены.

События 1848 года в Дунайских княжествах, и прежде всего в Валахии, и по масштабу, и по глубине, не сравнимы с теми, о которых мы писали выше, их связь с французской революцией несомненна, а застрельщиком и лидером движения выступала молодежь, учившаяся или прошедшая обучение в западных университетах, восторженная поклонница царивших там порядков, обуреваемая желанием перенести их на родину.

Корифей старой румынской историографии, А. Ксенопол и Н. Йорга, отзывались о 1848 годе в Валахии уничижительно: «студенческая молодежь подверглась революционной заразе», ее представители «оторвали от почвы идеи французской революции», ибо на родине «не существовало ни внутренней, ни внешней базы для нового порядка вещей»².

В социалистической Румынии революция связывалась со всем предшествовавшим развитием страны, провозглашалась буржуазно-демократической и считалась частью охвативших Европу процессов³. С тех же позиций подходила к проблеме отечественная историография. На общей волне плыл и автор сих строк, правда, по мере углубления в сюжет оценки становились все скромнее⁴.

В современной Румынии 1848 год трактуется без прежнего восторга, исчезло бывшее стальное единство взглядов, появляются отдельные критические замечания (например, о низком уровне революционной активности в Молдавии). Высоко чтимый в стране американский историк румынского происхождения Раду Флореску низводит революцию с пьедестала — убогий баланс в аграрной сфере, пустая болтовня, ни-

² Xenopol A. D. Istoria romanilor din Dacia Traiana. Ed. 3. V. 11. P. 48; Iorga N. Istoria romanilor. V. 9. P. 131, 154.

³ Istoria Romaniei. Buc., 1969. P. 299.

⁴ Виноградов В. Н. Дунайские княжества и Трансильвания. Задачи освобождения и объединения // Европейские революции 1848 г. М., 2001.

каких значительных свершений, и даже при уходе со сцены пашоптисты («люди 48-го года») не сумели с достоинством удалиться: «В момент сдачи — ни малейшего жеста неповиновения, а позорное бегство»⁵.

Валашская модель революции чрезвычайно трудна для общей оценки — широковещательный замысел, буржуазно-демократическая программа и крах всех начинаний. Ни начало ее, ни конец не могут служить точкой отсчета для выводов; очевидно, их следует делать с учетом накопленного опыта и почти поголовного перехода «людей 48-го года» на позиции реформизма.

* * *

Февральская революция встретила в румынской студенческой среде в Париже живейший, хотя и не однозначный отклик. Большинство отнеслось к ней восторженно, однако при обсуждении в союзе студентов приветственного адреса правительству обозначились разногласия, консервативное меньшинство выступило против. Все же встреча молодежи из далекого дунайского края с министром иностранных дел, знаменитым поэтом А. Ламартином состоялась. Он выразил сочувствие их чаяниям. Воодушевленные примером «латинской сестры», юноши не обратили внимания на то, что никаких конкретных обещаний о помощи собеседник им не дал и ограничился душевными излияниями. Они впали бы в уныние, если бы знали, что тот же Ламартин в беседе с российским послом Н. Д. Киселевым отрешивался от всякого покровительства румынам.

Расхождения обнаружились и среди революционно-настроенной части землячества — выступать ли немедленно или подождать поддержки французских братьев⁶. Весть о событиях в Молдавии застала эмиграцию врасплох.

27 марта (9 апреля) 1848 года в яссской гостинице «Петербург» собралось около тысячи человек — бояр, купцов, ремесленников, учителей. После оживленного обсуждения они приняли Петицию-прокламацию для вручения князю Михаилу Стурдзе. Она начиналась с призыва неукоснительно соблюдать Органический регламент — иными словами, придерживаться закона. В документе выражались пожелания гарантии неприкосновенности личности, отмены цензуры и телесных наказаний, введения ответственного министерства, преобразования школы, создания национальной гвардии, освобождения политических заключенных, и в общей форме, без всякой конкретики — об улучшении участи крестьян. Обращение к Оргрегламенту свидетельствовало

⁵ История Румынии. М., 2005. С. 448; Florescu R. Essays on Romanian History. Iasi etc. 1999. P. 218–219.

⁶ Stan A. I. C. Bratianu. Un promoter al liberalismului in Romania. Buc., 1993. P. 37.

о том, что собравшиеся никаких основ сокрушать не собирались. Реформационная струя ощущалась в Прокламации явственно и была направлена на обуздание деспотического и коррупционного режима Стурдзы и проведение некоторых преобразований буржуазно-демократического толка. Ее умеренность обычно связывают со слабостью буржуазной прослойки в княжестве, «акулы капитала» были представлены здесь главным образом австрийско-подданными евреями, находившимися под консульской юрисдикцией. Следует упомянуть и личностный фактор — молодые энтузиасты-студенты не успели приехать из Парижа и разжечь молдавские сердца.

М. Стурдза принял было почти все пункты Прокламации, но, оправившись от испуга, быстро расправился с оппозиционерами, некоторых удалось схватить, другие бежали за рубеж. Но искоренить недовольство его режимом, чреватое открытым взрывом, не удавалось, и господарь обратился с просьбой ввести в княжество царские войска.

По установившемуся в советское время убеждению, Николай I являлся неким злым гением реакции, готовым сразиться с революционной гидрой, где бы она ни появилась. Это представление не соответствовало действительности. На Россию в 1848 г. обрушились все мыслимые беды — засуха, неурожай, пожары в десятках городов и сотнях сел, эпидемия холеры. Нехватка денег не позволяла даже думать о походе на Париж: «Не знаю, право, как вывернуться из сметы; теперь уж не досчитывается более десяти миллионов! Ужасно!», — жаловался царь в письме фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу. Партнеры по защите охранительных устоев, прусский король Фридрих-Вильгельм IV и австрийский кайзер Фердинанд с трудом удерживались на тронах под натиском верноподданных. Правда, из Парижа, от посла Н. Д. Киселева пришла успокоительная весть — Ламартин клялся, что кабинет не собирается поощрять ни польских, ни венгерских, ни румынских смутьянов, со второй республикой не пришлось даже рвать дипломатических отношений. Здравомыслием, самодержавие решило перейти к глухой обороне — «оставаться в оборонительном, почти кордонном состоянии *sur se qui vive*, обращая самое бдительное внимание на собственный край, дабы все попытки дома укрощать в самом начале». Защищаться от натиска революции собирались на рубеже реки Висла. Однако эта акция сопровождалась крикливыми угрозами поразить мятеж всеми силами и средствами, и европейская общественность пребывала в тревоге.

Обращение М. Стурдзы за поддержкой Николай встретил с беспокоем («не убежден я в сей необходимости опасаясь больших затруднений»)⁷. Царю очень не хотелось бросать тень на свой лик покровителя православных. Но произошло нечто невиданное и неслыханное: российские войска переправились через реку Прут и вступили в Молдавию без его приказа, а по вызову встревоженного генерала

⁷ Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. СПб., 1899. Т. 6. С. 231, 233.

А. Дюгамеля, посланного в Яссы для наблюдения, которому повсюду мерещились заговоры. Исправный служака, генерал Герстенцвейг, командовавший вступившим в Молдавию отрядом, решив, что он нарушил волю императора, пустил себе пулю в лоб.

В самой Молдавии движение в революцию так и не переросло, однако его неудача позволила извлечь уроки на будущее. Михаил Когэлничану — мыслитель, историк, журналист, педагог, парламентский оратор и политический боец, — будучи в эмиграции, взялся за перо. Он написал программный документ «Пожелания национальной партии в Молдавии». Автор твердо стоял за эволюционный, а не революционный путь развития страны: «Молдаване — не мятежники и ни с кем не борются». Будучи умеренным либералом, Когэлничану представил выработанную им программу преобразований как возвращение к прошлому: «Мы желаем вернуться к учреждениям, родившимся на нашей земле, которыми мы обладали в течение пяти веков и которые мы желаем лишь приспособить к знамениям и потребностям эпохи». Старину он сильно идеализировал, в действительности предложенная им программа реформ означала не возврат к прошлому, а ломку сохранившихся в обществе феодальных устоев и введение прогрессивных порядков и институтов. Она предусматривала широкую автономию княжеств, равенство жителей в политических и гражданских правах, отмену рангов и привилегий, несменяемость судей, свободу культов, избрание князя «из всех состояний общества», бесплатное образование, неприкосновенность жилища. В Пожеланиях говорилось о борьбе с коррупцией, поощрении промышленности и торговли. Не обошел вниманием Когэлничану и «обитателей сел», дав резкую, разящую характеристику их безысходного положения. В программу был включен пункт об отмене барщины и наделении селян землей за выкуп. Пожелания завершались призывом к объединению Молдавии и Валахии, к созданию Румынского княжества, способного обеспечить гармоничное развитие страны и отстоять ее от поползновений из-за рубежа⁸.

Совсем по иному развивались события в Валахии, горький опыт молдавских единомышленников был учтен, из Парижа успел прибыть революционный десант. Общество Фрэции тщательно готовило выступление. Правда, в его рядах обнаружились расхождения: Н. Бэлческу настаивал на участии в нем армии и быстрейшем решении аграрной проблемы, просветитель И. Элиаде-Рэдулеску и три брата Голлеску стремились «воспрепятствовать подстрекательским средствам, ультрарадикальным реформам и воинственному энтузиазму» некоторых членов общества Фрэции.

9 (22) июня в селе Ислаз на западе Валахии И. Элиаде зачитал перед толпой крестьян и выстроившейся ротой солдат прокламацию, содер-

⁸ Cornea P., Zamfir M. Gindirea romaneasca in epoca pasoptista. Buc., 1969. P. 67–68; Anul 1848 in Principatele Romane. Buc., 1902. V. 4. P. 89–138.

жавшую программу преобразований. В ней говорилось об административной и законодательной независимости Валахии (т. е. ее автономии), отмене боярства, равенстве граждан перед законом, свободе слова и печати, создании национальной гвардии, бесплатном обучении детей до 12-летнего возраста, о «прямых, свободных и широких выборах» в Учредительное собрание, избрании господаря на 5 лет (превращавшегося по сути дела в президента республики). Пункт 13-й обещал крестьянам отмену барщины и предоставление им земли за выкуп⁹. Священник Радуду Шапкэ произнес проповедь, в которой призвал Бога избавить народ от «произвола клаки» (барщины). Это было ясно и понятно, и крестьяне приветствовали манифест. 11 (23) июня колокола зазвенели в Бухаресте. Заботами общества Фрэзии выступление было подготовлено. Толпа народа (ремесленники, торговцы, школяры, крестьяне окрестных сел) двинулась ко дворцу. Ни войска, ни полиция сопротивления не оказывали. Господарь Георге Бибеску безропотно подписал Ислазскую прокламацию, превратившуюся в конституцию страны. Пашоптисты, как звали «людей 48-го года», проявили готовность сотрудничать с представителями прошлого; главой временного правительства, по сану, стал митрополит Неофит, на посту военного министра остался полковник И. Одобеску, явный реакционер.

Вскоре начались неприятности. Господарь Г. Бибеску, поразмыслив, уехал в соседнюю Австрию, лишив революцию важного легального прикрытия. Одобеску с помощью другого полковника, И. Соломона, арестовал своих коллег по кабинету. Возмущенные жители ворвались в казарму и освободили содержащихся там министров. Солдаты не стреляли. 28 июня (10 июля) в Бухаресте распространился слух о близком вторжении царских войск, насквозь фальшивый, царь Николай не думал тогда о подобной операции, в письме к И. Паскевичу он делился с ним своими мыслями: «Укротив мятеж в Молдавии, я хочу воротить войска и ни в коем случае не переходить через Серет и не вступать в Валахию». Но у страха глаза велики, революционеры ударились в бег и скрылись в Карпатах. Бегство произвело глубокое впечатление в Зимнем дворце: пустой слух породил у вождей «панический страх», «дух мятежа» в массы не проник. В МИДе уверовали в поверхностный характер движения и решили, что справиться с ним будет нетрудно. Р. Флореску именует поспешное «удаление в горы» трагикомедией, уникальной в истории современного революционного движения¹⁰.

В Бухаресте экскурсия министров в Карпаты незамеченной не прошла. Коварный иерей Неофит поздравил жителей с восстановле-

⁹ Anul 1848 in Principatele Romane. Buc., 1902. V. 1. P. 490–501; перевод Н. Попеску-Доряну: Революция 1848 г. в Румынии и Н. Балческу. М., 1950.

¹⁰ Щербатов А. П. Указ. соч. С. 237; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Главный архив. V-A4. 1848. Д. 1. Л. 118, 124; Florescu R. Op. cit. P. 222.

нием «порядка». И снова народ вмешался в события и сверг назначенную было новую власть в лице двух наместников-бояр.

Вернувшись из бегов, пристыженные министры приступили к преобразованиям. Правительство отменило боярские звания и связанные с ними привилегии, смертную казнь и телесные наказания, рабство цыган, провозгласило свободу слова, собраний и печати, предоставило гражданские права «иноверцам», прежде всего евреям, постановило создать добровольческий корпус нерегулярных войск под командованием Г. Магеру. Особые комиссии приступили к подготовке реформ в области просвещения, финансов, администрации, суда, налогообложения, промышленности и сельского хозяйства. Но тяжелее и мучительнее всего шло решение вопроса о земле, больше всего интересовавшего деревню. А промедление здесь было смерти революции подобно. Между тем правительство, заботясь об уборке урожая, призвало «братьев-крестьян» еще три месяца работать на помещиков и уповать на Учредительное собрание. Комиссия на свое первое заседание собралась лишь 9 (21) августа и сразу зашла в тупик: «братья-помещики» мертвой хваткой вцепились в землю. Деревня утратила к революции интерес, социальная опора ушла у власти из-под ног.

Между тем угроза вторжения турецких войск нарастала. Отчаянные призывы пашоптистов к Франции — «вся наша надежда на вас, нашу вторую родину», — отклика не встретили. Идея братского союза народов плодов не принесла, хотя эмиссары временного правительства хлопотали и в Вене, и в Пеште, и во Франкфурте-на-Майне, где заседал сейм Германского союза. Большие надежды давала, как представлялось многим, игра на вполне реальных противоречиях между Стамбулом и Петербургом. Правительство пыталось избавиться от протектората самодержавия, опираясь на поддержку Высокой Порты. Поэтому идея объединения двух княжеств, встречавшаяся в штыки двором сюзереном, не фигурировала ни в одном официальном документе, а все беды страны приписывались ее зависимости от царизма. В Стамбуле были не прочь воспользоваться «смутой» в Валахии и русофобией пашоптистов, чтобы подорвать позиции самодержавия в регионе. Сходные позиции занимала и западная дипломатия. Царю же не хотелось портить репутации покровителя христиан продавлением православного народа. Ведомство К. В. Нессельроде намекало туркам, сколь опасно выпускать из бутылки революционного джина. Зрело поразмыслив, те пришли к тому же выводу — валашское освободительное движение рано или поздно выйдет за локальные рамки и обратится против османского владычества. Пора улыбок миновала. 19 (21) июля Сулеман паша переправил 20-тысячный корпус войск через Дунай и занял Джурджу. На робкий протест временного правительства он не обратил внимания, приказал тому самораспуститься, что и было немедленно осуществлено. Он подверг чистке текст кон-

ституции, вычеркнув из него неугодные Высокой Порте пункты, в число которых попал и 13-й (о наделении крестьян землей). А в Стамбуле ее отправили в долгий ящик. В княжество прибыл новый турецкий комиссар Фуад эфенди. В Траянов лагерь (уезд Вылча) явился секретарь британского консула и уговорил генерал Г. Магеру распустить собранные там нерегулярные войска (по сути дела плохо обученных ополченцев). В начале сентября турецкая армия подступила к Бухаресту и расположилась в Котроченах. Фуад зачитал явившимся к нему делегатам прокламацию, в которой революция именовалась «мятежом, порожденным духом коммунизма», против которого обратилась «вся Европа», и объявил о восстановлении режима Органического регламента¹¹. 13 (25) сентября подошедшие к городским заставам войска были встречены многочисленным народом. Кавалерия прорвалась через толпу, раздавая удары саблей направо и налево, причем не только плашмя. Оказавшая сопротивление рота пожарных погибла почти целиком. Бухарестская полиция сопротивления не оказала.

В столице Фуад пригласил к себе митрополита — иной власти он не признавал. В обращении «К боярам и жителям Валахии всех классов» он объявил, что прибыл «как посланец мира», чтобы передать им «распоряжения их законного суверена», а сопровождающая его армия «призвана защищать и укреплять законный порядок». Пашоптисты, в трактовке Фуада, посягнули на права, которые Высокая Порта по своей милости предоставила княжеству. Оказались нарушенными и политические интересы России, которые султан, опять-таки по заверению Фуада, заботливо опекал¹².

Самодержавие, однако, сочло нужным самому проявить заботу о своих интересах. 15 (27) сентября царские войска перешли молдавовалашскую границу. Турки встретили их «с видом покорности судьбе», но протестовать не посмели. К. В. Нессельроде оказался прав — ни малейшего сопротивления они не встретили «Новая республика, — делился впечатлениями офицер из корпуса А. Н. Лидерса, — составленная из самого малого числа заговорщиков, уступила нам честь и место без боя... Прежний порядок был водворен без усилий». Российский комиссар А. Дюгамель пригласил к себе валашских офицеров и отчитал их за то, что те стакнулись с мятежниками. Должное раскаяние было проявлено¹³. Встречающееся в румынских работах упоминание о причастности российской армии к жестокостям оккупации отечественные материалы не подтверждают. Корпус занял в Валахии наблюдательную позицию ввиду грозного нарастания революции в Венгрии. Другой его задачей являлось не допускать полного хозяйничанья

¹¹ Istoria Romaniei. V. 4. Buc., 1968. P. 109.

¹² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1848. Д. 839. Л. 2, 4.

¹³ Там же. Д. 43. Л. 80, 105; Stan A. Op. cit. P. 44.

турок в княжестве и умаления здесь влияния официальной России. В 1849 г. союзники-соперники подписали Балта-Лиманскую конвенцию, восстановив в княжествах режим Оргрегламентов и несколько ограничив их автономные права (срок правления господарей сокращался до шести лет, диваны при них составлялись только из крупных бояр).

Фуад эфенди соединял в одном лице качества жесткого карателя и способного администратора, и свою задачу усматривал в том, чтобы насколько возможно подорвать в Молдавии и Валахии российские позиции. Он уверял бояр, что Высокая Порта и единолично способна навести в них «порядок». Он допускал проведение отдельных реформ, позволил некоторым эмигрантам вернуться на родину, установил контакты с бывшими пашоуптистами и использовал их в администрации: «Через 10 лет в княжествах не будет и речи о русских», — заметил он, и во многом оказался прав. «Русская партия» в Молдавии и Валахи постепенно сошла почти на нет¹⁴.

* * *

Валашская революция осталась незавершенной. Увлечь за собой темную, почти поголовно неграмотную крестьянскую массу, поглощенную заботами о хлебе насущном, лозунгами о гражданском равноправии и свободе печати невозможно. Социальной почвы для насаждения в княжествах западноевропейских порядков, действительно, не существовало. На наш взгляд, чрезвычайно метко охарактеризовал движение американец К. Хитчинс, соавтор вышедшей в Бухаресте «Истории Румынии», назвав его «революцией интеллектуалов»¹⁵. Они потерпели неудачу по причинам не только внешним, но и внутренним, общество не было готово к осуществлению предложенной программы преобразований. Но они поставили задачи на будущее. В этом их заслуга и значение 1848 года в истории страны. «Революция переместила ось нашей жизни с Востока на Запад», — писал известный социолог Е. Ловинеску¹⁶. Неусыпный надзор Николая I над княжествами прекратился. Западное влияние в них стало господствующим.

Пашоуптисты, за очень малым исключением, перешли на позиции реформизма (и можно ли их после этого именовать «людьми 48-го года»?) Революция знаменательна не своими свершениями, а своим опытом. Она предопределила путь Румынии на десятилетия — ориентацию на Запад, отказ от быстрой и решительной ломки феодальных отношений, курс на сотрудничество буржуазии с помещиками, развитие капитализма по тому пути, который В. И. Ленин назвал

¹⁴ Международные отношения... С. 219.

¹⁵ *Barbulescu M. etc. Istoria Romaniei*. Buc., 1998. P. 371.

¹⁶ *Lovinescu E. Istoria civilizatiei romane moderne*. V. I. Buc, 1925. P. 17.

«прусским», медленное, постепенное преодоление царившего прежде застоя, отставание экономического базиса от правовой надстройки, в значительной степени заимствованной из-за рубежа, собирание национальных земель путем дипломатических комбинаций. Но об этом — в главе «Румынские унионисты в стане врагов России».

Карательной акции Высокой Порты и самодержавия в Молдавии и Валахии ни одна из держав не мешала. Прусский король Фридрих Вильгельм IV, австрийский кайзер Фердинанд и сменивший его Франц Иосиф сражались с собственными подданными. Вторая республика во Франции одарила пашоптистов красноречивыми изъявлениями сочувствия, но пальцем о палец не ударила, чтобы им помочь. Великобритания не шевельнулась. Глава Форин офис Г. Д. Пальмерстон дважды, в 1848 и в 1849 г., отвечая на вопросы в Палате общин, оправдывал вступление царских войск в Молдавию и Валахию. Он выразил уверенность, что «российское правительство не имеет намерения посягать на Турецкую империю»¹⁷. Парламентарии успокоились, больше их ничего не интересовало.

Поход И. Ф. Паскевича в Венгрию и Трансильванию в 1849 г. тоже не повлек неприятностей для Зимнего дворца. Правда, в Англии общественность негодовала, а пресса публиковала обличительные статьи. Но тот же Пальмерстон разъяснил членам парламента, сколь важно для баланса сил в Европе сохранить в целости и сохранности Австрийскую монархию и, стало быть, сколь вредоносны посягательства на нее: «Все, что может прямо или даже отдаленно ослабить или искалечить Австрию, низвести ее с положения великой державы первого порядка и превратить ее во второстепенную, явится большим несчастьем для Европы». Николай I долго колебался, прежде чем принять решение об интервенции, сама экспедиция затянулась, и лорд Г. Д. Пальмерстон в разговоре с послом России бросил «случайную» фразу, которую тот поспешил передать в Петербург: «Так кончайте же скорее!» А влиятельный банк братьев Беринг предоставил российской казне заем в 5 млн фунтов стерлингов (35 млн рублей), без которого поход вообще не мог состояться. После подавления Венгерской революции Пальмерстон прислал царю поздравления, не забыв упомянуть об «умеренности и великодушии, проявленных после победы»¹⁸.

¹⁷ Parliamentary Debates. 3-rd Ser. V. 101. P. 761: V. 103. P. 1146.

¹⁸ Opinions and Policy of Viscount H. J. Palmerston. L., 1852. 481–482; Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 12. СПб., 1898. С. 254, 255; Нифонтов А. С. Россия в 1848 г. М., 1949. С. 39; см. также: Виноградов В. Н. Венгерский поход И. Ф. Паскевича: легенды и действительность // Новая и новейшая история. 2000. № 3.

Сербское княжество во время правления Милоша Обреновича и режима уставобранителей (1815-1856 гг.)

Второе сербское восстание увенчалось успехом, но Сербия по-прежнему оставалась частью Османской империи с ограниченными правами в области внутреннего самоуправления, которые не соответствовали условиям Бухарестского договора. Понадобилось еще более 15 лет непрерывных усилий сербов, при энергичной поддержке со стороны России, прежде чем Османская империя окончательно признала автономный статус Сербского княжества.

Благодаря удачному ходу восстания 1815 г. быстро усилились власть и авторитет князя Милоша Обреновича. Начался почти 25-летний период правления основателя династии Обреновичей. Надо отметить, что Сербское княжество в противоположность другим балканским государствам в ходе своего исторического развития не получило иностранную династию. Зато в княжестве возникло две отечественных династии — Карагеоргиевичи и Обреновичи. По своему происхождению оба их основателя были из крестьян. Поэтому сербские крестьяне не испытывали особого пиетета к своим князьям, они считали их выходцами из своей среды. Милош Обренович, как и Карагеоргий, был безусловно выдающимся деятелем в истории Сербии. Это был человек с корнями из турецкого периода, но волею судеб призванный строить новое сербское государство. Эта противоречивость была характерной для Милоша. Это был крупный государственный деятель, отличавшийся смелостью и здравым смыслом. В то же время он отличался деспотическими наклонностями, коварством и жестокостью.

Сам Милош не представлял себе никакого другого государственного устройства, кроме режима неограниченной власти. Став верховным правителем страны, он энергично начал укреплять свою власть. Для достижения этой цели Милош использовал все, начиная от подкупа падких на взятки турецких чиновников и кончая физическим уничтожением своих соперников. Стремясь укрепить свою власть, он

начал расправляться со своими возможными соперниками, участниками освободительной борьбы сербов. Большинство видных воевод и старейшин, активных участников двух восстаний по его указаниям было либо убито, либо посажено в тюрьму, либо выслано за пределы Сербии.

Но главную опасность для Милоша Обреновича представлял находившийся в эмиграции Карагеоргий. Летом 1817 г., при содействии греческих революционеров, Карагеоргий тайно вернулся в Сербию, но был тотчас же убит по приказу князя¹. С такой же жестокостью расправился Милош с многочисленными крестьянскими восстаниями, имевшими место за время его правления.

Главными своими задачами Милош считал признание Портой автономного статуса Сербии и наследственных прав за династией Обреновичей. На скупщине в ноябре 1817 г. он был провозглашен наследственным князем Сербии, теперь надо было добиваться признания этого Портой.

Милош Обренович не брезговал любыми средствами для накопления личных богатств. Захватив все лучшие земли и монополизировав в своих руках торговлю скотом и солью, Милош Обренович стал крупнейшим из великашей, богатейшим человеком в Сербии. Милош присваивал часть собираемых в пользу Порты налогов с населения, так как число налогоплательщиков всегда преуменьшалось².

Важнейшей предпосылкой для создания самостоятельного сербского государства была централизация системы управления, устранение сепаратизма, присущего нахийскому и кнежинскому самоуправлению. Князь Милош решительно боролся со старейшинами, желавшими оставаться полными хозяевами в своих нахиях и кнежинах, беспощадно расправлялся с непокорными. Постепенно представители местного самоуправления превратились в чиновников князя, им назначаемых и во всем ему подчинявшихся. Регулярно собирались скупщины старейшин, которые распределяли налоги. Собирались и большие скупщины для решения крупных вопросов общего характера.

Хотя Порта предоставила Белградскому пашалыку очень ограниченные автономные права, турецкие власти постепенно были устранены Милошем из участия в управлении сербским населением страны³. Административные функции и доходы белградского паши постоянно снижались.

Автократический режим Милоша Обреновича, отчасти сохранивший черты старой турецкой системы правления, умаление власти ор-

¹ Историја српског народа. Београд, 1981. Т. V–I. С. 111–112.

² Петровић М. Финансије и установе обновљене Србије до 1842. Београд, 1975. С. 648–650.

³ Историја српског народа. Београд, 1981. Т. V–I. С. 120–121.

ганов местного самоуправления, высокие налоги — все это вызывало недовольство как со стороны старейшин и торговцев, так и со стороны крестьянства. Протесты принимали форму заговоров и даже восстаний. Наиболее крупным из них было восстание Джака (Джакова буна) 1825 г., охватившее несколько нахий. Восставшие протестовали против чрезмерных налогов, таможенных сборов и отработочной повинности (кулука) в пользу кнезов, против торговых ограничений и всевозможных злоупотреблений со стороны князя и местных властей. Восстание было быстро подавлено, но оно вынудило Милоша сменить часть кнезов, несколько снизить налоги, отменить некоторые ограничения в торговле.

Хотя внутренняя самостоятельность Сербского княжества с 1815 г. постоянно расширялась, ее фактически существующие автономные права не были закреплены каким-либо официальным актом со стороны Порты. Султанское правительство постоянно игнорировало имевшиеся международные соглашения (Бухарестский мир 1812 г.). Но заставить Порту признать сербскую автономию окончательно было не просто.

С конца 1816 г. русский дипломатический представитель в Константинополе барон Строганов, действуя в тесном контакте с Милошем Обреновичем, начал вести переговоры с турецким правительством о выполнении 8-й статьи Бухарестского договора. Он настаивал на издании султанского Хатт-и шерифа (рескрипта, грамоты), в котором определялась бы система внутреннего управления в Сербии, величина налогов, уплачиваемых Порте. Он добивался также уменьшения турецких гарнизонов в крепостях Сербии и разрешения учредить российское консульство в Белграде⁴.

Строганов поддерживал постоянные контакты с Милошем, с сербскими депутатами, приезжавшими в Константинополь для переговоров, направлял их деятельность. Но он не одобрял некоторых действий сербского князя и не доверял ему. Возмущение Строганова вызвало убийство Карагеоргия, голову которого Милош отдал белградскому паше, а тот отправил ее в Стамбул. Князь не жалел подарков и средств, добиваясь прежде всего признания Портой права Обреновичей на наследование сербского престола. Русская дипломатия не разделяла этих стремлений Милоша и считала, что главная задача — достигнуть договоренности об автономном статусе Сербии.

Турция упорно, под всевозможными предложениями, отказывалась удовлетворить законные требования сербов. Она не раз пыталась посеять рознь между Россией и Сербией. В 1820 г. турецким правительством был издан фирман, по которому сербы получали ничтожные

⁴ Кудрявцева Е. П. Россия и образование автономного сербского государства (1812–1833 гг.). М., 1992. С. 51–54.

права. Турки добивались, чтобы сербы признали его в качестве окончательного, пытаясь обманным путем заставить их отказаться от своих законных требований. По совету России, Милош Обренович отклонил фирман, как не отвечающий Бухарестскому договору. Вспыхнувшее в 1821 г. героическое восстание содействовало усилению борьбы сербов за независимость.

Во второй четверти XIX в. активизировалась политика России на Ближнем Востоке.

После бесплодных переговоров 1816–1818 гг. перспектива соглашения по сербскому вопросу наметилась в 1820 г. Чтобы не раздражать Порту, правительство Александра I решило непосредственно не участвовать в разработке указа об автономных правах сербов. Переговоры должны были вести самостоятельно сербские депутаты, но российский посол в Османской империи Строганов отредактировал и дополнил их прошение, давал необходимые советы⁵.

Султанское правительство уклонилось от обсуждения требований сербов и направило в Белград фирман незначительного содержания, в котором определялись главным образом налоговые обязательства княжества. Милош Обренович отказался его принять, и в Стамбул был направлен новый вариант прошения. Но и тогда переговоры об издании Хатт-и шерифа об автономии сербского княжества так и не были завершены из-за начала революционных событий в Дунайских княжествах и в Греции, приведшие в Восточному кризису 1820-х гг. и разрыву дипломатических отношений между Россией и Османской империей.

В середине 1820-х годов русская дипломатия пришла к выводу, что русско-турецкая война — это единственное средство разрешения Восточного кризиса. В 1826 г. турецкому правительству был вручен ультиматум с требованием разрешения всех спорных и неурегулированных между Россией и Турцией вопросов, и в частности сербского вопроса. Следствием русско-турецких переговоров явилось подписание 7 октября 1826 г. Аккерманской конвенции. V статья конвенции обязывала Оттоманскую Порту выполнить все постановления Бухарестского договора. «Отдельный акт», приложенный к V статье конвенции, значительно расширял права и привилегии сербов по сравнению с тем, что было записано в 8-й статье Бухарестского договора. Турция обязывалась совместно с сербскими уполномоченными в течение 18 месяцев выработать необходимые меры для обеспечения независимости Сербии в делах внутреннего управления. Это был новый шаг по пути превращения Сербии в независимое государство.

Но и на этот раз Турция не выполнила условий Аккерманской конвенции, и в 1828 г. началась русско-турецкая война. В этой войне

⁵ Кудрявцева Е. П. Россия и образование автономного сербского государства (1812–1833 гг.). С. 53–55.

Сербия по совету России оставалась нейтральной. Победа России в этой войне изменила ситуацию и с сербским вопросом. 14 сентября 1829 г. был подписан Адрианопольский мирный договор. По условиям этого договора Турция в месячный срок обязывалась выполнить постановления Аккерманской конвенции о предоставлении широкой автономии Сербии и возвращении незаконно отторгнутых у нее после Второго восстания 6 округов. В договор также была включена статья, подтверждавшая право России на покровительство сербам⁶. Согласно Хатт-и шерифам, изданным в сентябре 1829 г. в августе 1830 г. Сербское княжество, находясь под верховной властью Османской империи и уплачивая ей ежегодно точно фиксированную дань, получило полную внутреннюю автономию. Турецкие чиновники не должны были впредь вмешиваться в управление страны, требовать дополнительные подати. Турки, исключая гарнизоны шести крепостей, должны были выселиться из страны. Сербам предоставлялась свобода вероисповедания, право торговать с Османской империей. Они могли основывать школы, больницы, типографии, почту. Одновременно Милош Обренович получил берат (султанский указ), предоставлявший ему наследственные права на сербский престол.

Оставались неразрешенными только два вопроса — о судьбе 6 округов, которые турки не хотели возвращать сербам, несмотря на то что они были освобождены во время Первого восстания, и вопрос о сумме ежегодной дани. Решение этих вопросов было передано на рассмотрение русско-турецкой комиссии. В 1833 г. Милош Обренович, воспользовавшись антитурецким движением в этих округах, присоединил спорную зону к освобожденной Сербии, поставив турок перед совершившимся фактом. По требованию России Турция вынуждена была признать это в специальном Хатт-и шерифе 1833 г. Новый султанский Хатти-и шериф определял границы возникшего сербского княжества и размер дани, ежегодно уплачиваемой Сербией Турции. В нем объявлялось о включении спорных нахий в состав Сербского княжества, территория которого увеличилась более чем на одну треть. Фиксировалась величина ежегодно уплачиваемой султану суммы (2300 тыс. грошей) в которую входили также доходы от спахилуков и земельных аренд. Турки должны были в течение 5 лет продать свое недвижимое имущество и выселиться из городов, исключая предместье белградской крепости. В том же году Константинопольская патриархия признала независимость сербской церкви, что являлось по представлениям того времени подтверждением политической самостоятельности княжества.

Таким образом, благодаря материальной, дипломатической и военной помощи со стороны братского русского народа Сербия одной

⁶ Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 327–328.

из первых на Балканском полуострове избавилась от жестокого национального и социального гнета турецких ассимиляторов.

Поддержка Россией национально-освободительного движения сербского народа имела очень большое значение для сербов, так как она способствовала разрушению турецкой военно-феодальной системы и созданию на развалинах Османской империи фактически самостоятельного сербского государства.

Итак, в 1830–1833 гг. автономные права Сербии существенно расширились, была окончательно ликвидирована турецкая феодальная система. Полунезависимый статус княжества получил международное признание, что создало условия для установления его самостоятельных политических отношений с европейскими державами.

За первые десятилетия самостоятельного государственного и политического существования в Сербии произошли большие социально-экономические перемены. Важнейшим завоеванием сербского национально-освободительного движения явилась ликвидация турецкого господства в стране и связанных с ним феодальных отношений. На протяжении 20–30-х гг. в Сербии произошел аграрный переворот, в результате которого земли турецких помещиков-спахийев перешли в руки сербов. «Закон о возврате земель» 1839 г. констатировал, что спахийские отношения в Сербии потеряли свою силу в 1833 г. и что «все сербы стали законными владельцами своей земли»⁷. Гражданский кодекс 1844 г. окончательно утвердил победу буржуазной частной собственности на землю в Сербии.

Переход земли от помещиков к крестьянам был важным результатом Первого и Второго сербских восстаний. Он открывал простор для постепенного развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Но феодальные пережитки еще были очень сильны. Единственно возможной системой хозяйства в этих конкретно-исторических условиях могла быть только переходная система, соединявшая в себе черты и феодальной, и капиталистической систем.

Еще в ходе восстаний в результате насильственного захвата земель, а также путем скупки частновладельческих мусульманских владений после 1830 г. в Сербии появились крупные земельные собственники (так называемые великопоседники, или великаши). Число крупных землевладельцев было невелико, но они играли очень большую роль в экономической и политической жизни страны в первые десятилетия существования полунезависимого сербского княжества.

Великашами становились, как правило, бывшие воеводы и старейшины, а также крупные торговцы скотом и другие лица, обладавшие в период ликвидации турецкого господства в Сербии день-

⁷ Петровић М. Финансије и установе обновљене Србије до 1842. Београд, 1975. С. 685.

гами и властью. Став крупными собственниками, великаши стремились занять место изгнанных турецких помещиков. Свое хозяйство они вели полуфеодальными методами. До 1837 г. в Сербии наряду с работами на князя существовал и так называемый старейшинский кулук (барщина). Но и после ликвидации кулука такие формы эксплуатации крестьян великашами, как отработка, кабальная аренда и исполщина, еще длительное время сохранялись в хозяйстве великопоседников.

Вследствие коренной ломки турецких феодальных отношений преобладающим в освобожденной Сербии стало мелкое и среднее крестьянское землевладение.

В Сербии преобладала мелкая крестьянская собственность, но имелись и крупные по местным масштабам земельные владения, принадлежавшие некоторым сановникам, старейшинам. Больше всего земли имел сам князь, приобретавший также поместья в Валахии. Он не прибегал к наему рабочих, а пользовался принудительным трудом крестьян (кулуком). Его примеру следовали члены княжеской семьи и владевшие поместьями чиновники.

Процесс имущественного и социального расслоения как в деревне, так и в городе постепенно усиливался. Характерным для Сербии было то обстоятельство, что привилегированный и зажиточный слой тесно срастался с чиновничье-бюрократическим аппаратом княжества, который стал играть очень активную роль в общественно-политической жизни страны. Слой старейшин состоял из представителей власти и влиятельных людей, принимавших участие в общественных делах. Среди чиновников было много выходцев из Австрии, которые благодаря своей образованности и навыкам часто получали высокие должности, что нередко вызывало общественное недовольство. Резкий переход от натурального хозяйства к денежному, происходивший в 30-е гг., вел к быстрому разорению крестьянских хозяйств⁸.

Быстрое ухудшение положения значительной части крестьянства, вызвало многочисленные крестьянские восстания. На протяжении первой половины XIX в. крестьянские бунты и восстания почти не прекращались. Они имели место в 1818, 1821, 1825, 1826, 1835, 1844 гг. Особенно сильным было крестьянское движение в Смедеревском округе, вспыхнувшее в 1825 г. под предводительством Милое Поповича, прозванного «Дьяком». Крестьяне требовали ликвидации кулука, снижения налогов, прекращения насилий со стороны кнезов и старейшин. Восстание Дьяка, как и другие многочисленные выступления крестьян, было подавлено. В 1827 г. указ князя Милоша отменил кулук и другие натуральные повинности и ввел только денежный налог. Рабо-

⁸ Историја српског народа. Београд, 1981. Т. V-I. С. 135–137.

ты на старейшин и чиновников должны были производиться теперь посредством найма. Натуральное хозяйство и патриархальные отношения стали быстро разлагаться. Ускорился процесс распада большой патриархальной семьи — задруги, бывшей до освобождения основной хозяйственной ячейкой в Сербии. Крестьяне попадали в кабалу к великопоседникам и ростовщикам. Обезземеливание и разорение крестьян к концу 50-х гг. достигло значительных размеров.

Медленными темпами развивались и ремесло, и торговля. Города были слабо развиты. В 1834 г. городское население составляло только 6,5 %. После освобождения страны создались все же более благоприятные условия для развития ремесла. Освобожденный от насилия турок сербский город постепенно становился центром новых видов ремесел, слабо развитых или полностью отсутствовавших ранее в Сербии. В 20–40-х гг. XIX в. происходил процесс отмирания старых ремесел и создания новых. Появилась первая типография, стало развиваться оружейное дело. В 1836 г. в Сербии насчитывалось более 5 тыс. ремесленников и свыше 1,5 тыс. подмастерьев и учеников. Крупнейшим ремесленным центром страны был Белград. На долю Белграда приходилось 30 % всех ремесленников и более 30 % всего ремесленного производства страны. В середине века в Сербии появились уже первые предприятия мануфактурного типа, выросшие главным образом на базе домашней промышленности. В целом же сербское ремесленное производство в первой половине XIX в. было производством изделий по заказу потребителей. Опасаясь конкуренции, старые ремесленные мастера держались за цеховую организацию. В 1847 г. они добились у правительства издания специального закона о цехах⁹.

Стеснительные рамки цеховой организации испытывала на себе и торговля, поскольку закон о цехах распространялся и на торговлю ремесленными товарами. Но здесь раньше, чем в ремесленном производстве, обнаружились признаки разложения цеховой организации. В 30–40-х гг. значительно расширилась ярмарочная торговля. За 14 лет, с 1847 по 1861 г., количество ярмарок в Сербии увеличилось почти в два раза. С оживлением внутреннего рынка начали функционировать постоянные рынки в городах. В 50-х гг. XIX в. в Белграде было 3 рынка.

Развитие торговли в Сербском княжестве привело к образованию определенного слоя торговой буржуазии.

Заметные сдвиги произошли в области просвещения и культуры. Было открыто немало школ, в том числе и на вновь присоединенных территориях, гимназии в Крагуеваце и Белграде. С 1834 г. в княжестве начали издавать официальную газету — «Новине српске»¹⁰. В 1835–1836 гг. в Крагуевце действовал театр.

⁹ Историја српског народа. Т. V–I. С. 140–142.

¹⁰ Историја Београда. Београд, 1976. Т. 2. С. 754.

Были сделаны первые шаги в развитии здравоохранения: открыто несколько больниц. Постепенно организовывалась и своя санитарная служба, были созданы специальные пограничные карантинные пункты для противодействия распространению эпидемий на территорию княжества.

Укрепление международного положения Сербского княжества, успехи его экономического и политического развития, симпатии балканских народов, находившихся под турецкой властью, — все это способствовало расширению общественных и культурных контактов Сербского княжества с соседними балканскими народами и укреплению личного престижа Милоша Обреновича как сербского князя. Этому содействовала и политика князя Милоша, который поощрял народные выступления в Старой Сербии, Боснии, Болгарии, иногда выступал защитником восставших, принимал в Сербию многочисленных беженцев. Оказывалась денежная помощь церквям и монастырям, некоторым сербским культурным деятелям.

К моменту провозглашения Сербии вассальным княжеством Милош Обренович успел захватить в свои руки всю власть в стране, сделавшись неограниченным самодержавным правителем. Скупщина, членов которой он сам назначал, покорно выполняла его волю. Еще до издания султанского берата 1830 г. она дважды, в 1817 и 1827 гг., провозглашала его наследственным князем. Народная канцелярия, являвшаяся высшим административным и судебным органом, вскоре превратилась в личную канцелярию Милоша, а в 1826 г. была преобразована в белградский суд. На государственных чиновников Милош смотрел как на своих личных слуг, смещая и наказывая их по своему усмотрению. Милош Обренович стал крупнейшим из великашей, богатейшим человеком в Сербии. За брата, провозглашавший Милоша Обреновича наследственным князем, он уплатил султану и его приближенным из народных денег свыше миллиона грошей.

Отсутствие письменных законов, правовая необеспеченность личности и имущества граждан являлись характерными чертами деспотического правления сербского князя. Самодержавная политика Милоша Обреновича вызвала резкое недовольство крестьянских масс и оппозицию ряда великашей.

Проведя два года в княжестве, Вук Караджич в 1831 г. покинул его, написав письмо Милошу в 1832 г., в котором описал все пороки его правления, определив меры для их устранения. Люди недовольны потому, что не могут жить по своей воле, не опасаясь за свою жизнь, честь и имущество. Караджич предлагал князю отменить кулук, устранить все ограничения в торговле, всемерно развивать просвещение и, главное, — дать народу «конституцию» и издать законы¹¹.

¹¹ Историја српског народа. Т. V—I. С. 122.

• Самодержавная политика Милоша Обреновича вызвала резкое недовольство крестьянских масс и оппозицию ряда великашей.

Милош Обренович не собирался без борьбы соглашаться на ограничение своей власти, отказываться от своих экономических привилегий, от использования бесплатного труда крестьян. Однако рост оппозиционных настроений, прежде всего среди крестьян, заставлял его идти на некоторые меры, чтобы погасить всеобщее недовольство. Так, в 1834 г. он торжественно объявил на скупщине, что в результате ликвидации турецкой феодальной собственности крестьяне становятся свободными собственниками своей земли. В том же году были созданы попечительства (министерства) правосудия и просвещения, внутренних дел, военных дел, финансов, иностранных дел. Дальнейшей централизации управления содействовало разделение территории княжества на пять административных областей — сердарств, их управители следили за порядком, правосудием.

Эти меры, отчасти преследовавшие цель укрепить власть князя, не могли удовлетворить недовольных.

К середине 30-х гг. XIX в. борьба внутри господствующего класса между группой Милоша и великашами достигла большой остроты. Сторонники оппозиции выступали под демагогическим лозунгом борьбы за конституцию, по-сербски — устав. Поэтому они получили название уставобранителей — защитников конституции (конституция по-сербски — устав). В 1834 г. оппозиционно настроенные великаши устроили против князя заговор, во главе которого стоял ягодинский великаш Милета Радойкович. Стихийное выступление крестьянских масс, происходившее в это время, было использовано великашами в корыстных целях. Участие крестьянства придало движению широкий массовый характер. Радойкович вошел в тогдашнюю столицу княжества Крагуевац и потребовал созыва скупщины для решения всех внутренних проблем. Однако до открытого столкновения дело не дошло. Милош поспешил удовлетворить требования великашей.

Созванная в феврале 1835 г. Народная скупщина приняла конституцию (Сретенский устав), составленную по образцам буржуазных конституций стран Западной Европы, закреплявшую основные экономические и политические завоевания народа, гарантировала всем гражданам равенство перед законом, право занимать государственные должности, неприкосновенность личности и имущества, право собственности на обрабатываемую землю и свободное пользование лесами и пастбищами. Верховная законодательная власть предоставлялась князю и государственному совету. Широкие права имела скупщина. Конституция значительно ограничивала власть князя, чем вызвала его недовольство. Воспользовавшись тем, что Турция, Австрия и Россия выступили против конституции, Милош Обренович поспешил отменить ее через месяц после обнародования. Но вопрос о конституции,

призванной урегулировать внутреннюю жизнь в освобожденной стране, требовал тем не менее своего разрешения.

Основные разногласия касались отношения власти князя и Совета и отражали стремление Милоша сохранить свою неограниченную власть, чему противодействовали уставобранители. Они добивались расширения прав Совета, введения принципа несменяемости его членов, что существенно увеличивало их независимость от князя. В такой отсталой аграрной стране, с сильными патриархальными традициями как Сербия, это неминуемо привело бы к установлению олигархической системы правления.

После Милетиной буны введение конституции стало главной задачей общественной жизни княжества. Однако в решении этого вопроса не обошлось без вмешательства великих держав.

В 1830-х годах Николай I взял курс на поддержание целостности и неприкосновенности Османской империи, надеясь укрепить свои позиции в ослабленной Османской империи. Правительство России пошло на ряд важных уступок Турции, с целью стабилизировать ее внутреннее положение, старалось противодействовать расширению освободительных и сепаратистских движений в ее владениях, в том числе и на Балканах.

Стремясь не допустить обострения ситуации в Сербском княжестве, русская дипломатия поддерживала требования старейшин-оппозиционеров, считала необходимым ограничить власть Милоша Обреновича, расширив права и участие в управлении Совета. Россия не противодействовала введению в Сербии конституции, которая упорядочила бы ее государственное устройство.

Адрианопольский мир и особенно Ункяр-Искелесийский договор значительно усилили позиции России в Османской империи. Это не могло не вызвать озабоченности у Великобритании, которая не желала уступать своего влияния в этом регионе.

Русско-английские отношения обострились. Лондонский кабинет активно противодействовал расширению влияния в Османской империи и, в частности, в Сербском княжестве. Большой интерес к Сербии проявляла и Австрия. В Вене опасались усиления русского влияния на Балканах, а Сербское княжество могло стать главной опорой этого влияния в Европейской Турции, могло превратиться в «рассадник» революционных и национально-освободительных идей среди югославянского населения империи.

Позиции западных держав на внутреннюю жизнь Сербии значительно расширились после создания там иностранных консульств, чему пыталась воспрепятствовать Россия. Венский кабинет первым в 1836 г. добился разрешения Порты на основание австрийского консульства в Белграде. В 1837 г. в Сербии почвился и английский консул (Г. Л. Ходжес), аккредитованный лично при князе Милоше. Усилия

царского правительства отсрочить установление консульских отношений европейских государств с Сербией успехом не увенчались, и в начале 1838 г. в Белград приехал и русский консул¹².

Английская дипломатия стремилась снизить русское влияние в Сербии, а затем и в других балканских землях, находившихся под турецкой властью. Отношения Милоша Обреновича с правительством Николая I заметно ухудшились. Это позволило английскому консулу установить доверительные отношения с сербским князем, который, проявлял со своей стороны заинтересованность в сближении с Великобританией. Милош надеялся, что английская дипломатия в Стамбуле поддержит интересы сербов и его лично: добьется вывода турецких гарнизонов из крепостей, введения такого устава, который предоставил бы князю права неограниченного наследственного правителя.

Русский консул Г. В. Ващенко имел дружеские связи со старейшими-оппозиционерами, а в отношениях с Милошем был весьма критичен. Противников князя поддерживал и австрийский консул. Таким образом, дипломатические представители России, Великобритании и Австрии стали активно вмешиваться в разгоравшуюся внутреннюю борьбу в княжестве.

Составление нового проекта конституции в Сербии затягивалось из-за острых разногласий между князем и уставохранителями. Этим обстоятельством воспользовалась Порта, ждавшая только удобного случая для вмешательства в сербские дела.

В конце 1838 г. новая сербская конституция, составленная турецким правительством, была утверждена султаном и получила силу закона. Султан Махмуд II подписал Устав Сербского княжества, отправленный в виде Хатт-и шерифа белградскому визирю и Милошу Обреновичу. Он получил название Турецкого устава, что характеризовало не только форму, но и содержание этого конституционного акта, до некоторой степени ограничивавшего внутреннюю автономию Сербии.

Октроированная конституция 1838 г. при всей ее ограниченности и консервативности до известной степени упорядочивала государственно-правовые отношения в возрожденной Сербии, способствуя на первых порах буржуазному развитию страны. Она закрепляла все важнейшие социально-экономические и политические завоевания сербского народа, приобретенные им в тяжелой многолетней освободительной борьбе против Османской империи.

По новому Уставу Милош делил законодательную и исполнительную власть с Советом, состоявшим из 17 пожизненных членов, которых он назначал, но мог отрешить от должности только по постанов-

¹² Историја српског народа. Т. V-I. С. 131–132.

лению суда и с согласия Порты. Это делало Совет, наделенный большими правами, достаточно независимым от князя. Власть князя ограничивалась Советом (олигархическим институтом), состоявшим из богатых и влиятельных старейшин. В уставе провозглашалось равенство всех сербов перед законом, неприкосновенность личности и собственности, отменялся кулук, устанавливался трехстепенный суд, подтверждалась свобода торговли. Конституция не могла быть изменена и дополнена без согласия султана.

Не желая примириться с потерей законодательной власти, Милош повел упорную борьбу за отмену конституции. Но сербский князь оказался одиноким в борьбе против Совета, в котором прочно обособились его противники — уставобранители. Видя бесплодность дальнейшей борьбы, Милош Обренович в 1839 г. отрекся от престола в пользу своего сына и в июне 1839 г. покинул Сербию. Власть перешла к его старшему сыну Милану, который вскоре умер, и на престол был возведен второй его сын — шестнадцатилетний Михаил.

Ввиду несовершеннолетия князя Михаила по распоряжению султана его советниками были назначены вожди уставобранителей Тома Вучич Перишич и Аврам Петрониевич. С момента учреждения регентского Совета, правившего страной до тех пор, пока Турция не утвердила сербским князем сына Милоша — Михаила, фактическая власть в стране перешла в руки уставобранителей¹³. Наиболее активными деятелями среди последних были: Фома Вучич, Алекса и Стоян Симичи, Милутин Гара-шанин и его сын Илья и др. Это были богатые люди, крупные земельные собственники.

Это обстоятельство вызвало недовольство сторонников Обреновичей, в некоторых округах поднялись восстания в их поддержку. Вучич и Петрониевич вынуждены были уйти в отставку, многие вожди уставобранителей покинули страну. Однако правительство Михаила не сумело укрепить своего положения.

Став князем, Михаил Обренович (1839–1842 гг.) попытался продолжать политику своего отца. Он увеличил подушный налог (порез) с 5 до 6 талеров. Возникшее на этой почве серьезное недовольство народных масс было вскоре использовано уставобранителями. Повышение подушного налога, введение денежных штрафов, кредитные ограничения вызвали недовольство населения. Порта, с которой уставобранители установили прочные контакты, требовала допустить их представителей к власти и враждебно относилась к Михаилу, считая его ставленником России. Уставобранители готовили заговор против князя, который возглавлял Вучич Перишич и фактически поддерживали турецкие власти. Восстание (так называемая Вучичева

¹³ Историја српског народа. Т. V–I. С. 253–254.

буна) вспыхнуло в августе 1842 г.¹⁴ Михаил вынужден был бежать в Австрию.

Чтобы окончательно закрепить свою победу, уставобранители избрали на сербский престол своего ставленника, слабовольного и бесхарактерного Александра Карагеоргиевича, сына руководителя первой освободительной войны сербского народа. За время правления Александра Карагеоргиевича (1842–1858 гг.) в стране установился антинародный олигархический режим уставобранителей, поддерживавшийся крупными земельными собственниками и богатыми торговцами.

Порта сразу же издала берат, подтверждавший выборы нового князя, правительство Николая I сочло произведенный уставобранителями переворот незаконным, настояло на созыве скупщины и повторных выборах князя. Собравшаяся в июне 1843 г. скупщина вновь избрала Александра Карагеоргиевича князем. Лишь после этого Петербург вынужден был признать выборы, но потребовал изгнания из страны Вучича и Петрониевича как руководителей восстания. В августе 1843 г. они на год уехали из княжества. Все это привело к дальнейшему обострению отношений между Россией и Сербией.

В области внутренних отношений деятельность уставобранителей была направлена на решительное устранение народа от участия в политической жизни страны. Характерно, что за все время своего господства уставобранители только один раз в 1848 г. созвали Народную скупщину, да и то сделали это вопреки своей воле.

Материальное положение широких трудящихся масс, несших на своих плечах всю тяжесть по содержанию разросшегося полицейско-бюрократического государственного аппарата в центре и на местах, быстро ухудшалось. Правительство ничего не предпринимало против обнищания и разорения самой многочисленной группы населения — крестьянства. Кредиты из общественных касс шли в карманы крупных торговцев и чиновников, которые использовали их для ростовщических операций. Небывалый размах ростовщичества и быстрый рост задолженности крестьян, достигшие не без участия бюрократического правительства катастрофических размеров, довели страну до состояния глубокого внутреннего кризиса.

Все это вызывало недовольство крестьян, бывшие сторонники уставобранителей переходили на сторону приверженцев Обреновичей, требовавших возвращения к власти князя Милоша или Михаила. С большой жестокостью уставобранительские власти расправились с крестьянским восстанием 1844 г., охватившим всю западную Сербию. К концу 50-х гг. стал очевидным неизбежный крах внутренней политики уставобранителей.

¹⁴ Историја српског народа. Т. V–I. С. 259–260.

По вопросам внешней политики во взглядах уставобранителей не было единства. Для большинства уставобранителей в соответствии с их реакционной внутренней политикой характерной была ориентация на Турцию и Австрию.

Внешняя политика князя, пользовавшегося поддержкой Австрии, носила ярко выраженный австрофильский характер. Отход Александра Карагеоргиевича от политики дружбы с Россией и сближение с Австрией были восприняты народом резко отрицательно. Непопулярность уставобранительского режима в стране вследствие этого возросла еще больше. Это проявилось уже к концу 40-х гг.

Уставобранители надеялись, что Александр Карагеоргиевич станет их послушным орудием. Но тот не хотел удовлетвориться такой ролью, старался, хотя и без успеха, укрепить свою личную власть, оспаривал права Совета, пополнял его своими приверженцами. Усилились раздоры среди самих уставобранителей, в том числе по вопросам о внешнеполитической ориентации. Опытный и талантливый государственный деятель А. Петрониевич, занимавший пост председателя правительства и министра иностранных дел придерживался протурецкого курса. Князь, первоначально настроенный туркофильски, перешел к ориентации на Австрию, что усилило недоверие к нему среди сербов. В целом уставобранители придерживались прозападной ориентации, что вызывало враждебное отношение к их режиму правительства Николая I. Позиции России в княжестве значительно ослабели.

После прихода к власти уставобранителей принимались важные меры для введения в стране буржуазных правопорядков. В 1844 г. был принят Гражданский законник княжества Сербского, основанный преимущественно на австрийском кодексе законов, но включавший и элементы народного сербского права. В нем юридически закреплялись права граждан на частную собственность как полную и ничем не ограниченную. Этот законник открывал благоприятные перспективы для развития капиталистических отношений в княжестве.

Уставобранители стремились сделать чиновничество привилегированным слоем, преданным режиму и полностью отделенным от народа. Чиновники, число которых значительно увеличилось, освобождались от налогов, им было увеличено жалование, даны пенсии. Однако среди чиновников процветало ростовщичество, взяточничество, различные злоупотребления.

В 40-50-х годах XIX в. в Сербии произошли определенные сдвиги в общественно-экономическом развитии. Расширилось сельскохозяйственное производство. Значительно увеличилась внешняя торговля, в которой по-прежнему преобладал вывоз скота в Австрию. Но внутренняя торговля развивалась гораздо медленнее ввиду экономической

неразвитости городов. Появилось много сельских лавок, трактиров, ярмарок. Увеличился слой мелких сельских торговцев.

Рост авторитета Сербского княжества среди балканских народов, постепенное складывание национального самосознания сербского народа порождало планы расширения и упрочения сербского государства путем объединения южнославянских народов. Такие идеи появились еще во время Первого сербского восстания. Этот курс продолжил и князь Михаил, оказывавший поддержку антитурецким выступлениям в Боснии и Болгарии в 1840–1841 гг., принимавший в княжество беженцев.

В 1844 г. один из известных сербских государственных деятелей, министр внутренних дел Илия Гарашанин при содействии представителя польской эмиграции на Балканах Франьо Заха составил известную под названием «Начертание», внешнеполитическую программу княжества¹⁵. Это программа надолго стала основной национальной доктриной сербов и Сербского княжества, в ней ставилась важнейшая национальная задача — освобождение и объединение всех сербов Балканского полуострова в одном государстве.

В этой программе провозглашалось присоединение к Сербскому княжеству Боснии и Герцеговины, Черногории, получение выхода к Адриатическому морю. Все это автор «Начертания» планировал осуществить при непосредственном участии самих балканских народов. Вопрос о государственном устройстве будущего сербского государства не рассматривался, но Гарашанин, будучи убежденным монархистом, считал, что это будет монархия во главе с сербской династией Карагеоргиевичей.

«Начертание» состояло из нескольких разделов. Первый из них «Политика Сербии» определял главную цель внешней политики княжества — создание на развалинах Османской империи крупного славянского государства. При этом необходима была поддержка великих держав. Конкретно — с помощью Франции и Англии, смогли бы противостоять Австрии и России.

Вторая часть «Начертания» формулировала средства, которыми должно пользоваться сербское правительство при достижении своей цели. Прежде всего оно должно иметь детальное представление о положении дел в южнославянских землях: Болгарии, Боснии, Герцеговины, Северной Албании, а также Славонии, Хорватии и Далмации.

Для приобретения влияния в Черногории, Боснии, Герцеговине и Северной Албании сербское правительство должно придерживаться трех принципов: во-первых, свобода вероисповедания для всех христиан, а позднее и для мусульман; во-вторых, наследственная

¹⁵ Достян И. С. Планы основания Славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. Славяне и Россия. М., 1972. С. 98–104.

власть сербского князя в будущем общем государстве как его главы; в-третьих, Сербия должна выступать как покровительница всех турецких славян. Для христианского населения Боснии предполагалось наладить печатание книг патриотического содержания. Для приобретения влияния на боснийцев-католиков подчеркивалась необходимость установления дружеских контактов с монахами-францисканцами. Черногорский владыка должен был получать постоянное пособие от сербского правительства¹⁶.

Возникновение «Начертания» было в значительной мере связано с деятельностью на Балканах правого крыла польской эмиграции, которое возглавлял Адам Чарторыйский, имевший планы сделать Сербию опорой своей политики в Юго-Восточной Европе. Прибывший в 1843 г. в Сербское княжество агент Чарторыйского Франьо Зах и составил первоначальный набросок («План») внешнеполитической программы Сербии¹⁷, использованный затем И. Гарашаниным. Характерной чертой плана Ф. Заха была его антирусская направленность. Зах утверждал, что Россия стремиться надеть на болгар еще более тяжкое ярмо, чем турецкое, а в Сербии — поставить новое руководство, преданное ей. Гарашанин оставил эти положения Заха, но, будучи трезвым сербским политиком, уточнил свою позицию: «Сербия ни с кем так легко не могла бы добиться своей цели как при содействии России, — добавил сербский политик. — Но это возможно только тогда, когда она совершенно и полностью приняла бы условия Сербии», т. е. отказалась от солидарности с Австрией, от вмешательства во внутренние дела Сербии и обеспечила ее территориальное расширение¹⁸. Важно подчеркнуть следующее различие плана Заха и «Начертания» Гарашанина — Зах делал больший упор на югославянские моменты, пытаясь втянуть в орбиту деятельности Сербии и славянские народы Австрии — хорватов, чехов. Практичный и трезвый политик Гарашанин, ясно понимал, что в настоящее время Сербия может рассчитывать на успех только в провинциях Османской империи, заселенных славянами, сосредоточил свое внимание на объединении и освобождении сербов.

Дальновидность Гарашанина проявилась в том, что он осознал историческое значение стремления югославянских народов к освобождению от чужеземной власти. Но такую задачу освобождения югославянских народов от чужеземного господства Гарашанин рассчитывал достигнуть не с помощью самих этих народов, а под руководством монархической Сербии при поддержке извне со стороны великих

¹⁶ Никифоров К. В. Сербия в середине XIX в. М., 1995. С. 47–51.

¹⁷ Дурковић-Јакшић Л. О почетку југословенске политике Адама Чарториског (1841–1843) // Зборник за историју. Београд, 1974. № 9. С. 43–45.

¹⁸ Там же.

держав — главным образом Франции — в результате дипломатических акций и войн европейских государств с Османской империей.

В 1845–1846 гг., и особенно после начала революции 1848 г. Гарашанин и его сотрудники предпринимали некоторые шаги с целью осуществить идеи «Начертания», превратить Сербское княжество в своеобразный «Пьемонт для южных славян». Их агенты-осведомители вели пропаганду в балканских владениях Турции. Были установлены контакты с черногорским владыкой Петром II Негошем, которому сербское правительство стало оказывать денежную помощь, с торговцами, со священниками в Боснии, Герцеговине, Южной Сербии.

После начала революции 1848 г. в Австрии центром национальной пропаганды уставобранителей стали югославянские владения Габсбургов — Воеводина, Хорватия, Далмация. Возникшая перспектива распада Австрийской империи порождала планы создания обширного южнославянского государства, включавшего сербов Воеводины, хорватов, болгар. И Гарашанин предполагал начать подготовку вооруженного выступления балканских народов против турецкой владычества. В марте 1849 г. сотрудники Гарашанина Й. Маринович, М. Бан и Т. Ковачевич разработали «Устав политической пропаганды», по которому должна была вестись подготовка вооруженного выступления южнославянских народов против турецкой власти. Это означало признание метода народной вооруженной борьбы за национальное освобождение, но практического применения такой курс не имел.

В марте 1848 г. Сербский представитель в Стамбуле Константин Николаевич составил план образования обширной автономной административно-политической единицы в пределах Османской империи. План предусматривал присоединение к Сербии Боснии, Герцеговины, Черногории, Северной Албании и создание из них Сербского вице-королевства. Оно должно было пользоваться теми же правами, что и княжество Сербия. В Сербском вице-королевстве православные и мусульмане имели бы равные права. Болгары не должны были войти в состав Сербского вице-королевства, но получали те же права, что мусульмане, в том числе и право занимать все государственные должности¹⁹. Проект Николаевича был подготовлен по указанию Гарашанина.

Помимо этого Гарашанин поручил написать проект преобразований в Османской империи Йовану Мариновичу, только что вернувшемуся из Парижа. Подготовленная Й. Мариновичем «Записка о христианах в Турецкой империи» была не столь амбициозна, чем план Николаевича. Она предусматривала возможность для христиан выбирать чиновников, которые затем утверждались султаном, а также из-

¹⁹ Љушић Р. Илија Гарашанин о српској државности // Илија Гарашанин (1812–1874). Београд, 1991. С. 157–158.

бирать митрополитов. Митрополит должен был ведать церковными и школьными делами²⁰. Однако османские власти такие проекты не поддержали.

Окончание революции привело к сворачиванию всей многогранной деятельности, проводившейся в соответствии с «Уставом политической пропаганды».

В условиях середины XIX в. планы политического единения югославянских народов были нереальными. Революционные события 1848–1849 гг., особенно в славянских землях Австрии, встретили широкий отклик в сербском княжестве. Возросло недовольство широких народных масс и интеллигенции режимом уставобранителей. Раздоры среди правящей верхушки усилились. Обреновичи активизировали попытки вернуться к власти.

Созванная в 1848 г. под давлением масс скупщина потребовала изменения внутренней и внешней политики правительства. Под нажимом торговой буржуазии и зажиточного крестьянства правительство уставобранителей вынуждено было запретить чиновникам заниматься торговлей.

Большое значение для Сербского княжества имел вопрос об отношениях с общественным движением сербов Воеводины. Летом 1848 г. за Саву и Дунай стали переправляться вооруженные добровольцы из княжества, во главе которых стал видный уставобранитель С. Кничанин. Эти отряды облегчили сопротивление воеводинских сербов натиску венгерских революционеров. Тем самым была сделана ставка на совместное с Австрией подавление венгерской революции.

Наступление реакции после подавления революции 1848 г. захватило и Сербию. Свобода печати была ликвидирована. В стране был установлен полицейский режим.

Внутренняя и внешняя политика уставобранителей становилась все более непопулярной, приверженцы Обреновичей стали действовать еще активнее. Правительство Николая I начало требовать отставки назначенного в 1852 г. после смерти Петрониевича главой кабинета И. Гарашанина как сторонника антирусского профранцузского курса, поддерживавшего связи с польскими эмигрантами. Александр Карагеоргиевич удовлетворил это требование, которое активно поддерживала и австрийская дипломатия. Но потеря важного государственного поста не исключила влияния Гарашанина на государственные дела.

Во время правления уставобранителей Сербское княжество сделало значительный шаг вперед в области развития культуры и просвещения, стало играть все более значительную роль в духовной жизни всего сербского народа.

²⁰ Писма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу. Београд, 1931. С. 4–7.

В первых десятилетиях XIX в. кроме священников и монахов в Сербии не было грамотных людей, национальная интеллигенция отсутствовала. В окружении князя Милоша, не владевшего грамотой, образованность была не в чести. Гораздо большую заинтересованность в развитии просвещения стали проявлять уставобранители, старавшиеся подготовить кадры для возросшего чиновничье-бюрократического аппарата.

К середине 1850-х годов в княжестве имелось уже несколько сот основных мужских и женских школ, а число учащихся приближалось к 10 тысячам. В 40-х годах были открыты высшее училище, торговая школа, военная академия и др. Сербскую молодежь стали посылать для обучения за границу, особенно во Францию. Сербское княжество постепенно приходило в соприкосновение с западноевропейскими странами, его интеллектуальная зависимость от Австрии, роль австрийских сербов в государственном аппарате, в среде интеллектуалов снижалась.

В 1841 г. в Белграде было основано «Общество сербской словесности», задачей которого было распространение наук на сербском языке, усовершенствование сербского литературного языка на народной основе. Общество трудилось над упорядочением правописания, составлением школьных учебников, занималось созданием Народной библиотеки. С 1847 г. стал издаваться «Гласник общества сербской словесности».

Единственной еженедельной официальной газетой, выходившей в Сербском княжестве были «Новине српске» (позднее «Српске новине»).

Общий кризис уставобранительского режима становился все глубже. Правда Крымская война на время переключила внимание сербского общества на другие проблемы, но сам режим преодолеть нарастающие трудности не смог. Развитие товарно-денежных отношений и особенно получившее громадное распространение ростовщичество, распад задруг — все это вело к разложению крестьянства, росту его задолженности и обезземеливанию. Недовольство крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения, резко возросло. Не прекращались столкновения непопулярного в народе князя и Совета, стремившегося расширить свои права и функции. Александр Карагеоргиевич и его окружение проводили австрофильскую политику, что также вызывало недовольство значительного большинства населения княжества. Итогом этих событий стала Святоандреивская скупщина 1858 г., свергнувшая князя Александра Карагеоргиевича и положившая конец правлению уставобранителей.

Албания — мятежная Османская провинция*

В середине XIX в. территория на западе Балкан, населенная по преимуществу или в значительной степени албанцами, была шире нынешних государственных границ Албании. Она делилась на четыре этногеографические области — Гегерию (Северная Албания), Тоскерию (Южная Албания), Косово, Чамерию (Северо-Западный Эпир). По оценкам албанских историков (точных данных нет) в этих областях жило тогда около 1 млн 300 тыс. албанцев, греков, сербов, влахов.

Громадное большинство албанского населения — около 87 % — по-прежнему жило в деревнях и занималось сельским хозяйством. Ту же продукцию, что и в предшествующие века, давали поля и пастбища. Наиболее распространенной зерновой культурой была кукуруза, следом за ней шли пшеница, рожь и ячмень. В местах с повышенной влажностью выращивался и рис. Из технических культур был распространен табак. В прибрежных районах имелось много оливковых рощ, и оливковое масло, наряду с табаком, занимало первое место в албанском экспорте. Повсюду, на равнинах и в горах, встречались виноградники. Наряду с земледелием, важной отраслью сельского хозяйства было животноводство. Наибольшим было поголовье овец и коз. Методы ведения животноводства (как, впрочем, и земледелия) были весьма отсталыми, что определялось характером производственных отношений.

К середине столетия закончился процесс их трансформации, начавшейся более чем за два века до этого.

Спахийская система — феодальная основа Османской империи в первые века ее существования — в начале XIX в. фактически распалась, а в 30-е годы была официально отменена. Однако в силу политической и общественной отсталости османского государства капиталистические отношения в сельском хозяйстве не развивались. На месте условных владений — тимаров и зеаметов — возникли частнофеодальные поместья — чифтлики. Владельцам чифтликов — чифлига-

* В главах об Албании использованы материалы обобщающего труда: Краткая история Албании. М., 1992.

рам — принадлежали значительные площади обрабатываемых и необрабатываемых земель. Чифлигары, наряду с военными феодалами, еще сохранявшими в 30–40-е гг. XIX в. свои позиции, а также байрактары (военные предводители горцев), крупные чиновники турецкой администрации и верхние слои мусульманского духовенства составляли господствующий класс страны. На низких ступенях социальной лестницы находилось крестьянство. Подавляющую часть аграрного населения — около 85 % — составляли мелкие и средние крестьяне. Хотя официально после отмены спахийской системы они превратились в свободных собственников, фактически чифлигары, байрактары, турецкие чиновники сохраняли над ними полуфеодальную власть. Около 15 % крестьян были лишены земли и работали в феодальных поместьях арендаторами или поденщиками. Процент безземельных крестьян постоянно рос, одновременно за счет крестьянской собственности росли размеры феодальных латифундий. Наиболее отсталым в социально-экономическом отношении регионом страны были горы Северной Албании. Здесь еще сохранялись значительные пережитки родовых отношений, в частности, был широко распространен обычай кровной мести. Условия существования горского населения, и так уже очень трудные, к середине XIX в. еще более ухудшились. В предшествующий период одним из главных источников дохода для албанских горцев, наряду с занятиями животноводством, было наемничество. Однако введение в Османской империи в 30-е гг. XIX в. воинской повинности лишило горцев этого занятия. Кроме того, усиление прямого контроля Порты над Албанией сделало налоговое бремя более тягостным для горцев.

Около 13 % населения страны жило в городах. Наиболее крупными городами в конце 30-х гг. XIX в. были: Шкодра (25 тыс. жителей), Гирокастра (10 тыс.), Эльбасан (8 тыс.), Берат (8 тыс.), Тирана (7 тыс.)¹. Города были административными центрами, а также центрами торговли и ремесла. На первом месте здесь стояла Шкодра, где в 1842 г. насчитывалось около 2600 лавок и ремесленных мастерских. Крупные шкодринские купцы соперничали по своему богатству с чифлигарами. Их торговая сеть распространялась не только на Северную и Центральную Албанию, но и на Черногорию и часть Македонии. Около 60 торговых фирм Шкодры имели своих торговых корреспондентов в Триесте и через них были связаны с европейским рынком. Другими важными торгово-ремесленными городами Албании в тот период были Берат, Тирана и Эльбасан, имевшие соответственно 680, 610 и 580 торговых заведений².

В 30–40 гг. XIX в. в Албании наблюдалось оживление товарно-денежных отношений. В деревне разлагались натуральные формы хо-

¹ Historia e Popullit Shqiptar. Tiranë, 2002. Vëll. II. F. 35, 38.

² Ibid. F. 46, 48.

зяйства. Рост государственных налогов и одновременно увеличение спроса на изделия промышленности и ремесла вынуждали крестьян чаще прибегать к услугам городских рынков. Многие крестьяне стали продавать не только продукты своих полей и пастбищ, но и свою рабочую силу. Некоторые нанимались косарями, пилющиками, землекопами в большие хозяйства. Другие отправлялись не заработки в города, причем не только албанские. В городах же происходил распад цеховой организации с ее строгой регламентацией цен, ассортимента и качества изделий. Возникали мастерские, не связанные с цехами, характер деятельности которых определялся уже не цеховыми уставами, а требованиями рынка, законами конкуренции. Но в середине XIX в. процессы эти находились еще в начальной стадии. Албания, расположенная менее чем в 100 км от итальянского побережья, пребывала еще в феодальном средневековье. Это проявлялось не только в характере общественных отношений. Типографии, почта, дорожная сеть, санитарная служба и другие атрибуты цивилизации здесь полностью отсутствовали. Власти османского государства не проявляли какой-либо заботы об образовании своих подданных. В результате около 98 % населения Албании было неграмотно. В подавляющем большинстве деревень не было ни одного грамотного человека³.

Ликвидация в 20-х – начале 30-х гг. XIX в. больших полунезависимых пашалыков в Албании привела к усилению непосредственного контроля Стамбула над непокорной страной. Для удержания Албании и других завоеванных стран в составе империи ее правящие круги прибегали не только к насилию. Бесперывные восстания в различных провинциях Османской империи, приведшие к отпадению от нее некоторых стран, постоянные поражения в войнах с Россией побуждали некоторых наиболее дальновидных представителей господствующего класса империи искать выход на путях «европеизации» и модернизации отсталой общественной и политической структуры османского государства. Наступила эпоха Танзимата⁴. Европейские владения султана были разделены на большие военно-административные единицы — эялеты. Земли с албанским населением попали главным образом в два эялета — Монастырский и Янинский. При этом Порта последовательно придерживалась двух принципов: 1) никогда не объединять албанцев в рамках одной административной единицы и 2) включать в эти единицы, наряду с албанскими землями, территории, населенные сербами, болгарскими, греками и другими народами. Принцип «разделяй и властвуй» к середине XIX столетия претерпел определенную трансформацию: если раньше разжигалась враждебность между религиозными общинами-миллетами, то теперь, в усло-

³ Historia e Popullit Shqiptar. Tiranë. F. 39.

⁴ См. главу наст. кн. «Время перемен. Болгарские земли и начало Танзимата».

виях подъема национально-освободительного движения, сеялась межнациональная рознь.

В 1833–1835 гг. волна антиосманских восстаний охватила всю Албанию. Причины этих восстаний были сложны и неоднозначны. В основе их было недовольство широких масс народа — крестьян и горожан — централизаторскими реформами Порты, несшими новые тяготы для населения и замену должностных лиц из албанцев военными и гражданскими чиновниками, присланными из Стамбула. Активную роль в подготовке этих восстаний сыграли и албанские феодалы, уцелевшие после массовых репрессий, сопровождавших кампании Порты против Шкодринского и Янинского пашалыков. Эти феодалы добивались возвращения своей собственности и восстановления своих политических привилегий.

Восстания 1833–1835 гг. в Албании происходили на фоне резкого обострения внутреннего положения Османской империи. Египетский правитель Мухаммед Али, албанец по происхождению, вступив в вооруженную борьбу с Махмудом II, сумел поколебать власть султана над значительной частью его владений в Азии. Много албанцев служило в войсках египетского паши. Громкие победы, одержанные в начавшейся осенью 1831 г. турецко-египетской войне войсками Мухаммеда Али над армиями султана, принесли ему большую популярность в Европейской Турции и в особенности в Албании. Судя по донесениям российских дипломатов, осторожный паша избегал прямо вмешиваться в события в Албании, феодальные предводители восстаний использовали его имя для того, чтобы повысить свой авторитет⁵.

Для албанских восстаний 1833–1835 гг., по сравнению с предшествующими освободительными выступлениями, было характерно то, что в ходе их проявились, наряду с патриотизмом и стихийным демократизмом народных масс и политическими стремлениями албанских феодалов, элементы демократической национальной идеологии. Здесь просматривается влияние революционных событий в Греции, в которых многие албанцы непосредственно участвовали. Среди них был Тафиль Бузи, один из военных руководителей восстаний 1833–1835 гг. Воздействие «революционной заразы» на некоторых албанских предводителей вызвало серьезную тревогу у управлявших тогда Грецией баварских регентов. Один из них, К. Абель, заявил в марте 1833 г. российскому резиденту П. И. Рикману, что регентство «во всяком случае, предпочтет иметь в качестве соседа Порту, чем Албанскую Республику»⁶.

Восстание в Южной Албании началось в июле 1833 г. в Тепелене и затем распространилось на другие районы. О драматических перипетиях развернувшейся борьбы можно судить по донесениям россий-

⁵ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990. С. 177–178.

⁶ Там же. С. 178.

ских дипломатов в Греции. Так, консул в Патрах Калоераки уподоблял это восстание «стоголовой гидре». По словам консула, руководивший карательными операциями Эмин-паша, захватив какой-либо город или опорный пункт повстанцев, должен был оставить там значительный гарнизон. Тем временем восстание вспыхивало в других местах. Оставленные же турецким военачальником гарнизоны или переходили на сторону повстанцев, или уничтожались ими⁷.

В сентябре 1833 г. повстанцы овладели Бератской крепостью — наиболее мощной в Южной Албании. Потерпев поражение в борьбе с повстанцами, Эмин-паша вынужден был запереться в Янинской крепости в ожидании подкрепления. «Утверждают, — сообщал из Афин российский посланник, — что ободренные этим успехом повстанцы возымели уже надежду создать независимое государство и что они недавно образовали административную комиссию по образцу тех, которые в свое время управляли Грецией»⁸.

Неудача попыток Порты расправиться с повстанцами вынудило ее пойти на ряд уступок последним: было удовлетворено их требование о передаче управления восставшими округами албанцам, объявлена амнистия и приостановлен набор рекрутов в Южной Албании.

Весной 1833 г. началось восстание и в Шкодре, столице Северной Албании, которое также оказалось успешным. Порта вынуждена была отозвать из Северной Албании своего губернатора Али Намык-пашу и на время прекратить здесь проведение своих централизаторских реформ. Но успехи эти имели локальное значение: достижению более ощутимых политических результатов помешала разрозненность освободительных выступлений на юге и севере страны, отсутствие авторитетных и решительных руководителей. Сыграла свою роль и излишняя доверчивость албанцев в отношении Порты. Так, поверив ее обещаниям, повстанцы Берата прекратили борьбу и рассеялись.

Между тем Порта продолжала свои попытки распространения на Албанию новой централизованной системы управления. Попыткам этим по-прежнему оказывала сопротивление албанская феодальная знать, стремившаяся сохранить свою наследственную власть и привилегии. На сей раз, готовясь к борьбе, паши и беи Гегерии и Тоскерии разработали план одновременного восстания на юге и севере страны, но из-за колебаний некоторых феодалов осуществить его не удалось. Восстание сначала началось в Южной Албании в октябре 1834 г. в Берате и вскоре распространилось на другие ее районы. Военным руководителем восстания стал Тафиль Бузи.

«Представляется совершенно бесспорным, — сообщал в Петербург о его действиях российский посланник в Греции Г. А. Катакази, — что

⁷ Архив внешней политики Российской империи // АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1833. Д. 83. Л. 262.

⁸ Международные отношения... С. 178.

этот последний 9 октября захватил Берат, главный город провинции, и что он обосновался там во главе четырех тысяч человек, провозгласив независимость Албании и призвав всех своих соотечественников к оружию»⁹.

В декабре 1834 г., после двух месяцев осады, восставшие снова овладели Бератской крепостью. Из представителей феодального класса, городских слоев, крестьянства был создан совет, заменивший османскую администрацию в освобожденных районах. Хотя Тафиль Бузи в своих воззваниях призывал к борьбе за освобождение родины, выдвигаемые им от имени повстанцев конкретные требования были более ограниченными: удаление турецких чиновников и солдат с албанской территории и уменьшение государственных налогов до размеров, существовавших в прежние времена. Для подавления восстания Порты направила большие силы, и Тафиль Бузи, которому вали (губернатор) Румелии обещал амнистию, в мае 1835 г. прекратил борьбу.

Но на этом тревожные для Порты события в Албании не закончились. Центром антиосманской борьбы стала Северная Албания, где стамбульское правительство возобновило попытки проведения в жизнь своих централизаторских реформ. 18 мая 1835 г. вспыхнуло восстание в Шкодре. 10 тыс. повстанцев (горожане и окрестные горцы) завязали бои с находившимися в городе османскими войсками. Для руководства борьбой был создан совещательный совет, в который вошли представители торговой буржуазии, ремесленников, чифлигаров, духовенства. Требования восставших включали: смещение губернатора Хафиз-паши, передача крепости Шкодры под управление албанца, отмена всех налогов, введенных в ходе проведения реформ. 14 июля 1835 г. повстанцы нанесли поражение войскам вали Румелии, который пытался пробиться на помощь к Хафиз-паше. После этого восстание охватило всю Северную Албанию.

Для Порты в Албании складывалась весьма тревожная ситуация. Под воздействием успехов североалбанских повстанцев на юге страны, который, казалось, был уже усмирен, снова появились признаки волнений. По мнению Г. А. Катакази, восстание «может стоить султану очень больших потерь и, может быть, господства над некоторыми многолюдными провинциями его европейских владений»¹⁰.

Но Порте и на сей раз удалось спасти господство в Албании. В поход против повстанцев была двинута 30-тысячная регулярная армия под командованием секретаря султана Васиф-эфенди и вали Румелии, берега Албании блокировал турецкий флот. Нанеся поражение отрядам повстанцев, султанские войска 18 сентября 1835 г. вступили в Шкодру. Пытаясь смягчить недовольство албанцев, Порта сместила

⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1835. Д. 102. Л. 14.

¹⁰ Международные отношения... С. 179–180.

Хафиз-пашу и заменила воинскую повинность денежным налогом. Также было отложено до 50-х годов проведение централизаторских реформ в санджаке Шкодра.

Восстания в стране не утихали и в последующие годы. В 1839 г. снова вспыхнул мятеж в Южной Албании с центром в Берате. Возглавила его феодальная знать, стремившаяся воспользоваться затруднениями Порты, возникшими в связи со смертью султана Махмуда II и поражениями турок в новой войне с Египтом. В своем донесении от 25 июля (6 августа) 1839 г. российский консул в Патрах Калоераки сообщал: «Новость о смерти султана, также как о поражении его армии в Сирии, быстро дошла до Янины и Албании и привела албанцев в волнение. Их вожди или беи проводят тайные совещания по этому поводу и даже намереваются поднять всеобщий мятеж против законного господства Оттоманской Порты»¹¹. По сведениям из албанских источников, представители повстанцев обратились к новому султану Абдул Меджиду с требованием об учреждении чисто албанской администрации в Южной Албании. Главой ее они предложили назначить Исмаил-пашу, внука Али-паши Тепелены, рассчитывая, что член этой известной феодальной семьи сможет объединить албанцев. В сентябре 1839 г. повстанцы овладели Бератской крепостью. В этих обстоятельствах Порты, хотя и не удовлетворила требования повстанцев, была вынуждена временно притормозить проведение централизаторских реформ на юге страны¹². Особенно большой размах приняло восстание 1847 г. Оно было вызвано сопротивлением широких масс населения, прежде всего крестьянства, реформам Танзимата, которые Порты начала проводить в жизнь в Южной Албании с 1845 г. Турецкие отряды появлялись там и здесь, собирая налоги, от которых албанцы раньше были освобождены, забирая рекрутов и разоружая население. Для организации сопротивления действиям турецких властей в деревне Месаплик (округ Влёра) в июне 1847 г. собрался кувенд — традиционное албанское собрание видных людей, — главным образом из представителей крестьянства. Кувенд решил не давать рекрутов, не платить новых налогов, не принимать назначенных Стамбулом чиновников. Он принял также решения большой политической важности: он объявил албанский народ — мусульман и христиан — единым и неделимым и потребовал, чтоб всем албанцам, независимо от их вероисповедания, были гарантированы жизнь, честь и собственность. На этой политической основе был создан союз представителей Южной Албании — Албанская национальная лига. Когда в следующем месяце турецкие сборщики налогов появились в горном районе Курвелеш для сбора джелепа — налога на овец, — горцы встретили их с оружием в руках.

¹¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1839. Д. 11. Л. 289.

¹² См.: Historia... 2002. Vëll. II. F. 91.

Вскоре восстание распространилось и на основные сельскохозяйственные районы Южной Албании — Мюзечю и Малакастру — и охватило также горный край Чамерию. Восстания вспыхнули также в Эльбасане, Тиране, Мати, Дибре. Более тысячи повстанцев после нескольких дней боев овладели городом Бератом и осадили турецкий гарнизон в крепости. Была осаждена также крепость Гирокастры. К восстанию примкнули и некоторые феодальные семьи, стремившиеся, однако, держаться в тени и не компрометировать себя перед Портой. Военными руководителями восстания стали выходцы из крестьянства — Зейнель-ага Гьолека и Рапо Хекали, приобретшие боевой опыт на службе в турецкой армии.

Повстанцы искали внешней поддержки у соседней Греции. Сама же Греция, отношения которой с Портой в то время обострились, поощряла албанцев к продолжению борьбы, обещая им материальную помощь. Но переговоры между повстанцами и греческим правительством окончились неудачей из-за того, что, как считают албанские историки, правящие круги Греции пытались использовать восстание в Албании для осуществления своих притязаний на албанские земли¹³.

Повстанцы одержали ряд побед над турецкими войсками, но слабое вооружение не дало им возможности овладеть крепостями Берата и Гирокастры. Напуганная размахом восстания и возможностью военного союза между повстанцами и Грецией, Порта направила в Албанию 15-тысячный корпус, послала к ее берегам военные корабли. Решающие бои развернулись в районе Берата. Повстанцы, оказавшись между двух огней — гарнизоном Бератской крепости и основными турецкими силами, — потерпели поражение. После этого некоторые феодалы отошли от восстания и подчинились туркам. Турецкие карательные операции в Южной Албании продолжались всю зиму 1847–1848 гг. Один за другим были подавлены все очаги сопротивления. Было брошено в тюрьму около 1000 повстанцев. Попал в плен и умер в тюрьме Р. Хекали. З. Гьолека же, вместе с группой приверженцев, нашел убежище в Греции.

В то же время с феодалами — участниками восстания — Порта обошлась довольно мягко. Правда, у некоторых из них имущество было конфисковано, а их семьи были высланы в Малую Азию. Но, по сведениям российского консула в Северной Греции И. К. Папаригопуло, наиболее видные беи Чамерии, находившиеся под покровительством британских властей на Ионических островах, не понесли какого-либо наказания¹⁴.

В восстаниях 30–40 гг. XIX в. отразились политические стремления различных общественных слоев. Широкие народные массы — основ-

¹³ Historia... Vëll. II. F. 96.

¹⁴ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. I–9. 1815–1873. Д. 1. Ч. 1. Л. 317.

ная сила восстаний — видели в передаче управления страной албанцам путь к освобождению от тяжелого чужеземного ига, от произвола навязанных Портой чиновников. В восстаниях приняли участие и феодальные круги, добивавшиеся восстановления своих прежних привилегий, которых они лишились в результате централизаторских реформ Порты. Круги эти отнюдь не были врагами османского господства и на определенных условиях были готовы к восстановлению сотрудничества с правящей верхушкой империи. Со своей стороны Порта также нуждалась в поддержке албанских феодалов и пошла им на значительные уступки. Начиная с 1848 г. были фактически приостановлены централизаторские реформы как на севере, так и на юге Албании. За некоторыми местными вождями были признаны их привилегии. Эта тактика помогла Порте обеспечить участие на ее стороне ряда албанских феодальных предводителей в турецко-черногорской войне 1852–1853 гг.

В период Восточного кризиса 1853–1856 гг. Порта также смогла в определенной мере использовать военные ресурсы Албании. Правда, отправить на русско-турецкий фронт на Дунай удалось только наемные отряды горцев-католиков из Северной Албании. Однако у их командира, капитана Мирдиты Биб Доды возник конфликт с турецким главнокомандующим Омер-пашой, и он, не приняв участия в военных действиях, вернулся в свои края. Не проявили склонности воевать против России и беи Южной Албании. Зато они весьма активно вмешивались в события в соседних провинциях Османской империи, особенно в Эпире, где жило тогда много албанцев и где в руках албанских феодалов находилась значительная земельная собственность. В июне 1853 г. Порта вывела свои регулярные войска из Эпира и Фессалии. Их заменили иррегулярные албанские отряды. По свидетельству иностранных консулов, местное население страдало от грабежей и бесчинств албанских наемников. Когда же в начале 1854 г. греческое население Эпира и Фессалии восстало против турецкого ига, некоторые из этих албанских отрядов действовали вместе с турецкими регулярными войсками против повстанцев.

Первые шаги албанского национального движения

Несмотря на свое поражение, антиосманские восстания 30–40-х гг. XIX в. внесли свой вклад в дело национального освобождения Албании. Албанская историография закономерно считает их начальным этапом албанского национального Возрождения — большого политического, общественного и культурного движения, увенчавшегося в 1912 г. провозглашением независимости страны. В ходе восстаний эпизодически звучали призывы к единству всех албанцев и освобождению родины. Раскрыв значительный потенциал освободительной борьбы у албанского народа, восстания в то же время показали большую региональную разобщенность в Албании, отсутствие общей политической программы и координации между отдельными освободительными выступлениями. Сказывалось отсутствие еще национального движения в точном значении этого понятия. Однако именно в 40-е годы XIX в. начала формироваться его идеология в условиях огромных и специфических трудностей.

В отличие от Греции и Сербии, население Албании в конфессиональном плане было разделено на три группы — мусульмане, православные и католики, — причем мусульмане, в которых османские завоеватели видели опору своей власти, составляли в начале XIX в. не менее половины населения страны. Этот религиозный раскол препятствовал какому-либо образованию с национальной окраской. Немногочисленные начальные школы зависели от духовенства трех существовавших религий. Преподавание здесь велось соответственно на турецком, греческом и итальянском языках, и училища эти были очагами распространения чужой культуры и идеологии. Другим серьезным тормозом для развития собственной культуры албанцев было отсутствие у албанского языка своего алфавита.

Однако, несмотря на тяжелые условия для какой-либо культурной деятельности в находившейся под османским гнетом Албании, деятельность эта все же проводилась. Более того, в культурной жизни Албании со второй половины XVIII в. сильнее начинает чувствоваться национальная струя. При этом возникло несколько очагов культуры, базой для которых стали те или иные сообщества албанского народа

с определенной конфессиональной окраской. Усиливаются и попытки создать собственный алфавит албанского языка. С конца XVIII – начала XIX в. до нас дошли пять оригинальных албанских алфавитов, имевших в своей основе греческую азбуку, которая, чтобы подчеркнуть самобытность албанского языка, стилизовалась под славянскую глаголицу. Автором одного из алфавитов был учитель и проповедник из Эльбасана Даскал Тодри (Теодор Хаджифилики). Он перевел на албанский отрывки из Библии. Сохранились рукописные переводы Тодри на албанский нескольких басен Эзопа. Алфавит Тодри и после его смерти использовался в среде православного населения Эльбасана, главным образом для хозяйственных записей¹.

В начале XIX в. албанский язык в культуре и быту православных жителей Южной Албании продолжал употребляться в письменной форме. В то время область находилась во власти Али-паши Тепелены, и этот правитель, хотя сам был мусульманином, поощрял употребление албанского письменного языка. Во владениях этого полунезависимого правителя греческий язык был фактически официальным языком администрации. Но некоторые распоряжения властителя были написаны по-албански с использованием греческого алфавита. Есть также сведения, что в эпоху Али-паши в православных училищах Южной Албании началось преподавание албанского языка. Некоторые албанские юноши при содействии Али-паши смогли продолжить свое образование за границей. Одним из них был Вангель Мекси, православный албанец из Гирокастры, учившийся медицине в Неаполе. Он составил албанскую грамматику и перевел на албанский язык Евангелие. Перевод был опубликован на греческом алфавите на Корфу в 1824 и 1827 гг.²

Национальная албанская струя начала проявляться и в культуре албанцев-мусульман. В XVII–XVIII вв. Албанию охватил процесс исламизации, всячески поощрявшийся османскими властями, приведший к изменениям в быте жителей, созданию нового типа архитектуры и городской культуры. Важнейшим центром мусульманской культуры в Албании стал Берат. Появившиеся среди образованных албанцев-мусульман поэты первоначально писали на турецком, арабском или персидском языках. Однако в XVIII в. поэты-мусульмане начали писать и на родном языке, используя арабскую графику. Так возникла литература «бейтеджи» (тур. *стихотворец*), распространявшаяся в рукописных списках. В первой же половине XIX в. она все более приобретает религиозно-морализирующую окраску. Самой видной фигурой этого периода поэзии бейтеджи был Мухамет Кючюку (1784–1844 гг.).

¹ Десницкая А. В. Албанская литература и албанский язык. Л., 1987. С. 36–37.

² Арш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. М., 1963. С. 270; Historia e letërsisë shqiptare. Tiranë, 1983. F. 55.

Наиболее известна его поэма «Эрвехея», написанная около 1820 г. В ней рассказывается нравоучительная история красавицы Эрвехе, сохранившей верность мужу, несмотря на все окружавшие ее соблазны и опасности. Эта поэма, написанная сравнительно простым языком и в реалистическом плане, изображала характер героини, обычаи и уклад жизни албанцев³.

Деятельность образованных албанцев-патриотов разных вероисповеданий способствовала тому, что не имевший своего алфавита албанский язык сохранил письменную традицию. Круг этих подвижников албанской культуры был узок: основная масса населения оставалась неграмотной. Но именно народные массы были носителями албанской самобытности, проявлявшейся в языке, обычаях, музыкальном и песенном творчестве, исторических традициях.

Могучей силой, способствовавшей сохранению единства и самобытности албанцев, было художественное народное творчество. Среди горцев Северной Албании особенно популярны были песни эпического цикла о деяниях братьев-богатырей Муйо и Халили и их дружинах. Повсеместно звучали песни лирические и обрядовые. Главным персонажем исторических легенд и песен был Скандербег. Народ наделил своего любимого героя чертами и святого, и одновременно — богатыря сверхъестественной силы. Подобно библейскому Моисею, Скандербег разрубает мечом гору, чтобы напоить водой свое войско; на своем волшебном коне он скачет с берега на берег, с горы на гору.

Общность языка, народной культуры, нравов и обычаев, исторических традиций была тем фактором, на котором зиждилось единство албанцев, несмотря на разделявшие их конфессиональные и региональные различия. Это был тот фундамент, на котором в 40-е годы XIX в. начала формироваться албанская национальная идеология. При отсталости общественных и культурных условий в самой Албании первоначально базой албанского национального движения стали, как это было с аналогичными движениями на Балканах, эмигрантские колонии.

Первым идеологом албанского национального Возрождения был Наум Векильхарджи (1797–1854 гг.)⁴. Будущий деятель национального движения родился в Виткуче, торгово-ремесленном городе Южной Албании, в купеческой семье. У себя на родине он получил образова-

³ Десницкая А. В. Указ. соч. С. 45.

⁴ О жизни и деятельности родоначальника албанского национального движения см.: *Islami M. Naum Veqilharxhi*. Prishtinë, 1978; *Dërmaku I. Rilindja Kombëtare Shqiptare dhe kolonët Shqiptare të mergimit në Rumani dhe në Bulgari*. Prishtinë, 1985. F. 28–46; *Xholi Z. Mendimtare të Rilindjes Kombëtare*. Tiranë, 1987. F. 39–64; *Апуш Г. Л.* Новые данные о видном деятеле албанского национального освободительного движения XIX века Науме Векильхарджи // Новая и новейшая история. 1974. № 6.

ние в одной из греческих школ — единственно доступных тогда для православного населения Албании. Юноша рос в семье, где ощущались антиосманские настроения и сильна была вера в освободительную миссию России — настрой, характерный в то время для многих православных жителей Балкан. Семье пришлось скрываться в Молдавии, в Галаце, есть сведения об участии Наума в восстании А. Ипсиланти⁵. В дальнейшем ему пришлось большую часть жизни провести в Бесарабии и Валахии, где он занимался адвокатской практикой и торговлей, но прежде всего и всегда — просветительством. Большой заслугой Наума Векильхарджи было то, что он первым из албанских патриотов начал борьбу за национальный язык и национальную школу. До того времени для письма на албанском языке, как уже говорилось, использовались арабский, греческий или латинский алфавиты. Но ни один из них не соответствовал вполне фонетическим особенностям албанского языка, и, что еще более существенно, все они служили средством распространения чужой идеологии и культуры. Векильхарджи же разработал для албанского языка специальный алфавит из 32 букв, который мог быть использован для обучения албанцев родному языку. На этом алфавите просветитель опубликовал в 1844 г. в Дунайских княжествах первый албанский букварь. Букварь начал распространяться в городах Южной Албании и вызвал большой интерес у земляков Векильхарджи, что побудило его выпустить в 1845 г. второй букварь, значительно более полный. Алфавит Векильхарджи, оказавшийся трудным для использования, не решил еще проблемы создания общенационального албанского алфавита.

Векильхарджи вошел в историю не только как первый албанский просветитель, но и как первый идеолог национального движения. Одновременно с выпуском букварей он подготовил и разослал циркулярное письмо ко «всем состоятельным и образованным православным албанцам». В нем и в некоторых других своих произведениях он изложил свои представления об Албании — народе и стране. Албанский народ, подчеркивал Векильхарджи, един, несмотря на распространение в стране трех религий; он имеет собственную территорию, язык, нравы и обычаи. Позади у албанцев долгая и сложная история: века мифологические, героические, политические и религиозные. Эти идеи просветителя имели большое значение для развития национального самосознания албанского народа и объединения его сил в борьбе против османского ига.

Произведения Векильхарджи были проникнуты глубокой верой в лучшее будущее своей страны. Она основывалась на его представле-

⁵ Подпись Н. Векильхарджи имеется в числе подписей «начальников греческой армии» под их обращением к Александру I от 9 (21) апреля 1821 г. См.: Alexandre Ypsilanti. Correspondance inédite, 1816–1828. Publ. par G. Arš et C. Svolopoulos. Thessaloniki, 1999. P. 85.

нии о неодолимости исторического прогресса, который связывался им прежде всего с распространением образования и культуры, с деятельностью просвещенных законодателей и реформаторов. Среди исторических деятелей, открывших новую эпоху для своих стран, Векильхарджи называл, в частности, русского царя Петра I. Мыслитель призывал своих соотечественников не падать духом в связи с тем тяжелым положением, в котором находилась тогда Албания, а «посеять хорошее семя», и тогда «грядущее поколение соберет прекрасные и очень сладкие плоды».

Национальная программа Векильхарджи носила чисто просветительский характер. Краеугольным камнем ее было распространение просвещения на албанском языке. Вопрос о борьбе за свержение османского ига в Албании непосредственно не ставился. Есть основания предполагать, что идеолог, имея в виду эту конечную цель национального движения, считал, что условия завоевания независимости его страной еще не созрели.

Патриотические произведения Векильхарджи стали первым программным документом албанского национального Возрождения. С изданием букварей и написанием циркулярного письма национально-просветительская деятельность Векильхарджи не прекратилась. Он подготовил рукописи еще нескольких книг на албанском языке для будущих национальных школ. В их учреждении и организации албанской типографии выразили готовность помогать некоторые купцы и интеллигенты торгово-ремесленного города Корча. Однако планам этим не суждено было сбыться.

Социально-политические условия и духовный климат Албании середины XIX столетия мало благоприятствовали осуществлению национально-просветительской программы Векильхарджи. Развитию национального самосознания православных жителей Южной Албании — арены просветительской деятельности Векильхарджи — противодействовала политика Константинопольской патриархии, рассматривавшей все православное население Балкан, находившееся под ее духовной властью, как «греков». Под влиянием этой идеи ряд богатых албанских купцов, к которым обратился Векильхарджи, отказали ему в поддержке, предпочитая давать деньги на греческие училища в Албании. Сама же Константинопольская патриархия не могла не отнестись враждебно к деятельности пропагандиста албанской национальной культуры, представлявшей угрозу духовному господству патриархии над православными албанцами.

Обстоятельства смерти Наума Векильхарджи до сих пор точно не установлены. Албанские патриотические круги эпохи национального Возрождения обвиняли в его смерти Константинопольскую патриархию. Той же точки зрения придерживаются и современные албанские историки. В академической «Истории албанского народа» говорится,

что патриархия, «чтобы сохранить „единство“ веры православных, которому якобы угрожала деятельность Наума Векильхарджи, побудила Порту принять меры против него»⁶.

Идеи Векильхарджи нашли определенный отклик не только у православных албанцев, но и у албанцев-мусульман. Однако и в этой среде распространение национальной идеологии наталкивалось на сильнейшее сопротивление. Развитию национального самосознания среди мусульманской части населения Албании препятствовала проводившаяся Портой религиозная пропаганда, имевшая панисламистскую окраску. Порта, как и Константинопольская патриархия, всячески препятствовала развитию албанской национальной культуры. Как писал в 1861 г. российский консул в Янине А. С. Ионин, «турки с одной стороны, и патриархия — с другой, упорно отказывались дать албанцам грамотность, создать для них алфавит, перевести несколько книг на их язык»⁷. Проводниками чужого идеологического и культурного влияния в мусульманской среде в Албании были крупные чифлигары, богатые купцы, связанные с турецким рынком, мусульманское духовенство — «туркоманы». Эти круги не только являлись опорой Порты в Албании, но и в случае необходимости готовы были прийти ей на помощь в борьбе с освободительным движением балканских народов.

⁶ Historia e Popullit Shqiptar. Tiranë, 2002. V. II. F. 105.

⁷ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. I–9. 1815–1873. Л. 760.

Обманчивый блеск Ункяр-Искелесийского договора

Эйфория по поводу подписания Адрианопольского мира продолжалась в царском окружении недолго. Ее сменили тревога и страх. В июле 1830 года грянула революция в Париже, за ней — в Брюсселе, в ноябре вспыхнуло восстание в Польше. Балканские дела, находившиеся в превосходном состоянии, отошли на второй план; Европа, представлялось самодержцу, требовала его внимания и забот. Первым его порывом при вести о «бунте» во Франции было порвать отношения с «узурпатором» — королем Луи Филиппом. Он снарядил к «друзьям», в Вену и Берлин, эмиссаров с целью разведать возможность совместного вмешательства. Старый Фридрих Вильгельм Прусский столько набегался от Наполеона, что и слышать не желал о новой схватке с галлами. Не нашлось волонтеров для участия в крестовом походе и в Вене, там еще не угасла память о четырех опустошительных и кровопролитных войнах.

Июльская революция войны дворцам не объявляла. Наступило время, когда на смену потомкам древних родов к власти приходили обладатели толстых кошельков. Николай Павлович, считавший, что на троне можно восседать только по милости Божьей, а не по воле улицы, оказался в одиночестве, самодержцу оставалось поддаться убеждениям К. В. Нессельроде и признать новый парижский режим. Какие душевные муки ему пришлось преодолеть, видно из записки вице-канцлеру: «Сдаюсь на ваши усилия, но призываю Небо в свидетели, что сделано это и останется против моей совести». Он продолжал третировать парижского выскочку. И вместо полагающегося между монархами обращения «Брат мой» написал обидное «Добрый друг».

«Король-буржуа» прошел в своей жизни огонь, воду и медные трубы. В молодости он вслед за отцом примкнул к Французской революции, принял фамилию Эгалите (Равенство), служил в ее армии офицером, дезертировал в страхе перед якобинской диктатурой, прошел все мытарства эмиграции, добравшись до Соединенных Штатов. Луи Филипп сделал все, чтобы 1830-й год не напоминал страшный 1793-й.

Бывший гражданин Эгалите был глубоко оскорблен позицией царя: «Император Николай рассматривает всякие персональные отно-

шения со мной, как будто я был болен чумой»¹. Луи Филипп умел терпеть, проглотил нанесенную ему обиду, но что продолжавшееся 18 лет третирование его особы со стороны царя наносило большой ущерб отношениям двух стран, нет сомнения. Маниакальная ненависть Николая к парижскому парвеню преграждала путь к их партнерству и заставляла обитателя Тюильри особо ценить дружбу с Великобританией.

Июльская монархия объявила, что собирается соблюдать все условия Венской системы договоров и не поощряла имевшиеся в стране реваншистские круги. На самодержца все это не действовало. Испытания победой 1829 г. Николай Павлович не выдержал, голова его закружилась от успеха, присущая его натуре самоуверенность затмила такие полезные для государственного мужа качества, как реализм, осторожность, сдержанность в суждениях, умение смириться с неизбежным. Николай Павлович по сути дела толкал орлеанистский режим в объятия Джона Буля. А возродившаяся из пепла поражения Франция представляла величину на европейской арене, и у нее были немалые очаги напряженности в отношениях с Англией. В Лондоне косо смотрели на тесные сношения Тюильри с египетским владыкой Мухаммедом Али, на завоевание Алжира, на попытку Луи Филиппа пожить при разграничении между Нидерландами и вновь образованным Бельгийским королевством. Глава Форин офис обошелся тогда с французами грубо, заявив буквально, что им не удастся оттянуть в свою пользу ни одной капустной грядки. Британцам удалось пристроить на престол в Брюсселе члена своей королевской фамилии Лепольда Саксен-Кобургского, мужа рано скончавшейся принцессы Шарлотты, Луи Филиппу пришлось удовольствоваться тем, что он отдал свою дочь в супруги новому монарху. Брак выдался счастливым, и потому пары по сей день царствуют в Бельгии.

Было бы неверно приписывать англо-французское сближение 30-х годов, вылившееся в образование первого «сердечного согласия», Антанты, исключительно тому остракизму, которому царь подвергал обитателя Тюильрийского дворца. Всякое слабое правительство во Франции (а таковым являлся орлеанистский режим) нуждалось в добрых отношениях с Альбионом. Приступать к созданию второй колониальной империи, после того как остатки первой растерял Наполеон, можно было только с санкции владычицы морей, хотя бы молчаливой, так что существовали мощные факторы, толкавшие «морские державы» к сотрудничеству. В том же направлении действовал Николай Павлович, когда с упрямством носорога портил отношения с Францией. А в образовавшуюся брешь проникла меттерниховская

¹ *Таньшина Н. П.* Орлеанская Франция и «европейский концерт» // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 136.

дипломатия. Австро-российские противоречия несколько сгладились, Меттерних, в отличие от своих преемников, не выдвигал притязаний на турецкие земли, а самодержец «после Адрианополя» сдал в архив свою наступательную политику на Балканах. Открылось поле для сотрудничества в охране устоев общества от шашней революционеров.

Меттерних быстро убедился в том, что парижские «узурпаторы» и не думают посягать на Венскую систему договоров, ведут себя сдержанно и благоразумно, а царизм занялся подавлением собственных польских подданных. Двинуться с мечом на Галлию не было ни смысла, ни возможности. Российско-австрийское сотрудничество вылилось, если не считать обмена полицейскими доносами о кознях злоумышленников, в род душевного альянса.

На этом европейском фоне происходила растянувшаяся на четверть века англо-российская дипломатическая дуэль на Балканах, завершившаяся Крымской войной.

* * *

Охранительные функции на континенте император Николай собирался сочетать с хозяйничанием на его юго-восточных окраинах, с подчинением ослабленного государства Османов своему влиянию. И, как венец всего, виделся его развал под грузом центробежных сил без какого-либо вмешательства извне. И тогда станет возможно, не опасаясь упреков и противодействия, призвать «Европу» к заполнению вакуума, разделу его останков на сферы влияния. При этом упускалось из виду то колоссальной важности обстоятельство, что в еще живой Турецкой державе придется иметь дело с сильными и располагавшими большими средствами воздействия соперниками. Политика Зимнего дворца стала базироваться не на реалиях, а на фикциях. Царь взял на себя заботу о наследстве «больного человека», пытаясь привлечь к осуществлению своих замыслов державы, которые его смерти не желали и собирались выступать в роли его лекаря. После нанесенного в Адрианополе власти султана удара в искренность клятв царя, что он не подталкивает Османскую империю к гибели, никто не верил.

Штиля в восточных делах не наступило. Неприятности обрушились с неожиданной стороны. Осенью 1831 г. разразился конфликт между султаном и правителем Египта Мухаммедом Али, который остался недоволен полученным за участие в борьбе против греческой революции вознаграждением. Египетские войска заняли Сирию. В сентябре 1832 г. армия под командованием сына паши Ибрагима преодолела горный хребет Тавр и вступила в Малую Азию. 11 декабря великий везир потерпел поражение в битве при Конье. В Констан-

тинополе началась паника, и Восточный вопрос вновь встал в повестку дня «концерта держав».

Турки метнулись за помощью в Лондон. Встретили их эмиссаров приветливо, но к немедленному ответу на письмо султана королю Вильяму IV, не говоря уже о реальной поддержке, хозяева не были готовы. Крутой разворот событий на Востоке застал Форин офис врасплох. Правительство было поглощено внутренними делами, осуществлением избирательной реформы (1832 г.), ликвидировавшей так называемые «гнилые местечки» и значительно снизившей имущественный ценз. В стране происходили судьбоносные перемены. В 1832 г. парламент принял новый избирательный закон, перекроив округа и снизив имущественный ценз. В вигийском (либеральном) кабинете ведомство иностранных дел возглавил лорд Г. Д. Пальмерстон, который до своей смерти в 1865 г. играл видную роль в определении и проведении внешнеполитического курса страны.

Но пока что, после Адрианополя, турецкие дела находились, с британской точки зрения, в неутешительном состоянии. В Форин офис не могли разобраться, вступила ли держава султана уже в состояние комы, или у нее сохранились шансы на выживание. И не пора ли переориентироваться на Мухаммеда Али? По здравому размышлению мысль была подброшена; сам старец признавался крупным политическим деятелем, но неизвестно, сколько ему отпущено земного существования. А его сын Ибрагим — способный генерал, но не более, и к тому же горький пьяница. Мухаммед Али, выходец из скромного албанского рода, в молодости, по слухам, промышлял разбоем на большой дороге. Султан — прямой потомок Магомета, халиф (верховный глава всех мусульман, в том числе и проживавших в Индии). Никогда временный владыка Египта не будет пользоваться в исламской среде тем уважением и пиететом, с которым она относится к халифу и падишаху (императору). Мысль о переориентации по здравому размышлению была отброшена. Обнаружилось, что у британского кабинета, даже при желании делом помочь Порте, отсутствовали необходимые на то силы, флот его величества блокировал голландские берега, побуждая короля Вильгельма к уступчивости при проведении границы с только что появившейся на свет Бельгией, другая эскадра «сторожила» Португалию, где происходила гражданская война. Г. Д. Пальмерстон признавался в беседе с российским послом Х. А. Ливеном: «Великобритании было бы трудно предоставить султану действительную помощь. Британский флот находится в разных местах...» Король написал письмо своему «брату» в Стамбул с изъявлением дружеских чувств, заверением в своей заинтересованности в сохранении Османской империи в целостности и незыблемости и обещанием не оставлять ее в беде².

² *Seton-Watson R. W. Britain in Europe. Cambridge, 1932. P. 221. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1833. Д. 117. Л. 291.*

Дружеские излияния за королевской подписью не могли заменить Порте военной поддержки. В Петербурге, в отличие от Лондона, не знали колебаний, утверждение Мухаммеда Али в Стамбуле означало бы конец всего курса отношений с Портой, заложенного в Адрианополе. Вместо «тяжело больного» на границах империи появился бы сильный и беспокойный сосед, за спиной которого маячил парижский «узурпатор» Луи Филипп. Николай I предвидел распад турецкой державы, но он должен был происходить под его надзором и к его выгоде, а тут вырисовывалась перспектива погружения в мрачную и исполненную опасностей неизвестность.

В ноябре 1832 г. царь направил в Константинополь и Александрию генерал-лейтенанта Н. Н. Муравьева, знакомого с ближневосточными делами и владевшего турецким языком. Тому удалось добиться у Мухаммеда Али издания приказа о прекращении наступления его армии. Но, то ли из-за медлительности тогдашних средств сообщения, то ли по злой воле, продвижение войск продолжалось. Они заняли Кутахью и приблизились к Брусе (Бурсе), до Мраморного моря оставалось рукой подать.

Убедившись, что Лондон из дремотного состояния не выведешь, султан обратился за помощью к России. Он просил прислать сухопутный отряд в 25–30 тыс. штыков и эскадру. 8 (22) февраля 1833 г. эскадра в 9 выпелов (5 линейных кораблей и 4 фрегата) бросила якорь на Босфоре у Буюк Дерё. Тем временем Ибрагим сместил турецкие власти в Смирне (Измире), показав тем самым, что собирается обосноваться там всерьез и надолго. Напуганный Диван запросил новых подкреплений. 26 марта (7 апреля) на Босфор прибыла вторая морская дивизия (11 выпелов) с десантом на борту. На азиатском берегу пролива, в Ункяр-Искелеси, расположился десятитысячный отряд пехоты. Мухаммед Али признал свой проигрыш: по египетско-турецкому перемирию, заключенному при содействии французской дипломатии в ставке Ибрагима в Кютахье, он удовлетворился пожизненным правлением в Сирии и округе Алан (май). Договоренность представлялась зыбкой, египтяне не покидали занятых позиций.

В том же мае в Стамбул для руководства всеми дипломатическими, а в случае нужды и военными операциями прибыл генерал Алексей Федорович Орлов, уже известный здесь по переговорам, приведшим к подписанию Адрианопольского мира. Он нанес визиты сановникам и был принят султаном Махмудом. Все его собеседники признавали, что царские войска избавили столицу от нашествия и выражали желание оставаться под их защитой и впредь. Орлов заверял министров, что не покинет их в беде.

12 (24) мая Ибрагим известил великого везира, что приступил к эвакуации войск, растянувшейся на полтора месяца и проходившей под наблюдением турецкого и русского офицеров. 25 июня (7 июля)

Орлов уведомил падишаха об уходе последнего египетского солдата за Таврский хребет и «испросил» разрешения на возвращение домой экспедиционного корпуса, которое было немедленно и с величайшей готовностью дано.

А на следующий день взорвалась дипломатическая бомба, состоялось подписание российско-турецкого оборонительного союзного договора, названного Ункяр-Искелесийским. Суть его заключалась в следующем: стороны во имя обеспечения своего спокойствия и безопасности согласились «подавать взаимно существенную помощь и самое действительное подкрепление», Россия — сухопутными и морскими силами, Турция от подобной тягости освобождалась и ограничивала «действия свои в пользу Российского двора закрытием Дарданелльского пролива, т. е. не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким-либо предлогом»³.

О Босфоре текст умалчивал, запрета на вход в него не налагалось, умолчание логично было толковать как разрешение на вступление в пролив, что серьезно укрепляло безопасность Черноморского региона⁴. Николай Павлович мечтал увидеть распад Османской империи и полубовный раздел между державами сфер влияния на ее развалинах, но не помышлял о насильственном ее сокрушении с последующим столкновением с ее покровителями. Никаких конфликтов при том не предвиделось, прорыв флота в Средиземное море не намечался, это привело бы к всеевропейской бойне. Сколь ни утопичны были царские замыслы, из них следует исходить при оценке подписанного акта. Помощь султану предусматривалось оказывать лишь в случае внешней угрозы его власти: «Россия будет защищать Турцию только против агрессии, — говорилось в инструкции А. Ф. Орлову, — при этом лишь в европейских владениях»⁵. Освободительное движение подданных агрессией не считалось. Связывать себя обязательством подпирать разваливавшуюся громадину и тем более восстанавливать ее там, где она рухнула, царский двор не собирался. Орлов вежливо, но твердо отклонил попытки своих турецких собеседников договориться о наступательном союзе. Босфор был открыт для судов под Андреевским флагом по призыву и с санкции Высокой Порты, что же касается Дарданелльского пролива, то фигурировавшие в трактате формулировки отражали отсутствие не только планов, но и намерения форсировать его и врываться на просторы Средиземноморья навстречу могучей британской эскадре. Стоит привести здесь заявление К. В. Нессельроде в письме А. Ф. Орлову: надо, чтобы Порта связала себя «официальным

³ Горяинов С. С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. С. 38.

⁴ Дранов Б. Л. Черноморские проливы. М., 1948; Киняпина Р. С. Ункяр-Искелесийский договор // Научн. доклады высш. школы. М. 1958. № 2; Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 101.

⁵ Киняпина Н. С. Указ. соч. С. 42.

соглашением, которое обезопасило бы южные провинции, граничащие с Черным морем». Ранее действовало «древнее правило» турецкой державы о закрытии Проливов. Но ведь правила существуют на то, чтобы их нарушали. Теперь вход для незваных гостей со Средиземного моря запирался на более прочный международный замок. Давая высокую оценку договору, Е. П. Кудрявцева сопровождает ее важным уточнением: «Россия обезопасила свои южные границы и превратила Черное море во внутренний русско-турецкий бассейн. Все это являлось крупным политическим достижением России, впрочем, очень скоро утраченным»⁶.

На этом «впрочем» стоит остановиться.

Реакция Уайт-холла на заключение договора была немедленной и бурной. Глава Форин офис Г. Д. Пальмерстон счел, что трактат превратил Порту в вассала России. Парламентская оппозиция использовала провал либерального кабинета для ожесточенных нападок на него. Т. Аттвуд уверял, что Англия подверглась невиданным оскорблениям и унижениям со стороны России: «Теперь у русских в руках Константинополь или по крайней мере Скутари, а Скутари — тот же Константинополь, — горячился Аттвуд. — Завтра русские получают крепости на Дарданеллах, и понадобится миллион фунтов стерлингов, чтобы выдворить их оттуда». Завершил он свою речь на истерической ноте: «Пройдет несколько лет... и эти варвары научатся пользоваться мечом, штыком и мушкетом почти с тем же искусством, что и цивилизованные люди». Пришло время объявить России войну, «подняв против нее Персию с одной стороны, Турцию — с другой; Польша не останется в стороне, и Россия рассыплется, как глиняный горшок». Г. Темперлей, живописуя обстановку, писал о «лае парламентской своры»⁷. Пресса бушевала, по стране расплозились русофобские настроения. Критика раздавалась и с другой стороны Ла-Манша. Франсуа Гизо, тогда — министр просвещения в правительстве Луи Филиппа, утверждал: «Петербургский кабинет сделал из Турции официального своего подчиненного, а из Черного моря — русское озеро без того, чтобы что-либо мешало ей самой (России) из него выйти и перебросить в Средиземное море свои войска и суда»⁸.

Подобного стремления не существовало и в помине. В исторической перспективе, в свете развернувшегося вскоре британского наступления, в ходе которого российские позиции на Ближнем Востоке полетели кувырком, все происходившее выглядит как буря в стакане во-

⁶ Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 155; Восточный вопрос... С. 101; Россия и Черноморские проливы. М., 1999. С. 119.

⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1833. Д. 119. Л. 208–209; The Mirror of Parliament. № 52. 03.08.1833. L., 1833. P. 2874–2875; Temperley H. England and the Near East. L. etc., 1936. P. 78.

⁸ Россия и Черноморские проливы... С. 116.

ды. Но участники драмы действовали под влиянием своих эмоций и продолжали накалять атмосферу.

В октябре 1833 г. кабинеты Лондона и Парижа направили резкий демарш петербургскому ведомству иностранных дел: в случае вооруженного вмешательства России во внутренние дела Турции (о котором та и не думала) две державы «сочтут себя вправе следовать образу действий так, как если бы помянутого трактата не существовало». Ответ российского МИДа был выдержан в энергичных тонах: договор будет выполняться, как если бы упомянутой ноты не существовало⁹. Оппоненты предприняли попытку привлечь к антироссийскому дуэту Австрию. Князь К. Меттерних не поддался на нажим. Адрианопольский мир он встретил в паническом настроении: «зло свершилось, существование Оттоманской империи стало проблематичным». Но, придя в себя, он успокоился. Курс царя на сохранение слабого соседа Габсбургов вполне устраивал, «больной человек», по мнению Меттерниха, проскрипит еще десятки лет. Николай представлялся важным партнером при сохранении в неизблемости Венской системы договоров. Меттерних сознавал — позиции самодержавия в 1829 и 1833 годах несопоставимы. Царь стал гораздо отзывчивее к его призывам крепить фронт против гидры мятежа, а в восточных делах гораздо доступнее голосу разума. Показательно заявление Николая Павловича послу в Петербурге Ш. Л. Фикельмону: обладание Константинополем привело бы к созданию нового центра притяжения для южных провинций, начиная с Грузии и кончая Украиной и Бессарабией. Российская держава распадется на две части, и скорее всего это приведет к созданию нового государства, которое уже не будет русским. По логике Меттерниха, в создавшихся условиях следовало не бумажными протестами заниматься (намек на Великобританию), а без шума и под журчание дружеских речей вместе с Веной установить нечто вроде контроля над активностью самодержавия на Востоке¹⁰.

В сентябре 1833 г., в разгар «нотной войны» с «морскими державами», в Мюнхенграце (ныне — Мнихово Градиште в Чехии) состоялась встреча Николая Павловича с кайзером Францем и прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. Монархи договорились о взаимопомощи в борьбе с «мятежными движениями». Они совершили политически бестактный и практически бесполезный шаг, направив Луи Филиппу «дружеский совет» о противодействии революционной пропаганде, чем добились крутого крена Орлеанского режима в сторону Англии. Два императора обязались «поддерживать существование Оттоман-

⁹ *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887. С. 383; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1833. Д. 3. Л. 38–39.

¹⁰ *Рахмисир П. Ю.* Князь К. Меттерних, человек и политик. Пермь, 2005. С. 243; *Molden E.* Die Orientpolitik des Fürsten Metternich 1829–1833. Wien-Leipzig, 1913. S. 87, 114–115.

ской империи под властью нынешней династии». В секретной статье предусматривалось, однако, что, если «невзирая на общие их пожелания и усилия, нынешний порядок был бы все же ниспровергнут», они будут сообща «иметь наблюдение за тем, чтобы перемены, совершавшиеся во внутреннем положении этой империи, не могли нанести ущерба безопасности их собственных владений, ни правам, обеспеченным каждому из них договорами, ни европейскому равновесию»¹¹. Склонный к самообольщению царь вообразил, будто склонил партнеров к участию в эвентуальном дележе наследства «больного человека». На самом деле он получил на руки пустую бумажку, ибо австрийская монархия прочила «больному» еще долгие годы жизни. Николаю I позволили лишь тешиться излюбленной мыслью. Реальное значение встречи в Мюнхенгреце состояло в том, что Россия на какое-то время вышла из международной изоляции.

Меттерних, не заинтересованный в нарастании конфликта в Европе, не говоря уже о перерастании его в войну, выступил в роли своего рода дипломатической подушки, стремясь смягчить остроту столкновения России с Великобританией и Францией¹². В оценке встречи в Мюнхенгреце он выступал как реалист, а царь — как фантазер. Австриец правильно решил, что лишняя здравница в честь Османской империи не помешает, но оказался не понятым за Ламаншем, и у него буквально на пустом месте произошло столкновение с Пальмерстоном. Канцлер убеждал упрямого британца, что в Мюнхенгреце царь согласился с австрийской политикой сохранения Турецкой империи, а не он с российским курсом на ее разрушение. Пам ему не верил и в грош не ставил старика — тот робок, лжив и труслив и «по турецким делам выступает глашатаем России». Меттерних жаловался — у Пальмерстона темперамент дуэлянта. Он твердил, что Россия была, есть и будет могильщиком Османской державы (хотя в этом плане самодержавие взяло серьезный тайм-аут). Свою же политику он формулировал кратко и выразительно в письме к послу в Вене сэру Фредерику Лэму: «Страны, составляющие турецкую империю, должны образовать независимое и прочное политическое государство, способное играть свою роль в общем балансе сил»¹³.

Последствий перепалка между министрами не имела. Начавшееся британское наступление на российские позиции в Константинополе показало надуманность и беспочвенность опасений Пама насчет нависшей над бедняжкой Турцией угрозы.

¹¹ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 4. СПб., 1888. С. 445–446.

¹² Molden E. Op. cit. P. 114.

¹³ Рахшмип П. Ю. Указ. соч. С. 267; Bolsover G. H. Palmerston and Metternich on the Eastern Question in 1834. The English Historical Review. Apr. 1936. P. 242, 252; Rodkey Sh. The Views of Palmerston and Metternich on the Eastern Question in 1834. Ibid. Oct. 1930. P. 638.

В конце 1833 г. в Петербурге успокоились: западным нахалам дали по рукам, с Веной удалось достичь договоренности. В отчете МИДа выражалась надежда на то, что Ункяр-Искелесийский договор «раз и навсегда положит конец колебаниям Турции» в выборе союзников. «Восточный вопрос закрыт, по крайней мере так заявляем мы», — ликовал Нессельроде¹⁴. Увы, сие от него не зависело, и скоро Карлу Васильевичу пришлось спускаться с небес на землю. Иной точки зрения придерживался виконт Генри Джон Пальмерстон, прочно утвердившийся не только во главе Форин офис, но и внешней политики Великобритании. В течение тридцати лет борьба за преобладание в Европе и на Ближнем Востоке, за округление владений короны, за контроль над имперскими морскими коммуникациями шла под аккомпанемент пальмерстоновского красноречия. Именно ему принадлежит затасканная нашими СМИ и приписываемая то Б. Дизраэли, то даже У. Черчиллю фраза: «У нас нет ни вечных врагов, ни постоянных союзников. Но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их — наш долг».

Подкоп под Ункяр-Искелесийский договор он начал исподволь и без промедления (недаром Д. Голдфрэнк один из разделов своей книги о Крымской войне озаглавил «Великобритания — прыжок вперед, 1833–1841») ¹⁵. В беседах с турецким послом Мустафой Решидом-пашой, будущим выдающимся реформатором, Пальмерстон подчеркнуто именовал Мухаммеда Али «губернатором Египта» и заверял, что не будет способствовать его «порочным наклонностям», манил Порту перспективой возврата Сирии, предостерегал от коварства «москвитов» ¹⁶. Пребывание в Лондоне убеждало Решида в британской мощи и богатстве, пашу пленял конституционный строй страны, он превратился в убежденного англофила.

Царизм не мог противостоять напору британской дипломатии, опиравшейся тогда на безбрежные экономические и финансовые ресурсы, морскую мощь, идеологический потенциал, под воздействием которого находилось турецкое реформационное движение. Российская дипломатия металась в поисках средств для отпора и не находила их — ни товаров, ни кредита, ни идей, а от дремуче отсталого самодержавного строя порядочные люди отшатывались в негодовании и испуге. Дипломатия не допустила ни единого провала и даже значительного промаха. Но на балканской почве состязались державы разной весовой категории, одна — феодальной, другая — капитали-

¹⁴ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1833. Л. 8, 28; Ф. Канцелярия. 1833. Д. 121. Л. 287.

¹⁵ *Temperley H.* Op cit. P. 77; *Guedella Ph.* Palmerston. L., 1950. P. 260; *Goldfrank D.* The Origins of the Crimean War. L.; N. Y. 1993. P. 46.

¹⁶ *Дулина Н. А.* Изменения в османской дипломатии в 30–40-е годы XIX века // *Туркологический сборник.* М., 1975. С. 70; *Puryear V. J.* International Economics and Diplomacy in the Near East. Stanford, 1935. P. 50–53, 27; *Webster Ch. K.* Op. cit. P. 341, 336.

стической, и Турция уплывала из зоны российского влияния. Охлаждали к официальной России и вожаки балканского освободительного движения, и даже отворачивались от нее, когда исчезала нужда в ее услугах.

Роковым для самодержавия выдался 1838-й год — количество переросло в качество, утрата позиций дошла до степени, приведшей к перерождению отношений с Турцией. Именно в тот год был подписан акт, скромно названный торговой конвенцией между Великобританией и Османской империей. Он предусматривал продолжение консульской юрисдикции над подданными ее величества и сохранение за купцами прежних привилегий, устанавливал низкую, в 5 %, ввозную пошлину, означавшую по сути дела свободу торговли для британских купцов (напротив, вывоз из Турции облагался 12%-м сбором)¹⁷.

Конвенция носила ярко выраженный неравноправный характер, обязательства налагались только на Порту, о принципе взаимности для турецких товаров вообще не говорилось. Султан Махмуд не сразу дал санкцию на ее подписание. Колебания его прекратились по соображениям не глубинно реформаторского, а конъюнктурно-политического свойства, исходившим из страстного желания сокрушить ненавистного Мухаммеда Али с британской помощью.

Самодержавие в бессилии наблюдало за переходом Турции под британское крыло. Закрепляя сближение со Стамбулом, Пальмерстон направил корабли к устью пролива Дарданеллы, состоялись совместные англо-турецкие морские маневры в Восточном Средиземноморье. Одновременно, в сентябре-октябре 1838 г., черноморская эскадра крейсировала у северного побережья Малой Азии. Эти параллельные и взаимноугрожающие учения явились зримым свидетельством отхода Порты от ориентации на Россию.

Осенью 1838 г. Решид-пашу снарядили в Лондон с предложением наступательного союза. В столице, однако, не проявили желания ввязываться в войну ради престижа падишаха. Лишь в марте 1839 года Пальмерстон известил посланца о принципиальном согласии кабинета помочь флотом в случае непокорности Мухаммеда Али. О возвращении султану Сирии вообще не упоминалось.

Турецкий демарш в Петербурге с подобной же просьбой отклика не встретил, Николай I не собирался наниматься на службу к султану ради упрочения его власти в Азии. И тогда Махмуд пошел ва-банк. 21 апреля турецкая армия переправилась через Евфрат и открыла военные действия против египтян. Порта очертя голову бросилась в авантюру, и катастрофа не замедлила разразиться. 24 июня османская ар-

¹⁷ Дулина Н. А. Англо-турецкий договор 1838 г. и его влияние на экономическое развитие Османской империи // Народы Азии и Африки. 1970. № 3. С. 70–74; Puryear V. J. Op. cit. P. 78–80.

мия, вторгшаяся в Сирию, потерпела разгром в битве при Низибе. 10 июля скончался султан Махмуд¹⁸. На этом бедствия Порты не кончились. Капудан паша Февзи Ахмед пошел на открытую измену и увел флот (12 линейных кораблей, 8 фрегатов, не считая мелких судов) в Александрию, к Мухаммеду Али. Слово «паника» лишь в малой степени отражает то, что творилось в Стамбуле. Чтобы умиловить грозного владыку Египта, 16-летний султан Абдул Меджид пожаловал ему высокий орден и наследственное владение Египтом. Старец в ответ предложил передать ему и его роду Сирию, Киликию, Юго-Восточную Анатолию, остров Крит и Аравию, или 35–40 % всего пространства империи.

И тут вмешались послы. 24 июля Порта получила коллективную ноту с извещением, что «достигнуто согласие между пятью державами по Восточному вопросу с предложением „воздержаться от какого-либо окончательного решения без их участия, выждав результата интереса, который они к нему проявляют“»¹⁹.

Демарш означал прямое вмешательство во внутренние дела Турции, и тем не менее оно вызвало ликование в Диване и серале, об уважении к суверенитету страны в Стамбуле уже не помышляли. Порта лишилась самостоятельности во внешней политике и из субъекта международных отношений превращалась в их объект, ее уделом становилось лавирование и игра на противоречиях между державами.

На самом деле ничего похожего на согласие между участниками «европейского концерта» не существовало. Обстановка по сравнению с 1833 годом изменилась совершенно, английская и российская дипломатии как бы поменялись местами. Г. Д. Пальмерстон был настроен решительно и так излагал свои соображения в депеше Г. Булверу: «Турция еще может продержаться; ни одна империя не развалится на куски сама, если приветливые соседи не разорвут ее силой». Министр придумал даже утешительную сентенцию — империя султана вовсе не деградирует, просто державы все больше знакомятся с ее пороками²⁰. Меттерних вообразил было, что возвращается время конференций и конгрессов и предложил Вену как место для ближайшего форума. Никто не обратил внимания на его вылазку.

У самодержавия не осталось сомнения. — Высокую Порту в беде не оставят, и при том могут обойтись без услуг с его стороны, что привело бы к опасному усилению позиций соперников на Балканах и Ближнем Востоке. На исходе срока действия Ункяр-Искелесийского договора (8 лет) царизм очутился в полной изоляции. В переписке К. В. Нессельроде зазвучала тревога: «Без нашего участия Австрия,

¹⁸ Новичев А. Д. История Турции. Новое время Т. 3. Ч. 2. Л., 1973. С. 39.

¹⁹ Татищев С. С. Указ. соч. С. 197.

²⁰ Bourne W. K. The Foreign Policy of Victorian England. L., 1971. P. 230–233.

Англия и Франция готовы сделаться между собою в комбинации, придуманной будто бы в пользу Турции, а в действительности направленной против нас»²¹. Отсюда — соавторство в июльском коллективном демарше.

Пребывание в «концерте» быстро убедило российских «музыкантов», что сотрудничество «оркестрантов» покоится на глиняных ногах. Французы не желали смириться с тем, что Мухаммед Али может лишиться всего за пределами Египта. Король Луи Филипп не скрывал от британцев, что не найдет правительства, готового развязать войну против старца. Обрисовались две возможные модели урегулирования: французская — только мирным путем и с наградой покровительствуемому; английская — выдворение Мухаммеда Али отовсюду, помимо Египта, не останавливаясь перед применением силы.

Поддержку своим замыслам Пальмерстон встретил с неожиданной стороны — от царизма. Уполномоченный на переговоры Ф. И. Бруннов привез намеченный царем план урегулирования, предусматривавший не только обуздание египтянина, но и решение вопроса о Черноморских проливах, их закрытие для военных судов всех стран.

Изложенный план означал отступление от прежнего основополагающего принципа — решать русско-турецкие дела тет-а-тет, без всякого постороннего вмешательства. Ункяр-Искелесийский договор не принес ожидаемых плодов, под его сенью Петербург растерял имевшиеся у него ранее преимущества, перешел в Восточном вопросе к обороне и теперь пытался остановить британское наступление, пока не стало поздно. С его мнением еще считались и определенной доли влияния у него не оспаривали: «Мы должны обеспечить нашу собственную безопасность и безопасность Турции; поэтому нам необходимо, чтобы Черное море не было открыто для иностранных военных кораблей», — докладывал Нессельроде царю²². Для Великобритании ценность формулы заключалась в том, что начисто, даже теоретически, исключалось появление севастопольской эскадры в Средиземном море и устранялась какая-либо угроза с севера имперским путям «владычицы морей».

Пальмерстон сразу же разгадал тайный замысел петербургского двора — превратить намечавшуюся трещину в англо-французских отношениях в серьезную ссору и осуществить навязчивую идею Николая Павловича об изоляции ненавистного Луи Филиппа. Так далеко Пальмерстон идти не собирався, галлов, хлопотавших в пользу египетского старца, следовало одернуть, но не больше. Пальмерстон был готов пойти на размолвку с Тюильри, даже серьезную, будучи уверен,

²¹ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. С. 461; Горяинов С. С. Указ. соч. С. 46–47.

²² Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — нач. 40-х гг. XIX в. М., 1975. С. 101.

что она в разрыв не превратится, и что внутренне слабый режим Луи Филиппа сам прибежит в Лондон с покаянием и пальмовой ветвью в руке. Но раздались громкие протестующие голоса в самой Великобритании, кабинет проявлял сильное нежелание осложнять отношения с Францией, пресса не слезала с антироссийского конька²³. Пальмерстону пришлось демонстративно подать заявление об отставке и перетянуть на свою сторону колебавшегося премьера В. Мелборна, чтобы его коллеги сдались и дали санкцию на подписание подготовленной конвенции без Франции.

А во Франции страсти разгорелись не на шутку. Толпа в Париже разбила стекла в особняке британского посольства. В Тулоне снаряжался флот. Правительство Ф. Гизо ушло в отставку, будучи обвинено в бездействии и нерешительности. Пальмерстон, чтобы смягчить обстановку, согласился возвратить с острова Святой Елены в Париж останки Наполеона, дабы буйная общественность занялась перенесением праха героя в Пантеон, и эти «взрослые дети» пришли в себя. Напрасно. Успокоения он не достиг, министр-президент А. Тьер, по словам Ч. Вебстера, извергал «дым и пламя».

15 июля 1840 г. уполномоченные Великобритании, России, Австрии, Пруссии и Турции подписали в Лондоне серию документов, известных под общим названием конвенции о Проливах. Территориальный вопрос предполагалось урегулировать так: Египет предоставлялся Мухаммеду Али в наследственное владение, пашалык Аккра — в пожизненное; если согласие Мухаммеда не приходило в течение 10 дней, отпадало условие насчет Аккры, по прошествии двадцати дней — насчет Египта. По статье третьей конвенции Англии, Россия и Австрия обязывались защищать Константинополь. Черноморские проливы закрывались для военных кораблей всех стран, «пока Порта находится в мире». Сама Высокая Порта играла в истории с подготовкой конвенции, знаменовавшей этап в ее подчинении западным державам, декоративную роль²⁴.

Севастопольская эскадра оказалась прочно запертой в Черном море, но Николай I предавался торжеству. О тех потемках самообмана, в которых блуждал самодержец, можно судить из его письма «отцу-командиру» фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу: «Конвенция между Англией, Пруссией, Австрией, мной и Турцией подписана без Франции! Новая эпоха в политике»²⁵. В своем ослеплении царь всерьез воображал, что добился прочного сотрудничества с Великобританией и изолировал ненавистного Луи Филиппа, который, по большому счету,

²³ The Examiner. 1839. 6 oct.

²⁴ Конвенцию 1840 г. см.: Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 12. СПб., 1898. С. 130–139; Webster Ch. K. Op. cit. P. 678. На самом деле конвенцию подписал сменивший Нури Хакиб эфенди.

²⁵ Георгиев В. А. Указ. соч. С. 127.

российским интересам не угрожал. Англия и Россия представлялись царю двумя скалами, о которые разобьются волны революции. Сохранение основ правопорядка, заложенного Венским конгрессом, составляло предмет его забот, он рвался к союзу с Уайт-холлом и воображал, что устранение Франции из «концерта» облегчит сближение.

С турецко-египетским конфликтом было покончено быстро и решительно. Попытку императора Николая принять участие в акции вежливо, но твердо отклонили, к его услугам намеренно не прибегали, российский десант на Босфоре не понадобился. Иным было отношение к участию в операции Австрии. Пальмерстон просил прислать в Восточное Средиземноморье несколько кораблей ее флота «для морального эффекта, для демонстрации... союза». Англо-австрийская эскадра прервала морские коммуникации войскам Ибрагима, недовольным жителям Ливана предоставили 20 тыс. винтовок и они очень своевременно подняли восстание. Соединенным действиям союзного флота, турецкой армии и повстанцев египтяне не смогли оказать сопротивления, потеряли Бейрут, Аккру, отошли в пустынные и бесплодные районы. Отступление превратилось в бедствие — голод и болезни уносили тысячи жертв. Эскадра адмирала Ч. Нэпира появилась у Александрии, и Мухаммед Али сдался, выговорив для себя лишь наследственное владение Египтом²⁶. Императору Николаю I пришлось удовольствоваться ролью зрителя при падении «империи Мухаммеда Али» с соответствующим ущербом для репутации самодержавия в регионе.

Иллюзия насчет крупной ссоры между Лондоном и Парижем не продержалась и года. Газетная буря во Франции постепенно утихла, бросать вызов британской средиземноморской эскадре в 15 парусных и паровых линейных кораблей было бы безумием. Пальмерстон полагал, что галлы «не настолько глупы, чтобы сломать себе шею в борьбе с коалицией». Перепуганный король Луи Филипп отказался вставить воинственный пассаж в тронную речь. А. Тьер подал в отставку. Назначенный на пост министра иностранных дел Ф. Гизо повел дело к примирению. 13 июля 1841 г. была подписана, с участием Франции, новая конвенция о Проливах, отличалась она от предшествовавшей отсутствием упоминания о Мухаммеде Али, тот был уже загнан в нужные пределы²⁷.

Советская историография давала достигнутому урегулированию резко отрицательную оценку, расценивая его как удар по суверенным правам как России, так и Турции. В последние годы появилась иная точка зрения, и она заслуживает внимания: вместо двустороннего и никем не признанного Ункяр-Искелесийского договора в силу вошел

²⁶ Webster Ch. K. Op. cit. P. 621, 622; Temperley H. Op. cit. P. 120–136.

²⁷ Borne K. Op. cit. P. 251. Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 12. СПб., 1898. С. 155–159.

акт, для всех обязательный, закрывший Босфор и Дарданеллы. Россия отказалась от довольно призрачной возможности выхода в Средиземное море навстречу мощному британскому флоту. Прошедшие 7–8 лет показали нереальность этого права. Обеспечение безопасности южных берегов серьезно беспокоило правящие сферы, и в этом плане с юридической точки зрения конвенции 1840–1841 годов выглядели более солидными и надежными²⁸.

* * *

Десятилетие после Адрианопольского мира прошло для балканских народов под знаком возрождения, для царизма оно завершилось неудачами и потерями. Дремуче отсталое крепостническое государство не выдерживало натиска рядовых стран Европы. Битыми оказались расчеты на прочное и долговременное утверждение в регионе, провалился курс на поддержание слабого соседа, дряхлеющей Османской империи, во владениях которой прочное место занял иностранный капитал, захвативший ее рынок. Перестало действовать старое правило — решать споры с Турцией с глазу на глаз, без постороннего вмешательства. Восточный вопрос во всех его аспектах превратился в интернациональный. Царизм согласился на закрытие Босфора и Дарданелл, севастопольская эскадра оказалась запертой в Черном море, самодержавие не просто оборонялось, но и отступало по всей линии под громкие крики соперников о его неутрачивающих захватнических поползновениях.

У царя Николая оставалась одна надежда, одна сокровенная и утешительная мечта на скорый распад султанских владений под действием центробежных сил и последующий за сим своего рода черный передел его наследства. В Мюнхенграце, полагал он, удалось заручиться согласием Австрии на ее участие, оставалось добиться того же у Великобритании.

В 1844 г. случилась очередная размолвка между Лондоном и Парижем. Глава консервативного правительства сэр Роберт Пиль на обеде, устроенном Русской компанией, провозгласил тост за «вечную дружбу с Россией». Он же намекнул послу Ф. И. Бруннову на желательность приезда царя. Тот откликнулся почти немедленно. Николай к тому времени отвык с кем-либо советоваться и никакой дипломатической подготовки к визиту не провел. 20 мая (1 июня) царь высадился на британском берегу. Англичане вообще узнали о его посещении за двое суток, королева Виктория была на седьмом месяце беременности, ей бы жить в уединении — но она сумела подготовиться к встрече важных гостей, и все сошло, по мнению царя, на ять. Между смотрами,

²⁸ Россия и Черноморские проливы... С. 137.

парадами и увеселениями он вел беседы с сэром Р. Пилем, главой Форин офис графом Д. Абердином и поговорил даже с находившимся в оппозиции Г. Д. Пальмерстоном. Николай Павлович остался чрезвычайно доволен и приемом, и переговорами, и оставалось лишь закрепить на бумаге достигнутую, как ему казалось, договоренность. В сентябре Нессельроде отправился на курорт в Брайтон, вооруженный пространством меморандумом. В угодую настроениям в Лондоне бумага начиналась с заверения, насколько две державы заинтересованы в целости и сохранности владений падишаха. Однако, — тревожился далее вице-канцлер, — нельзя закрывать глаза на то, «сколь много элементов распада заключает в себе эта империя». Двум странам было бы в высшей степени благоразумно договориться заранее на этот случай²⁹. Лорд Абердин высоко оценил заботу царя о благополучии Османской державы, но ввиду того, что оной монархии предстоит еще многие десятилетия существования, выразил сомнение насчет своевременности приступить к хлопотам, связанным с ее похоронами. Во время отпуска Нессельроде не смог преодолеть сомнений своего собеседника и отбыл восвояси ни с чем. Давление на англичан продолжал посол Ф. И. Бруннов. В январе следующего, 1845 г., через полгода после визита царя, удалось, наконец, вырвать у Абердина записку, в которой тот свидетельствовал, что врученный ему Нессельроде меморандум точно передает содержание состоявшихся с самодержцем бесед. Он упоминал об «обоюдном обмене наших мнений, в которых, мне кажется, мы были вполне солидарны и которые я надеюсь иметь в виду во всех отношениях касательно Востока»³⁰. Ответ в очень неопределенной и ни к чему не обязывающей форме содержал обещание консультироваться с Петербургом, но не больше. Форин офис поступил по всем канонам дипломатии «коварного Альбиона» — меморандум Нессельроде отправили в архив как свидетельство агрессивных поползновений русского медведя; письмо хранилось в его бумагах, как сугубо личное, к государственной политике отношения не имеющее, а Николай вообразил, что заранее подготовил почву для раздела турецкого наследства. И не нашлось ни единой души, которая осмелилась бы открыть ему глаза.

* * *

Эволюция отношений официальной России с балканскими народами в эпоху Адрианопольского мира, как это видно из приведенного выше материала, однозначной оценке не поддается. В Дунайских княжествах начало тридцатых ознаменовалось проведением серьезных реформ под эгидой российских властей, престиж самодержавия стоял

²⁹ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. СПб., 1908. Приложения. С. 119, 134.

³⁰ Там же. С. 144.

высоко. Но его опора на крупное феодальное боярство и участие в подавлении революции сорок восьмого года свели «русскую партию» почти на нет.

По иному сценарию развивались события в Греции. Афины явно метили на роль объединителя национальных земель. Широкое распространение получила *мегали идея* (Великая идея) о слиянии всех эллинов в едином государстве. На находившихся под британским управлением Ионических островах проявлялась тяга к присоединению к Греции. Королевство превращалось в возмутителя спокойствия на Балканах, и Пальмерстон искал случая подвергнуть греков публичной порке, дабы неповадно было своевольничать. Он раздул для этого до масштаба европейского конфликта досадный, но малозначительный инцидент.

На пасху 1847 г. толпа афинян ворвалась в дом некоего Д. Пачифико и устроила там дебош. Пачифико, португальский еврей по происхождению, занимался мелким ростовщичеством. Обнаружилось, однако, что он родился на Гибралтаре и, как таковой, состоял в подданных королевы Виктории. Оскорблению подвергся гордый бритт! Появилась нота, в которой досадный эпизод объявлялся «одним из наиболее варварских оскорблений, свидетелем коего является современность»³¹.

Пачифико первоначально предъявил счет своим убыткам — поломана кровать, другая мебель, исчезли 15 книг — на общую сумму в 500 фунтов стерлингов. После вмешательства британской дипломатии сообразительный Пачифико переоценил свои потери, кровать оценил так, будто на ней возлежал кто-нибудь из Людовиков или сам Наполеон, книги пошли по цене инканабул, появились некие португальские ценные бумаги, которые он не сохранил и существование которых лиссабонские власти отрицали. Форин офис добавил к ним свои убытки по разным спорам, и счет вырос до астрономической суммы — в 26 тыс. фунтов стерлингов. К берегам Эллады подтянулась британская эскадра — 14 кораблей, 730 орудий, 8 тыс. офицеров и солдат на борту. 17 января 1850 г. посланник Вайз в сопровождении адмирала посетил правительственную резиденцию в Афинах и вручил грозный ультиматум: в 24 часа дать согласие на удовлетворение всех требований. Премьер-министр Ландос воззвал к милосердию. Безрезультатно.

В защиту греков выступили кабинеты Петербурга и Парижа, тоже числившиеся их покровителями. К. В. Нессельроде в мастерски составленной ноте обвинил Англию в том, что, пользуясь своим «гигантским превосходством на море», она не признает «в отношении слабых иного закона, кроме своей воли, другого права, помимо материальной силы»³².

³¹ Temperley H. Op. cit. P. 255–257.

³² Driaul E., L'Heritier M. Histoire diplomatique de la Grece de 1821 a nos jours. P., 1925. P. 330; Марпенс Ф. Ф. Указ. соч. С. 262, 263.

На адресатов нота впечатления не произвела. Адмирал В. Паркер начал захват греческих торговых судов, потом приступил к блокаде побережья. В Афинах стала ощущаться нехватка продовольствия, и правительство капитулировало, признав все предъявленные ему претензии.

В палате общин произошли прения на высокой греко- и русофобской ноте. Грецию выступавшие именовали «русской марионеткой» и объектом «казацкого господства», раздавались призывы дать отпор «иезуитским маневрам московитских крючкотворцев». Пальмерстон начал свою речь вечером 25 июня 1850 г. и закончил ее на рассвете следующего дня. Он изобразил в ней Грецию как некий разбойничий притон в Европе, а Англию — как тихую заводь мира (в том числе и социального). Слушателям оставалось лишь восторгаться глубиной кротостью правительства ее величества, что, впрочем, не мешало ему превращаться во льва, когда речь заходила о защите погранных прав подданных короны. Протестовать осмелился только В. Гладстон. Прерываемый криками возмущения, он высказал мнение, что политика Пальмерстона вызывает негодование всей цивилизованной Европы, «создается впечатление, что благородный лорд преисполнен непреодолимой тяги к ссорам»³³. Палата придерживалась иной точки зрения и значительным большинством голосов одобрила действия министра. После капитуляции греков Пальмерстон сменил гнев на милость, претензии к ним были сокращены... в 200 раз! Маленькому королевству наглядно продемонстрировали, кого надо слушаться и на кого ориентироваться. Правящий Петербург в бессилии наблюдал за поправлением интересов Греции и утверждением в ней английского влияния.

Совсем по другой модели развивались события в Сербии, где политика британского дипломатического проникновения провалилась. В 1837 г., в основном для противоборства с Россией, Пальмерстон, человек с авантюрной жилкой, решил учредить консульство в Белграде. Дотошные исследователи подсчитали, что за всю первую треть XIX века страну посетили лишь десять британцев, из коих шестеро путешествовали по Дунаю, т. е. бросили взгляд на ее берега. Официальный мотив открытия консульства — защита интересов подданных короны — звучал фальшиво по причине отсутствия оных. С послом в Вене, сэром Ф. Лэмом, Пальмерстон изъяснялся вполне откровенно: Сербия должна превратиться в барьер на пути продвижения России на Балканы, и назначенный туда консулом полковник Ходжес должен об этом хлопотать.

Полковнику пришлось нелегко. Он жаловался, что в Сербии «все влиятельные лица питают сильнейшую склонность к России», таковы

³³ Parliamentary Debates. 3-rd. ser. V. 112. P. 336, 346, 334, 344, 380–388.

же настроения в офицерстве. Консул сделал ставку на престарелого князя Милоша Обреновича, своего рода патриархального деспота, тяготившегося опекой России и пытавшегося опереться на другого покровителя. Расклад сил получился прямо-таки противоестественный: самодержавие опиралось на сторонников преобразований (уставообразителей), а свободолюбивая Англия — на абсолютиста восточной окраски. Нравы в стране царили крутые. Ходжес стал опасаться за свою жизнь и в ноябре 1839 г. покинул Белград. Наскок на Сербию закончился неудачей³⁴.

Ну, а в краях, где обитали черногорцы, болгары, боснийцы, герцеговинцы, обойденные вниманием Адрианопольского мирного договора, жителям не на кого было уповать, кроме России.

Однако удержание позиций в отдельных землях не меняло общей картины — на балканском фронте самодержавие отступало. Для «турецких христиан» двадцатилетие после Адрианопольского мира — время национального возрождения, а официальная Россия в середине тридцатых подошла к порогу, за которым начались неприятности и неудачи.

³⁴ Pavlovic Sn. K. Anglo-Russian Rivalry in Serbia. Beograd, 1961. P. 42, 171.

Часть третья

**КРЫМСКАЯ ВОЙНА
И БАЛКАНЫ**

Николай I в «крымской ловушке», а союзная коалиция на пути в никуда

Крымская война — единственный общеевропейский конфликт с участием России, Франции, Великобритании, Турции и Сардинии, а в дипломатическом плане и Австрии за столетие, прошедшее от наполеоновской эпопеи до Первой мировой войны. А заключенный Парижский мирный договор 1856 года не выдержал испытания временем и рухнул через 15 лет.

Возникает вопрос: а стоило ли браться за оружие и проливать потоки крови ради результатов, исчезнувших, с исторической точки зрения, в мгновение ока? Видный британский политик, маркиз Р. Солсбери, назвал войну «заслуживающей сожаления глупостью». Нелестные отзывы о ней встречаются в англоязычной литературе. Р. В. Ситон-Уотсон именовал ее «самой ненужной в современной Европе», Г. Д. Клейтон — бесполезной, Э. Баркер — тщеславной, П. Джибс — провальной. Г. Киссинджер прибег к обобщению — Крымская война, по его словам, давно заклеямена историографией «как бессмысленное мероприятие»¹.

Подобные оценки выглядят странно в устах представителей государства-победителя, нужны веские основания, чтобы к ним прийти, и таковые существовали. Навязанные России прямо, а балканским народам косвенно условия мира были с самого начала бесперспективны и обречены на скорое исчезновение. Самым тяжелым для нашей страны являлся запрет на содержание военного флота на Черном море. Великую державу лишали возможности защищать свои берега, обеспечивать свою безопасность. Ни одна страна, обладающая чувством самоуважения и собственного достоинства, с подобным попранием своего суверенитета не смирится. По словам О. Бисмарка, «стоимиллионному народу нельзя навсегда запретить осуществлять естественные права

¹ Cecil Gw. Life of Robert Marquis of Salisbury. L., 1924. V. 2. P. 123; Seton-Watson R. W. Britain and Europe. Cambridge, 1939. P. 359; Clayton G. D. Britain and the Eastern Question. L., 1971. P. 121; Barker A. J. The Vainglorious War. L., 1970; Gibbs P. The Crimean Blunder. L., 1960; Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 80.

суверенитета над принадлежащим ему побережьем» и подвергать его «невыносимым унижениям»². Главной задачей отечественной дипломатии стала поэтому отмена злополучных статей Парижского договора 1856 г., чего она и добилась через пятнадцать лет.

Не менее бессмысленным в исторической перспективе являлся и другой постулат достигнутого замирения, направленный на сохранение на Балканах власти Османской империи. Западные миротворцы полагали, что укреплению державы султана будет способствовать проведение в ней реформ по европейскому образцу. Под сильнейшим нажимом послов Великобритании и Франции падишах издал Хатт-и хумайун (высочайшее начертание), предусматривавший уравнивание в правах его христианских подданных с мусульманами. Тщетны были надежды западных миротворцев на приобщение исламской общины к прелестям европейского конституционализма. Против реформ встали духовенство, члены многочисленных монашеских орденов, ученики медресе, представители феодальной знати и вообще масса приверженного Корану населения, отвергавшая саму идею равноправия с «кяфирами» (неверными). Православные жители в успех реформ не верили, Высокая Порта являлась для них злой мачехой, носителем чуждой иноязычной и иноверческой власти. Западные умиротворители действовали по шаблону, воображая, будто обручем реформ можно стянуть ветхое строение турецкой машины. На самом деле они способствовали ее разрушению, ибо в той незначительной степени, в которой преобразования удалось претворить в жизнь, они шли на пользу прежде всего угнетенным народам. Прогрессивные силы в христианских землях каждый шаг в направлении равноправия использовали для ослабления уз, связывавших их со Стамбулом, и продвижения к независимости. Парижский мир способствовал поэтому не усилению, а развалу султанской империи.

Никто подобного рода событий не подозревал, и прежде всего Николай I, когда он в январе 1853 г. начал свои злополучные беседы с британским послом сэром Д. Гамильтоном-Сеймуром. Постоянная лесть царедворцев вскружила ему голову, он давно уже не замечал собственных ошибок и считал себя непогрешимым. Николай Павлович воображал, что достиг вершины успеха, расправившись с гидрой революции. Мысль о неизбежном крахе державы султана его не оставляла, и следовало заранее озаботиться о ее наследии, и по-хорошему, не нарушая мира, разделить его на сферы влияния, договорившись о сем прежде всего с Великобританией, позаботиться об укреплении влияния в тех структурах, которые возникнут на ее обломках. Его кардинальная ошибка, вылившаяся в личную трагедию, заключалась в неспособности осознать необратимость происходившего на Балканах

² Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 2. С. 97.

и невозможности вернуть утраченные здесь позиции, и в нежелании смириться с этим.

Суть его речей, обращенных к Гамильтону-Сеймуру, сводилась к следующему: он чужд каких-либо завоевательных замыслов, у него своих земель предостаточно, «для меня было бы неразумно желать больше территории и власти, чем я обладаю». Турция — сосед, лучше которого и не придумаешь. Однако состояние ее таково, что она «неожиданно может скончаться у нас на руках». Так не лучше ли заранее подумать о последствиях этого печального акта и предусмотреть разумное решение?

Из Лондона быстро поступил неутешительный ответ: Турция может протянуть еще много, и хлопотать о ее погребении по крайней мере преждевременно. «При том расположении к султану», которым в равной степени охвачены император России и королева Великобритании, негоже распоряжаться провинциями, находящимися под его властью, полагали на Уайт-холле³. Разговоры с Гамильтоном Сеймуром происходили на фоне резко обострившихся российско-французских отношений в связи со спором о Святых местах, и элемент случайный и личностный присутствовал в споре вполне явственно. По большому счету, никаких серьезных противоречий между двумя странами не существовало, делить им было нечего. Но на троне в Париже утвердился Луи Наполеон Бонапарт, и в Европе запахло порохом. Весной 1853 г. новоявленный монарх сочетался браком с испанской графиней Евгенией Монтихо. Пора было подумать об учреждении и укреплении династии, и не существовало для этого более эффектного средства, чем реванш за разгром в 1812 г. Наполеона Великого, иначе говоря, — чем война с Россией. Повод нашелся легко — следовало восстановить утраченные в годы Французской революции права католического духовенства на службу в храмах Иерусалима и Вифлеема, потеснив православных священников. Французы извлекли из архива забытый всеми султанский фирман 1740 г., поручавший заботу о Святых местах в Палестине католическому духовенству⁴, и стали настаивать на его исполнении. Царь оказался в затруднительном положении, он лишался последнего правового рычага влияния на Балканах и Ближнем Востоке. Хорош покровитель православных, не способный отстоять их права даже в храме Гроба Господня. Вмешательство же в события грозило непредсказуемыми и опасными последствиями.

Британская сторона не сразу осознала открывшуюся перед ней возможность свести счеты с Россией чужими штыками. Но наступило прозрение. Одно дело — хотя и успешное, но растянувшееся на

³ Hurewitz J. C. *Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Study*. N. Y., 1972. P. 135–141; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1853. Д. 300. Л. 6–13.

⁴ См.: История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 50, 81.

годы наступление на позиции царизма, совсем другое — их победоносный штурм прославленной французской пехотой с перспективой быстрого выдворения самодержавия с Балкан. Грех было этим не воспользоваться.

Открывались радужные перспективы. В основу своей внешней политики Луи Наполеон положил сотрудничество в Великобритании, желательно в форме союза. Всякое слабое правительство в Париже стремилось к этому. Планы Бонапарта по перекройке карты Европы и округлению колониальных владений не подлежали осуществлению без санкции владычицы морей. Луи Наполеон вел подкоп под мир там, где это более всего отвечало британским интересам, и в серии заблуждений царя едва ли не самым опасным было его убеждение, что Англия не поднимет оружия против него, в то время как для вытеснения самодержавия с Балкан создавалась уникальная возможность — английская морская мощь сочеталась с французской сухопутной. Вообразив, что наступило время для укрепления позиций в Османской империи, Николай I занес ногу над пропастью.

* * *

28 февраля 1853 г. в Стамбул с чрезвычайной миссией прибыл князь Александр Сергеевич Меншиков, началось его посольство, заслужившее громкую славу как пример неуклюжести и некомпетентности в дипломатии. Создается, однако, впечатление, что за скандальным фасадом скрывается суть дела. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в западной историографии стало традицией излагать привезенный Меншиковым проект договора с Турцией в авторском изложении, не прибегая к цитированию, и давать его требованиям резкую оценку, предусматривая в них поползновение на установление в Юго-Восточной Европе господства самодержавия: «С помощью договора царь... просил султана отказаться от всякого подобия власти над более чем 14-ти миллионов своих подданных». По словам потомка знаменитого княжеского рода А. М. Трубецкого, «Меншиков олицетворял оскорбительную наглость»⁵.

Обратимся все же к оригинальному тексту. В самом первом и категорическом варианте в нем говорилось: «Блистательная Порта обязуется перед российским императорским двором сохранять и уважать права греческой православной церкви в святых местах Иерусалима и его окрестностей». Что же касается Балкан, то предлагалось почти буквально повторить формулировки Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г.: «Министры императорского российского двора, как и в про-

⁵ Byrne L. G. The Great Ambassador. Ohio State University Press. 1964. P. 261; Troubetzkoy A. S. The Rode to Balaklava. Toronto, 1986. P. 49.

шлом, будут вправе делать представления в пользу церкви Константинополя и других мест, а также в пользу клира, и эти представления будут приниматься как исходящие от соседней и искренне дружественной державы»⁶.

Слово «обязуется» можно было истолковать как попытку вмешательства во внутренние дела Турции. И все же допустимо высказать предположение, что, подписи Высокая Порта договор в его начальном варианте, в реальной жизни ничего или почти ничего бы не изменилось, обязательства ее по сути дела ограничивались заслушиванием демаршей российского посланника. И намек не существовало на исполнение его требований, не говоря уже о подчинении им. Не бумаги с высокими подписями, а реальное соотношение сил определяло позиции России в регионе, ее влияние в Константинополе в 1853 году было сведено к минимуму. И главное, «оскорбительная наглость» Меншикова продолжалась недолго. Спесь с него быстро слетела. Последовали вторая и третья редакции предлагаемого договора, всякое упоминание о каких-либо обязательствах в них исчезло, а говорилось о сохранении на основе строгого статус-кво прав и привилегий православного духовенства, но турецкая сторона расценивала их как недопустимое вмешательство в ее внутренние дела. Великий везир Решид-паша неукоснительно следовал советам британского посла Чарлза Стрэтфорд-Каннинга, удостоенного к тому времени титула лорда Редклиффа, и не дилетанту Меншикову было с ним тягаться. Стрэтфорд стремился вычленив из общего перечня вопросов те, что касались службы в храмах, и при его содействии удалось достичь соглашения с французами. Как писала А. Е. Мэнж, «вопрос о куполах, садах, звездах, ключах и привратниках был урегулирован к удовлетворению России». Султан издал соответствующий фирман. И тогда, пишет Мэнж, Меншиков «снял маску» и выступил с требованиями, которые она расценивала как «желание царя добиться не ограниченной временем уступки от Турции, в действительности являющейся покровительством над всеми христианскими подданными». Ради придания большей убедительности версии о хищных замыслах царизма Стрэтфорд не остановился перед прямой фальсификацией. Вместо слов о праве российского посланника «делать представления» перед Высокой Портой в переводе говорилось «давать распоряжения», и в таком искаженном виде текст обсуждался в парламенте⁷. Меншикову оставалось лишь жаловаться на «тиранический нрав» «великого Стрэтфорда», установившего полный контроль над османской дипломатией.

⁶ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908. Т. 1. Приложения. С. 409–425.

⁷ Mänge A. E. The Near Eastern Policy of Emperor Napoleon III. Urbana, 1940. P. 25, 27, 28; Parliamentary Debates (PD). 3-rd Ser. V. 130. P. 1264.

6 (18) мая генерал представил последний вариант возможной договоренности: православный культ и его духовенство, говорилось в нем, будут и впредь пользоваться «под эгидой е. в. султана привилегиями и иммунитетами, предоставленным им аб антико». Россия упоминалась в ноте в следующем контексте: падишах «соизволил оценить и серьезно принять во внимание переданные через российского посла откровенные и искренние представления в пользу восточной православной церкви». Это была попытка спасти лицо после провала чрезвычайной миссии. Д. Голдфренк замечает в своей книге: в начале XX века «ведущий французский ученый считал турецкую оппозицию ноте „глупой“, а в наше время один видный американский историк нашел, что „трудно“, а другой — что „невозможно“ обнаружить в ней какую-либо угрозу независимости и суверенитету султана»⁸. Но, если очень постараться, можно. Ноту сочли недопустимым вмешательством во внутренние дела страны. 9 (21) мая пароход «Громоносец» с Меншиковым и сотрудниками миссии на борту развел пары и покинул гавань негостеприимного Константинополя.

* * *

Войну надлежало подготовить исподволь, во Франции — проделывать лазейку к сердцу обывателя, раздуть не погасшее еще чувство унижения, представить поход против России как достойный реванш за 1812 год. И тут свое слово предстояло сказать прессе.

Пропагандистски войну удалось подготовить превосходно. Оборонительная в сущности позиция царя, его тщетные и обреченные на неудачи попытки сохранить кое-что из своего влияния на Востоке предстали перед общественностью как акции агрессивно-наступательные. Яркое проявилось воздействие печати на формирование настроений обывателя. Газеты всех направлений захлебывались в русофобском вое: многотерпеливый прогрессивный Запад должен, наконец, дать отпор темным, невежественным и утробно-агрессивным «москочитам».

На Альбионе воспоминания о прошлом не бередили народного самолюбия. Современное состояние отношений с Россией вызывало чувство удовлетворения, шел успешный натиск на позиции соперницы. Ссора предвещала крупные торговые потери. Поэтому не только в печати, но и в парламенте раздавались голоса, призывавшие остановиться на пороге бедствия. Лорд Литтон, прочтя гору бумаг по Восточному вопросу, пришел к выводу, что требования Меншикова

⁸ Зайончковский А. М. Указ. соч. С. 429; Goldfrank D. The Origins of the Crimean War. L.; N. Y., 1994; в ней даны ссылки на следующие работы: Bapst E. Les origines de la guerre de Crimée. P., 1912. P. 377; Curtiss J. S. Russia's Crimean War. Durham, 1970. P. 136; Rich N. Why the Crimean War. The Cautionary Tale. Hanover; L. 1986. P. 56.

не выходили за рамки Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года и по-сему могли быть приняты без всякого ущерба для британских интересов. Лидер сторонников свободы торговли Ричард Кобден размахивал в палате общин ветвью мира, призывая депутатов повернуться лицом к реалиям. Ничего общего с истиной не имеют утверждения насчет будто бы необузданной агрессивности царизма. «Россия всегда избегала столкновения с морской державой, ибо в подобном столкновении рухнет ее мнимое величие»⁹. У лордов со сходных позиций выступал граф Грей. Вот уже 20 лет, — сетовал он, — слышатся речи о независимости Турции, хотя она «находится в состоянии всеми признаваемой и достойной сожаления слабости...» Он углубился в историю османов: «...Орда диких варваров, стремившаяся мечом распространить ложную веру», держала «под своим деспотическим гнетом в течение 4-х веков» угнетенное христианское население. В выступлении досталось и России: это — нация рабов, и бояться ее «нас недостойно». Подпиши Высокая Порта хоть все ультиматумы Меншикова, реальная ситуация не изменится. А что, если восстанут христиане? «Турки тогда обнаружат, что их главные и самые опасные враги — не русские, а те, кого они именуют „христианскими собаками“ и привыкли считать своими рабами». Могут ли Англия и Франция способствовать подобной войне? Грей выражал надежду, что правительство ее величества не попадет в западню, расставленную, как он полагал, дипломатами¹⁰.

Но голоса умеренных звучали одиноко, их заглушал барабанный бой оголтелых сторонников войны. Археолог и дипломат А. Г. Лейрд пугал слушателей ужасами, последующими за крахом султанской державы: многонациональный Ближний Восток «сохраняется как единое целое благодаря моральному и политическому престижу турецкого правительства: стоит разрушить этот престиж, подвергнуть султана унижению, удалив его из Европы, и вы выпустите на волю эти дикие банды, и страны, ими обитаемые, превратятся в очаги анархии и вмешательства... Утвердись Россия в Константинополе, — и наша обладание Индией станет всего лишь военным присутствием».

Обыватель заблудился в тумане дезинформации и уверовал в благие намерения кабинета ее величества. Министры заверяли его, что отрешились от всяких корыстных помыслов и радеют лишь о счастье человечества. Г. Д. Пальмерстон вещал: «Мы воюем за свободу страны, а не с целью увеличить экспорт наших товаров на столько-то процентов, мы защищаем свободу наций и отстаиваем сохранение баланса сил». Прения в верхней палате 8 февраля 1854 г. завершились возгласом лорда Бомона: «Нет иной альтернативы — война или позор!»¹¹.

⁹ PD. V. 130. P. 1238, 1800, 1798–1799, 1801, 1803.

¹⁰ Ibid. P. 597, 604–605, 610, 614.

¹¹ Ibid. P. 597, 604–605, 610, 614.

О накале страстей в стране можно судить по тому, что популярный журнал «Панч» («Петрушка») поместил карикатуру, изобразив на ней премьер-министра Д. Абердина, слывшего слишком миролюбивым, чистящим сапоги царю Николаю Павловичу.

* * *

Предвоенный кризис для западных стран затянулся до весны 1854 года. Опасения и колебания перед решающим шагом ощущались в Петербурге, Лондоне, Вене и Берлине, без страха и сомнений навстречу буре шла только бонапартистская клика. Старый князь К. Меттерних, вернувшийся в Австрию из бегов после революции 1848 г., политическая система которого сводилась к сотрудничеству консервативных монархий, взывал к преемнику — только не война, «не следует идти на поводу ни у Востока, ни у Запада». Но канцлер К. Ф. Буоль пребывал в ажиотаже — наступило время выдворить Россию с Балкан и утвердиться там самим. Не все члены британского кабинета рвались в бой, его глава Д. Абердин колебался как былинка на ветру, Ф. И. Бруннов и К. В. Нессельроде ловили на лету каждое его «миролюбивое» заявление («Я не закончу своей карьеры войной, войной революционной, подрывающей социальный порядок»)¹², вводя царя в заблуждение.

Всего было предпринято 12 попыток к примирению сторон. И посреди этой дипломатической лихорадки Николай I совершил роковой шаг. 22 июня (3 июля) два корпуса российских войск начали переправу через реку Прут. Решившись на оккупацию Дунайских княжеств, самодержец совершил грубую и непоправимую ошибку. Посыпались ноты с требованием их эвакуации. Последняя попытка сохранить мир связана с так называемой Венской нотой, выработанной совместными усилиями венской и парижской дипломатии и одобренной Д. Клаоендоном (28 июля 1853 г.). Эта нота от имени четырех держав (кроме указанных еще и Пруссии) и с предварительного согласия России подлежала вручению Высокой Порте и, в случае ее принятия, кризис разрешался мирным путем. Центральный ее пункт гласил: «Его Величество султан остается верен букве и духу положений договоров Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского о покровительстве христианской религии». Текст упоминал о «деятельной заботе» царей о сохранении этих привилегий. Всякие изменения в положении церкви могли вноситься лишь с обоюдного согласия России и Франции.

На первый взгляд, интересы российской стороны были творцами ноты соблюдены. При всем при том, нота вырывала вопрос о покрови-

¹² Рахимир П. Ю. Князь К. Меттерних, человек и политик. Пермь, 2005. С. 388; (Жо-мини А. Г. — анонимно) Etude diplomatique sur la guerre de Crimée. SPb., 1878. T. 1. P. 217.

тельстве православия из рук самодержавия и превращала его в европейский. Старое основополагающее положение — не допускать постороннего вмешательства в русско-турецкие дела прекращало существование. Нота «не допускала урегулирования разногласий между Россией и Турцией вне контроля западных держав». И тем не менее Зимний дворец безоговорочно принял творение четверки, и со всем поспешанием телеграфом до Варшавы и далее фельдъегерем до Вены прислал свое согласие. Царь ставил единственное условие — турки должны принять текст целиком, не меняя в нем ни слова.

Ответа Стамбула пришлось ждать. На берегах Босфора творились вещи, в дипломатии неслыханные. Д. Стрэтфорд Редклифф по инструкции обязан был посоветовать Решиду-паше принять Венскую ноту. Он это сделал, но тут же высказал сугубо личное мнение о допустимости некоторой редакции ее текста, хотя, конечно, знал, что император Николай этого не допускал, и любая правка означала крах операции «Венская нота». Но на строптивого посла не обрушились ни громы, ни молнии. В Лондоне брали верх экстремисты, ярким представителем которых являлся «великий элчи». Решид взялся за перо и потрудился на совесть. Он вычеркнул из текста ноты слова о причастности России к предоставлению православной церкви привилегий и приписал эту заботу исключительно Высокой Порте.

Трудно согласиться с мнением акад. Е. В. Тарле: «Поправки не имели и тени реального значения»¹³. Очень даже имели. Россия выступала в исправленном варианте как держава, с сочувствием наблюдавшая за благодеяниями, которыми султан оделял своих православных подданных. Вдобавок ко всему Решид требовал немедленного вывода российских войск из Молдавии и Валахии. Сие означало публично признать в незаконности оккупации. 26 августа Нессельроде сообщил об отклонении поправок. Перед войной зажегся зеленый свет.

Поощряемая, если не сказать подталкиваемая западными державами, Высокая Порта приступила к решительным действиям. 9 октября главнокомандующий войсками на Дунае Омер паша предъявил генералу М. Д. Горчакову ультиматум — в две недели вывести войска из княжеств, иначе война. 23 числа последовало турецкое нападение по линии Дуная и в Закавказье. Еще накануне, 22 числа, британская и французская эскадры, в вопиющее нарушение конвенции 1841 г. о Проливах, вошли в Дарданеллы и Босфор. 2 ноября (20 октября) император Николай подписал манифест о войне.

9 декабря представители Франции, Великобритании, Австрии и Пруссии предложили свои «добрые услуги» в урегулировании русско-

¹³ *Виноградов В. Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 264–266; *Восточный вопрос во внешней политике России.* М., 1978. С. 135; *Тарле Е. В.* Крымская война. М.; Л., 1944. Т. 1. С. 135.

турецкого конфликта на условиях полной капитуляции самодержавия. В подписанном ими протоколе сохранение Турецкой державы в неизблемых границах объявлялось условием европейского равновесия, и выражалась надежда, что начавшаяся война их не изменит и власти султана ущерба не нанесет. Вместо раздела сфер влияния на развалинах Османской империи «Европа» занялась сооружением подпорок вокруг ее ветхого здания¹⁴. Царские «друзья» из Вены и Берлина под протоколом подписались.

Еще в ноябре Николай Павлович сочинил записку по восточным делам, совсем уж оторванную от печальной действительности. Он собрался «объявить всем державам: „Мы отказываемся от всякого завоевания, признаем, что наступило время восстановить независимость христианских народов в Европе, подпавших несколько веков назад оттоманскому игу“. Россия, по словам царя, „берет на себя почин этого святого дела“, и предлагает сербам, болгарам, молдаво-валахам, боснякам, грекам примкнуть к ней с тем, чтобы „каждый из этих народов вступил в обладание страной, в которой живет уже целые века“»¹⁵.

Оценивать этот план без соотнесения его с реальной обстановкой нет никакого смысла. Определенно можно сказать только одно — приписываемые царизму завоевательные намерения не имели под собой оснований. А с точки зрения перспектив — полнейшая и чистейшая утопия, в противоборстве с коалицией Франции, Великобритании и Турции шансы самодержавия на успех равнялись нулю.

Что касается военных соображений, то царь ограничивался краткими записками, которые чести ему не делали. Он по-прежнему не верил, что Великобритания поднимет оружие, а Австрия займет открыто враждебную позицию, и долю вины за его заблуждения несли троица послов — Ф. И. Бруннов (Лондон), Н. Д. Киселев (Париж) и П. К. Мейендорф (Вена), жадно ловившие всякую весть о сомнениях и колебаниях правительств, при которых состояли. Их царедворческое альтер эго проявлялось в донесениях с полной определенностью.

Заняв Молдавию и Валахию, царь двигаться дальше не собирался. Все расчеты строились на том, что турки смирятся, а англо-французы станут сговорчивее после оккупации княжеств сравнительно небольшими силами. «Объявление турками нам войны, — инструктировал самодержец князя А. С. Меншикова, — не изменит принятого мною принципа действий. Я решил не переходить Дуная до поры до времени. И ожидать наступления турков, чтобы, если отважатся переправиться на левый берег Дуная, их разбить и прогнать, но самим не пе-

¹⁴ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 274; (Жомини А. Г.). Указ. соч. С. 252.

¹⁵ Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. Приложения. С. 643–644.

реправляться»¹⁶. Нечего и говорить, что подобный «план бездействия» отдавал стратегическую инициативу в руки неприятеля.

Дунайская армия М. Д. Горчакова все же пересекла Дунай, но осада крепости Сидистрия велась вяло не только по причине сравнительной немногочисленности войска, не с ним было устремляться на штурм Балканских гор. Надвигалась угроза большой войны с европейской коалицией, и фельдмаршал И. Ф. Паскевич сознавал ее бесперспективность. Перечить приказам царя он не смел, но и пыла в их осуществлении не проявлял, опасаясь австрийского удара с тыла.

Российская армия представлялась могучей силой — 1124 тыс. солдат и офицеров. Но на Дунае числилось не так уж много бойцов — 160 тыс., в Крыму — всего 40 тыс. А подтягивание подкреплений из отдаленных мест при отсутствии железных дорог растянулось бы на месяцы. Пугающим было неравенство морских сил России и противников: у них — 136 линейных кораблей, 138 парусных и паровых фрегатов, 281 пароход против 43, 48 и 24 судов подобного класса у России. Владычица морей могла напасть на «неприятельские берега» на Черном и Белом морях, Балтике и Тихом океане. И Николай I писал Паскевичу: «Злость англичан выше всякой меры, но мериться с ними на море было бы неблагоприятно по превосходству сил их»¹⁷.

«Злость» достигла апогея после победы адмирала П. С. Нахимова в Синопском бою 18 (30) ноября 1853 года. Сражение было представлено читающей британской публике как расправа над беззащитным караваном. Глава Форин офис Д. Кларендон печалился в парламенте: «Ужасное дело под Синопом произошло, когда турецкий флот мирно стоял в турецкой гавани и был совершенно уничтожен». На самом деле эскадра Османа паши насчитывала 7 фрегатов, 3 корвета, 2 парохода и 2 транспорта, имела на вооружении 474 орудия. Она находилась под защитой 5 береговых батарей. П. С. Нахимов вел блокаду неприятельского побережья с отрядом из 6 линейных судов и при 2-х фрегатах (720 пушек). Он атаковал турецкий флот после того, как корвет «Калипсо» привез весть об объявлении войны обеими сторонами.

5 января 1854 г. эскадры Англии и Франции вышли из Босфора в Черное море и «взяли под охрану» турецкое судоходство в его бассейне. Дипломаты обеих стран потребовали, чтобы корабли севастопольской эскадры не покидали своих причалов. Произошел беспрецедентный случай: «нейтралы» предписали воюющей России не нападать на неприятеля! Казус был столь вопиющ, что лорд Клэррикард, выступая в верхней палате, просил показать ему «юриста, казуиста или софис-

¹⁶ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 207. Т. 1. Приложения. С. 601–603.

¹⁷ Горев Л. Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955. С. 21, 232, 49; Зайончковский. А. М. Указ соч. С. 615; Дубровин Н. Ф. 349-дневная защита Севастополя. СПб., 2005. С. 80.

та», который взялся бы доказать, что предпринятые действия «не являются враждебными». Вразумительного ответа он не дождался.

27 февраля граф Д. Кларендон предъявил ультиматум: с «чувством глубочайшей боли» он потребовал вывода российских войск из Молдавии и Валахии до 30 апреля. Французы выступили еще жестче и поставили сроком 15-е число того же месяца. Ответа не последовало. 27 и 28 марта 1854 г. Франция и Англия объявили войну России. 12 марта они подписали договор об оборонительном и наступательном союзе с Османской империей, 12 апреля дополнили его обязательством не заключать сепаратного мира. 2 декабря 1854 г., в день сражения при Аустерлице и как бы в знак забвения прошлой вражды последовал союзный трактат с Австрией с целью добиться от России, «путем переговоров или вооруженным», уступок, необходимых, говорилось в тексте, для сохранения равновесия и мира в Европе. Царь рвал и метал в бессильном гневе, о чем свидетельствуют его пометы на полях депеш из Вены, в которых он, мешая французские слова с русскими, проклинал коварного Буоля: «Он что, рехнулся?», «Каналья!!!», «Мерзавец!!», «Негодяй!»¹⁸. Пруссия осталась в стороне. Вечно колебавшийся король Фридрих Вильгельм IV, в конце жизни лишившийся рассудка, пребывал в панике: «Австрия нас предала». Изоляция. Но призывам Буоля к немецкой солидарности он не поддавался, как, впрочем, и зондажам со стороны Николая I — вспомнить славные дни союза 1813 года. Пруссия сохранила сомнительный, колеблющийся, но все же нейтралитет. Никто тогда не подозревал, какими неисчислимыми выгодами он обернется для страны в годы объединения Германии «железом и кровью».

Виконту Г. Д. Пальмерстону, оптимисту и жизнелюбу по натуре, предстоявшая война рисовалась чем-то вроде прогулки с ружейной и пушечной пальбой: «Имея 60 тыс. английского и французского войска в Крыму, при поддержке флота плюс успешные операции в Грузии и Черкессии, — и веселое Рождество, и счастливый Новый год нам обеспечены».

На самом деле Англия встретила Рождество в унынии — экспедиционный корпус таял в солнечном Крыму от пуль, холода и болезней. Зима, как всегда, пришла неожиданно, и обнаружилась полная несостоятельность санитарной и интендантской служб. Цитирую книгу А. Баркера с красноречивым заглавием: «Бесславная война»: «Апатия и неведение в департаментах, занимавшихся снабжением армии, способствовали профессиональному мошенничеству наиболее бесцеремонных поставщиков». 14 ноября на море разыгрался страшный шторм, 30 кораблей потонуло вместе с грузом. В экспедиционном корпусе свирепствовали дизентерия и холера. Госпитали слыли перевалочны-

¹⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1294. № 6. Л. 74, 80.

ми пунктами на пути к смерти. Морозы доходили до 20 градусов. Газета «Таймс» мрачно предрекала: если дела так пойдут и дальше, то «на костях 50 тыс. солдат, главнокомандующий и его штаб станут единственными, уцелевшими на высотах вокруг Севастополя»¹⁹. Газета ошиблась в одном — командующий лорд Раглан не дожил до конца осады.

25 января 1855 г. в палате общин с запросом правительству выступил радикал Д. Ребек: армия в Крыму «доведена до состояния, заставляющего содрогаться сердце нации. Войска находятся без крова над головой, без одежды, без пищи и без снаряжения». Из 54 тыс. солдат в строю осталось, по имеющимся у него сведениям, 14 тыс., из которых лишь 5 тыс. здоровых. Кавалерия, как таковая, исчезла, оставшиеся лошади используются как тягло.

Бурные прения продолжались десять дней. Громадным большинством голосов кабинет Д. Абердина отправили в отставку²⁰. Кресло премьер-министра занял Г. Д. Пальмерстон, сохранивший, несмотря на 70 лет, прежнюю энергию. Наступил перелом. Промышленность «мастерской мира» наращивала выпуск оружия, снаряжения, одежды и обуви, парламент, не скупясь, отпускал средства — война обошлась налогоплательщику в 76 млн фунтов стерлингов (почти 2,5 млрд рублей серебром)²¹. Весной вместе с солнышком оживился лагерь под Балаклавой, стала слышаться ругань, что сочли признаком возрождения боевого духа. Поступил приказ сбрить бороды и перестать носить ветошь поверх униформы.

Тяжелые потери вызвали нужду в пополнениях. Псевдопатриотическая трескотня печати не смогла заманить в вооруженные силы ее величества нужного числа охотников сложить головы под Севастополем. Пальмерстон строил планы — как бы взять на содержание «готовую и дисциплинированную силу со своими офицерами, но под нашим главнокомандующим»²². Возникла мысль купить оптом испанскую армию, 60 тыс. штыков и сабель. В Мадриде предложение отклонили, сочтя неудобным выступать в роли наемников. Тогда предприимчивый премьер-министр решил купить на корню сардинское войско. Но это противоречило планам главы правительства маленького королевства, графа К. Б. Кавура. Тот стремился ввести свою страну в «концерт» великих держав, а для этого следовало пройти испытание кро-

¹⁹ Barker A. J. Op. cit. P. 125; Judd D. The Crimean War. L., 1975. P. 199; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 109.

²⁰ PD. V. 136. P. 980–981. Д. Ребек кое в чем ошибался: в экспедиционном корпусе больных, раненых и обмороженных насчитывалось 23 тыс., но все же 11 тыс. здоровяков оставались в строю. Французов — втрое больше (Barker A. J. Op. cit. P. 208).

²¹ Seton-Watson R. W. Op. cit. P. 359; Anderson O. A. A Liberal State at War. N. Y., 1969. P. 191.

²² Ibid. P. 218, 220.

вью, чтобы получить место за столом мирной конференции; выступить следовало не в роли британского наймита, а равноправного (по крайней мере формально) союзника. Кавур отклонил предложенную ему щедрую и безвозмездную субсидию Лондона, а взял займы 2 млн фунтов. Сардинская дивизия в 15 тыс. штыков отправилась под Севастополь.

Но не только заботы материальные поглощали кабинет. Весной 1855 г. разнеслась тревожная весть — Луи Наполеон решил отправиться в Крым и, разумеется, в ранге главнокомандующего. Кларендон считал намерение императора безумным. Решено было пригласить Наполеона в Лондон с государственным визитом и тут отвратить его от опасной поездки. Рандеву (апрель 1855 г.) прошло как нельзя лучше — смотр, парады, представление оперы Бетховена «Фиделио», посещение Кристального дворца, центра первой в истории всемирной выставки 1851 г. Гостя удалось отговорить от его намерения поехать в Крым — а что же будет с Францией в его отсутствие? Расставание выдалось трогательное, объятия, слезы умиления.

Ответное посещение королевской четой Парижа было не менее душевным. Залы дворца в Сен-Клу, ставшего ее резиденцией, украсили картинами, заимствованными из Лувра, покои Виктории обставили мебелью, некогда окружавшей казненную королеву Марию Антуанетту. В Пантеоне Бонапарт и Виктория, стоя рука об руку, при свете факелов, отдали дань памяти Наполеону Великому.

Ну, а за кулисами... После смерти Николая I Луи Наполеон воспользовался услугами саксонского посланника А. Зеебаха, зятя К. В. Нессельроде, и передал через него свои глубокие соболезнования его наследнику в связи с постигшим того горем. Столь неожиданное проявление чувств можно было истолковать как зондаж с целью нащупать пути к миру. И в дальнейшем до Петербурга доходили «случайные» реплики Бонапарта, в которых он то манил, то пытался шантажировать Александра I: «Я очень, очень, очень желаю мира. Возможно, я не попрошу у России столько, сколько потребует британский кабинет. Но не обманывайтесь. Если вы воображаете, что я предпочту Россию и мир союзу с Великобританией, вы совершите вопиющую ошибку. Если Великобритания выберет войну, я буду вести ее следующие двадцать лет»²³.

Отвага защитников Севастополя рождала у неприятеля какое-то чувство растерянности, казалось, и в 1855 г. достигнуть решающего успеха не удастся. На самом деле гарнизон крепости нес громадные потери во время бомбардировок, в конце мая в городе было 43 тыс. пехотинцев и 11 тыс. артиллеристов, всего 54 тыс. защитников, у осаждающих — 173 тыс. В августе бомбардировка уносила ежедневно 2 тыс.

²³ Thompson J. M. Op. cit. P. 160–162; Mange A. E. Op. cit. P. 44.

жертв²⁴. 27 августа (8 сентября) состоялся последний штурм крепости. Французам удалось захватить Малахов Курган — ключ к обороне города. Англичане застряли у Большого редута (Третьего бастиона) — трижды их цепи подкатывались к его стенам и трижды отступали, не выдерживая ураганного огня обороняющихся, и наконец, бежали, оставив на поле 2,5 тыс. убитых и раненых. Тем же вечером защитники Севастополя переправились на северную сторону. На том военные операции по большому счету кончились. Оба командующих, генералы Ж. Ж. Пелисье и Д. Симпсон, считали попытку прорыва на просторы России безнадежной авантюрой. Иначе думали кабинетные стратеги из Лондона, упрекавшие «старую лису» (Симпсона) в пассивности и бездеятельности. Военные потери французов достигали 70 тыс., англичан — 22,7 тыс., турок — 30 тыс. человек²⁵. Пальмерстон и иже с ним не считали цель достигнутой, явное стремление Наполеона к миру вызывало у премьер-министра раздражение, он писал об «опасности мира, а не войны». Но Бонапарт считал, что натаскал достаточно каштанов из огня для британцев. Пресса растиражировала занятие половины небольшого Севастополя как достойный реванш за 1812 год. Лютый враг царь Николай лежал в могиле. Парижский парвеню превратился в первого государя Европы.

В октябре Луи Наполеон преподнес союзникам оглушительный сюрприз. Министр финансов доложил ему, что денег на войну едва хватит до весны. Прибегать к займам или вводить новые налоги значило раздражать общественность. Император предложил сократить армию в Крыму вдвое и перейти к обороне. С точки зрения стратегической замысел выглядел нелепо и означал одно — Луи Наполеон больше воевать не желал. Поздней осенью 1855 г. граф Д. Кларендон отправился во Францию и пришел к самым неутешительным выводам, о чем и поведал в письмах к жене, не прибегая к дипломатическим околичностям: французы во главе с императором «рехнулись на почве страха и жульничества, окончание войны абы как будет столь же популярно во Франции как оно непопулярно у нас»²⁶.

Коалиция союзников вступила в полосу кризиса, пока что неафишируемого. Надвигался конфликт между Францией и Сардинией, с одной стороны, и Австрией с другой, зрели планы выдворения ее из Италии. Пальмерстон отводил душу, изошряясь в насмешках над прочими участниками альянса. В своей частной переписке он именовал французского министра иностранных дел А. Велевского «хитрым

²⁴ *Barker A. J. Op. cit. P. 284; Conacher J. B. Britain and the Crimea 1855–1856. Problems of War and Peace. L. etc, 1987. P. 110, 112, 199; Thompson J. M. Op. cit. P. 481; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 238–242.*

²⁵ Там же. С. 268–285; *Seton-Watson R. W. Op. cit. P. 359.*

²⁶ *Maxwell H. The Life and Letters of G. Clarendon. L., 1913. V. 2. P. 102–104; Conacher J. B. Op. cit. P. 129, 124–125.*

мошенником», посла в Стамбуле Э. Тувенеля — «законченным последователем Лойолы, пылающим ненавистью и ревностью к Англии», австрийского представителя при султанском дворе А. Прокеш-Остена — «низким гулякой, игроком, деревенским стряпчим, превращенным в дипломата»²⁷. Он заявил было, что возрожденная британская армия и турецкие силы способны и в одиночестве довести дело до достойного мира. Никто не обратил внимания на декларацию.

К миру склонялись Александр II и его окружение. Вступление в боевые действия Сардинии, угрожающая позиция Австрии, союз, заключенный Швецией с Францией и Великобританией, прозападная ориентация «дружественной» Пруссии, пессимистические доклады генерала М. Д. Горчакова из Крыма, тяжелые потери армии, финансовое истощение стран — все заставляло искать мирного решения. Государственный долг достиг 800 млн рублей, на погашение его понадобилось 15 лет. И, что тревожило царя едва ли не больше всего, — Россия нуждалась в обновлении, и прежде всего в отмене крепостного права; но не в военное же лихолетье проводить реформы, а иначе — страна закохенее в отсталости.

На мирном конгрессе (февраль–март 1856 г.) Д. Кларендон выступал в роли главного ястреба, а Луи Наполеон и А. Велевский приняли голубиный облик. Бонапарт считал Крым только первым актом задуманной им военно-политической драмы. Предстояло стереть с карты следы войн 1812–1815 годов и в первую очередь выйти на рубежи Рейна и вытеснить австрийцев из Италии. Он мечтал сотрудничать на этом пути с самодержавием. Отсюда — его внимание и приветливость в отношении первого российского уполномоченного на конгрессе графа А. Ф. Орлова. С помощью императора тому удалось отбиться от некоторых притязаний экстремистов — от нейтрализации не только Черного, но и Азовского моря, от срытия укреплений Николаева, разрушения фортов вдоль Кавказского побережья. Британцам и австрийцам не удалось наложить запрет на постройку на Черном море больших пароходов, могущих быть переоборудованными в крейсера, и осуществить программу-максимум в отношении отторгаемых земель в Южной Бесарабии, на чем особенно настаивали венцы. Тихо скончалась совсем уж блажная идея — отодвинуть российскую границу до течения реки Кубань и учредить на Кавказе государство Черкессию. Британцы смутно представляли себе, кто же населяет сей край и кого следует «освобождать» от невыносимого московского ига. Шамиль с ними разговаривать не стал, а горцы, как и грузины, не выразили желания идти «под султана».

Не следует, однако, преувеличивать значение французских услуг. Луи Наполеон пил кофе не только в обществе А. Ф. Орлова, но и гра-

²⁷ Подробно об англо-французских отношениях см.: *Conacher J. Op. cit.*

фа Д. Кларендона, который убеждал его не поддаваться российским обольщениям, будучи твердо уверен, что Луи Наполеон связывает свои интересы с альянсом с Англией. «Я хочу, чтобы английский союз пережил мир»²⁸. Игнорировать британские интересы Бонапарт не мог, что в крайней степени сужало возможности маневра французской дипломатии на конгрессе, и суровые условия мирного договора о том свидетельствовали. Трактат, подписанный 18 (28) марта 1856 г. был безмерно тяжел для России. Самодержавие отказалось от покровительства над Молдавией, Валахией и Сербией, от особых прав в отношении православных подданных Высокой Порты, и они были поставлены под коллективную гарантию пяти держав. Царизм сравнительно легко пошел на уступки в этом вопросе, потому что опыт с Грецией и Дунайскими княжествами показал — по мере ослабления уз зависимости от Турции и обретения самостоятельности они отворачивались от официальной России.

От России была отторгнута Южная Бессарабия, великую страну лишили доступа к водной артерии Дуная с явным намерением установить контроль неприбрежных держав над судоходством по реке. Об этом откровенно и без ссылки на какие-либо высокие принципы говорилось во время прений в английской палате общин: разграничение в Южной Бессарабии «с полной очевидностью избавляет Россию от всяких забот в устье реки и значительной части реки Прут». Трактат подтвердил установленный конвенциями 1840 и 1841 гг. запрет на прохождение военными судами проливов Босфор и Дарданеллы. Россия лишалась права на содержание флота в Черном море. Формально это правило распространялось и на Турцию, что являлось чистейшим лицемерием, корабли под флагом полумесяца можно было за пару суток перебросить из Средиземного моря на север через Проливы. «Боюсь, что будет трудно на практике обеспечить нейтрализацию Черного моря, — свидетельствовал экс-премьер Д. Абердин, — Турецкий флот может вступить в Черное море, когда ему заблагорассудится».

Неприглядно выглядела в парламентских прениях операция по навязыванию Высокой Порте реформ по европейскому образцу. 18 февраля 1856 г. послам Великобритании и Франции удалось добиться у султана издания Хатт-и хумайуна (о гражданском равноправии христианского населения). На самом конгрессе Али-паша пытался воспрепятствовать упоминанию указа в тексте мирного договора, что превращало хатт в международное обязательство. Его усилия не увенчались успехом.

В ходе дискуссии в верхней палате лорд Грей выступил с развернутым экспозе, доказывая бессмысленность затеи с реформированием Османской империи на европейский лад. Хатт, аргументировал оратор, «не явился добровольным актом со стороны султана. Было бы

²⁸ *Mange A. E. Op. cit. P. 45; PD. V. 141. P. 2047.*

фарсом утверждать подобное. ...Это была мера, исторгнутая послами Англии и Франции». «Если претворение в жизнь фирмана оставить за Турцией, он не стоит той бумаги, на которой записан, ибо текст его противоречит Корану. В местах отдаленных его оглашение вызвало испуг у христиан, опасаящихся мести мусульман при попытке его осуществления». Разве какое-либо правительство может доброжелательно и справедливо управлять подданными, чью признательность оно не завоевало, которые относятся к нему с горькой враждой и с нетерпением ожидают времени, когда они смогут способствовать его свержению? Разве не таковы чувства подданных Порты, и разве они не проявили их в ходе последней войны?

«Нельзя представить себе, — продолжал Грей, — после четырехсот лет самой отвратительной тирании иного чувства в умах христианского населения Турции, кроме сильнейшей вражды»²⁹.

Но Грей был белой вороной в высоком собрании. Кабинет подвергся критике не за бесперспективность (если не сказать историческую бессмысленность) важнейших положений трактата, а за то, что России не удалось навязать более тяжелые условия. Создается впечатление, что некоторые члены высокого собрания с луны свалились, всерьез рассуждая о желательности прогнать русских за реку Кубань.

Парламент одобрил мирный договор, но счел его лишь удовлетворительным, а не славным, как то было после победы над Наполеоном. Великим Мир был встречен в стране прохладно и даже критически. По словам биографа Пальмерстона, невозможно было удовлетворить разъяренную публику и «воинственную и черносотенную прессу». Газета «Сан» в день подписания трактата вышла в траурной рамке. Победители — Великобритания, Франция и Австрия, по инициативе последней, пребывая в угаре от виктории и обнаруживая полную стратегическую и геополитическую слепоту, подписали 15 апреля 1856 г. соглашение, по которому обязывались вооруженной силой воспротивиться любой российской попытке нарушить условия Парижского мира, иными словами, собрались подпирать то, что было обречено на провал. Тот же лорд Грей назвал соглашение «актом величайшего бесстыдства», Британия обязывалась в нем «безгранично во времени и независимо от каких бы то ни было обстоятельств подпирать и поддерживать рушащуюся и обреченную империю и взвалила на себя бремя, которое ни одна крепость не выдержит»³⁰. История сыграла злую шутку с западными миротворцами. Прошло всего три года, и участники коалиции, поклявшиеся 15 апреля следить за Россией (как бы она не разорвала цепи Парижского мира) передра-

²⁹ PD. V. 141. P. 2020, 225–226, 1969. В корреспонденции и устных выступлениях Хатт-и хумайун называли то Хатт-и шерифом, то фирманом.

³⁰ Ibid. P. 129, 127, 126, 1959.

лись между собой. (Франция и Сардиния — против Австрии.) Что же касается христиан, то они, вместо того чтобы защищать родину-мать, обратили все силы на развал злой мачехи Турции и изрядно в том преуспели в последующее двадцатилетие. Подкоп под трактат начался еще до его подписания. На самом конгрессе произошла схватка во-круг вопроса об объединении Дунайских княжеств и образовании Румынии, которая предвещала опасность для целостности Османской империи. И расстановка сил произошла отнюдь не по схеме «союзники против России». Последняя вместе с Францией, Сардинией и Пруссией заняла позицию, благоприятную объединению, а Турция, Австрия и Великобритания твердо встали на защиту принципа статус-кво. Подробнее об этом — в главе «Румынские униониста в стане неприятелей России» и в следующей книге нашего издания с подзаголовком «Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878)».

* * *

Подводя итог, следует сказать, что Великобритания выиграла много в результате войны. Она обеспечила себе на десятилетия преобладающее экономическое и политическое влияние в Османской империи, подорвала позиции царизма на Балканах, сузила возможности его маневра в регионе, добилась запрета на содержание военного флота в Черном море, отрезала Россию от великого дунайского водного пути, учредила верховный надзор «Европы» под собственным главенством над всеми дальнейшими российско-турецкими транзакциями. Но...

В послекрымский период понятия влияния в Османской империи и на Балканах разошлись. Освободительное движение христиан набирало силы, произошло объединение Молдавии и Валахии, княжества Румыния и Сербия в рамках автономии наращивали свою самостоятельность, Черногория отстаивала свою фактическую независимость, у греков общенациональной поддержкой пользовался лозунг *мегали идея* (Великой идеи) — объединения под крышей королевства всех населенных эллинами земель. Влияние на Балканах стало определяться степенью поддержки той или иной державой национальных устремлений, и здесь Россия оказалась впереди всех. Английская дипломатия упрямо цеплялась за доктрину статус-кво — сохранения в регионе власти Высокой Порты, реформы Форин офис допускал лишь с ее согласия. С подобным политическим багажом нечего было рассчитывать на завоевание влиятельных позиций на Балканах. И доктрина статус-кво сгорела в пламени русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В плане стратегическом курс на поддержку разваливавшейся Османской империи действительно являлся, по словам Роберта Солсбери, «достойной сожаления глупостью».

● Австрия, как отмечал ее канцлер Ф. Шварценберг, удивила мир своей неблагодарностью в ответ на услуги, оказанные ей в 1849 г. царем. Завет строго князя К. Меттерниха — улаживать разногласия с самодержавием, не порывая союза Габсбургов с Романовыми — был предан забвению. Венский двор строил козни, интриги и шантажировал Петербург угрозой открыто вступить в войну. Он упустил из виду главное — антагонизм его интересов лежал прежде всего в сфере его отношений с Францией и Сардинией, которые собирались выдворить его из Италии. Порушив принцип монархической солидарности с царизмом, венский двор не обрел ничего взамен. Надувательства со вступлением Австрии в войну ему не простили — держава, не потратившая ни шиллинга, не пролившая ни капли крови, усевшаяся на скамью победителей, уважением не пользовалась. Она оставалась в глазах союзников «презренным нейтралом»³¹. Итог для монархии оказался печальным — она была вышвырнута сперва из Италии, а позже и из Германии, и превратилась в великую державу второго ранга. Мечтания занять господствующие позиции на Балканах развеялись прахом. Происходившие там процессы внушали австрийской элите глубокую тревогу.

Луи Наполеон Бонапарт по всем внешним признакам вышел из войны победителем: лютый враг, царь Николай, лежал в могиле, парижский парвеню стал первым монархом Европы, позиции династии укреплены, на Балканах обретена точка опоры в румынских землях, победу вписали в скрижаль национальной славы, в Париже появились бульвар Себастополь и мост Альма.

Существовала, однако, и другая сторона медали, не столь радужная. На внешней политике «триумфатора» жерновом повис Парижский мирный договор. Еще в дни конгресса император недаром уединялся за чашкой кофе с А. Ф. Орловым — для осуществления его планов, часто авантюрных, требовалась если не поддержка, то хотя бы благожелательный нейтралитет России. А князь Александр Михайлович Горчаков, возглавивший ее внешнеполитическое ведомство, обусловливал подобную позицию отказом от сохранения тяжелых для России условий трактата, и прежде всего пунктов о разоружении на Черном море. Обитатель дворца Тюильри предлагал царизму роль младшего партнера в перекройке карты Европы. В 1859 г. за участие в сокрушении Австрии петербургский двор мог рассчитывать на приобретение Галиции. Но у самодержавия начисто отсутствовали планы земельных приращений, страна жаждала одного — сбросить с себя оковы Парижского мира. Пойти навстречу этим пожеланиям для Луи Наполеона означало расстаться с раздутой славой победителя и разгневать Великобританию, а возможно и порушить союз с нею, на что

³¹ Conacher J. B. Op. cit. P. 168, 174.

он решиться не мог. И у господина О. фон Бисмарка, ставшего в 1862 г. министром-президентом Пруссии, на руках появился козырный туз: в критические моменты в Петербурге появлялся прусский посланец с заверением, что Берлин ничуть не заинтересован в сохранении ненавистных для России условий и готов поддержать инициативу по их отмене.

В шестидесятые годы Бонапарт терпел на внешнеполитическом поприще один провал за другим. Его послы запрашивали из Петербурга — нельзя ли вести себя погибче в пресловутом вопросе? Из Парижа поступал неутешительный ответ: трактат — единственный материальный результат «славной войны, из которой мы не извлекли никаких выгод». Слава взятия Севастополя должны была сверкать на фоне удручающих результатов последнего времени. На свои осторожные зондажи на Кэ д'Орсэ А. М. Горчаков получал ответы, оставлявшие его «в сумерках», а то и погружавшие его «во мглу»³². В Париже не заметили, как победный лавровый венок оброс колючими шипами.

И произошло то, чего следовало ожидать — разгром Франции в 1870 г., причем никто не пришел к ней на помощь. Объединение Германии — явление исторически прогрессивное и, к чести российской общественности, она отдавала себе в этом отчет. Но осуществлялось оно «железом и кровью», через три войны и с перекосом всего европейского баланса сил при непомерном усилении «Пруско-Германии», что угрожало интересам России и в еще большей степени Франции, утратившей при этом две провинции, Эльзас и Лотарингию.

Существовала ли альтернатива подобному развитию событий? Вероятно, да, и на путях тесного сотрудничества с Россией, что было мыслимо лишь при серьезном учете интересов последней, и понятно, в какой области. Возрождение ее флота на Черном море, накрепко запертого в его бассейне конвенцией 1841 г., никакой угрозы безопасности Франции не представляло. Но геостратегической прозорливостью Луи Наполеон не обладал. Если бы французская политика не цеплялась за прошлое и не занималась сочинением экспансионистских схем, а устремляла свои взоры в будущее и вместо воспоминания о победах занялась бы налаживанием прочных связей с Россией, объединение Германии могло бы произойти без территориальных потерь для Парижа и без появления на российских границах опасного в перспективе соседа. А. М. Горчакову, оставалось лишь сетовать о забытой бонапартистами «старой общности интересов»: «Если бы Франция считалась с нами, она избежала бы тех бедствий, которым она подвергалась»³³. Но,

³² Нарочницкая Л. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. М., 1989. С. 127–128; см. также: Виноградов В. Н. А была ли связь между торжеством Франции в Крымской войне и ее разгромом под Седаном? // Новая и новейшая история. 2005. № 1.

³³ Татищев С. Е. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 1995. Т. 2. С. 67–68; Канцлер А. М. Горчаков. М., 1998. С. 339; Conacher J. B. Op. cit. P. 211.

чтобы спуститься с небес дипломатических химер на грешную землю, потребны были люди иного калибра, нежели окружавшие Наполеона посредственности.

Значение эпопеи 1853–1856 годов в истории России однозначной оценке не поддается. Неудача — но без горечи национального унижения. Защитники Севастополя своей отвагой и стойкостью подтвердили и продолжили славу российского оружия. Враги отдавали ему дань глубокого уважения: история «засвидетельствует непреходящую предприимчивость русских, их неизменную отвагу, их терпеливую стойкость, искусство их инженеров, храбрость и мастерство их генералов», — такие признания оглашали стены британского парламента³⁴. Главный результат эпопеи — думающая Россия осознала — так дальше жить нельзя, с крепостнической системой, сковывающей развитие страны, надо кончать. В январе 1857 года Александр II пригласил к себе доверенных советников и сообщил им о своем решении отменить крепостное право. Наступила пора реформ, сравнимых по своему значению с преобразованиями Петра Великого. Начался экономический подъем. Железные дороги своими нитями должны были стянуть хозяйственный организм страны, дымящему и чадящему паровозу предстояло вытащить ее из пучины отсталости. Обстановка в государстве нимало не походила на послевоенное похмелье. В обществе царил подъем. Ослабел цензурный гнет, пытливый ум вырвался на страницы периодических изданий, интеллектуальная жизнь забила ключом. В 1989 г. в Германии вышла книга Г. Верта под броским заголовком — «Крымская война — час рождения мирового могущества России»³⁵. Он «спрямил» историю, объявив эпопею часом рождения этого могущества. На самом деле предстояли реформы Александровского царствования, избавление от оков Парижского мира в 1871 году, война 1877–1878 гг. во главе балканских народов, экономическое чудо, связанное с именем Сергея Юльевича Витте. Но отправной точкой всех этих великих свершений явилась Крымская война.

³⁴ P. D. V. 141. P. 1963.

³⁵ Werth G. Der Krimkrieg — Geburtsstunde des Weltmacht Russland. Erlangen etc., 1989. P. 327–331.

Румынские унионисты в стане неприятелей России

Вернемся к весне 1853 года. Одиноким рыцарь монархической солидарности, занимавший в Петербурге престол, твердо надеялся на сотрудничество с Австрией в начавшейся войне. Если занятие княжеств войсками Высокую Порту к уступкам не подвигнет, последует блокада Босфора и Дарданелл и провозглашение независимости Молдавии и Валахии. Если султан будет по-прежнему упрямым, встанет вопрос о предоставлении независимости Сербии. При этом он полагал, что сам будет хозяйничать в Яссах и Бухаресте, а своему венскому собрату отводил ту же роль в Белграде. Франца-Иосифа он продолжал считать своим опекаемым. Каким же наивным идеалистом выступал царь! Его протеже такие человеческие чувства, как признательность были неведомы, тот представлял из себя что-то вроде машины, предназначенной для исполнения функций монарха. Франц Иосиф писал матери: «Если мы будем действовать смело и энергично, то эта восточная заваруха сулит нам определенные выгоды. Наше будущее — на Востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Медленно, желательно незаметно для царя, но верно мы доведем русскую политику до краха... Конечно, нехорошо выступать против друзей, но в политике нельзя иначе, а наш естественный противник на Востоке — Россия»¹. В конце мая в Петербург прибыл австрийский посланец с настоятельной просьбой — повременить с оккупацией княжеств. Государь совету не внял, 4 июля российские войска перешли Прут. Последовали протесты со стороны Высокой Порты, Лондона и Парижа, британская эскадра вошла в Проливы. Франц-Иосиф обратился к Николаю с письмом, сообщив в нем, что не допустит распада Османской империи.

В княжествах царские войска были встречены покорно, здесь еще не забыли прошлой оккупации. Весь полагающийся церемониал бы соблюден, в Бухаресте генерала М. Д. Горчакова встретил почетный

¹ Тарле Е. В. Крымская война. М., 1944. Т. 1. С. 200; Шиндлинг Цвиглер В. Кайзер. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов на Дону, 1997. С. 433.

карлау милиции с оркестром. Порта предписала господарям Г. Гике и Б. Штирбею покинуть Молдавию и Валахию, царь не возражал².

Успокоительным заверениям К. В. Нессельроде — войска прибыли сюда временно и лишь для того, чтобы побудить турок к уступкам, — никто не верил, как и царскому заверению: Россия не имеет никакого желания, а тем более намерения утвердиться в Константинополе. Кабинеты Лондона и Парижа решили, что Турция имеет «полное и неотъемлемое право... считать данный прецедент казусом белли». В начале августа состоялась последняя серьезная попытка предотвратить войну, связанная с посылкой так называемой Венской ноты, отвергнутой Портой с подсказки британского посла³.

Николай I дважды — в Ольмюце и Варшаве — советовался с «друзьями» — Францем-Иосифом и прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV, но отводить свои войска из княжеств и тем самым признать свое поражение не согласился. 16 октября 1853 г. Турция объявила России войну. 4 февраля следующего года Вена и Берлин объявили, что солидарны с морскими державами в стремлении сохранить целостность Османской империи и еще раз высказались за эвакуацию Дунайских княжеств⁴. Вступление английской и французской эскадр в Черное море придало бодрости канцлеру К. Ф. Буолу — теперь-то уж русским княжеств не удержать! В последней и несбыточной надежде царь отправил в Вену многоопытного А. Ф. Орлова. Франц-Иосиф потребовал у него заверения, что самодержавие будет уважать неприкосновенность Турецкой державы, что царские войска не пересекут Дунай и вообще в обозримом будущем удалятся за Прут. Позднее Франц-Иосиф все же заверил посла П. К. Мейендорфа, что в войну с Россией он не вступит.

Решиться на подобный шаг было непросто, трудности подступали со всех сторон. В марте 1854 г. Великобритания и Франция объявили войну России и рассчитывали на австрийское содействие по всем пунктам, включая военные операции. Не тут-то было. Влиятельные круги аристократии и военного командования опасались рушить сотрудничество с самодержавием, считая его залогом существования монархии. Перспективы войны генералов не вдохновляли: Англия и Франция находились далеко-далеко от России, Австрия же располагалась по соседству, и ей даже в случае победы предстояло жить рядом с оскорбленным и жаждавшим реванша северным колоссом. Миротворцами по должности в Вене выступали руководители финансового ве-

² Ciachir N. Unele aspecte privind orasul Bucuresti in timpul rasboului Crimei — Muzeul de istorie orasului Bucuresti. Materiale de istorie. Buc., 1969. P. 197.

³ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908. Т. I. Приложения. С. 363.

⁴ Boicu L. Austria si Principatele romane in vremea rasboiului Crimeii. Buc., 1972. P. 97.

домства. Государственный долг составлял 340 млн гульденов, ежегодный дефицит — 100 млн. На что воевать? Глава ведомства К. Брюк меланхолически заметил: «Пусть Господь содержит австрийскую армию, я, министр финансов, сделать это не в состоянии»⁵.

В плане внешнем следовало завлечь как можно глубже в конфликт с Россией Пруссию, иначе соперница могла воспользоваться занятостью Габсбургов на Балканах для подрыва их позиций, а то и выдворения из Германской конфедерации.

На заседании Коронного совета Буоль манил его участников возможностью повторения сказочно благоприятной ситуации 1813 г. с превращением Габсбургской державы в арбитра Европы⁶. Сомнений собравшихся рассеять ему не удалось.

Путь к триумфу, в представлении Буоля, начинался в Дунайских княжествах. Следовало не просто очистить их от российских войск, но и самим там водвориться. Но, поскольку турки отдавали себе отчет в том, что Вена собиралась прибрать Молдавию и Валахию к рукам, и предпочли бы оккупировать их единолично, приходилось действовать осторожно и лицемерить: никакой аннексии не предполагается, речь идет лишь о временном вводе императорско-королевских войск, дабы провинции не стали добычей известного своими хищническими замашками северного медведя.

Для большей убедительности в переговорах с Россией в Буковине и Галиции проявились два австрийских корпуса. Осторожный фельдмаршал И. Ф. Паскевич предупреждал царя: «Княжества мы занимать не можем, если австрийцы с 60 тыс. появятся у нас в тылу. Мы должны будем тогда их оставить, и оставить по принуждению, имея на плечах сто тысяч французов и турков»⁷. Уж лучше покинуть их добровольно.

3 июня 1854 г. последовал официальный австрийский демарш с требованием эвакуации Дунайских княжеств, 12 июня Пруссия к нему присоединилась. 14 июня, под сильнейшим нажимом Парижа и Лондона, Высокая Порта выразила согласие на ввод в Молдавию и Валахию австрийских войск. Для ее успокоения венский двор обещал по заключении мира «и в наикратчайший возможный срок» приступить к подготовке (!!) вывода своих войск из провинции⁸.

Союзники воображали, что добились разрыва Вены с Петербургом и ее вхождения в альянс со всеми вытекающими обязательствами. Напрасно! Канцлер К. Ф. Буоль считал положение «ни мира, ни войны» без взятия на себя определенных обязательств наиболее выгодным и

⁵ Boicu L. Austria si Principatele romane in vremea rasboiului Crimeii. P. 159, 110.

⁶ Ibid. P. 109, 110.

⁷ Ibid. P. 113–114, 117–118, 120; Taple E. B. Указ. соч. С. 417–418.

⁸ Iordache A. Principatele romane in epoca moderna. Buc., 1998. V. 2. P. 165.

выигрышным. Видение 1813 года витало перед ним, мечта о роли арбитра между воюющими его не оставляла.

Австро-турецкий сговор произвел глубокое впечатление, и не только в России. Румынские унионисты, всерьез воображавшие, что Бонапарт озабочен судьбами их родины, оцепенели. По словам Иона Гики, «великий страх и забота вселились» в их сердца⁹.

6 августа 1854 г. новый посол в Вене князь Александр Михайлович Горчаков известил Буоля о решении царя — вывести войска из Дунайских княжеств. Австрийцы не спешили их занять — торопливость могла привести к столкновению с арьергардом царской армии. Императорско-королевское командование тщательно следило за тем, чтобы между двумя армиями всегда существовало свободное пространство. А эвакуация российских полков растянулась на три месяца. Оккупация Молдавии и Валахии считалась прологом к прочному утверждению в устье Дуная, и Буоль хвастливо заявлял: «Княжества у нас в кармане»¹⁰.

* * *

Вступившие в Бухарест турки в первом же своем обращении потребовали у жителей полного повиновения — отныне всем будет распоряжаться Блистательная Порта. Австрийских союзников командующий османскими войсками на Дунае Омер паша, хорват и подданный Габсбургов по рождению, встретил неприветливо. Нужно было как-то поделить власть; австрийцы вздумали было отдавать распоряжения, но первую же прокламацию к жителям турки сорвали со стен и заборов. Потребовалось вмешательство высокого начальства, чтоб погасить конфликт. Но в конце 1854 г. корпус Омера отправился в Крым, под Севастополь, в княжества остались лишь незначительные турецкие силы, символизировавшие османский сюзеренитет. Высокая Порта с тревогой следила за тем, как в Молдавии и Валахии хозяйничали союзники-соперники.

Те явились туда как представители дружественной державы, а потому не могли просто и откровенно сесть на шею населения. Была выработана сложная система снабжения оккупационных войск. По договоренности с местными властями за поставки продовольствия и фуража надлежало платить, однако на деле оплата производилась не звонкой монетой, как то было обусловлено, а бумажными деньгами, котирувавшимися на 20–30 % ниже серебра, а позднее и вовсе пошли в ход квитанции, расплата по которым растянулась на годы. Многие услуги предоставлялись оккупантам бесплатно (размещение в казар-

⁹ Boicu L. Op. cit. P. 122; Ciachir. N. Op. cit. P. 199.

¹⁰ Vianu A. Relatiile franco-ruse in problema unirii // Studii. 1959. № 1. P. 196–197; Seton-Watson R. W. History of the Roumanians. Cambridge, 1934. P. 236.

мах и домах обывателей, лечение в больницах, почтовое обслуживание, содержание в порядке дорог). Офицеры располагались с удобствами. Так, даже младшему лейтенанту полагалась двухкомнатная квартира с кухней¹¹.

Столкновения солдат с жителями, драки и поножовщина с молдавскими и валашскими милиционерами не прекращались вплоть до эвакуации австрийцев. Крупных восстаний не происходило.

Австрийские власти пытались войти в контакт с боярством. Г. Гика и Б. Штирбей вернулись по их просьбе на престолы в Яссах и Бухаресте, но установить с ними и вообще с местной элитой что-либо, походившее на уважительное отношение, австрийская власть оказалась не в состоянии. Все лица, не только причастные к духу мятежа, но и заподозренные в злом умысле, подверглись высылке. В посредники по обиранию народонаселения не рвались даже консервативно настроенные бояре. Языковой барьер мешал светскому общению, мало кто из австрийских офицеров владел французским языком, модным в салонах. Вдобавок ко всему, они отличались немецкой бережливостью, а молдо-валашское боярство — расточительностью. Контакта не получалось.

Еще хуже обстояло дело «в низах». Солдатам полагались сущие гроши на пропитание, на которые взрослый мужчина существовать не мог, и оккупанты обирали население. Не только офицеры, но и рядовые не общались с жителями, а отдавали приказы. Лейтенантики предъявляли претензии, непонятные обывателям, например, требовали поставить им в комнату гардероб или шифоньер, тогда как жители обходились дедовским сундуком¹².

И современники, и исследователи единодушны в резко-отрицательной оценке австрийской оккупации. Французский консул в Яссах В. Плас докладывал начальству: австрийские войска «причинили столько страданий всем классам населения, допустили такие притеснения, что, значительная часть молдаван» их возненавидела. Авторы, коих было бы грешно заподозрить в симпатиях к русским, вроде Э. Реньо, писали, что румыны жалели об уходе российской армии. Эту точку зрения разделял британский дипломат Г. Стенли. В депеше премьер-министру Г. Д. Пальмерстону он свидетельствовал, что на русских в княжествах смотрели бы как на освободителей¹³.

Вот что писал о двух оккупациях французский консул в Бухаресте Беклар в 1857 г., когда все еще было свежо в памяти: «Австрийцы, вступив в княжества, совершили ошибку, обращаясь с жителями, как

¹¹ Boicu L. Op. cit. P. 156.

¹² Taple E. B. Указ. соч. Т. 1. С. 451; Ciachir N. Op. cit. P. 200–201.

¹³ Iordache A. Op. cit. P. 191; Temperley H. Four Documents on the Future of Roumania // Revue historique du Sud-Est Europeenee. 1937. № 7–11. P. 236.

с побежденным народом. Они взимали в свою пользу тяжелые поборы». Офицеры всех чинов, отмечал Беклар, жили «с бережливостью, доходившей до скупости», отталкивавшей от них румынский «свет». «Русские вели себя совсем иначе. Во главе их оккупационных армий всегда стояли блестящие и приветливые офицеры, щедрые до расточительности, жадно стремившиеся к удовольствиям и большие любители игры» (карточной). Беклар отмечал дисциплинированность царской армии: «Русские генералы прекрасно понимали, что самое верное средство успокоить жителей — это быстро проявить по отношению к ним справедливость». В результате жалобы возникали редко.

Солдаты, не избалованные заботой со стороны начальства, наладили, по словам Беклара, вполне сносные и даже дружеские отношения с населением, «они оказывали услуги хозяину дома», и тот, «видя в них услужливых помощников, принимал их за своим столом. Русские солдаты привыкли к холоду, усталости, к лишениям. В трудную пору зимы они не требовали для себя даже одеяла на ночь, а, завернувшись в шинели, спали где попало». (Им в голову не приходило требовать для себя даже кроватей, не говоря уже о каких-то шифоньерах.) А в сношениях с австрийцами «известная холодность переросла во вражду, последовали драки, акты насилия, злоупотребление силой и репрессии»¹⁴.

Чем Венский двор занимался последовательно и серьезно, так это внедрением в экономику княжеств в стремлении занять в ней господствующие позиции. В то время широкое распространение получила идея создания Срединной Европы — мощного хозяйственного и политического объединения, ядром которого стали бы Германский союз и Австрия и влияние которого распространялось бы на бассейн Дуная. Идеологом и пропагандистом идеи выступал венский профессор Лоренц фон Штерн. В серии статей он восторженно отзывался о природных богатствах Молдавии и Валахии, скорбел о тяжелой жизни населения, но отрицал наличие в молдо-валашском обществе элементов, способных вырвать их из тисков отсталости. Оставалось уповать на германский гений. Естественно, что задача вовлечения Молдо-Валахии в русло европейской цивилизации выпадала на долю Австрии¹⁵.

Воспользовавшись оккупацией, австрийцы приступили к ее осуществлению. Шоссейные дороги связали Яссы и Бухарест с Венгрией, велись работы по углублению фарватера Дуная, пароходная компания осуществляла судоходство по великой реке, ей принадлежали

¹⁴ Acte si documente relative la istoria renasterii Romaniei. V. 9. P. 5–8. Buc., 1901; *Temperley H.* Op. cit. P. 233; *Boicu L.* Op. cit. P. 158.

¹⁵ *Xenopol A. D.* Istoria romanilor din Dacia Traiana. Ed. 3. V. 12. P. 215–217; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Консульство в Бухаресте. 1856–1858. Д. 077. Л. 264.

портовые сооружения в Галаце, Джурджу, Олтенице, Турну-Северине, правительство гарантировало ей ежегодную прибыль в 8 %. Дельту Дуная стерегли мониторы под флагом Габсбургов. Власти вели переговоры с домом Ротшильда о постройке железной дороги из Браилы в Клуж¹⁶.

Габсбургская монархия собиралась утвердиться в княжествах всеерьез и надолго. Но для установления контроля над экономикой Молдавии и Валахии не сложилось еще даже предпосылок. Австрийский капитал был еще слишком слаб для проведения в жизнь широкомасштабной программы Штерна, его носители опасались вкладывать средства в зыбкую балканскую почву, подверженную всем видам социальных, национальных и международных потрясений, их пугала заведомо профранцузская ориентация молдовалашской элиты.

Крымскую войну пашоптисты, превратившиеся в унионистов, борцов за объединение Молдавии и Валахии, восприняли как ниспосланный свыше шанс добиться желаемого — «Европа» ополчилась против покровителя отечественных феодалов, самодержавия. Их взоры обратились к императору французов Луи Наполеону Бонапарту, был создан его культ как радетеля опальных народов. Использовались при этом традиционные политические и культурные связи княжеств с Францией, высокий престиж ее культуры, сознание этнической близости, тот факт, что «латинская сестра» выступала глашатаем освободительных идей.

В политических сферах Запада придавали большое значение стратегическому положению княжеств. Так, депутат британского парламента Г. Лейрд говорил в Палате общин: «Создается впечатление, что само Провидение поместило это чуждое племя (румын. — *Авт.*) в гущу славянской расы. Мы упустили золотую возможность обратить эти провинции в барьер на пути российских амбиций»¹⁷. Наполеон был очень не прочь допущенную ошибку исправить, а заодно и прочно утвердиться на земле ему не чуждого «племени».

Румынские унионисты развили кипучую деятельность по претворению мечты в действительность, впадая при этом в утопизм. Далекоидущий план, имевший все признаки заоблачности, сочинил А. Голеску-Албу: эмигранты отправляются в княжества и поднимают там восстание; их парижские единомышленники добывают 20 тыс. винтовок. Если же «дипломатия» пожертвует румынскими интересами — поднять на борьбу всех «турецких христиан» и вместе с итальянцами, поляками и венграми ударить по Австрии, после разгрома которой обрушиться на Россию¹⁸. Подобные прожекты сочинялись в изобилии

¹⁶ Riker T. W. The Making of Roumania. K., 1931. P. 27, 47; Boicu L. Op. cit. P. 304; Русский вестник. Июль-август 1958. С. 54.

¹⁷ Parliamentary Debates. 3-rd Ser. (PD). 1853. V. 129. P. 1778.

¹⁸ Boicu L. Op. cit. P. 128.

и умирали столь же быстро, как и появлялись на свет. Но пропаганда объединения попадала на благоприятную почву, унионистам удалось привлечь к румынским проблемам благосклонный интерес европейской общественности.

Проза жизни брала свое. План поднять народ против «москвитов» потерпел неудачу в первом же звене, в Валахии. По призыву прибывших из Парижа эмиссаров поднялись жители некоторых сел и граничары (крестьяне, несшие службу по охране границ). Но вместо того, чтобы обрушиться на российских оккупантов, они двинулись на боярские поместья и сожгли три десятка усадеб, а валашская милиция жестоко расправилась с повстанцами¹⁹. В своей среде унионисты не скрывали, что попытка устроить антироссийскую акцию провалилась. В «Обращении националистов из Парижа к националистам Бухареста» говорилось: «Что сделали румыны, чтобы доказать державам, что являются врагами москалей? ...Румыны не пошевелились, не подали ни малейшего признака жизни»²⁰.

Унионисты поскромнели и для придания веса своим притязаниям решили подкрепить словесную пропаганду звоном сабли и ради этого сформировать румынский легион для участия в войне. Их клятвам Высокая Порта не верила. По словам великого везира Али-паши, «как только объединение произойдет, румыны начнут стремиться к независимости, и он сам, будь он румыном, мечтал бы о том же». Венский кабинет относился к идее создания единого румынского государства резко-враждебно, считая, что оно станет центром притяжения для проживавших в Трансильвании и Банате их соплеменников. Отсюда — отрицательная реакция на планы создания легиона. Лондону и Парижу потребны были действенные союзники, штыки на поле боя, а не созданный в спешке с политическими целями малочисленный легион сомнительной боеспособности.

Иной была реакция Бонапарта на посулы румынских сирен в плане экономическом и политическом. Унионисты быстро усвоили правило, вульгарно выражаемое словами: этой публике надо показывать товар лицом. «Без заинтересованности, — писал единомышленникам Н. Голеску, — сейчас никто не поможет». Если смотреть без иллюзий, то ясно, что Великобритания и шагу не сделает без выгоды для себя. Франция же воюет потому, что «ее государь счел нужным укрепить свой трон». И унионисты соблазняли покровителей легким доступом к богатствам Румынии. По словам Н. Голеску, Франция обретет в Румынии не только колонию и крепость, но и политического клиента²¹. Перед Луи Наполеоном открывалась возможность, используя волну

¹⁹ Stan A. I. C. Bratianu. Buc., 1993. P. 51–65; Boicu L. Op. cit. P. 132.

²⁰ Fotino G. Din vremea renasterii nationale a Tarii Romanesti. Buc., 1939. V. 4. P. 139, 128–129.

²¹ Otețea A. Insemnatatea istorica a Unirii // Studii. 1959. № 1. P. 30.

национального движения, потеснить в румынских землях не только противника, Россию, но и союзников, Англию и Австрию, и прочно утвердиться в низовьях Дуная. Грех было не воспользоваться этим.

И все же путь к объединению княжеств был усеян терниями, и не только из-за яростного сопротивления двух империй, Австрийской и Османской. На начальном этапе неблагоприятно сказывалось крайнее непостоянство политики «маленького Бонапарта» с привкусом авантюризма и погоней за комбинациями, сулившими в данный момент наибольшую выгоду.

В марте 1855 г. на конференции в Вене, где изыскивались пути к примирению, барон А. Ф. Буркнэ от имени Франции поднял вопрос об унии. Британец Д. Рассел заметил, что с подобной инициативой следовало бы выступить Турции, как державе-сюзерену. Действовал он по всем канонам фарисейства, ибо прекрасно знал о позиции Высокой Порты. Ф. Буоль по понятным причинам поддержал Д. Рассела, а турок заявил, что демарш прямо задевает права султана²². Французская инициатива повисла в воздухе, и надолго, поскольку Наполеон принялся сооружать одну из своих мимолетных комбинаций. Желая вовлечь Австрию в военные действия, он предложил венскому кабинету обменять Ломбардию на Дунайские княжества. Богатую итальянскую область он собирался передать Пьемонту, а самому, в знак благодарности, получить Савойю и Ниццу.

Сторговаться не удалось, обмен представлялся венцам неравноценным, они надеялись извлечь выгоды из победы союзников, сами не обнажая меча.

В январе 1856 г. союзные послы в Константинополе вновь обсуждали будущий статус Дунайских княжеств. Предусматривалась отмена Органических регламентов и сохранение их прежних привилегий. Молдавия и Валахия именовались «неотъемлемой частью Османской империи», ее провинциями, имеющими право на собственную администрацию (что вызвало нервную реакцию со стороны унионистов). Вопрос об их объединении был оставлен на обсуждение мирного конгресса, что свидетельствовал об отсутствии согласия по нему.

Достичь заблаговременно договоренности с оппонентами французам не удалось, и схватка произошла на самом мирном конгрессе. Ситуация в лагере противников России уже изменилась, Австрия превратилась из союзника в попутчика. С ней считались все меньше, а к румынским голосам прислушивались все внимательнее.

На открывшемся в Париже конгрессе министр иностранных дел Франции А. Валуевский предложил обсудить вопрос об унии Валахии и Молдавии, представив эту акцию как антироссийскую — новое го-

²² Меморандум А. Ф. Буркнэ — *Ubcini A. Question des Principautés devant l'Europe*. P., 1858. P. 6–10; *Iordache A., Stan A. Apararea autonomiei Principatelor Romane*. Buc., 1987. P. 167.

сударство станет барьером на пути продвижения царизма к Константинополю, а потому в интересах союзников поддержать его образование²³. К. Ф. Буоль и его турецкий коллега Али-паша резко высказались против. В Стамбуле не сомневались — уния княжеств станет шагом к их независимости и подаст дурной пример другим подданным. А представлялось, что пришло время реванша, Россия побеждена, и пора подумать о восстановлении власти на Балканах. В Петербурге полагали, что Порта в княжествах стремится «мало-помалу превратить свой сюзеренитет по праву, предоставленному договорами, в суверенитет», и тогда наступит разгул «тщеславия, глупости и фанатизма ее чиновников»²⁴.

Габсбургская монархия метила в наследники самодержавия на Балканах. Как писал одесский журналист П. Стойкович: «Самостоятельное и сильное государство... легко обрубил бы когти, запущенные Австрией на дунайскую почву»²⁵. В пределах австрийских владений, в Трансильвании и Банате, проживали 2 млн румын, лишенных национальных прав и ущемленных в политической жизни. Единое румынское государство могло стать очагом притяжения единокровных с его населением подданных императора, что превратилось бы в реальную угрозу для лоскутной монархии²⁶. Интересы России и Франции сходились в одном пункте — надо пресечь турецкий реваншизм и венский экспансионизм. Дальше начинались разногласия, ибо Наполеон домогался преимущественных позиций в княжествах.

Участники конгресса размежевались: Франция и Сардиния — за объединение княжеств, Австрия и Турция — против, и к ним, после недолгих колебаний, присоединилась могущественная Великобритания. Глава российской делегации, князь А. Ф. Орлов, оказался в сложном положении. Унионисты — не просто политические противники, а фанатичные западники, люди, не принимающие Россию ни умом, ни сердцем, сводящие историю отношений с Россией к злым деяниям царизма, не усматривающие заслуг российской армии и дипломатии в утверждении автономных прав.

Утверждение Франции в низовьях Дуная имело все шансы на успех, учитывая преклонение перед нею сторонников объединения. Стоило бы самодержавию примкнуть к тройственному союзу Австрии, Турции и Великобритании, да еще привлечь к нему Пруссию — и сама идея образования единой Румынии канула бы в Лету до времен непредсказуемых. Но... сие означало пустить австрийского козла в румынский огород, что означало крах всей балканской политики

²³ Протоколы парижского конгресса. № 1.: Je Nord. Supplement au numero du 1 mai 1956; подр. об обсуждении румынского вопроса на Парижском конгрессе см.: *Виноградов В. Н.* Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961.

²⁴ АВПРИ. Ф. Отчеты 1857. Л. 37.

²⁵ Одесский вестник. 12 (24) февр. 1859. С. 6.

²⁶ АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A2. Д. 179. Л. 49.

России, начиная с Петра Великого. Вена хотела иметь дело со слабыми и разрозненными соседями, чтобы доминировать в регионе, Петербургу надлежало дать отпор подобным притязаниям. Опасность надвигалась и со стороны Франции, но она все же представлялась наименьшим злом.

И чуть ли не самое главное — предстояла борьба за умы и сердца балканских христиан. Самодержавию предстояло сменить весь арсенал средств воздействия, которым он раньше располагал, политика с позиций силы изжила себя, утрата права покровительства до предела сузила возможности маневра. Следовало не отчуждать балканцев, а «сохранять и укреплять узы симпатии и любви, которые соединяют нас с христианами Востока, обеспечить им благосостояние, материальное, моральное и религиозное развитие, возможное в существующих обстоятельствах, подвинуть их, наконец, постепенно к жизни социальной и политической — таков ход событий, диктуемый нашими интересами»²⁷.

Возражать в создавшихся условиях против создания единой Румынии означало подрывать под корень слабое еще древо новой балканской политики России. Орлов в общей форме высказался в пользу унии. Его положение несколько облегчалось тем, что само это слово в решениях конгресса не появилось, говорилось о выработке государственного статуса княжеств, для чего предполагалось созвать в Яссах и Бухаресте Чрезвычайные собрания с представительством всех слоев населения (диванов *ad hoc*)²⁸.

Сомнения продолжали обуревать Горчакова, и решение участников конгресса — ознакомиться с пожеланиями жителей — он счел Соломоновым: надо поддержать то, за что выскажутся сами румыны, никакого вмешательства в их дела, никакого навязывания им чужой воли, никакой отсебятины — только так должна поступать впредь Россия. Опора — на подтвержденные конгрессом автономные права Молдавии и Валахии. К чести российского представителя в комиссии по изучению ситуации К. М. Базили, консулов в Яссах С. И. Попова и в Бухаресте Е. Р. Шулепникова — они оказались людьми, способными беспристрастно оценить настроения жителей и занять благоприятную для унии позицию²⁹. В итоге Россия подала голос за объединение, и голос этот менял баланс сил в «европейском концерте» в пользу сторонников унии, что и позволило ее осуществить.

²⁷ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1856. Л. 54.

²⁸ Там же. Ф. Канцелярия. 1857. Д. 443. Л. 671; Le Nord... Prot. № 6.

²⁹ АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах. 1856. Д. 609. Л. 5; Ф. Консульство в Бухаресте. 1856. Д. 43. Л. 128–129.

Война и болгары

С точки зрения демографических и экономических последствий Крымская война имела для болгарской этнической общности довольно щадящий характер. Из всех многочисленных русско-турецких конфликтов, сотрясавших земли Восточной Румелии в XVIII — первой половине XIX вв., этот нанес, пожалуй, наименьший урон. Причина проста — военные действия закончились, едва успев начаться. В марте 1854 г. русская армия форсировала Дунай, а уже в июне того же года угроза вмешательства в конфликт Австрии вынудила ее ретироваться. Фактически, военная стихия так и не успела выплеснуться за пределы пустынной, этнически пестрой Добруджи. Русские войска захватили Исакчу, Мачин, Тулчу, осадили Силистру, но далее двинуться не смогли. И хотя близость военных действий вынуждала население болгарских земель терпеть обычные для подобных случаев тяготы (выплата чрезвычайных налогов, работы на оборонительных сооружениях, дополнительные поставки фуража для турецкой армии и т. д.), в целом оно осталось на обочине военного конфликта. Даже высадка в конце мая — начале июня 1854 г. в районе Варны и Провадии нескольких дивизий союзников — французов и англичан — мало повлияла на ситуацию. Их воинские подразделения, вызванные на Босфор специально для помощи осажденной Силистре, в боевых действиях участия так и не приняли. В течение двух месяцев, не двигаясь с места, они проедали заготовленное турками продовольствие и сражались со вспышкой холеры. И наконец, в отличие от многочисленных предыдущих войн Крымская не спровоцировала массовой волны миграции. Выжидательная тактика русского командования, не способствовавшая расширению театра боевых действий, спасла регион от потока беженцев. Более того, подавляющая часть даже из того, относительно небольшого, количества христиан, которые, опасаясь мести, переправились вслед за отступающей армией за Дунай, вскоре возвратилась обратно. Сразу после заключения в 1856 г. Парижского мира по договоренности между Россией и Портой 4030 болгарских переселенцев последней волны, получив пособие, благополучно вернулись на родину¹.

¹ Забунов И. Д. Одесское болгарское настоятельство в период Крымской войны // Балканские страны в новое и новейшее время. Кишинев, 1977. С. 18.

Что касается последствий в политической сфере, то Крымской войне суждено было стать своеобразным рубежом в истории развития болгарского народа. Окончание именно этой войны ознаменовало собой начало принципиально нового этапа в становлении болгарского национально-освободительного движения. Однако существующие в историографии попытки увязать данную тенденцию с событиями периода самой войны² выглядят не вполне убедительно. Фактическая пассивность населения в решающий момент кампании в значительной степени и предопределила провал стратегии русского командования, ориентированной на ожидание в регионе широкого освободительного восстания. Вопреки надеждам русских славянофилов и обещаниям некоторых деятелей из среды болгарской диаспоры ничего похожего так и не произошло.

Ориентация на национально-освободительные движения традиционно являлась одной из важных составляющих русской военной стратегии на Балканах. Миф о готовности турецких христиан к восстанию хорошо прижился на русской почве. Однако роль болгар в этой красивой сказке оказалась практически не прописана. Фактическое отсутствие у этого народа обычных для традиционного общества элитарных прослоек лишило его легитимных представителей, полномочных отстаивать свои национальные интересы перед русскими правящими кругами. Соответствующей была и степень внимания к турецким болгарам со стороны России.

Разгоревшийся незадолго до событий 1853–1854 гг. конфликт болгар с Константинопольской патриархией сильно повлиял на русское общественное мнение. Он не только публично продемонстрировал факт пробуждения болгар к активной политической жизни, но и предоставил возможность широким слоям русской общественности ознакомиться с положением дотоле не очень хорошо известного ей единоплеменного и единоверного народа. На волне популярности в стране славянофильских настроений болгары были органично восприняты в качестве естественного объекта для сострадания. Однако сам их образ оказался подвержен сильному влиянию уже устоявшихся в славянофильских кругах стереотипов. Одним из них был миф о восторженной преданности турецких славян (соответственно и болгар) России и готовности восстать по ее первому зову против ненавистного ига.

Нельзя сказать, что в отношении именно этого народа тезис о популярности русофильских настроений был лишен оснований. Про-

² Например, см.: *Димитров Ф.* За влиянието на Кримската война върху националноосвободителните стремежи на българския народ // Военно-исторически сборник. 1954. № 4; *Косев Д.* Отражението на Кримската война (1853–1856 гг.) в България // Исторически преглед. 1946/1947. № 2; *Конобеев В. Д.* Българското националноосвободително движение. Идеология, програма, развитие. София, 1972; *Паскалева В., Тодоров Н.* Кримската война и българите // История на България. Т. 5. София, 1985. С. 387–404.

блема состояла в ином: характер болгарского русофильства не вполне вписывался в политизированные стереотипы сознания Нового времени. В данном случае образ далекой северной державы и ее царя все еще продолжал оставаться неотъемлемой составной частью системы именно народных представлений³. Ментальность же интеллектуальной и политической элиты русского общества была продуктом уже иной эпохи. Для нее проблема русофильства являлась частью не только культурологической, но, и едва ли не в первую очередь, политической сферы межнационального взаимодействия.

Что касается собственно славянофилов, то их оценка степени преданности турецких славян России и готовности к восстанию была откровенно завышенной. Вот что, например, писал современник событий профессор М. П. Погодин: «Только турецкие славяне, — заявлял он, — могут выставить 200-тысячное и более войско. Покажите им только прекрасную цель их освобождения от непосильного иноплемennого ига... умеете только руководить их живыми, восторженными, могучими силами, и вы увидите, какие чудеса они сотворят»⁴. Важно особо отметить, что в преддверье надвигающейся войны воззрения подобного рода начали находить все большее понимание в среде русского верховного командования. Так, в июне 1853 г. Николай I писал императору Францу-Иосифу: «Я не могу больше удерживать в мире болгарский, греческий и другие народы, раздраженные и нетерпеливые. Возможно, если не наверно, что все они восстанут... Результатом этого будет разрушение Оттоманской империи в Европе...»⁵. В этих заблуждениях императора настойчиво поддерживал главнокомандующий армией фельдмаршал И. Ф. Паскевич, пользовавшийся в то время большим доверием Николая I. На протяжении почти всего 1853 г. в своих посланиях на высочайшее имя он без устали повторял о готовности славян правобережья к восстанию и их преданности России, особо подчеркивая при этом, что в их лице русская армия обладает на Балканах уникальным оружием, «которое в случае нужды без войны может привести в три, четыре года к верному завоеванию Европейской Турции»⁶.

Прямым следствием иллюзий подобного рода и стало, по всей вероятности, появление на свет так называемого трехэтапного плана ведения военных действий, предопределившего в конечном итоге

³ Подробно см.: Макарова И. Ф. Россия в представлениях и отношении к ней болгар (начало XIX в. — 1875 г.) // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей. М., 1995; Она же. Русский царь в представлениях болгар // Славяноведение. 2003. № 5.

⁴ Арнаудов М. И. Селимински. Живот — дело — идеи. 1799–1867. София, 1938. С. 307.

⁵ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908. Т. 2. Приложения. С. 243.

⁶ Русская старина. 1876. Август. С. 687.

выжидательную и маловразумительную тактику новой Дунайской кампании. Но для болгар этот план имел историческое значение. Едва ли не впервые за всю историю русско-турецких войн русское командование изначально исходило не только из ожидания освободительного восстания, но и декларировало возможность возрождения болгарской государственности. В соответствии с планом, если судить по записке Николая I фельдмаршалу Паскевичу, датированной 22 октября 1853 г., после оккупации русскими войсками Молдавии и Валахии событиям в регионе надлежало развиваться следующим образом⁷. «Если до весны турки не образумятся, — излагал этот план император, — тогда время будет перейти Дунай и приступить к объявлению независимости княжеств Сербии и Булгарии». На август 1854 г. им планировалась новая стадия войны. Стартовать она должна была с воззвания «к единоплеменным и единоверным народам к восстанию», объявлявшего, «что мы идем вперед для избавления их от турецкого ига», а завершиться взятием Видина на Дунае и Карса, Ардагана, Баязета в Азии. Зимний период отводился на создание в Болгарии и Сербии народного ополчения на базе волонтерских рот, сформированных еще на территории Дунайских княжеств. Именно ополчению отводилась в дальнейшем основная роль. «Мы не иначе должны двинуться вперед, — особо подчеркивал Николай I, — как ежели народное восстание за независимость примет самый обширный и общий размер; без сего общего содействия нам не следует трогаться вперед, борьба должна быть между христианами и турками; мы же, как бы оставаться в резерве».

Безусловно, было бы опрометчивым утверждать, что убежденность по поводу неизбежности восстания была твердой. Сохранились данные, что сам император высказывал на этот счет весомые сомнения⁸, которые к тому же разделяли и некоторые военные. Например, командующий Дунайской армией М. Д. Горчаков, судя по его ответу в ноябре 1853 г. на специальный запрос министра иностранных дел К. В. Нессельроде, был настроен на этот счет весьма скептически. Он счел своим долгом сообщить, что турецкие христиане вообще «возможно, не поднимут восстания, исключая, быть может, население Эпира и Фессалии, но там не может быть ничего серьезного»⁹. Однако существовавшие сомнения общего позитивного настроения переломить так и не смогли. Отдавая в марте 1854 г. приказ о форсировании Дуная и начале операции в Добрудже, русское командование все же рассчитывало на выступление местного населения. Тем более что надежды

⁷ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 2. Приложения. С. 276.

⁸ Там же. С. 281.

⁹ Никитин С. А. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е гг. XIX в. М., 1970. С. 126.

такого рода старательно поддерживались со стороны некоторых представителей болгарской диаспоры.

На обострение конфликта вокруг христианских святынь первой откликнулась болгарская община Стамбула. В связи с прибытием в марте 1853 г. в столицу империи князя А. С. Меншикова ее верхушка не преминула воспользоваться случаем и подготовила письменное обращение. В послании содержался набор традиционных просьб, касающихся в основном содействия в организации независимой болгарской церкви и народных училищ. Политические проблемы в тексте осторожно обходились, и это обстоятельство спровоцировало, по-видимому, появление в июле еще одного обращения. Его инициатором и автором стал только что вернувшийся на родину выпускник Петербургского университета К. Петкович. В послании он прямо ставил вопрос о возможности создания болгарской национальной автономии по примеру соседних народов. Однако судить, насколько данный текст был согласован и отражал мнение общины довольно сложно. Петкович представил документ без необходимых подписей, поэтому он не мог претендовать на статус официального¹⁰.

Между тем в среде болгарской диаспоры Дунайских княжеств данная постановка вопроса пользовалась традиционной популярностью. Наглядным подтверждением тому является, в частности, послание на высочайшее имя, направленное в августе 1853 г. болгарскими общинами Браила и Галаца. Подписано оно было представителями богатейших родов местной торговой буржуазии, среди которых можно отметить Евл. Георгиева, А. Кановича, братьев Аврамовичей (всего около 40 подписей), а также доктором И. Селиминским и архимандритом Максимом Райковичем. Кроме жалоб на насилие, налоговое бремя и выражение недовольства состоянием болгарского церковного вопроса, в послании содержалась также просьба о предоставлении болгарам автономии — «подобно нашим братьям по вере сербам и молдо-влахам если не полной, то хотя бы в известной степени своего народного управления»¹¹.

Что касается методов достижения данной цели, наибольшей популярностью среди эмигрантов пользовались различные варианты идеи совместных действий русской армии и болгарских ополченцев. Одним из первых документов, обыгрывающих накануне новой войны данную тему, стала подробная аналитическая записка Ивана Добровского. Основатель первого национального заграничного журнала «Мироглед» (издавался в Вене в 1850–1851 гг.), Добровский прибыл в Россию в ноябре 1852 г. и быстро нашел общий язык с местными славянофильскими кругами. Уже в начале 1853 г. на имя императора им

¹⁰ Конобеев В. Д. Указ. соч. С. 278–279.

¹¹ Никитин С. А. Указ. соч. С. 124.

были отправлены две объемных рукописи (на греческом языке), посвященные анализу настоящего и будущего Болгарии¹². Горячий сторонник идеи создания автономного Болгарского княжества, автор считал необходимым для ее реализации вторжение русской армии за Дунай, вооружение местного населения и скоординированные военные действия. Оценивая возможный потенциал добровольческих дружин, он склонен был говорить не менее чем о пятидесятитысячном войске, «хорошо обученном и преданном России»¹³.

Заверения о готовности населения поддержать наступление прозвучали и с территории самой Османской империи. В данном случае речь идет прежде всего об обещаниях, раздаваемых от имени так называемого Тайного общества. В болгарской и советской историографии факт реальности этой организации не вызывает сомнений. Принято считать, что Общество было создано Г. Раковским в 1853 г. и имело своей целью организацию широкомасштабного освободительного восстания. Однако конкретной информацией о его деятельности историки практически не располагают. Из того немногого, что не вызывает сомнений, можно упомянуть лишь несколько фактов. Известно, например, что летом 1853 г. на встрече в Земуне с русским дипломатом Н. Я. Мухиным якобы эмиссар этого Тайного общества Иван Бацов сообщал, что организация располагает вооруженными силами в составе 3600 человек, готовых координировать свои действия с русскими войсками. Он также уточнял, что в районе Казанлыка собрано 2000 добровольцев, в Тырново — 1400, в Свищове — 200, а в случае наступления русской армии Общество берется поднять в течение нескольких дней до 10–15 тыс. повстанцев. Однако для реализации этих замыслов, добавлял он, необходима финансовая помощь со стороны России, поскольку все собранные пожертвования (в размере 940 тыс. пиастров) уже израсходованы. Позднее, на встрече с чиновником министерства иностранных дел Ф. Фонтоном, состоявшейся в Крайове в марте 1854 г., рекламируя масштаб деятельности своей организации, тот же И. Бацов заявлял, что ячейки Общества охватывают обширную территорию: на севере — район верхнего течения реки Янтры (включая окрестности Тырнова, Елены, Дрянова и Габрово), а на юге — область всего верхнего течения реки Тунджа между Казанлыком и Калофером¹⁴. Однако, как показали дальнейшие события, за все время проведения операции в Добрудже Общество так ничем себя и не проявило.

Информация о готовности турецких болгар взяться за оружие вроде бы подтверждалась и из военных источников. Уже в сентябре

¹² Конобеев В. Д. Указ. соч. С. 339–344.

¹³ Там же. С. 340.

¹⁴ Там же. С. 293–295, 288.

1853 г. М. Д. Горчаков докладывал о прибытии трех болгар из Видина, имевших полномочия от 37 местных приходов просить помощи русских войск¹⁵. Особенно активно поток позитивной информации пошел с весны 1854 г. В оперативных сводках из штаба Дунайской армии все более обычными стали сообщения, выраженные в следующей тональности: «болгары сильно натерпелись в последние 10 месяцев. Система усиленных реквизиций очень истощила страну. Жители вынуждены работать постоянно бесплатно на турецких укреплениях. Грабежи и убийства совершаются непрестанно, где только не стоят турецкие войска. Жертвами постоянно являются болгарские христиане. Все это до такой степени раздражило болгар, что они с нетерпением ожидают перехода наших войск через Дунай и готовы при первом призыве поднять оружие»¹⁶.

Обилие сообщений подобного рода не могло не влиять на принятие командованием соответствующих решений. Проблема состояла лишь в том, насколько они соответствовали реальному положению дел. Этот вопрос имеет особую актуальность в связи с тем, что именно весной 1854 г. при Главной квартире русских войск у турецких болгар неожиданно появились серьезные агенты влияния. В этом качестве выступили представители болгарской диаспоры Одессы.

Однако первыми организационно оформились все же не они, а богатая торговая буржуазия Бухареста. Издавна группировавшаяся вокруг местного болгарского церковного прихода (эпитропии или настоятельства), в начале 1854 г. она заявила о себе как об официальной организации, вскоре признанной и русскими властями. Уже в марте 1854 г. на базе Настоятельства возникло Болгарское центральное попечительство (именуемое в документах также Болгарским центральным комитетом или Бухарестским комитетом). В качестве своей основной задачи новая организация продекларировала сбор средств в пользу «страждущих» соплеменников на правобережье Дуная и в содействии формированию отрядов добровольцев. Для этого во многих населенных пунктах Молдавии и Валахии были созданы местные комитеты. Практической деятельностью по набору добровольцев руководил И. Селиминский, а формированием отрядов в качестве военного специалиста занялся А. Хаджи. Руководство Бухарестского комитета попыталось также присвоить себе посреднические функции в контактах турецких болгар с командованием Дунайской армии, однако эту инициативу удалось оперативно перехватить их соотечественникам из Одессы. Именно им в основном и принадлежит заслуга в создании необходимого информационного поля, призванного спровоцировать масштабное наступление и обеспечить условия для освобождения болгарского народа уже в ходе предстоящей кампании.

¹⁵ Никитин С. А. Указ. соч. С. 223.

¹⁶ Конобеев В. Д. Указ. соч. С. 296.

В отличие от своих бухарестских собратьев, одесские болгары вышли на политическую арену впервые. Их организационное сообщество (Одесское болгарское настоятельство) оформилось на базе местной общины в феврале 1854 г. Эти болгары были подданными Российской империи, а потому в глазах русских властей выглядели заслуживающими большего доверия. Тем более что инициаторами создания Настоятельства выступили такие благонадежные и богатые купцы как К. Н. Палаузов, С. Д. Тошкович, Н. М. Тошков, а также чиновник таможни и затем одесской цензуры Н. Х. Палаузов.

Созданное в значительной степени в противовес бухарестской организации, Одесское болгарское настоятельство с первых дней своего существования занялось сбором пожертвований для вооружения турецких соплеменников. Быстро собрав среди одесских болгар 7 тыс. рублей¹⁷, оно обратилось к властям с просьбой для получения разрешения на сбор средств в болгарских колониях юга России и Бессарабии. Получив его, и тем самым серьезно расширив сферу своей компетенции, в конечном итоге Настоятельство постаралось замкнуть на своих представителях координационные функции между диаспорой, турецкими болгарскими и русским командованием. Непосредственно в период Крымской войны на этом поприще особенно преуспел один из его основателей — Н. Х. Палаузов. На его долю выпала наиболее ответственная роль — обязанности главного эксперта по болгарской проблематике при штабе Дунайской армии.

Н. Х. Палаузов прибыл в расположенную в Бухаресте Главную квартиру армии по приглашению М. Д. Горчакова в марте 1854 г. Одной из основных задач, поставленных перед ним командованием, являлась организация «сношений» с турецкими болгарскими с целью получения сведений о силах неприятеля и подготовке населения к восстанию. Вскоре, после того, как командующим Дунайской армией был назначен фельдмаршал И. Ф. Паскевич, туда же был прикомандирован и его двоюродный брат — Сп. Н. Палаузов, историк-славист и чиновник по особым поручениям при Департаменте министерства народного просвещения. Братья развили бурную деятельность. Фактически замкнув на себе основной информационный поток, они попытались внедрить в сознание командования свое собственное видение ситуации и повлиять на выработку стратегии в благоприятном для своих соотечественников русле. Проблема состояла, однако, в том, что их мнение не отражало подчас реального положения дел на правобережье.

Вдохновленные искренним и вполне понятным чувством болгарского патриотизма, а также движимые устоявшимися славянофильскими

¹⁷ Барсов Н. Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (1854–1884) и материалы для истории освобождения Болгарии. Одесса, 1895. С. 48.

стереотипами, братья были склонны выдавать желаемое за действительное. Да и сформировалось их видение проблемы задолго до прибытия на место событий. Так, еще в июле 1853 г. Н. Х. Палаузов представил М. Д. Горчакову аналитическую записку под названием «О нынешнем положении болгар в Европейской Турции»¹⁸. В ней приводилось подробное и красочное описание тягот положения этого народа под жестоким игом, а также культивировалась мысль о его преданности России и готовности подняться по ее первому зову против угнетателей. В январе 1854 г. из-под его же пера появилась новая «Записка о Болгарии»¹⁹, в которой Н. Х. Палаузов доказывал, что сотни тысяч его соотечественников готовы к восстанию. Проблема, по его мнению, упиралась лишь в готовность России, поскольку до момента форсирования Дуная призыв к оружию мог иметь пагубные последствия для населения правобережья. Автор также предлагал конкретные меры, призванные обеспечить успешную подготовку восстания и его координацию с действиями армии. Речь шла о создании при Главной квартире «Комитета болгарского», набранного из наиболее авторитетных представителей зарубежной диаспоры (в основном одесской), и одновременной заброске за Дунай военных эмиссаров. Одновременно Н. Х. Палаузов (возможно, искренне веря в это сам) пытался представить положение дел таким образом, чтобы создать впечатление о наличии у болгар всех необходимых условий для построения независимой государственности.

Упоминая о проблеме возрождения болгарской государственности, необходимо особо отметить, что по мере приближения решающих событий вопрос о властных полномочиях начал приобретать для экспертов все большую остроту. В наиболее полном и конкретном виде соображения по этому поводу были изложены Н. Х. Палаузовым в записке от 21 апреля 1854 г. («Об учреждении при Главной квартире Болгарской канцелярии») ²⁰. В ней он ставил вопрос о создании на освобождаемых территориях некоего аналога Временного правительства, так называемой Болгарской канцелярии, призванной взять на себя функции по обеспечению гражданского управления до создания легитимных органов власти. Что же касается политического будущего нового государства, то оно виделось Н. Х. Палаузову в виде автономии по примеру Сербского княжества.

Едва прибыв в штаб Дунайской армии, братья занялись пропагандой идеи народного восстания: «Болгары все воодушевлены... и ждут случая, только разумеется по переходе наших через Дунай, чтобы восстать на турок»²¹, — писал Николай Палаузов. Ему вторил брат Спи-

¹⁸ Барсов Н. Указ. соч. С. 30–37.

¹⁹ Там же. С. 37–46.

²⁰ Забунов И. Д. Указ. соч. С. 13–15.

²¹ Барсов Н. Указ. соч. С. 37–38.

ридон, сообщая, что в Габрово готовы к действиям 3000 вооруженных повстанцев, в Тырново — 9000, а в Елене — 9000²².

Особая роль в вынашиваемых братьями планах отводилась так называемой «малой войне», призванной послужить детонатором народного взрыва. Спровоцировать эту «малую» партизанскую войну необходимо было, по их мнению, с помощью небольших отрядов «свободных волонтеров... чтобы не зависели ни от кого, а поднялись бы сами и увлекли бы за собой и других»²³. Для реализации этой идеи Палаузовым удалось добиться от командования разрешения на использование добровольцев из состава уже набранных волонтерских рот.

Воинские подразделения из состава местного населения начали формироваться на территории Дунайских княжеств еще в конце 1853 г. после принятия русским правительством соответствующего «Положения об образовании батальона добровольцев в Придунайских княжествах». Во многом благодаря самоотверженной деятельности Ив. Селиминского и военного инструктора капитана А. Хаджи довольно быстро удалось сформировать 4 боеспособные болгарские роты, численностью (по разным сведениям) от 2000 до 4000 человек²⁴.

Однако реальность никак не хотела оправдывать ожиданий экспертов — развязать задуманную народную войну не удалось. Ни в Тырново, ни в других местах восстания не вспыхивали. Скрывавшиеся по лесам гайдуки поднимать флаг народно-освободительной борьбы также не торопились, а вербовка новых добровольцев по городам и весям шла очень вяло. Вместо ожидаемых сотен и десятков тысяч повстанцев набирать в ополченцы удавалось буквально сотни и десятки. Так, например, после взятия русскими войсками в марте 1854 г. Мачина в его окрестностях удалось набрать всего 150 волонтеров²⁵.

Особую же пикантность ситуации в свете несбывшихся надежд придавало то обстоятельство, что начавшиеся военные действия обнаружили готовность немалого количества единоверных братьев-славян воевать не под русскими, а под турецкими знаменами. Пользуясь недавно обнародованным постановлением Порты, позволявшим привлекать на военную службу христиан, бывший главный агент князя А. Чарторыйского в Стамбуле Михаил Чайковский (а ныне командир казачьего султанского войска Садык-паша) начал активно набирать болгар в свои отряды, состоящие из староверов-некрасовцев, потомков запорожцев, поляков и турецких славян²⁶.

²² Забунов И. Д. Указ. соч. С. 9–10.

²³ Там же. С. 9.

²⁴ Михов М. Към историята на най-старите запазени до нас български военни знамена // Военно-исторически сборник. 1959. № 3. С. 71.

²⁵ Тонев В. Добруджа през Възраждането. София, 1973. С. 195.

²⁶ Подробно см.: Смоховска-Петрова В. Михаил Чайковски — Садык паша и българското възраждане. София, 1973. С. 118–140.

Парижский мирный договор 1856 г. оставил статус болгарских земель без изменений. Можно было бы сказать, что с точки зрения характеристики болгаро-русских взаимоотношений едва ли не основным итогом войны явилось обоюдное разочарование, если бы не одно но. Болгарская диаспора и турецкие болгары не представляли собой единого целого. Более того, даже в среде диаспоры число людей, непосредственно задействованных в описываемых событиях (и, следовательно, разочарованных), было столь незначительно, что их вряд ли можно всерьез отождествлять со всем болгарским народом. Что же касается позиции народных масс, то турецкие болгары в своем подавляющем большинстве остались пассивны. Русскому верховному командованию Крымская война преподнесла хороший, но плохо усвоенный урок. В немалой степени именно пассивность православного населения правобережья Дуная предопределила сокрушительный провал стратегии, ориентированной на поддержку со стороны турецких славян. Вопреки иллюзиям славянофилов и пламенным обещаниям представителей болгарской диаспоры ничего даже близко похожего на восстание не произошло. В итоге не готовая к широкомасштабной войне, русская армия оказалась втянута в авантюру, едва не завершившуюся для нее полным крахом.

Сербское княжество, Черногория и Крымская война

Накануне и во время Крымской войны в дипломатических и военных кругах России рассматривалась возможность привлечения балканских народов к военным действиям против Турции. По мнению российской дипломатии, соратниками России в антитурецкой борьбе могли стать сербы, болгары, повстанцы Эпира, другие христианские народы Османской империи, не говоря уже о Черногории.

В то же время противники России в Крымской войне тоже старались привлечь Сербское княжество на свою сторону и недопустить выступления других балканских народов совместно с Россией.

Когда весной 1853 года русские войска вошли в Валахию и Молдавию, сразу же Австрия начала концентрацию своих войск на сербских границах¹. Австрийские военные и политические круги очень опасались, что в надвигающейся войне Сербское княжество выступит на стороне России. В это время княжество посетил русский представитель Фонтон: он постоянно говорил сербам, что российский император дружественно настроен по отношению к сербскому князю. После начала Крымской войны Османская империя подтвердила особым фирманом автономный статус Сербии. Порта также опасалась, что Сербия может выступить на стороне России и тем самым создаст дополнительные проблемы войскам коалиции на Балканах. Сербское правительство и князь стремились сохранить нейтралитет в Крымской войне.

Россия, столкнувшись с сильной коалицией противостоящих ей Османской империи европейских держав, тоже стала стремиться добиться вступления Сербии в войну на своей стороне. В Сербии возникли ожесточенные споры вокруг позиции Сербии в Крымской войне: одни считали необходимым сохранять нейтралитет, но было немало и сторонников вступления Сербии в войну как союзницы России².

После объявления войны Турции Данило запрашивал посла в Вене П. К. Мейендорфа о том, что делать Черногории в сложившейся

¹ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља 1842–1853. Београд, 1932. С. 220.

² *Историја сербског народа.* Београд, 1981. Књ. 5. Т. 1. С. 280.

ситуации, и какая роль отводится ей в русско-турецкой войне. Массовое участие балканских народов в войне было запланировано на 1854 год. Реальность осуществления этого плана относительно Черногории, Боснии и Герцеговины должен был прояснить многоопытный в черногорских делах Е. П. Ковалевский. Официальной целью его миссии была раздача денежной помощи населению Черногории, которое сильно пострадало от неурожая, а также передача ее церквам различной утвари. Истинная цель поездки была изложена в специальной инструкции, где отмечалось, что Черногория, в отличие от других областей с другим христианским населением, хотя и является фактически свободной, но ее независимость не признается Портой. Поэтому Черногория может избавиться от вечной турецкой угрозы и занять место «в политической системе Европы» лишь при общей успешной анти-турецкой борьбе. Инструкция предписывала подготовку восстания, но не его начало. Вооруженное выступление балканских народов планировалось лишь при переносе боевых действий русской армии на правый берег Дуная, когда стало бы возможным непосредственное взаимодействие «христианских армий».

В декабре 1853 г. Е. П. Ковалевский был уже в Вене, где встречался с австрийским министром иностранных дел К. Ф. Буолем-Шауенштейном и представил цель своей поездки как сугубо благотворительную. В Вене довольно настороженно отнеслись к миссии Ковалевского, что было связано и с переменой курса австрийской политики в отношении России. По справедливому замечанию Е. П. Ковалевского, знаменитая фраза министра иностранных дел князя Ф. Л. Шварценберга, что Австрия «удивит свет своей неблагодарностью к России», уже давала о себе знать. Посол в Вене П. К. Мейендорф сообщал в МИД о сложностях, какие ожидают Россию при снабжении повстанцев оружием и боеприпасами из-за отрицательной позиции Австрии в вопросе закупки ее вооружения. Однако эти предупреждения не были восприняты Петербургом, где идея восстания балканских народов представлялась еще актуальной.

После недолгого пребывания в Вене Е. П. Ковалевский приехал в Черногорию, где встретился с князем Данилой, а также герцеговинскими и боснийскими вождями, христианами Северной Албании. Им был разработан план военных действий против турок, где Черногория была избрана исходной точкой выступления. Согласно плану, объединенные силы черногорцев и герцеговинцев должны были соединиться с сербами и изолировать Боснию и Герцеговину от Турции, а в дальнейшем установить связь с повстанцами Эпира. Для реализации этого Петербург выделил Е. П. Ковалевскому 60 тыс. рублей на приобретение оружия и направил в Черногорию двух военных специалистов — артиллериста и инженера, а также двух черногорцев-артиллеристов, обучавшихся в России. Из двух командированных офицеров

только один, штабс-капитан Констадиус смог добраться до Черногории и совместно с Ковалевским помог черногорцам улучшить состояние оборонительных сооружений, обучить артиллерийскому делу нескольких черногорцев. Прибыли на родину Машо Врбича и Илия Божович, питомцы артиллерийской школы в Петербурге, которые также занялись обучением своих земляков.

Однако дело сразу не заладилось. Деньги еще не поступили, а Ковалевскому уже было нужно расплачиваться за боеприпасы. Его и черногорцев выручили греческие повстанцы, заплатившие за боеприпасы и доставившие их контрабандным путем в Черногорию. Австрийские власти скоро поняли истинную цель миссии Ковалевского. Вскоре после появления его в Черногории наместник в Далмации Л. Мамула предупредил князя Данилу, что антитурецкое выступление будет иметь самые тяжкие последствия для Черногории, в том числе блокаду Адриатического побережья военно-морскими силами Англии и Франции и боевые операции против черногорцев. Данило был вынужден заверить австрийского наместника, что предпримет меры для удержания черногорцев от выступления против турок.

Однако ни предупреждения австрийцев, ни действия П. К. Мейндорфа, постаравшегося свести миссию Е. П. Ковалевского к сугубо наблюдательным функциям, не остановили черногорцев. Черногорцы и часть брдян (васоевичи) в феврале–марте 1854 г. выступили против турок, и, как сообщал Ковалевский, нанесли им поражение вблизи Колашина и дошли до Нови Пазара (Старая Сербия)³. Но дальше наступление приостановилось. Это объясняется рядом причин. Сербское княжество сохранило нейтралитет. Австрия продолжала держать значительное количество своих войск на границах Сербии, сербское правительство решило принять ответные меры по подготовке к войне, в том числе была проведена перепись народного войска. Порта требовала от Сербского княжества отказаться от всяких военных мероприятий, но правительство княжества всерьез опасалось возможной австрийской военной интервенции в Сербию. Сербское правительство даже обратилось к Османской империи с просьбой защитить княжество от возможного австрийского вторжения. Ситуация разрядилась только летом 1854 г. В это время русские войска оставили Молдавию и Валахию, а австрийцы, считая, что теперь русские войска не смогут войти в Сербию, также вывели свои военные силы с сербских границ⁴. В начале 1855 г. имели место даже определенные попытки привлечь Сербское княжество к войне на стороне антирусской коалиции, но они успехом не увенчались.

³ Хитрова Н. И. По поводу записки Е. П. Ковалевского в Восточном вопросе // В память на академик Михаил Димитров. Исследования върху Българското възраждане. София, 1974. С. 691.

⁴ Ристић Ј. Спољашни одношаји Србије новијег времена. Београд 1887. С. 141–165.

Христианское население Боснии и Герцеговины также, как выяснилось, не было готово к восстанию, среди него не было единства. Часть зажиточных христиан, прежде всего торговцев, из Боснии были против возможного восстания. В годы Крымской войны они, выражая радость по поводу турецких успехов, говорили: «Боже сохрани нас от москова! Под властью москова мы потеряли бы то положение, которым пользуемся теперь»⁵. Против вовлечения балканских народов в антитурецкую борьбу выступал не только П. К. Мейендорф; под его влиянием пересмотрел свои взгляды главнокомандующий Дунайской армией И. Ф. Паскевич, также теперь считавший, что не следует дополнительно раздражать Австрию выступлением славян. К. В. Нессельроде, убежденный сторонник «венской системы», с самого начала относился к этой идее настороженно.

В мае 1854 г. П. К. Мейендорф, ссылаясь на опасность австрийской оккупации Черногории, отозвал оттуда Е. П. Ковалевского. Вслед за тем князь Данило письменно известил его о готовности черногорцев по первому призыву «ударить на пограничного неприятеля веры и закона нашего». Однако на состоявшейся вскоре в Цетинье скупщине большинство ее участников высказалось против вовлечения Черногории в крупномасштабные военные действия, ссылаясь на то, что страна еще не успела залечить раны, полученные в ходе недавней черногорско-турецкой войны 1852–1853 гг.

Последовавший вскоре отвод русских войск за Дунай заставил балканских славян, в том числе и черногорцев, отказаться от мысли о восстании. Вместе с тем пограничные столкновения на турецко-черногорских границах во время Крымской войны не прекращались, но для черногорцев и их князя это было привычным делом.

Во время Крымской войны и сразу после нее усилились попытки западных держав установить свое влияние в Черногории и ослабить или вообще уничтожить влияние в ней России. Австрия традиционно на протяжении многих десятилетий стремилась заменить русское покровительство своим. С открытием в 1853 г. своего вице-консульства в Шкодре начала активизировать свою политику в Черногории и Франция. В апреле 1855 г. князь Данило согласился на посреднические услуги вице-консула Й. Геккара в налаживании мирных отношений на турецко-черногорских границах. Тогда же от имени французского правительства князю было обещано признание независимости Черногории со стороны западных держав и увеличение ее территории. При этом князь склонялся к мысли принять покровительство Франции над Черногорией, что вполне объяснимо. После поражения России в Крымской войне князь обратился к поиску нового союзника, способного помочь в реализации его внешнеполитических планов. В мае 1856 г.

⁵ Освободительная борьба Боснии и Герцеговины и Россия. М., 1985. С. 88.

Данило, игнорируя Порту, направил европейским правительствам, чьи представители являлись участниками Парижского конгресса, меморандум, где выдвигались требования о признании независимости Черногории, расширении ее территории в сторону Герцеговины и Албании, определении границ Черногории с Османской империей и присоединения к ней Адриатического побережья вплоть до Бара⁶.

Россия, чьи возможности сузились, Черногории здесь ничем помочь не могла, зато из Парижа Наполеоном III и министром иностранных дел Ф. А. Велевским было заявлено, что Франция готова помочь Черногории в решении территориального вопроса, но с одной существенной поправкой: князь Данило должен вступить в переговоры с Портой и согласиться признать сюзеренитет султана. Предлагая свой вариант решения проблем Черногории, французская дипломатия рассчитывала одновременно решить две задачи: потеснив Россию, усилить свое влияние в Черногории и на Балканах в целом, а также благодаря посреднической инициативе укрепить свои позиции в Константинополе в конкурентной борьбе с Англией. Князь Данило, несмотря на возражения противников подчинения Черногории Турции внутри страны, вступил в переговоры с Портой.

Данилой была разработана новая внешнеполитическая программа Черногории, которая в окончательном варианте была представлена в документе, озаглавленном «Договор, по которому князь черногорский и брдский со своей точки зрения на независимость соглашается признать номинально сюзеренитет Оттоманской Порты»⁷. В нем излагались условия, исполнением которых князь обуславливал свое согласие стать номинальным вассалом Турции. Князь, помимо присоединения к Черногории приграничных районов Герцеговины, Албании и Адриатического побережья с Баром, установления там своего правления, добивался от Порты права продавать и обменивать эти земли. Всю полноту верховной власти, включая административный аппарат, финансы, вооруженные силы, князь желал сохранить в своих руках. Кроме того, Данило выдвигал требования о присвоении ему королевского титула, наследственной власти для династии Петровичей-Негошей, права чеканить свою монету, сохранения герба в виде двуглавого орла, назначения дипломатического представителя в Константинополь и пр.

Таким образом, Данило добивался для Черногории полной автономии во внутренних делах и внешней политике. Он хотел получить от Порты по сути дела признание фактической независимости страны

⁶ *Јовановић Р.* Црна Гора и велике силе. 1856–1860. Титоград, 1983. С. 21.

⁷ *Павићевић Б.* План књаза Данила за регулисање односа с Портом 1856 године // Историјски записи. 1960. Књ. XVII. Св. 1. С. 54–56; *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении... С. 118–119; АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A2. 1856. Д. 714. Л. 10–11 об.

взамен декларативного признания сюзеренитета султана. При этом князь действовал в интересах укрепления своей власти, так как получал бы право неограниченно распоряжаться земельными владениями, войсками и финансами страны. Естественно, что Турция не могла принять эти условия, поскольку такой статус Черногории не оставлял в руках султана фактически никаких рычагов власти, не давал ему контроля над страной, а расширение территории Черногории приводило к распространению такого же положения и на новые земли.

Вместе с тем, даже если гипотетически предположить согласие Стамбула на проект Данилы, Черногория и ее князь вступали в слишком рискованную для себя политическую комбинацию. Номинальный сюзеренитет султана над Черногорией, широкоовещательно признаваемый перед всеми европейскими державами, мог превратиться и во вполне реальный. Черногория в течение долгого времени упорно отстаивала и доказывала Европе свою независимость и вольно-невольно приучила европейские державы выделять ее среди других стран, чья вассальная зависимость от султана не вызывала каких-либо сомнений. Правительства и дипломатическое руководство Австрии, Англии, Франции знали реальное положение Черногории, но, заинтересованные в сохранении целостности Османской империи, не желая осложнять свои отношения с Турцией, не шли на признание независимости Черногории в любой форме, а наоборот, поддерживали претензии Порты на Черногорию. Отказываясь официально от суверенитета, Черногория лишалась своего главного козыря. Поле ее дипломатической игры, маневра, значительно сужались. При удобном случае, по тому или иному поводу Порта могла организовать крупномасштабные военные действия против Черногории, которые могли привести к полному покорению черногорцев. При этом у черногорцев и их правителя исчезал шанс даже жаловаться на турецкую агрессию, как это было, например, в черногорско-турецкую войну 1852–1853 гг.

Русское правительство ни в коей мере не желало выпускать Черногорию из сферы своего влияния, поскольку для России это означало потерю последней из тех баз, которые служили опорой царской политики на Балканах в течение первой половины XIX века. Весь 1856 г. в русско-черногорских отношениях прошел под знаком конфронтации. Однако благодаря настойчивым действиям русской дипломатии князь Данило отказался от идеи султанского сюзеренитета, и через два года Черногория вернулась к прежним отношениям с Россией.

Согласно решениям Парижского мира русское покровительство над Сербией было расширено и заменено коллективными гарантиями держав, подписавших договор: России, Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии, Сардинии и Османской империи.

Таким образом, по крайней мере с формальной точки зрения русское покровительство и тем самым русское влияние в Сербии бы-

ло значительно ограничено. Также большое значение для Сербии имело и разрешение свободного плавания по Дунаю для сербских кораблей.

Австрия и после окончания Крымской войны продолжила свои усилия по вытеснению русского влияния в Сербии и укреплению своих позиций в нем. Австрии удалось добиться в этом определенных успехов, князь Александр Карагеоргиевич в своей внешней политике стал ориентироваться прежде всего на Австрию. Такое положение сохранялось до свержения князя в 1858 г., его австрофильский курс явился одной из причин потери Александром Карагеоргиевичем престола.

Лишь двадцать лет спустя, в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг., многовековая героическая борьба черногорского народа за свободу и независимость, потребовавшая больших усилий и жертв, завершилась победой — провозглашением независимости Сербии и Черногории.

Греция под англо-французской оккупацией

Все русско-турецкие войны XVIII-XIX вв. неизменно вызывали у греков большие надежды. Но надежды эти всегда имели конкретный характер, зависели от идейных стремлений каждого поколения, стоявших перед страной политических задач. В середине XIX в. Греция была единственным независимым христианским государством на Балканах и Ближнем Востоке. В то же время миллионы православных жителей Балкан, в том числе греков, по-прежнему томились под игом султана. Эта политическая реальность питала мессианские настроения у правящих кругов Греции, нашедшие отражение в *мегали идея*. Считалось, что новое обострение Восточного вопроса открывает благоприятные возможности для возрождения с помощью России вокруг Греции и под ее эгидой большой христианской империи на развалинах османского государства. Эти надежды подогревались благодаря тому, что Николай I стремился придать религиозную оболочку своему конфликту с западными державами и Портой. Их разделяли видные представители греческой культуры, военные руководители, влиятельные лица зарубежных греческих общин.

Настроения в Греции вызывали беспокойство правительств западных держав, и они пытались повлиять на греческое общественное мнение. С этой целью во Франции и Англии были опубликованы сборники, содержавшие документы о политике России в Восточном вопросе — тенденциозно интерпретируемые или прямо фальсифицированные. Агенты западных держав в своей пропаганде в Греции использовали жупел «русской» и «славянской угрозы». При этом давалось понять, что западные державы не будут противиться и осуществлению *мегали идея*, если греки примкнут к их лагерю. Этим заверениям в стране не верили.

Греки с восторгом читали многочисленные статьи в своих газетах о том, что именно от России Греции следует ожидать помощи в осуществлении ее заветных чаяний. В одной из таких статей, опубликованной 18 (30) июля 1853 г. в газете «Эон» («Век»), известный греческий поэт П. Суцос писал: «Могучий и большекрылый северный орел, спустившийся к нам — бескрылым птенцам — сверху: Николай, пове-

литель государства, равного семи Европам, взял под свое покровительство Дакию и Молдавию с целью заставить англичан передать находящиеся под их покровительством Ионические острова будущему императору греческой нации». В Греции всюду говорили тогда о возрождении Византийской империи, и появились уже знамена с надписью «Византийское царство». Подобные же настроения ощущались и в греческих колониях России¹.

Все эти планы грандиозной политической перестройки на Балканах были явными великодержавными химерами. Но для широких масс греческого народа *мегали идея* означала продолжение начатой в 1821 г., но не завершенной борьбы за национальное освобождение. Новая русско-турецкая война, несомненно, открывала благоприятные возможности для освободительных выступлений угнетенного населения Европейской Турции. Греки радовались победам русских, как будто это были их собственные. Французский консул в Патрах писал своему посланнику в Афинах о впечатлении, произведенном в городе известием о Синопской битве: «Невозможно описать Вам тот восторг, с которым весть об одержанной русскими в Синопе морской победе была встречена всеми без исключения жителями этого города. Я несколько не преувеличу, сказав Вам, что радость, которую она здесь вызвала, граничила с экстазом»². Широкое распространение в этот период получили тайные этерии, непосредственно занимавшиеся подготовкой вооруженного восстания в греческих провинциях Османской империи. В записке К. В. Нессельроде от 10 (22) ноября 1853 г. о настроениях христиан Европейской Турции по этому поводу говорилось: «Тайные общества, местопребыванием которых являются Афины, в течение длительного времени работают по организации восстания в Фессалии и Эпире. Полученные нами недавно донесения говорят, что со времени нашего разрыва с Портой члены этих организацией удваивают усилия и активность, ради намеченной цели, которую они называют великой идеей»³. Англия и Франция, в свою очередь, прилагали большие усилия для того, чтобы нейтрализовать эту деятельность греческих этерий и удержать население Эпира и Фессалии от восстания. Их агенты, по словам российского поверенного в делах И. Э. Персияни, «объезжают христианские провинции для того, чтобы отвратить их население от какой-либо враждебной акции против Турции в случае, если начнется война, но до настоящего времени их

¹ Δοντά Δ. Η Ελλάδα και οι Δυνάμεις κατά τον Κριμαϊκόν πόλεμον. Θεσσαλονίκη, 1973. Σ. 27; Παπαδόπουλος Σ. Отношение греков к России в период Крымской войны (1853–1856 гг.). Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.). М., 1989. С. 91.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1853. Д. 1. Л. 494.

³ АВПРИ. Ф. СПб. Главный Архив. I–I. 1853. Д. 29. Л. 68.

усилия разбивались о твердую решимость этого населения восстановить свою независимость, как только к этому представится случай»⁴. В январе 1854 г., вскоре после того, как известие об уничтожении турецкого флота в Синопе достигло Греции, началось восстание в западных округах Эпира. В течение месяца восстание распространилось на весь Эпир, и под угрозой оказалась Янина. В феврале огонь повстанческой борьбы вспыхнул в Фессалии и вскоре охватил и некоторые районы отдаленной от границ греческого королевства Македонии. Одним из очагов борьбы здесь стала гора Олимп. В этом мифологическом убежище древнегреческих богов появился отряд повстанцев численностью до 1500 человек.

Известие о восстаниях в османских провинциях привело в движение всю Грецию. Повсеместно производился сбор средств в пользу повстанцев, формировались отряды добровольцев. Среди тысяч добровольцев было много студентов, оставлявших учебные аудитории, чтобы принять участие в справедливой борьбе. Во главе некоторых отрядов встали депутаты парламента. Многие офицеры греческой армии, в первую очередь участники национально-освободительной революции 1821–1829 гг., подавали в отставку и отправлялись на поля сражений. Командование повстанцами в Эпире и Фессалии взяли на себя греческие генералы К. Дзавеллас, Т. Гривас и Х. Хадзипетру.

Правительство А. Криезиса и королевский двор не скрывали своих симпатий к национальному движению и тайно поддерживали повстанцев Эпира и Фессалии. Воспитанный в духе воинствующего католицизма, экзальтированный по натуре король Оттон мечтал о лаврах крестоносцев, видел себя в роли «паладина христианства на Востоке». Когда российские полки двинулись к Дунаю, и огонь восстания охватил Эпир и Фессалию, греческий король решил, что пришел его «звездный час». Мессианские настроения своего супруга вполне разделяла и королева Амалия⁵.

Реакция западных союзников на развернувшееся в Греции национальное движение, Наполеон III направил личное послание Оттону, требуя от него воздерживаться от каких-либо враждебных действий против Турции. Однако адресат, искренне убежденный в своем мессианском предназначении, в соответствующем духе отвечал французскому императору: «Я убежден, что как единственному христианскому королю на Востоке мне принадлежит миссия возвысить голос ради святого дела креста. Господь велик, и Он не покинет дело креста»⁶.

В последующие месяцы дипломатическое и военное давление на Грецию нарастало. 7 (19) марта 1854 г. турецкий посланник в Афинах

⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1853. Д. 1. Л. 405.

⁵ АВПРИ. Ф. СПб. Главный Архив. I-1. 1853. Д. 29. Л. 68; Ф. Канцелярия. 1854. Д. 5. Л. 72.

⁶ *Driault E., Lhéritier M. Histoire de la Grèce de 1821 à nos jours. P., 1925. Т. 2. P. 391–392.*

Нешет-бей предъявил греческому правительству ультиматум с требованием отзыва в течение десяти дней всех офицеров, сражавшихся в рядах повстанцев в Эпире и Фессалии, запрещения вооруженным отрядам переходить с греческой территории границу, официального осуждения повстанческих движений в пограничных с Грецией турецких провинциях, принятия мер против органов печати, возбуждающих общественное мнение против Порты. Ультиматум, поддержанный посланниками Англии и Франции, Грецией был отвергнут. Греко-турецкие отношения были разорваны. Части греческой армии начали выдвигаться к границе. Командование войсками, сосредоточенными у границы, намеревался принять на себя Оттон.

На первом этапе Восточного кризиса 1853–1856 гг. Греция фактически выступала как союзник России. Хотя эти отношения никак не были оформлены в договорном плане, политические контакты между обеими сторонами происходили. Они давали почву для надежд и спекуляций в Греции о том, что Россия готова содействовать ее территориальному расширению за счет Османской империи⁷.

В действительности же царское правительство в начале Восточного кризиса никак не поощряло национальные стремления Греции. Со стороны Петербурга не было какого-либо поощрения греческого правительства к военному выступлению против Порты и, соответственно, обещаний территориального вознаграждения. В этом плане позиции России существенно не изменилась и после начала русско-турецкой войны. Так, главнокомандующий Дунайской армией М. Д. Горчаков считал «преждевременным» предложение посетивших его в декабре 1853 г. представителей греческих освободительных обществ организовать восстание в соседних с Грецией провинциях Османской империи. Совет в том же духе был передан королю⁸. В конце 1853 г. позиция самодержавия несколько изменилась. В Петербурге начали обсуждать возможности использование греко-турецкого конфликта и освободительных движений греческого населения Европейской Турции в собственных политических целях. Обсуждение это происходило непросто, так как поддержка каких-либо освободительных выступлений противоречила бы основам внешней политики самодержавия. В завязавшейся по этому поводу дискуссии К. В. Нессельроде проявил себя «большим роялистом, чем сам король». В ответ на высказанное Николаем I намерение установить контакты с представителями населения Европейской Турции для совместных военных действий он высказал мнение, что побуждать христианские народы Турции к восстанию противоречило бы

⁷ См.: Международные отношения на Балканах 1830–1856. М., 1980. С. 287–288.

⁸ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908–1913. Приложения. Т. 2. Ч. 1. С. 632; Международные отношения. Т. 2. С. 288–289.

консервативным принципам внешней политики России⁹. Однако вступление Англии и Франции в войну против России и в целом крайне неблагоприятно сложившаяся для нее международная обстановка заставили царское правительство пересмотреть свое отношение к восстанию греческих провинций Европейской Турции.

В специальном циркуляре, направленном 2 (14) марта 1854 г. по этому поводу Нессельроде российским миссиям за рубежом, говорилось: «Если бы восстание, на которое нам указывают, получило бы при том более широкое распространение, если бы оно стало войной длительной и не на жизнь, а на смерть, подобно войне греков в 1821 г., никакая христианская держава, как мы считаем, не могла бы, не имея это на своей совести, содействовать возвращению этого населения под османское иго». Позиция Петербурга по вопросу будущей судьбы Эпира и других восставших греческих областей создавала почву для военно-политического соглашения между Россией и Грецией. Николай собирался направить к Оттону своего флигель-адъютанта подполковника Исакова для заключения такого соглашения¹⁰. Но в результате англо-французской интервенции в Греции оно сделалось невозможным.

Оттон возлагал большие надежды на боевые операции русской армии на Балканах, начавшиеся после форсирования в марте 1854 г. Дуная. Определенные предпосылки для этого существовали, так как Порта еще в июне 1853 г. вывела из эпиро-фессалийского региона свои регулярные части, переброшенные к Дунаю, и в зоне восстания оставались лишь иррегулярные албанские отряды. Однако сложившаяся не только для Греции, но и для России неблагоприятная расстановка сил на международной арене перечеркнула эти расчеты. В середине июня 1854 г. русское командование сняло осаду Силистрии и отвело свои войска за Дунай. Затем угрожающая позиция Австрии заставила русскую армию очистить и Дунайские княжества. Таким образом, балканский фронт России в этой войне перестал существовать, а именно этот фронт был всегда главной опорой освободительных выступлений балканских народов.

Еще до того, как русские арьергарды переправились обратно через Дунай, Англия и Франция энергично вмешались в ход военных действий в пользу своего теперь уже официального союзника — Турции. Их военные корабли начали препятствовать доставке с моря греческим повстанцам подкреплений, оружия и боеприпасов. Помощь западных союзников позволила туркам активизировать операции против повстанцев. Этой цели послужило и возвращение в восставшие провинции регулярных войск. В донесении от 7 (19) мая 1854 г. И. Э. Пер-

⁹ Зайончковский А. М. Восточная война... С. 289–290.

¹⁰ Там же. Приложения. Т. 2. Ч. 1. С. 642.

сияни сообщал: «Численность турецких войск увеличивается постоянно и достигла 20 тыс. человек. Они хорошо дисциплинированы и находятся под командованием иностранных офицеров. Кроме того, у них имеется достаточно оружия и военного снаряжения. У христиан же всего не хватает, особенно после того, как 8 тыс. ружей, предназначенных для них, были захвачены британским правительством, и англо-французские крейсера мешают сообщению между Грецией и соседними провинциями»¹¹. Правительства двух держав-покровительниц обсуждали и способы усмирения «подопечной» Греции, главной опоры сражавшихся в Эпире, Фессалии и Македонии повстанцев. Рассматривались планы морской блокады ее побережья, военной оккупации Пирея или Киклад, посылки англо-французских войск в Эпир и Фессалию. Наконец, остановились на «пирейском варианте», согласие на который дала и Австрия.

Появлению солдат Англии и Франции в Пирее предшествовала интенсивная дипломатическая подготовка в Афинах. Посланники этих держав, Уайз и Руан, 29 апреля (11 мая) 1854 г. предъявили греческому правительству новый ультиматум. Они требовали публично и официально осудить «преступные действия» греческих офицеров, которые, оставив свою службу, помогли восстаниям в греческих провинциях Османской империи. Следовало обязать их в течение короткого времени вернуться на греческую территорию, под угрозой наказания в случае неповиновения. Посланники потребовали дать ответ на их требования в течение пяти дней. Поставленный в тяжелое положение этим ультиматумом, Отгон искал поддержки у представителей германских государств в Афинах. Те советовали королю достичь согласия с англо-французами. Если бы это не удалось, то прусское правительство готово было помочь королевской чете выехать из Греции. Получив столь «утешительные» заверения и зная уже о приближении французского десанта к берегам Греции, Отгон предпочел подчиниться и сохранить таким образом свой трон. Но в западных столицах не собирались давать задний ход уже запущенному механизму оккупации Греции.

12 (24) мая 1854 г. к Пирею подошла французская эскадра. На следующий день рано утром на берег высадились дивизия генерала Форе численностью около 3 тыс. человек, взявшая под свой контроль этот важнейший порт Греции. Через некоторое время англичане высадили в Пирее свой 47 пехотный полк. 14 (26) мая произошла официальная церемония, оформившая капитуляцию Отгона. В тронном зале своего дворца король, в полной парадной форме, в присутствии посланников Англии и Франции и, можно сказать, под их диктовку зачитал следующее заявление: «Обещаю соблюдать строгий и надежный нейтра-

¹¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1854. Д. 5. Л. 369.

литет по отношению к Турции, с каковой целью я изберу в качестве министров лиц, подходящих для того, чтобы помочь мне в осуществлении моих обещаний».

В ответном слове Уайз объявил, что они немедленно известят свои правительства об этой декларации короля. Он выразил надежду, что отныне посланники смогут посылать своим дворам только самую положительную информацию о положении в Греции. Британский посланник добавил, что он надеется, что Оттон окажет всяческое содействие новым советникам, которых ему «угодно будет призвать». Выслушав это наставление, король молча удалился. Со своей стороны посланники обеих держав-покровительниц постарались «освободить» греческого короля от бремени подбора своих новых министров и предварительно представили Оттону список будущих членов правительства¹².

Новый кабинет, который возглавил глава «английской партии» А. Маврокордатос, прозванный народом «министерством оккупации», объявил о роспуске добровольческих подразделений и прекращении необъявленной войны против Турции. Всем греческим военным была обещана амнистия, если в течение месяца они вернутся на прежнее место службы.

В Фессалию это распоряжение правительства пришло вскоре после того, как командовавший повстанцами генерал Х. Хадзипетру одержал победу над 4-тысячным турецким корпусом при Калабаке. Победа эта вдохновила генерала на продолжение его операций в Фессалии. Но прибывшие в ставку Хадзипетру английский и французский дипломаты убедили его принять амнистию и прекратить борьбу. Расформированы были очаги повстанцев и в Эпире, и в Македонии, и восстание во всех этих провинциях Европейской Турции прекратилось¹³.

Правительство А. Маврокордатоса восстановило дипломатические отношения с Турцией и 27 мая (8 июня) 1855 г. подписало с ней договор о торговле и судоходстве. Постепенно зона англо-французской оккупации расширилась и распространилась на значительную часть Афин. Оккупационные войска строили дороги, осуществляли мелиоративные и иные общественно полезные работы. Но попытки англо-французов таким способом снискать симпатии греческого народа и отвлечь его от России оказались тщетными. Греки с восхищением следили за обороной Севастополя и желали победы русскому оружию. Известно, что на бастионах крепости плечом к плечу с русскими солдатами и моряками сражался и батальон греческих добровольцев. В Афинах газета «Эон», орган «русской партии», почти ежедневно публиковала статьи своего издателя, известного историка И. Филимона,

¹² Δοντά Δ. Η Ελλάδα... Σ. 132–137; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1854. Д. 5. Л. 391–398.

¹³ Δοντά Δ. Η Ελλάδα... Σ. 138.

где говорилось о мужестве русских воинов и потерях, которые несли союзники. Другие газеты, которые ранее поддерживали «английскую» и «французскую» «партии», теперь клеймили их вождей и сторонников, а также политику западных держав по отношению к Греции. Впервые за много лет греческая печать прекратила нападки на Оттона, а король снова стал популярен в греческом обществе.

Аресты, обыски и другие произвольные действия оккупантов по отношению к местному населению, их бесцеремонное вмешательство в дела внутреннего управления усиливали неприязнь к ним. Негодование народа выросло еще больше в результате появления в Афинах осенью 1854 г. эпидемии холеры, которую французские солдаты занесли из Варны. Эпидемия унесла около 3000 жизней — одну десятую тогдашнего населения греческой столицы¹⁴.

В октябре 1855 г. «министерство оккупации», не приобретшее какой-либо поддержки в стране и в связи с этим вызвавшее недовольство Парижа и Лондона, было вынуждено уйти в отставку. Но до конца самой оккупации было еще далеко. Новое правительство возглавил влиятельный политик с острова Идры Д. Вулгарис. Через несколько месяцев открылся мирный конгресс в Париже, и греческий министр иностранных дел А. Ризо-Рангавис поставил перед французским правительством вопрос об участии Греции в его работе с целью защиты прав православного населения Османской империи. Французский министр иностранных дел А. Валевский, ссылаясь на султанский Хатт-и хумайун от 18 февраля 1856 г., который на словах обеспечивал христианам Турции все мыслимые блага и свободы, в резкой форме отклонил просьбу Греции.

Впрочем, насущной задачей греческой внешней политики в тот момент было не столько оказание покровительства своим единоверцам в Османской империи, сколько избавление от своих западных «покровителей», прочно обосновавшихся на греческой территории и не спешивших ее покидать и после завершения Крымской войны. Россия, стремившаяся вытеснить западные державы с захваченных ими во время войны позиций на Балканах, поставила на Парижском конгрессе вопрос о выводе англо-французских войск из Греции. Однако представители союзников отказались обсуждать этот вопрос, утверждая, что в греческом королевстве происходят постоянные пограничные инциденты, «бушуют страсти» и в общем там еще не установился «нормальный порядок вещей»¹⁵.

После Парижского конгресса греческое правительство неоднократно предпринимало официальные демарши перед Лондоном и Парижем, добиваясь прекращения оккупации. Однако и Валевский, и

¹⁴ Παπαδόπουλος С. Указ. соч. С. 93.

¹⁵ Driault E., Lhéritier M. Histoire... Т. 2. Р. 441.

его британский коллега Д. Кларекндон отклонили демарши Греции, ставя при этом ей на вид ее «чрезмерные симпатии» к России и плохо скрытые «вожделения» в отношении соседних турецких провинций. От греческого правительства требовали, чтобы оно дало гарантии от любых планов территориального расширения своего государства.

Но англо-французский блок, в котором к тому же появились серьезные трещины, не мог игнорировать все более настойчивые требования России о прекращении оккупации Греции. В конце концов Англия и Франция были вынуждены согласиться на вывод своих войск из Греции, добившись в качестве своего рода компенсации учреждения международной финансовой комиссии для контроля над греческой экономикой и финансами. 16 (28) февраля 1857 г. последний иностранный солдат покинул Пирей.

В Восточном кризисе 1853–1856 гг. Греция впервые участвовала как независимое государство. Русско-турецкая война дала мощный толчок национально-освободительному движению населения греческих провинций Европейской Турции. Движение это получило поддержку правительства и народа независимой Греции. Однако прямая военная интервенция Англии и Франции против Греции и в конечном итоге поражение России в Крымской войне предопределили неудачу этой первой серьезной попытки воссоединения с Грецией греческих земель, оставшихся после революции 1821–1829 гг. под османским игом. Нерешенность национального вопроса, застой в экономике, сохранение существенных сторон абсолютизма при внешне конституционной оболочке режима Оттона создавали почву для грядущих политических потрясений в Греции.

Заключение

Эпоха Адрианопольского мира не завершилась естественным путем, война ее оборвала и создала новую политическую конфигурацию в регионе. Исчез такой основополагающий фактор, как российское покровительство христианским народам, ему на смену пришла коллективная гарантия держав. Но, при всей промежуточности рубежа 1856 года, итоги развития Балкан в первой половине XIX столетия впечатляют.

Произошло укрепление и расширение автономии Дунайских княжеств с опорой на Россию. В 1802 г. самодержавие добилось от Высокой Порты подтверждения и уточнения прав Молдавии и Валахии на самоуправление. В 1821 году Валахия стала ареной восстания Тудора Владимиреску, а княжества — лагерем, где собирал силы для разжигания революции в Греции князь Александр Ипсиланти. Все — и господари, и Ипсиланти, и Владимиреску, и повстанцы, и бояре питали надежду на то, что Россия, истощенная десятилетней борьбой с Наполеоном и явно не готовая к новым потрясениям, выступит на их стороне и развяжет войну с Турцией, поставив под угрозу с трудом достигнутый и еще хрупкий европейский мир. Александр I осудил оба выступления, и румынское, и греческое, и высокая Порта с ними расправилась. Но еще до этого печального конца между двумя вождями произошла ссора, показавшая наличие противоречий между освободительными движениями разных народов, и Владимиреску пал от рук этеристов.

Александрю пришлось убедиться, что поддержка принципа монархической солидарности на Балканах противоречит не только государственным интересам России, но и общественным настроениям в стране. Его стремление заручиться мандатом «Европы» на войну с Турцией не увенчалось успехом. Великобритания, Австрия, Франция придерживались доктрины статус-кво, сохранения в неизблемости владений и власти султана на Балканах. Высокая Порта попрахла чуть ли не все условия Бухарестского мира 1812 года. Попытки добиться мирным путем их претворения в жизнь (Аккерманская конвенция 1826 г.) провалились. Турция их отвергла, падишах Махмуд II решил на войну.

Русско-турецкое противоборство в 1828–1829 гг. проходило в тревожной и даже опасной для нашей страны международной обстанов-

ке. Искусными дипломатическими маневрами удалось предотвратить его перерастание в схватку с Англией, но и речи не могло быть о солидарности христианских монархов. Священный союз, как организационная структура, не выдержал испытания, его Веронский конгресс (1823 г.) оказался последним, окончательно оформился основополагающий принцип балканской политики России — ей не нужны территориальные завоевания, она не нуждается в захватах, а стремится к созданию в порубежье цепи христианский княжеств как залогом своей безопасности. Но в этих государственных образованиях следует обеспечить должный (т. е. высокий) уровень влияния самодержавия.

Вторая и наиболее значительная часть нашей книги озаглавлена «Эпоха Адрианопольского мира» — столь судьбоносными для балканских христиан стали итоги войны. Власть Высокой Порты был нанесен сокрушительный удар, она была вынуждена вступить на путь реформ, коими воспользовались подвластные народы. Расширение прав позволило им приступить к созидательной деятельности во всех областях — в государственном строительстве, экономическом развитии, культурном возрождении.

Турецкие крепости на земле Дунайских княжеств были срыты, их гарнизоны вместе «с чады и домочадцы» выселены за Дунай, туркам было вообще запрещено селиться в княжествах, их полная самостоятельность во внутренних делах подтверждена законом, султан обязывался дать согласие не только на проведение реформ, но и на их результат. Умелые действия администрации во главе с просвещенным вельможей П. Д. Киселевым способствовали преодолению тягот военного времени. Молдавия и Валахия обзавелись Органическими регламентами — конституционными актами европейского типа, предусматривавшими разделение властей, учреждение министерств, введение четкой административной и судебной системы. Начался стремительный экономический подъем и взрывной процесс в сфере культуры, касавшийся литературного языка, школьного образования, театральной жизни, литературы, науки. Увы, процесс затронул ничтожную часть общества, крестьянство и городские низы продолжали прозябать в неграмотности.

Киселев покинул княжества в 1834 г., провожаемый благословениями и изъявлениями признательности. До сих пор красивейшая улица Бухареста носит его имя. Но прошло всего 10 лет, и восторги по адресу Органических регламентов сменились проклятиями. Власть в соответствии с ними осталась в руках феодалов — крупных бояр, покровительствуемых царизмом. И общество познало многие прелести гнета и произвола — крестьяне — тяжелые повинности в пользу бояр и поборы в казну государства, разночинцы — политическое бесправие, свирепость цензуры, полицейские преследования. Недовольство правлением господарей и властью крупных бояр распространилось на

их покровителя — самодержавие. От ориентации на Россию княжества перешли к ориентации на Запад. Скоротечная валашская революция 1848 г. своим острием была направлена против российского протектората.

Греческая революция, казалось, дышала на ладан, когда соединенный флот трех держав, России, Великобритании и Франции, разгромил турецко-египетскую эскадру в морской битве у Наварина (1827 г.). Султана Махмуда фиаско не образумило, а Россию покинули союзники, и ей пришлось в одиночку решать на поле боя не только весь комплекс своих разногласий с Турцией, но и отстаивать и укреплять права ее христианских обитателей. Адрианопольский мирный договор открыл дорогу к образованию первого независимого государства на полуострове, Греческого королевства. На первых порах оно столкнулось с неимоверными трудностями. Предстояло создать единую нацию из разноликого этноса — феодально зависимых крестьян, помещиков-кодзашей, обитавшей в горах вольницы, богатой, образованной и обладавшей большими зарубежными связями торговой и судовладельческой буржуазии. В довершение всего державы-покровители (Великобритания, Россия и Франция) сосватали эллинам короля Оттона из баварской династии Виттельсбахов, который, вступив в пору зрелости, стал проявлять склонность к абсолютизму, коему общество сплоченно сопротивлялось. Плюс к этому долговая яма, в которой молодое государство очутилась, и постоянные поиски путей, как из нее выбраться.

О. Бисмарку принадлежит крылатая фраза: «Освобождаемые народы не благодарны, а требовательны». Точнее, речь шла не о народах как таковых, а об их поднимавшихся элитах. Пока они нуждались в охраняющей и оберегающей длани самодержавия, они придерживались пророссийского курса, используя поддержку Петербурга для продвижения к самостоятельности, а по мере ее достижения нужда в протекции слабела, а то и исчезала. Начинала сказываться антипатия к крепостному строю и абсолютистским порядкам в России, все сильнее проявлялась тяга к Западу с его обширным рынком, набором нужных для поднимающихся стран промышленных товаров, кредитным потенциалом и конституционными соблазнами. Дунайские княжества и Греция явились пионерами, другие подзадержались по причине еще большой нужды в российской поддержке.

Черногория на протяжении первой половины XIX столетия традиционно и вполне успешно занималась отстаиванием своей фактической независимости в противоборстве с Высокой Портой. Вольнолюбивые юнаки, еще не изжившие обычая кровной мести, медленно и с трудом превращались в законопослушных граждан. Происходила выработка законов, касавшихся государственного строя, административной и судебной системы, правового положения жителей, превра-

жения племенных дружин в постоянную армию. Знаковым событием явился отказ от ставшей архаичной традиции совмещения в руках митрополита духовной и светской власти. В 1852 г. Черногория стала княжеством. Связи с Россией оставались теснейшими — и в отстаивании самостоятельности, и в выработке законодательства, и чисто материально, в финансировании вечно пустой черногорской казны.

Сербии для восстановления своей утраченной в средние века государственности понадобилось напряжение всех народных сил: два восстания, 15 лет дипломатических усилий с опорой на Россию; но лишь русско-турецкая война 1828–1829 г. окончательно решила вопрос в пользу сербов. Следующие четверть века прошли в противоборстве княжеской власти со сторонниками конституционных порядков, уставобранителями. Об ожесточенности этой борьбы свидетельствует отречение Милоша Обреновича и бегство из страны его сына и наследника Михаила, и смена династии, обернувшаяся неудачей, ибо Александр Карагеоргиевич был низложен с престола (за хронологическими рамками нашего повествования).

Совсем иная конфигурация сил наблюдалась в болгарских землях. Они переживали своего рода подготовительный период перед открытой схваткой с султанской властью. Реформы Танзимата способствовали экономическому развитию края, соседство со Стамбулом и другими центрами империи создавало благоприятные условия для сбыта сельскохозяйственной продукции и роста товарного производства. Многие влиятельные и богатые торговцы, представители верхушки ремесленников являлись сторонниками мирного сосуществования с Высокой Портой на расширенной правовой основе. Национальное движение приняло своеобразную форму борьбы за самостоятельную (автокефальную) болгарскую церковь. Принадлежность к Константинопольской патриархии, служба в церквях на греческом языке воспринимались как духовный гнет, мешавший развитию национальной жизни и болгарской культуры. Широкое распространение получили школы с преподаванием на родном языке.

Совершенно особое место в Румелии занимали земли, населенные албанцами. Расправа с Али-пашой Тепелена и Мустафой Бушати стерла с карты империи полунезависимые греко-албанские пашалыки, но не привела к установлению в крае полновластия султана. Представители знатных албанских феодальных родов занимали видное место в правящей элите империи, но они же являлись противниками реформ Танзимата, сопротивлялись их претворению в жизнь и на практике осуществляли власть в Албании. Неравноправия по религиозному признаку здесь не существовало. Хотя албанцы и принадлежали к трем конфессиям — исламу, православию и католицизму, их объединяло сознание этнической общности. Первые шаги по созданию собственного алфавита и выработке литературного языка способ-

ствовали утверждению этого сознания. А духовная и культурная эмансипация рождала мысли о самостоятельности политической и государственной.

Такова, вкратце, сложная мозаика общественной, политической, духовной и культурной жизни балканских народов в многоэтнической Османской империи первой половины XIX столетия. На фоне общего кризиса державы шел процесс национального возрождения христианских народов. И, что показательно, едва встав на ноги, новые государственные образования, Греческое королевство и Сербское княжество, начинают думать об объединении вокруг себя соплеменников. Появляется «Начертание» М. Гарашанине и *мегали идея* (Великая идея). В Молдавии и Валахии зарождается и крепнет движение за их объединение. И после Крымской войны под непосредственным турецким господством, а часто и управлением, остаются обширные болгарские, македонские, боснийские, герцеговинские земли с ворохом еще не решенных задач по их освобождению и государственному обустройству. Великобритания и Австрия — на страже власти османов в регионе. Реформы допускаются ими лишь с согласия Высокой Порты, т. е. — «медленным шагом, робким зигзагом», поскольку они касаются христиан. Лишь Россия старается осуществить максимум возможного, допустимого обстоятельствами, без риска погружения в европейскую войну. Почва для ее влияния видоизменяется, но сохраняется — без силовых приемов, без прибегания к «последнему слову королей». И отечественная дипломатия под умелым руководством князя А. М. Горчакова добивается многого. Но об этом — в следующей книге нашего издания «Истории Балкан», носящей подзаголовок «Судьбоносное двадцатилетие. 1856–1878».

Другие книги нашего издательства:

URSS

История России и СССР

- Пушкин А. С. История Пугачева: Замечания о бунте.
 Даль В. И. (Казак Луганский). Об Уральском казачьем войске.
 Даркевич В. П. Путешествие в древнюю Рязань.
 Ильичев А. Т. Справочник по русской истории. Киевская Русь.
 Ильичев А. Т., Ляшенко А. Г. Справочник по русской истории: Южнорусские княжества; Владимирская Русь.
 Ельянов Е. М. Иван Грозный — созидатель или разрушитель?
 Илюстров И. И. Юридические пословицы и поговорки русского народа.
 Есаков В. А. Очерки истории географии в России как науки. XVIII — начало XX века.
 Тимошина Л. А. (ред.) Архив гостей Панкратевых XVII — начала XVIII в.
 Гришин И. В., Клешинов В. Н. КATALOGИ русских средневековых монет.
 Амосов А. А. Липцевой летописный свод Ивана Грозного.
 Данилевский И. Н. Смысловые уровни повести временных лет.
 Сенчакова Л. Т. (ред.) Приговоры и указы крестьян Центральной России. 1905—1907.
 Кульпин Э. С. Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России.
 Кульпин Э. С. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства.
 Кульпин Э. С. Золотая Орда: Судьбы поколений.
 Георев В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.
 Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию.
 Цимбаева Е. Н. Русский католицизм. Идея всеевропейского единства в России XIX в.
 Жизнь в свете, дома и при дворе. Правила этикета для России конца XIX века.
 Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими.
 Никаноров Г. Л. Надрыз: Правда и ложь отечественной истории XX века.
 Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю.
 Джохадзе Д. В., Косолапов Р. И. (ред.) Сталин и современность.
 Бузалин А. В., Колганов А. И. Сталин и распад СССР.
 Миронов А. Е. Столкновение: Путь в бездну.
 Миронов А. Е. 1941-й: Последний шанс (Германия—СССР).
 Сенин А. С. Московский железнодорожный узел. 1917—1922 гг.
 Сенин А. С. Министерство путей сообщения в 1917 году.
 Кирьянов Ю. И. и др. (ред.) Трудовые конфликты в Советской России 1918—1929 гг.
 Плотников А. Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII — первой половине XX в.
 Плотников А. Ю. Прибалтийский рубеж: К десятилетию заключения российско-литовского договора о границе.
 Вирхилио де лос Льянос Мас. Ты помнишь, tovarisch...?: Из архива одного из детей, вывезенных в СССР во время гражданской войны в Испании. Пер. с исп.
 Труш М. И. От политики революционной борьбы к победам на дипломатическом фронте: Жизненный путь Александры Коллонтай.

Тел./факс:

+7 (499) 724-25-45
(многоканальный)

E-mail:

URSS@URSS.ru

http://URSS.ru

Наши книги можно приобрести в магазинах:

- «НАУКУ — ВСЕМ!» (м. Профсоюзная, Нахимовский пр-т, 56. Тел. (499) 724-2545)
 «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2437)
 «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
 «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)
 «Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
 «Дом книги на Ладомской» (м. Бауманская, ул. Ладомская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)
 «Сло. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)
 «100 000 книг» (г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13. Тел. (343) 22-12-879)
 Сеть магазинов «Дом книги» (г. Екатеринбург, ул. Антона Валена, 12. Тел. (343) 253-50-10)

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

- Макарова И. Ф. Болгарский народ в XV–XVIII вв. (этнокультурное исследование).
 Макарова И. Ф. Болгары и Танзимат.
 Чуркина И. В. (ред.) Роль религии в формировании южнославянских наций.
 Кулаковский П. А. Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе.
 Гришина Р. П. (ред.) Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – сер. 1920-х гг.).
 Шахин Ю. В. Югославия на пути модернизации: 1947–1961 гг.
 Кузнецов Д. В. Югославский кризис: Взгляд сквозь призму общественного мнения.
 Иванова Ю. В. (сост.) Памятники обычного права албанцев османского времени.
 Ужахов З. С. Альпийский лабиринт древних языков Европы: От Албании до Альбиона.
 Бароха Х. Каро. Баски. Пер. с исп.
 Шубин А. В. Великая испанская революция.
 Мусатов В. Л. Россия и Восточная Европа: связь времен.
 Хорошева А. О. (ред.) Малые страны Европы в XX веке.
 Красняк О. А. Всемирная история.
 Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней.
 Хвостов В. М. Теория исторического процесса.
 Оруджев З. М. Природа человека и смысл истории.
 Оруджев З. М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого.
 Турчин П. В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории.
 Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история.
 Репина Л. П. (ред.) Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы.
 Репина Л. П. (ред.) Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 1–36.
 Преображенский П. Ф. Курс этнологии.
 Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса.
 Фрумкин К. Г. Пассионарность: Приключения одной идеи.
 Пелипенко А. А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории.
 Семенов Ю. И. Политарный («азнатский») способ производства.
 Васильев Ю. А. Теория и методы в русской исторической школе.
 Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути.
 Кузьмина Е. Е. Искусство и мифы бактрийцев и скифов: В стране Кавата и Афраснаба.
 Прусаков Д. Б. Древний Египет: почва цивилизации.
 Малков С. Ю. Социальная самоорганизация и исторический процесс.
 Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Кн. 1–3.
 Гринин Л. Е. От Конфуция до Конта: Становление теории, методологии и философии истории.
 Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс.
 Гринин Л. Е. Философия, социология и теория истории.
 Гринин Л. Е., Кортаев А. В., Малков С. Ю. (ред.) История и Математика. Вып. 1–7.
 Гринин Л. Е., Кортаев А. В., Малков С. Ю. (ред.) О причинах Русской революции.
 Кортаев А. В. и др. Законы истории. Кн. 1, 2.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел. +7 (499) 724–25–45 (многоканальный)
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
литература

A black and white photograph of a tall, curved apartment building in a city street. The building has many windows and balconies. A white arrow points to a specific window on the right side of the building. In the foreground, there are trees and a street sign.

НАШИ НОВЫЕ КООРДИНАТЫ

АКАДЕМИЧЕСКИЙ

ТЕЛЕФОН/ФАКС (многоканальный)
+7 (499) 724-25-45

Академическая

Общая схема

Университет

Ленинский пр-т

URSS

Ломоносовский пр-т

Останов
пушкино
рынок

ул. Вавилова

Ул. Кржижановского

Нахимовский пр-т

Профсоюзная

Профсоюзная

От м. Профсоюзная:

8 мин. пешком (до офиса)
или одна остановка
наземным транспортом:

- автобусы № 67, 67к, 130;
- троллейбус № 49

до остановки
«Ул. Ивана Бабушкина»

От м. Университет:

трамваи № 14, 39
до остановки
«Черемушкинский рынок»:

трамваи № 22, 26
до остановки
«Ул. Вавилова»:

автобусы № 67, 67г, 130;
троллейбус № 49
до остановки
«Ул. Ивана Бабюшкина».

Ул. Вавилова

ул. Кржижановского

URSS

56

Ул. Ивана Бабушкина

Нахимовский пр-т

Детальная схема

Детальная схема

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

URSS КНИЖНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ НАУКУ — ВСЕМ!

Москва,
Нахимовский
пр-т, 56

ТЕЛЕФОН/ФАКС

+7 (499) 724-25-45

(многоканальный)

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Приглашаем посетить наш выставочный зал,
где в полном объеме представлены
ВСЕ КНИГИ издательской группы URSS.

Также у нас Вы найдете превосходный подбор книг других
научных издательств по гуманитарным, естественным
и точным наукам по ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМ ЦЕНАМ.

Здесь в спокойной обстановке Вы сможете
ознакомиться с нашей продукцией и при желании
приобрести заинтересовавшие Вас издания.

ИСТОРИЯ БАЛКАН

Век десятилетия
(до Крымской войны)

Наше издательство предлагает следующие книги:

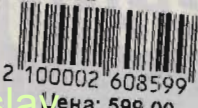

9557 ID 157130

9 785396 004184 >

URSS.ru

2 100002 608599
Цена: 599.00

Отзывы о настоящем издании,
а также обнаруженные опечатки присылайте
по адресу URSS@URSS.ru.
Ваши замечания и предложения будут учтены
и отражены на web-странице этой книги
в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

URSS

E-mail:
URSS@URSS.ru

Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

НАШИ НОВЫЕ
КОординАТЫ

ТЕЛЕФОН/ФАКС +7 (499) 724-25-45
(многоканальный)
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56

URSS

insla